От Второй мировой до «холодной войны» 1939—1953

ИОСИФ СТАЛИН

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Действительно ли Сталин во время Второй мировой войны успешно руководил страной?

Без усилий Сталина Советский Союз скорее всего проиграл бы войну?

Стремился ли Сталин к успеху антигитлеровской коалиции и ее сохранению после войны?

Начался ли процесс «десталинизации» уже при жизни Сталина?

Одна из целей этой книги – показать Сталина прежде всего как обычного человека. Это не просто назидательная история склонного к паранойе, мстительного и кровожадного диктатора, а история мощнейшего политического и идеологического режима, целью которого было одновременно утопическое и сильное тоталитарное государство.

Перевод: О. Семина

- Джеффри Робертс
  - От Второй мировой до «холодной войны»

Джеффри Робертс
Иосиф Сталин. От Второй мировой до «холодной войны», 1939–1953

От Второй мировой до «холодной войны»

Эта книга о Сталине как военачальнике и миротворце началась с исследования роли Советского Союза в антигитлеровской коалиции времен Второй мировой войны. Целью исследования было изучить то, как зародилась и развивалась антигитлеровская коалиция, как Сталин, Черчилль, Рузвельт и Трумэн вели дипломатическую и политическую борьбу и почему коалиция распалась после окончания Второй мировой войны. Эта цель является одной из основных и в этой книге. В то же время, в 2001–2002 гг. я проводил исследование Сталинградской битвы, и в связи с этим мне пришлось более подробно изучить военный аспект того, как Сталин руководил страной1. Кроме того, я заинтересовался внутренней политикой СССР и общественно-историческими аспектами сталинского режима в 1940-е гг. Результатом стала данная книга – подробное последовательное описание военно-политического руководства Сталина на заключительном и самом важном этапе его жизни и карьеры.

В общих чертах, из сделанного мной исследования можно сделать три вывода. Первый – это то, что Сталин во время войны руководил страной очень эффективно и успешно. Он сделал немало ошибок и проводил жесткую политику, которая привела к гибели миллионов людей, однако без его руководства война с гитлеровской Германией, вероятно, была бы проиграна. Черчилль, Гитлер, Муссолини, Рузвельт – всех их с легкостью можно было бы заменить, но только не Сталина. В ужасающих условиях войны на Восточном фронте руководство Сталина было необходимо для победы СССР над нацистской Германией. Во-вторых, Сталин сделал очень многое для успеха антигитлеровской коалиции и желал, чтобы она продолжила существование после войны. Хотя его политика и его действия, несомненно, сыграли существенную роль в начале «холодной войны», его намерения были совершенно иными, и в конце 1940–1950-х гг. он стремился к разрядке напряженности в отношениях с Западом. В-третьих, послевоенная внутренняя политика Сталина очень сильно отличалась от политики довоенных лет. Она стала в меньшей степени репрессивной, более патриотичной и гораздо менее зависимой в повседневных вопросах от воли и капризов Сталина. Это была система с наметившимся переходом к более мягкому общественно-политическому порядку

послесталинских времен. Процесс «десталинизации» начался уже при жизни Сталина, хотя культ его личности оставался главенствующим в Советском Союзе до самой его смерти.

Подобное изображение Сталина как величайшего из военных руководителей, как человека, предпочитавшего мир «холодной войне», и как политика, который был инициатором процесса послевоенных реформ внутри страны, понравится далеко не всем. Для некоторых единственный приемлемый образ Сталина – это образ злого тирана, который не принес миру ничего, кроме горя. Этот образ прямо противоположен культу личности Сталина – он изображает диктатора не как божество, а как злого демона, и дает ложные представления о способностях Сталина как политического лидера. Несомненно, Сталин был искусным политиком, хорошим идеологом и великолепным руководителем. Кроме того, он обладал внутренней харизмой, благодаря чему оказывал личное влияние на любого, кто вступал с ним в тесное общение. Но Сталин не был сверхчеловеком. Он заблуждался, ошибался и позволял себе действовать под влиянием собственных убеждений. Он не всегда ясно показывал, чего он хочет и как видит дальнейшее развитие событий. Он был одновременно расчетливым и капризным и зачастую принимал решения, противоречащие его собственным интересам. Так что еще одна цель этой книги – показать Сталина прежде всего как обычного человека. Я не пытаюсь отрицать, что он жил в смутные времена, или смягчить его вину за многие ужасные поступки, совершенные под влиянием ситуации. Что я пытаюсь доказать – так это то, что Сталин был в гораздо большей степени обычным человеком (а оттого еще более незаурядной была сыгранная им роль), чем представляют себе его сторонники или его обличители. Такая «нормализация» образа Сталина чревата тем, что многие его преступления могут показаться непримечательными. Мне бы этого не хотелось, поэтому я постарался предоставить по возможности подробные сведения о жестоких действиях Сталина и его правительства. Но эта книга не является и простым перечислением преступлений Сталина. Ее цель – попытаться лучше понять этого человека. По словам моего коллеги, Марка Харрисона, мы можем взяться за это дело, не опасаясь поступить недобросовестно, и с четким осознанием того, что при желании мы можем подвергнуть Сталина даже более строгому суду2. Для меня, однако, повествование о правлении Сталина – это не просто назидательная история склонного к паранойе, мстительного и кровожадного диктатора. Это история мощнейшего политического и идеологического режима, целью которого было одновременно утопическое и тоталитарное государство. Сталин

был идеалистом, готовым применять какую угодно силу для того, чтобы исполнить свою волю и достичь своих целей. Методы, которые он использовал в титанической борьбе с Гитлером, были зачастую слишком жестокими, но эффективными и, вероятно, необходимыми для достижения победы. С другой стороны, амбиции Сталина не были неумеренными; он был не только хорошим идеологом, но и реалистом и прагматиком, лидером, готовым подстраиваться и идти на компромисс – если только это не ставило под угрозу советский строй или его собственную власть.

Как пишет Роберт Мак-Нил, один из наиболее выдающихся биографов Сталина, нет смысла в том, чтобы «пытаться реабилитировать Сталина. Сложившееся мнение о том, что он убивал, мучил, лишал свободы и угнетал огромное количество людей, не является ошибочным. Вместе с тем нельзя понять этого чрезвычайно одаренного политика, приписывая ему все преступления и страдания эпохи, просто считая его чудовищем и психически ненормальным человеком»3. Цель этой книги – не реабилитировать Сталина, а переосмыслить его образ. На этих страницах вы встретите Сталина в разных ипостасях: деспота и дипломата, военного и государственного деятеля, рационального бюрократа и склонного к паранойе политика. Все вместе эти ипостаси образуют сложный и противоречивый образ весьма одаренного правителя, создавшего и державшего под контролем систему, достаточно сильную для того, что выдержать суровое испытание тотальной войной. То, что сталинский режим в конечном итоге потерпел крах, не должно затмевать всех его достоинств и тем более важнейшей роли, которую он сыграл в победе над Гитлером. Вместо того, чтобы восхвалять победу Запада в «холодной войне», нам следует помнить о том, какую роль сыграл Советский Союз в сохранении длительного послевоенного мира.

Эта книга не смогла бы состояться без колоссального увеличения объема информации, которое произошло в последние 15 лет, когда были рассекречены советские архивы – к некоторым документам был открыт доступ в архиве, тысячи других были опубликованы. Литтон Стрейчи сетовал на то, что «история Викторианской эпохи никогда не будет написана: мы слишком много о ней знаем»4. Столкнувшись с горой новых документов о Сталине и его эпохе, я понял, что он имел в виду. Стрейчи нашел такое решение этой дилеммы: он написал серию разоблачительных статей о выдающихся представителях Викторианской эпохи. Я перенял эту стратегию – за исключением того, что моей целью было не разоблачить Сталина, а развеять

связанные с ним мифы. Эта книга – не просто биографическое описание, хотя она и содержит достаточно подробное описание Сталина как политического деятеля. Я также постарался дать Сталину возможность говорить за себя – так, чтобы читатель мог сам получить объективное впечатление и принять решение. Но и учитывая все это, моя задача как исследователя была колоссальной. К счастью, мне на помощь приходили целые плеяды выдающихся ученых, которые до меня проводили исследования разных аспектов жизни Сталина и его эпохи. Среди них следует упомянуть таких людей, как Роберт Мак-Нил, который вел свою работу в то время, когда доступа к архивам еще не было, и в качестве материала использовал в основном такие открытые источники информации, как тексты речей Сталина, газетные статьи и просто воспоминания свидетелей. Моя работа с русскими архивами показала мне, как важно использовать открытые источники в сопоставлении с конфиденциальными советскими источниками информации. Большую часть информации о том, что Сталин делал и говорил, можно найти в советских газетах. Главная трудность для историков заключается в том, чтобы соотнести и совместить такие традиционные источники с новыми источниками из русских архивов. Это, помимо прочего, означает и необходимость привлекать обширный корпус исследовательских работ того периода, когда еще существовал Советский Союз и доступ к архивам был закрыт. Работы Мак-Нила, Исаака Дойчера, Джона Эриксона, Уильяма Мак-Кегга, Паоло Сприано, Александра Верта и других – бесценный источник информации, который просто непростительно оставлять в стороне. Старые исследования заслуживают почтения, но не забвения.

В моем собственном исследовании русских архивов я концентрировался на той сфере, в которой я специализируюсь – иностранной политике и международных отношениях. Во время работы в Москве мне оказывали поддержку сотрудники Института всеобщей истории Российской академии наук во главе с профессором Александром Чубарьяном, и в первую очередь – мои дорогие друзья из Центра истории войн и геополитики, возглавляемого профессором Олегом Ржешевским и доктором Михаилом Мягковым. Особую признательность я выражаю доктору Сергею Листикову, который за последние 10 лет помогал мне бессчетное количество раз.

В числе работающих в той же области друзей и коллег, с которыми я обменивался материалами и мнениями, – Лев Безыменский, Майкл Карли, Алексей Филитов, Мартин Фолли, Дэвид Гланц, Кэтлин Гарриман, Дэвид Холловей, Кэролайн

Кеннеди-Пайп, Йохен Лауфер, Мел Леффлер, Эдвард Марк, Эван Модсли, Владимир Невежин, Александр Орлов, Владимир Печатнов, Сильвио Понс, Александр Поздеев, Владимир Позняков, Роберт Сервис, Тедди Улдрикс, Джеффри Уорнер и покойный Дерек Уотсон. Всем им я бесконечно благодарен. Альберт Ресис прочитал почти всю мою рукопись, по возможности исправляя допущенные мной ошибки. Надеюсь, что я не испортил проделанную им потрясающую работу. Большой помощью для меня стали также замечания рецензентов из издательства Йельского университета. Большое спасибо моему другу и учителю, Светлане Фроловой, за проверку моей транслитерации и советы по переводу некоторых названий.

Из учреждений я в первую очередь хотел бы поблагодарить моих работодателей из Ирландского национального университета за то, что мне несколько раз предоставляли длительный творческий отпуск, чтобы я мог закончить исследование в Великобритании, США и России. Факультет искусств был все это время важнейшим источником финансирования для моих исследовательских поездок. Помимо прочего, в 2000 г. мне была присуждена престижная премия факультета за научные разработки. В сентябре 2001 г. я впервые посетил США благодаря гранту на краткосрочные исследования от Института перспективных российских исследований имени Кеннана. Мне была предоставлена возможность провести обширное исследование бесценных документов Гарримана, хранящихся в Библиотеке Конгресса в Вашингтоне. В 2004–2005 гг. я получил должность старшего научного сотрудника Ирландского исследовательского совета по гуманитарным и общественным наукам. Во время творческого отпуска я получил по программе Фулбрайта грант на проведение исследования в Гарвардском университете в течение трех месяцев. В Гарварде я общался с Марком Крамером, руководителем Программы по изучению «холодной войны» (Центр Дэвиса по российским и евразийским исследованиям). Впечатляющая исследовательская работа, проведенная Марком в русских архивах, стала для всех нас источником вдохновения; в рамках его программы было собрано несколько тысяч микрофильмов советских архивов, многие из которых я использовал в своей работе во время пребывания в Гарварде.

По результатам исследования мной был сделан ряд выступлений на конференциях и научных семинарах. Особо нужно отметить участие в ежегодных встречах Британской группы по исследованию всемирной истории, в ходе которых у меня появилась возможность поделиться своими соображениями с

коллегами. С циркуляром московской конференции меня впервые познакомил в 1995 г. профессор Габриэль Городецкий, и дальнейшее общение с ним принесло мне неоценимую пользу. Его книга о Сталине и о 22 июня 1941 г. – классическое исследование, которое во многом облегчило мою собственную работу5. В Москве я в основном работал в двух архивах – в архиве Министерства иностранных дел и в Российском государственном архиве социально-политической истории, где хранятся документы коммунистической партии сталинских времен. Кроме того, я провел много времени за чтением советских газет в московской Государственной общественной исторической библиотеке. Я бы хотел поблагодарить архивариусов и библиотекарей за терпение, которое они проявляли в общении со мной все эти годы. В Лондоне я главным образом работал с библиотеками Лондонской школы экономики и Школы славянских и восточно-европейских исследований.

Книга посвящается покойному Деннису Огдену. Деннис был одним из британских коммунистов, первым смирившихся с развенчанием культа личности Сталина Хрущевым в 1956 г. В это время он был в Москве – работал переводчиком и присутствовал на заседании ячейки партии в издательстве, на котором был зачитан секретный доклад Хрущева. Он неоднократно вспоминал страх, недоверие и потрясенное молчание, охватившее всех присутствующих. В 1970-е гг., когда я познакомился с ним, он являлся одним из ведущих критиков экспериментов со строительством социализма в СССР и был в числе тех, кто открыто выступал против советского авторитаризма и репрессий по отношению к диссидентам. Его свободомыслие и способность к критическому анализу с тех пор не переставали вдохновлять меня.

Это четвертая книга, над которой я работал совместно с моим издателем, Хитер Мак-Каллум. Я не устаю поражаться ее необыкновенному профессионализму и самоотверженности, с которой она стремится публиковать книги по истории, отличающиеся хорошим научным уровнем и при этом доступные для понимания.

Это восьмая книга, над которой я работал совместно с Селией Уэстон. Она помогала мне не только интеллектуально, но и эмоционально, а также в поиске материала и редакторской работе. Селия сделала более значимый вклад в создание книги, чем кто-либо другой. Просто не знаю, что бы я без нее делал.

Это историческое повествование. В книге рассказывается о том, как Сталин рассуждал, действовал и принимал решения в годы Второй мировой войны и «холодной войны» – в более или

менее строгом хронологическом порядке. Однако начинается книга с вступления, в котором дается общая оценка того, как Сталин проявлял себя в условиях войны.

...

Хронология основных событий

1939

23 августа Подписание советско-германского пакта о ненападении

1 сентября Вторжение Германии в Польшу

3 сентября Великобритания и Франция объявляют войну Германии

17 сентября Красная Армия входит на территорию Польши

28 сентября Договор о дружбе и границе между СССР и Германией

28 сентября Советско-эстонский пакт о взаимопомощи

5 октября Советско-латвийский пакт о взаимопомощи

10 октября Советско-литовский пакт о взаимопомощи

30 ноября Нападение СССР на Финляндию

1940

5 марта Политбюро принимает решение казнить 20 000 польских военнопленных

12 марта Подписание советско-финского мирного договора

9 апреля Германия вторгается в Данию и Норвегию

10 июня Италия вступает в войну в Европе

22 июня Франция сдается Германии

25 июня СССР предлагает соглашение о разделе сфер влияния на Балканах

28 июня Присоединение Бессарабии и Северной Буковины к

СССР

21 июля Страны Прибалтики соглашаются войти в состав СССР

27 сентября Германия, Италия и Япония подписывают тройственный пакт

12–14 ноября Переговоры Молотова с Гитлером и Риббентропом в Берлине

25 ноября СССР предлагает Германии, Италии и Японии подписать пакт четырех держав

18 декабря Директива Гитлера о подготовке к операции «Барбаросса»

1941

25 марта Советско-турецкий договор о нейтралитете

5 апреля Советско-югославское соглашение о дружбе и ненападении

6 апреля Вторжение Германии в Югославию и Грецию

13 апреля Советско-японский пакт о нейтралитете

4 мая Сталин назначает председателя Совета Народных Комиссаров

5 мая Речь Сталина перед выпускниками академий Красной Армии

13 июня Сообщение ТАСС о советско-германских отношениях

22 июня Операция «Барбаросса»

22 июня Радиообращение Молотова о нападении Германии на СССР

23 июня Учреждена Ставка

28 июня Взятие Минска

30 июня Учрежден ГКО (Государственный комитет обороны)

3 июля Радиообращение Сталина о нападении Германии на СССР

10 июля Сталин назначен Верховным главнокомандующим

12 июля Советско-британское

соглашение о совместных действиях против Германии

16 июля Взятие немцами Смоленска

19 июля Сталин назначает народного комиссара обороны

14 августа Атлантическая хартия

6 сентября Начало блокады Ленинграда

19 сентября Взятие немцами Киева

1 октября Англо-американо-советский договор о поставках по ленд-лизу

2 октября Немцы начинают операцию «Тайфун» по взятию Москвы

16 октября Взятие Одессы

6–7 ноября Выступления Сталина в Москве

5 декабря Контрнаступление Красной Армии под Москвой

7 декабря Нападение Японии на Перл-Харбор

11 декабря Гитлер объявляет войну США

15–22 декабря Визит Идена в Москву

1942

1 января Декларация ООН

5 апреля Директива Гитлера об операции «Блау»

19–28 мая Сражение за Харьков

22 мая – 11 июня Визиты Молотова в Лондон и Вашингтон

26 мая Англо-советский договор о союзе

11 июня Советско-американское соглашение о взаимопомощи

12 июня Коммюнике Англии и США об открытии второго фронта в 1942 г.

26 июня Василевский назначен главой Генштаба

28 июня Начало наступления немецких войск на юге

4 июля Севастополь взят немцами

12 июля Образование Сталинградского фронта

23 июля Ростов взят немцами

23 июля Гитлер отдает приказ о взятии Сталинграда и Баку

28 июля Приказ Сталина № 227 («Ни шагу назад!»)

12–15 августа Совещание Черчилля и Сталина в Москве

25 августа В Сталинграде объявлено осадное положение

26 августа Жуков назначен заместителем Верховного главнокомандующего

10 сентября Немцы подходят к Волге

8 ноября В Северной Африке начинается операция «Факел»

19 ноября Операция «Уран» (контрнаступление Красной Армии под Сталинградом)

23 ноября Немецкая 6-я армия взята в окружение в Сталинграде

1943

10 января В Сталинграде начата операция «Кольцо»

18 января Прорыв блокады Ленинграда

24 января На конференции в Касабланке оглашено требование о безоговорочной капитуляции

31 января Немецкая 6-я армия сдается Красной Армии

14 февраля Красная армия освобождает Ростов

6 марта Сталин назначен маршалом Советского Союза

13 апреля Немцы объявляют об обнаружении массовых захоронений под Катынью

26 апреля СССР разрывает дипломатические отношения с польским правительством в лондонской эмиграции

22 мая Подписана резолюция с предложением о роспуске Коминтерна

5–13 июля Курская битва

26 июля Муссолини свергнут

3 сентября Войска союзников вторгаются в Италию

25 сентября Красная Армия освобождает Смоленск

13 октября Италия объявляет войну Германии

19–30 октября Московская конференция министров иностранных дел

6 ноября Красная Армия освобождает Киев

28 ноября – 1 декабря Тегеранская конференция

12 декабря Советско-чехословацкий договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве

1944

27 января Снята блокада Ленинграда

10 апреля Красная Армия освобождает Одессу

10 мая Красная Армия освобождает Севастополь

6 июня Высадка союзнических войск в Нормандии

23 июня Начало операции «Багратион» по освобождению Белоруссии

3 июля Красная Армия освобождает Минск

20 июля Покушение на жизнь Гитлера

1 августа Начало варшавского восстания

21 августа – 28 сентября

Конференция в Думбартон-Оксе

5 сентября Советско-финский договор о перемирии

5 сентября СССР объявляет войну Болгарии

9 сентября Советско-болгарский договор о перемирии

12 сентября Капитуляция Румынии

19 сентября Капитуляция Финляндии

2 октября Конец варшавского восстания

9–18 октября Московское совещание Сталина и Черчилля

20 октября Красная Армия входит в Белград

28 октября Капитуляция Болгарии

2–10 декабря Визит де Голля в Москву

10 декабря Франко-советский договор о союзе

16–24 декабря Наступление немцев в Арденнах

1945

4 января СССР признает Польский комитет национального освобождения как временное правительство Польши

12 января Начало операции «Висла – Одер»

17 января Красная Армия занимает Варшаву

27 января Красная Армия занимает Освенцим

4–11 февраля Ялтинская конференция

13 февраля Красная Армия занимает Будапешт

5 апреля СССР отказывается от подписанного с Японией пакта о нейтралитете

11 апреля Советско-югославский

договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве

12 апреля Рузвельт умирает, президентом США становится Трумэн

13 апреля Красная Армия занимает Вену

16 апреля Красная Армия начинает операцию «Берлин»

25 апреля – 26 июня Учредительная конференция ООН в Сан-Франциско

30 апреля Гитлер совершает самоубийство

2 мая Красная Армия занимает Берлин

7–8 мая Германия объявляет о безоговорочной капитуляции

9 мая Красная Армия занимает Прагу

24 мая Сталин поднимает тост за русский народ

24 июня Парад Победы на Красной площади

28 июня Сталину присвоено звание генералиссимуса

17 июля – 2 августа Потсдамская конференция

17 июля США проводят испытание атомной бомбы

24 июля Трумэн сообщает Сталину об испытании атомной бомбы

6 августа США сбрасывают атомную бомбу на Хиросиму

8/9 августа СССР объявляет войну Японии

9 августа США сбрасывают атомную бомбу на Нагасаки

14 августа Япония соглашается подписать капитуляцию

14 августа Советско-китайский договор о дружбе и союзе

2 сентября Япония подписывает

акт о капитуляции

11 сентября – 2 октября Первая сессия Совета министров иностранных дел (СМИД) в Лондоне

16–26 декабря Московская сессия министров иностранных дел Америки, Великобритании и СССР

1946

10 января – 14 февраля Первая сессия Генеральной ассамблеи ООН

9 февраля Предвыборная речь Сталина

10 февраля Выборы в Верховный Совет

5 марта Речь Черчилля о «железном занавесе» в Фултоне (штат Миссури)

25 апреля – 16 мая Парижская сессия СМИД

15 июня – 12 июля Парижская сессия СМИД

29 июля – 15 октября Парижская мирная конференция

7 августа СССР требует раздела контроля над Черноморскими проливами с Турцией

16 августа Начало «ждановщины»

4 ноября – 12 декабря Нью-Йоркская сессия СМИД

1947

10 февраля Подписание мирных договоров с Болгарией, Финляндией, Венгрией, Италией и Румынией

10 марта – 24 апреля Московская сессия СМИД

12 марта Трумэн обращается с речью к Конгрессу США

5 июня Речь, посвященная Плану Маршалла

27 июня – 2 июля Парижское совещание по обсуждению Плана Маршалла

22–28 сентября Учредительная

конференция Коминформа
25 ноября – 15 декабря Лондонская сессия СМИД

1948

25 февраля Коммунистический переворот в Чехословакии

24 июня Начало блокады Берлина
28 июня Югославия исключена из Коминформа

1949

4 марта Вышинский назначен министром иностранных дел вместо Молотова

4 апреля Подписание договора о создании НАТО

8 мая Создание западногерманского государства

12 мая Снятие блокады Берлина

23 мая – 20 июня Парижская сессия СМИД

29 августа Советский Союз проводит испытания атомной бомбы

1 октября В Пекине провозглашена Китайская Народная Республика
7 октября Создание восточногерманского государства

1950

14 февраля Советско-китайский договор о дружбе, союзе и взаимопомощи

25 июня Северная Корея вторгается в Южную Корею

19 октября Китайская армия переходит через р. Ялуцзян
на территорию Северной Кореи

1951

5 марта – 21 июня Парижская сессия заместителей министров иностранных дел СССР, Франции, Великобритании и США
8 июля Начало мирных переговоров в Корее

1952

10 марта «Нота Сталина» по условиям мирного договора с Германией

9 апреля Вторая «нота Сталина» по германскому вопросу

5–14 октября XIX съезд КПСС

21 декабря Сталин в своем последнем выступлении одобряет идею переговоров с новым правительством Эйзенхауэра

***1953** 5 марта Смерть Сталина*

Введение

Сталин и война

В пантеоне диктаторов двадцатого века по жестокости и количеству совершенных злодеяний Иосиф Сталин уступает только Адольфу Гитлеру. Однако в марте 1953 г., когда Сталин скончался, его смерть оплакивали миллионы. Улицы Москвы были заполнены толпами плачущих людей; по всему Советскому Союзу можно было наблюдать массовые проявления скорби1. На гражданской панихиде по Сталину представители партийной верхушки по очереди произносили в честь своего покойного руководителя хвалебные речи в таком благоговейном тоне, что можно было подумать, что речь идет о смерти святого, а не убийцы миллионов. «Бессмертное имя Сталина будет всегда жить в наших сердцах, в сердцах советских людей и всего прогрессивного человечества», – говорил министр иностранных дел Советского Союза Вячеслав Молотов. «Слава о его великих делах на пользу и счастье нашего народа и трудящихся всего мира будет жить в веках!»2 Однако все это было не так уж удивительно. За последние 20 лет жизни Сталина культ его личности достиг в советской России наивысшей степени развития. Согласно мифологии культа, Сталин был не просто великим вождем советского государства, гением политики, под руководством которого страна достигла победы в войне, а в мирное время получила статус сверхдержавы, а еще и «отцом народов»3. Он был, как гласил один из слоганов, «сегодняшним Лениным», поэтому, как и следовало ожидать, тело Сталина было положено рядом с самим основателем Советского Союза, в мавзолее на Красной площади.

Однако репутация Сталина в Советском Союзе очень скоро начала подвергаться сокрушительной критике. Всего три года спустя, в феврале 1956 г., Никита Хрущев, новый лидер Советского Союза, выступил с разоблачением культа личности, назвав его извращением принципов коммунизма, и представил Сталина как тирана, который казнил собственных товарищей, безжалостно истреблял своих военачальников и во время Второй мировой войны вел страну к одной катастрофе за другой4.

Хрущев произнес эту речь на закрытом заседании XX съезда КПСС, однако уже через несколько месяцев, с принятием резолюции ЦК КПСС «По преодолению культа личности и его последствий», многие из ключевых моментов этой речи стали достоянием общественности5. На XXII съезде партии в 1961 г.

Хрущев вновь выступил с критикой Сталина, на этот раз открыто, и его поддержал целый ряд других ораторов. Съезд

проголосовал за то, чтобы убрать тело Сталина из мавзолея Ленина; при этом одна из делегатов заявила, что «советовалась с Ильичом, будто бы он передо мной как живой стоял и сказал: мне неприятно быть рядом со Сталиным, который столько бед принес партии»6. Тело Сталина убрали из мавзолея и похоронили в скромной могиле у кремлевской стены.

После отстранения Хрущева от власти в 1964 г. новое руководство Советского Союза сочло необходимым частично реабилитировать Сталина. Проблема хрущевской критики состояла в том, что она вызывала опасные вопросы по поводу того, почему партия не смогла контролировать диктатуру Сталина, и о причастности остальных членов советской военной и политической элиты к его преступлениям. В послехрущевскую эпоху Сталина продолжали подвергать критике, однако теперь негативные суждения уравновешивались положительной оценкой его достижений, в частности его роли в социалистической индустриализации СССР7.

В конце 1980-х гг. в Советском Союзе началась новая фаза осуждения и критики Сталина. Однако на этот раз критика в отношении Сталина была связана с более общим отторжением всей советской коммунистической системы. Изначально инициатором этой антисталинской кампании стал руководитель коммунистической партии и реформатор Михаил Горбачев, для которого критические дискуссии по поводу советского прошлого были оружием в борьбе с противниками политических перемен8. Горбачеву не удалось вдохнуть новую жизнь в советский коммунизм, зато его программа реформ позволила вывести политическую систему из равновесия, что в 1991 г. привело к ее окончательному краху. К концу этого года многонациональное советское государство распалось, Горбачев ушел в отставку с поста теперь уже несуществующего Союза Советских Социалистических Республик, а лидером постсоветской России стал Борис Ельцин. В ельцинскую эпоху дискуссии о роли Сталина приобрели особую активность; еще больше усугубило ситуацию обнародование партийных и государственных архивов, в результате чего впервые стали достоянием общественности подробности тех средств и механизмов, которые он использовал для поддержания своего диктаторского режима.

Можно было ожидать, что в 1990-е гг. репутация Сталина в России станет не намного лучше репутации Гитлера в Германии: ему будут по-прежнему поклоняться приверженцы неосталинизма, однако широкая общественность признает, что его влияние на судьбу России и мира в целом было в основном отрицательным. Тем не менее, этого не произошло. Для многих

россиян материальные трудности, которые повлек за собой форсированный переход от авторитарного коммунизма к стихийно формирующемуся капитализму, совершенный в годы ельцинского правления, сделали Сталина и его эпоху не менее, а даже более привлекательной9. Среди историков было предостаточно таких, которые осуждали и критиковали Сталина, однако у его режима были не только противники, но и защитники – особенно среди тех, кто утверждал, что Сталин сыграл крайне важную роль, не позволив нацистам установить свою расистскую империю на территории России и Европы.

В начале XXI в., когда у власти оказался бывший служащий КГБ Владимир Путин, Сталину в России уделялось больше внимания, чем когда бы то ни было со времени его смерти. В московских книжных магазинах появилось множество книг, посвященных его жизни и наследию. Лучше всего продавались посмертно опубликованные мемуары соратников Сталина и воспоминания их детей10. Российские телевизионные каналы показывали бесконечные документальные фильмы о Сталине и его окружении. В почтовых отделениях продавались открытки с классическими портретами времен культа личности Сталина, а в киосках и ларьках на Красной площади – футболки и другие сувениры с его изображением.

К 50-й годовщине смерти Сталина мнение российской общественности о нем уже было далеко не таким восторженным, как в эпоху культа, но в целом было довольно положительным. Опрос общественного мнения, проведенный в Российской Федерации в феврале-марте 2003 г. с участием 1600 человек, показал, что 53 % опрошенных в целом одобряют политику Сталина и только 33 % не одобряют. Из опрошенных 20 % заявили, что Сталин был мудрым руководителем, и такое же количество опрошенных согласились с утверждением, что только «сильный лидер» мог управлять страной в условиях того времени. Лишь 27 % опрошенных согласились с тем, что Сталин был «жестоким, бесчеловечным тираном, ответственным за гибель миллионов человек». Такое же количество респондентов заявило, что вся правда о Сталине нам пока не известна11.

На Западе отношение к Сталину как политической и исторической фигуре развивалось по тому же сценарию. В 1953 г., когда он умер, «холодная война» была в разгаре, однако в газетах о смерти Сталина писали с почтительной сдержанностью, некрологи были в основном достаточно объективными. В этот период Сталина считали довольно разумным диктатором и даже выдающимся государственным деятелем12, а в народном сознании все еще были живы теплые воспоминания о «дядюшке

Джо», великом военачальнике, который привел свой народ к победе над Гитлером и помог избавить Европу от варварства нацистов.

В то же время, ни для кого не было секретом, что Сталин был виновен в смерти миллионов жителей своей страны: крестьян, депортированных из своих деревень или заморенных голодом во время насильной коллективизации советского сельского хозяйства; партийных и государственных чиновников, попавших под чистки во время охоты на «врагов народа»; этнических меньшинств, осужденных в пособничестве нацистам в военное время; освобожденных советских военнопленных, обвиненных в трусости, предательстве и измене Родине. И все же в жизни и карьере Сталина усматривали немало достойного похвалы. Один из первых его серьезных биографов, Исаак Дойчер, утверждал, что Сталин использовал такие варварские методы для того, чтобы искоренить из России косность и варварство. «Суть исторических достижений Сталина, – писал Дойчер в 1953 г., сразу после смерти диктатора, – состоит в том, что он получил Россию, пашущую деревянными плугами, и оставляет ее оснащенной атомными реакторами»13. Следует отметить, что Дойчер прежде был сторонником главного противника Сталина, Троцкого (убитого в 1940 г. в Мексике агентом советской разведки), и вовсе не симпатизировал диктатору-коммунисту.

В Советском Союзе «закрытый доклад» Хрущева на XX съезде партии оставался неопубликованным вплоть до времен Горбачева, однако на Запад была вывезена его копия14, которая вскоре стала одним из ключевых текстов западной историографии сталинской эпохи. Впрочем, многие западные историки скептически относились к попыткам Хрущева переложить всю вину за былые преступления коммунистов на Сталина и культ его личности. Хрущев сам был одним из приближенных Сталина и принимал участие во многих событиях и решениях, которые теперь счел необходимым обличить. Кроме того, было очевидно, что произошла замена одних мифов другими и сформировался культ личности (хотя и менее масштабный) самого Хрущева15.

Хотя западные историки не соглашались с курсом на реабилитацию Сталина в 1960-е гг., восстановление равновесия в дискуссиях советских историков относительно его режима помогло выявить новые факты и открыть новые перспективы. Особую ценность имели мемуары советских военных16. В период после 1956 г. такие мемуары имели главной целью приукрасить и дополнить критику Хрущева в отношении действий Сталина в военное время. После отставки Хрущева в 1964 г. авторы мемуаров получили большую свободу действий и могли

представить роль Сталина в более благоприятном свете, исправив упрощения и зачастую совершенно невероятные утверждения, которые встречались в закрытом докладе – например, о том, что Сталин, планируя военные операции, использовал глобус17!

Как в России, так и на Западе центральное место в обсуждении жизни и наследия Сталина отводится его роли в годы Второй мировой войны. Биография Сталина включает в себя несколько очень разных периодов – это годы нелегальной политической деятельности в царской России, участие в захвате власти большевиками в 1917 г. и в последовавшей за ним гражданской войне, борьба за лидерство внутри партии в 1920-е гг., кампания по индустриализации и коллективизации в 1930-е гг. и «холодная война» с Западом в 1940–1950-е гг.

Однако центральным эпизодом его жизни стало то, что в Советском Союзе называли Великой Отечественной войной18. Война стала предельным испытанием как способностей Сталина к управлению страной, так и государственного строя, в создании и формировании которого он принимал такое большое участие. «Что касается нашей страны, то эта война была для нее самой жестокой и тяжелой из всех войн, когда-либо пережитых в истории нашей Родины… Война устроила нечто вроде экзамена нашему советскому строю, нашему государству, нашему правительству, нашей Коммунистической партии», – говорил Сталин в своей речи в феврале 1946 г.19.

То, что Красная Армия смогла оправиться от сокрушительного удара, нанесенного немецкими захватчиками в июне 1941 г., и к концу 1945 г. завершить войну победным маршем на Берлин, было величайшим ратным подвигом, который когда-либо видел мир. Победа советской армии в войне привела к распространению коммунизма в странах Восточной Европы и в других частях света и к укреплению доверия к коммунистическому строю и руководству Сталина. В течение следующих 40 лет советский строй рассматривался как приемлемая альтернатива западному либерально-демократическому капитализму, система государственного устройства, во время «холодной войны» составившая Западу сильную конкуренцию в экономическом, политическом и идеологическом отношении. В самом деле, в 1950–1960-е гг., когда страх перед советской угрозой достиг своего апогея, многим казалось, что мечта Сталина о торжестве коммунизма во всем мире все же станет реальностью20.

В то время как для коммунистического строя Вторая мировая война стала судьбоносной в плане политики, для советского народа она стала настоящей катастрофой. За время войны были

разорены 70 000 советских городов и деревень, уничтожены 6 млн домов, 98 000 сельских хозяйств, 32 000 заводов, 82 000 школ, 43 000 библиотек, 6000 больниц и тысячи километров автомобильных и железных дорог21. Что касается человеческих жертв, при жизни Сталина советские власти официально называли цифру 7 млн погибших. Позже цифра была увеличена до «более 20 млн». В постсоветские времена говорили и о том, что количество погибших в связи с военными действиями достигало 35 млн, однако наиболее широко распространенная версия – 25 млн, две трети из которых – мирные жители22.

В какой мере Сталин был ответственен за чудовищный урон, нанесенный войной Советскому Союзу? Критикуя действия Сталина во время войны, Хрущев особенно акцентировал внимание на том, что он был виновен в трагедии 22 июня 1941 г., когда немцам удалось так успешно осуществить внезапное нападение на Россию, что их войска продвинулись вплоть до Москвы и Ленинграда. Эта тема была подхвачена многими западными историками, которые расширили ее, подвергнув критике весьма неоднозначный пакт о ненападении, заключенный Россией и Германией в 1939–1941 гг.

Пакт о ненападении

Когда в 1939 г. Гитлер вторгся в Польшу, он был твердо уверен, что если на Западе ему и придется вести войну с Великобританией и Францией, то восточный его фланг будет в полной безопасности. Гарантией этого был пакт о ненападении, заключенный со Сталиным 23 августа 1939 г. Сталин подписал пакт в обмен на секретное соглашение, которое должно было обеспечить Советскому Союзу влияние в Восточной Европе. Решение заключить эту сделку с Гитлером непосредственно накануне новой войны в Европе Сталин принял совершенно неожиданно. Всего за несколько дней до этого радикального поворота в политике Советского Союза Сталин вел переговоры об образовании военного альянса с Великобританией и Францией. В то же время, он опасался, что Лондон и Париж вынашивают планы спровоцировать советско-германскую войну, чтобы спокойно стоять в стороне, пока нацисты и коммунисты будут выяснять отношения на восточном фронте. По замыслу Сталина, пакт с Гитлером должен был помочь ему поменяться ролями с западными державами и предоставить ему свободу действий в предстоящей войне23.

Когда началась война, Сталин разместил войска на территории Восточной Польши, которая, в соответствии с пактом, отходила к сфере влияния Советского Союза. Следующими в списке Сталина были страны Прибалтики – Эстония, Латвия и Литва, а также Финляндия. Страны Балтии согласились с требованиями Советского Союза разместить на их территории военные базы и подписали пакты о взаимопомощи с СССР. Финны это сделать отказались, и в конце ноября 1939 г.

Красная Армия вторглась в Финляндию. Вопреки надеждам Сталина на быструю и легкую победу, война с Финляндией затянулась и оказалась весьма невыгодной – как в дипломатическом, так и в военном плане. Но самая большая опасность ждала Сталина, когда Великобритания и Франция начали собирать экспедиционные войска для отправки в Финляндию: они хотели использовать «зимнюю войну» в качестве предлога, чтобы занять богатые железной рудой поля Северной Швеции. В этих условиях Германия обязательно вмешалась бы, чтобы не дать захватить сырье, жизненно важное для ее военной экономики, а Советский Союз оказался бы втянутым в более крупную войну общеевропейского масштаба. Финны также опасались разгорания военного конфликта и потребовали мира. По мирному договору, подписанному в марте 1940 г., Финляндия

признавала территориальные претензии СССР, но сохраняла свою независимость.

Единственным государством, которое во время войны с Финляндией поддержало Советский Союз с дипломатической точки зрения, была Германия. Это было одним из аспектов широкого политического, экономического и военного сотрудничества СССР и Германии в 1939–1940 гг. Однако летом 1940 г. альянс Сталина и Гитлера начал понемногу рушиться под гнетом взаимных подозрений, и наиболее вероятным сценарием развития советско-германских отношений вновь стала война. Правда, Сталин продолжал верить, что война может быть и будет отложена до 1942 г. Именно этот просчет привел к тому, что военная мобилизация в Советском Союзе не была объявлена вплоть до последней минуты. Только когда войска Гитлера уже хлынули через советскую границу, Сталин наконец признал, что войны не избежать.

Дискуссии по поводу пакта Сталина и Гитлера главным образом фокусируются на преимуществах и издержках этого «союза нечестивых». Одни утверждают, что Сталин, отказавшись в августе 1939 г. от антигерманского альянса с Британией и Францией, тем самым облегчил гитлеровцам задачу, дав возможность захватить большую часть континентальной Европы. Ценой этого просчета был сокрушительный удар, нанесенный Советскому Союзу 22 июня 1941 г., и практически удавшееся вторжение Германии в СССР. Другие возражают, что СССР не был готов к войне с Германией в 1939 г.

и что Сталин, так же как и Гитлер, во многом выиграл в стратегическом плане от заключенного пакта, который, по сути, дал Советскому Союзу время подготовить оборону.

В 1990-е гг. дискуссия о пакте Сталина и Гитлера приняла новый оборот: ряд российских историков стал утверждать, что основной причиной трагедии июня 1941 г. были не попытки Сталина поддержать мирные отношения с Гитлером, а то, что он сам готовился нанести предупредительный удар по Германии24. Согласно этой точке зрения, главной причиной поражений Советского Союза в начале войны было то, что Красная Армия была развернута не для обороны, а для наступления. Советских военных застали врасплох не столько потому, что они мирно спали, сколько потому, что они сами готовили нападение на Германию. Новизна этой версии заключалась в том, что она основывалась на сведениях из русских архивов, в том числе о военных планах Советского Союза 1940–1941 гг., из которых ясно следовало, что Красная Армия действительно планировала вести наступательную войну против Германии. Впрочем, предложенный

анализ мотивов, по которым Сталин мог планировать нападение на Германию, был проведен гораздо раньше. Еще в 1920–1930 гг. исследователи антикоммунистического толка указывали на так называемую «связь войны и революции»25 – идею о том, что Сталин планировал начать новую мировую войну, которая, как и Первая мировая война, открыла бы дорогу для революционных изменений по всей Европе. Подхватив эту тему, нацистская пропаганда провозгласила вторжение Германии в Россию предупредительным ударом против неизбежного нападения СССР и представила войну чем-то вроде крестового похода в защиту цивилизованной христианской Европы от азиатской большевистской орды.

На деле же Сталин не только не планировал войну и революцию, он ничего не боялся больше, чем крупного вооруженного конфликта. Война была связана с определенной выгодой – и когда появлялась возможность, Сталин ее не упускал, – но она была связана также и с большой опасностью. Хотя Первая мировая война и привела к началу октябрьской революции 1917 г., за ней последовала гражданская война, в ходе которой врагам коммунистов почти удалось задушить большевизм в зародыше. В числе тех, кто противостоял большевикам в гражданской войне, были крупнейшие капиталистические державы – Великобритания, Франция и США. Они оказывали поддержку антикоммунистическим силам в России и установили экономическую и политическую блокаду – санитарный кордон, – чтобы сдержать распространение «эпидемии» большевизма. Большевикам удалось выдержать гражданскую войну и в 1920-е гг. прорвать международную изоляцию, однако в течение последовавших двадцати лет они опасались создания новой большой коалиции капиталистических стран, способной раздавить советский социализм. К началу 1940-х гг. советская Россия значительно окрепла, и Сталин был уверен в том, что Красная Армия сможет защитить свою социалистическую Родину, однако его мучительный страх перед войной против объединенного фронта враждебных капиталистических стран не оставлял его. В 1940 и 1941 гг. Сталин не исключал даже такой радикальный вариант перегруппировки сил, как заключение альянса между Англией и Германией. По этой причине, в то время как некоторые из военных командиров Сталина настаивали на необходимости превентивного удара по Германии, сам советский диктатор считал, что этот шаг спровоцирует преждевременное начало войны, и решил сделать ставку на возможность сохранения мирных отношений с Гитлером.

Сталин как военачальник

Помимо советско-германского пакта еще одним предметом непрекращающихся дискуссий среди историков остается военно-политическое руководство Сталина в годы Великой Отечественной войны. Во время войны Сталин был верховным главнокомандующим советских вооруженных сил, главой комитета госбезопасности и народным комиссаром обороны, а также главой правительства и руководителем коммунистической партии. Он подписывал все важнейшие приказы и распоряжения, предназначенные для вооруженных сил. Его речи и заявления были главными вехами в формировании военной стратегии и политических целей Советского Союза и играли важнейшую роль в укреплении боевого духа народа. Сталин представлял страну на встречах в верхах с военными союзниками СССР, Великобританией и США26 и регулярно общался с премьер-министром Великобритании Уинстоном Черчиллем и президентом Америки Франклином Делано Рузвельтом27. До 1939 г. Сталин редко приглашал к себе иностранцев, за исключением товарищей-коммунистов, однако в годы Второй мировой войны он постоянно встречался с высокопоставленными лицами, дипломатами, политиками и военными. Советская пропаганда военного времени представляла Сталина как центральный символ единства страны в борьбе против Германии. На заключительных этапах войны газеты были заполнены хвалебными статьями, посвященными военному таланту Сталина. Поэтому, когда в конце войны Сталин был объявлен «генералиссимусом» (верховным генералом), это показалось вполне логичным28.

Для посторонних наблюдателей Сталин был ключевой фигурой, человеком, на котором держалась вся военно-экономическая деятельность Советского Союза. Эти представления так суммирует Дойчер в биографии Сталина, опубликованной в 1948 г.: «Многие представители стран-союзников, побывавшие в Кремле во время войны, были поражены тем, по какому количеству вопросов – мелких и значительных, военных, политических и дипломатических – Сталину приходилось принимать окончательное решение. Он, по сути, был сам себе главнокомандующим, министром обороны, начальником снабжения, министром иностранных дел и даже руководителем протокола… Таким он был день за днем, на протяжении всех четырех лет военных действий – образцом терпения, выдержки и бдительности, почти вездесущим, почти всезнающим»29.

Шестьдесят лет спустя оценка Дойчера полностью подкрепляется новыми доказательствами из российских источников, позволяющими составить подробную картину политики Сталина, его решений и действий во время войны. Журнал принятых Сталиным лиц дает нам достаточно полное представление о том, кто посещал его кабинет в Кремле и как долго каждый из посетителей там находился30. У нас есть доступ к тысячам военных, политических и дипломатических отчетов и донесений, поступавших в кабинет Сталина. У нас есть почти полные стенограммы всех политических и дипломатических бесед Сталина за время войны, в том числе с руководителями других коммунистических стран, с которыми он обычно был наиболее откровенен. У нас есть тексты многих телефонных и телеграфных разговоров Сталина с фронтовыми военными командирами. У нас есть мемуары и дневники его ближайших соратников. Этот новый корпус свидетельств далеко не полон; у нас по-прежнему ограниченные сведения о самых личных размышлениях и расчетах Сталина31. Однако теперь мы знаем достаточно много о том, как Сталин руководил военными действиями советской армии и о контексте, в котором он формулировал и принимал свои военные и политические решения.

Аверелл Гарриман, посол США в Москве с 1943 по 1945 г., вероятно, во время войны лично общался со Сталиным больше других иностранцев. В интервью, данном им в 1981 г., он так оценивает руководство Сталина в военное время: «Сталин как военный лидер… был популярен, и нет никаких сомнений, что он был одним из тех, кто сплотил Советский Союз… Я не думаю, что кто-нибудь другой смог бы сделать это. И все, что произошло после смерти Сталина, не может переубедить меня в этом… Я хотел бы подчеркнуть мое глубокое восхищение способностью Сталина руководить страной в чрезвычайной ситуации – в один из тех исторических моментов, когда от одного человека зависит так много. Это ни в какой мере не умаляет отвращения, которое я испытываю к его жестокости, но я должен показать вам и конструктивную его сторону наряду с другой стороной».

В том же интервью Гарриман представляет увлекательное описание качеств, которые, по его мнению, делали Сталина таким успешным военачальником32. По мнению Гарримана, Сталин был человеком острого ума, не интеллектуалом, конечно, но очень разумным руководителем, практиком, который знал, как использовать рычаги власти с наилучшим результатом. В личном общении Сталин был достаточно простым, но резким, и для достижения своих целей в переговорах был готов использовать как тактику сокрушительных ударов, так и лесть. На

общественных мероприятиях он был со всеми очень участлив и пил вместе со всеми, однако, в отличие от некоторых из его соратников, никогда не напивался и не терял контроля над собой. Гарриман особенно усердно отрицает утверждения о том, что Сталин был параноиком (а не просто «очень подозрительным») или что он был «обычным бюрократом»: «Он обладал невероятной способностью отмечать мельчайшие подробности и действовать с их учетом. Он очень чутко относился к нуждам всей военной машины… Во время наших с ним переговоров он обычно оказывался чрезвычайно хорошо осведомлен. Он в совершенстве знал, какое вооружение наиболее важно для него. Он знал, какого калибра ружья ему нужны, какой вес танков могут выдержать его дороги и мосты, он знал в точности, из какого металла ему нужны самолеты. Это черты не бюрократа, а скорее чрезвычайно способного и энергичного военачальника»33.

Высказываемые Гарриманом идеи – о том, что Сталин был душой компании, мастером ораторского искусства и ведения переговоров и, прежде всего, решительным, но рассудительным и прагматичным деятелем – регулярно встречаются и в воспоминаниях тех, кто работал с советским диктатором во время войны.

Среди историков нет такого же единства по поводу образа Сталина в ретроспективе, однако даже самые яростные его критики соглашаются с тем, что война была исключительно благоприятным периодом в его жизни и карьере. Большинство сходится в том, что, хотя правление Сталина в целом было ужасным, пороки его диктаторского режима стали достоинствами его стиля управления страной в военные годы. Ричард Овери, например, дает следующую оценку Сталина в своем ставшем классическим произведении «Почему победили союзники»: «Сталин контролировал военные усилия Советского Союза своей волей, которая мотивировала всех окружающих и направляла их энергию в нужное русло. При этом он ожидал от своего измученного народа исключительных жертв и получал их. Требовать этого в военные годы ему позволял культ личности, сформировавшийся вокруг него в 1930-е гг. Сложно представить, чтобы любой другой политический лидер в Советском Союзе того периода мог добиться от людей подобного напряжения сил. В некотором смысле культ Сталина был необходим для военных успехов Советского Союза… рассказы о жестокости режима военных лет не должны закрывать от нас тот факт, что жесткий контроль Сталина над Советским Союзом, вероятно, не мешал, а скорее способствовал достижению победы»34.

Помимо его ближайших политических соратников35,

наиболее тесно и часто во время войны со Сталиным общались представители верховного командования. Рассказы сталинских генералов дают очень подробное представление о повседневных занятиях советского диктатора в военное время36. Сталин, которому в то время было за шестьдесят, был сторонником строгой рабочей дисциплины. В военное время он работал по 12–15 часов в день и требовал того же от своих подчиненных. Три раза в день он принимал с докладами о стратегической обстановке офицеров генерального штаба. Он требовал безукоризненной точности в докладах и немедленно замечал любую ошибку или непоследовательность. У него была феноменальная способность запоминать факты, имена и лица. Он был готов выслушать аргументы, но ожидал от говорящего последовательности в изложении; его собственные замечания были краткими и убедительными.

Впрочем, центральное место в мемуарах советских военных занимают не личные качества Сталина, а его деятельность как главнокомандующего, как военачальника. Как указывает Северин Биалер, иностранцев удивляло его понимание стратегии и способность держать в уме все технические и тактические детали военных действий советской армии37. Однако для генералов большее значение имело его оперативное искусство – умение руководить огромными битвами и управлять крупномасштабными военными операциями. В этом отношении в воспоминаниях советских военнослужащих можно найти немало ошибок, совершенных Сталиным: непродуманные атаки, дорого обошедшиеся советской армии; нежелание отдать приказ о стратегическом отступлении в условиях угрозы окружения вражескими войсками; ошибки в ведении боевых действий во время важнейших сражений. Писали и о том, что Сталин постоянно вмешивался в операции на фронтах, терял самообладание в критических ситуациях и перекладывал на других вину за собственные ошибки. Однако наибольшей критике Сталина подвергали за то, что он не жалел ни людей, ни материально-технических ресурсов, в результате чего победа СССР над Германией была куплена слишком дорогой ценой38.

За время военных действий на Восточном фронте советские войска уничтожили более 600 вражеских дивизий (не только германских, но и итальянских, венгерских, румынских, финских, хорватских, словацких и испанских). Одна только Германия понесла на Восточном фронте потери 10 млн человек (75 % от общих потерь немецкой армии за время войны), в том числе 3 миллиона человек убитыми; союзники Гитлера по «Оси» Берлин – Рим – Токио потеряли еще миллион человек. Красная Армия

уничтожила 48 000 вражеских танков, 167 000 артиллерийских орудий и 77 000 самолетов. Однако урон, нанесенный советским войскам, в два или три раза превышал урон, понесенный немцами. Так, их потери личного состава составляли около 16 млн человек, в том числе 8 млн убитыми39.

Маршал Георгий Жуков, который во время войны был заместителем Верховного главнокомандующего, упорно отрицал заявления о том, что советское верховное командование не жалело ни человеческих, ни материальных ресурсов. Как он утверждал, в ретроспективе легко говорить о том, что если бы на фронт было брошено меньше сил, можно было бы избежать ненужных жертв; на поле боя условия гораздо более сложны и непредсказуемы40. Вероятно, в значительной мере потери Красной Армии были обусловлены двумя факторами. Во-первых, тяжелые потери были понесены в катастрофические первые месяцы войны, когда немецкими войсками были окружены и взяты в плен миллионы советских солдат. Большинство из них в дальнейшем погибли в германском плену. Очень высокой была и цена умело осуществленного во второй половине войны крупномасштабного наступления, которое заставило врага отступить назад, до самой Германии. Уже в апреле 1945 г., во время боев за Берлин, вермахт сумел нанести Красной Армии серьезный урон – 80 000 человек.

Сложно судить о том, испытывал ли Сталин хотя бы малейшие угрызения совести, обрекая миллионы советских солдат на верную гибель, но бессердечным он не был. Он отлично справлялся с ролью командира и в стремлении к победе не останавливался ни перед чем, но к немцам испытывал неподдельную ненависть. Он был искренне поражен тем, что Гитлер решил вести на Восточном фронте войну на уничтожение – войну, целью которой было уничтожить коммунистический режим, стереть с лица земли советские города и убить или обратить в рабство миллионы советских жителей. «Что ж, если немцы хотят иметь истребительную войну, они ее получат», – предупредил Сталин в ноябре 1941 г.41. На протяжении всей войны Сталин был сторонником карательных санкций в отношении Германии – санкций, которые позволили бы не допустить появления нового Гитлера. Хотя Сталин никогда не считал вину нацистов за развязывание войны виной германского народа в целом, к врагам он был безжалостен и поощрял стремление своих войск к возмездию только тогда, когда это соответствовало его политическим или экономическим целям. На публике он ни разу не выразил никаких чувств по поводу смерти сына, Якова, погибшего в немецком плену во время войны, но это

горе объединило его с миллионами других советских граждан, потерявших на войне своих близких.

Одно из самых эмоциональных и откровенных высказываний Сталина о Германии и немцах содержалось в его заявлении во время визита чехословацкой делегации в марте 1945 г.: «Сейчас мы сильно бьем немцев, и многим кажется, что немцы никогда не сумеют нам угрожать. Нет, это не так. Я ненавижу немцев. Но ненависть не должна мешать нам объективно оценивать немцев. Немцы – великий народ. Очень хорошие техники и организаторы. Хорошие, прирожденные храбрые солдаты. Уничтожить немцев нельзя, они останутся. Мы бьем немцев, и дело идет к концу. Но надо иметь в виду, что союзники постараются спасти немцев и сговориться с ними. Мы будем беспощадны к немцам, а союзники постараются обойтись с ними помягче. Поэтому мы, славяне, должны быть готовы к тому, что немцы могут вновь подняться на ноги и выступить против славян»42.

Одним из самых строгих критиков военного руководства Сталина был его биограф времен гласности, генерал Дмитрий Волкогонов. Волкогонов вступил в Красную Армию в 1945 г. и 20 лет проработал в отделе пропаганды вооруженных сил, а затем возглавил советский Институт военной истории. Благодаря своему опыту и занимаемой должности, Волкогонов (в частности, когда у власти был М. С. Горбачев) имел доступ к целому ряду советских военных, политических и разведывательных архивов43. Изданная им в 1989 г. биография Сталина получила всеобщее признание как первое серьезное и по-настоящему непредвзятое исследование деятельности советского диктатора, опубликованное в СССР. Вердикт Волкогонова о деятельности Сталина как военачальника был таков: он «не был “гениальным полководцем”, как о том было сообщено миру в сотнях фолиантов, фильмов, поэм, исследований, заявлений», он «не мог опереться на профессиональные военные знания» и «доходил до всех премудростей стратегии, оперативного искусства в ходе кровавой эмпирии, множества проб и ошибок». В то же время, Волкогонов не пытался закрыть глаза на положительные моменты военного руководства Сталина – в частности, на его способность видеть «зависимость вооруженной борьбы от целого спектра других, “невоенных” факторов: экономического, социального, технического, политического, дипломатического, идеологического, национального»44.

Со времени выхода в свет книги Волкогонова настроение в среде русских военных историков изменилось в пользу Сталина, хотя многие авторы продолжают утверждать, что победа была заслугой генералов и что без его руководства она была бы

одержана со значительно меньшими потерями45.

Детальная реконструкция и интерпретация деятельности Сталина во время войны, а также оценка непрекращающейся критики и контркритики как раз является главной целью настоящей книги, однако некоторые общие замечания стоит сделать сразу.

Сталин не был генералом, но у него был опыт командования в боевых условиях и участия в боевых действиях, хотя и не на линии фронта. Во время Гражданской войны в России он служил политическим комиссаром – представителем Центрального Комитета Коммунистической партии, ответственного за обеспечение снабжения Красной Армии. Выполняя эту работу, он принимал непосредственное участие в принятии военных решений на высшем уровне. О деятельности Сталина во время Гражданской войны известно, что он сыграл значительную роль в успешной обороне в 1918 г. Царицына – города, который в 1924 г. был назван в его честь Сталинградом. Царицын, расположенный на юге СССР, в стратегически важном месте на берегу Волги, стоял на пути, по которому в Москву с Кавказа поступали запасы продовольствия и топлива. В 1920–1930-е гг. Сталин проявлял интерес к военным делам и регулярно выступал с критикой того, что он называл мышлением времен гражданской войны: он настаивал на том, что Красной Армии необходимо постоянно работать над модернизацией своей идеологии и вооружения и не поддаваться искушению нежиться в лучах своей былой славы.

Особенно важным для роли Сталина как военачальника во время Второй мировой войны было то, что в 1919–1920 гг. ему довелось оказаться в ситуации поражения, близкой к катастрофе. Это было в самый разгар Гражданской войны: большевики были окружены атакующими со всех сторон войсками контрреволюционной Белой армии и с большим трудом удерживали подконтрольные им территории в центральной части страны. Сталин был также свидетелем того, как в 1920 г. генерал Пилсудский отрезал Красной Армии дорогу на Варшаву, и успешного польского контрнаступления поляков, в результате которого Советская Россия была вынуждена отдать только что созданному польскому государству Западную Белоруссию и Западную Украину46. Об этих серьезных неудачах нужно помнить, говоря о необыкновенной вере Сталина в победу на протяжение всей Второй мировой войны – о вере, которая не ослабевала даже тогда, когда немцы заняли половину территории страны и осадили Ленинград, Москву и Сталинград.

Во время Великой Отечественной войны Сталин взял на себя роль генерала, но (в отличие от Черчилля) он совсем не выражал

желания лично наблюдать за сражениями или (в отличие от Гитлера) распоряжаться боевыми действиями на линии фронта. Сталин всего один раз нанес краткий визит в зону боевых действий. Он предпочитал осуществлять высшее командование в воображении, в стенах кремлевского кабинета или на своей даче на окраине Москвы.

Любой критике в отношении военных промахов Сталина можно противопоставить признание того факта, что он также умел и все исправить, причем зачастую действуя вопреки советам своих профессиональных военных советников. Это особенно заметно проявлялось, когда вопросы военной тактики пересекались с вопросами морали, политики и психологии. Как отмечает Волкогонов, мышление Сталина было более универсальным, и это «поднимало его над другими военными деятелями»47.

Не следует считать, что любая критика, направленная против Сталина, справедлива и точна. Во многих случаях Сталин действовал по совету своих военных командиров, поэтому ответственность за ошибки лежит не только на нем. Не менее опрометчиво было бы полагать, что если ошибки очевидны в ретроспективе, то их в свое время можно было избежать. Во многих случаях в тот период времени никто не обладал знаниями и предвидением, которые были необходимы, чтобы избежать серьезных ошибок. Как это довольно часто бывает, авторы советских военных мемуаров не смогли побороть искушение заново разыграть сражение, сидя в уютном кресле – когда победа дается гораздо легче и без потерь.

Наконец, было бы очень просто собрать со страниц мемуаров и процитировать здесь критические отзывы бывших советских военных о Сталине, но это означало бы исказить производимое ими общее впечатление: это был руководитель, который учился на своих ошибках и по мере того, как продолжалась война, все лучше справлялся со своими обязанностями. Именно такого мнения придерживались двое его ближайших соратников военных лет – маршал Александр Василевский и маршал Георгий Жуков.

Василевский, занимавший должность главнокомандующего генштаба советских войск в течение почти всей войны на Восточном фронте, принимал непосредственное участие в планировании и координировании всех крупных операций Красной Армии. Он ежедневно общался со Сталиным (лично или по телефону) и нередко приезжал на линию фронта в качестве личного представителя Верховного главнокомандующего. В своих мемуарах, опубликованных в 1974 г., Василевский разделял военное руководство Сталина на два периода: первые несколько

месяцев войны, когда «сказывалась недостаточность оперативно-стратегической подготовки Сталина», и период, начавшийся с сентября 1942 г. и достигший своей кульминации в битве за Сталинград – период, когда Сталин начал прислушиваться к советам профессиональных военных и в результате начал «хорошо разбираться во всех вопросах подготовки и проведения операций». Итак, по глубокому убеждению Василевского, И.В. Сталин, особенно со второй половины Великой Отечественной войны, являлся самой сильной и колоритной фигурой стратегического командования. Он успешно осуществлял руководство фронтами, всеми военными усилиями страны… Думаю, Сталин в период стратегического наступления Советских Вооруженных Сил проявил все основные качества советского полководца… Сталин как Верховный Главнокомандующий в большинстве случаев требовал справедливо, хотя и жестко. Его директивы и приказы указывали командующим фронтов на ошибки и недостатки, учили умелому руководству всевозможными военными действиями48.

Если Василевского считают одним из главных стратегов Красной Армии, то Жукова обычно называют ее самым выдающимся фронтовым генералом. Он успешно руководил осенью 1941 г. обороной Москвы, которая стала первым поворотным событием в войне на Восточном фронте, и сыграл решающую роль в битвах за Сталинград (1942 г.), Курск (1943 г.) и Берлин (1945 г.). С августа 1942 г. он был заместителем Верховного главнокомандующего, и в июне 1945 г. именно он руководил парадом победы на Красной площади. У него была репутация решительного, волевого и безжалостного командира, одного из немногих советских генералов, способных смело подвергнуть сомнению решения Сталина в военных вопросах и затем отстаивать в спорах свою точку зрения. После войны Жуков попал у Сталина в немилость, был снят с должности и назначен командиром регионального военного подразделения. После смерти Сталина он вернулся из забвения и был назначен министром обороны, однако затем поссорился с Хрущевым и в 1957 г. был вынужден подать в отставку. Когда Хрущев отошел от власти, Жуков был вновь реабилитирован и в середине 1960-х гг. опубликовал ряд оригинальных статей, посвященных крупнейшим сражениям Великой Отечественной войны49.

Мемуары Жукова, опубликованные в 1969 г., содержали лестное описание способностей Сталина как Верховного главнокомандующего: «Меня часто спрашивают, действительно ли И.В. Сталин являлся выдающимся военным мыслителем в области строительства вооруженных сил и знатоком оперативно-

стратегических вопросов… И.В. Сталин… овладел основными принципами организации фронтовых операций и операций групп фронтов и руководил ими со знанием дела… Он умел найти главное звено в стратегической обстановке и, ухватившись за него, наметить пути для оказания противодействия врагу, успешного проведения той или иной наступательной операции. Несомненно, он был достойным Верховным Главнокомандующим. Конечно, И.В. Сталин не вникал во всю ту сумму вопросов, над которой приходилось кропотливо работать войскам и командованию всех степеней, чтобы хорошо подготовить операцию армии, фронта или группы фронтов. Верховному Главнокомандующему это было и не обязательно… Заслуга И.В. Сталина здесь состоит в том, что он быстро и правильно воспринимал советы военных специалистов, дополнял и развивал их и в обобщенном виде – в инструкциях, директивах и наставлениях – незамедлительно передавал в войска для практического руководства»50.

Эти два хвалебных отзыва, представляющие Сталина как очень талантливого Верховного главнокомандующего, не вызывают удивления – учитывая то, насколько оба маршала были приближены к Сталину. Он лично подписывал приказы об их назначении и повышении в должности. Они оба были верными слугами советского государства. Они оба искренне верили в коммунизм, поддерживали культ личности Сталина и делали все, чтобы достичь славной победы Советского Союза в Великой Отечественной войне. Вдобавок ко всему этому, они оба сумели пережить кровавые чистки советских вооруженных сил, проведенные Сталиным в 1937–1938 гг.

Сталинский террор

Сталинские чистки советских вооруженных сил довоенного периода начались с громкого события. В мае 1937 г. первый заместитель народного комиссара обороны, маршал М.Н. Тухачевский, был арестован и обвинен в измене Родине, в сговоре с гитлеровской Германией и подготовке военного заговора с целью свержения советского правительства. Тухачевский, в 1935 г. назначенный на должность маршала по приказу Сталина, был наиболее прогрессивно мыслящим и красноречивым военным теоретиком в Красной Армии, ярым сторонником и организатором ее модернизации и перевооружения51. Одновременно с Тухачевским были арестованы еще семь высокопоставленных генералов. В июне все обвиняемые предстали перед закрытым судом, были признаны виновными и расстреляны. Приговор был обнародован в советской прессе, и в течение десяти дней после окончания суда было арестовано еще 980 офицеров52. К тому времени, как закончились чистки, из командного состава вооруженных сил было уволено более 34 000 человек. 11 500 из них были в конечном счете восстановлены в должности, но большинство были казнены или умерли в тюрьме53. Среди погибших было 3 маршала, 16 генералов, 15 адмиралов, 264 полковников, 107 майоров и 71 лейтенант. Больше других офицерских чинов пострадали политические комиссары (политруки), которые во время чисток гибли тысячами54.

После смерти Сталина советское военное и политическое руководство официально признало несправедливость чисток; их жертвы были оправданы и реабилитированы55. Впоследствии велись споры о влиянии чистки на эффективность действий Красной Армии, особенно в начале войны с Германией. В числе тех, кто попал под чистку, были некоторые из самых опытных и талантливых представителей офицерского корпуса советской армии. Высказывалось мнение о том, что чистка привела к искоренению стремления к новаторству, проявления инициативы и независимости. Некоторые считают, что ее результатом стало полное подчинение Красной Армии и ее верховного командования воле Сталина – и расплачиваться за это пришлось кровью миллионов советских граждан, которые погибли из-за стратегических ошибок и просчетов диктатора.

Если целью Сталина было запугать верховное командование, то ему это определенно удалось: даже перед лицом полного поражения в 1941 г. ни один из генералов не ставил под

сомнение авторитет Сталина, не было никаких проявлений несогласия и тогда, когда он перекладывал вину за стратегические ошибки на командиров, обвиняя их в некомпетентности и отдавая приказы расстрелять их56. Однако было бы несправедливо говорить о том, что Сталин полностью подавлял инициативу в верховном командовании и что оно представляло собой сборище случайных людей, со страхом вступивших на место расстрелянных командиров. Приобретя достаточный боевой опыт и научившись многому на собственных ошибках, сталинские военные командиры проявляли себя наилучшим образом; с самим советским диктатором у них сформировались конструктивные рабочие отношения, в которых они демонстрировали инициативность, чутье и определенную степень независимости. О том, намного ли лучше показали бы себя в этих условиях их предшественники, ставшие жертвами чисток, остается лишь гадать. Не вызывает сомнения лишь одно: это то, что все репрессированные офицеры были невиновны и что в результате чисток вооруженные силы испытали серьезный недостаток квалифицированного командования, когда при подготовке к войне возникла необходимость в резком увеличении личного состава. Военные расходы государства с 10 % бюджетных средств в 1932–1933 гг. возросли до 25 % в 1939 г., численность армии увеличилась от менее миллиона человек до более четырех миллионов57. К 1941 г. Красная Армия представляла собой наиболее многочисленное и хорошо вооруженное войско в мире, причем процесс перевооружения, переподготовки и реорганизации вооруженных сил продолжался вплоть до начала войны с Германией в том же году.

Чистки, проведенные Сталиным в вооруженных силах, были не единственным явлением такого рода. После убийства в декабре 1934 г. Сергея Кирова, председателя Ленинградского горкома партии, тысячи членов партии были арестованы по подозрению в заговоре с целью убийства руководителей Советского Союза58. В середине 1930-х гг. был проведен ряд показательных политических судебных процессов над бывшими выдающимися членами большевистской партии, которые обвинялись в шпионаже, саботаже и участии в заговоре против Сталина59. Далее последовала так называемая «ежовщина» – период, названный так по имени народного комиссара внутренних дел Николая Ежова, – безумная охота на мнимых «внутренних врагов», результатом которой стали массовые аресты и казни партийных и государственных чиновников. Все эти события стали известны как «большой террор» – напряженный период политических репрессий и жестокости, за который были

арестованы миллионы и расстреляны тысячи людей, главным образом в 1937–1938 гг.60.

Ни о масштабах, ни о последствиях «большого террора» долгие годы не было известно, однако сама охота на «врагов народа» не была ни для кого секретом. Террор был большим публичным спектаклем, представлением с участием всего народа, где каждого поощряли к доносам о любом, кого можно было подозревать в политической ереси, экономическом саботаже или заговоре с участием иностранных правительств. Широко распространенная уверенность в виновности жертв репрессий стимулировала народные массы к участию в этом процессе, а дополнительным источником энтузиазма было ухудшение международных отношений и появление многочисленных внешних угроз, особенно после прихода к власти Гитлера в январе 1933 г. Создавалось ощущение, что советских граждан повсюду окружают враги – как внешние, так и внутренние61.

Но что же думал Сталин? Какими мотивами он руководствовался, начав «большой террор» и обезглавив верховное командование? Это главный вопрос всех дискуссий о Сталине и о сущности его режима.

В целом, мнения историков по этому поводу можно разделить на две группы. Согласно первой точке зрения, Сталин использовал террор, чтобы укрепить свою диктатуру и систему управления. Приверженцы этой точки зрения обычно объясняют действия Сталина той или иной особенностью его личности: тем, что он был параноиком, мстительным и кровожадным садистом, что им двигала жажда власти. Вторая точка зрения заключается в том, что Сталин рассматривал террор как нечто необходимое для того, чтобы защитить советский строй от могущего стать роковым сочетания внутренней диверсии и внешней угрозы. В рамках такой интерпретации Сталина обычно рассматривают как идеолога и истинного сторонника коммунизма, искренне поверившего в собственную пропаганду о классовых врагах.

Две этих разных оценки действий Сталина не являются взаимоисключающими. Для осуществления террора Сталину нужен был достаточно твердый характер, чтобы расстрелять сотни тысяч советских граждан и отдать приказы об аресте еще многих миллионов. Но это не означает, что причиной всего этого были особенности его психики или личные амбиции. С другой стороны, хотя Сталин и был истинным сторонником коммунистических идеалов, интересы советского строя для него были неразрывно связаны с укреплением собственной власти, а «большой террор» был средством достижения этих целей.

Впрочем, возможно, ключ к мотивам Сталина кроется в

области идеологии. Лейтмотивом советской коммунистической идеологии 1920–1930-х гг. была классовая борьба – внутренний антагонизм групп со взаимоисключающими экономическими интересами. Этот конфликт между соперничающими классовыми силами считался причиной борьбы, которая ведется как внутри государств, так и между ними. Особый вклад Сталина в эту идеологию классовой борьбы заключался в том значении, который он придавал обострению классовой борьбы между капиталистическими и социалистическими странами в эпоху международных империалистических войн и революционных потрясений. Советский Союз, по мнению Сталина, был мишенью всех империалистических интриг, поскольку представлял собой альтернативную форму общественного устройства, угрозу для капитализма, которую необходимо было низвергнуть путем шпионажа, саботажа и заговоров, направленных против ее коммунистического руководства.

Пессимистические представления Сталина о коммунистическо-капиталистической классовой борьбе на межгосударственном уровне наиболее ярко были выражены в феврале-марте 1937 г. на пленуме Центрального Комитета партии: «Вредительская и диверсионно-шпионская работа агентов иностранных государств задела в той или иной степени все или почти все наши организации – как хозяйственные, так и административные и партийные… агенты иностранных государств, в том числе троцкисты, проникли не только в низовые организации, но и на некоторые ответственные посты… Не ясно ли, что пока существует капиталистическое окружение, будут существовать у нас вредители, шпионы, диверсанты и убийцы, засылаемые в наши тылы агентами иностранных государств?

Необходимо разбить и отбросить прочь гнилую теорию о том, что с каждым нашим продвижением вперед классовая борьба у нас должна будто бы все более и более затухать, что по мере наших успехов классовый враг становится будто бы все более и более ручным… Наоборот, чем больше будем продвигаться вперед, чем больше будем иметь успехов, тем больше будут озлобляться остатки разбитых эксплуататорских классов, тем скорее будут они идти на более острые формы борьбы, тем больше они будут пакостить Советскому государству, тем больше они будут хвататься за самые отчаянные средства борьбы…»62

То, как часто Сталин возвращался к этой теме в личных беседах и в публичных выступлениях, говорит о том, что он на самом деле верил, что ведет справедливую борьбу с диверсионной деятельностью капиталистов против советского строя. По воспоминаниям Молотова, ближайшего политического

соратника Сталина, целью «большого террора» было избавиться от угрозы возникновения пятой колонны до начала неизбежной войны между СССР и капиталистическими странами63.

Едва ли можно утверждать, что Сталин искренне верил в абсурдные обвинения в государственной измене, выдвинутые против Тухачевского и других генералов, однако возможность такого военного заговора против советского руководства была вполне реальной. Тухачевский был сильной личностью с собственными убеждениями по поводу перевооружения, стратегической доктрины и военно-гражданских отношений, не всегда совпадавшими с убеждениями Сталина. У него был личный конфликт с его непосредственным начальником, народным комиссаром обороны и давним товарищем Сталина, Климентом Ворошиловым. Отношения между Красной Армией и коммунистической партией в целом были напряженными, что ставило под вопрос политическую надежность военных чинов во время серьезного кризиса64.

Ненадежные элементы в рядах вооруженных сил и коммунистической партии были не единственными группами, ставшими жертвами сталинского террора в период подготовки к войне. Считалось, что представители этнических групп, проживавшие на окраинах Советского Союза, в случае войны также могут проявить недостаточную преданность режиму. На западной границе страны проживали украинцы, поляки, латвийцы, немцы, эстонцы, финны, болгары, румыны и греки. На территориях, граничащих с Ближним Востоком, это были курды, турки и иранцы, а на Дальнем Востоке – китайцы и корейцы. Частью «большого террора» стал процесс этнических чисток, включавший в себя арест, депортацию и казни сотен тысяч людей, живших в пограничных областях. По одной из оценок, до одной пятой части всех арестованных и около трети всех казненных за время «ежовщины» были представителями таких этнических меньшинств65. По другим оценкам, в период с 1936 по 1938 г. в центрально-азиатские республики СССР было депортировано 800 000 нерусских граждан. В то время как массовые репрессии членов партии, государственных служащих и военных закончились в 1939 г., этнополитические чистки населения приграничных областей продолжались и в дальнейшем. После вторжения Советского Союза на территорию Восточной Польши в 1939 г.

было арестовано, депортировано и/или расстреляно 400 000 этнических поляков; в их число входили 20 000 польских военнопленных, ставших в апреле – мае 1940 г. жертвами печально известного Катынского расстрела66. Оккупация

прибалтийских государств Красной Армией летом 1940 г. привела к депортации нескольких сотен тысяч эстонцев, латвийцев и литовцев. После начала советско-германской войны в июне 1941 г. сталинские этнические чистки достигли невиданного уровня ожесточенности перед лицом опасности коллаборационизма. За время Великой Отечественной войны 2 миллиона представителей этнических меньшинств – волжских немцев, крымских татар, чеченцев и представителей других закавказских национальностей – были депортированы во внутренние области Советского Союза67.

Советский патриотизм

Война, которую Сталин развернул против жителей пограничных зон, была проявлением не столько индивидуальной, сколько политической паранойи – боязни угрозы, которую могло представлять собой националистическое диссидентство для выживания советского государства во время войны. Однако репрессии не были единственным его оружием против предполагаемых проявлений сепаратизма или нелояльности среди многонационального советского населения. Другой его тактикой была переориентация советского режима на патриотическую защиту России от иностранной оккупации и эксплуатации. Это не подразумевало отход от идеологии коммунизма, революционного интернационализма или задач строительства социализма, стоявших перед советским государством. Скорее это означало, что в центре внимания Сталина и всего советского правительства теперь был не только коммунизм, но и патриотизм. Некоторые историки называют эту политику «националистическим большевизмом»68, другие – «революционным патриотизмом»69. Сам Сталин называл ее просто «советским патриотизмом», и это название подразумевало двойную лояльность граждан советскому социалистическому строю и советскому государству, которое являлось представителем и защитником разнообразных национальных традиций и культур СССР. Как заявлял Сталин, СССР был «пролетарским по содержанию и национальным по форме»: это было классовое государство, которое содействовало развитию культуры и традиции не только пролетариата, но и разных национальностей. За организацию и укрепление этой двойной лояльности отвечала коммунистическая партия, возглавляемая Сталиным.

Сталин был идеальным образцом множественной самоидентификации, которой ожидали от советских граждан. По национальности он был грузином и всегда нарочито демонстрировал приверженность традициям предков, но в то же время считал русский язык, культуру и самосознание частью собственной культуры. Скромное происхождение (Сталин был сыном сапожника) позволяло Сталину идентифицировать себя с простым народом. В то же время, как и многие другие, он выиграл от большевистской революции и от социальной мобильности, которую принесли с собой социалистические преобразования в России. Сталин был государственником, выступавшим за сильное, централизованное советское

государство, способное защитить все народы СССР. Одним словом, Сталин был грузином, рабочим, коммунистом и патриотом советского государства70.

Первым свидетельством этой патриотической переориентации коммунистической партии и собственных интересов Сталина стало его часто цитируемое выступление в феврале 1931 г., посвященное настоятельной необходимости индустриализации и модернизации, выступление, которое отлично иллюстрирует его способность умело увязывать классово-политические темы с патриотическими: «История старой России состояла, между прочим, в том, что ее непрерывно били за отсталость. Били монгольские ханы. Били турецкие беки. Били шведские феодалы. Били польско-литовские паны. Били англо-французские капиталисты. Били японские бароны. Били все – за отсталость. За отсталость военную, за отсталость культурную, за отсталость государственную, за отсталость промышленную, за отсталость сельскохозяйственную. Били потому, что это было доходно и сходило безнаказанно. Помните слова дореволюционного поэта: “Ты и убогая, ты и обильная, ты и могучая, ты и бессильная, матушка Русь…” Таков уже закон эксплуататоров – бить отсталых и слабых. Ты отстал, ты слаб – значит, ты не прав, стало быть, тебя можно бить и порабощать… Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в 10 лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут. Вот что диктуют нам наши обязательства перед рабочими и крестьянами СССР»71.

Сталин наряду с Лениным был архитектором советской национальной политики72. До 1917 г. он занимался теоретической разработкой так называемого национального вопроса73, а после революции занимал должность наркома по делам национальностей74. Как революционеры-интернационалисты, Ленин и Сталин верили в единство рабочего класса, преодолевающее и искореняющее границы между национальностями, и в принципе выступали против национального сепаратизма. В то же время они признавали неизбежность возникновения национальных чувств и возможность использования национальных культурных традиций в политической борьбе с царизмом и в строительстве социалистического государства. Большевистская идеология была адаптирована соответствующим образом и стала включать в себя проект развития культурного и языкового национализма среди национальностей и этнических групп СССР в сочетании с борьбой за политическое единство всех советских народов, основанное на классовом равенстве. Первая конституция СССР, принятая в

1922 г., была в большой степени централистской, но позиционировалась как федералистская и якобы основанная на добровольном единении национальных республик.

В основе большевистской национальной политики 1920-х гг. лежали две практические цели: «нативизация» (назначение членов этнических меньшинств на руководящие должности на местах) и поощрение культурного и языкового национализма среди народов СССР, в том числе среди тех, которые не обладали в досоветский период явным национальным самосознанием. Лишь одна категория населения оставалась незатронутой политикой нативизации и культурного национализма – русские. Доля русского населения была больше доли всех остальных советских народов вместе взятых. Ленин и Сталин опасались, что благодаря своему количественному превосходству и уровню культурного развития русские будут доминировать над остальными национальностями, а поощрение русского национального самосознания приведет к разжиганию шовинистических настроений. Впрочем, в 1930-е гг. отношение Сталина к русским резко изменилось. Сугубо русский патриотизм был реабилитирован, героические защитники России из дореволюционного прошлого были допущены в большевистский пантеон героев. Русских теперь представляли как центральную группу в исторически сложившемся скоплении народов, которое представляло собой советское многонациональное государство. С точки зрения культуры русский народ считали первым среди равных советских народов, основой «дружбы народов» Советского Союза. С политической точки зрения русские считались наиболее преданными делу коммунизма и советскому режиму.

До революции большевики выступали против царской политики русификации населения. К концу 1930-х гг. русскому языку вернули статус ведущего языка образования, вооруженных сил и государства; русская музыка, литература и фольклор стали основой недавно сложившихся советских культурных традиций75. Среди множества причин этого «русского поворота» в сталинской национальной политике было то, что в условиях надвигающейся войны было необходимо как-то сплотить около сотни разных народов, составлявших СССР. Обращение к патриотическим чувствам также рассматривались как полезное средство политической мобилизации народных масс на строительство социалистического государства. Сталин особенно хорошо осознавал огромную притягательность популистских исторических концепций, связывавших стремления России в прошлом с тем, за что боролось советское государство в настоящее время. Как сказал Сталин в своем тосте во время

торжественного ужина на даче Ворошилова в ноябре 1937 г., русские цари сделали много плохого. Они грабили и порабощали народ. Они вели войны и захватывали территории в интересах помещиков. Но они сделали одно хорошее дело: сколотили огромное государство… Мы получили в наследство это государство. И впервые мы, большевики, сплотили и укрепили это государство, как единое, неделимое государство, не в интересах помещиков и капиталистов, а в пользу трудящихся, всех великих народов, составляющих это государство76.

Слова Сталина о том, что советское государство является наследником России в деле строительства державы, которая могла бы защитить свои народы, была явно полезной в беспокойной обстановке иностранной угрозы, международного кризиса и надвигавшейся войны. В 1941 г., когда война началась, Сталину удалось мобилизовать Советский Союз, и в первую очередь его русское население, на патриотическую войну, целью которой было защитить Родину от последнего из длинной череды иностранных захватчиков. Как Сталин сказал Гарриману в сентябре 1941 г., «мы знаем, народ не хочет сражаться за мировую революцию; не будет он сражаться и за советскую власть… Может быть, будет сражаться за Россию»77. В такой нелегкой войне, как советско-германская война, способность Сталина использовать в своих целях национально-патриотические чувства и приверженность советскому строю сыграла критическую роль. В то же время предпринимались напряженные усилия по распространению идеи чисто советского патриотизма, объединяющего все нации и народы СССР. Российский национализм и советский патриотизм дополнялись представлениями об общеславянской солидарности и самосознании и попытками Сталина создать альянс славянских стран для отражения германской угрозы в будущем78.

Новое патриотическое самосознание СССР в эпоху Сталина сыграло большую роль и в послевоенных событиях. Одержав великую победу, Сталин ожидал заслуженной награды в виде расширения советского влияния. Под этим подразумевалось достижение таких традиционных целей царистской международной политики, как контроль над средиземноморскими проливами и доступ океанского флота к тепловодным портам. Однако Великобритания и США – союзники Сталина по коалиции, разгромившей Гитлера, – не оправдали его ожиданий. Они видели в экспансии СССР в области Черного моря, Средиземного моря и Тихого океана угрозу собственным стратегическим и политическим интересам. В декабре 1945 г. Сталин пожаловался Эрнесту Бевину, министру иностранных дел

Великобритании, что «как он видит ситуацию, у Великобритании в ее сфере интересов есть Индия и владения в Индийском океане; у США есть Китай и Япония, а у Советского Союза нет ничего»79.

Впрочем, главной стратегической целью Сталина была экспансия СССР в Центральной и Восточной Европе, поэтому он предпочел уйти от конфронтации с западными державами в вопросах второстепенной важности. Он не поддержал коммунистическое восстание в Греции после войны, отказался от требования о контроле над средиземноморскими проливами, принял отказ Великобритании и Америки отдать ему часть североафриканских колоний побежденной Италии. Однако урон, нанесенный советской патриотической гордости и престижу его бывшими союзниками, стал одной из причин того, что во внутренней и внешней политике Сталина после войны стали прослеживаться ксенофобские тенденции.

Первым публичным проявлением этой новой особенности послевоенной политики Сталина была речь ведущего идеолога партии А.А. Жданова в августе 1946 г., в которой он критиковал советскую прессу и литераторов за раболепное отношение к западной литературе и культуре. Эта речь стала началом того, что позже стало известно как «ждановщина» – идеологической кампании против западного влияния, основанной на прославлении уникальных достоинств советской науки и культуры. Речь Жданова была в значительной мере отредактирована самим Сталиным, и сама кампания проводилась по его распоряжению80. В частном порядке Сталин нередко упрекал своих приближенных за их «либерализм» и «раболепие» в отношении Запада и призывал министра иностранных дел В.М. Молотова ничего не уступать в дипломатических отношениях с США и Великобританией81. В 1947 г. Сталин, обсуждая с Сергеем Эйзенштейном его новый фильм «Иван Грозный», сказал ему: «Царь Иван был великий и мудрый правитель… Мудрость Ивана Грозного состояла в том, что он стоял на национальной точке зрения и иностранцев в свою страну не пускал, ограждая страну от проникновения иностранного влияния… Петр I – тоже великий государь, но он слишком либерально относился к иностранцам, слишком раскрыл ворота и допустил иностранное влияние в страну, допустив онемечивание России. Еще больше допустила его Екатерина. И дальше. Разве двор Александра I был русским двором? Разве двор Николая I был русским двором? Нет. Это были немецкие дворы»82.

«Холодная война»

Возникновение и развитие «ждановщины» было тесно связано с начинающейся конфронтацией с Западом. Хотя собственно «холодная война» развернулась только в 1947 г., разлад между Сталиным и его партнерами по антигитлеровской коалиции начался сразу после окончания войны. Хотя был ряд дипломатических разногласий с Западом (по поводу Польши, оккупационного режима в Японии, контроля над атомной энергией), больше всего Сталина волновало развитие событий на идеологическом фронте. Во время войны с Советским Союзом в западной прессе появлялись показательные хвалебные отзывы о Красной Армии и сталинском руководстве. Действительно, у культа личности Сталина были приверженцы и в Великобритании, и в США, и в других странах антигитлеровского лагеря. Однако после окончания войны лидеры советской пропаганды начали жаловаться на то, что в западных СМИ разворачивается масштабная антисоветская кампания. В СССР считали, что эта кампания была связана с появлением в послевоенной политической жизни Великобритании, США и Западной Европы антикоммунистических тенденций, ставших предвестником антисоветского поворота во внешней политике стран Запада83. Одним из первых проявлений этой угрожающей тенденции была речь Уинстона Черчилля о «железном занавесе», с которой он выступил в Фултоне (штат Миссури) в марте 1946 г. Черчилль говорил о необходимости продолжать сотрудничество с Советским Союзом, однако главной темой его выступления стал призыв к началу антикоммунистической кампании. Хотя Черчилль уже не был премьер-министром Великобритании, Сталин счел необходимым написать развернутый ответ на это выступление. В его ответе, опубликованном на первой странице газеты «Правда», Черчилль изображался как закоренелый противник коммунизма и милитарист84. В целом, однако, в своих публичных выступлениях на тему отношений с Западом Сталин проявлял сдержанность и подчеркивал возможность продолжения мирного сосуществования и сотрудничества. Причина такой умеренности и сдержанности Сталина на публике была очень проста: он не хотел «холодной войны» с Западом и надеялся на продолжение переговоров с Великобританией и США по вопросу послевоенного мирного урегулирования. Как он сказал в беседе с посетившим СССР в апреле 1947 г. республиканцем Гарольдом Стассеном, экономические системы в Германии и США одинаковые, но, тем не менее, между ними возникла война.

Экономические системы США и СССР различны, но они не воевали друг с другом, а сотрудничали во время войны. Если две разные системы могли сотрудничать во время войны, то почему они не могут сотрудничать в мирное время85?

Как пишет Альберт Ресис, «хотя преступления Сталина были бесчисленны, в одном преступлении его обвиняют без причины: в том, что он один несет ответственность за начало того, что стало известно под названием “холодная война”. На деле он не планировал и не хотел этой войны»86. Вместе с тем, собственные действия и амбиции Сталина все же сыграли свою роль в наступлении «холодной войны». К концу Второй мировой войны Красная Армия заняла половину Европы, и Сталин был намерен отнести к советской сфере влияния те государства, которые граничили с европейской частью России. Во многих странах Европы в это время наблюдался крен в сторону коммунистических партий, и Сталин уже предвкушал создание народной демократической Европы – Европы левых режимов, находящихся под советским и коммунистическим влиянием. Сталин не осознавал, что этот идеологический проект несовместим с продолжительным послевоенным сотрудничеством с партнерами по антигитлеровской коалиции – в том числе с перспективой справедливого раздела сфер влияния на всей Земле87. Он, конечно, задумывался о возможности военного конфликта с западными державами, но такая возможность представлялась ему очень отдаленной. «Я полностью уверен, что войны не будет, это чепуха. Они [британцы и американцы] не способны воевать с нами, – сказал Сталин коммунистическому лидеру Польши Владиславу Гомулке в ноябре 1945 г. – Другой вопрос, захотят ли они начать еще одну войну через тридцать лет или около того»88.

Кроме установления советской сферы влияния в Восточной Европе, в числе приоритетов Сталина после войны были восстановление экономики, обеспечение безопасности в послевоенных условиях (прежде всего, дальнейшее ограничение влияния Германии) и достижение взаимовыгодной долгосрочной разрядки напряженности в отношениях с Великобританией и США. «Холодная война» разрушила все его планы. Она началась из-за того, что Запад рассматривал политические и идеологические амбиции Сталина как предзнаменование неограниченной советской и коммунистической экспансии. Именно поэтому Великобритания и США противились тому, что, по их мнению, было попыткой Сталина установить гегемонию советской власти в Европе. У Сталина, в свою очередь, появились опасения, что его бывшие союзники пытаются аннулировать его

военные достижения.

В то время как западные лидеры говорили о советской экспансии, Сталин жаловался на англо-американский глобализм. Он не мог понять, почему Запад воспринимает как угрозу действия СССР в Европе, если ему они представляются вполне естественными и скромными действиями оборонительного характера. Кроме того, он был ослеплен своим идеологическим убеждением, что послевоенный левый уклон в политической жизни Европы был проявлением неизбежного и необратимого исторического процесса, который должен привести к социализму. Впрочем, Сталин был в достаточной степени реалистом и прагматиком, чтобы увидеть, что в открытом политическом и идеологическом состязании с Западом он, вероятно, проигрывает. Когда антигитлеровская коалиция распалась и приблизилась «холодная война», он все больше начал склоняться к тому, чтобы отрезать СССР и находившуюся под его влиянием часть Восточной Европы от воздействия Запада. Во внутренней политике Сталин вновь решил поставить на патриотизм, на этот раз со значительно большим уклоном в ксенофобию, чем в 1930-е гг. На международной арене идеологическим знаменем Сталина стала защита национальной независимости европейских государств от британского и американского господства.

Собственно «холодная война» началась в марте 1947 г., с заявления Трумэна о всемирной борьбе против коммунистической агрессии и экспансии, за которым в июне последовало обнародование Плана Маршалла о политической и экономической реконструкции послевоенной Европы. Сталин отреагировал на это установлением тотального контроля со стороны Советского Союза в Восточной Европе. Чуть позже, в сентябре 1947 г., Жданов сделал заявление о том, что две противоборствующие тенденции в послевоенной международной политике вылились в раскол на два лагеря: лагерь империализма, реакции и войны и лагерь социализма, демократии и прогресса89.

Однако даже после этого взаимного объявления «холодной войны» Сталин все еще надеялся предотвратить окончательный раскол с Западом. Особенную тревогу у него вызывало возобновление германской угрозы. После окончания войны Германия была разделена на советскую, американскую, британскую и французскую оккупационные зоны. Опасения Сталина по поводу того, что западные зоны Германии станут плацдармом антисоветского блока, подтолкнули его к действиям, которые спровоцировали первый значительный кризис «холодной войны» – Берлинский воздушный мост 1948–1949 гг. Берлин в

1945 г. тоже был поделен пополам, однако он находился в центре советской зоны оккупации в восточной части Германии. Чтобы вынудить Запад возобновить переговоры о судьбе Германии, Сталин приказал закрыть все сухопутные пути, ведущие в Западный Берлин. В ответ на это был налажен воздушный мост с поставками в Западный Берлин, и Сталину пришлось сдаться. Единственным результатом берлинского кризиса стало ускорение создания независимого западногерманского государства в мае 1949 г. Месяцем раньше был подписан Североатлантический договор о создании возглавляемого Америкой военно-политического альянса, предназначенного для защиты Западной Европы от нападения или угроз со стороны Советского Союза.

Неудача Советского Союза в германском вопросе была одним из многочисленных просчетов, допущенных Сталиным за время «холодной войны». Самым опасным и дорогостоящим из них стала война в Корее. Под влиянием лидера Северной Кореи Ким Ир Сена в июне 1950 г. Сталин отдал приказ нанести удар по Южной Корее. Поначалу все шло хорошо, и за несколько недель северокорейские войска заняли большую часть страны. Однако ход войны очень быстро изменила возглавляемая Америкой военная интервенция под покровительством ООН. Армия Ким Ир Сена была отброшена к северу, и только неохотное вмешательство коммунистического Китая спасло его режим от полного провала. Эти события привели к ухудшению отношений между Сталиным и главой Китая Мао Цзэдуном, а сама война оказалась весьма убыточной в военном, политическом и экономическом аспектах.

Эти неудачи на внешнеполитической арене немного уравновешивались некоторыми положительными сдвигами. Сталину удалось укрепить контроль над Восточной Европой, хотя здесь у него был серьезный соперник – Тито. В 1948 г. это привело к расколу с коммунистической Югославией, которая до тех пор являлась самым преданным союзником СССР. В августе 1949 г. Советский Союз провел испытания первой атомной бомбы, а в октябре в Китае пришла к власти коммунистическая партия Мао. Что еще более важно, несмотря на напряженные международные отношения, удалось избежать открытого вооруженного конфликта с Западом, а в конце 1940-х – начале 1950-х гг.

Сталин постарался перехватить политическую инициативу, начав международную кампанию по борьбе за мир.

Никакие сложности внешней политики не могли поколебать положение Сталина внутри страны. Победа в Великой Отечественной войне сделала его превосходство неоспоримым, а

преклонение народных масс перед Сталиным достигло невиданных по своей абсурдности масштабов.

Внешнюю политику Сталина после войны часто характеризуют как возврат к коммунистической «ортодоксальности» и «нормальности», и в этом есть доля истины. За время войны Сталин научился адаптировать свою манеру руководства к нуждам ситуации. Он осознал, что необходимо проявлять больше гибкости в военных, культурных и экономических вопросах, и был готов допустить большее разнообразие мнений, высказываемых в советской прессе. В рамках антигитлеровской коалиции он открыл страну для внешнего воздействия. Однако ни Сталин, ни коммунистическая партия – главный инструмент его власти – не были готовы продолжать управлять страной в таком стиле в мирное время, а ухудшение международных отношений лишь ускорило возвращение к ортодоксальности в идеологии и в политических методах. Конечно, война все изменила, и система, которой управлял Сталин, уже не была той же, что и прежде. Теперь у коммунистической власти был новый источник легитимности – Великая Отечественная война, но теперь ему нужно было что-то делать с новыми ожиданиями народа по поводу будущего. Миллионы ветеранов войны нужно было принять в партию и интегрировать в государственные структуры. Не так просто было справиться и с выпущенным из бутылки джинном национализма. Подъем русского национального самосознания помог одержать победу в войне, но он же спровоцировал и ответный рост национального самосознания других этнических групп СССР, с которым нужно было бороться, как политическими средствами, так и с помощью репрессий90.

Самым большим достижением Сталина за годы войны было то, как он поменял стиль правления и функционирование возглавляемой им системы. Благодаря тому, что влияние и популярность Сталина в конце войны очень возросли, перед ним открывался целый ряд вариантов дальнейшего развития, однако непростая ситуация во внутренней и внешней политике сделала наиболее вероятным вариантом возврат к выраженной форме коммунистического авторитаризма. Трагедия «холодной войны» была в том, что она подтолкнула Сталина к укреплению личной диктатуры, а не к дальнейшему исследованию возможностей более демократичного стиля правления, к которому он обращался во время войны. Не исключено, что сам Сталин не мог сделать другой выбор, однако гибкость и креативность, которую он проявлял в военное время, позволяли говорить об обратном. Кроме того, не последовало и возвращения к массовому террору

1930-х гг. Напротив, масштаб политических репрессий в целом уменьшился. Послевоенный сталинский режим представлял собой переходную систему, ориентированную на режим большей политической свободы, который и сформировался после его смерти в 1953 г.

Возраст и нагрузки военного времени начали сказываться на здоровье Сталина в 1945 г.: он стал ежегодно проводить несколько месяцев на одной из своих дач у Черного моря91. Он перестал пытаться принимать участие во всем сразу, сконцентрировался главным образом на внешней политике и на спланированных интервенциях, чтобы не давать своему окружению расслабляться. В одной из исторических хроник послевоенную сталинскую систему правления называют неопатримониальной. Как и его предшественники (представители царской династии) и как любой другой диктатор, Сталин посредством своей патримониальной власти контролировал государство и, в каком-то смысле, был его хозяином. До и во время войны он реализовывал свою хозяйскую власть, принимая множество решений и детально контролируя повседневную работу правительства. В послевоенные годы он стал сдержаннее, стал делегировать значительную часть государственных дел комитетам и комиссиям, возглавляемым его коллегами по Политбюро. В результате деятельность правительства и партии стала более эффективной, хотя и по-прежнему весьма бюрократизированной и очень консервативной, ведь никому не хотелось вызвать недовольство «шефа». И все же, несмотря на неограниченную власть и увеличивающееся своенравие Сталина, стиль его послевоенного правления был гораздо более современным и рациональным, чем прежде92.

На XIX съезде КПСС в октябре 1952 г. – первом мероприятии такого рода с 1938 г. – Сталин даже не взял на себя труд выступить с главным политическим докладом, поручив это задание члену Политбюро Г.М. Маленкову93. Участие самого Сталина в съезде было ограничено несколькими краткими заключительными высказываниями в адрес приглашенных делегатов из братских стран. Нужно отметить, что он опять делал акцент на патриотической теме: «Раньше буржуазия считалась главой нации, она отстаивала права и независимость нации… Теперь не осталось и следа от “национального принципа”. Теперь буржуазия продает права и независимость нации за доллары. Знамя национальной независимости и национального суверенитета выброшено за борт. Нет сомнения, что это знамя придется поднять вам, представителям коммунистических и демократических партий, и понести его вперед, если хотите быть

патриотами своей страны, если хотите стать руководящей силой нации».

Старая русская пословица, авторство которой приписывается Екатерине Великой, говорит, что «победителей не судят». Сталин был осторожнее своей царственной предшественницы, и в своей речи в феврале 1946 г. сказал следующее: «Говорят, что победителей не судят, что их не следует критиковать, не следует проверять. Это неверно. Победителей можно и нужно судить, можно и нужно критиковать и проверять. Это полезно не только для дела, но и для самих победителей: меньше будет зазнайства, больше будет скромности»94.

Сталин часто говорил о необходимости учиться на своих ошибках – как в публичных выступлениях, так и в личном общении, но он знал, что единственный человек, который может судить его при жизни, – он сам. Даже за пределами Советского Союза в послевоенные годы большинство людей (по крайней мере, в странах-союзниках СССР) считали, что победа Сталина, какой бы ценой она ему ни далась, стоила того. Была предотвращена страшная угроза европейской цивилизации, и для большинства это было лучшим вариантом. «Холодная война» еще только начиналась, и многие надеялись, что сталинская диктатура преобразуется в более демократичный режим, достойный принесенных советскими людьми жертв и великой победы над гитлеровской Германией. Эти надежды потерпели сокрушительное поражение: разразилась «холодная война», а Сталин отказался от либерализма военных лет в пользу укрепления коммунистического авторитаризма95.

Несмотря на это, Сталин всегда оставался неоднозначной фигурой в дискуссиях о войне – как в СССР, так и на Западе. Для одних он был главной движущей силой победы, для других – причиной катастрофы. Его называли величайшим военачальником и худшим военачальником. Его путь к победе был ужасным, но, вероятно, неизбежным. Он создал систему террора и репрессий, жертвами которой стали миллионы, но, возможно, это была единственная система, которая могла одержать победу в титанической битве с Гитлером.

Глава 1 «СОЮЗ НЕЧЕСТИВЫХ»

Пакт Молотова – Риббентропа

Подписание в августе 1939 г. советско-германского пакта о ненападении далеко не было первым опытом Сталина на поприще международной политики, но его можно назвать самым значимым с того времени, когда Сталин пришел к власти в 1920-е гг. Перед самым началом Второй мировой войны период охлаждения, наступивший в отношениях между советской Россией и нацистской Германией после прихода к власти Гитлера в 1933 г., был объявлен оконченным: страны подписали договор, в котором обязывались воздерживаться от нападения друг на друга, поддерживать нейтралитет, обмениваться информацией и разрешать разногласия путем дружеского сотрудничества.

Первым намеком на возможность такого неожиданного поворота событий стало сделанное 21 августа 1939 г. заявление о том, что министр иностранных дел Германии Иоахим фон Риббентроп прилетает в Москву для переговоров о подписании советско-германского пакта о ненападении. Риббентроп прибыл в столицу СССР 23 августа, и в тот же день был подписан договор. 24 августа эта новость была опубликована в газетах «Правда» и «Известия». Статьи были снабжены широко известной теперь фотографией, на которой советский комиссар иностранных дел Вячеслав Молотов подписывает пакт, а Сталин смотрит на него с улыбкой.

«Зловещая новость потрясла мир подобно взрыву», – писал Уинстон Черчилль. «Несомненно, немцы нанесли мастерский удар, – отметил в своем дневнике министр иностранных дел Италии, граф Чиано, – ситуация в Европе тревожная». Живший в Берлине американский журналист Уильям Л. Ширер выразил мнение миллионов, сказав, что «не мог в это поверить» и «было ощущение, что война теперь неизбежна»1.

Причиной такого удивления и даже шока было то, что в течение предыдущих шести месяцев Сталин вел переговоры о создании *антигитлеровского* альянса с Великобританией и Францией. Переговоры начались сразу после оккупации немцами Чехословакии в марте 1939 г. и активизировались, когда Германия стала угрожать вторжением в Польшу, Румынию и другие государства Восточной Европы. В апреле советская сторона предложила создание полноценного трехстороннего альянса Великобритании, Франции и СССР – военной коалиции, которая позволила бы защитить Европу от дальнейшего распространения господства Германии и, если понадобится, вступить в войну с Гитлером. К концу июля было достигнуто

согласие по поводу политических аспектов альянса, и переговоры перешли в заключительную фазу, которая ознаменовалась началом переговоров военных миссий в Москве.

Переговоры о подписании трехстороннего договора проводились при закрытых дверях, но по большей части информация об их ходе сразу становилась известна прессе. Когда 10 августа в Москву прибыла англо-французская делегация, ее встретили с соответствующими почестями, и переговоры проходили в роскошном интерьере построенного при царе особняка на Спиридоновке. Все рассчитывали на то, что трехсторонний договор все же будет подписан и что Гитлер не осмелится превратить конфликт с Польшей по поводу Гданьска (Данцига) и «Польского коридора» в общеевропейскую войну. Однако уже через несколько дней военные переговоры зашли в тупик и 21 августа были приостановлены на неопределенный срок – как позже выяснилось, возобновиться им было уже не суждено2.

По-видимому, причиной срыва переговоров стало предъявленное советским руководством к Великобритании и Франции требование гарантировать, что в случае начала войны с Германией Польша и Румыния предоставят Красной Армии беспрепятственный проход по своей территории. Проблема заключалась в том, что Польша и Румыния – авторитарные антикоммунистические государства с территориальными претензиями к СССР – ничуть не меньше немецкого вторжения опасались советской интервенции и не желали в случае войны предоставлять Красной Армии право прохода по своей территории. Советское правительство, однако, настаивало на том, что успешное отражение немецкой атаки будет невозможно без продвижения по территории Польши и Румынии и что стратегически важно знать заранее, можно ли на это рассчитывать. Для Советского Союза трехсторонний договор с Великобританией и Францией представлял собой прежде всего согласованный план военных действий в совместной войне против Германии. Без такого военного соглашения образование политического антигитлеровского фронта не имело бы никакого смысла: никакое дипломатическое соглашение не помешало бы Гитлеру начать войну – по крайней мере, так считало советское правительство.

Помимо предоставления советским войскам пропуска по территории Румынии и Польши, были и более глубокие причины, по которым Москва приняла решение приостановить переговоры о подписании трехстороннего договора: Сталин не верил, что Великобритания и Франция всерьез намерены вести войну с

Гитлером. Напротив, он опасался, что переговоры были для них только искусным маневром, посредством которого они хотели заставить СССР вести войну за них. Как Сталин позже сказал Черчиллю, «у него было впечатление, что переговоры были неискренними и имели своей целью только запугать Гитлера, с которым западные державы позже могли прийти к соглашению»3. В другой раз Сталин пожаловался, что Невилл Чемберлен, премьер-министр Великобритании, «очень не любит русских и не доверяет им» и добавил: «если [я] не могу заключить союз с Англией, то [я] не должен остаться один – в изоляции – и стать жертвой победителей, когда закончится война»4.

Когда переговоры о создании трехстороннего альянса завершились, Сталин не был уверен в том, что произойдет дальше – несмотря на то, что уже через несколько дней он подписал с Гитлером пакт о ненападении. Немцы уже в течение нескольких месяцев намекали на то, что могут предложить СССР гораздо более выгодные условия, чем англичане и французы. В начале августа эта инициатива достигла кульминации, когда Риббентроп заявил представителю советской дипломатической миссии в Берлине, Георгию Астахову: «По всем проблемам, имеющим отношение к территории от Черного до Балтийского моря, мы могли бы без труда договориться»5. До этого момента Сталин ничем не поощрял инициативу Риббентропа, а Астахов не получал никаких распоряжений относительно того, как ему следует реагировать на все более щедрые предложения немецкой стороны. Германия явно пыталась сорвать подписание трехстороннего договора, и хотя Сталин не доверял ни англичанам, ни французам, Гитлеру он доверял еще меньше. Будучи хорошим идеологом, Сталин серьезно относился к антикоммунистическим взглядам Гитлера и не сомневался, что глава нацистской Германии собирается при любой возможности осуществить свои планы по экспансии на территорию Советского Союза, изложенные им в книге «Моя борьба». Сталин также опасался, что вакуум, образовавшийся после срыва трехстороннего альянса, будет заполнен союзом Англии и Германии, направленным против СССР. К концу июля, однако, переговоры о подписании трехстороннего договора безрезультатно продолжались уже несколько месяцев. Выжидательная позиция, которую Великобритания и Франция заняли в отношении предстоящих переговоров военных миссий, свидетельствовала о том, что Лондон и Париж намереваются и дальше затягивать подписание договора в надежде, что одна только вероятность создания англо-франко-советского альянса заставит Гитлера отказаться от вторжения в Польшу. Именно

поэтому, вместо того чтобы лететь в Москву, англо-французская военная миссия отправилась в Ленинград на пароходе. По прибытии выяснилось, что у нее нет подробного стратегического плана совместной войны против Германии.

В то время как Великобритания и Франция считали, что переговоры заставят Гитлера отказаться от нападения, Сталин совсем не был в этом уверен. Он больше доверял донесениям разведки, в которых говорилось, что Гитлер собирается напасть на Польшу. Учитывая эти обстоятельства – провал переговоров о создании трехстороннего альянса и угрозу войны с Польшей – предложения Германии требовали более серьезного отношения, и Астахову было дано распоряжение выяснить, что конкретно предлагают немцы. Поворотный момент настал, когда немцы согласились подписать особый протокол, в котором бы четко оговаривались внешнеполитические интересы советской и германской сторон. В срочном личном сообщении Сталину от 20 августа Гитлер настаивал на приезде Риббентропа в Москву для переговоров о подписании протокола. При этом он подчеркивал, что «напряжение между Германией и Польшей стало невыносимым» и что нельзя больше терять время. Сталин ответил на следующий день согласием на приезд Риббентропа: «Я надеюсь, что германо-советский пакт о ненападении станет решающим поворотным пунктом в улучшении политических отношении между нашими странами. Народам наших стран нужны мирные отношения друг с другом. Согласие германского правительства на заключение пакта о ненападении создает фундамент для ликвидации политической напряженности и для установления мира и сотрудничества между нашими странами»6.

Сталин лично принял Риббентропа в Кремле и в общении с ним проявил всю проницательность, ум и обаяние, которыми позже стал известен в дипломатических кругах. На предложение Риббентропа стать посредником в советско-японских отношениях Сталин ответил, что Советский Союз не боится войны, и если Япония хочет войны, она может ее получить, хотя если Япония хочет мира – это намного лучше. Он также осведомился об отношении Муссолини к советско-германскому пакту и спросил, что думает Германия о Турции. Сталин выразил мнение, что Англия, несмотря на слабость в военном отношении, будет вести войну ловко и упрямо. Он предложил тост за здоровье Гитлера и сказал Риббентропу, что знает, «как сильно германская нация любит своего Вождя». Провожая Риббентропа, Сталин сказал ему, что «Советское правительство относится к новому пакту очень серьезно. Он может дать свое честное слово, что Советский Союз никогда не предаст своего партнера»7.

Но о чем Сталин договорился с Риббентропом и в чем состояла сущность нового советско-германского партнерства? Обнародованный текст договора о ненападении ничем не отличался от многих других пактов о ненападении, которые Советский Союз заключил в 1920-е гг. – если не считать явного отсутствия положения о расторжении договора в случае нападения Германии или СССР на третью сторону. Как следовало из этого факта, пакт был, по сути, заявлением о нейтралитете Советского Союза в наметившейся германско-польской войне. Взамен Сталин получил от Гитлера обещания о дружбе и ненападении и, что еще более важно, условия «секретного дополнительного протокола», который прилагался к официальному тексту пакта. В первом пункте секретного протокола говорилось, что прибалтийские государства – Финляндия, Эстония и Латвия – входят в сферу интересов СССР. В соответствии со вторым пунктом, граница сфер интересов Советского Союза и Германии в Польше должна была проходить по линии рек Нарев, Висла и Сан. При этом уточнялось, что «вопрос, является ли в обоюдных интересах желательным сохранение независимого Польского Государства и каковы будут границы этого государства, может быть окончательно выяснен только в течение дальнейшего политического развития». Третий, заключительный пункт этого короткого протокола подчеркивал советский интерес к Бессарабии (области на территории Румынии, которая, по заявлениям Москвы, была «похищена» у России в 1918 г.), в то время как германская сторона заявляла о полной незаинтересованности в этой области8.

В отношении Прибалтики Германия предоставила Советскому Союзу то, чего он требовал от Великобритании и Франции во время трехсторонних переговоров – полную свободу действий в укреплении стратегических позиций в регионе, который имел критическое значение для безопасности Ленинграда. В контексте переговоров о подписании трехстороннего соглашения под свободой действий подразумевалось право Москвы принимать предупредительные меры, направленные на предотвращение диверсионной деятельности нацистов в прибалтийских странах, и противостоять германской агрессии против прибалтийских государств любым способом – вне зависимости от того, чего хотят сами жители Прибалтики. Вместе с тем, было не совсем ясно, как Сталин намеревался реализовать свободу действий в прибалтийской сфере интересов, которую ему предоставила Германия. Собирался ли он оккупировать Прибалтику или попытался бы найти другие средства защиты советских интересов в этой области? Такая же неопределенность была связана и с

политикой Сталина в отношении Польши. Германия согласилась не затрагивать сферу интересов Советского Союза на востоке страны, но какими могли быть последствия этого соглашения на практике? Ответ на этот вопрос зависел от еще одного неизвестного: от дальнейшего развития польско-германского конфликта и от реакции Великобритании и Франции на вторжение Гитлера в Польшу. В августе 1939 г. нельзя было предвидеть, что Польша так легко сдастся немецким захватчикам. Великобритания и Франция давали обязательство выступить в защиту Польши, однако нельзя было (по крайней мере, по мнению Сталина) исключить и возможность нового Мюнхенского соглашения – договора, в соответствии с которым Польша была бы отдана Гитлеру. Какой была бы в таком случае судьба советской сферы интересов в Восточной Польше? Сталин решил действовать осторожно, пока ситуация не прояснится – поддерживать нейтралитет Советского Союза в международном конфликте вокруг Польши, воздерживаться от активного преследования советских интересов в Польше и Прибалтике и даже быть готовым к возобновлению переговоров с Великобританией и Францией.

Осторожную позицию Сталина выразил его комиссар иностранных дел Молотов, который в обращении к Верховному Совету 31 августа 1939 г. предложил официально ратифицировать советско-германский пакт. Наиболее значимым положением в речи Молотова было следующее: он объявил, что Советский Союз больше не придерживается общей с европейскими странами политики и не будет участвовать в создании коалиции против Гитлера, но в то же время и не будет заодно с Германией. Вообще, Молотов особенно старался доказать, что советско-германский пакт о ненападении стал *следствием* , а не причиной срыва переговоров о трехстороннем соглашении. Он пытался защитить пакт о ненападении на том основании, что он позволял сузить зону потенциального возникновения военных конфликтов в Европе и расстроить планы тех, кто хотел настроить СССР и Германию друг против друга, чтобы добиться «нового великого кровопролития, новой бойни народов»9. Здесь речь Молотова перекликается с замечанием Сталина по поводу внешней политики Великобритании и Франции, высказанным на XVIII съезде советской коммунистической партии в марте 1939 г. По словам Сталина, политика невмешательства означает попустительство агрессии, развязывание войны… В политике невмешательства сквозит стремление, желание не мешать агрессорам творить свое черное дело, не мешать, скажем, Японии впутаться в войну с Китаем, а

еще лучше с Советским Союзом, не мешать, скажем, Германии… впутаться в войну с Советским Союзом, дать всем участникам войны увязнуть глубоко в тину войны, поощрять их в этом втихомолку, дать им ослабить и истощить друг друга, а потом, когда они достаточно ослабнут, выступить на сцену со свежими силами – выступить, конечно, «в интересах мира» и продиктовать ослабевшим участникам войны свои условия10.

Не этими ли правилами соглашательской политики европейских государств руководствовался Сталин, когда подписывал советско-германский пакт? Был ли он приверженцем идеи о «связи войны и революции» – идеи о том, что новая мировая война приведет к революционным изменениям такого же рода, как и те, которые потрясли Европу в конце Первой мировой войны? Так в то время считали многие антикоммунистически настроенные критики, и так о целях Сталина пишут историки, стремящиеся доказать, что основной причиной Второй мировой войны стали планы не Гитлера, а Сталина. В качестве одного из главных доказательств в таких работах приводится речь, которую Сталин якобы произнес на заседании Политбюро 19 августа 1939 г. – речь, в которой он говорил о перспективах «советизации» Европы в результате войны, которую он собирался спровоцировать подписанием советско-германского пакта о ненападении11. Проблема заключается в том, что текст речи был фальсифицирован. Не было не только самой речи – сомнительно даже то, что в указанный день вообще состоялось заседание Политбюро (в конце 1930-х гг. его заседания вообще проводились очень редко). По словам российского историка Сергея Случа, это «речь Сталина, которой не было»12.

Текст так называемой речи Сталина впервые появился в конце ноября 1939 г. во французской прессе. Его публикация была, очевидно, черной пропагандой, направленной на то, чтобы дискредитировать Сталина и внести разлад в советско-германские отношения. Само содержание речи указывает на то, что текст ее был фальсифицирован. Так, Сталин якобы говорил о том, что уже – 19 августа – подписал с Гитлером соглашение, в соответствии с которым уступал Германии советскую сферу интересов в Румынии, Болгарии и Венгрии.

За пределами Франции публикация не была воспринята слишком серьезно, хотя сам Сталин был вынужден сделать заявление, в котором называл опубликованную речь ложью13.

В 1939 г. Сталин не только не планировал развязать войну, он опасался, что он сам и его режим станут главными жертвами крупного военного конфликта. Именно это в конечном итоге подтолкнуло его поставить все на соглашение с Гитлером: такое

соглашение не гарантировало мир и безопасность, но оно давало больше всего шансов рассчитывать на то, что Советский Союз не окажется втянутым в войну. Несомненно, как и все остальные, Сталин ожидал, что если Великобритания и Франция объявят Германии войну, то начнется затяжной военный конфликт, война на истощение, которая даст Советскому Союзу время и возможность укрепить оборону. Он был слишком осторожен, чтобы поставить все на простое повторение сценария Первой мировой войны.

Раздел Польши

С точки зрения Сталина самым важным вопросом после подписания советско-германского пакта оставалась дальнейшая судьба Польши. Ответом на этот вопрос стал ошеломительный успех немецкого молниеносного вторжения в Польшу. Уже 3 сентября Риббентроп сообщил Советам, что польская армия будет разбита через несколько недель и рекомендовал направить войска в сферу российских интересов в Восточной Польше14. Однако в тот же день Великобритания и Франция объявили Германии войну. 5 сентября Молотов дал уклончивый ответ на просьбу Риббентропа, подтверждая, что Советский Союз должен начать конкретные действия, но отмечая, что «чрезмерная поспешность может нанести нам ущерб и способствовать объединению наших врагов»15. Лишь 9 сентября Молотов сообщил немцам, что советские войска будут введены в Польшу в течение нескольких дней.

Личное мнение по поводу войны и польского вопроса Сталин выразил во время встречи с Георгием Димитровым, главой Коминтерна, 7 сентября 1939 г.: «Война идет между двумя группами капиталистических стран (бедные и богатые в отношении колоний, сырья и т. д.). Мы не прочь, чтобы они подрались хорошенько и ослабили друг друга. Неплохо, если бы руками Германии было расшатано положение богатейших капиталистических стран (в особенности Англии). Гитлер, сам этого не понимая и не желая, расшатывает, подрывает капиталистическую систему… Мы можем маневрировать, подталкивать одну сторону против другой, чтобы лучше разодрались. Пакт о ненападении в некоторой степени помогает Германии. Следующий момент – подталкивать другую сторону. Польское государство раньше… было национальное государство. Поэтому революционеры защищали его против раздела и порабощения. Теперь [Польша] – фашистское государство угнетает украинцев, белорусов и т. д. Уничтожение этого государства в нынешних условиях означало бы одним буржуазным фашистским государством меньше! Что плохого было бы, если бы в результате разгрома Польши мы распространили социалистическую систему на новые территории и население»16.

Эти утверждения взяты из дневника Димитрова – важнейшего источника информации о рассуждениях Сталина в годы войны – и требуют комментария, так как могут быть интерпретированы как доказательство идеи о связи войны и революции. Поводом для

встречи Сталина с Димитровым было объявление Сталина об изменении в политике Коминтерна, в основе которой со времен VII Международного конгресса 1935 г. лежала идея «народного фронта» борьбы с нацизмом. Эта идея подразумевала, помимо прочего, поддержку сотрудничества Советского Союза с западными буржуазно-демократическими государствами. После подписания советско-германского пакта Коминтерн и входившие в его состав партии продолжали проводить политику народного фронта, поддержав дипломатический ход Москвы в отношениях с Германией, но в то же время по-прежнему пропагандируя народную борьбу с германской агрессией. Сталин не пытался отказаться от политики народного фронта, наоборот, Димитров записал в своем дневнике его слова о том, что «мы предпочитали соглашение с так называемыми демократическими странами и поэтому вели переговоры. Но англичане и французы хотели нас иметь в батраках и притом за это ничего не платить!» Обстоятельства, однако, изменились, и уже начавшаяся война представляла собой межимпериалистический конфликт, поэтому «деление капиталистических государств на фашистские и демократические потеряло прежний смысл». Сталин говорил также о вопросе «уничтожения рабства» в ходе войны, но не выступал, как делал это Ленин во время Первой мировой войны, за превращение империалистской войны в революционную гражданскую войну. Непосредственной целью Сталина было найти идеологическое обоснование для готовящегося вторжения Красной Армии в Польшу – первого акта военной экспансии такого рода за всю историю советского государства – и он пытался доказать Димитрову в первую очередь, что коммунисты должны не вести войну, а противостоять ей.

Войска Красной Армии пересекли границу Польши 17 сентября 1939 г. Объявляя об этом по радио, Молотов заявил, что польско-германская война обнаружила банкротство польского государства. Учитывая эти обстоятельства, сказал Молотов, советские вооруженные силы были введены в страну, чтобы предоставить помощь и защиту проживающим на территории Польши украинцам и белорусам. Эта патриотическая идея была подхвачена советскими газетами, которые писали об угнетении польским правительством украинцев и белорусов и о том, каким ликованием люди встречали красноармейцев17.

Польские территории, оккупированные Красной Армией – главным образом, области, которые отходили к сфере интересов Сталина по советско-германскому соглашению, – были по сути западными территориями Украины и Белоруссии. Они располагались к востоку от так называемой линии Керзона

(границы между Россией и Польшей, проведенной по этнографическому принципу комиссией Парижской мирной конференции 1919 г. и названной в честь ее председателя, министра иностранных дел Великобритании). Целью комиссии было создать основу для перемирия в только что начавшейся русско-польской войне. Однако окончательная граница была определена с учетом военных успехов Польши в войне: в соответствии с Рижским соглашением, подписанным в марте 1921 г., СССР отдал Польше Западную Украину и Западную Белоруссию. Однако Советы так и не смирились с утратой этих территорий, на которых поляки были меньшинством. На дипломатическом уровне территориальные разногласия между двумя государствами не проявлялись, но все же сказывались на их отношениях – особенно в 1930-е гг., при Сталине, когда в России началась более активная пропаганда патриотизма. Москву непрестанно беспокоило то, что украинцев и белорусов, живущих в Польше, могут использовать для ведения подрывной деятельности среди их соотечественников, живущих в СССР. В 1938 г. нацистские пропагандисты совместно с украинскими националистами действительно начали кампанию в прессе и средствах пропаганды за воссоединение и независимость Украины. Таким образом, советское вторжение в Восточную Польшу было воплощением своеобразной националистской логики и одновременно имело очевидное объяснение с точки зрения геополитики: подразумевалось, что ввод Красной Армии на территорию страны официально зафиксирует сдвиг советской линии обороны на запад и установит четкую границу экспансии Германии на восток.

Единственным, кто приветствовал ввод советских войск в Польшу, был Черчилль: он долгое время был не у дел и лишь недавно вернулся в состав правительства в должности военно-морского министра. В широко известном радиообращении от 1 октября 1939 г. он утверждал: «Россия проводит холодную политику собственных интересов. Мы бы предпочли, чтобы русские армии стояли на своих нынешних позициях как друзья и союзники Польши, а не как захватчики. Но для защиты России от нацистской угрозы явно необходимо, чтобы русские армии стояли на этой линии».

Дальше Черчилль успокаивал слушателей: «Я не могу вам предсказать, каковы будут действия России. Это такая загадка, которую чрезвычайно трудно разгадать, однако ключ к ней имеется. Этим ключом являются национальные интересы России. Учитывая соображения безопасности, Россия не может быть заинтересована в том, чтобы Германия обосновалась на берегах

Черного моря или чтобы она оккупировала Балканские страны и покорила славянские народы Юго-Восточной Европы. Это противоречило бы исторически сложившимся жизненным интересам России»18.

Черчилль был прав. Русский национальный интерес действительно был одним из ключей к внешней политике Сталина; вторым ключом была коммунистическая идеология. В обращении Сталина к Димитрову 7 сентября было достаточно много высоких слов, целью которых было оправдать отход Коминтерна от политики борьбы с нацизмом, однако в значительной мере оно выражало истинные чувства Сталина. Расчет Сталина относительно советско-германского пакта был основан на идеалистическом представлении о неизбежности кризиса капитализма и начала империалистических войн. На протяжении 1920–1930-х гг. Сталин предупреждал, что если бы империалисты попытались разрешить свои внутренние конфликты, объявив войну Советскому Союзу, это привело бы их к краху: они столкнулись бы с восстанием рабочего класса и революциями в собственных странах. Однако Сталин слишком реалистично смотрел на вещи, чтобы строить безопасность СССР на надеждах на революцию за границей. Он знал из опыта, что революционное движение в прогрессивных капиталистических странах очень слабо и на него нельзя положиться. Именно поэтому политические указания Сталина Димитрову после начала войны были консервативными и осторожными. На встрече с Димитровым 25 октября 1939 г. Сталин заметил, что «во время первой империалистической войны большевики переоценили ситуацию. Мы все забегали вперед и делали ошибки… теперь не нужно копировать позиции, которые тогда занимали большевики… Нужно также помнить, что сейчас ситуация другая: в то время не было коммунистов у власти. Теперь есть Советский Союз!» 7 ноября Сталин сказал Димитрову: «Я думаю, что лозунг о превращении империалистической войны в гражданскую (во время первой империалистической войны) подходил только для России… Для европейских стран этот лозунг не подходит…»19

Мысль Сталина о том, что главное различие между Первой и Второй мировыми войнами заключалось в существовании Советского Союза, не нуждалась для Димитрова в пояснении: он, как и все коммунисты того времени, был приучен верить, что его первейшим долгом было действовать в защиту СССР – тем более в военное время, когда само существование социалистического государства поставлено под угрозу. В 1939 г. Сталину нужно было от его сторонников-коммунистов не начало революционной войны, а политическая кампания за мир – в том числе он хотел,

чтобы они поддержали просьбы Гитлера к Великобритании и Франции положить конец конфликту вокруг Польши.

Советско-германская «мирная инициатива» началась после второго круга переговоров Сталина и Риббентропа 27–28 сентября. Риббентроп прилетел в Москву, чтобы обсудить советские предложения об изменении советско-германской границы, проходящей по территории оккупированной Польши. Сталин сказал Риббентропу, что советско-германский раздел Польши должен по мере возможности проходить по этническим границам. В этом случае польские территории могли быть в дальнейшем переданы из советской в германскую сферу влияния; в обмен на это предполагалось передать Литву в советскую сферу влияния в Прибалтике. Предлагая такой обмен Риббентропу, Сталин подчеркнул, что проведение демаркационной линии, отделяющей этническую Польшу от граничащих с СССР районов, населенных преимущественно не-поляками, помогло бы предотвратить в будущем возникновение националистских движений за объединение Польши20. Результатом этих дискуссий стал новый советско-германский пакт под названием «Советско-германский договор о дружбе и границах», подписанный 28 сентября 1939 г. В нем оговаривалась новая граница раздела Польши, а кроме того (секретным протоколом) Литва отходила к сфере интересов СССР21. В тот же день Советский Союз и Германия выпустили совместное заявление, в котором говорилось, что теперь, когда Польша ликвидирована как государство, война в Европе должна быть закончена22. После этого Гитлер призвал к достижению мира путем переговоров, и этот призыв повторил Молотов в своем обращении к Верховному Совету в конце октября 1939 г. В этой речи он обвинял в продолжении войны Великобританию и Францию, утверждая, что их мотивом была защита колоний и продолжающаяся межимпериалистическая борьба за мировое господство23.

«Новый Рапалльский договор»

Но действительно ли Сталин хотел, чтобы война в Европе завершилась? Может быть, и нет, но он не представлял, сколько она будет продолжаться и как будет разворачиваться; не могло быть никаких гарантий того, что ее исход будет благоприятным для Советского Союза. Великобритания и Франция объявили войну Германии в поддержку Польши, но фактически сделали очень мало, чтобы поддержать поляков; кажется, им было вполне достаточно вести войну с Германией из-за «линии Мажино» – оборонительных сооружений вдоль франко-германской границы. Вторжение Германии в Польшу радикально изменило баланс сил в Европе, однако сложно было предсказать, какими конкретно будут последствия этих изменений. В таких обстоятельствах у Сталина был только один путь – любым возможным способом укреплять стратегическое положение Советского Союза, чтобы избежать участия в новой общеевропейской войне. На тот момент это означало близкое сотрудничество с Германией, в том числе поддержку «мирных предложений», поступавших от Гитлера. В то же время Сталин не хотел сжигать мосты в отношениях с Великобританией и Францией и пытался, заключая договоры с Гитлером, одновременно оставлять возможность для восстановления отношений СССР с западными державами24.

Было сложно сказать, как долго продлится новый союз с Гитлером, но на этом этапе Сталин не исключал долгосрочного партнерства. В самом деле, уже существовал прецедент длительного советско-германского сотрудничества. В 1922 г. СССР и Германия подписали так называемый Рапалльский договор – соглашение об установлении дипломатических отношений между двумя государствами (они были нарушены в 1918 г.), за которым последовало десятилетие интенсивного экономического, политического и военного сотрудничества. «Рапалльские отношения», как их называли, были прерваны всего один раз, когда Гитлер пришел к власти в 1933 г. Но и несмотря на это, в течение 1930-х гг. обе стороны неоднократно предпринимали попытки восстановить сотрудничество хотя бы частично – в особенности в торговых отношениях25. В беседе с Риббентропом 27 сентября Сталин упоминал прецедент Рапалло: «Основным элементом советской внешней политики всегда было убеждение в возможности сотрудничества между Германией и Советским Союзом. Еще в начальный период, когда большевики пришли к власти, мир упрекал большевиков в том, что они являются платными агентами Германии. Рапалльский договор

также был заключен большевиками. В нем содержались все предпосылки для расширения и углубления взаимовыгодных отношений. Когда национал-социалистическое правительство пришло к власти в Германии, отношения ухудшились, так как немецкое правительство видело необходимость отдать приоритет внутриполитическим соображениям. По прошествии некоторого времени этот вопрос исчерпал себя, и немецкое правительство проявило добрую волю к улучшению отношений с Советским Союзом. Советское правительство немедленно заявило о своей готовности к этому. Если вообще можно говорить о вине за ухудшение отношений, то необходимо констатировать, что Советское правительство в своей исторической концепции никогда не исключало возможности добрых отношений с Германией. Именно поэтому Советское правительство и сейчас с чистой совестью приступило к возобновлению сотрудничества с Германией. Это сотрудничество представляет собой такую силу, что перед ней должны отступить все другие комбинации»26.

Конечно, нацистская Германия не была Веймарской республикой, а Гитлер не был обычным немецким политиком, однако Сталин был склонен рассматривать эти два государства – демократическое и нацистское – не как качественно разные явления, а как явления, лежащие в одной общей плоскости капитализма27. В 1930-е гг. нацистская Германия представляла для Советского Союза серьезную угрозу, поэтому Сталин старался к объединению с западными демократическими державами. Обстоятельства изменились, и теперь Гитлер представлял собой не угрозу, а возможность. «Возможность» могла снова стать угрозой в будущем, но на данном этапе Сталин спешил получить как можно больше выгоды от «нового Рапалльского договора» с Германией.

В 1920-е гг. СССР и Германия были постоянными торговыми партнерами, и это партнерство разрушилось после прихода к власти Гитлера. Однако заключение советско-германского пакта привело к значительному возрождению экономических отношений между двумя государствами. В результате экономических соглашений, подписанных в августе 1939 г., феврале 1940 г. и январе 1941 г., объем советско-германских экспортно-импортных сделок увеличился в десять раз, достигнув невиданного с начала 1930-х гг. уровня28. Структура торговли была такой же, как и в тот, предыдущий период: немцы предоставляли русским кредиты на покупку техники и промышленных товаров; русские, в свою очередь, экспортировали в Германию сырье. За период с января 1940 г. по июнь 1941 г. СССР поставил в Германию следующее количество сырья:

1,5 млн зерна
100 000 тонн хлопка
2 млн т нефтепродуктов
1,5 млн т леса
140 000 т марганца
26 000 т хрома29

Особенно важными были поставки зерна, нефти, марганца и хрома – ключевых компонентов германской военной экономики, которая сейчас находилась в суровых условиях морской блокады со стороны Великобритании. Советский Союз также подписал с Германией секретный протокол, согласно которому должен был действовать от ее лица как сторонний покупатель и поставлять продукцию в Германию через территорию СССР. В обмен на это Советы получали соответствующее количество станков, готового металла, химической продукции, военного и другого оборудования30. В денежном эквиваленте объем импорта и экспорта ежедневно составлял около 500 млн марок, однако для Гитлера стратегическая выгода была гораздо больше, чем для Сталина. Как отмечает Эдвард Э. Эриксон, «без советских поставок… Германия едва ли смогла бы даже напасть на Советский Союз, не говоря уже о том, чтобы приблизиться к победе. Имеющиеся у Германии запасы нефти, марганца и зерна были бы уже полностью истощены к концу лета 1941 г., а запасы резины закончились бы на полгода раньше… Иными словами, Сталин почти полностью обеспечил Гитлера теми ресурсами, которые были ему необходимы для нападения на Советский Союз. Неудивительно, что Гитлер неоднократно подчеркивал, что Германия должна выполнять условия экономических соглашений. Он не мог завоевать даже малую часть советской территории, не получив прежде от Советского Союза достаточного количества сырья»31.

Сотрудничество Сталина с Гитлером в военной сфере было более ограниченным, но все же очень ценным для немцев. Когда в сентябре 1939 г. немецкие бомбардировщики начали налеты на Польшу, им помогали направленные сигналы с советских радиостанций. Далее, когда Красная Армия вторглась в Польшу 17 сентября, советские и германские войска действовали согласованно. Советское правительство открыло свои порты в Северном Ледовитом океане для немецких кораблей и позволило немцам открыть секретную базу для подводных лодок на советской территории, неподалеку от Мурманска – база

оставалась действующей до тех пор, пока не стала ненужной после вторжения Германии в Норвегию в апреле 1940 г.32.

На идеологическом фронте тоже произошли изменения: советская пресса прекратила нападки на фашизм и нацизм; в культурной сфере был предпринят ряд мер по восстановлению и укреплению связей между Германией и СССР. Однако наиболее важным аспектом партнерства Сталина и Гитлера оставалась геополитика. Пока война продолжалась и пока Гитлеру нужна была дружба со Сталиным для защиты восточного фланга, Германия не оспаривала претензии СССР на Прибалтику, которая входила в сферу его интересов.

Сферы влияния

Еще до окончательного решения «польского вопроса» Сталин начал предпринимать решительные действия в Прибалтике. 24 сентября 1939 г. министр иностранных дел Эстонии, приехав в Москву для подписания торгового соглашения, был встречен предложением со стороны Молотова подписать пакт о взаимопомощи, в рамках которого Советский Союз мог бы разместить в Эстонии воздушные и морские военные базы: «Не бойтесь наших гарнизонов. Заверяем Вас, что СССР не намерен касаться ни суверенитета Эстонии, ни ее государственного и экономического устройства, ни ее внутренней жизни и внешней политики… военные части Советского Союза будут избегать всего, что не соответствует этим обещаниям»33.

Формально Сталин был верен своему слову: текст советско-эстонского пакта о взаимопомощи, подписанного 28 сентября 1939 г., содержал пункты, запрещающие Советскому Союзу вмешиваться во внутреннюю политику Эстонии34.

Дальше пришла очередь Латвии. Правительство Латвии, как и правительства других прибалтийских стран, надеялось, что в процесс вмешается Германия, но Сталин быстро развеял эти иллюзии: «Я откровенно говорю, что произошел раздел сфер влияния», – сообщил он министру иностранных дел Латвии 2 октября. «Немцы были бы не против, если бы мы оккупировали вас. Но мы не хотим ничего плохого»35. На встрече на следующий день Сталин высказался еще более откровенно: «Немцы могут напасть. Шесть лет немецкие фашисты и коммунисты проклинали друг друга… Теперь, несмотря на историю, произошел неожиданный поворот, но полагаться на него нельзя. Мы должны быть готовы заранее. Те, кто не был готов, уже поплатились за это»36.

Латвия подписала пакт о взаимопомощи с Советским Союзом 5 октября, а Литва – 10 октября. Как и пакт с Эстонией, эти соглашения содержали положения о размещении советских военных баз и обещания невмешательства. Сталин сказал литовцам, что военные базы «послужат безопасности самой Литвы»37 и с усмешкой добавил: «Наши гарнизоны помогут вам подавить коммунистическое восстание, если оно произойдет в Литве»38.

На самом деле, в шутке Сталина была доля правды. В соответствии с заявленной политикой Москва дала своим дипломатическим представителям и военным подразделениям в Прибалтике четкие указания воздерживаться от вмешательства во

внутреннюю политику и не делать ничего, что могло бы стать почвой для слухов о будущей «советизации» этих территорий39. Как Сталин пояснил Димитрову 25 октября, «мы думаем, что в пактах о взаимопомощи (Эстония, Латвия, Литва) нашли ту форму, которая позволит нам поставить в орбиту влияния Советского Союза ряд стран. Но для этого нам надо выдержать – строго соблюдать их внутренний режим и самостоятельность. Мы не будем добиваться их советизирования. Придет время, когда они сами это сделают»40.

Сдержанность Сталина в отношениях с прибалтийскими странами резко контрастировала с политикой СССР в Западной Белоруссии и Западной Украине. После оккупации этих территорий Красной Армией в сентябре 1939 г. Политбюро приказало начать выборную кампанию под лозунгом установления советской власти и воссоединения восточных и западных регионов Белоруссии и Украины. Также были отданы распоряжения о национализации крупных предприятий и банковской системы и коллективизации сельского хозяйства41. Нет нужды говорить, что выборы были фальсифицированы и в ноябре «народные собрания» единогласно проголосовали за вступление в СССР. Стремясь достичь тотального политического контроля, советские власти без малейшего сожаления прибегали к террору и поощрению классовой борьбы и конфликтов между этническими группами42. Особенно выраженная репрессивная политика проводилась в отношении польского меньшинства в Западной Белоруссии и Западной Украине – ведь именно оно считалось наиболее вероятным источником сопротивления новому советскому строю. Около 400 000 поляков (при общей численности населения 12 млн человек) были арестованы или депортированы, многие были расстреляны. В числе жертв были 20 000 польских военнопленных офицеров и политических заключенных, расстрелянные в марте – апреле 1940 г. Самым печально известным из таких событий стал массовый расстрел в Катынском лесу под Смоленском43.

Планировал ли Сталин сделать то же самое и с прибалтийскими странами? Несомненно, именно такой вывод многие сделали из того факта, что летом 1940 г. прибалтийские государства были оккупированы Красной Армией, присоединены к СССР и, подобно Западной Белоруссии и Западной Украине, подвергнуты насильственной советизации. Вместе с тем, осенью 1939 г. и поведение Сталина, и его заявления полностью соответствовали более сдержанному политическому курсу – по крайней мере, на тот момент. Более того, у радикальной политики, которую Сталин проводил в Восточной Польше, были

особые мотивы. Как отмечалось выше, советское правительство не могло смириться с тем, что было вынуждено уступить Польше Западную Белоруссию и Западную Украину, и Сталин с самого начала вторжения Красной Армии на эти территории намеревался добиться их присоединения к СССР. Советизация Восточной Польши была не просто прецедентом для советизации Прибалтики – она стала образцом того, как это следует делать: вплоть до того, что из Эстонии, Латвии и Литвы в июне-июле 1940 г. было депортировано около 25 000 «неугодных» граждан44.

Еще одна территория, в которой Сталин был очень заинтересован, – Балканы. В отличие от Польши и Прибалтики, по сферам влияния в этом регионе у СССР не было никаких соглашений с Германией, однако это не мешало Сталину преследовать свои интересы. В центре внимания Сталина были две страны – Болгария и Турция, и обеим странам было предложено подписать с Советским Союзом пакты о взаимопомощи. Болгары вежливо отказались от предложения, отметив, что не совсем ясно, какую помощь Советы могли бы предложить им в случае войны, и что такое соглашение вызвало бы подозрения, учитывая, что обстановка на Балканах осенью 1939 г. и без того была напряженной45. Турция заняла более сложную позицию. Она была готова подписать пакт о взаимопомощи с Советским Союзом, но одновременно хотела заключить подобные соглашения о взаимопомощи с Великобританией и Францией. Для Сталина это было неприемлемо, и он ясно дал это понять министру иностранных дел Турции 1 октября 1939 г.: «У событий есть своя логика: мы говорим одно, а события идут другим путем. Мы с Германией разделили Польшу, Англия и Франция нам войны не объявили, но это может быть. Мы с немцами пакта о взаимной помощи не имеем, но если англичане и французы объявят нам войну, нам придется с ними воевать. Как будет выглядеть этот [англо-франко-турецкий] договор?.. [Вы можете] ответить, что у нас имеется оговорка такого порядка, что турецкие обязательства прекратят свое действие или что Турция будет нейтральна. Тогда и нам придется внести оговорку, что в случае, если Турция вовлечется в конфликт, то и наш пакт теряет свою силу. Мы против Германии не выступим… Хотим ли мы заключить пакт с турками? Хотим. Являемся ли мы друзьями Турции? Да. Но вот имеются обстоятельства, о которых я говорил и которые превращают пакт [между Турцией и Советским Союзом] в бумажку. Кто виноват, что так повернулись дела, неблагоприятные для заключения с Турцией пакта? Никто.

Обстоятельства, развитие событий. Акция Польши сыграла свою роль. Англичане и французы, особенно англичане, не хотели соглашения с нами, считая, что они могут обойтись и без нас. Если есть лица виноватые, то мы тоже виноваты – не предвидели всего этого»46.

Просьба Сталина не остановила турецкое правительство, и 19 октября 1939 г. оно подписало соглашение о взаимопомощи с Великобританией и Францией. По этому договору Турция не могла вступать в войну против Советского Союза, но это было небольшим утешением для Сталина, которому пришлось попрощаться со своей мечтой о создании с участием Турции и Болгарии нейтрального блока балканских стран, возглавляемого Советским Союзом.

Сталин явно пытался напугать Турцию своими рассуждениями о непредвиденных обстоятельствах и непреднамеренных последствиях. Он ясно дал понять, что для него важно партнерство с Германией. В то же время, в этом заявлении было очевидно, что Сталин считал ситуацию в эти первые недели войны в Европе крайне изменчивой и что ему сложно было предсказать, какой будет окончательная расстановка сил в этом конфликте. Сталин в этой ситуации проявил большую дальновидность, чем можно было бы подумать. Уже через несколько недель дела в Прибалтике приняли такой оборот, что Советский Союз оказался на грани войны с Великобританией и Францией.

«Зимняя война»

Советско-финская война 1939–1940 гг. стала первым настоящим испытанием для Сталина в качестве военачальника. Во время Гражданской войны в Испании Сталин осуществлял руководство помощью, которую Москва оказывала республиканцам (помимо прочего, для борьбы с силами Франко было направлено около 2000 советских «добровольцев»). На протяжении 1930-х гг. на китайско-советской границе неоднократно возникали вооруженные конфликты с Японией, иногда с участием целых дивизий. Но ни то, ни другое не могло сравниться с полномасштабным вторжением в соседнее суверенное государство. Более подходящей возможностью для таких действий со стороны советских вооруженных сил было вторжение в Польшу, но к моменту появления Красной Армии польские войска уже были полностью разбиты немцами.

«Зимняя война» с Финляндией не была сознательным выбором Сталина. Он предпочел бы решить вопросы границ и безопасности, из-за которых разгорелся конфликт, за столом переговоров. Но когда политические переговоры с Финляндией зашли в тупик, он без колебаний отдал приказ о начале военных действий.

Первый шаг к войне был сделан 5 октября 1939 г., когда Советский Союз предложил Финляндии прислать в Москву делегацию для обсуждения советско-финского пакта о взаимопомощи. В Москве финская делегация была встречена требованиями не только подписать пакт, но и уступить или сдать внаем ряд островов в Финском заливе для сооружения советских военно-морских укреплений. Что еще более важно, Сталин хотел сместить на северо-запад советско-финскую границу, которая проходила всего в 20 милях от Ленинграда. В качестве компенсации финнам были предложены территории на дальнем севере, в Советской Карелии.

В ходе подготовки к переговорам министр иностранных дел Советского Союза сформулировал ряд максимальных и минимальных требований. В числе максимальных требований было создание советских военных баз в Финляндии, передача Советскому Союзу месторождения никеля Петсамо в Северной Финляндии и право вето на создание финских военных укреплений в странах Балтии47. Однако финская делегация была готова лишь на небольшие уступки, и советской стороне пришлось согласиться на минимальные требования, даже на отказ от предложенного изначально советско-финского пакта о

взаимопомощи. Переговоры продолжались весь октябрь, но без положительных результатов48. Более того, в середине октября финское правительство отдало приказ о мобилизации и, уже предвидя начало войны, арестовало несколько финских коммунистов49.

Похоже, Сталин довольно быстро решил, что война с Финляндией может быть необходима. 29 октября Ленинградский военный округ представил наркому обороны Клименту Ворошилову «план действий по уничтожению наземных и военно-морских сил финской армии»50. В середине ноября 1939 г.

Сталин якобы сообщил Военному совету, что «нам придется воевать с Финляндией»51. Примерно в то же время Ворошилов отдал приказ о том, чтобы к 20 ноября советские войска были стянуты в окрестности Ленинграда, а командиры на местах приготовились к началу военных действий к 21 ноября52. Поводом для объявления войны стали пограничные столкновения между советскими и финскими войсками. 28 ноября Молотов отказался от пакта о ненападении, подписанного СССР и Финляндией в 1932 г. На следующий день Советский Союз разорвал дипломатические отношения с Финляндией53. Той же ночью Сталин начал восьмичасовое совещание в Кремле со своими ближайшими соратниками, среди которых был Ворошилов54. На следующий день Красная Армия атаковала Финляндию.

По словам Хрущева, советское руководство не ожидало затяжного конфликта с Финляндией и было уверено, что финны отступят, столкнувшись с угрозой войны или, по крайней мере, как только будет открыт огонь55. То, что Москва надеялась на легкую войну и быструю победу, было очевидно из политических приготовлений к конфликту. 30 ноября Молотов сказал послу Германии, что «не исключено, что в Финляндии будет создано другое правительство – дружественное Советскому Союзу, а также Германии. Это правительство будет не советским, а типа демократической республики. Советы там никто не будет создавать, но мы надеемся, что это будет правительство, с которым мы сможем договориться и обеспечить безопасность Ленинграда»56. Что Молотов имел в виду, стало ясно на следующий день, когда Советы создали свое марионеточное правительство – «народное правительство Финляндии» во главе с финским коммунистом Отто Куусиненом. 2 декабря правительство Куусинена торжественно подписало с СССР пакт о взаимопомощи, полностью удовлетворявший основные требования Сталина по вопросам безопасности и территориальным вопросам в обмен на 70 000 квадратных

километров Советской Карелии57.

В какой-то мере создание правительства Куусинена было просто идеологическим «фиговым листком», который был нужен, чтобы прикрыть вторжение Советского Союза в Финляндию. В то же время, создание этого правительства отражало искреннюю веру (или по крайней мере надежду) Советов в то, что ввод советских войск будет встречен народным восстанием против буржуазного Хельсинки58. То, что Сталин пытался оправдать финский конфликт с позиций идеологии, очевидно из его разговора с Димитровым в январе 1940 г., в котором он связывал вторжение советских войск в Финляндию со всемирной политической борьбой за социализм: «Мировая революция одним разом – это чепуха. Она происходит в разное время в разных странах. Действия Красной Армии тоже имеют отношение к мировой революции»59. Впрочем, Сталин был ограничен в восприятии событий идеологией, но не ослеплен ею. Как только стало ясно, что политические события в Финляндии развиваются не в соответствии с идеологической схемой, правительство Куусинена исчезло со сцены. Более того, в том же разговоре с Димитровым Сталин отметил, что может согласиться на гораздо более скромные требования к Финляндии: «Мы не стремимся получить территорию Финляндии. Но Финляндия должна быть государством, дружественным Советскому Союзу»60.

На военном фронте советско-финская война проходила в два основных этапа. В декабре 1939 г. Красная Армия широким фронтом атаковала финские оборонительные укрепления. В атаке принимали участие пять отдельных армий общей численностью около 1,2 миллиона при поддержке 1500 танков и 3000 самолетов. Основная сила удара приходилась на так называемую «линию Маннергейма» на Карельском перешейке. Эта линия оборонительных укреплений (как естественных, так и искусственных), названная в честь главнокомандующего финских вооруженных сил, проходила по всей ширине перешейка. Атаку по линии Маннергейма вела 7-я армия под руководством К.А. Мерецкова, командующего Ленинградским военным округом. Целью советской армии было прорвать линию Маннергейма, занять город Виипури, а затем направиться на запад, к столице Финляндии, Хельсинки. Первые атаки советских войск не принесли результата. Финны очень хорошо сражались и крепко держали оборону, погода была плохой, а советское наступление – неуклюжим и плохо скоординированным. В январе 1940 г. советские войска перегруппировались, прибыло подкрепление и командующим военными действиями был назначен С.К. Тимошенко. В середине февраля Тимошенко начал хорошо

продуманное наступление, которое также концентрировалось на линии Маннергейма. На этот раз советские войска сумели прорвать финскую оборону и отбросить войска Маннергейма по широкому фронту61.

К марту 1940 г. Красной Армии удалось разбить остатки финской обороны, начать наступление на Хельсинки, а затем оккупировать всю территорию страны. Тем не менее, Сталин принял решение ответить на мирную инициативу Финляндии: он начал переговоры, завершившиеся подписанием договора об окончании войны. В соответствии с договором, подписанным 12 марта 1940 г.62, Финляндия уступала всем территориальным требованиям Советского Союза, но при этом сохраняла свою независимость и суверенность, причем, в отличие от других стран Балтии, без подписания пакта о взаимопомощи и без размещения советских военных баз в ее материковой части. Относительная сдержанность Сталина по отношению к Финляндии была реакцией на развитие конфликта, который к весне 1940 г. уже угрожал перерасти в полноценное участие СССР в общеевропейской войне.

На международной арене реакция на нападение Советского Союза на Финляндию была крайне враждебной. Как писал в своих мемуарах Иван Майский, посол Советского Союза в Лондоне, он «пережил немало антисоветских бурь, но то, что последовало после 30 ноября 1939 г., побило всякие рекорды»63. Во Франции атмосфера была еще более напряженной; Я.З. Суриц, советский посол в Париже, 23 декабря доложил в Москву, что «наше полпредство стало зачумленным местом и окружено роем штатских шпиков»64. В Италии прошли настолько активные народные демонстрации против СССР, что Москва была вынуждена в знак протеста отозвать своего посла из Рима. В Соединенных Штатах правительство объявило «моральное эмбарго» на экспорт товаров, связанных с войной. 14 декабря Лига Наций исключила СССР из своих рядов – в первый и последний раз за всю свою историю эта организация пошла на такие меры против государства-агрессора (Германия, Италия и Япония вышли из организации по своей воле). К этому времени Лига Наций уже не обладала таким авторитетом, как прежде, но в 1930-е гг. Москва активно выступала за обеспечение коллективной безопасности от агрессии, и исключение из организации стало для нее болезненным ударом.

Сталин выразил свое недовольство таким поворотом событий в беседе с главой эстонских вооруженных сил в декабре 1939 г.: «В международной прессе разворачивается организованная кампания против СССР, который обвиняют в проведении

политики империалистической экспансии, особенно в связи с финляндско-советским конфликтом. Распространяются слухи о том, что Советский Союз на переговорах с Великобританией и Францией потребовал для себя права захватить Финляндию, Эстонию и Латвию… Характерно, что англичане и французы, которые распространяют и выдумывают слухи про нас, решили не публиковать подтверждения этих слухов в официальных документах. Причина очень проста… стенографические записи показывают, что у французов и англичан не было серьезного желания достичь с нами справедливого и честного соглашения, которое могло бы предотвратить войну. Они все время только уворачивались»65.

Политические последствия «зимней войны» сами по себе были достаточным поводом для беспокойства, однако куда большее волнение Москвы вызывали сообщения о том, что Великобритания и Франция готовятся направить на помощь финнам объединенные экспедиционные войска. В начале 1940 г. сообщалось даже о том, что союзники планируют провести бомбардировку бакинского нефтяного месторождения, чтобы отрезать поставки советской нефти в Германию66.

Целью Англии и Франции по отношению к Финляндии было переправить «добровольцев» в зону военных действий через Норвегию и Швецию. В ходе этой операции англо-французские войска должны были взять под контроль норвежский город Нарвик и занять месторождения железной руды в Северной Швеции – важнейший источник ресурсов для военной экономики Германии. Черчилль, который стремился любым способом расширить масштабы войны против Германии, был рьяным сторонником экспедиции; он не рассматривал всерьез возможность начала войны СССР и Запада за Финляндию, но был, очевидно, готов к ней67. Ретроспективно решение Черчилля объяснить сложно. Если бы экспедиция союзнических войск состоялась, это повлекло бы за собой серьезные нарушения нейтралитета Норвегии и Швеции. Немцы постарались бы защитить свой источник поставок железной руды в Швеции, а Швеция сообщила Финляндии, что будет защищать свой нейтралитет и оказывать экспедиционным войскам вооруженное сопротивление. Сталин не хотел конфликта с Великобританией и Францией, но, столкнувшись с возможностью вмешательства союзнических войск и начала масштабной войны в Скандинавии, он, вероятно, понял, что единственный путь для него – объединиться в военном плане с Гитлером.

В своей работе «История Англии 1914–1945 гг.» А. Дж. П. Тейлор пишет по поводу планировавшейся экспедиции в

Финляндию, что «британское и французское правительства потеряли рассудок»68. Так мог бы подумать и Сталин, однако у него была другая теория. Маневры Англии и Франции по отношению к Финляндии подкрепили его самое большое опасение – что они пытаются превратить войну в Европе в войну против Советского Союза. Один из возможных вариантов развития событий представил Майский в депеше, отправленной в Москву 23 декабря 1939 г. В британских правящих кругах, писал Майский, есть две точки зрения на англо-советские отношения. Сторонники первой точки зрения выступают за сохранение нейтралитета Советского Союза в войне и надеются, что этот нейтралитет перерастет в дружественное отношение, а затем, возможно, и в альянс, направленный против Германии. Вторая точка зрения заключалась в том, что нейтралитет Советского Союза не выгоден Великобритании и Франции, и что события в Финляндии – хорошая возможность подтолкнуть СССР к войне на стороне Германии. Участие СССР в войне истощило бы его ресурсы, и в таких обстоятельствах более вероятной стало бы присоединение США к альянсу Великобритании и Франции. Более того, если Советский Союз будет истощен войной, будет возможно сформировать международную коалицию капиталистических стран, включая даже Германию, направленную против большевистской России69.

Эти страхи и подозрения публично выразил Молотов 29 марта 1940 г. в речи, обращенной к Верховному Совету и посвященной разгромной критике Великобритании и Франции. «Начавшуюся же в Финляндии войну, – сказал Молотов, – англо-французские империалисты готовы были сделать отправным пунктом для войны против СССР, с использованием в этих целях не только самой Финляндии, но и скандинавских стран – Швеции и Норвегии». Лондон и Париж, утверждал Молотов, рассматривали Финляндию в качестве плацдарма для возможного нападения на Советский Союз. Указывая на помощь, которую Финляндия получала от других государств, Молотов заявил, что «здесь произошло столкновение наших войск не просто с финскими войсками, а с соединенными силами империалистов ряда стран». Молотов также представил обзор «зимней войны» с точки зрения Советского Союза. Как и следовало ожидать, он хвалил Красную Армию за прорыв линии Маннергейма и превозносил преимущества мирного договора, который позволил разрушить планы империалистов, обеспечить безопасность СССР и сохранить Финляндию как независимое государство. Потери советских войск в войне, по словам Молотова, составили 48 745 человек убитыми и 158 863 ранеными, в то время как потери

финнов составили 60 000 человек убитыми и еще 250 000 ранеными70.

В то время как Молотов в столь радужных тонах рассказывал о войне, за закрытыми дверями советское правительство тщательно изучало результаты и уроки этого конфликта. Процесс начался с оживленного обсуждения критического доклада Ворошилова о ходе войны на пленуме центрального комитета коммунистической партии 28 марта71. 14–17 апреля за ним последовало специальное совещание Высшего командования по «опыту военных действий против Финляндии». Сталин присутствовал на всех этих дебатах, активно участвовал в обсуждении, а в конце совещания выступил с заключительным словом, посвященным урокам войны.

Свою речь Сталин начал с попытки оправдать решение о начале войны. Он отметил, что безопасность Ленинграда имела особое значение: это был второй город страны, в котором было сосредоточено 30–35 % ее оборонной промышленности. Говоря о времени начала войны, Сталин заявил, что более целесообразным на тот момент было воспользоваться благоприятными условиями европейской войны, а не ждать несколько месяцев, пока будут закончены приготовления к вторжению. Подождав пару месяцев, можно было на ближайшие 20 лет потерять возможность обезопасить положение Ленинграда, если бы Великобритания, Франция и Германия внезапно решили заключить мир. Говоря о продолжительности войны, Сталин рассказал, что советское руководство ожидало, что она продлится до августа или сентября 1940 г., и напомнил о предыдущих российских военных кампаниях в Финляндии, которые шли по несколько лет. Вместе с тем, советские вооруженные силы не восприняли войну с Финляндией достаточно серьезно; они ожидали такой же легкой победы, как и во время вторжения в Восточную Польшу. Более того, в вооруженных силах, сказал Сталин, по-прежнему царил культ русской гражданской войны, однако «гражданская война – это не настоящая война, потому что это была война без артиллерии, без авиации, без танков, без минометов». Сталин подверг критике ориентированность финской армии на оборонительные действия, добавив, что пассивная армия не может представлять собой настоящую современную армию, которая должна быть способна к наступательным действиям. В заключение Сталин отметил, что Советский Союз разгромил не только финнов, но и их «европейских учителей»: «Мы разбили не только финнов – эта задача не такая большая. Главное в нашей победе состоит в том, что мы разбили технику, тактику и стратегию передовых государств Европы, представители которых

являлись учителями финнов. В этом основная наша победа»72.

После завершения конференции была учреждена комиссия, целью которой было еще более подробно разобрать опыт финской войны73. Результаты работы комиссии и ее вспомогательных органов были использованы при проведении серии реформ советских вооруженных сил в последующие несколько месяцев. Руководил реформами Тимошенко, который в мае сменил Ворошилова на посту наркома обороны. В мае же правительство подписало декрет, в соответствии с которым в высших уровнях командованиях были восстановлены звания генерала и адмирала, а в июне эти звания получили сотни опытных, закаленных в боях офицеров. Среди получивших повышение был Тимошенко, который стал маршалом, и Мерецков, ставший генералом армии. Примерно в то же время Сталин дал согласие на восстановление в рядах вооруженных сил тысяч офицеров, дискредитированных в результате чисток. Среди них был полковник К.К. Рокоссовский, в июне 1940 г. получивший звание генерала. В годы Великой Отечественной войны ему было суждено стать прославленным маршалом Советского Союза. 16 мая 1940 г. в правила подготовки советских войск были внесены изменения, призванные сделать ее более ориентированной на реальные боевые условия. В июле был ужесточен дисциплинарный кодекс вооруженных сил, а в августе восстановлено централизованное тактическое командование. Это означало, что отныне полевые офицеры не должны были согласовывать свои приказы с политическими комиссарами. В то же время были приняты меры по улучшению пропагандистской деятельности в вооруженных силах и по привлечению большего количества офицеров и солдат в ряды коммунистической партии74.

«Зимнюю войну» нередко изображают как крупную неудачу сталинского руководства: эта кампания дорого обошлась стране, представила Красную Армию в неприглядном виде и дала Гитлеру повод думать, что завоевать Россию будет относительно легко; она привела к дипломатической изоляции Советского Союза и едва не повлекла за собой войну с Великобританией и Францией; она сделала Финляндию врагом, который в июне 1941 г. присоединился к вторжению Германии в СССР. Однако Сталин рассматривал войну и ее итоги иначе. В конце концов, война была выиграна, причем всего за три месяца – несмотря на сложные топографические и погодные условия. Советский Союз добился удовлетворения своих территориальных требований; благодаря своевременному завершению войны были расстроены империалистские замыслы Англии и Франции. Война обнажила недостатки в подготовке вооруженных сил, оборудовании,

структуре и идеологии, но это было даже хорошо – нужно было только принять необходимые меры, чтобы их устранить. И прежде всего, финская война придала Сталину уверенности в том, что Советский Союз достаточно силен, чтобы справиться с непредсказуемыми последствиями расширения европейской войны.

Финская война была очень показательна с точки зрения свойственного Сталину стиля верховного командования. Его решение отказаться от идеологического проекта «народной демократической Финляндии» и готовность быстро завершить войну свидетельствовали о способности отступить от догматических убеждений, когда того требовали обстоятельства. Подобным образом, другие решения Сталина – сместить своего давнего соратника Ворошилова с поста наркома обороны, реабилитировать пострадавших в результате чисток офицеров, назначить на высшие должности молодых талантливых командиров – продемонстрировали его гибкость в кадровых вопросах. «Препарирование» войны показало, что положение о непогрешимости Сталина, игравшее определяющую роль в принятии решений советского руководства, не исключало возможности полного и открытого обсуждения широкого круга вопросов, касающихся исправления ошибок и осуществления радикальных реформ. Вместе с тем, интервенционистская политика Сталина и то, с каким благоговением воспринималось его мнение во время обсуждения, означало, что советское командование при принятии решений стратегического уровня по-прежнему не могло обойтись без Сталина. К счастью, Сталину была свойственна типичная для большевизма футуристская вера в преимущества современного мира и новых технологий, и она сослужила ему хорошую службу во многих военных вопросах. Благодаря заинтересованности в достоинствах современных военных технологий, о которой он так часто говорил, он сразу оценил значение молниеносной победы немецких бронетанковых войск во Франции в мае-июне 1940 г. В июле 1940 г. Сталин отменил принятое ранее решение о роспуске танкового корпуса Красной Армии и отдал приказ о формировании ряда крупных механизированных корпусов тяжелой бронетехники75. Примерно в то же время были приняты решения о закупке и производстве моделей многих танков, артиллерийских орудий и самолетов, которые во время Великой Отечественной войны стали главной опорой советских вооруженных сил76. Во время встречи с высшим командованием в январе 1941 г. Сталин отстаивал необходимость механизации армии в дискуссии с критиками, которые считали, что лошади надежнее танков и что последние, в любом случае,

очень уязвимы для артиллерии. Сталин настаивал на том, что «современная война будет войной моторов. Моторы на земле, моторы в воздухе, моторы на воде и под водой. В таких условиях победителем окажется тот, у кого большее количество и более мощные моторы»77.

Капитуляция Франции и конец советско-германского пакта

До капитуляции Франции в июне 1940 г. советско-германский пакт сослужил Сталину хорошую службу. Сделка с Гитлером позволила СССР не участвовать в войне, отвратила кошмарную возможность советско-германского конфликта на Восточном фронте, при котором Великобритания и Франция оставались бы в стороне, дала время укрепить оборону страны. Были сделаны территориальные и политические приобретения в Польше и Прибалтике. Возвращение к политике Рапалло в отношениях с Германией было очень выгодно с точки зрения экономики, очень уместным был и нейтралитет Германии во время «зимней войны». Конечно, выгода в этом случае совсем не была односторонней: Гитлер тоже получил очень много преимуществ. Особенно важным из них было то, что он смог беспрепятственно осуществить вторжение в Польшу, не опасаясь, что ему придется вести войну на два фронта. Оглушительный успех немецкой молниеносной войны в Западной Европе нарушил этот баланс. После капитуляции Франции 22 июня 1940 г. Гитлер получил неограниченный контроль над континентальной Европой. Великобритания, которой с недавнего времени управлял Черчилль, была намерена не сдаваться, но было сомнительно, что она сможет сопротивляться и Гитлеру, и соблазнительным призывам к заключению мирного договора. Теперь Сталин столкнулся с перспективой окончания европейской войны и подписания мирного договора, условия которого будут продиктованы победителем – Германией.

Реакцией Сталина на эту новую ситуацию стал ряд инициатив, направленных на то, чтобы оптимизировать территориальные приобретения Советского Союза в дальнейших военных действиях. В середине июня 1940 г. Сталин начал усиливать свое влияние в Прибалтике. Опасаясь интриг прибалтийских националистов и проникновения немцев в этот регион, Сталин потребовал создания просоветских правительств в Эстонии, Латвии и Литве и оккупации всех трех стран Красной Армией. Он возобновил попытки создать сферу влияния Советского Союза на Балканах. В ответ на донесения о неминуемом вступлении Италии в войну Молотов обратился к Риму с предложением о разделе «сфер влияния» на Балканах с Италией и Германией. 10 июня Италия все же вступила в войну, и дипломатические усилия Советского Союза еще более

активизировались. Кульминацией их стало сделанное Италии 25 июня предложение признать превосходство СССР в районе Черного моря в ответ на признание Советским Союзом гегемонии Италии в Средиземноморье78. 26 июня Молотов представил послу Румынии ультиматум с требованием вернуть СССР Бессарабию (в настоящее время эта территория входит в состав республики Молдова). Он также потребовал, чтобы Румыния уступила СССР Северную Буковину – территорию с украинским населением, на которую Советский Союз раньше не претендовал. Через два дня Румыния уступила советским требованиям. Приобретение Бессарабии позволило укрепить оборону советских военно-морских баз в Одессе и Севастополе, а оккупация Северной Буковины – закрепить сухопутную связь между Бессарабией и Украиной. Граница СССР и Румынии теперь проходила по северо-восточному берегу устья Дуная, что давало Москве право претендовать на участие в контроле транспортного движения по реке79. Как и Западная Белоруссия и Западная Украина, Бессарабия и Северная Буковина были очень быстро включены в состав СССР. Подобный процесс вхождения в состав СССР в июле 1940 г. начался и в странах Прибалтики. Хотя большинство населения выступало против этого процесса, живущее в крупных городах активное левое меньшинство приветствовало оккупацию территории Красной Армией и требовало установления советской власти и присоединения к СССР. Такие радикальные настроения части населения дали Москве основание пересмотреть отрицательное отношение к «советизации». К середине августа во всех трех прибалтийских странах были проведены фальсифицированные выборы в народные ассамблеи, члены которых затем, как и следовало ожидать, проголосовали за вхождение в СССР80.

Сталин рассматривал все это как меры по укреплению обороны и как предварительные шаги к мирной конференции, на которой должен был обсуждаться переход советско-германского альянса в новую стадию. Однако с точки зрения Гитлера действия Сталина выглядели как угроза и провокация. Захват Сталиным Прибалтики был интерпретирован как часть плана по развертыванию вооруженных сил вдоль восточной границы Германии. Попытка Москвы использовать Италию в качестве посредника по разделу сфер влияния на Балканах рассматривалась как экспансия. Ввод Красной Армии в Бессарабию и Буковину ставил под угрозу поставки нефти в Германию с нефтяных месторождений Плоешти в Румынии.

Еще большие подозрения Гитлера вызвало назначение нового посла Великобритании в Советском Союзе. Стаффорд Криппс

прибыл в Москву в середине июня и привез с собой личное письмо Черчилля Сталину. Черчилль предупреждал Сталина об угрозе, которую представляла собой гегемония Германии в Европе, и предлагал начать обсуждение проблем, которые могли возникнуть из-за этого в осуществлении интересов Великобритании и Советского Союза. Во время встречи с Криппсом 1 июля Сталин отверг инициативу Великобритании. На заявление Криппса о том, что Великобритания борется за поддержание равновесия сил в Европе, Сталин ответил, что хотел бы «изменить старое равновесие в Европе, которое действовало против СССР. Как известно по результатам переговоров, англичане и французы не пошли в этом вопросе навстречу. Это послужило базой сближения СССР с Германией… если идет вопрос о восстановлении равновесия и, в частности, установлении равновесия в отношении СССР, то мы должны сказать, что согласиться на это не можем». Далее он сказал Криппсу, что «считает еще преждевременным говорить о господстве Германии в Европе. Разбить Францию – это еще не значит господствовать в Европе. Для того, чтобы господствовать в Европе, надо иметь господство на морях, а такого господства у Германии нет, да и вряд ли будет… при всех встречах, которые он имел с германскими представителями, он такого желания со стороны Германии – господствовать во всем мире – не замечал… он не исключает, что среди национал-социалистов есть люди, которые говорят о господстве Германии во всем мире. Но… есть в Германии неглупые люди, которые понимают, что нет у Германии сил для господства во всем мире»81. Через две недели после этой встречи Молотов представил графу Фридриху фон дер Шуленбургу, послу Германии, немного приукрашенный, но достаточно точный отчет о разговоре Сталина с Криппсом82. Главная мысль Сталина была ясна: он хотел дать Гитлеру понять, что намерен развивать советско-германские отношения. Эту же идею выразил Молотов в своем выступлении перед Верховным Советом 1 августа 1940 г.: он высмеял появившиеся в прессе слухи о том, что Советский Союз считает новое положение Германии в Европе неприятным и опасным. Напротив, сказал Молотов, советско-германский пакт теперь имеет еще большее значение, чем когда либо, и основывается не на «преходящих обстоятельствах, а на коренных национальных интересах обеих стран»83.

Гитлер, однако, был уверен, что в англо-советских отношениях что-то назревает и что Великобританию вдохновляет способность СССР выступать в качестве противовеса власти Германии в Европе. 31 июля Гитлер заявил своему верховному

командованию: «Англия надеется на Россию и Соединенные Штаты… Россия – фактор, на который больше всего полагается Англия. Когда Россия будет раздавлена, последняя надежда Англии рассыплется в прах. Тогда Германия станет госпожой Европы и Балкан. Решение: уничтожение России должно быть частью этой борьбы. Весна 41. Чем скорее Россия будет раздавлена, тем лучше. Нападение может достичь цели, только если корни российского государства подорваны одним ударом»84.

Как видно из этой цитаты, мысли Гитлера в это время были заняты не Россией, а Великобританией, и он не мог понять, почему британцы отвергли еще одно предложение о начале мирных переговоров. Когда немецкие стратеги начали строить планы вторжения в Россию, Гитлер дал Риббентропу разрешение предложить Советскому Союзу вступить в «континентальный блок», который включал бы в себя также Германию, Италию и Японию и мог бы противостоять Соединенным Штатам и Великобритании85. Сложно судить, насколько серьезно Гитлер относился к этому плану, который активно продвигал настроенный против Великобритании Риббентроп, но, кажется, он был готов дать ему шанс. Очевидно, лишь после того, как планы о создании континентального блока провалились, Гитлер официально распорядился начать подготовку к вторжению в Россию.

Предложенный Риббентропом континентальный блок подразумевал, что Россия должна присоединиться к трехстороннему соглашению, подписанному Германией, Италией и Японией 27 сентября 1940 г. Участники этого трехстороннего пакта обязались помогать друг другу в случае нападения державы, которая на тот момент не принимала участия в войне. Кроме этого, Риббентроп планировал подписать секретный протокол, в котором каждая страна указала бы направление своей дальнейшей экспансии86.

13 октября Риббентроп написал Сталину письмо, в котором приглашал Молотова в Берлин для переговоров: «Я хотел бы заявить, в полном соответствии с мнением фюрера, что историческая задача четырех держав [Советского Союза, Италии, Японии и Германии] заключается в том, чтобы согласовать свои долгосрочные политические цели и, разграничив между собой сферы интересов в мировом масштабе, направить по правильному пути будущее своих народов»87.

Сталин дал положительный ответ 22 октября: «Я согласен с Вами, что вполне возможно дальнейшее улучшение отношений между нашими государствами, опирающееся на прочную базу

разграничения своих интересов на длительный срок»88.

Однако за этими дружелюбными словами скрывалась растущая напряженность в советско-германских отношениях. 31 августа Германия и Италия выступили в роли судей в давнем территориальном споре Венгрии и Румынии, предложив отдать Трансильванию Венгрии в обмен на гарантии территориальной целостности оставшейся Румынии до удовлетворения некоторых требований Болгарии. Москва была просто в ярости из-за того, что решение было принято без учета ее мнения: это означало, что теперь Румыния подчинялась Германии. В сентябре в страну прибыла немецкая военная миссия. В том же месяце немецкие военные подразделения появились и на финской земле. Кроме того, становилось ясно, что Италия собирается напасть на Грецию (что она и сделала 28 октября), тем самым распространив европейскую войну и на территорию Балкан.

В обращенной к Молотову директиве от 9 ноября 1940 г. Сталин обозначил цели переговоров с Риббентропом и Гитлером. Молотов получил указания прозондировать намерения Германии и выяснить, какую роль Советский Союз играет в планах Гитлера. Также нужно было выразить интересы СССР по ряду международных вопросов – прежде всего по вопросу включения Болгарии в сферу интересов СССР, который Сталин назвал «наиболее важным вопросом переговоров»89.

Инструкции Сталина Молотову показывают, что он был готов обсуждать соглашение с Германией по широкому кругу вопросов и по-прежнему считал возможным партнерство с Гитлером. Молотов прибыл в Берлин 12 ноября и попытался выполнить указания Сталина. Однако выяснилось, что ему предлагается не обсуждать соглашение о переделе сфер влияния, а стать младшим компаньоном в возглавляемом Германией альянсе, в рамках которого экспансия Советского Союза должна быть направлена на Индию и может привести к конфликту с Великобританией. Сталин не был заинтересован в такой расстановке сил, и переговоры очень скоро зашли в тупик. Молотов настойчиво продолжал попытки подтолкнуть немцев к заключению конкретных соглашений по насущным вопросам, но безрезультатно. Суть этой тупиковой ситуации была выражена в резком разговоре между Молотовым и Риббентропом во время их последней встречи 14 ноября: «Вопросы, которые интересовали Советский Союз на Ближнем Востоке, касались не только Турции, но и Болгарии… судьба Румынии и Венгрии также интересовала Советский Союз и не могла быть несущественной для него ни при каких обстоятельствах. Далее, советское правительство очень заинтересовано в том, какие намерения имеет “Ось” в отношении

Югославии… Греции… и Польши…» (Молотов)

«Он лишь повторял снова и снова, что решающий вопрос заключается в том, готов ли Советский Союз сотрудничать с нами в ликвидации Британской империи. По всем другим вопросам мы бы легко достигли соглашения, если бы нам удалось расширить отношения и определить сферы влияния. Как располагаются сферы влияния, было заявлено неоднократно» (Риббентроп)90.

По словам Якова Чадаева, управляющего делами Совета народных комиссаров, когда Молотов отчитывался перед Политбюро о переговорах в Берлине, Сталин был уверен в том, что Гитлер намерен начать войну91. Вместе с тем, официальная реакция Советского Союза на переговоры в Берлине говорит о том, что Сталин еще не совсем отказался от сделки с Гитлером. 25 ноября Молотов представил Шуленбургу меморандум, в котором перечислялись условия присоединения Советского Союза к трехстороннему соглашению: 1) вывод немецких войск из Финляндии; 2) заключение советско-болгарского пакта о взаимопомощи, включающего в качестве одного из условий создание советских военных баз; 3) признание территориальных претензий Советского Союза в районе Персидского залива; 4) соглашение с Турцией, предусматривающее создание советских военных баз в Черноморских проливах; 5) отказ Японии от прав на добычу угля и нефти на Северном Сахалине92. Как отметил Джон Эриксон, «реакция Сталина… была, во всех смыслах этого слова, проверкой намерений Гитлера: условия присоединения Советского Союза к пакту четырех держав означали, что Гитлер получит полную свободу действий на Западе только в том случае, если будет исключена возможность успешной войны Германии против Советского Союза»93. Во время той же встречи Молотов сообщил Шуленбургу, что новый посол Советского Союза в Германии, Владимир Деканозов, на следующий день должен уехать из Берлина. 19 декабря Деканозов встретился с Гитлером. Немецкий диктатор сообщил ему, что начавшиеся переговоры с Молотовым будут продолжены в служебном порядке, однако отказался принимать в них дальнейшее участие94. На самом деле, к этому моменту Гитлер уже принял решение начать войну. За день до этого, 18 декабря 1940 г., он подписал директиву о начале операции «Барбаросса» – такое кодовое название получило вторжение Германии в Россию95.

В декабре 1939 г. Сталин ответил на поздравительную телеграмму Риббентропа в честь его 60-го юбилея пафосными словами о прочности советско-германского альянса: «Дружба народов Германии и Советского Союза, скрепленная кровью, имеет все основания быть длительной и прочной»96. Тем не

менее, не прошло и года, как эти два государства начали готовиться к войне.

Глава 2 БОЛЬШИЕ ИЛЛЮЗИИ

Сталин и 22 июня 1941 г.

После неудавшихся переговоров Молотова в Берлине нависшая угроза советско-германской войны стала еще более очевидной. Как Сталин сказал Димитрову 25 ноября, «наши отношения с Германией превосходны на первый взгляд, но между нами есть серьезные трения»1. Димитров получил приказ начать в Болгарии кампанию Коминтерна в поддержку сделанного Москвой Софии предложения подписать пакт о взаимопомощи. Повторное предложение было сделано повторно после возвращения Молотова из Берлина2. Болгарское руководство вновь вежливо отклонило предложение СССР и дало понять, что намерено присоединиться к «Оси» Берлин – Рим – Токио, подписав тройственный пакт3. Столкнувшись с такой перспективой, Советский Союз выразил протест Берлину, заявив, что Болгария входит в зону его влияния на Балканах, но безрезультатно. В марте 1941 г. Болгария подписала тройственный пакт – вслед за Венгрией, Румынией и Словакией, которые присоединились к альянсу в ноябре 1940 г. Еще большее беспокойство Москвы вызывало положение в Греции, в которую в октябре 1940 г. вторглась Италия; к этому моменту в боях на ее территории участвовало более 100 000 британских солдат. Эта ситуация грозила распространением войны на остальную часть Балкан.

К весне 1941 г. единственным независимым государством в Восточной Европе помимо осажденной Греции оставалась Югославия. Москва уже в октябре 1940 г. предпринимала попытки вовлечь Югославию в антигерманский фронт на Балканах. Небольшую надежду на успех подал народный переворот в Белграде в марте 1941 г., в результате которого было свергнуто прогерманское правительство. Советское посольство в Белграде сообщало, что на улицах города проходят массовые демонстрации, требующие «союза с Россией», а югославская коммунистическая партия начала кампанию за подписание пакта взаимопомощи с СССР4. 30 марта новое правительство Югославии обратилось в советское посольство с предложениями заключить военно-политический союз между Югославией и СССР, подчеркивая, в частности, что для поддержания нейтралитета стране требуется вооружение. На следующий день Молотов предложил руководству Югославии отправить в Москву делегацию для срочных переговоров5. Переговоры состоялись в Москве 3–4 апреля; советскую сторону на них представлял заместитель комиссара по иностранным делам Андрей

Вышинский. Югославия настаивала на заключении военного союза, в то время как Сталин предлагал «пакт о ненападении и дружбе». Вышинский не скрывал мотивов, которые за этим стояли: «У нас есть соглашение с Германией, и мы не хотим произвести впечатление, что мы нарушаем это соглашение. Мы менее всего хотим разрушить это соглашение»6. Учитывая приоритетность этого вопроса, Молотов вечером 4 апреля пригласил Шуленбурга, чтобы сообщить ему, что Советский Союз намерен подписать пакт о ненападении с Югославией. Шуленбург возразил, что отношения между Югославией и Германией в данное время остаются напряженными из-за неясности по поводу присоединения Югославии к тройственному соглашению. Молотов ответил, что присоединение Югославии к «Оси» Берлин – Рим – Токио не противоречит сущности предлагаемого пакта и что германо-югославские отношения – это проблема, которая должна решаться Берлином и Белградом. Со своей стороны Советский Союз, заявлял Молотов, рассматривает свой пакт о ненападении и дружбе как вклад в дело сохранения мира и ослабления напряженности на Балканах7.

Советско-югославский пакт о ненападении датирован 5 апреля, хотя на самом деле он был подписан ранним утром 6 апреля 1941 г.8. После церемонии подписания в Кремле состоялся банкет. Среди участников был советский дипломат Николай Новиков, который в своих мемуарах вспоминал следующий разговор между Сталиным и Савичем, главой югославской делегации:

Савич : А если они [немцы] нападут на нас, мы будем сражаться до последнего человека. И вам, русским, тоже придется воевать, желаете вы этого или нет. Гитлер сам никогда не остановится. Его надо остановить.

Сталин : Да, вы правы, Гитлер сам не остановится. У него далеко идущие планы. Могу вам сказать, что нас немцы тоже запугивают, только мы их не боимся.

Савич : А известно ли вам, господин Сталин, о слухах, будто Германия собирается напасть в мае на Советский Союз?

Сталин : Пусть попробует. Нервы у нас крепкие. Мы не хотим войны. Поэтому и заключили с Гитлером пакт о ненападении. Но как он его выполняет? Знаете ли, какие силы немцы придвинули к нашим границам9?

Впрочем, красивые слова Сталина не подкреплялись действиями. В тот же день немцы, обеспокоенные затруднительным положением итальянской кампании в Греции, а также враждебным отношением нового правительства в Белграде, начали вторжение в Югославию и Грецию. Уже через две недели

Белград потребовал мира. Британские войска, сражающиеся в Греции, продержались немного дольше, однако уже к началу мая они покинули материковую часть страны, оставив ее в немецкой оккупации. Югославия не получила от СССР ни значительной поддержки, ни материальной помощи. Возможно, если бы Югославия продержалась чуть дольше, помощь со стороны Советского Союза поступила бы, однако Сталин, столкнувшись с еще одной молниеносной победой Германии, решил не вступать в конфликт с Гитлером из-за Югославии. Вообще, с падением Югославии Сталин, похоже, решил, что отныне наилучшим способом справиться с Гитлером будет политика умиротворения10.

Политика умиротворения по-советски

До начала Второй мировой войны Сталин нередко критиковал англо-французскую политику умиротворения, мотивируя это тем, что уступки Гитлеру лишь разжигают его аппетит в плане территориальных приобретений. За три месяца до 22 июня 1941 г. он решил оставить в стороне эти соображения и постараться отвратить Гитлера от начала войны несколькими щедрыми жестами дружбы, рассчитанными на то, чтобы продемонстрировать мирные намерения в отношении Германии.

Первым из этих жестов стало подписание 13 апреля пакта о нейтралитете с Японией. Так как Япония была одним из партнеров Германии по тройственному пакту, подписание советско-японского договора должно было ясно показать Гитлеру, что Сталин все еще заинтересован в переговорах и заключении сделок с Германией и ее союзниками. Более того, в советской прессе пакт о нейтралитете был представлен как логическое следствие сделанных Советскому Союзу до этого предложений присоединиться к пакту трех держав11. Конечно, договор с Японией также должен был защитить дальневосточный фланг СССР в случае войны с Германией. Однако Сталин не так уж верил в то, что Япония в таких обстоятельствах будет сохранять нейтралитет. Политический символизм пакта имел даже большее значение, чем его стратегическая важность. Сталин сам четко дал понять это Берлину, публично продемонстрировав свое расположение к Германии 13 апреля, когда провожал на поезд уезжавшего из Москвы министра иностранных дел Японии Мацуоку. Попрощавшись с Мацуокой на вокзале, Сталин отыскал Шуленбурга, демонстративно обнял его и сказал: «Мы должны остаться друзьями, и Вы должны теперь все для этого сделать!» Затем он повернулся к немецкому военному атташе Кребсу и сказал ему: «Мы останемся друзьями с Вами в любом случае»12.

7 мая в советской прессе было объявлено, что Сталин назначен председателем Совета народных комиссаров, то есть стал главой правительства, одновременно сохранив за собой пост генерального секретаря советской коммунистической партии. Молотов продолжал выполнять две функции одновременно: с 1930 г. он занимал пост премьер-министра Советского Союза, а в мае 1939 г. был назначен народным комиссаром иностранных дел и стал заместителем Сталина. Согласно соответствующему решению Политбюро от 4 мая, причиной назначения Сталина

была необходимость достичь лучшей согласованности действий партии и государственных органов в непростой международной обстановке, которая требовала значительной мобилизации оборонительной способности страны13.

Москва длительное время культивировала образ Сталина как миротворца и посредника, и, конечно, Шуленбург телеграфировал в Берлин, что он «уверен, что Сталин использует свою новую должность для того, чтобы лично принимать участие в поддержании и развитии добрых отношений между Советами и Германией»14. За назначением Сталина главой правительства последовал еще ряд шагов в направлении умиротворения. 8 мая советское новостное агентство ТАСС опровергло слухи о том, что к советской границе стягиваются войска. На следующий день Советы отказались от дипломатического признания эмигрантских правительств оккупированных Германией Бельгии, Норвегии и Югославии. 12 мая Советский Союз признал антибританский режим в Ираке. 24 мая Шуленбург сообщил в Берлин, что политика Сталина «направлена прежде всего на то, чтобы избежать конфликта с Германией», и это доказывает «позиция, занятая советским правительством в последние недели, тон советской прессы… и выполнение заключенных с Германией экономических договоров»15. В начале июня Германия захватила Крит, после чего СССР быстро отказался от признания суверенитета Греции. Апогеем кампании Сталина по умиротворению стало обнародованное 13 июня 1941 г. сообщение ТАСС, в котором опровергались слухи о конфликте и надвигающейся войне между Советским Союзом и Германией. СССР, сообщало ТАСС, как и Германия, соблюдает условия советско-германского пакта о ненападении, и все сообщения об обратном – ложь и провокация. В сообщении отрицалась информация о новых притязаниях Германии на территории СССР, однако не исключалась возможность переговоров в случае, если подобные притязания возникнут16. В остававшиеся до начала войны мирные дни советское правительство сделало еще ряд намеков Германии на то, что оно открыто для переговоров.

Ложные знаки

Возможно ли, что Сталин, известный циник и реалист, всерьез верил, что такие шаги заставят Гитлера изменить свои планы? То, о чем Сталин думал и на что рассчитывал в дни и недели перед нападением Германии на Советский Союз, остается тайной, но, похоже, он и в самом деле верил, что Гитлер не собирался начинать войну летом 1941 г. и что дипломатические меры помогут сохранить мир – по крайней мере, на ближайшее время.

Прежде всего, заключение советско-японского пакта о нейтралитете могло, по мнению Сталина, быть истолковано двояко. Москва и Токио уже полтора года вели переговоры о подписании советско-японского эквивалента советско-германского пакта о ненападении – договора, который бы позволил разрешить споры о границах, праве рыболовства и уступках Японии по вопросу нефтяных месторождений на Северном Сахалине. Окончательный раунд переговоров состоялся в рамках поездки Мацуоки по странам Европы в марте-апреле 1941 г. Мацуока приехал в Москву в марте, а потом еще раз в апреле, сразу после поездки в Берлин и беседы с Гитлером. Мацуока не знал, что Гитлер собирается начать войну против России, и в разговоре со Сталиным 12 апреля ни слова не сказал о том, что в советско-германских отношениях намечается разлад17. По-видимому, Сталин рассудил, что если бы Гитлер планировал начать войну, он бы наверняка постарался отговорить своего японского союзника от заключения договора с Советским Союзом. Готовность Японии подписать пакт о нейтралитете для него была хорошим знаком не только со стороны Токио, но и со стороны Берлина. Напряженность ситуации после событий в Югославии Сталин воспринял как возможность показать Гитлеру, что у него мирные намерения: он отказался от давних претензий Советского Союза на Северный Сахалин и согласился подписать пакт о нейтралитете.

Далее, свою роль сыграл Шуленбург, убежденный сторонник раппальской политики, искренне веривший в необходимость ориентировать внешнюю политику Германии на восток и на альянс с Россией. В докладах, которые он подавал в Берлин, советско-германские отношения нередко были представлены в более положительном свете. В середине апреля 1941 г. он вернулся в Германию для совещания с Гитлером. Встретившись с Шуленбургом 28 апреля, фюрер посетовал на то, как повело себя советское руководство во время кризиса в Югославии. Шуленбург

попытался защитить действия Советского Союза и убедить Гитлера, «что Сталин готов пойти на еще большие уступки»18. Однако встреча закончилась на неопределенной ноте, и Шуленбург в начале мая вернулся в Москву с дурным предчувствием по поводу советско-германских отношений. В ходе неоднократных встреч с Деканозовым, советским послом в Германии, который в это время приехал в отпуск из Берлина, Шуленбург попытался подтолкнуть советскую сторону выступить с дипломатической инициативой по ослаблению напряженности в советско-германских отношениях. На первой же встрече, 5 мая, Шуленбург достаточно подробно рассказал Деканозову о его разговоре с Гитлером и особо подчеркнул, как фюрер был обеспокоен эпизодом с заключением советско-югославского договора. Впрочем, еще большую обеспокоенность Шуленбург выразил по поводу слухов о том, что между Россией и Германией скоро начнется война: он сказал, что нужно сделать что-нибудь, чтобы опровергнуть эти слухи. Деканозов спросил, что можно сделать, но Шуленбург лишь повторял, что им обоим нужно об этом подумать и встретиться для дальнейшего обсуждения. Во время второй встречи, 9 мая, Шуленбург предложил, чтобы Сталин направил письмо Гитлеру и руководителям других стран «Оси» Рим – Берлин – Токио с заявлением о мирных намерениях Советского Союза. Со своей стороны, Деканозов предложил написать совместное коммюнике СССР и Германии. Шуленбург согласился, сказав, что это тоже было бы хорошей идеей, но предпринимать что-то нужно как можно быстрее. Во время третьей и последней встречи 12 мая Деканозов сообщил, что Сталин согласен подписать совместное коммюнике и в личной переписке обсудить с Гитлером слухи о войне, но тексты этих сообщений Шуленбург должен обговорить с Молотовым. И в этот момент Шуленбург отказался от собственной инициативы, заявив, что у него нет полномочий вести такие переговоры19. В тот же вечер Деканозов встретился со Сталиным и провел у него около часа – вероятно, он докладывал о разговоре с Шуленбургом20.

Инициатива Шуленбурга исходила лично от него, но он был послом Германии и только что вернулся в Москву из Берлина, где встречался с Гитлером. Вполне понятно, что Сталин воспринял его общение с Деканозовым как неофициальную попытку прозондировать почву. Такое понимание соответствовало все более явственному представлению Москвы о том, что в правящих кругах Германии произошло разделение на сторонников войны с Советским Союзом и на тех, кто выступал за дальнейшее сотрудничество с ним. В этом свете действия Шуленбурга можно было интерпретировать как проявление деятельности

сторонников мира в Берлине. «Теория раскола», как назвал ее Габриэль Городецкий, в той или иной форме циркулировала в Москве с тех пор, когда Гитлер пришел к власти. Эта теория отражала реальное существование в Германии большого числа сторонников раппальских отношений, но в основе ее лежала марксистская догма о разделении немецкого капитализма на экономические группировки, выступающие за территориальную экспансию на восток, и группировки, предпочитающие торговые отношения с Советским Союзом. Уверенность Москвы в том, что Берлин разделился на «голубей» и «ястребов», подкреплялась многими донесениями советской разведки – в том числе донесением двойного агента гестапо, внедрившегося в одну из советских шпионских организаций в Германии21.

Еще одним событием, которое, казалось, подтверждало теорию раскола, стал неожиданный перелет заместителя Гитлера, Рудольфа Гесса, в Великобританию 10 мая 1941 г. Гесс прилетел в Великобританию с целью договориться о заключении мирного договора между Великобританией и Германией. В Москве одной из трактовок этого события была следующая: Гесс намерен заключить мирный договор, который подготовил бы почву для объединения Англии и Германии против большевистской России. Была и более оптимистическая версия: измена Гесса была еще одним доказательством раскола между теми, кто хотел войны с Россией, и теми, кто считал главным врагом Германии Великобританию. Измена Гесса определила отношение Сталина ко многочисленным донесениям разведки, в которых говорилось о готовящемся наступлении немцев. Были ли эти донесения точными или это были лишь слухи, распространяемые теми, кто хотел ускорить начало советско-германской войны? Подозрения Сталина были не совсем беспочвенными. Великобритания действительно использовала измену Гесса, чтобы посеять раздор в советско-германских отношениях, распространив слухи о том, что он прибыл с официальной миссией – для заключения англо-германского альянса против России22. Ужасный парадокс заключался в том, что когда британское правительство убедилось в том, что Германия действительно собирается напасть на Россию, и попыталось предупредить Сталина об опасности, ему не поверили. Во время встреч с Майским 2, 10, 13 и 16 июня представители Великобритании предоставили ему информацию с точной ссылкой на источник о передвижениях немецких войск у советской границы23. Майский, как и положено, передал эту информацию в Москву, но известие не произвело никакого эффекта.

В этой ситуации неопределенности Сталин мог судить об

истинных намерениях Гитлера, лишь опираясь на собственные умозаключения: для Германии не было смысла выступать против России, не закончив войну с Великобританией. Зачем вести войну на два фронта, если Советский Союз явно не представляет Германии никакой угрозы? В мае 1941 г.

Сталин сказал в обращении к кадетам-выпускникам академий Красной Армии, что Германия победила Францию в 1870 г. потому, что она сражалась только на одном фронте, и проиграла в Первой мировой войне, потому что была вынуждена воевать на два фронта. Эти рассуждения подкреплялись и некоторыми из представленных Сталину донесений разведки. Например, 20 марта 1941 г. генерал Филипп Голиков, глава советской военной разведки, представил краткую сводку донесений о вероятном времени начала военных действий Германии против СССР. Голиков делал вывод, что наиболее вероятным является «момент после победы над Англией или после заключения с ней почетного для Германии мира. Слухи и документы, говорящие о неизбежности весною этого года войны против СССР необходимо расценивать как дезинформацию, исходящую от английской и даже, быть может, германской разведки»24. Впрочем, в последующих донесениях Голикова Сталину информация о концентрации немецких (и румынских) вооруженных сил у советской границы была представлена более сбалансированно25. Так, 5 мая Голиков доложил, что число немецких дивизий, сконцентрированных у границы Советского Союза, за последние два месяца увеличилось с 70 до 107, в том числе количество танковых дивизий увеличилось от 6 до 12. Далее Голиков отмечал, что численность румынских и венгерских войск в общей сложности составляла около 130 дивизий и что после окончания войны с Югославией к советской границе, вероятно, будет стянуто еще больше германских вооруженных сил26.

Еще одним источником постоянных предупреждений о приготовлениях Германии к войне с СССР были два шпиона высокого ранга. «Старшина» работал в штаб-квартире люфтваффе, а «Корсиканец» – в министерстве экономики Германии. В общей сложности они предоставили в Москву несколько десятков рапортов с доказательствами того, что Германия готовится к нападению27. По поводу рапорта от 17 июня 1941 г., основанного на информации, предоставленной этими двумя агентами, Сталин написал главе советской разведки В.Н. Меркулову: «Может, послать ваш “источник” из штаба германской авиации к е…й матери. Это не источник, а дезинформатор»28. В то же время, Сталин никак не прокомментировал информацию от «Корсиканца», которая не менее недвусмысленно

свидетельствовала о готовящемся вторжении Германии. Как утверждает Габриэль Городецкий, столь гневная реакция Сталина свидетельствовала о том, что он был взволнован донесениями о готовящемся нападении Германии и опасался, что все это может оказаться правдой29.

Предупреждения поступали и с Дальнего Востока. В Токио работал в качестве сотрудника немецкой газеты секретный советский шпион Рихард Зорге. Его основными источниками информации были посол и военный атташе Германии в Токио. Донесения Зорге основывались на высказываниях этих двух источников и не были стопроцентно точными. В первых донесениях говорилось, что Германия нападет на СССР только после того, как покончит с Великобританией. В качестве ближайшей даты вторжения немцев Зорге называл май 1941 г.

17 июня 1941 г. Зорге еще писал, что военный атташе не уверен в том, будет война или нет, но уже 20 июня сообщил, что теперь посол считает войну неизбежной30.

Более точная информация поступала от Деканозова из Берлина, однако его сообщения тоже не были лишены неопределенности. 4 июня он сообщил, что повсюду говорят о том, что советско-германская война неизбежна, но в то же время ходят слухи о том, что предстоит сближение двух стран на основании уступок Советского Союза Германии, заключение нового соглашения о разделе сфер влияния и обещание со стороны Москвы не вмешиваться в европейскую политику31. 15 июня Деканозов телеграфировал в Москву, что, по мнению датских и шведских военных атташе, концентрация немецких войск вдоль советской границы уже была не демонстрацией военной мощи, а «непосредственным приготовлением к войне с Советским Союзом»32. Впрочем, он не уточнял, разделяет ли он сам это мнение.

Еще большую неопределенность вносила начатая Германией масштабная кампания по дезинформации, целью которой было объяснить сосредоточение немецких войск вдоль советской границы. Сначала немцы заявили, что военные приготовления ведутся в целях обороны. Затем они распространили информацию о том, что развертывание военных сил – уловка, направленная на то, чтобы усыпить бдительность Великобритании. Также был распущен слух о том, что немецкие дивизии должны не атаковать Советский Союз, а запугать его, вынудив таким образом пойти на экономические и территориальные уступки. Одним из наиболее распространенных был слух о том, что даже если Гитлер нападет, он сначала представит Сталину ультиматум. Эта версия была придумана специально для того, чтобы отвлечь внимание от уже

готовящегося внезапного нападения33.

Постфактум достаточно просто понять, какие из этих сообщений были правдивыми, а какие ложными, и увидеть, что многие источники Сталина не давали определенной информации. Однако в то время многое вызывало сомнения – особенно конкретное время нападения Германии. Сталин рассчитывал на то, что Гитлер пока не собирается атаковать и что свидетельства об обратном можно объяснить теорией раскола или интригами британской разведки. В то же время, Сталин не мог позволить себе и полностью игнорировать возможность начала войны в кратчайшие сроки. Сталин никогда не был безрассудным: он мог не принимать в расчет сведения иностранных разведслужб, считая их ложными донесениями не слишком умных шпионов или провокаторов, но информация советской разведки о концентрации немецких войск у границы СССР была слишком весомой, чтобы ее игнорировать. Как позже писал о Сталине фельдмаршал Алан Брук, во время войны занимавший должность начальника Имперского генштаба: «Сталин – реалист… имеют значение только факты… планы, гипотезы, будущие возможности ничего для него не значат, но он всегда готов принять факты, даже неприятные»34.

Хотя Сталин надеялся и, вероятно, даже верил, что Гитлер не нападет на СССР, факты явно свидетельствовали о том, что немецкий диктатор вполне может строить планы на нападение в скором времени. Сталин отреагировал на эту возможность тем, что продолжил и даже ускорил приготовления к войне; в том числе, отдал приказ о резком наращивании сил у границ СССР:

– В мае – июне было мобилизовано 800 000 служащих запаса.

– В середине мая 28 дивизий были направлены в западные военные округа СССР.

– 27 мая в этих округах было приказано построить полевые командные пункты.

– В июне в укрепленные районы приграничных округов было направлено 38 500 человек личного состава.

– 12–15 июня этим округам было приказано передислоцировать войска к границе.

– 19 июня штаб-квартиры округов были перемещены на новые командные пункты.

Также округа получили приказ закамуфлировать цели и рассредоточить авиацию35.

К июню 1941 г. Красная Армия насчитывала более 300 дивизий, около 5,5 млн человек личного состава, из которых 2,7 миллиона были размещены в западных приграничных округах36. Ночью с 21 на 22 июня эти огромные войска были приведены в

состояние боевой готовности и предупреждены о том, что следует ожидать неожиданного нападения немцев37.

Остается лишь один вопрос: почему Сталин не приказал объявить всеобщую мобилизацию советских вооруженных сил до нападения, хотя бы для предосторожности? Частично это объясняется тем, что Сталин не хотел спровоцировать Гитлера на преждевременное нападение. Фраза «мобилизация – это война» была одной из догм советской стратегической доктрины. Основой для этого убеждения был опыт России во время кризиса, приведшего к началу Первой мировой войны. Считалось, что именно решение царя Николая II начать мобилизацию русской армии в качестве меры предосторожности в июле 1914 г. спровоцировало ответную мобилизацию войск в Германии и, как следствие, перерастание «июльского кризиса» в общеевропейскую войну. Сталин был твердо намерен не повторять эту ошибку. Кроме того, он не думал, что многое будет зависеть от того, решится ли Гитлер на неожиданное нападение. Согласно советской военной доктрине, за началом военных действий с Германией должен был последовать период длиной в 2–4 недели, в течение которого обе стороны смогут мобилизовать и сгруппировать свои основные силы для боя. Тем временем, у границы будут проходить тактические бои с ограниченным проникновением на территорию мобильных сил, имеющих целью разведать слабые места противника и подготовить почву для масштабных фланговых маневров. В любом случае, предполагалось, что решающие битвы состоятся только через несколько недель после начала войны. В этом случае, опять же, образцом служила Первая мировая война, но сталинские генералы не были глупцами, они не собирались, как говорится, проходить войну заново. Они видели, что тактика молниеносной войны принесла немцам победу над Польшей и Францией, и осознавали эффективность атаки с большим количеством бронетехники и массированного окружения, которое применяли высокоманевренные силы вермахта. Но они не думали, что Красная Армия разделит судьбу французских и польских войск. Он видели военную слабость Польши и нерасположенность к военным действиям французов с их «ментальностью Мажино». Они были уверены в том, что советская оборона выдержит и позволит задержать неприятеля на то время, пока Красная Армия мобилизует свои основные силы. Как пишет Эван Модсли, «Сталин и советское верховное командование считали, что они по отношению к Гитлеру занимают сильную, а не слабую позицию»38.

Если рассматривать отношение Сталина к предстоящей войне

в этом контексте, становится ясно, что он не боялся неожиданного нападения Гитлера. Сталин считал, что в худшем случае советская армия потерпит поражение в нескольких тактических боях на границе. С такой точки зрения его ставка на сохранение мира представляется гораздо более логичной. В этом случае начало войны могло быть отсрочено до 1942 г., а к тому времени советская оборона стала бы значительно сильнее и страна была бы полностью готова к войне. Итак, как ни парадоксально, неожиданное нападение Германии 22 июня 1941 г. не было неожиданностью ни для кого, даже для Сталина. Неприятно неожиданным был характер этого нападения: это было стратегическое наступление, в котором силы вермахта с первого же дня вели жестокие бои, наголову разбивая оборону Красной Армии и прорываясь вглубь территории России мощными колоннами бронетехники, окружавшими дезорганизованные и обездвиженные советские войска.

То, что Сталин и его командование не могли себе представить неожиданное стратегическое наступление, было лишь отчасти последствием плохо продуманной военной доктрины. Дело было также в расстановке акцентов. Накануне войны советское высшее командование заботило не то, как Красная Армия сможет отразить нападение Германии, а то, когда и где она сама начнет свое *наступление* . Оно планировало вести не оборонительную войну против Германии, а наступательную.

СССР планирует наступательную войну

Говоря, что Советский Союз собирался вести наступательную войну против Германии, мы не поддерживаем теорию о том, что Сталин готовил предупредительную войну против Гитлера и намеревался первым нанести удар39. Политические и дипломатические маневры Сталина говорят о том, что летом 1941 г. он был готов на все ради мира. Если бы Сталину удалось отсрочить начало войны до 1942 г., возможно, он решил бы перехватить инициативу и ударить первым, но изначально он намеревался откладывать войну как можно дольше. Он был уверен в военном мастерстве Красной Армии, но опасался возможных последствий участия Советского Союза в масштабной войне, опасного тем, что капиталистические противники СССР могли объединиться против общего коммунистического врага. В то же время ставка Сталина на поддержание мирных отношений с Гитлером летом 1941 г. подразумевала наличие достаточной оборонительной мощи на тот случай, если его расчеты окажутся неправильными. Что же касается его генералов, для них основной задачей было не обеспечение обороны, а осуществление собственных планов наступлений и контрнаступлений. Проще говоря, дипломатическая стратегия Сталина не совпадала с военной стратегией высшего командного состава. Вероятно, это опасное несоответствие политической стратегии доктрине и планам боевых действий стало главной причиной той катастрофы, которая произошла с Красной Армией 22 июня 1941 г.

Причиной этого несоответствия была ориентированная на наступление доктрина Красной Армии, разработанная еще в 1920-е гг. Советское верховное командование планировало вести следующую войну на вражеской территории, осуществляя одну за другой атаки и контратаки и перенося бой на местность, занятую противником. Эта ориентированность на наступательные действия стала еще более выраженной в связи с произошедшим в период между двумя мировыми войнами развитием военных технологий. Значительное увеличение мощности, маневренности и надежности танков, самолетов и артиллерии облегчало проведение атак с неожиданной передислокацией и быстрых ударов с фланга, позволяющих прорвать даже наиболее тщательно спланированную оборону. Доктрина Красной Армии предполагала, что оборона уступает по важности

наступательному бою и является лишь одним из этапов подготовки к наступлению. Такую расстановку приоритетов еще больше укрепило наблюдение за тем, как легко Германия одержала победу в Польше и Франции, а также собственный опыт советских войск в прорыве крепкой обороны линии Маннергейма в Финляндии в 1940 г.

Выступая с заключительной речью на совещании высшего руководящего состава армии в декабре 1940 г., комиссар обороны Тимошенко дал краткую характеристику советской стратегической доктрине, уделив наибольшее внимание проблемам наступления. Тимошенко не обошел в своем выступлении и вопрос обороны. Напротив, обороне была посвящена отдельная часть его речи, в которой он упорно отрицал «кризис временной защиты» и утверждение о том, что быстрое поражение Польши и Франции доказывало, что оборона не могла быть эффективной перед лицом современных огневых средств и маневренной техники. Эффективная оборона, сказал Тимошенко, возможна в современных условиях, но это должна быть глубокая оборона – многополосная и многоэшелонная. Впрочем, и в этой части своего доклада Тимошенко дал ясно понять, что «оборона не является решительным способом действий для поражения противника: последнее достигается только наступлением. К обороне прибегают тогда, когда нет достаточных сил для наступления, или тогда, когда она выгодна в создавшейся обстановке для того, чтобы подготовить наступление»40.

В числе основных докладчиков был и генерал Георгий Жуков, бывший офицер кавалерии и сторонник маневренной войны с участием бронетехники. Репутацию отличного боевого командира ему принесло успешное наступление на японскую армии в районе Халхин-Гола в августе 1939 г. после вооруженных столкновений на китайско-монгольской границе. Жуков сделал доклад о «характере современных наступательных операций». Главным мотивом его выступления было то, что Красной Армии нужно было извлечь уроки из недавних событий войны в Европе и внести соответствующие изменения в подготовку к наступательным действиям41. После совещания, состоявшегося в январе 1941 г., членам Верховного командования было предложено сыграть в две стратегические игры. Сюжет обеих игр развивался вокруг наступательных действий и маневров у западной границы Советского Союза. В обеих играх победителем стал Жуков, который и был после этого назначен начальником Генштаба. Как пишет Эван Модсли, «сложно рассматривать назначение Жукова иначе, чем одобрение Сталиным

ориентирование Красной Армии на наступательные действия»42.

Сталин был очень увлечен доктриной наступательных действий. Он не просто разделял мнение военных о преимуществах этой стратегии; он всегда выступал за активную оборону священной советской земли. «Ни одной пяди чужой земли не хотим, – говорил он в своем выступлении на XVI съезде партии в 1930 г., – но и своей земли, ни одного вершка своей земли не отдадим никому»43. Концепции и мотивы наступательных действий со времен Гражданской войны играли ключевую роль в политической культуре сталинизма: для него типичным решением общественных и экономических проблем были отряды передовых рабочих, которые с помощью тактики сокрушительных ударов искореняли и уничтожали внутренних врагов, мешавших осуществлению политики партии. Представление о том, что Красная Армия должна вести предстоящую войну на территории врага, идеально сочеталось с мессианскими чертами советской идеологии. Сталин не верил в то, что революцию можно распространить путем применения оружия44. Но он рассматривал Красную Армию как освободительную силу, чье вторжение на территорию другого государства могло иметь положительное с коммунистической точки зрения воздействие на его политическую жизнь. Позже Сталин произнес ставшую знаменитой фразу: «Тот, кто занимает территорию, устанавливает на ней свою социальную систему. Каждый устанавливает свою систему в той степени, в какой это удается сделать его армии: иначе быть не может»45. Произнося эти слова, Сталин имел в виду роль, которую Красная Армия сыграла в формировании в Восточной Европе в 1944–1945 гг. прокоммунистических правительств народного фронта. Однако в 1939–1940 гг. он ориентировался на роль, сыгранную Красной Армией в так называемых революциях, произошедших в Западной Белоруссии, Западной Украине, Бессарабии, Буковине и Прибалтике. Конечно, нельзя было забывать и о провале «освободительной миссии» Красной Армии во время советско-финской войны, но приверженность Красной Армии к наступательным действиям и ответным вторжениям на вражескую территорию объяснялась в первую очередь стратегическими, а не идеологическими соображениями. Нападение попросту считалось лучшей защитой, а возможные политические изменения, связанные с продвижением Красной Армии, были не более чем приятным дополнением. Вместе с тем, неотъемлемой частью подготовки красноармейцев к войне было внушение им идеи о том, что военные действия – один из аспектов более масштабной политической борьбы между Советским Союзом и

капиталистическим миром. В 1940–1941 гг. эта идеологическая пропаганда была еще больше усилена: властям нужно было подкрепить миф о несокрушимости Красной Армии после всех ее неудач в войне с Финляндией46.

С точки зрения стратегии наступательная ориентация Красной Армии выражалась в военных планах. Эти так называемые планы представляли собой документы, в которых указывались потенциальные враги, давалась оценка численности и возможного размещения вражеских войск и прогнозировались вероятные направления ударов противника. В планах также определялась общая стратегия Красной Армии – то, как в общих чертах Советский Союз будет противостоять вражескому вторжению. В период с 1928 по 1941 г.

было подготовлено семь таких планов. Последний план до начала Второй мировой войны был составлен в марте 1938 г. под руководством тогдашнего начальника Генштаба, маршала Бориса Шапошникова47. В документе Шапошникова в качестве главных врагов были указаны Германия и ее союзники в Европе, а также Япония на Дальнем Востоке. Хотя советские вооруженные силы должны были готовиться к войне на два фронта, Германия была названа главной угрозой, а Запад – основным театром военных действий. Немцы, говорилось в документе, попытаются напасть на Советский Союз либо к северу от болот в окрестностях Припяти по направлению к Минску, Ленинграду и Москве, либо к югу от болот, с целью наступления на Киев и завоевания Украины. Выбранный путь будет зависеть от политической ситуации в Европе и от конкретной расстановки сил Германии и ее союзников в Восточной Европе. Далее в документе приводились в подробностях два варианта советских стратегических планов на случай возглавляемого Германией вторжения. Если немцы атакуют с севера, Красная Армия должна была начать контрнаступление в этой области и оставаться на оборонительных позициях на юге. Если немцы атакуют с юга, Красная Армия должна была начать контрнаступление там и оставаться на оборонительных позициях на севере. В обоих случаях целью было вступать в бой с основной частью вражеских вооруженных сил и уничтожать их.

Следующая версия плана готовилась при совершенно изменившихся обстоятельствах лета 1940 г.48, после того как Тимошенко сменил Ворошилова на посту наркома обороны. В общих чертах этот документ не сильно отличался от документа 1938 г. В то же время в версии 1940 г. прогнозировалось, что немцы начнут вторжение с севера, мощным ударом из Восточной Пруссии (которая теперь, после завоевания Польши, была

присоединена к основной части Германии) по Литве, Латвии и Западной Белоруссии, которые теперь входили в состав Советского Союза. В связи с этим, говорилось в плане, основная часть сил Красной Армии должна была концентрироваться на севере. Опять же, главной целью советской армии было вступать в бой с основными силами врага и уничтожать их, где бы они ни были.

Эта последняя версия военного плана была подготовлена офицерами из штаба Шапошникова. Однако летом 1940 г. он ушел с поста начальника штаба из-за проблем со здоровьем, и его место занял генерал Мерецков. Работа над планом была продолжена, и 18 сентября был готов новый проект49. В сентябрьском плане повторялась мысль о том, что немцы, вероятнее всего, будут атаковать с севера, однако не исключалась и возможность того, что они сконцентрируют основные силы на юге. Как следствие, появлялась необходимость вернуться к двум вариантам стратегической реакции советской армии. Если немецкие войска будут сконцентрированы на юге, силы Красной Армии тоже должны быть сосредоточены там и начать контрнаступление по направлению к Люблину и Кракову в оккупированной немцами Польше и далее к Вроцлаву в Южной Германии, с целью отрезать Гитлера от его союзников на Балканах и от критически важных экономических ресурсов этого региона. Если немцы начнут наступление с севера, Красная Армия должна была начать вторжение в Восточную Пруссию – главной ее целью по-прежнему было обнаруживать основные силы немецкой армии и вступать с ними в бой.

Сентябрьский план был представлен для обсуждения советскому руководству во главе со Сталиным. Результатом этого обсуждения, закончившегося в начале октября, стала очень важная поправка: основные ударные силы Красной Армии должны были быть сгруппированы на юге и получить приказ продвигаться на Люблин, Краков и Вроцлав. Хотя причина таких изменений в планах не была указана в записке, которую Тимошенко и Мерецков направили Сталину50, наиболее вероятным объяснением является предположение, что в начале войны основная часть немецких вооруженных сил будет сгруппирована на юге. Естественно, в следующей версии военного плана, подготовленной в марте 1941 г., юг назывался как наиболее вероятное место концентрации немецких сил, хотя возможность их концентрации на севере и атаки из Восточной Пруссии тоже не исключалась51. Начиная с весны 1941 г., во всех донесениях советской разведки говорилось, что если немцы начнут вторжение, то главным образом с юга. Эти ошибочные

предположения говорят об эффективности развернутой Германией кампании по дезинформации, целью которой было скрыть истинные намерения немцев: нанести основной удар с севера, по оси Минск – Смоленск – Москва.

Решение поставить все на группировку Красной Армии на юге стало роковым, как подчеркивают в своих мемуарах Жуков и другие участники событий. По их версии, это решение было принято Сталиным, который считал, что Гитлер хочет завладеть экономическими и минеральными ресурсами Украины и юга России, в том числе – нефтью Кавказа. Сталин действительно думал, что борьба за сырьевые ресурсы будет играть ключевую роль в предстоящей войне, однако нет прямых доказательств того, что решение сгруппировать войска на юге принял именно он – хотя, очевидно, он с этим решением согласился. По другой версии, предложенной Габриэлем Городецким, в то время, когда составлялся военный план 1940 г., советское руководство было крайне озабочено ситуацией на Балканах и полностью сосредоточено на том, как изолировать Гитлера от его балканских союзников52. С этой точки зрения решение сконцентрировать войска на юге кажется обоснованным в большей степени политическими, чем военными соображениями. Кроме того, существует предположение, выдвинутое маршалом Матвеем Захаровым в его работе, посвященной деятельности советского Генштаба, что критическую роль в принятии этого решения, возможно, сыграли личные предпочтения и административно-бюрократические факторы53. Наиболее значительная часть ресурсов вкладывалась в Киевский военный округ. Командующими этим военным округом в прошлом были и Мерецков, и Тимошенко, а Жуков занимал эту должность в тот момент, когда был назначен начальником Генштаба в январе 1941 г. Целый ряд младших по званию офицеров Генштаба, участвовавших в подготовке военных планов, тоже служили на Юго-Западном фронте. Естественно, Киевский военный округ активно поддерживал идею о том, что немецкие войска будут сгруппированы на юго-западе, и настойчиво требовал подкрепления, чтобы отразить их в случае нападения54. Наконец, есть и еще одна – более радикальная и противоречивая – версия: о том, что Сталин и его генералы решили сгруппировать войска на юге потому, что Красная Армия планировала нанести предупредительный удар по Германии, а равнины Южной Польши стали бы более удобным путем для вторжения, чем реки, озера, болота и леса Восточной Пруссии55.

Главное доказательство, на которое опираются сторонники теории предупредительного удара, – это новая версия военного

плана, подготовленная в середине мая 1941 г.56. Статус конкретно этого документа, который в России стал причиной бурных дискуссий57, не вполне ясен. Это рукопись документа, подготовленная генералом Василевским, тогдашним начальником Оперативного управления Генштаба, от имени Жукова и Тимошенко, но не подписанная ни тем, ни другим. Неизвестно, видел ли Сталин этот документ и вообще знал ли он о его существовании58.

Указанный документ, написанный в мае 1941 г., представлял собой менее детальную и менее официально оформленную версию предыдущих планов. Он напоминает, как отмечает Синтия А. Робертс, «скорее не план, а рабочую версию плана»59. Согласно этому документу, Германия и ее союзники (Финляндия, Венгрия и Румыния) смогут развернуть против СССР 240 дивизий, и главные силы Германии – около 100 дивизий – будут, вероятней всего, развернуты на юге, для нападения в направлении Ковеля, Ровно и Киева. Далее в документе отмечалось, что немецкая армия находится в состоянии мобилизации и «имеет возможность предупредить нас в развертывании войск и нанести внезапный удар». Затем в документе говорилось следующее: «Чтобы предотвратить это [и разгромить немецкую армию], считаю необходимым ни в коем случае не давать инициативы действий Германскому командованию, упредить противника в развертывании и атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развертывания и не успеет еще организовать фронт и взаимодействие родов войск. Первой стратегической целью действий войск Красной Армии поставить – разгром главных сил немецкой армии, развертываемых южнее Демблин… главный удар силами Юго-Западного фронта нанести в направлении Краков, Катовице, отрезая Германию от ее южных союзников; вспомогательный удар левым крылом Западного фронта нанести в направлении Седлец, Демблин, с целью сковывания Варшавской группировки и содействия Юго-Западному фронту в разгроме Люблинской группировки противника; вести активную оборону против Финляндии, Восточной Пруссии, Венгрии и Румынии и быть готовыми к нанесению удара против Румынии при благоприятной обстановке».

В заключительной части документа содержался призыв к Сталину действовать – в том числе принять предлагаемый план размещения войск в случае войны в Германии и, что еще более важно, тайно объявить мобилизацию всех резервных армий Верховного командования.

Если рассматривать майский документ в контексте всей

последовательности версий военных планов, в нем нет ничего удивительного. Это логическое развитие идеи о том, что в предстоящей войне Красной Армии придется атаковать основные силы Германии, развернутые в южном секторе. Выдвигаемое в документе предложение предупредить завершающий этап мобилизации и развертывания немецких войск, несомненно, отражало беспокойство, вызванное большим количеством донесений разведки о масштабных группировках войск вермахта, сконцентрированных у советской границы весной 1941 г., и все более отчетливое понимание того, что война рано или поздно начнется. Предложение начать контрнаступление в форме вторжения в Южную Польшу присутствовало и в предыдущих версиях, а предложение о начале секретного перемещения резервных армий было лишь продолжением уже проводившихся мер по скрытой мобилизации.

Две вещи в документе вызывают сомнение. Во-первых, из него совсем не ясно, когда планировалось нанести предупредительный удар советских войск. Если целью было уничтожить немецкую армию, лучшим временем для этого было бы время до того, как она будет полностью мобилизована, развернута, сгруппирована и скоординирована. Но как можно было сказать наверняка, когда это произойдет? Во-вторых, было маловероятно, что Сталин одобрит новый план, будучи уверенным, что еще есть надежда на мир. Для этого его нужно было убедить, что оборона СССР рухнет, если дать немцам возможность атаковать первыми, – а все говорит о том, что такое мнение даже не высказывалось в советских военных кругах. Только гораздо позже – после катастрофы 22 июня 1941 г., после войны и после смерти Сталина – советские военачальники начали говорить, что следовало уделять больше внимания обороне и тому, как отразить внезапный удар Германии, который может оказаться сокрушительным.

Высказывалось мнение, что появление майской версии плана связано с выступлением Сталина перед двумя тысячами выпускников академий Красной Армии 5 мая 1941 г. К этому времени стало нормой, что любое публичное и даже не совсем публичное высказывание Сталина распространялось по всему Советскому Союзу. Однако на этот раз текст выступления не был опубликован – за исключением того, что в газете «Правда» на следующий день появилась короткая статья под заголовком «Торжественное собрание в Большом Кремлевском дворце, посвященное выпуску командиров, окончивших военные академии».

Товарищ Сталин в своем выступлении отметил глубокие

изменения, происшедшие за последние годы в Красной Армии, и подчеркнул, что на основе опыта современной войны Красная Армия перестроилась организационно и серьезно перевооружилась. Товарищ Сталин приветствовал командиров, окончивших военные академии, и пожелал им успеха в работе60.

Неудивительно, что распространились слухи о том, что еще мог сказать Сталин кадетам-выпускникам. По одной из версий, Сталин предупредил о неизбежной войне с Германией; по другой, он пропагандировал наступательную войну, нацеленную на распространение социалистического строя. По версии, которая стала известна немцам, Сталин говорил о новом компромиссе с Гитлером. Однако правда, как это обычно и бывает, была более прозаичной, чем все эти слухи. Как следует из текста речи Сталина, обнародованного в 1995 г., главной темой его выступления было как раз то, о чем сообщила «Правда»: реформа, реорганизация и переоснащение Красной Армии. Впрочем, в речи были некоторые подробности о реформах и о численности Красной Армии, – а это была не такая информация, которую можно было доводить до сведения общественности на пороге войны. Сталин также критически высказывался по поводу немецкой армии, отрицая ее кажущуюся несокрушимость и утверждая, что в будущем ее не ждет такой же успех, как в прошлом, если она будет сражаться под знаменем агрессии и завоевания. Опять же, было бы опрометчиво публиковать такого рода замечания в то время, когда Сталин пытался убедить Гитлера в своих мирных намерениях.

После официальной церемонии в Кремле был устроен прием для выпускников, на котором Сталин, как обычно, сказал несколько тостов. Один из тостов был за последующие поколения. По словам Димитрова, к примеру, Сталин «был в исключительно хорошем настроении» и сказал, что «наша политика мира и безопасности есть в то же время политика подготовки войны. Нет обороны без наступления. Надо воспитывать армию в духе наступления. Надо готовиться к войне». Еще один очевидец записал, что Сталин сказал: «Хорошая оборона означает нападение. Нападение – лучшая защита». Согласно официальным источникам, Сталин говорил следующее: «Мирная политика – дело хорошее. Мы до поры, до времени проводили линию на оборону… А теперь, когда мы нашу армию реконструировали, насытили техникой для современного боя, когда мы стали сильны – теперь надо перейти от обороны к наступлению. Проводя оборону нашей страны, мы обязаны действовать наступательным образом. От обороны перейти к военной политике наступательных действий. Нам необходимо перестроить наше

воспитание, нашу пропаганду, агитацию, нашу печать в наступательном духе. Красная Армия есть современная армия, а современная армия – армия наступательная».

Было ли это призывом к оружию, сигналом к сбору войск для предупредительного удара, сигналом Генштабу о том, что нужно составить соответствующие планы? Маловероятно, что Сталин озвучил бы подобные намерения в такой официальной обстановке. Кроме того, по своей ориентированности на наступательные действия это выступление не так уж сильно отличалось от того, что Сталин говорил годом раньше на совещании высшего руководства, посвященном советско-финской войне. Гораздо более вероятно, что Сталин хотел внушить молодым офицерам настрой на наступательные действия; возможно, он считал, что эти брошенные вскользь замечания помогут поднять их боевой дух и уверенность в себе перед лицом наметившейся войны с Германией. А это вовсе не то же самое, что планировать и намеренно провоцировать войну.

После выступления Сталина приготовления Советского Союза к войне стали более интенсивными, однако все же не приобрели масштаба и характера, достаточного для того, чтобы летом 1941 г. нанести предупредительный удар61. В этой связи некоторые ученые акцентируют внимание на том, что 24 мая 1941 г. Сталин устроил в своем кремлевском кабинете трехчасовое совещание, в котором принимали участие почти все высшие военные чины. Существует предположение о том, что именно на этом совещании было принято решение нанести предупредительный удар по Германии. Еще большие подозрения вызывало отсутствие какой-либо информации о том, что конкретно обсуждалось на совещании. Впрочем, если верить кремлевскому журналу посещений, в последующие 10 дней Сталин не встречался ни с наркомом обороны Тимошенко, ни с начальником генштаба Жуковым, ни с кем-либо еще из командования62. Такое поведение было бы нелогичным, если бы Сталин собирался срочно начать нападение на Германию. Гораздо более вероятно, что совещание 24 мая было всего лишь частью продолжавшихся оборонительных приготовлений к войне.

Ретроспективно анализируя поведение Сталина в последние мирные недели, критике наиболее часто подвергают не то, что он готовил нападение, а то, что он не отдал приказ привести Красную Армию в состояние полной боевой готовности до начала немецкого вторжения. Василевский в своих мемуарах поддерживает мысль о том, что Сталин стремился как можно дольше сохранять мир, но отмечает, что «вся проблема… сводилась к тому, как долго нужно было продолжать такой курс.

Ведь фашистская Германия, особенно последний месяц, по существу, открыто осуществляла военные приготовления на наших границах, точнее говоря, это было то самое время, когда следовало проводить форсированную мобилизацию и перевод наших приграничных округов в полную боевую готовность, организацию жесткой и глубоко эшелонированной обороны»63. В опубликованном посмертно интервью Василевский говорил, что в этом вопросе в июне 1941 г. Сталин подошел к Рубикону войны, но не смог сделать один твердый шаг вперед64. Жуков, впрочем, придерживался другого мнения: «Точка зрения Василевского не вполне соответствует действительности. Я уверен, что Советский Союз был бы разбит в самом начале, если бы мы развернули все наши силы на границах накануне войны, а немецкие войска смогли бы выполнить свой план, окружить и уничтожить их на границе… Тогда гитлеровские войска смогли бы ускорить свою кампанию, а Москва и Ленинград пали бы в 1941 г.»65. Маршал Рокоссовский в своих мемуарах далее развивает эту мысль, говоря, что основные силы Красной Армии вообще следовало развернуть не на границе, а значительно дальше на территории СССР. В этом случае они бы не были уничтожены в результате первых атак немцев и были бы в состоянии наносить сконцентрированные контрудары по продвигающимся войскам вермахта66.

Мысль о том, что лучшим выбором перед лицом операции «Барбаросса» было бы принять стратегию мобильной обороны, также проскальзывает и у многих западных исследователей – таких, как Синтия А. Робертс. Была ли Красная Армия способна осуществить такую стратегию и была ли она более выигрышной для Советского Союза – вопрос спорный. Но какими бы существенными ни были потенциальные преимущества концепции стратегической обороны, в то время ей не было места в стратегических планах советского верховного командования. Как признает в своих мемуарах Жуков, «в то время наша военно-теоретическая наука вообще не рассматривала глубоко проблемы стратегической обороны, ошибочно считая ее не столь важной»67. На нападение немцев 22 июня 1941 г. Тимошенко и Жуков отреагировали тем, что приказали начать осуществление давно подготовленных планов наступления. Даже тогда, когда немцы уже прошли вглубь советской территории и стояли у ворот Москвы и Ленинграда, излюбленным приемом военачальников Красной Армии оставалось атаковать – где и когда только возможно. В итоге Красная Армия все же усвоила преимущества обороны, но только потому, что была к этому вынуждена, и в целом доктрина наступательных действий продолжала играть

ведущую роль до конца войны. С точки зрения стратегии на Восточном фронте Красная Армия вела наступательную войну. Только во время Курской битвы летом 1943 г. был временно взят курс на стратегическую оборону: выдержав мощный штурм немецких танковых войск, Красная Армия начала массированное контрнаступление.

После войны неудачи и отступление Красной Армии в 1941–1942 гг. изображались в приукрашенном и облагороженном виде: как часть плана великого Сталина, целью которого было заманить немецкую армию вглубь русской территории и уничтожить ее – так же, как поступили царские военачальники с французской армией во время войны с Наполеоном. После смерти Сталина была обнародована более реалистичная и неприглядная картина трагических событий 22 июня. Однако, согласно новой легенде, причиной неудач Красной Армии в первые месяцы войны была излишняя склонность Сталина к наступательным действиям. На самом деле, тактику атак и контратак единодушно приветствовало все верховное командование Советского Союза, поэтому ответственность за ее последствия в одинаковой степени несли все.

Масштаб трагедии 22 июня 1941 г. легко оценить, увидев, что стало с огромной армией, собранной Сталиным для того, чтобы противостоять немецкому вторжению. К концу 1941 г.

Красная Армия потеряла в бою 200 дивизий и 4 миллиона человек личного состава. Потери включали в себя 142 000 офицеров (из 440 000), в том числе было убито 40 генералов и захвачено в плен 4468. Многие современные наблюдатели ожидали, что закаленная в боях немецкая армия, так легко покорившая Польшу и Францию, добьется таких же успехов и в России. Другие считали, что советские войска проявили себя не так хорошо, как могли бы. Однако и тех, и других удивило, что Красная Армия пережила огромный урон, нанесенный ей Германией, и смогла дать отпор самому грандиозному завоеванию в военной истории.

Глава 3 ВОЙНА НА УНИЧТОЖЕНИЕ

Сталин против Гитлера

Вторжение Германии в Советский Союз началось прямо перед рассветом в воскресенье 22 июня 1941 г. Нападение по линии фронта длиной 1000 миль осуществляли 152 немецкие дивизии. На севере их поддерживали 14 финских дивизий, а на юге – 14 румынских дивизий1. Позже к 3,5-миллионному войску присоединились армии Венгрии и Италии, испанская «Голубая дивизия», контингенты из Хорватии и Словакии, а также добровольческие отряды, сформированные в каждой из стран оккупированной нацистами Европы.

Войско захватчиков было организовано в три крупные группы: группа армий «Север» атаковала из Восточной Пруссии и продвигалась вдоль балтийского побережья по направлению к Ленинграду; группа армий «Центр» продвигалась к Минску, Смоленску и Москве; группа армий «Юг» направлялась к Украине и ее столице, Киеву.

Стратегические цели вторжения были определены Гитлером в его директиве от 18 декабря 1940 г.: «Германские вооруженные силы должны быть готовы разбить Советскую Россию в ходе кратковременной кампании… Основные силы русских сухопутных войск, находящиеся в Западной России, должны быть уничтожены в смелых операциях посредством глубокого, быстрого выдвижения танковых клиньев. Отступление боеспособных войск противника на широкие просторы русской территории должно быть предотвращено… Конечной целью операции является создание заградительного барьера против азиатской России по общей линии Волга – Архангельск»2.

Операция получила кодовое название «Барбаросса», в честь Фридриха I Барбароссы, римского императора, который в XII в. возглавил крестовый поход для освобождения священной для христиан земли от мусульман. 22 июня Гитлер объявил, что напал на СССР, чтобы предупредить удар советских войск по Рейху3.

Впоследствии нацистская пропаганда изображала кампанию Германии в России как оборонительный крестовый поход против нечестивой империи большевиков, угрожающей европейской цивилизации.

Идеологическое оформление операции «Барбаросса» четко показывало, какую войну немцы намеревались вести в России – войну на уничтожение и истребление, *Vernichtungskrieg* 4. Уничтожить предполагалось не только Красную Армию, но и весь советский коммунистический режим. В основе такой решимости

было представление нацистов о том, что СССР – это иудейско-большевистское государство, контролируемый евреями коммунистический режим, для уничтожения которого требовалось ликвидировать еврейские кадры, управлявшие советским государством. Кроме того, согласно расистской идеологии Рейха, славянские народы Советского Союза были «унтерменшен» – низшей расой, или «недочеловеками», однако намерения немцев по отношению к славянам были скорее эксплуататорскими, чем просто геноцидальными. Как Гитлер позже сказал о славянах, «наш основной принцип следующий: существование этих людей оправдано только с экономической точки зрения – возможностью их эксплуатации во благо нашего народа».

Идеологическая расистская война, которую Гитлер хотел вести против России, предопределила суть военных приготовлений к операции «Барбаросса». Как сказал Гитлер своим генералам 30 марта 1941 г., «войну против России нельзя вести по-рыцарски. Это борьба идеологий и различных рас, и ее нужно вести с беспрецедентной безжалостной и неукротимой жестокостью»5.

В марте 1941 г. было достигнуто соглашение между вермахтом и СС в отношении роли «айнзацгрупп» – специальных групп, которые должны были следовать за немецкой армией в Россию, чтобы уничтожать «еврейских большевиков» – чиновников, активистов и интеллигентов. 13 мая 1941 г. Гитлер издал постановление, которым фактически освобождал немецких солдат от ответственности за любые зверства, которые они могли совершить в России. Еще через несколько дней вермахт издал «Инструкцию о поведении войск в России»:

1. Большевизм является смертельным врагом национал-социалистского немецкого народа. Германия ведет борьбу против этого разлагающего мировоззрения и его носителей.

2. Эта борьба требует беспощадных и решительных действий против большевистских подстрекателей, партизан, саботажников, евреев и полного подавления любой попытки активного или пассивного сопротивления.

3. В отношении всех представителей Красной Армии, в том числе военнопленных, следует проявлять крайнюю осторожность и предельную бдительность, поскольку необходимо считаться с их коварными методами ведения борьбы. Особенно непроницаемыми, непредсказуемыми, коварными и бесчувственными являются азиатские солдаты Красной Армии.

6 июня вермахт выпустил «Директиву по обращению с политическими комиссарами». Это был печально известный

приказ, решавший судьбу политических комиссаров Красной Армии: «Если они будут схвачены в бою или при оказании сопротивления, то, как правило, их необходимо немедленно уничтожать, применяя оружие».

Идеологический контекст предстоявшей войны с Россией позволяет объяснить, почему немцы решили, что смогут уничтожить Красную Армию в рамках одной молниеносной кампании. Немецкие стратеги считали, что Красная Армия значительно ослаблена имевшими место перед войной чистками, и были невысокого мнения о ее действиях во время советско-финской войны. Не менее важным было и идеологически искаженное представление о политической слабости сталинского режима. «Нам нужно только постучать в дверь, и вся прогнившая структура рухнет», – говорил Гитлер6. Немцы не только не ожидали, что в России им окажут серьезное сопротивление, они воображали, что значительная часть советского населения будет приветствовать их как освободителей.

С первых же дней операции «Барбаросса» начало казаться, что гитлеровские предсказания о быстрой и легкой победе сбываются. В первый день самолеты люфтваффе нанесли удары по 66 вражеским аэродромам, уничтожили 900 советских самолетов на земле и еще 300 в воздухе7. Уже через несколько дней у немцев было полное превосходство в воздухе по всей линии фронта. 3 июля генерал Франц Гальдер, начальник штаба Верховного командования сухопутных войск вермахта, записал в своем дневнике: «С моей стороны не будет слишком смелым утверждать: немецкая кампания против России выиграна в пределах 14 дней»8. За три недели потери советских войск составили три четверти миллиона человек, 10 000 танков и 4000 самолетов. За три месяца немцы захватили Киев, взяли в окружение Ленинград и подошли к Москве9.

Немцы применяли по большей части ту же тактику, что и в Польше и Франции. Усиленные колонны из дивизий мощной бронированной техники пробивали вражескую оборону и окружали советские войска с тыла. За немецкими танками следовали дивизии пехоты, чьей задачей было уничтожить окруженные части вражеских войск и удерживать захваченную территорию. Во время июньской осады Минска немцы взяли в плен 400 000 советских военнослужащих. В июле в под натиском немецких войск пал Смоленск (300 000 пленных), а в сентябре – Киев (500 000 пленных). В октябре в результате окружения Брянска и Вязьмы под Москвой в плен попало еще около полумиллиона советских солдат. К концу 1941 г. в плену у немцев было уже 3 миллиона советских военнопленных. К

февралю 1942 г. 2 миллиона из этих военнопленных погибли – главным образом от голода, болезней и издевательств. Кроме этого, немцы просто расстреливали тех пленных, на которых падало подозрение в том, что они – коммунисты. К моменту завершения войны на восточном фронте было убито 160 000 пленных «комиссаров».

Судьбу советских военнопленных разделили многие другие советские граждане, прежде всего – еврейского происхождения. Немцы истребили около 1 миллиона советских евреев, в основном в 1941–1942 гг.10. Главным орудием этих массовых убийств были айнзацгруппы СС. Изначально задачей айнзацгрупп было убивать трудоспособных евреев мужского пола. Однако в августе 1941 г. Гиммлер, глава СС, отдал приказ о начале масштабного уничтожения целых еврейских сообществ – мужчин и женщин, родителей и детей, старых и молодых, больных и здоровых. Показательным с точки зрения этого изменения политики был произведенный в конце сентября 1941 г. расстрел 30 000 евреев в Бабьем Яре – овраге на окраине Киева.

Причина этого перехода от выборочного уничтожения евреев мужского пола к массовому убийству всех евреев широко обсуждалась историками холокоста11. Вероятно, он был связан с активизацией борьбы немцев с партизанами. Партизанская деятельность в тылу наступающих немецких войск началась уже через несколько дней после начала войны, и зачастую ее инициировали, вдохновляли и поддерживали отступающие части Красной Армии, пытавшиеся прорваться из окружения. Так же, как и в Греции, Югославии и Польше, немцы реагировали тем, что сжигали деревни и расстреливали всех, кто подозревался в пособничестве партизанам. В сентябре 1941 г. вермахт отдал приказ о том, что за каждого немца, ставшего жертвой партизан, следует убить от 50 до 199 «коммунистов».

Между антипартизанской тактикой вермахта и антиеврейской кампанией СС есть тонкая связь. Всех евреев считали коммунистами и партизанами, а всех партизан – евреями. «Еврей – партизан. Партизан – еврей». «Еврей – большевик – партизан». Эти немецкие слоганы служили двойной цели: они логически обосновывали массовое убийство советских евреев и оправдывали жестокие меры беспорядочной борьбы с партизанами12. Кровавая бойня в Бабьем Яре, например, была явным возмездием за смерть нескольких немецких офицеров, погибших в результате взрыва бомб замедленного действия, оставленных отступающей Красной Армией в центре Киева.

Несмотря на очевидные успехи немцев, удача на войне не всегда была на их стороне. Не все линии советской обороны были

разрушены. Некоторые позиции удерживались неделями и даже месяцами. В Брестской крепости, на границе с оккупированной немцами Польшей, 3000 советских солдат в течение недели держали оборону против 20 000 немцев, сражаясь до последнего человека. Одесса, главный порт советского флота на Черном море, почти 10 недель, с августа по октябрь 1941 г., держала оборону против 4-й румынской армии. На долю соседнего с Одессой города-порта Севастополь выпало еще большее испытание, однако город продержался до лета 1942 г. Хотя миллионы советских солдат были взяты в плен, десятки тысяч других – отдельные солдаты, небольшие группы, взводы, батальоны и целые дивизии – прорывались из окружения и присоединялись к остальным войскам Красной Армии13. Советские войска наносили многочисленные контрудары, не раз немцы были вынуждены отступить и перегруппироваться. Оборона Киева почти на месяц задержала наступление немецких войск на Украине, а бои под Смоленском в июле – августе 1941 г. на два месяца задержали наступление немцев на Москву. Яростные контрудары под Ленинградом не дали Гитлеру осуществить его цель – захватить и стереть с лица Земли второй по величине город Советского Союза.

Яростные бои поколебали первоначальную уверенность немцев в том, что им предстоит легкая победа. К 11 августа генерала Гальдера тоже начали посещать сомнения: «К началу войны мы имели против себя около 200 дивизий противника. Теперь мы насчитываем уже 360 дивизий противника. Эти дивизии, конечно, не так вооружены и не так укомплектованы, как наши, а их командование в тактическом отношении значительно слабее нашего, но, как бы там ни было, эти дивизии есть. И даже если мы разобьем дюжину таких дивизий, русские сформируют новую дюжину»14.

Цена, которую немцы заплатили за свои победы, была очень высокой. В первые три недели войны немцы потеряли 100 000 человек личного состава, 1700 танков и штурмовых орудий, 950 самолетов. К июлю они ежедневно несли потери до 7000 человек. К августу общее количество погибших составило почти 180 000 человек15. Эти потери были ничтожны в сравнении с астрономическими потерями советских войск, но они были гораздо значительнее того, к чему привыкли немцы. За всю западноевропейскую кампанию 1940 г. потери немецкой армии составили всего 156 000 человек, в том числе 30 000 погибших16. Особенно важно было то, что, несмотря на победоносное продвижение войск вермахта на территорию России, их стратегические цели так и не были достигнуты. Ленинград был

осажден, но так и не был взят. На юге немецкая армия продвинулась до Ростова-на-Дону – выхода к Кавказу и нефтяным месторождениям Баку, – однако исчерпала себя, и к концу ноября город был освобожден русскими войсками.

Последней надеждой Гитлера на победу в рамках одной кампании было захватить Москву. Немцы начали наступление на столицу СССР в октябре 1941 г. В наступлении участвовали более 70 дивизий – миллион солдат, 1700 танков, 14 000 артиллерийских орудий и почти 1000 самолетов. В результате наступления группа армий «Центр» подошла почти на 30 километров к Кремлю, но дальше пройти не смогла.

5 декабря Красная Армия начала контрнаступление к западу от Москвы, отбросив немцев на 65–80 километров от города. Это было первое серьезное поражение вермахта во Второй мировой войне. Оно показало, что операция «Барбаросса» провалена и Гитлеру на восточном фронте предстоит длительная война на истощение. Как отмечали обозреватели времен войны, «российская кампания 1941 г. была для немцев серьезным *стратегическим* поражением»17.

К декабрю 1941 г. война в Европе превратилась в мировую войну. После нападения Японии на Перл-Харбор 7 декабря США оказались втянутыми в войну с союзником Германии на Дальнем Востоке, а после того как Гитлер 11 декабря объявил войну Америке, США пришлось принимать участие и в боевых действиях в Европе. Это скрепило союз Америки, Великобритании и СССР, который начал формироваться еще летом 1941 г. В этих новых обстоятельствах Гитлер начал задумываться о том, какие ресурсы ему потребуются, чтобы вести мировую войну против союзников. Предметом особого его внимания стали нефть, промышленность и сырье Украины, Кавказа и южных областей России.

Реакция Сталина на нападение Германии

О реакции Сталина на начало операции «Барбаросса» ходит легенда, что он был удивлен и шокирован нападением Германии, отказывался верить, что это происходит на самом деле, и впал в депрессию, из которой не мог выйти до тех пор, пока его не вынудили к этому соратники по Политбюро. Эта легенда, как и многие другие легенды о Сталине, получила распространение после закрытого доклада Хрущева на XX съезде партии в 1956 г.: «Было бы неправильным забывать, что после первых серьезных неудач и поражений на фронте Сталин думал, что наступил конец. В одной из своих речей, произнесенных в те дни, он сказал: “Все, что создал Ленин, мы потеряли навсегда”. После этого, в течение долгого времени Сталин фактически не руководил военными действиями, прекратив делать что-либо вообще. Он вернулся к активному руководству только после того, как несколько членов Политбюро посетили его и сказали, что необходимо немедленно предпринять определенные шаги, чтобы улучшить положение на фронте»18.

Хрущев, который был в Киеве, когда началась война, более подробно писал об этом в своих мемуарах, сообщая, что, по словам Берии, Сталин в какой-то момент вообще отказался от руководства и в отчаянии уехал на свою дачу19.

Еще одну версию этой истории предлагает в своих мемуарах Анастас Микоян, бывший при Сталине наркомом торговли. По словам Микояна, члены Политбюро ездили на дачу к Сталину и сообщили скрывшемуся там руководителю, что решили создать государственный комитет обороны и хотят, чтобы Сталин его возглавил. Инициаторами этого были Берия и Молотов, пишет Микоян20. Впрочем, как возражают Рой и Жорес Медведевы, это маловероятно. Молотов и Берия принадлежали к числу наиболее покорных Сталину приближенных21. Имеется также свидетельство Якова Чадаева, который поддерживает версию Микояна о том, что члены Политбюро во главе с Молотовым ездили на дачу к Сталину и просили его вернуться к работе. Впрочем, Чадаев не был очевидцем этого события и узнал о нем из вторых рук. По воспоминаниям самого Чадаева о состоянии Сталина в первые дни войны, создается впечатление, что поведение советского вождя было крайне противоречивым: с одной стороны, он был сильным и решительным; с другой – сдержанным и неуверенным22. Кроме того, в интервью в 1982 г.

Чадаев в ответ на вопрос о поведении Сталина в первые месяцы войны утверждал следующее: «Я уже отмечал, что в дни кризисных, даже критических ситуаций на фронте Сталин в целом неплохо владел собой, проявляя уверенность, спокойствие и демонстрируя огромную работоспособность»23. Среди других воспоминаний – ответ Молотова, данный им на вопрос об истории на сталинской даче: «Сталин был в очень сложном состоянии. Он не ругался, но не по себе было. Растерялся – нельзя сказать, переживал – да, но не показывал наружу. Свои трудности у Сталина были, безусловно. Что не переживал – нелепо. Но его изображают не таким, каким он был… Все эти дни и ночи, он, как всегда, работал, некогда ему было теряться или дар речи терять. Как держался? Как Сталину полагается держаться. Твердо»24. По словам Жукова, «И.В. Сталин был волевой человек и, как говорится, не из трусливого десятка. Несколько подавленным я его видел только один раз. Это было на рассвете 22 июня 1941 года: рухнула его убежденность в том, что войны удастся избежать. После 22 июня 1941 года, почти на протяжении всей войны, И.В. Сталин твердо управлял страной, вооруженной борьбой и международными делами»25. Еще один член Политбюро, Лазарь Каганович, на вопрос о том, потерял ли Сталин самообладание, когда началась война, ответил: «Ложь!»26 Молотов и Каганович были преданными сторонниками Сталина, в то время как Хрущев и Микоян были ренегатами, которые в 1950-е гг. возглавляли антисталинскую оппозицию. Жуков после войны стал жертвой сталинских чисток, но в 1957 г. поссорился с Хрущевым и в результате получил от Хрущева свою порцию обвинений в связи с действиями во время войны.

Возможно, лучшим источником информации о реакции Сталина на нападение Германии являются воспоминания современников о его действиях в первые дни войны. Как можно видеть из журнала принятых Сталиным посетителей, после начала войны Сталин проводил множество встреч с представителями советской военной и политической верхушки27. В первые дни войны Сталину приходилось принимать очень много решений. В день, когда началась война, он подписал 20 разных указов и приказов28. 23 июня он отдал приказ о создании Ставки (штаба) Верховного Главнокомандования, военно-политического органа, осуществлявшего стратегическое руководство военными действиями. Председателем Ставки был назначен нарком обороны Тимошенко. 24 июня было решено основать Совет по эвакуации, чтобы организовать эвакуацию людей и ресурсов из зоны военных действий, а также создать Советское информационное бюро (Совинформ) для координации

и руководства военной пропагандой29. 29 июня Сталин подписал директиву партийным и советским организациям прифронтовых областей, в которой приказывал сражаться до последней капли крови за каждую пядь советской земли. В директиве говорилось, что снабжение и тыл Красной Армии следует охранять всеми силами, а трусы и паникеры должны быть немедленно преданы суду военного трибунала. В оккупированных захватчиками областях должны были быть сформированы партизанские отряды, а в случае форсированного отступления предполагалось использовать тактику выжженной земли, при которой врагу не осталось бы дорог, железнодорожных путей, заводов и складов продовольствия, которые он мог бы использовать. Эти указания легли в основу обращения к советским людям, с которым Сталин выступил по радио через несколько дней30.

22 июня день в кабинете Сталина начался в 5:45, когда Молотов вернулся со встречи с Шуленбургом и принес известие о том, что Германия объявила СССР войну31. Одним из первых было принято решение о том, что именно Молотов, а не Сталин, выступит в полдень с радиообращением к народу. По словам Молотова, Сталин решил подождать, пока ситуация прояснится, прежде чем обращаться к стране от своего лица32. Написанный Молотовым черновик речи был сразу отредактирован Сталиным. Он во многих аспектах расширил содержание речи. Во-первых, Молотов должен был с самого начала заявить, что говорит от лица Сталина, а в заключении призвать страну сплотиться вокруг Сталина как ее вождя. Во-вторых, Молотов должен был ясно показать, что Советский Союз никоим образом не нарушал заключенный с Германией пакт о ненападении. В-третьих, Молотов должен был подчеркнуть, что войну Советскому Союзу объявили не немецкие рабочие, крестьяне и интеллигенция, а гитлеровцы, поработившие Польшу, Югославию, Норвегию, Бельгию, Данию, Нидерланды, Грецию и другие страны. В-четвертых, Молотов должен был сравнить вторжение Гитлера в Россию со вторжением Наполеона и призвать народ к патриотической войне в защиту отечества. Хотя Сталин внес в текст речи заметные исправления, самые запоминающиеся ее строки – завершающие призывные слова, ставшие одним из главных лозунгов советской военной пропаганды, – судя по всему, принадлежали самому Молотову: «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами»33.

Еще одним ранним посетителем сталинского кабинета в тот день стал глава Коминтерна Георгий Димитров, который записал в своем дневнике: «В 7:00 утра меня срочно вызвали в Кремль… Поразительное спокойствие, решимость, уверенность Сталина и

всех остальных… Пока Коминтерн не должен совершать никаких открытых действий. Местные партии организуют движение в защиту СССР. Вопрос социалистической революции подниматься не должен. Советский народ ведет патриотическую войну против нацистской Германии. Это вопрос искоренения фашизма, поработившего многие народы и намеренного поработить еще больше»34.

Неоднократно заходил в кабинет Сталина в этот день заместитель наркома иностранных дел Андрей Вышинский, который докладывал о новостях в дипломатической сфере. У него были и хорошие новости. Из Лондона телеграфировал Майский, чтобы передать уверения министра иностранных дел, Антони Идена, в том, что Великобритания не сдастся и что не может быть и речи о заключении сепаратного мира между Великобританией и Германией, несмотря на слухи, возникшие в связи с миссией Гесса. Иден также проинформировал Майского о том, что в тот же день вечером Черчилль выступит по радио с речью о нападении Германии и об англо-советских отношениях35. Выступление Черчилля, надо полагать, стало для Сталина большим облегчением: «За последние 25 лет никто не был более последовательным противником коммунизма, чем я. Я не возьму обратно ни одного слова, которое я сказал о нем. Но все бледнеет перед развертывающимся сейчас зрелищем. Прошлое, с его преступлениями, безумствами и трагедиями, отступает… У нас лишь одна-единственная неизменная цель. Мы полны решимости уничтожить Гитлера и все следы нацистского режима. Ничто не сможет отвратить нас от этого, ничто… Отсюда следует, что мы окажем России и русскому народу всю помощь, какую только сможем… если Гитлер воображает, будто его нападение на Советскую Россию вызовет малейшее расхождение в целях или ослабление усилий великих демократий, которые решили уничтожить его, то он глубоко заблуждается… Нападение на Россию – не более, чем прелюдия к попытке завоевания Британских островов… Поэтому опасность, угрожающая России, – это опасность, грозящая нам и Соединенным Штатам, точно так же как дело каждого русского, сражающегося за свой очаг и дом, – это дело свободных людей и свободных народов во всех уголках земного шара»36.

США демонстративно поддерживали нейтралитет, однако в течение года уже вели значительные поставки помощи Великобритании, и на пресс-конференции в Белом доме 24 июня Рузвельт объявил, что эта же политика будет проводиться и в отношении Советского Союза37. 21 июля Великобритания и Советский Союз подписали соглашение о совместных действиях в

войне против Германии и о том, что ни одна сторона не будет проводить отдельные переговоры с Гитлером о перемирии или мирном договоре38. В конце июля Рузвельт отправил своего личного представителя, Гарри Гопкинса, в Москву, чтобы обсудить со Сталиным вопрос военных поставок из США39. В начале августа страны обменялись нотами, в которых было официально зафиксировано намерение США осуществлять военные поставки в СССР40. В конце сентября лорд Бивербрук, министр снабжения Великобритании, вместе с Авереллом Гарриманом, представителем Рузвельта в Лондоне по ленд-лизу, прибыл в Москву для подписания официального соглашения об англо-американских поставках в Россию41.

Однако наиболее важные события и решения имели место на военном фронте. Ранним утром 22 июня Тимошенко и Жуков подписали директиву, в которой говорилось о внезапном нападении Германии. Пограничные округа получили приказ к рассвету 22 июня быть в состоянии полной боевой готовности, рассредоточить и замаскировать авиацию. В то же время командирам было приказано не поддаваться ни на какие «провокационные действия». После встречи со Сталиным в Кремле Жуков и Тимошенко в 7:15 подписали еще одну директиву. В ней сообщалось об ударах, нанесенных немецкой авиацией и артиллерией и предписывалось войскам атаковать немцев в районах, где они нарушили советскую границу, однако самим не пересекать границу без особого разрешения. В 21:15 Тимошенко и Жуков подписали третью директиву, в которой Северо-Западному и Западному фронтам Красной Армии приказывалось атаковать, окружить и уничтожить группу армий «Север», а Юго-Западному фронту – атаковать и окружить группу армий «Юг». Северному и Южному фронтам Красной Армии (размещенным на границах с Финляндией и Румынией, соответственно) было приказано оставаться в обороне. Западный фронт получил распоряжение сдерживать продвижение группы армий «Центр» по оси Варшава – Минск, одновременно осуществляя поддержку наступательных маневров Северо-Западного фронта42. Эта директива в основном соответствовала довоенным планам относительно контратакующих действий Красной Армии в случае войны. Она показывает, что Сталин и Верховное командование полностью рассчитывали на то, что Красная Армия сможет справиться с нападением Германии и выполнить собственные стратегические задачи – в том числе осуществить ответное вторжение на территорию Германии. В самом деле, согласно тексту третьей директивы, ожидалось, что Красная Армия достигнет своих первоначальных целей на

территории Восточной Пруссии и Южной Польши в течение двух дней. В соответствии с этими ожиданиями, Жуков был немедленно отправлен в Киев, чтобы руководить наступательными маневрами на Юго-Западном фронте, где были сосредоточены основные силы Красной Армии, ожидавшие продвижения основной части немецкой армии по территории Украины. Шапошников, бывший глава генштаба, и Кулик, заместитель наркома обороны по делам артиллерии, были высланы на Западный фронт43. Спокойствие и уверенность, которыми характеризовались решения этих первых дней войны, отмечает в своих воспоминаниях генерал Штеменко: «С первых минут войны обстановка в Генеральном штабе приобрела хоть и тревожный, но деловой характер. Никто из нас не сомневался, что расчеты Гитлера на внезапность могут дать ему только временный военный выигрыш. И начальники, и подчиненные действовали с обычной уверенностью»44. Уверенность в победе разделяла и большая часть советского населения. В Москве многие люди были поражены тем, что немцы осмелились напасть на СССР, тысячи вступали добровольцами в ряды вооруженных сил и народной милиции45.

Когда контрнаступление советской армии 23–25 июня не принесло значительных успехов и вермахт продолжил наступление по всем фронтам, стало ясно, что Генеральный штаб серьезно недооценил масштаб немецкого вторжения. Как писал в своих мемуарах Жуков: «Внезапный переход в наступление всеми имеющимися силами, притом заранее развернутыми на всех стратегических направлениях, не был предусмотрен. Ни нарком, ни я, ни мои предшественники Б.М. Шапошников, К.А. Мерецков, ни руководящий состав Генштаба не рассчитывали, что противник сосредоточит такую массу бронетанковых и моторизованных войск и бросит их в первый же день компактными группировками на всех стратегических направлениях с целью нанесения сокрушительных рассекающих ударов»46.

Для Сталина ужасающее осознание того, что все идет не по плану, пришло с получением известия, что немцы захватили Минск, столицу Белоруссии. По словам Жукова, который после провала контрнаступления на Юго-Западном фронте вернулся в Москву, Сталин 29 июня дважды посетил наркомат обороны, чтобы выразить свою обеспокоенность ситуацией на Западном фронте47. К 30 июня немцы не только захватили Минск, но и взяли в кольцо к западу от столицы Белоруссии преобладающую часть четырех советских армий, в результате чего «[советский] Западный фронт как организованная сила перестал

существовать»48. В тот же день Сталин подписал постановление об учреждении Государственного комитета обороны (ГКО), возглавил который он сам49.

О формировании ГКО Сталин объявил в своем обращении по радио 3 июля. По некоторым свидетельствам, Сталин говорил неуверенно (он никогда не умел хорошо говорить на публике), однако сам текст, который был в тот же день опубликован во всех советских газетах, был написан блестяще. Сталин начал речь с приветствия: «Товарищи! Граждане! Братья и сестры! Бойцы нашей армии и флота! К вам обращаюсь я, друзья мои!» Сталин подчеркнул огромную опасность, угрожающую стране, и сообщил, что враг уже захватил значительную часть советской территории. Как это могло случиться, спрашивал Сталин? «Дело в том, что войска Германии как страны, ведущей войну, были уже целиком отмобилизованы и 170 дивизий, брошенных Германией против СССР и придвинутых к границам СССР, находились в состоянии полной готовности, ожидая лишь сигнала для выступления, тогда как советским войскам нужно было еще отмобилизоваться и придвинуться к границам». Был ли советско-германский пакт ошибкой? Нет, говорил Сталин: он дал стране время и возможность для подготовки к войне, и хотя Германия получила непродолжительный военный выигрыш от своего вероломного нападения, политически она проиграла, в очередной раз разоблачив себя как кровавого агрессора. Сталин подчеркнул, что эта война – отечественная война, война не только за советский строй, но и за национальную культуру и национальную государственность «русских, украинцев, белорусов, литовцев, латышей, эстонцев, узбеков, татар, молдаван, грузин, армян, азербайджанцев и других свободных народов» СССР. Не менее значительный акцент Сталин делал и на теме антифашизма, утверждая, что целью этой войны является освобождение Европы от германского господства и что союзниками в ней будут Великобритания и США. Общая тональность речи Сталина была тревожной, но уверенной. Он отрицал, что немцы непобедимы, отмечая, что только в Советском Союзе они встретили серьезный отпор. «Товарищи! Наши силы неисчислимы. Зазнавшийся враг должен будет скоро убедиться в этом»50.

Реакция народа на речь Сталина была неоднозначной, но в целом положительной, по крайне мере в Москве, где, согласно внутрипартийным и милицейским отчетам, она сыграла большую роль в укреплении боевого духа и патриотического подъема51.

Впрочем, несмотря на все эти красивые слова, на фронте ситуация продолжала ухудшаться. К середине июля Красная Армия потеряла 28 дивизий, еще 70 дивизий потеряли половину

личного состава и вооружения, а немецкие войска широким фронтом продвинулись на 300–600 км вглубь территории России52.

Перед лицом катастрофы

За время своей политической карьеры Сталин не раз сталкивался с чрезвычайными ситуациями: революция 1917 г., гражданская война, коллективизация советского сельского хозяйства, кампания по индустриализации, охота на внутреннего врага, предвоенный кризис, а теперь и крах советских планов по обороне. Реакция на эту последнюю чрезвычайную ситуацию была типичной для Сталина: реорганизация, чистки, кадровые перестановки и концентрация все большего и большего объема реальной власти в его собственных руках.

Государственный комитет обороны (ГКО) во время войны был ключевым органом сталинской системы принятия решений. Будучи чем-то вроде военного кабинета под председательством Сталина, комитет представлял собой политический орган, ответственный за управление всеми аспектами военных действий Советского Союза. Первоначально в состав комитета входили комиссар внешней политики Молотов, генеральный комиссар госбезопасности Лаврентий Берия, член Политбюро Георгий Маленков и маршал Ворошилов, давний военный соратник Сталина. Хотя Политбюро партии в военное время формально продолжало существовать и функционировать, его собрания проводились редко, и фактически его роль как высшего коллегиального органа советского руководства выполнял ГКО. ГКО подчинялся Совет народных комиссаров, различные правительственные министерства и органы государственного планирования.

10 июля Ставка (штаб) Главного Командования была реорганизована в Ставку Верховного Командования, председателем которой стал Сталин. 8 августа она была переименована в Ставку Верховного Главнокомандования, а Сталин стал Верховным главнокомандующим вооруженными силами53. При содействии Генштаба Ставка занималась формированием военной стратегии, планированием, подготовкой и проведением крупных операций.

В структуру высшего уровня советского военного руководства входил также Народный комиссариат обороны (НКО).

19 июля 1941 г. Сталин был назначен наркомом обороны. НКО состоял из ряда управлений (артиллерийского, автобронетанкового, военно-воздушных сил, противовоздушной обороны, связи, интендантского, военно-учебных заведений, политической пропаганды), представлявших собой ведомства ГКО54.

Все эти перестановки были сделаны для того, чтобы формально объединить в руках Сталина контроль и управление всей военно-экономической деятельностью СССР. Личный контроль Сталина над военно-экономической деятельностью страны был более полным и всеохватывающим, чем в случае любого другого правителя времен Второй мировой войны. На практике, однако, деятельность Сталина ограничивалась принятием решений в военной сфере. Самим Сталиным и под его контролем принимались многие решения и в других областях государственной деятельности, однако он любил поощрять инициативу и делегировать полномочия доверенным подчиненным – таким, как Берия (внутренняя безопасность), Николай Вознесенский (экономика), Микоян (снабжение) и Лазарь Каганович (транспорт). Только вопросами внешней политики Сталин занимался так же постоянно и детально, как и вопросами военной деятельности. Ближайшим помощником Сталина оставался Молотов, который во время войны проводил с советским вождем больше времени, чем кто-либо другой.

Реорганизация вооруженных сил была не менее серьезной. 10 июля пять «фронтов» Красной Армии (Северный, Северо-Западный, Западный, Юго-Западный и Южный) были реорганизованы в три многофронтовых стратегических «направления». Маршал Ворошилов был назначен командующим Северо-Западным направлением, маршал Тимошенко – Западным направлением, а маршал Буденный – Юго-Западным направлением55. 15 июля Ставка выпустила директиву об упразднении крупных механизированных корпусов, сформированных всего годом раньше, и о сведении роли уменьшенного размера танковых дивизий к поддержке пехоты. Направлениям приказывалось отказаться от больших громоздких армий в пользу более мелких и более маневренных полевых армий, состоящих не более чем из пяти – шести дивизий. Директива также предусматривала формирование ряда легких кавалеристских дивизий для нанесения ударов по тылу врага, дезорганизации управления и снабжения немецких войск56.

16 июля управление политической пропаганды НКО было реорганизовано в Главное политическое управление рабоче-крестьянской Красной Армии (ГлавПУРККА). В то же время в вооруженных силах был восстановлен институт военных комиссаров57. Это означало, что политические офицеры снова получили право накладывать вето на решения командного состава и наделялись полномочиями заместителей командиров на всех уровнях вооруженных сил. 20 июля Сталин и новый глава ГлавПУРККА, генерал Лев Мехлис, подписали директиву о

задачах политических комиссаров, в которой описывалась вся серьезность сложившейся ситуации, подчеркивалась особая ответственность комиссаров за поддержание дисциплины в вооруженных силах и за решительную борьбу с трусами, дезертирами и паникерами. Войскам запрещалось начинать отступление без разрешения, и на комиссаров возлагалась личная ответственность за то, чтобы эта политика проводилась неукоснительно58.

Эта директива, как и многие другие приказы Сталина, отражает его уверенность в том, что первоначальные поражения и отступления Красной Армии были частично обусловлены отсутствием дисциплины, особенно среди командного состава. 17 июля решением ГКО был создан особый отдел НКВД (Народного комиссариата внутренних дел). Его представители должны были бороться со шпионами и предателями в рядах Красной Армии и наделялись правом расстреливать дезертиров на месте59. 16 августа Сталин подписал приказ № 270 – директиву, обращенную ко всем военнослужащим вооруженных сил, в которой говорилось, что трусов и дезертиров следует уничтожать и что любого командира, проявляющего «растерянность», следует немедленно сместить с должности. Попавшим в окружение врага частям приказывалось сражаться до последнего человека. Более того, Сталин заявлял, что отныне семьи трусов, дезертиров и предателей подлежали аресту60. 12 сентября Сталин отдал приказ фронтовым командирам сформировать так называемые заградительные отряды, которые должны были пресекать попытки солдат сбежать в тыл и ликвидировать инициаторов паники и бегства. Интересно отметить, что в приказе также оговаривалось, что одной из задач этих отрядов было поддерживать солдат, не подверженных панике, но увлекаемых общим бегством61.

Решимостью Сталина ввести строгую дисциплину в вооруженных силах была обусловлена и чистка в рядах высшего командного состава злополучного Западного фронта, потерпевшего столь катастрофическое поражение под Минском. Список арестованных возглавил генерал Дмитрий Павлов, главнокомандующий Западного фронта. В резолюции ГКО от 16 июля, сообщавшей об арестах, Сталин ясно дал понять, что это показательный урок для всех старших офицеров, нарушающих дисциплину62. Павлов был арестован в начале июля и обвинен в участии в заговоре против советской власти (так же, как в 1937 г. маршал Тухачевский), однако в обвинительном заключении, которым он 22 июля был приговорен к расстрелу, военный трибунал признавал его виновным в трусости, неисполнении должностных обязанностей, развале управления войсками и

самовольном оставлении боевых позиций частями Красной Армии63. Еще одной жертвой сталинского гнева стала группа старших офицеров военно-воздушных сил, которые были арестованы и обвинены в разрушительных ударах, нанесенных люфтваффе по советским аэродромам 22 июня 1941 г.64.

В числе арестованных были генералы Проскуров, Птухин, Рычагов и Шмушкевич. Все они были расстреляны без суда в октябре 1941 г.65. Едва не стал жертвой сталинских чисток и бывший глава Генштаба Мерецков. Он был арестован, когда Павлов под пытками назвал его своим соучастником в заговоре против советской власти. Хотя Мерецков был подвергнут допросу НКВД, его освободили без предъявления обвинений и в сентябре отправили на прежнее место в Ленинград. Там он прослужил представителем Ставки вплоть до 1945 г., когда был переведен на Дальневосточный фронт66.

Вместо Павлова на должность командира Западного фронта был назначен генерал А.И. Еременко. В середине июля, когда фронты были реорганизованы в направления, Еременко остался в этой должности, однако верховным командующим Западного направления (Минск – Смоленск – Москва) был назначен Тимошенко, а главой штаба – Шапошников67. В конце июля Шапошников вернулся в Москву и сменил Жукова в должности начальника Генерального штаба. Жуков получил новое назначение – командование двумя резервными армиями, сформированными в тылу Западного направления, в центральном секторе на подходах к Москве68. В новой должности перед Жуковым стояла важная задача – принять участие в масштабном контрнаступлении против группы армий «Центр» в Смоленской области. На нем лежала ответственность за подготовку операции под городом Ельня. Жуков писал в своих мемуарах: «Ельнинская операция была моей первой независимой операцией, первой пробой оперативно-стратегических свойств в большой войне с гитлеровской Германией»69. Операция началась в середине августа, и к началу сентября войска Жукова отбили у немцев город и значительную часть прилегающей территории70. В советской прессе успех Ельнинской операции называли большой победой, на место сражения приезжали иностранные корреспонденты71.

Ельнинское наступление было первым из нескольких сложных операций Красной Армии в Смоленской области летом 1941 г. Сам город был сдан немцам в середине июля, однако на подступах к нему продолжали вестись яростные бои. Советские войска знали, что в случае поражения для немцев будет открыта дорога на Москву, проходившая менее чем в 320 километрах от

Смоленска. Тем не менее, под Смоленском оборонительные бои не велись: стратегия Ставки была наступательной и имела форму многочисленных контрударов, контратак и контрнаступлений – таких, как под Ельней. Впоследствии эта стратегия подвергалась критике, но она принесла свои плоды. Немцев задержали под Смоленском на два месяца, и перенесенные бойцами вермахта трудности убедили Гитлера отсрочить наступление на Москву и отвести войска к целям, которые казались более легкодостижимыми – к Ленинграду на севере и Киеву на юге. То, что группа армий «Центр» была остановлена, а местами и отброшена назад, также имело большое психологическое значение для Красной Армии. Однако цена этих достижений была очень велика. Жуков, например, потерял в ходе Ельнинской операции треть своей стотысячной армии, и когда в конце сентября немцы снова развернули наступление на Москву, Красная Армия была не в состоянии удержать территории, с таким большим трудом отвоеванные несколько недель назад72. Общие потери Красной Армии в двухмесячных боях под Смоленском составили около полумиллиона погибших и еще четверти миллиона раненых73.

На других участках Восточного фронта летом 1941 г. наступательные операции советских войск прошли по тому же сценарию: ценой больших потерь они позволили задержать продвижение немцев. Эта стратегия неоднократно подвергалась критике. Основным ее положением всегда было то, что оборонительные бои были бы более эффективными и менее затратными, и что своевременно отступить было бы разумнее, чем отстаивать позиции до последнего бойца. Особенно резкая критика была направлена против Сталина, которому приписывали саму идею наступления лета 1941 г. Однако доктрина наступательных боев была придумана далеко не самим Сталиным: она была частью стратегической традиции и военной культуры Красной Армии. Сталин с готовностью принял эти традиции и стиль ведения боевых действий – отчасти потому, что они хорошо сочетались с его политикой и идеологией. Сталин был в первую очередь волюнтаристом – он верил в преобразующую силу человеческой воли и решимости. Военные цели, которые он ставил перед Красной Армией, были не менее трудными и амбициозными, чем те экономические и политические цели, достижения которых он требовал от своих экономистов и партийных работников. «Нет таких крепостей, которых большевики не могли бы взять»: этот партийный лозунг был очень близок Сталину, он часто повторял слова о том, что когда определена правильная политика (а определял ее обычно

он сам), организация и кадры «решают все». К сожалению, военные командиры Сталина не чаще оправдывали его завышенные ожидания, чем его экономические или политические кадры. Как писал Дэвид Гланц, «Ставка сильно заблуждалась относительно возможностей советской армии и возможностей вермахта… она изначально переоценивала первые и недооценивала вторые. Как следствие, она ставила перед своими вооруженными силами невыполнимые задачи; результаты были предсказуемо катастрофическими… Ошибочное представление Ставки о том, чего могут добиться советские вооруженные силы, привело к еще более сокрушительным поражениям»74.

Сталин полностью разделял эти ошибочные представления и, как Верховный главнокомандующий, полностью нес ответственность за их катастрофические последствия. Как отмечал А. Дж. П. Тейлор, приверженность Сталина тактике наступательных боев «навлекла на советскую армию большие бедствия, чем когда-либо знала любая другая армия»75. Кроме того, было много случаев, когда Сталин лично настаивал на стратегии контратаки любой ценой и без отступления, которая привела к таким большим потерям в советской армии. Самый известный пример этого – катастрофическое поражение под Киевом в сентябре 1941 г.

Так как на Юго-Западный фронт была переброшена наиболее значительная часть фронтовых дивизий Красной Армии, в том числе – бронетанковых, на этом участке фронта сдерживать продвижение немецких войск после 22 июня 1941 г. удавалось более успешно, чем на участках фронта в Центральной и Северной России. Тем не менее, к началу августа группа армий «Центр» подошла к Киеву, и военные советники Сталина начали предостерегать его о том, что столицу Украины, возможно, придется оставить76. Однако 18 августа Сталин и Ставка подписали директиву о том, что Киев не должен быть захвачен врагом77. К концу августа Красная Армия была отброшена к линии обороны вдоль Днепра, и Киев оказался незащищенным, на самом конце длинного и уязвимого выступа. В этот момент генерал Гейнц Гудериан – прославленный немецкий командир танковых войск – со своей 2-я танковой армией получил от Гитлера приказ отделиться от группы армий «Центр» и продвигаться на юг, чтобы атаковать Юго-Западный фронт с тыла и попытаться взять в кольцо советские войска в Киеве и на подступах к нему. Ставка заметила этот маневр, однако Сталин был уверен, что только что сформированный Брянский фронт под командованием Еременко сможет справиться с угрозой. 24 августа Сталин в телеграфном сообщении спросил у Еременко,

обещает ли он при условии выделения дополнительных войск на его участок фронта разбить «подлеца» Гудериана. Еременко ответил: «Насчет этого подлеца Гудериана, безусловно, постараемся задачу, поставленную Вами перед нами, выполнить, т. е. разбить его»78. К 2 сентября, однако, Сталин начал сомневаться и направил Еременко следующую директиву: «Ставка все же недовольна вашей работой… Гудериан и вся его группа должна быть разбита вдребезги. Пока это не сделано, все ваши заверения об успехах не имеют никакой цены. Ждем ваших сообщений о разгроме группы Гудериана»79. По словам Василевского, 7 сентября Военный совет Юго-Западного фронта попросил разрешения отвести часть войск к реке Десна, чтобы защитить правый фланг от продвижения Гудериана. Василевский и Шапошников обратились с этим предложением к Сталину, надеясь убедить его, что давно пора оставить Киев и отвести войска к востоку от Днепра. «Разговор был трудный и серьезный, – вспоминал Василевский. – Сталин упрекал нас в том, что мы, как и Буденный, пошли по линии наименьшего сопротивления: вместо того чтобы бить врага, стремимся уйти от него»80. 9 сентября Сталин дал разрешение на частичное отступление, но «при одном упоминании о жестокой необходимости оставить Киев, – говорит Василевский, – Сталин выходил из себя и на мгновение терял самообладание. Нам же, видимо, не хватало необходимой твердости, чтобы выдержать эти вспышки неудержимого гнева, и должного понимания всей степени нашей ответственности за неминуемую катастрофу»81. В телефонном разговоре с Шапошниковым 10 сентября Буденный, командующий Юго-Западным направлением, указал на неспособность войск Еременко выполнить свою задачу и сказал, что без подкрепления ему придется отдать приказ об отступлении82. Буденный попросил Шапошникова передать его мнение Верховному главнокомандующему, но на следующий день сам отправил телеграмму Сталину: «Промедление с отходом Юго-Западного фронта может повлечь к потере войск и огромного количества материальной части. В крайнем случае, если вопрос с отходом не может быть пересмотрен, прошу разрешения вывести хотя бы войска и богатую технику из Киевского укрепленного района. Эти силы и средства безусловно помогут ЮЗФ противодействовать окружению противником»83. В тот же день в беседе с генералом Кирпоносом, командующим Юго-Западным фронтом, Сталин сказал: «Ваше предложение об отводе войск… мне кажется опасным… Перестаньте, наконец, заниматься исканием рубежей для отступления, а искать пути сопротивления и только сопротивления»84. В тот же день Сталин решил

отстранить Буденного от командования Юго-Восточным направлением и назначить на его место Тимошенко85. 13 сентября начальник штаба Кирпоноса подал Шапошникову рапорт, в котором говорилось, что начало катастрофы – дело пары дней. Разъяренный Сталин лично продиктовал следующий ответ: «Генерал-майор Тупиков… представил в Генштаб паническое донесение. Обстановка, наоборот, требует сохранения исключительного хладнокровия и выдержки командиров всех степеней. Необходимо, не поддаваясь панике, принять все меры к тому, чтобы удержать занимаемое положение и особенно прочно удерживать фланги… Надо внушить всему составу фронта необходимость упорно драться, не оглядываясь назад. Необходимо неуклонно выполнить указания т. Сталина»86. Несмотря на призывы Сталина, конец настал очень быстро. 17 сентября Ставка все же отдала приказ об отходе войск от Киева на восточный берег Днепра87, но было уже слишком поздно: кольцо немецких войск уже замкнулось к востоку от Киева. В окружение попали четыре советских армии, в общей сложности 43 дивизии. Потери на Юго-Западном фронте составили три четверти миллиона человек, в том числе более 600 000 человек были убиты, захвачены в плен или пропали без вести во время боев за Киев88. В числе погибших в бою были Кирпонос и Тупиков.

Одним из тех, кто выжил в этом катастрофическом поражении, был генерал Иван Баграмян, начальник оперативного отдела штаба, сумевший выйти из окружения. Как писал в своих воспоминаниях Баграмян, Сталин настаивал на обороне Киева потому, что он обещал эмиссару Рузвельта, Гарри Гопкинсу, что Красная Армия сможет удержать линию обороны от Киева до Москвы и Ленинграда89. В этой беседе с Гопкинсом в конце июля Сталин излучал уверенность, говорил, что немцы устали и утратили боевой дух. Сталин сказал Гопкинсу, что из-за сильных дождей после 1 сентября немцы не смогут проводить сложные операции и что в любом случае 1 октября фронт стабилизируется90. Но для Восточного фронта месяц – это был достаточно длинный период, и к началу сентября Сталин уже докладывал Черчиллю, что фронт дестабилизирован прибытием свежих вражеских сил. Он убеждал Черчилля открыть второй фронт на Балканах или во Франции, чтобы отвлечь 30–40 вражеских дивизий от Восточного фронта. Это был уже не первый раз, когда Сталин призывал Великобританию открыть второй фронт, однако на этот раз его призывы были более убедительными, чем прежде. Когда Черчилль сообщил ему, что открыть второй фронт в 1941 г. невозможно, Сталин предложил прислать в СССР 25–30 британских дивизий, чтобы вести бои на

советской территории91.

Соображения престижа, безусловно, тоже сыграли свою роль (Киев был не только столицей Украины, но и исторической родиной российского государства), однако главной причиной поражения, как писал в своих мемуарах Василевский, было то, что Сталин недооценил угрозу окружения и переоценил способность собственных войск справиться с этой угрозой92.

Эван Модсли отмечал, что взятие немецкими войсками Киева было для них «величайшим успехом войны, а для Красной Армии – величайшей военной катастрофой»93. Тем не менее, для Сталина битва за Киев не была полным поражением. Гитлеру она тоже обошлась дорого (100 000 человек личного состава и 10 дивизий, по данным Василевского)94. И пока войска Гудериана были заняты на южном участке фронта, группа армий «Центр» была неспособна возобновить наступление на Москву. После победы под Киевом немцы продолжили наступление по Восточной Украине, в Крым и по направлению к Ростову-на-Дону – воротам на Кавказ. В ноябре 1941 г. немцы взяли Ростов, но удержать его не смогли; осажденный Севастополь держал оборону вплоть до июля 1942 г.

Что касается Сталина как Верховного главнокомандующего, эпизод с взятием Киева показал, что его оптимистичному настрою не мешало даже то, что рассудком он понимал высокую вероятность худшего исхода. Кроме того, этот эпизод показал, с какой легкостью Сталин навязывал командирам свои решения и как трудно было им заставить его прислушаться к советам, если у него уже было на этот счет свое мнение. Если бы Сталин не научился лучше обдумывать свои решения или прислушиваться к чужому мнению, шансы Красной Армии на победу были бы ничтожными.

Битва за Ленинград

Окончательно исход плана «Барбаросса» был решен в битве за Москву, в октябре – ноябре 1941 г., но когда немцы только вторглись в Россию, их основной целью было захватить Ленинград95. Лишь после того, как группа армий «Север» захватит Ленинград, немецкие войска планировалось стянуть к Москве. Первоначально все шло по плану. Советская оборона вдоль литовской границы была с легкостью взломана; предпринятая Ставкой 23–24 июня попытка контрнаступления на группу армий «Север» была провалена. За три недели немцы продвинулись вперед на 450 км по широкому фронту и заняли значительную часть территории Прибалтики. После этого темп продвижения немецких войск начал снижаться – с 5 км в день в июле до 2,2 км в августе и 1,4 км в сентябре. В середине августа советская армия предприняла еще одну попытку контрнаступления, на этот раз в районе города Старая Русса, близ Новгорода. Она тоже потерпела неудачу, однако значительно увеличила потери немцев и вынудила их перебросить часть войск группы армий «Центр» на помощь группе армий «Север». Реакция Сталина на планы фронтовых командиров в связи с готовящимся контрнаступлением показывает, что он уже научился действовать несколько осторожнее: «План военных действий… в настоящее время нереален. Необходимо учитывать те силы, которые есть в вашем распоряжении и, следовательно, ставить ограниченные задачи… Ваши представления о темпе продвижения 15 км в день явно превосходят ваши возможности. Опыт показывает, что во время нашего наступления враг намеренно будет отступать перед нашими ударными группами. Затем, создав видимость быстрого и легкого наступления, он одновременно перегруппирует свои силы с флангов нашей ударной группы с намерением в дальнейшем окружить ее и отрезать от основных линий фронта. Поэтому я приказываю вам не заходить слишком далеко вперед во время наступления… Готовьте операцию в строжайшей секретности… так, чтобы враг, как это часто происходит, не раскрыл наш план в начале операции и не сорвал наше наступление»96.

После провала советской контратаки у Старой Руссы немецкие войска возобновили наступление, и к началу сентября группа армий «Север» подошла к окраинам Ленинграда. Однако к этому моменту Гитлер уже выбрал своей главной целью Москву и решил, что Ленинград нужно не брать штурмом, а окружить город кольцом и взять измором. При постоянной поддержке финских войск к северу от Ленинграда, немцы были уверены, что

город падет, и очень скоро. 22 сентября Гитлер подписал директиву о Ленинграде: «Фюрер решил стереть город Петербург с лица земли. После поражения Советской России нет никакого интереса для дальнейшего существования этого большого населенного пункта… Предполагается окружить город тесным кольцом и путем обстрела из артиллерии всех калибров и беспрерывной бомбежки с воздуха сровнять его с землей»97.

Для Сталина угроза Ленинграду была еще более серьезной, чем потеря позиций на Украине. Если бы немцы захватили Ленинград, для них была бы открыта дорога для нападения на Москву с фланга; кроме того, Советский Союз лишился бы важного центра оборонного производства, да и с психологической точки зрения отдать Гитлеру колыбель революции было бы сокрушительным ударом. Обеспокоенность Сталина ситуацией вокруг Ленинграда отражалась и в его непростых отношениях с руководством этого города. Секретарем Ленинградского обкома был член Политбюро А.А. Жданов – человек, несомненно, преданный Сталину, но кроме того – талантливый, энергичный и инициативный98. На следующий день после основания ГКО он создал собственную версию оборонного комитета в Ленинграде. Позже, 20 августа 1941 г., Жданов создал Военный совет обороны Ленинграда, задачей которого было разработать план защиты города – от улицы к улице, от дома к дому. Однако со Сталиным он предварительно не посоветовался, и Сталину это не понравилось. В телеграмме Жданову от 22 августа он сообщал:

«1. Вы создали Военный Совет Ленинграда. Вы должны понимать, что создавать военные советы может только правительство, или по его поручению Ставка…

2. В Военный Совет Обороны Ленинграда не вошли ни Ворошилов [командующий Северо-Западным направлением], ни Жданов… Это неправильно. И даже вредно политически. Рабочие поймут, что дело так, что Жданов и Ворошилов не верят в оборону Ленинграда, умыли руки и поручили оборону другим…

3. В своем приказе о создании Военного Совета Обороны Ленинграда вы предлагаете выборность батальонных командиров. Это неправильно организационно и вредно политически…

4. По вашему приказу… выходит, что оборона Ленинграда ограничивается созданием рабочих батальонов… Мы думаем, что оборона Ленинграда должна быть прежде всего артиллерийская оборона».

Жданов отвечал, что Совет наделен ограниченными полномочиями и функциями и что ответственными за оборону Ленинграда остаются он и Ворошилов, однако Сталин повторил, что у них не было права создавать такой орган, и выразил

опасение, что они могут снова надумать что-либо, не укладывающееся в рамки нормальных взаимоотношений. Жданов признал, что предложение выбирать батальонных командиров, возможно, было ошибкой, но опыт показывает, что в рабочих дивизиях после того, как командиры разбегались, бойцы сами выбирали им замену. Сталин, однако, настаивал на том, что если такая практика распространится на всю армию, это приведет к анархии99. 24 августа ГКО принял собственную резолюцию по созданию в Ленинграде Военного Совета обороны, в состав которого входили Жданов и Ворошилов. 26 августа ГКО принял решение направить в Ленинград комиссию с широкими полномочиями, чтобы изучить вопросы обороны города и возможности эвакуации промышленного производства и населения. Комиссия, которую возглавил Молотов, прибыла в Ленинград 27 августа. Через два дня она рекомендовала эвакуировать 250 000 женщин и детей из самого города и еще 66 000 человек из прифронтовых областей. Кроме того, комиссия настаивала на депортации из региона 96 000 человек немецкого и финского происхождения100.

Сталин по-прежнему был недоволен действиями командира Ленинградского фронта генерала М.М. Попова, а также Жданова и Ворошилова. 29 августа он телеграфировал Молотову в Ленинград: «…Боюсь, что Ленинград будет сдан идиотски глупо… Что делают Попов и Ворошилов? Они даже не сообщают о мерах, какие они думают предпринять против такой опасности. Они заняты исканием новых рубежей отступления, в этом видят свою задачу. Откуда у них такая бездна пассивности и чисто деревенской покорности судьбе? Что за люди – ничего не пойму. Не кажется ли тебе, что кто-то нарочно открывает немцам дорогу на этом решающем участке? Что за человек Попов? Чем, собственно, занят Ворошилов и в чем выражается его помощь Ленинграду? Я пишу об этом, так как очень встревожен непонятным для меня бездействием ленинградского командования… ты должен выехать в Москву. Прошу не задерживаться»101.

В тот же день Северо-Западное направление было расформировано, а командование Северо-Западным и Ленинградским фронтами объединено. 5 сентября Ворошилов был назначен командующим новым Ленинградским фронтом, а Попов – его начальником штаба. Впрочем, вскоре Ворошилов был снят с должности, и 11 сентября Ставка назначила на его место Жукова102.

Для обороны Ленинграда Жуков избрал метод контратак в сочетании с суровой дисциплиной. 17 сентября он издал приказ

об обороне южного сектора Ленинграда: «За оставление без письменного приказа военного совета фронта и армии указанного рубежа все командиры, политработники и бойцы подлежат немедленному расстрелу». Сталин полностью одобрил и саму идею, и формулировку этой угрозы. В письме от 20 сентября к Жукову и Жданову он приказал им распространить эту идею среди командиров на местах: «Говорят, что немецкие мерзавцы, идя на Ленинград, посылают впереди своих войск стариков, старух, женщин и детей… с просьбой к большевикам сдать Ленинград и установить мир. Говорят, что среди ленинградских большевиков нашлись люди, которые не считают возможным применить оружие к такого рода делегатам. Я считаю, что если такие люди имеются среди большевиков, то их надо уничтожить… ибо они опаснее немецких фашистов. Мой совет: не сентиментальничать, а бить врага и его пособников, вольных или невольных по зубам. Война неумолима, и она приносит поражение… тем, кто проявил слабость и допустил колебания… Бейте вовсю по немцам и по их делегатам, кто бы они ни были, косите врагов, все равно – являются ли они вольными или невольными врагами»103.

К концу сентября 1941 г. линия фронта на подступах к Ленинграду стабилизировалась. Город был полностью окружен и взят в блокаду немецкими и финскими войсками (позже к ним присоединилась испанская «Голубая дивизия»), но поставки в город продолжали осуществляться по воздуху и по озеру Ладога. Началась великая трагедия Ленинграда. В боях под Ленинградом потеряли жизни более миллиона советских солдат. За почти три года блокады 640 000 мирных жителей умерли от голода, еще 400 000 пропали без вести или погибли во время эвакуации. Как указывает Эван Модсли, блокада Ленинграда стала испытанием, которое выпало в основном на долю женщин. Большинство мужского населения было на фронте или в народной милиции104. Немцы несколько раз предпринимали попытку прорвать оборону города и сломить волю защитников к сопротивлению, но ближе всего к успеху они были в 1941 г. Блокада стала серьезным испытанием для Жданова и для Коммунистической партии. Их непоколебимость, даже беспощадность в сочетании с умением мобилизовать силы народа сплотила жителей города и стала основой истории легендарного города-героя Ленинграда105.

С точки зрения стратегии значение блокады Ленинграда заключалось в том, что она привела к большим потерям в силах врага (в 1941 г. – одна треть войск вермахта) и помогла сохранить Москву. Особое значение имело Тихвинское контрнаступление в

ноябре – декабре 1941 г., в результате которого Москву удалось защитить от вражеской попытки окружения с северо-запада. Однако трения между Сталиным и товарищами из Ленинграда время от времени проявлялись вновь. Например, телеграмму Жданову от 1 декабря 1941 г. Сталин начал с саркастического замечания: «Крайне странно, что товарищ Жданов не чувствует потребности прийти к аппарату и потребовать кого-либо из нас для взаимной информации в столь трудную минуту для Ленинграда. Если бы мы, москвичи, не вызывали вас к аппарату, пожалуй, товарищ Жданов забыл бы о Москве и москвичах… Можно полагать, что Ленинград во главе с товарищем Ждановым находится не в СССР, а где-то на острове в Тихом океане». Эта цитата показывает, что в отношениях Сталина со Ждановым, несомненно, отражалось соперничество между Москвой и Ленинградом, однако еще более важным было то, что для Сталина идеей фикс была оборона Москвы. Позже в той же беседе он сказал Жданову: «Не теряйте времени. Не только каждый день, но и каждый час дорог. Противник собрал все свои силы со всех фронтов против Москвы. Все остальные фронты имею теперь благоприятный случай ударить по врагу, в том числе и ваш фронт»106.

Сталин спасает Москву

Битва за Москву началась для Сталина с двух поражений. В начале октября немцы взяли в окружение значительные части советской армии под Вязьмой и Брянском. Эти окружения стали сокрушительным ударом для Брянского, Западного и Резервного фронтов, защищавших подходы к Москве. В целом было потеряно 64 стрелковые дивизии, 11 танковых бригад и 50 артиллерийских полков107. Потери личного состава насчитывали миллион человек, в том числе около 700 000 человек были взяты немцами в плен. Как пишет Дэвид Гланц, «поражения, которые Красная Армия перенесла в октябре, были еще серьезней тех, что она понесла в июне, августе и сентябре, во всех отношениях»108. Причиной разгрома было отчасти численное превосходство немецких войск. Атакующие силы группы армий «Центр» насчитывали миллион человек личного состава, 1700 танков и самоходных орудий, 14 000 артиллерийских орудий и 950 самолетов, в то время как силы защищающейся советской армии на всех трех фронтах состояли из 800 000 человек, 6808 артиллерийских орудий, 782 танков и 545 самолетов109. Советские войска были также ослаблены попытками наступления в августе и сентябре, после которых у них не было времени должным образом окопаться и выстроить многоступенчатую защиту. Как всегда, были совершены некоторые тактические ошибки, но, возможно, простая истина заключается в том, что немцы лучше сражались и выполняли маневры, и именно это, в сочетании с численным и материальным превосходством, принесло им победу. В любом случае, успех немецких войск означал, что столица Советского Союза отныне находилась в непосредственной опасности110.

Сталин отреагировал на ухудшение военной ситуации тем, что 5 октября вызвал Жукова из Ленинграда в Москву, а 10 октября назначил его командующим новым Западным фронтом111. 5 октября Ставка отдала приказ о формировании к востоку от Москвы десяти резервных армий112. В ходе битвы за Москву почти 100 дивизий были перемещены в центральную часть фронта, в том числе девять с Дальнего Востока, так как Сталин решил, что Япония на этом этапе едва ли присоединится к Германии113.

Несмотря на такую концентрацию военных сил, одновременно планировалась частичная эвакуация советской столицы, которая была начата 15 октября. Одними из первых в Куйбышев (город на Волге, в 800 км к юго-востоку от Москвы)

были эвакуированы иностранные дипломаты и журналисты, члены Народного комиссариата иностранных дел и Народного комиссариата обороны. Большинство членов Генерального штаба были отправлены в Арзамас, расположенный на полпути между Москвой и Куйбышевым. Берия получил приказ разместить взрывчатку таким образом, чтобы в случае необходимости взорвать большую часть Москвы114. Это были предупредительные меры – едва ли правительство ожидало, что Москва будет захвачена противником – однако они породили самые невероятные слухи и всеобщую панику – жители начали уезжать из столицы, не дожидаясь распоряжений. Волнение немного улеглось после того, как секретарь Московского горкома партии А.А. Щербаков выступил по радио с сообщением, в котором заверил жителей Москвы, что Сталин остается в столице. Еще больше стабилизировала ситуацию резолюция ГКО от 19 октября, в которой говорилось, что город находится в осадном положении, в нем объявляется комендантский час, а ответственность за безопасность возлагается на НКВД во главе с Берия115. Несмотря на все, что пишут про так называемый «большой драп»116, подавляющее большинство рядовых москвичей не дрогнули перед лицом опасности, которая угрожала столице117. Среди защитников советской столицы в октябре – ноябре 1941 г. были пять дивизий добровольцев, которые, будучи слабо вооружены и почти не подготовлены к боевым действиям, понесли особенно большие потери в боях с немцами. Еще полмиллиона мирных жителей Московской области принимали участие в строительстве защитных сооружений на подступах к городу.

Когда Жуков принял командование обороной города, изначально планировалось вести оборону по линии, которая проходила через Можайск, примерно в 120 км от Москвы. Однако Жуков намеревался отвести войска на оборонительные позиции ближе к городу118. К концу октября немцы местами пробили, а местами обошли Можайскую линию обороны и начали продвигаться к Москве с северо-запада, юго-запада и по центру. К началу ноября войска вермахта были в 120 км от советской столицы, однако решительный прорыв им осуществить так и не удалось. Именно в этот момент Сталин сделал свой, вероятно, решающий вклад в спасение Москвы от немцев. На начало ноября приходилась годовщина социалистической революции – праздник, в который по традиции руководитель партии произносил речь, а на Красной площади устраивался военный парад. По словам Жукова, 1 ноября Сталин спросил его, позволит ли ситуация на фронте проводить празднование в привычном

режиме. Жуков ответил, что немцы в ближайшие несколько дней не в состоянии начинать крупное наступление119. Однако из опасения немецких бомбардировок традиционный праздничный митинг был проведен под землей, на станции метро «Маяковская».

Сталин оказался на высоте и выступил с мастерски подготовленной речью. Учитывая, что враг был уже у ворот Москвы, он едва ли мог отрицать серьезность ситуации. Он честно рассказал о масштабах территории, которая была уже отдана немцам, но вместе с тем указал на то, что гитлеровский «молниеносный» план провалился. Чем объяснить, спрашивал Сталин, что «молниеносная война», удавшаяся в Западной Европе, не удалась в Советском Союзе? По словам Сталина, было три причины. Во-первых, то, что Гитлеру не удалось вовлечь Великобританию и США в антибольшевистскую коалицию. Во-вторых, немцы рассчитывали на нестабильность и непрочность советского тыла – на классовые и этнические противоречия, которые быстро приведут к распаду СССР. В-третьих, немцы недооценили мощь Красной Армии и ее способность поддерживать боевой дух и успешно защищать родную землю. Касательно того, что Сталин назвал «временными неудачами» Красной Армии, он отметил два фактора: отсутствие второго фронта в Европе и недостаток танков. Затем он перешел к политике и идеологии «гитлеровских захватчиков». Они не националисты и не социалисты, которыми они сами себя называют, сказал Сталин; они – империалисты. Фактически, «гитлеровский режим является копией того реакционного режима, который существовал в России при царизме. Известно, что гитлеровцы так же охотно попирают права рабочих, права интеллигенции и права народов, как попирал их царский режим, что они так же охотно устраивают средневековые еврейские погромы, как устраивал их царский режим. Гитлеровская партия есть партия врагов демократических свобод, партия средневековой реакции и черносотенных погромов». Сталин подчеркнул, что «немецкие захватчики хотят иметь истребительную войну с народами СССР», и особенно отметил, что они стремятся к «уничтожению великой русской нации» и ее культуры. Сталин опроверг все заявления нацистов о сходстве между Гитлером и Наполеоном – вероятно, памятуя о том, что французскому императору все же удалось захватить Москву, прежде чем его войска были вынуждены отступить из России. По словам Сталина, «Наполеон боролся против сил реакции, опираясь на прогрессивные силы, Гитлер же, наоборот, опирается на реакционные силы, ведя борьбу с прогрессивными силами».

Основываясь на этом утверждении, Сталин продолжил говорить о том, что тыл немцев ненадежен и испытывает сопротивление со стороны прогрессивных сил как в самой Германии, так и в оккупированной гитлеровцами Европе. Однако наиболее серьезную угрозу для Гитлера, продолжал Сталин, представляет коалиция СССР, Великобритании и Соединенных Штатов Америки – мощный экономический альянс, который победит в решающей «войне моторов»: «Войну выиграет тот, у кого будет подавляющее преобладание в производстве моторов». Завершая свою речь, Сталин назвал войну против Гитлера справедливой войной, рассчитанной на освобождение «порабощенных народов Европы» и СССР120.

На следующий день, 7 ноября 1941 г., Сталин обратился к войскам, вышедшим на парад на Красной площади. Условия, сказал Сталин, очень тяжелы, но бывали дни, когда советская страна находилась в еще более тяжелом положении: «Вспомните 1918 год, когда мы праздновали первую годовщину Октябрьской революции. Три четверти нашей страны находились тогда в руках иностранных интервентов. Украина, Кавказ, Средняя Азия, Урал, Сибирь, Дальний Восток были временно потеряны нами. У нас не было союзников, у нас не было Красной Армии… не хватало хлеба, не хватало вооружения… 14 государств наседали тогда на нашу страну. Но мы не унывали, не падали духом. В огне войны организовали тогда мы Красную Армию и превратили нашу страну в военный лагерь. Дух великого Ленина вдохновлял нас… И что же? Мы разбили интервентов, вернули все потерянные территории и добились победы».

В заключение Сталин вернулся к патриотической теме, напомнив о том, какой отпор давали русские войска захватчикам в прошлом: «Великая освободительная миссия выпала на вашу долю. Будьте же достойными этой миссии!.. Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков – Александра Невского [который разгромил шведов], Димитрия Донского [который победил татаро-монголов], Кузьмы Минина, Димитрия Пожарского [которые изгнали из Москвы поляков], Александра Суворова, Михаила Кутузова [русских генералов, героев войны с Наполеоном]! Пусть осенит вас победоносное знамя великого Ленина!»121

Позже исследователи неоднократно останавливались на том, какой акцент был сделан в этих речах на теме русского патриотизма. Александр Верт, например, писал о «сталинской речи о святой Руси». Впрочем, как отмечал Верт, патриотический настрой Сталина не был чем-то новым. Он всегда позиционировал себя как националиста, строителя и защитника

государственности. И хотя тема русского патриотизма прослеживалась особенно ярко, он была уравновешена упоминаниями о советском строе и о дружбе народов СССР. Удивительнее всего в этих выступлениях было полное отсутствие каких бы то ни было упоминаний о советской коммунистической партии. Хотя Сталин и упомянул Ленина, но не как основателя партии большевиков, а как одного из представителей пантеона героев Руси. Сталин отнюдь не сбрасывал партию со счетов; напротив, партия оставалась ключевым инструментом всесоюзной мобилизации. Однако тем, что он в своей речи ничего не сказал о партии, Сталин хотел показать, что он хотел патриотического единения, которое не ограничивалось бы рядами убежденных коммунистов.

Тексты этих выступлений Сталина были опубликованы в советской прессе и распространялись в виде листовок в вооруженных силах. Они были переведены на другие языки; миллионы экземпляров листовок были напечатаны на немецком, итальянском, финском, венгерском, румынском и испанском языках для ведения пропаганды на линии фронта122. В дни, последовавшие за выступлениями Сталина, советская военная цензура изучила миллионы писем из тыла на фронт и обратно и отметила значительный подъем в настроении народных масс123. НКВД сообщал из Ленинграда, что «доклад товарища Сталина и его выступление на Красной площади 7 ноября с.г. широко обсуждаются трудящимися… Рабочие, служащие и интеллигенция заявляют – доклад товарища Сталина вселил уверенность, раскрыл перед каждым ближайшие перспективы войны. Неисчерпаемые резервы и силы Советского Союза являются залогом безусловного разгрома германского фашизма. Помощь со стороны Америки и Англии, о которой говорил товарищ Сталин, ускорит разгром армии немецко-фашистских захватчиков»124. Хотя невозможно более или менее точно оценить роль, которую участие Сталина сыграло в победе советских войск под Москвой, оно вполне могло оказаться решающим.

В середине ноября немцы возобновили наступление на столицу, и в нескольких частях линии фронта оказались даже в пределах видимости от центра города. Оборона советских войск пошатнулась, но выстояла натиск в важнейших точках – таких как Тула, расположенная к юго-западу от Москвы. Положение оставалось критическим, пока не подоспели резервные войска Ставки, восполнившие бреши в линии обороны и задержавшие продвижение немцев. Резервные войска, которые, по плану командования, должны были возглавить масштабное контрнаступление, пришлось развернуть раньше времени на

оборонительных позициях. К началу декабря стало ясно, что попытка немцев взять Москву завершилась неудачей. Истощение немецких войск, логистические трудности, которые вермахт испытывал с поддержанием снабжения на таком дальнем расстоянии, и суровые зимние условия – все это сыграло свою роль, однако решающим фактором стали резервные силы Ставки. Резервных войск было достаточно не только для того, чтобы защитить столицу, но и для того, чтобы перейти в наступление, и теперь Жуков был готов нанести свой контрудар.

Наступление

Жуков представил Сталину свой план контрнаступления под Москвой 30 ноября, и пять дней спустя операция началась. Жуков планировал атаковать вражеские войска, подходящие к Москве с флангов, с севера и юга, и отбросить их от столицы. Сталин накануне контрнаступления пребывал в большом возбуждении. «Русские были в Берлине два раза, будут там и в третий раз», – сказал он 3 декабря 1941 г. Владиславу Сикорскому, главе польского правительства в изгнании125.

К середине декабря немецкие войска были отброшены на 100–200 миль от Москвы по широкому фронту. 16 декабря командир группы армий «Центр», полевой маршал Федор фон Бок, попросил у Гитлера разрешения начать отступление. Гитлер отказал ему и 18 декабря подписал приказ, в котором запрещал отступать и настаивал на фанатическом сопротивлении наступлению советских войск126. Именно это предотвратило стремительное отступление войск вермахта. В результате советское контрнаступление было приостановлено, главным образом по оси Москва – Смоленск.

Пока немцы укрепляли оборонительные позиции, Ставка вынашивала еще более амбициозный проект: начало масштабного наступления поперек Восточного фронта. Стратегические задачи этой операции были следующими: взять в окружение группу армий «Центр» и освободить Смоленск, разбить группу армий «Север» и снять блокаду Ленинграда; отбросить группу армий «Юг» на Украине, снять осаду Севастополя и вернуть Крым. Главной целью было вывести вермахт из строя и нанести победный удар в рамках одной стратегической операции – фактически это был план «Барбаросса» наоборот. Хронологию возникновения и развития этого грандиозного плана проследить сложно127, однако представляется, что предварительные схемы уже были составлены и соответствующие приказы отданы в середине декабря. В то же время началось частичное осуществление начальной стадии общего контрнаступления, хотя основное действие развернулось только в январе 1942 г.

Идею этой грандиозной операции традиционно приписывают Сталину. Джон Эриксон, например, называет ее «первым стратегическим наступлением Сталина». Учитывая склонность Сталина к гигантским проектам и триумфальные интонации, которыми был встречен в советской прессе успех контрнаступления под Москвой – первое крупное поражение немцев в этой войне, – нетрудно представить, что именно Сталин

сформулировал и предложил эту идею. Впрочем, нет никаких доказательств (кроме ретроспективных заявлений в мемуарах128) тому, что сталинское командование могло возражать против таких планов. Эта операция идеально сочеталась с оборонительной доктриной Красной Армии, она была бы прекрасной возможностью компенсировать предыдущие неудачи, перехватить стратегическую инициативу и, в случае успеха, покончить с немецким вторжением.

Уверенность Сталина в успехе предстоящей операции проявилась в его беседе с Энтони Иденом, министром иностранных дел Великобритании, 16 декабря: «Теперь наступил переломный момент. Немецкая армия утомлена. Ее командиры надеялись закончить войну до зимы и не сделали надлежащих приготовлений для зимней кампании. Германская армия сейчас плохо одета, плохо питается, морально падает все ниже. Она начинает испытывать надрыв. В то же время СССР подготовил крупные подкрепления и в последние недели пустил их в действие. Это создало перелом на фронте… Наши контратаки постепенно развились в контрнаступления. Мы имеем в виду вести такую политику в течение всей зимы… Трудно загадывать, как далеко мы продвинемся в ходе нашего наступления, но во всяком случае такова будет наша линия вплоть до весны… Мы наступаем и будем наступать на всех фронтах»129.

Иден приезжал в Москву, чтобы обсудить условия англо-советского альянса и послевоенного сотрудничества. Сталин уже говорил о необходимости соглашения об условиях послевоенного мира и создания послевоенного альянса во время переговоров с Бивербруком и Гарриманом в конце сентября 1941 г. Впоследствии он поднял эти вопросы в переписке с Черчиллем, который согласился направить Идена в Москву для широкомасштабного обмена мнениями. Приехав в Москву, Иден обнаружил, что Великобритании предлагают гораздо более жесткие условия, чем можно было предположить. Сталин предлагал заключить два англо-советских соглашения: одно – о военной взаимопомощи во время войны, а второе – о решении послевоенных проблем. К второму соглашению должен был прилагаться секретный протокол по реорганизации европейских границ после войны. Согласно предложенному советской стороной проекту протокола, границы СССР должны были остаться такими же, как в июне 1941 г. (т. е. СССР должен был включать Прибалтику, Западную Белоруссию и Западную Украину, Бессарабию и Северную Буковину, а также территорию, которую уступила ему Финляндия в марте 1940 г.). Потерю довоенных территорий Польше предполагалось компенсировать

на востоке за счет территории Германии. Финляндия должна была передать СССР район Петсамо. Чехословакия, Греция, Албания, Югославия и Австрия должны были вновь получить статус независимых государств. Турции в виде компенсации за соблюдение ею нейтралитета предполагалось отдать острова Додеканес, некоторые болгарские и, возможно, сирийские территории. Германию следовало ослабить путем разоружения и расчленения на более мелкие политические единицы. Предполагалось, что Англия вступит в альянс с Бельгией и Голландией и развернет военные базы в Западной Европе, а СССР откроет военные базы в Финляндии и Румынии. Наконец, для поддержания мира в Европе планировалось создать послевоенный альянс130.

По сравнению со сферой влияния в Восточной Европе, которую Сталин получил в 1945 г., эти предложения были достаточно скромными: суть их состояла в том, чтобы восстановить статус-кво в Европе, наказать захватчиков (прежде всего Германию) и укрепить безопасность Великобритании и Советского Союза. Однако в разговоре с Иденом Сталин ясно дал понять, что его основным приоритетом является признание Великобританией территориальных приобретений, которые СССР сделал в рамках советско-германского пакта. Как он сказал Идену, «нам очень важно знать, придется ли нам вести с Англией борьбу на мирной конференции из-за наших западных границ»131.

Сталину представлялось, что война может закончиться уже через несколько месяцев, но как она закончится, предвидеть было сложно. Уверенный в скорой победе, Сталин попытался заранее, до окончания войны, укрепить свои политические позиции. Однако Иден не соглашался на требования Сталина, говоря, что ему нужно посоветоваться с Черчиллем и кабинетом министров, и что Америка тоже заинтересована в вопросах, о которых идет речь. Иден уехал из Москвы 22 декабря 1941 г., однако официально британская сторона ответила на предложения Сталина только в апреле 1942 г. Ответ представлял собой ряд успокоительных утверждений общего характера о сотрудничестве в военный и послевоенный периоды, которые ни к чему не обязывали Великобританию. Ни одно из существенных требований Советского Союза в нем не одобрялось. 22 апреля Сталин предложил Черчиллю направить в Лондон Молотова для обсуждения разногласий между Великобританией и СССР132. Прибыв 20 мая в Лондон, Молотов, следуя полученным инструкциям, вновь повторил требования советской стороны. Затем произошло нечто любопытное. Молотов внезапно

согласился принять предложение Великобритании касательно соглашения о создании военного альянса, в котором почти ничего не говорилось о послевоенном сотрудничестве. Первоначальная реакция Молотова на предложение, как он и телеграфировал в Москву, была такова, что это «пустая декларация», которую следует отвергнуть. Однако 24 мая Сталин приказал сменить тактику: «Мы получили проект договора, переданный тебе Иденом. Мы его не считаем пустой декларацией и признаем, что он является важным документом. Там нет вопроса о безопасности границ, но это, пожалуй, неплохо, так как у нас остаются руки свободными. Вопрос о границах, или скорее о гарантиях безопасности наших границ на том или ином участке нашей страны, будем решать силой»133.

Причиной изменения политического курса стало ухудшение ситуации на фронте. В декабре Сталин еще размышлял о том, каким будет мир после войны; теперь приоритетной задачей для него было укрепить англо-советский альянс, получить от Великобритании и США обещание открыть в 1942 г. второй фронт в Европе, что позволило бы снизить напряженность на Восточном фронте.

Сталин встречал 1942 год с уверенностью в победе. В начале января Ставка перегруппировала свои силы и приготовилась начать контрнаступление, чтобы разгромить немецкие войска по всему Восточному фронту. 10 января Сталин отдал своим командирам следующий приказ: «После того как Красной Армии удалось достаточно измотать немецко-фашистские войска, она перешла в контрнаступление и погнала на запад немецких захватчиков. Для того, чтобы задержать наше продвижение, немцы перешли на оборону… Немцы рассчитывают задержать таким образом наше наступление до весны, чтобы весной, собрав силы, вновь перейти в наступление против Красной Армии… Наша задача состоит в том, чтобы не дать немцам этой передышки, гнать их на запад без остановки, заставить их израсходовать свои резервы еще до весны, когда у нас будут новые большие резервы, а у немцев не будет больше резервов, и обеспечить таким образом полный разгром гитлеровских войск в 1942 году»134.

В результате наступления советские войска закрепили за собой занятые территории, но важнейшие задачи так и не были решены. К началу февраля их силы начали иссякать. 23 февраля – в день 24-й годовщины Красной Армии – Сталин подписал приказ, обращенный ко всем войскам. С политической точки зрения, основным мотивом этого приказа было то, что Красная Армия ведет «не захватническую, не империалистическую войну,

а войну отечественную, освободительную, справедливую». Сталин также подчеркивал, что Советский Союз не стремится истребить немецкий народ или уничтожить германское государство: «Опыт истории говорит, что Гитлеры приходят и уходят, а народ германский, а государство германское – остается». Сталин обращал особое внимание на то, что Советское государство и Красная Армия выступают против расизма и стараются уничтожить захватчиков «не ввиду их немецкого происхождения, а ввиду того, что они хотят поработить нашу родину». В том, что касается военных действий, Сталин высказался уверенно и оптимистично. Он заявлял, что инициатива находится в руках Советского Союза и что «не далек тот день, когда Красная Армия… отбросит озверелых врагов… и на всей Советской земле снова будут победно реять красные знамена». Тем не менее, он не предсказывал победу в 1942 г. Вместо этого он говорил, что судьба войны будет решаться «постоянно действующими факторами: прочность тыла, моральный дух армии, количество и качество дивизий, вооружение армии, организаторские способности начальствующего состава армии»135. Все это давало основания полагать, что война будет выиграна не в короткие, а скорее в средние сроки.

В марте 1942 г. многоэтапное наступление советских войск было приостановлено из-за весенней распутицы. В апреле Ставка отдала приказ прекратить наступление, и Красная Армия перешла в оборону. В то же время, уже готовились планы о возобновлении контрнаступления летом 1942 г. Пригубив вкус победы под Москвой в декабре 1941 г., Сталин и его командование решили вновь перехватить стратегическую инициативу и держать немцев в обороне. Однако у Гитлера были собственные соображения: вермахт уже готовился развернуть в России новую молниеносную кампанию.

К концу 1941 г. потери, которые Красная Армия понесла в боях, достигли ошеломляющего масштаба: почти 200 дивизий и 4,3 миллиона человек убитыми. Еще больше солдат и дивизий было потеряно в ходе безрезультатного контрнаступления начала 1942 г. Однако советскому государству удалось выдержать начатую Гитлером войну на уничтожение, задержать и отбросить назад немецких захватчиков. Сталин был уверен, что удача в военных действиях и дальше будет на его стороне, но самое трудное испытание для советского строя и сталинского умения вести войну было еще впереди.

Глава 4 ПОБЕДА ПОД СТАЛИНГРАДОМ И КУРСКОМ

Сталин и его командование

На 1942 г. Гитлер планировал еще одну «молниеносную» военную кампанию в России. Ее масштабы и цели должны были отличаться от масштабов и целей операции «Барбаросса». Несмотря на большие победы, одержанные в 1941 г., войска вермахта сильно пострадали в боях с Красной Армией и уже не могли вести комплексное стратегическое наступление на Восточном фронте. К марту 1942 г. потери немцев составляли 1,1 миллиона человек убитыми, ранеными, пропавшими без вести или захваченными в плен – около 35 % всех сил, брошенных на Восточный фронт. Только 8 из 162 дивизий были в полной боевой готовности, требовалось восполнение потерь в личном составе в количестве 625 000 человек. Маневренная способность немецкой армии была серьезно снижена в результате потери 40 000 грузовиков, 40 000 мотоциклов, почти 30 000 автомобилей и нескольких тысяч танков. Для передвижения вермахт также использовал тягловых животных (главным образом лошадей); из них в ходе боев было потеряно 180 000, а восполнено только 20 0001.

Единственным реальным выходом для Гитлера было наступление по единому фронту, и главной целью для него теперь был юг с его запасами нефти. К югу от Кавказских гор располагались Бакинские нефтяные месторождения – источник почти 90 % советского топлива. Гитлер рассчитывал, что захват месторождений лишит СССР этого источника, обеспечит поставки топлива Германии и ее союзникам по «Оси», уменьшит зависимость вермахта от уязвимых нефтяных скважин Плоешти в Румынии. Еще до начала советско-германской войны Гитлер был обеспокоен нефтяным вопросом: «Теперь, в век авиации, румынские нефтепромыслы можно превратить в дымящиеся развалины в результате воздушного нападения из России… а ведь само существование держав “Оси” зависит от этих нефтепромыслов»2. Гитлера также все больше волновали возможные последствия вступления в войну Соединенных Штатов. Считалось, что экономическая и военная мощь Америки стала решающим фактором в смещении баланса сил против Германии во время Первой мировой войны, и Гитлер видел, какой опасностью угрожает его *фестунг Ойропа* («крепости Европа») англо-американское вторжение во Францию. Это вторжение началось лишь в июне 1944 г., но уже в начале 1942 г. казалось, что до него остались не годы, а месяцы. Начало вторжения означало бы необходимость вести войну в Европе на два фронта,

и Гитлеру очень хотелось сначала свести счеты со Сталиным, а уже потом разобраться с англичанами и американцами. В перспективе Гитлеру нужны были средства для того, чтобы вести затяжную войну на истощение против союзников на нескольких фронтах – в Атлантическом океане, в Средиземноморье, в Северной Африке и на Ближнем Востоке, а также в Западной и Восточной Европе3. Цели летней кампании 1942 г. были сформулированы фюрером в директиве № 41 от 5 апреля 1942 г.: «Первоначально необходимо сосредоточить все имеющиеся силы для проведения главной операции на южном участке фронта с целью уничтожить противника западнее р. Дон и в последующем захватить нефтяные районы Кавказа и перевалы через Кавказский хребет»4.

В отличие от 1941 г., Гитлер не ожидал, что война на востоке непременно будет выиграна в 1942 г. Его целью было нанести Красной Армии сокрушительный удар, разбив ее войска в районе Дона и Донбасса и захватив в свои руки нефть и другие экономические ресурсы СССР на Украине, на юге России и в Закавказье. Это могло привести к победе в краткосрочной перспективе, однако гораздо важнее было получить необходимые для этого ресурсы и закрепиться на позициях, с которых затем можно было вести долгосрочную мировую войну.

Генералы Гитлера разделяли его стратегические взгляды, ориентированные на захват ресурсов, однако для них первоочередной задачей было уничтожение Красной Армии. План кампании заключался в том, чтобы оккупировать Донбасс и территорию к западу от реки Дон. Отрезав таким образом Красную Армию от необходимых ресурсов, немцы могли пересечь Дон к югу от Ростова и продолжить наступление на Кубань, Кавказ и Баку.

Именно этот план привел осенью 1942 г. к важнейшему поворотному моменту всей Второй мировой войны – Сталинградской битве. Сталинград располагался на берегу Волги, приблизительно в 120 км от самой восточной точки большой излучины Дона. С точки зрения обороны линии Дона немцам имело смысл занять ключевые позиции на западном берегу Волги, в непосредственной близости от Сталинграда. Это позволило бы им соорудить между двумя реками «сухопутный мост». Кроме того, Сталинград был важным промышленным центром и пунктом, через который нефть перекачивалась вверх по Волге из Астрахани на север России. В соответствии с директивой Гитлера № 41, «в любом случае следует попытаться достигнуть самого Сталинграда или же по меньшей мере подвергнуть его воздействию нашего оружия в такой степени, чтобы он перестал

служить военно-промышленным и транспортным центром»5. В то же время, пока определенная задача занять город не ставилась.

Запланированная кампания получила название «операция “Блау”. На ее выполнение была направлена группа армий «Юг» в составе 6-й и 17-й армий и 1-й и 4-й танковых армий, а также 11-й армии, базировавшейся в Крыму. Поддержку немецким армиям оказывало большое количество дивизий партнеров по коалиции – в том числе 2-я венгерская, 8-я итальянская, 3-я и 4-я румынские армии. В общей сложности в состав этой почти 2-миллионной армии входили 89 дивизий, в том числе – 9 бронетанковых6.

До начала основной кампании немцы предприняли операцию по завершению завоевания Крыма. В 1941 г. они завоевали практически всю территорию Крыма, но в начале 1942 г. потеряли контроль над Керченским полуостровом в результате серии контратак Красной Армии, призванных помочь защитникам осажденного города-крепости Севастополь7. Германская 11-я армия начала кампанию по возвращению Керченского полуострова 8 мая и за две недели уничтожила три советские армии (в целом 21 дивизию) и взяла в плен 170 000 человек.

Сразу после этого сокрушительного поражения Сталин и Ставка подготовили документ, в котором подвергались резкой критике действия командиров Крымского фронта. В документе, датированном 4 июня 1942 г. и распространенном среди высших чинов Красной Армии, руководство Крымского фронта обвинялось, во-первых, в непонимании природы современной войны, во-вторых, в потере контроля над войсками; в-третьих, в недисциплинированности, которую оно проявило при выполнении инструкций Ставки. В документе также говорилось о том, что практически все офицеры высших чинов Крымского фронта были сняты со своих должностей и понижены в звании. В их числе были командующий фронтом генерал Козлов и Лев Мехлис, начальник ГлавПУРККА (Главного политического управления Красной Армии), который был направлен в Крым как представитель Ставки. Мехлис был снят с должности заместителя комиссара обороны и начальника Главного политуправления и понижен в звании с армейского комиссара первого ранга до корпусного комиссара. Раздражение Сталина по отношению к Мехлису стало очевидным уже в первые дни наступления вермахта в Керчи, когда комиссар в телеграфном разговоре с Москвой пожаловался на действия генерала Козлова, последовавшие за наступлением немцев. Сталин ответил ему язвительным замечанием: «Вы держитесь странной позиции постороннего наблюдателя, не отвечающего за дела Крымфронта. Эта позиция очень удобна, но она насквозь гнилая. На Крымском

фронте Вы – не посторонний наблюдатель, а ответственный представитель Ставки, отвечающий за все успехи и неуспехи фронта и обязанный исправлять на месте ошибки командования»8.

В другой раз Сталин телеграфировал Козлову: «Командуете фронтом Вы, а не Мехлис. Мехлис должен Вам помочь. Если не помогает, сообщите»9. Главный урок, который следовало извлечь из всего этого, как говорилось в директиве Ставки от 4 июня, заключался в том, чтобы командный состав «по-настоящему усвоил природу современной войны», осознал «значение организации взаимодействия всех родов войск» и «решительно покончил с порочными методами бюрократическо-бумажного руководства… не ограничивался отдачей приказов, а бывал почаще в войсках, в армиях, дивизиях и помогал своим подчиненным в деле выполнения приказов командования. Задача заключается в том, чтобы наш командный состав, комиссары и политработники до конца выкорчевали элементы недисциплинированности в среде больших и малых командиров»10.

Вытеснение Красной Армии с Керченского полуострова открыло дорогу для заключительного удара немцев по Севастополю, который начался 2 июня с массивной воздушной и артиллерийской бомбардировки. В ходе осады, которая продолжалась месяц, самолеты люфтваффе совершили более 23 000 вылетов и сбросили на город 20 000 тонн бомб. Кроме того, немцы перенесли сюда с Ленинградского фронта всю свою самую тяжелую артиллерию – в том числе орудия, стрелявшие 1-тонными, 1,5-тонными и даже 7-тонными снарядами. После штурма пехотных и десантных войск Севастополь был сдан в начале июля. Потери советских войск исчислялись десятками тысяч; еще 95 000 человек было взято в плен. Немцы потеряли 75 000 человек, в том числе 25 000 убитыми. Несмотря на численное преобладание немцев, защитники Севастополя оказали упорное сопротивление, тем самым продолжив начатую в Бресте в июне 1941 г. и продолженную в Одессе, Смоленске, Ленинграде, Туле и Москве традицию героических оборонительных боев Красной Армии11.

Разгром под Харьковом

В это время в Восточной Украине тоже готовились серьезные события, но инициатором их была не Германия, а СССР.

12 мая Красная Армия начала масштабное наступление, целью которого было освободить Харьков – второй по величине город Украины. К сожалению, наступление советских войск совпало по времени с концентрацией и мобилизацией германских войск в рамках подготовки к операции «Блау»; 6-я армия и 1-я бронетанковая армия были в состоянии вести эффективное наступление и оказывать сокрушительное сопротивление. Русским не только не удалось вернуть Харьков; три советских армии, участвовавшие в операции, были окружены немцами и по большей части уничтожены. Битва закончилась к 28 мая. Потери советских войск составили почти 280 000 человек, в том числе, 170 000 человек были убиты, взяты в плен или пропали без вести. Кроме того, Красная Армия потеряла около 650 танков и почти 5000 артиллерийских орудий12.

Поражение под Харьковом было одной из военных неудач, вина за которые впоследствии была возложена на Сталина. Главным обвинителем в этом случае опять был Хрущев, который в то время был политическим комиссаром Юго-Западного направления, возглавлявшего операцию по освобождению Харькова. В 1956 г. Хрущев заявил, что он просил у Сталина разрешения прекратить операцию еще до того, как советские войска попали в немецкое окружение13. Изложенная Хрущевым версия событий стала ключевой в официальной историографии Великой Отечественной войны начала 1960-х гг., когда он еще возглавлял Советский Союз14. В то же время, Жуков в своих мемуарах полностью опровергал версию Хрущева и возлагал всю вину на командование Юго-Западного направления, которое, по его словам, требовало осуществления операции и предоставляло Сталину неверную информацию о ходе сражения15. Эту критику местного командования поддержал и маршал К.С. Москаленко, один из армейских командиров, участвовавших в операции. По его мнению, Юго-Западное направление недооценивало способность немцев к сопротивлению и преувеличивало собственные силы16. Эта новая версия событий была отражена в официальной советской истории Второй мировой войны, опубликованной в 1970-е гг.17, хотя Василевский в своих мемуарах описывал события несколько иначе. Он поддерживал предложенную Жуковым и Москаленко версию, но в то же время подтверждал слова Хрущева о том, что он пытался убедить

Сталина прекратить операцию. Василевский также утверждал, что Ставка могла сделать гораздо больше для того, чтобы спасти положение на Юго-Западном направлении18. Этой точки зрения придерживался в своих мемуарах и маршал Баграмян, начальник штаба Юго-Западного направления, который также отмечал, что основной проблемой было недостаточное обеспечение операции со стороны Ставки19.

Собственный вердикт Сталина по поводу разгрома под Харьковом был изложен в его директивном письме Военному Совету Юго-Западного фронта от 26 июня. В письме говорилось, что Баграмян снимается с поста начальника штаба из-за неспособности снабжать Ставку ясной и точной информацией, из-за чего Юго-Западный фронт «не только проиграл наполовину выигранную Харьковскую операцию, но успел еще отдать противнику 18–20 дивизий». Сталин сравнил «катастрофу» с одним из крупнейших поражений царской армии во время Первой мировой войны и указал на то, что ошибки совершал не только Баграмян, но и Хрущев и Тимошенко, главнокомандующий Юго-Западного направления. «Если бы мы сообщили стране во всей полноте о той катастрофе… то я боюсь, что с вами поступили бы очень круто». Сталин, тем не менее, обошелся с провинившимися достаточно мягко. Баграмяна понизили в звании с командующего фронтом до начальника штаба армии, однако позже он вновь проявил себя как один из лучших советских командиров Великой Отечественной войны; он был одним из всего двух офицеров неславянского происхождения, достигших положения командира фронта (Баграмян был армянином, еще один командир – евреем)20. Кроме Баграмяна, «козлов отпущения» не было; более того, многие их тех, кто участвовал в операции, позже заняли высокие должности в Верховном командовании – например, генерал А.И. Антонов, который в декабре 1942 г. был назначен первым заместителем начальника Генерального штаба. В июле 1942 г. Тимошенко был переведен в Ленинград и назначен командиром Северо-Западного фронта. Это можно было считать наказанием и понижением в должности, но, с другой стороны, Тимошенко оказался там, где во время советско-финской войны добился триумфальной победы21.

То, как мягко Сталин обошелся с руководством Юго-Западного фронта, резко контрастирует с тем, как он разжаловал виновников поражения в Крыму. Возможно, причиной было признание со стороны Сталина того, что ответственность за катастрофу под Харьковом частично несла Ставка и сам Верховный главнокомандующий. В этом отношении очень показательны предложения и донесения, поступавшие в Ставку от

командования Юго-Западного направления в марте – мае 1942 г.22. Эти документы показывают, что при планировании операции командование направления было практически уверено в успехе и вынашивало амбициозные планы, надеясь не только освободить Харьков, но и дойти до Днепра. Даже когда в ходе битвы стало ясно, что немцы гораздо сильнее, чем ожидалось, и что результаты операции далеко не совпадали с ожиданиями, руководство направления продолжало писать в Москву рапорты с оптимистичными прогнозами.

Такие амбициозные планы и уверенность в победе командования направления (и оно в этом отношении было не исключением23) отражали оптимистичные взгляды Сталина и Ставки на перспективы Красной Армии на Восточном фронте весной 1942 г. Они считали, что благодаря возобновлению наступательных действий к концу года немецкие войска будут изгнаны за пределы СССР. Харьковская операция была лишь одной из целого ряда наступательных операций, одобренных Сталиным и Ставкой весной 1942 г. Наступление Красной Армии в Крыму было сорвано только из-за атаки немцев, начатой 8 мая. В начале мая на Северо-Западном фронте была начата операция, целью которой было ликвидировать выступ, удерживаемый немецкими войсками в районе Демянска. В середине мая на Ленинградском фронте началась операция по освобождению советских войск, попавших в окружение под Любанью. В центральном секторе маневров пока не проводилось, однако планировалось начать наступление на Ржев, Вязьму и Орел24.

Возможно, первопричиной поражения под Харьковом стали не конкретные тактические ошибки, допущенные Сталиным или командованием фронта, а стратегическая приверженность Ставки доктрине наступательной войны. Об этой фундаментальной причине долгое время забывали, предпочитая искать виноватых на основании мемуаров; в основе общепринятой версии были воспоминания Жукова и Василевского о переговорах советского Главнокомандования весной 1942 г. Согласно этим воспоминаниям, главным планом Ставки на 1942 г. было до наступления лета оставаться на оборонительных позициях. В этом контексте Харьковская операция рассматривалась как неудачное отступление от общего плана; результат излишней приверженности Сталина к наступательным действиям и давления со стороны Тимошенко, который требовал начать масштабное наступление25. Как пишет Жуков, Сталин сказал: «Не сидеть же нам в обороне сложа руки и ждать, пока немцы нанесут удар первыми!»26 Несомненно, Сталин, как обычно, активно выступал за наступательные действия, да и предлагаемая

Жуковым и Василевским теория о том, что Ставка в целом придерживалась оборонительной стратегии, выглядит неубедительной. По словам Жукова, например, он предпочитал оборонительную тактику, но в то же время настаивал на том, чтобы как можно скорее начать масштабное наступление против группы армий «Центр» в районе Вязьмы и Ржева (это предложение было отклонено, и вместо него была начата Харьковская операция). Это наводит на мысль, что дискуссии внутри Ставки велись не по поводу того, оставаться ли на оборонительных позициях, а по поводу того, на каком участке фронта разворачивать наступление. Эту теорию подтверждает амбициозное заявление Жукова о том, что предложенная им Ржевско-Вяземская операция (которая все же была осуществлена в той или иной форме в июле – августе 1942 г.) могла полностью изменить всю стратегическую ситуацию в центральном секторе на подступах к Москве, если бы на ее проведение было направлено больше сил27. Рассказ Василевского о дискуссиях внутри Ставки не менее противоречив. Он пишет, что было принято решение «одновременно с переходом к стратегической обороне предусмотреть проведение на ряде направлений частных наступательных операций, что, по мнению Верховного главнокомандующего, должно было закрепить успехи зимней кампании, улучшить оперативное положение наших войск, удержать стратегическую инициативу и сорвать мероприятия гитлеровцев по подготовке нового наступления летом 1942 года. Предполагалось, что все это в целом создаст благоприятные условия для развертывания летом еще более значительных наступательных операций Красной Армии на всем фронте от Балтики до Черного моря»28. По этому описанию можно сказать, что концепция военных действий, зафиксированная в планах Генерального штаба весной 1942 г., представляла собой скорее многоэтапную программу наступления, чем стратегической защиты. В документах Генштаба были намечены маневры местного масштаба, о которых писал Василевский, но за ними должны были последовать более грандиозные наступательные маневры и продвижение к западной границе СССР к концу 1942 г. Предполагалось, что только после этого Красная Армия перейдет к обороне29. С предложением придерживаться наступательной стратегии Сталин выступил и в письме к Черчиллю в письме от 14 марта 1942 г.: «Выражаю твердую уверенность в том, что совместные усилия наших войск, несмотря на отдельные неудачи, в конечном счете сломят силы нашего общего врага и что 1942 год будет решающим в повороте событий на фронте борьбы с гитлеризмом»30. Обращаясь ко всему народу в приказе по

войскам от 1 мая 1942 г., Сталин определил текущий этап войны как «период освобождения советских земель от гитлеровской нечисти» и призвал Красную Армию «добиться того, чтобы 1942 год стал годом окончательного разгрома немецко-фашистских войск и освобождения Советской земли от гитлеровских мерзавцев!»31

Еще один важный аспект организационно-плановой работы Ставки весной 1942 г. касался прогнозирования основного направления наступательных действий немцев. Хотя в Ставку поступали достоверные разведывательные данные о том, что наступление немецких войск будет главным образом концентрироваться на юге и целью его будет захватить контроль над экономическими ресурсами СССР, информация была не окончательной. Тот факт, что группа армий «Центр» в составе 70 дивизий по-прежнему располагалась менее чем в 160 км от Москвы, серьезно осложнял расчеты Сталина и Ставки32. Хотя Сталин не исключал, что немцы начнут масштабное продвижение на юг, он считал, что его главной целью в этом случае будет фланговая поддержка наступления на Москву. Первоочередное внимание уделялось обороне участков фронта, критически важных для безопасности Москвы, и резервы Ставки были сгруппированы в соответствующих местах. Уверенность в том, что главной целью Гитлера является захват Москвы, была определяющей для всей кампании 1942 г., и еще больше укрепилась после дезинформационной операции «Кремль»: кампании, в ходе которой немецкие войска начали ложные приготовления к обстрелу столицы СССР33. В речи по случаю 25-й годовщины Октябрьской революции в ноябре 1942 г. – в самый разгар немецкого наступления на юге – Сталин опровергал информацию о том, что целью летней кампании немцев была нефть, и утверждал, что усилия немцев по-прежнему направлены на то, чтобы обойти Москву с востока и затем ударить по столице с тыла: «Короче говоря, главная цель летнего наступления немцев состояла в том, чтобы окружить Москву и кончить войну в этом году»34.

В очередной раз планы и расчеты Сталина и Ставки были сорваны из-за того, что события разворачивались не так, как ожидалось. Наступление Красной Армии под Харьковом и на других участках фронта не просто провалилось, но и привело к большим потерям, истощив резервы Ставки. Когда же немцы начали наступление, направлено оно было не на Москву, а на Сталинград и Баку. Местом решающей битвы между Красной Армией и вермахтом в 1942 г. стала не Москва, а Сталинград.

Путь к Сталинграду

Операция «Блау» началась 28 июня 1942 г.35 и развивалась достаточно успешно. К концу июля немцы заняли Донбасс и значительную часть Придонья и начали продвижение к Сталинграду и Кавказу. Как и летом 1941 г., немецкое Верховное командование было опьянено успехами. 6 июля Гальдер писал: «Мы переоценили его [противника] силы, и в результате нашего наступления русские были полностью разгромлены». 20 июля Гитлер сказал Гальдеру, что «с Россией покончено определенно». Гальдер ответил: «Я должен признать, что дело выглядит именно так». К концу августа немцы дошли до Волги и осадили Сталинград. На юге немецкие войска дошли до предгорья Кавказа, заняли Майкопское нефтяное месторождение и собирались захватить еще одно месторождение – у города Грозный в Чечне. 21 августа 1942 г. флаг Германии был поднят на вершине Эльбруса, самой высокой горы Кавказа36.

В июле-августе немцы взяли в плен 625 000 человек, захватили либо уничтожили 7000 танков, 6000 артиллерийских орудий и более 400 самолетов. Сами немцы тоже понесли немалые потери: около 200 000 человек только в августе. Потери Красной Армии были значительными, но не такими большими, как летом 1941 г. За прошедшее время советские войска научились вовремя отступать, стали более искусными в умении выходить из окружения37. Хотя главным образом Сталин и Ставка продолжали придерживаться тактики «ни шагу назад», теперь они более охотно санкционировали отступления. Потери все увеличивались, людские резервы были истощены, поэтому советское Верховное командование делало все, чтобы сохранить войска. В этот период Сталин неоднократно связывался с фронтовыми командирами, чтобы осведомиться о судьбе окруженных частей и убедиться, что делается все возможное, чтобы помочь им вырваться из окружения38. Немцам, однако, казалось, что относительно небольшое количество вражеских военнопленных свидетельствовало о слабости советских войск и о начале полномасштабного отступления, а не о смене тактики. Это ложное впечатление сыграло решающую роль в стратегическом изменении плана «Блау», которое произошло в июле 1942 г.

По первоначальному замыслу, операция «Блау» должна была представлять собой скоординированную операцию всех немецких войск, цели которой должны были достигаться поэтапно. Сначала предполагалось получить контроль над Доном и Волгой, затем сделать мощный рывок на юг, к Кавказу. 9 июля, однако, группа

армий «Юг» была разбита на группы армий «А» и «Б». Фон Бок, командующий группой армий «Юг», был поставлен во главе группы армий «Б», в состав которой вошли 6-я армия, 4-я бронетанковая армия и несколько армий других стран «Оси». Задачей этой армии было нанести удар к востоку от Курска и Харькова, в направлении Воронежа, а затем продвигаться на юго-восток, к большой излучине Дона. Группу армий «А» возглавил генерал-фельдмаршал Вильгельм Лист, возглавлявший 17-ю армию и 1-ю танковую армию. Перед ним была поставлена задача взять Ростов-на-Дону и начать марш на Баку. 13 июля Гитлер отстранил от командования Бока из-за противоречий по поводу тактики и назначил на его место фельдмаршала барона фон Вейхса. В тот же день 4-я танковая армия была отделена от группы армий «Б» и получила приказ поддержать операцию группы армий «А» на юге. Через десять дней, 23 июля, Гитлер подписал директиву 45, в которой говорилось: «В ходе кампании продолжительностью немногим более трех недель поставленные мною перед южным крылом Восточного фронта дальние цели в основном достигнуты». Группа армий «А» получила задание при поддержке 11-й армии в Крыму разбить врага к югу от Ростова, а затем «овладеть всем восточным побережьем Черного моря» и дойти до Баку. Оставшиеся части группы армий «Б» должны были «ударом на Сталинград разгромить формируемую там группировку противника, захватить сам город и блокировать сухопутный перешеек между р. Дон и р. Волга»39.

Решение Гитлера разделить наступление на юге и преследовать сразу две стратегических цели одновременно – занять Баку и захватить Сталинград – часто называют роковой ошибкой. Вермахт вполне мог достичь каждой из этих целей по отдельности, сосредоточив силы либо на Сталинграде, либо на Баку, однако его мощи не хватало на то, чтобы преследовать их обе. Однако Гитлеру в тот момент все представлялось иначе, и взятие Ростова 23–24 июля, видимо, лишь укрепило его оптимизм.

Немецкие войска теперь были готовы начать наступление на Закавказье, но парадокс заключался в том, что, как заявил в конце июля начальник Штаба оперативного руководства генерал Альфред Йодль, «судьба Кавказа будет решаться под Сталинградом». Причиной было то, что Сталинград был ключевым узлом обороны Дона и Волги, который немцам нужно было занять, чтобы прикрыть свое наступление на Баку от флангового контрнаступления русских. Однако Гитлер был уверен, что этого удастся добиться, и когда немецкая 6-я армия в конце августа подошла к окраинам Сталинграда, фюрер не

сомневался, что город будет взят штурмом.

На реакцию Сталина на начало операции «Блау» оказало влияние его стойкое убеждение, что в 1942 г. главной целью немцев будет Москва – еще больше он укрепился в этом мнении после предпринятого немцами наступления на юге, в направлении Воронежа, который располагался ближе к Москве, чем Сталинград. В случае успешного прорыва этого участка фронта немцы могли бы перекрыть связь столицы с югом страны. Сам город был сдан немцам 7 июля, но в течение нескольких недель после этого Красная Армия наносила под Воронежем один контрудар за другим. О том, какое значение Ставка придавала этим действиям, говорило решение создать Воронежский фронт и назначить его командующим одного из наиболее талантливых офицеров генерального штаба, генерала Николая Ватутина40. Еще одним участком, на котором Красная Армия летом 1942 г. вела упорные наступательные бои, был район Ржева и Вязьмы. Операции проводились Западным фронтом Жукова при содействии Калининского и Брянского фронтов. В своих воспоминаниях Жуков почти ничего не говорит об этих операциях – за исключением того, что они вполне могли бы закончиться успешно, если бы на это было выделено больше сил. Он представляет этот эпизод как еще один пример того, как мало уделялось внимания его мнению после случая, когда он осмелился спорить со Сталиным по поводу приоритетности Харьковской операции. На самом деле боевые действия в районе Ржева и Вязьмы имели для Ставки большое значение, и Жукову были выделены дополнительные силы в то время, когда советские войска на южном фронте были в критическом положении и им требовалось срочное подкрепление41.

Бои под Воронежем достаточно подробно освещались в советской прессе (по крайней мере, до тех пор, пока основной темой заголовков не стал Сталинград), но о боях в районе Ржева и Вязьмы почти ничего не сообщалось. Вместе с тем, оба участка фронта постоянно фигурировали в боевых донесениях генштаба: это свидетельствует о том, что Ставка придерживалась наступательной стратегии даже в самых сложных и опасных обстоятельствах42.

Южнее возможности наступательных боев были ограничены: возглавляемый Тимошенко Юго-Западный фронт был ослаблен поражением под Харьковом. Когда в начале июля немцы начали наступление в южном направлении, защита Тимошенко рухнула, и Ставка была вынуждена отдать приказ об отступлении к Дону43. Вскоре стала очевидной угроза Сталинграду, и 12 июля Ставка приняла решение о формировании Сталинградского

фронта44. По сути, это был тот же Юго-Западный фронт под командованием Тимошенко, но к нему были добавлены три резервные армии45 – 62-я, 63-я и 64-я, – которые были развернуты для защиты Сталинграда. В общей сложности в распоряжении Тимошенко было 38 дивизий – войско численностью более полумиллиона человек, 1000 танков и почти 750 самолетов46. Впрочем, Тимошенко недолго оставался командующим Сталинградского фронта: 22 июля на его место был назначен В.Н. Гордов47. На следующий день в Сталинград прибыл Василевский48, который 26 июня был назначен начальником Генерального штаба. Это был первый из его многочисленных визитов в зону боевых действий. Василевский был одним из нескольких высокопоставленных военных и политических деятелей, которые в ходе боевых действий были направлены в Сталинград, чтобы докладывать о ситуации с места. К этому времени высылать представителей Ставки на важнейшие участки фронта было для Сталина привычным делом, однако во время Сталинградской битвы эти поездки стали особенно частыми.

В русской и советской историографии 17 июля 1942 г. считается «официальной» датой начала «200 дней в огне» – Сталинградской битвы49. В этот день передовые части немецкой 6-й армии сошлись в бою с 62-й и 64-й армиями у реки Чир. Вскоре советские войска были отброшены к основной линии защиты вдоль южного течения Дона, возникла угроза прорыва через реку. Обеспокоенность Сталина этой ситуацией выражена в директиве Южному, Северо-Кавказскому и Сталинградскому фронтам от 23 июля: «Если немцам удастся построить понтонные мосты на Дону и получить таким образом возможность перевести на южный берег Дона артиллерию и танки, то это обстоятельство создаст большую угрозу Южному, Сталинградскому и Северо-Кавказскому фронтам. Если же немцам не удастся перекинуть понтонные мосты и они перебросят на южный берег Дона только отдельные пехотные части, то это не составит большой опасности для нас, так как отдельные пехотные части немцев без артиллерии и танков легко будет уничтожить нашими войсками. Ввиду этого главная задача наших частей на южном берегу Дона и нашей авиации состоит в том, чтобы не дать немцам построить понтонные мосты на Дону, а если им все же удастся построить их – обязательно разрушить их ударом артиллерии, наземных войск и всей массой нашей авиации»50.

За несколько дней немцы большими силами пересекли южную часть Дона и быстро продвигались в направлении Кавказа и Сталинграда. Наиболее важным событием стала потеря Ростова

в конце июля – событие как стратегического, так и символического значения. Город преграждал дорогу на Кавказ, а это значило, что теперь немцам была открыта дорога на Кубань: плодородную сельскохозяйственную зону между Доном и горами Закавказья. Не меньшим ударом оказалась сдача Ростова и для боевого духа советской армии. Город был первый раз занят немцами в ноябре 1941 г. и отвоеван Красной Армией всего через несколько дней. Эта победа, которую называли коренным переломом в войне, была частью разворачивающегося контрнаступления советских войск, кульминацией которого стала триумфальная победа в битве под Москвой. Теперь Ростов был сдан врагу во второй раз, и легкость, с которой немцы захватили город, не шла ни в какое сравнение с длительной героической защитой Севастополя51.

28 июля 1942 г. Сталин подписал приказ 227, в народе ставший известным под названием «Ни шагу назад!». Приказ не был опубликован в газетах, но его текст распространялся во всех частях советских вооруженных сил. Листовки с текстом приказа были разосланы на фронте, и офицеры зачитывали его вслух солдатам. Фраза «Ни шагу назад!» вскоре стала главным лозунгом советской прессы лета 1942 г., основные идеи приказа распространялись среди населения через многочисленные статьи.

Текст приказа начинался с откровенного описания серьезной ситуации, в которой оказалась страна: «Враг бросает на фронт все новые силы и, не считаясь с большими для него потерями, лезет вперед, рвется в глубь Советского Союза, захватывает новые районы, опустошает и разоряет наши города и села, насилует, грабит и убивает советское население. Бои идут в районе Воронежа, на Дону, на юге у ворот Северного Кавказа. Немецкие оккупанты рвутся к Сталинграду, к Волге и хотят любой ценой захватить Кубань, Северный Кавказ с их нефтяными и хлебными богатствами».

Однако Красная Армия, по словам Сталина, не выполняла своего долга перед страной: «Часть войск Южного фронта, идя за паникерами, оставила Ростов и Новочеркасск без серьезного сопротивления и без приказа из Москвы, покрыв свои знамена позором. Население нашей страны… теряет веру в Красную Армию, а многие из них проклинают Красную Армию за то, что она отдает наш народ под ярмо немецких угнетателей, а сама утекает на восток».

Подчеркивая масштаб потерь, понесенных армией до сих пор, Сталин отметил, что «отступать дальше – значит загубить себя и загубить вместе с тем нашу Родину. Каждый новый клочок оставленной нами территории будет всемерно усиливать врага и

всемерно ослаблять нашу оборону, нашу Родину». Единственным решением, по мнению Сталина, было прекратить отступление: «Ни шагу назад! Таким теперь должен быть наш главный призыв. Надо упорно, до последней капли крови защищать каждую позицию, каждый метр советской территории, цепляться за каждый клочок советской земли и отстаивать его до последней возможности».

Осуществление этой политики требовало железной дисциплины, особенно от офицеров и комиссаров, которых, по словам Сталина, при отступлении без приказа следовало считать предателями. В частности, Сталин приказывал создать штрафные батальоны для нарушителей дисциплины и размещать позади наиболее ненадежных подразделений заградительные отряды. Штрафные батальоны предполагалось посылать на самые опасные участки фронта; их составу давался шанс искупить свой грех – нарушение дисциплины, а заградительные отряды должны были расстреливать паникеров и трусов, пытающихся бежать в тыл52.

В приказе 227 не было ничего нового, однако его безотлагательный тон был верным знаком того, что Сталин обеспокоен растущими потерями и количеством поражений этим летом. Такие меры, как железная дисциплина, суровые наказания и запрет отступать без разрешения, Сталин применял с самого начала войны. Идею организовать штрафные батальоны Сталин позаимствовал у немцев, но, по сути, это решение было возрождением в несколько измененном виде уже использовавшейся раньше в Советском Союзе практики формирования подразделений из нарушителей дисциплинарного кодекса. В период с 1942 по 1945 г. было создано 600 штрафных подразделений, в которых служили около 430 000 человек. По распоряжению Сталина, такие подразделения выполняли самые сложные и опасные задания (такие, как фронтальные удары по позициям врага). Как следствие, потери в них составляли 50 % личного состава53. Заградительные отряды уже существовали на некоторых фронтах, но после подписания приказа 227 их количество и активность значительно увеличились. Согласно сводному отчету НКВД, после подписания приказа 227 было сформировано 193 заградительных отряда. В период с 1 августа по 15 октября этими отрядами было задержано 140 755 человек. Из числа задержанных 3980 были арестованы, 1189 расстреляны, 2961 направлены в штрафные батальоны или роты, 131 094 вернулись в свои подразделения54.

Приказ 227 был в основном поддержан сражавшимися на фронте бойцами и обеспечил столь необходимый подъем боевого духа55. По сути, смысл нового дисциплинарного режима

заключался не в том, чтобы наказать нарушителей, а в том, чтобы пресекать панику и убедить тех, кто твердо намерен выполнить свой долг любой ценой, что сражающиеся бок об бок с ними нарушители дисциплины будут пойманы и наказаны со всей строгостью. Гораздо больше, чем предоставленные НКВД списки предателей, Сталину были нужны герои; его основной задачей было поддержать тех, кто был готов пожертвовать своей жизнью ради общего дела56.

Параллельно с угрозой наказания использовались и призывы к патриотизму. Обращение к патриотическим чувствам было основной темой политической мобилизации с самого начала войны, и еще более очевидной эта тема стала летом, которое Александр Верт назвал «черным летом 1942 года»: именно тогда перед Красной Армией снова замаячила угроза катастрофического поражения. Критическая атмосфера в этот период еще больше усугублялась тем, что народ до сих пор был уверен в невозможности повторения ужасных событий 1941 г. Эти оптимистические ожидания укрепляла и официальная пропаганда. 21 июня в «Красной звезде» – главном печатном издании Красной Армии – появилось сообщение о том, что «немецкая армия образца 1942 г. еще упорна в обороне, но уже лишена той наступательной энергии, какой она обладала раньше». На следующий день Советское информационное бюро (Совинформ) выпустило заявление, в котором подводились итоги первого года войны. Читателей уверяли в том, что «немецкая армия 1942 года, это не та армия, какая была в начале войны… Ныне немецкая армия не в состоянии совершать наступательных операций в масштабах, подобно прошлогодним». В передовице газеты «Правда» того же числа говорилось: «1942 будет годом окончательного поражения немцев, нашей окончательной победы»57. Именно поэтому быстрое продвижение немцев на юге стало для большинства людей полной неожиданностью, и связанное с ним разочарование еще больше усилило характерное для лета 1942 г. ощущение, что родина в опасности. Впрочем, советская пропаганда немедленно сменила тактику и начала делать упор на серьезную опасность ситуации. В передовице газеты «Красная звезда» от 19 июля ситуация на юге сравнивалась с битвами за Москву и Ленинград 1941 г.58. Прессу заполонила пропаганда ненависти к немцам; советских солдат призывали убивать немцев без жалости – или потерять свои семьи, друзей и родину59. После опубликования приказа 227 основными лозунгами стали «Ни шагу назад!» и «Победа или смерть!»60.

Призывы к жертвенному патриотизму главным образом были нацелены на советский офицерский корпус. Именно эта часть

личного состава имела наибольшее значение для военных усилий Советского Союза и была больше всего предана делу победы. За время войны около миллиона офицеров были убиты, еще около миллиона были освобождены от военной службы после тяжелых ранений. 30 июля 1942 г. Сталин учредил новые награды, предназначенные только для офицерского состава: ордена Кутузова, Невского и Суворова. На следующий день в передовице газеты «Красная звезда» появились призывы «стоять за свою родину, как Суворов, Кутузов и Александр Невский»61. Страницы советской прессы начали заполнять статьи, посвященные особой роли офицеров в поддержании дисциплины и тому значению, которое имели их технические знания и профессионализм для достижения победы. В этом же году офицерам была выдана новая особая военная форма с эполетами и золотыми кистями (ее специально заказали из Великобритании)62. Затем, в январе 1943 г., в обиход был вновь введен сам термин «офицер». 9 октября 1942 г. – в разгар сражения за Сталинград – вышло постановление об отмене института комиссаров и системы двойного командования офицеров и политических работников. Официальным объяснением этого решения было то, что офицеры в ходе войны доказали свою верность Родине и что система двойного командования затрудняла дальнейшее развитие как политического, так и военного руководства. Институт комиссаров был заменен рядом новых организаций, ответственных за пропаганду в вооруженных силах, и некоторые наиболее опытные комиссары были назначены на высшие должности военного командования63. Постановление одобрили далеко не все в вооруженных силах – и тем более среди комиссаров. Многие сочли, что решение было принято в неподходящий момент и может подорвать успешность борьбы за соблюдение дисциплины на фронте; другие настаивали на том, что комиссары работали как следует и что основной проблемой была недостаточная квалификация военных офицеров, а не политическое вмешательство в процесс командования64.

Хотя на страницах советской прессы все чаще и чаще восхвалялись патриотические подвиги дореволюционной эпохи, послереволюционный период тоже не забывали. Тема Гражданской войны приобрела особую важность, когда немцы подошли к Сталинграду. Проводились параллели между возглавленной Сталиным успешной обороной Царицына в 1918 г. и предстоящей битвой за Сталинград. Защитники города клялись повторить великие подвиги, совершенные их прославленными предшественниками в годы Гражданской войны. Как отмечал в то время Александр Верт, корреспондент газеты «Санди таймс» в

Москве, хотя тема патриотизма была доминирующей в советской пропаганде, «советскую идею она никогда полностью не затмевала… “советское” и “русское” перед лицом опасности 1942 г. всего лишь сочеталось немного иным образом, чем в предыдущие или последующие годы»65.

Что касается Сталина, летом 1942 г. он постепенно начал осознавать, что приближается решающая битва. В начале августа Ставка решила разделить Сталинградский фронт на два фронта – Сталинградский и Юго-Восточный. Путаница заключалась в том, сам Сталинград был отнесен к Юго-Восточному фронту, а Сталинградский фронт располагался к северу и западу от города, вдоль реки Дон. Командующим Юго-Восточным фронтом был назначен Еременко, а во главе нового Сталинградского фронта встал генерал Гордов66. Чтобы облегчить координацию обороны Сталинграда, 9 августа Еременко был назначен командующим обоими фронтами. В директиве об изменениях в структуре командования Сталин призывал Еременко и Гордова помнить, что «оборона Сталинграда и разгром врага… имеют решающее значение для всего нашего советского фронта. Верховное Главнокомандование обязывает… [вас] не щадить сил и не останавливаться ни перед какими жертвами для того, чтобы отстоять Сталинград и разбить врага»67.

Черчилль в Москве

В августе, в то время как немцы приближались к Сталинграду, в Москву приехал Уинстон Черчилль с плохой новостью: в 1942 г. в Европе не будет открыт второй фронт. Учитывая, что незадолго до этого Черчилль заявил, что из-за больших потерь Британия приостанавливает поставки в Россию арктическими конвоями, эта новость стала для Сталина тяжелым ударом. Это означало, что в ближайшее время давление немцев на Восточном фронте ослаблено не будет.

Сталин требовал от Черчилля открытия второго фронта с самого начала войны. В Великобритании, США и других странах-союзниках Коминтерн развернул массовую кампанию за открытие второго фронта во Франции. Одной из главных задач Молотова во время поездки в Лондон и Вашингтон в мае – июне 1942 г. было заручиться обещанием Англии и Америки как можно скорее открыть второй фронт. Результатом стало англо-советское коммюнике от 12 июня, в котором говорилось, что «между обеими странами была достигнута полная договоренность в отношении неотложных задач создания второго фронта в Европе в 1942 г.»68. Такое же заявление содержалось и в советско-американском коммюнике, опубликованном в тот же день69. Эта формулировка, включенная в оба коммюнике по настоянию Сталина70, давала основания ожидать, что второй фронт во Франции будет действительно открыт в 1942 г. В передовой статье газеты «Правда» от 13 июня это решение было описано как шаг к существенному укреплению антигитлеровской коалиции, а 1942 г. был назван годом «окончательного разгрома гитлеровских орд»71. 18 июня Молотов выступил перед Верховным Советом с докладом о результатах поездки в Великобританию и США. Молотов сказал, что совместное заявление «имеет большое значение для народов Советского Союза, так как создание второго фронта в Европе создаст непреодолимые трудности для гитлеровских армий на нашем фронте. Будем надеяться, что наш общий враг скоро почувствует на своей спине результаты все возрастающего военного сотрудничества трех великих держав»72. В то же время, при закрытых дверях Молотов высказал более пессимистичные взгляды на перспективы открытия второго фронта. Согласившись подписать соглашение, Великобритания потребовала добавить к нему следующую оговорку: «Мы готовимся к десанту на континенте в августе или сентябре 1942 года… мы не можем дать никакого обещания в этом вопросе. Но, если указанная операция окажется разумной и обоснованной, мы

не поколеблемся осуществить свои планы». В беседе с Молотовым Черчилль дал ясно понять, что в лучшем случае это означало, что на континент высадятся шесть дивизий, а в 1943 г. за ними последуют другие подразделения. В своем докладе Сталину Молотов сделал вывод, что «британское правительство не берет на себя никаких обязательств по открытию второго фронта в этом году, но говорит, и к тому же довольно сдержанно, что готовится к пробному десанту»73.

В то время, когда Молотов сделал свой доклад, Сталин, несмотря на неудачи под Харьковом и в Крыму, надеялся на значительный прорыв в 1942 г. В этом контексте любое обещание об открытии второго фронта было очень кстати: в лучшем случае, оно было бы реализовано и помогло бы отразить войска вермахта на Восточном фронте, оттянув часть немецких сил на запад; в худшем случае, столкнувшись с угрозой открытия второго фронта, Гитлер не решился бы передислоцировать значительную часть своих войск из Западной Европы. В любом случае, Сталин считал, что дав публичное обещание открыть второй фронт, западные правительства будут вынуждены выполнить его. Однако к середине июля ситуация на Восточном фронте резко ухудшилась, и теперь Сталин рассматривал второй фронт как критически важный для исхода войны фактор. Чем дальше немцы продвигались на юг, тем более настойчивыми становились дипломатические усилия Советского Союза, направленные на то, чтобы убедить своих западных союзников выполнить обещание74. 23 июля Сталин сам написал Черчиллю: «Что касается… организации второго фронта в Европе, то я боюсь, что этот вопрос начинает принимать несерьезный характер. Исходя из создавшегося положения на советско-германском фронте, я должен заявить самым категорическим образом, что советское правительство не может примириться с откладыванием организации второго фронта в Европе на 1943 год»75. В ответ Черчилль предложил личную встречу, в ходе которой он мог бы обсудить со Сталиным англо-американские планы военных действий в 1942 г. Сталин согласился встретиться с Черчиллем, однако попросил премьер-министра самого приехать в Москву, потому что ни он, ни любой из членов Генштаба не может покинуть столицу в такой ответственный момент76.

Перспективы встречи были не очень радужными. В недели перед приездом Черчилля в Москву советские шпионы в Великобритании и США докладывали, что союзники не собираются открывать второй фронт в Европе в 1942 г. и вместо этого планируют начать масштабную военную операцию в Северной Африке77. Не менее пессимистичная картина

рисовалась и из докладов посла Сталина в США, Максима Литвинова, который писал, что Рузвельт поддерживает открытие второго фронта во Франции, а Черчилль выступает против этой идеи и убедил президента США в том, что более целесообразным будет начать военные действия в Северной Африке78.

7 августа Иван Майский, посол СССР в Лондоне, представил Сталину свои соображения о целях поездки Черчилля в Москву. Они, как писал Майский, были троякими. Во-первых, успокоить волнение народных масс в Великобритании в связи с открытием второго фронта. Во-вторых (и это в наибольшей степени внушало оптимизм) – обсудить единую стратегию всех союзников по борьбе с Гитлером. В-третьих, убедить Сталина в том, что второго фронт в Европе в 1942 г. не только невозможен, но и нежелателен. Черчилль, по словам Майского, не верил в эффективность британской армии, и ряд поражений Великобритании в Северной Африке и на Дальнем Востоке еще больше укрепил его в этом мнении. Майский также затронул вопрос, который продолжал волновать Сталина: действительно ли британцы заинтересованы в ослаблении не только Германии, но и Советского Союза? Да, писал Майский, однако буржуазная Великобритания, и Черчилль в частности, опасается победы Рейха и ищет способы помочь Советскому Союзу без второго фронта. В заключение Майский утверждал, что, поскольку позицию Черчилля по вопросу второго фронта вряд ли удастся изменить, советская сторона должна сконцентрироваться на требованиях «второй очереди» – таких, увеличение поставок, и использовать визит Черчилля, чтобы «сформировать единую стратегию союзников, без которой победа была бы немыслима»79.

Черчилль прибыл в Москву 12 августа в сопровождении Аверелла Гарримана, координатора программы поставок по ленд-лизу в Лондоне, присоединившегося к премьер-министру в поездке по просьбе президента Рузвельта. В тот вечер состоялась их первая встреча со Сталиным80. Встреча началась с обмена мнениями по военной ситуации. Черчилль высказался по ситуации в Египте, а Сталин сказал, что «новости плохие, и что немцы предпринимают невероятные усилия, чтобы подойти к Баку и Сталинграду. Он не знает, как им удалось собрать столько войск и танков и так много венгерских, итальянских и румынских дивизий. Он уверен, что они собрали войска со всей Европы. Положение Москвы надежное, но он не может гарантировать заранее, что русские смогут отразить нападение немцев».

Черчилль спросил, способны ли немцы начать новое наступление под Воронежем или на севере. Сталин ответил, что «ввиду протяженности фронта для Гитлера вполне возможно

направить 20 дивизий и создать мощную ударную силу»81.

Далее беседа повернулась в сторону открытия второго фронта. Черчилль объяснил, что осуществить вторжение во Францию через Па-де-Кале в 1942 г. не представляется возможным, потому что для выполнения такой операции на укрепленном берегу у союзников недостаточно десантных судов. Как рассказывает об этой встрече американский переводчик, Сталин «очень помрачнел» и начал предлагать разные альтернативы – например, высадку на Нормандские острова. Черчилль возразил, что такие действия принесут больше вреда, чем пользы, и приведут к растрате ресурсов, которые лучше задействовать в 1943 г. Сталин подверг сомнению данную Черчиллем оценку численности немецких войск, дислоцированных на территории Франции, однако премьер-министр Великобритании настаивал на том, что «война – это война, но не безрассудство, и было бы глупо навлечь катастрофу, которая не принесет пользу никому». Сталин, однако, «стал держать себя нервно» и сказал, что он «придерживается другого мнения о войне. Человек, который не готов рисковать, не может выиграть войну». Далее Сталин выразил мнение, что британцы и американцы «не должны так бояться немцев» и что они склонны переоценивать силы Германии. По словам Сталина, «его опыт показывал, что войска должны быть испытаны в бою. Если не испытать в бою войска, нельзя получить никакого представления о том, какова их ценность». После еще нескольких реплик о возможности высадки во Франции разговор повернул в сторону организации союзниками бомбардировки в Германии. Здесь Сталин и Черчилль пришли к общему мнению. Сталин выразил надежду, что бомбардировке будут подвергнуты как промышленные, так и жилые районы, поскольку это единственный способ сломить боевой дух немцев. Черчилль охотно согласился: «Что касается гражданского населения, мы рассматриваем его боевой дух как военную цель. Мы не ждем пощады и не проявим пощады… Если понадобится, по мере продолжения войны, мы надеемся разрушить почти каждый дом почти в каждом городе Германии».

Как говорится в американской записи беседы, слова Черчилля «оказали стимулирующее влияние на ход встречи, и с этого момента атмосфера начала заметно теплеть».

Черчилль далее рассказал Сталину об операции «Факел» – англо-американском вторжении во французскую часть Северной Африки, запланированном на октябрь – ноябрь 1942 г. Целью операции было занять позиции, с которых затем можно было бы атаковать немецкие и итальянские войска в Тунисе и Ливии.

Главную роль в этой атаке должен был играть удар британской 8-й армии с территории Египта. Чтобы проиллюстрировать значимость операции, Черчилль нарисовал Сталину крокодила и сказал, что вместо того, чтобы атаковать твердое рыло зверя, расположенное в Северной Франции, англо-американские войска попытаются атаковать его мягкое брюхо, расположенное в Средиземноморье. Вполне объяснимо, что Сталин подумал, что твердое рыло крокодила нацелено на Восточный фронт и что Красная Армия уже ведет с ним борьбу. Что же касается операции «Факел», Сталин уже достаточно много знал о ней из собственных источников, но изобразил большую заинтересованность и готовность помочь. Он выразил беспокойство тем, что операция может вызвать неприятие у французов, однако отметил, что видит в ней четыре больших преимущества: 1) операция будет нападением на врага с тыла; 2) она заставит немцев и французов воевать друг против друга; 3) она отвлечет Италию от участия в военных действиях и 4) сохранит нейтральную позицию Испании.

К следующему дню энтузиазм Сталина по поводу операции «Факел» несколько ослаб82. Он сказал Черчиллю и Гарриману, что с военной точки зрения операция верна, но не имеет прямого отношения к Советскому Союзу. Что касается второго фронта, проблема заключается в том, что англичане и американцы оценивают русский фронт как второстепенный, а советское правительство – как первостепенный. Затем Сталин пожаловался, что Великобритания и США не выполняют своих обязательств по поставкам в Советский Союз, и сказал, что они могли бы пойти на чуть большие жертвы, учитывая, что на русском фронте ежедневно приносится в жертву 10 000 человеческих жизней. Черчилль ответил, что огорчен тем фактом, что, по мнению русских, их западные союзники делают недостаточно для общей цели. Сталин ответил, что это «не проявление недоверия, а всего лишь расхождение во взглядах». Он считал, что англичане и американцы смогли бы высадить шесть или восемь дивизий на Шербурском полуострове, поскольку они обладают господством в воздухе. Он считал, что если бы английская армия так же много сражалась с немцами, как русская армия, то она не боялась бы так сильно немцев. Русские и, конечно, английская авиация показали, что немцев можно бить. Английская пехота могла бы сделать то же самое при условии, если бы она действовала одновременно с русскими.

Также Сталин представил Черчиллю и Гарриману меморандум, в котором говорилось, что планы Советского Союза относительно военных действий летом и осенью составлялись с расчетом на открытие второго фронта в Европе в 1942 г.83.

15 августа Черчилль вновь встретился со Сталиным, на этот раз без Гарримана. Эта встреча оказалась гораздо более теплой и дружеской, чем предыдущие две, и перешла в закрытый ужин в апартаментах Сталина84. Сталин попытался еще оказать давление по вопросу второго фронта, утверждая, что в случае успешного осуществления операции «Факел» союзникам придется занять и Южную Францию. С этим Черчилль сразу согласился. Однако в основном разговор был посвящен другим темам. Особенно интересно отметить, в каких радужных тонах Сталин рассказывал Черчиллю о ситуации на Восточном фронте. Немцы, по словам Сталина, наступали по двум направлениям: один поток войск направлялся к Кавказу, а второй – к Воронежу и Сталинграду. «Фронт разбит, враг достиг успеха, но у него недостаточно мощи, чтобы закрепить этот успех… Они надеялись прорваться к Сталинграду, но не смогли дойти до Волги. [Он] считает, что это им не удастся. Под Воронежем они хотели пройти к Ельцу и Рязани, тем самым выйти на Московский фронт. Здесь они тоже потерпели неудачу… Под Ржевом русские немного выровняли фронт, и Ржев скоро будет взят. Затем русские будут двигаться в южном направлении, чтобы отрезать Смоленск. Под Воронежем немцам пришлось перейти через Дон. У русских есть большие резервы… к северу от Сталинграда, и он надеется вскоре начать наступление по двум направлениям: а) к Ростову и б) дальше на юг… Целью будет отрезать вражеские войска в северной части Кавказа. В заключение он сказал, что у Гитлера нет достаточных сил, чтобы вести наступление больше чем на одном участке фронта».

За ужином Сталин и Черчилль обсудили возможность совместных действий против Северной Норвегии с целью обезопасить маршруты конвоев из Великобритании в Мурманск85 и обменялись мнениями по будущему Германии. Черчилль заявил, что после войны прусский милитаризм и нацизм следует уничтожить, а Германию разоружить; Сталин сказал, что необходимо будет ликвидировать военные кадры Германии и ослабить страну, отделив от нее Рур. Сталин спросил Черчилля о слухах, будто англичане с немцами заключили соглашение о том, чтобы воздерживаться от взаимных бомбардировок Лондона и Берлина. Черчилль эти слухи отрицал, утверждая, что бомбардировки возобновятся, как только ночи станут достаточно длинными86. Черчилль отметил, что Майский – хороший посол, но Сталин сказал, что не лучший: «Он слишком много говорит и не держит язык за зубами». Черчилль говорил о довоенных планах создания «Лиги трех великих демократических стран: Великобритании, США и СССР, которые могли бы вместе встать

во главе мира». Сталин согласился и сказал, что это хорошая идея, но не для правительства Чемберлена. К концу ужина было составлено совместное коммюнике о визите Черчилля и оба лидера обменялись подписанными фотографиями. Как заключает в своих записях британский переводчик, «в целом атмосфера была сердечной и дружеской».

Когда Черчилль уехал из Москвы, Молотов кратко написал Майскому о результатах визита. «Переговоры с Черчиллем прошли не совсем гладко», – писал Молотов, но после них «состоялась длительная беседа в личной резиденции товарища Сталина, во время которой был установлен более тесный личный контакт с гостем… Несмотря на то, что Черчилль так и не дал удовлетворительного ответа на главный вопрос [по второму фронту], результаты можно все же рассматривать как удовлетворительные». Далее Молотов в менее оптимистичном духе писал Майскому: «Ваша идея о выработке единой стратегии не обсуждалась. Мне кажется, на этом этапе, когда мы представляем собой единственную сторону, участвующую в войне, эта идея для нас неприемлема. Вам не следует предлагать эту идею британцам. Вы не получали, да и не могли получить, от нас таких указаний»87.

В течение всего общения с Черчиллем и Гарриманом Сталин подчеркивал, что рассматривает ситуацию с вопросом об открытии второго фронта как расхождение союзников во мнении, а не как вероломство или отсутствие доверия – несмотря на разногласия по поводу поставок и по другим вопросам. Личное общение двух лидеров, по словам Сталина, имело очень большое значение. Сталин также дал понять Гарриману, что хотел бы как можно скорее встретиться с Рузвельтом88. Впрочем, отношение Сталина вскоре стало более негативным, когда в свете критической ситуации под Сталинградом стало очевидным значение отсутствия второго фронта во Франции. Раздражение Сталина по отношению к союзникам достигло критической точки 3 октября, когда он решил дать письменный ответ на вопросы Генри Кэссиди, московского корреспондента «Associated Press»:

Вопрос : Какое место в советской оценке текущего положения занимает возможность второго фронта?

Ответ : Очень важное, – можно сказать, – первостепенное место.

Вопрос : Насколько эффективна помощь союзников Советскому Союзу и что можно было бы сделать, чтобы расширить и улучшить эту помощь?

Ответ : В сравнении с той помощью, которую оказывает союзникам Советский Союз, оттягивая на себя главные силы

немецко-фашистских войск, – помощь союзников Советскому Союзу пока еще мало эффективна. Для расширения и улучшения этой помощи требуется лишь одно: полное и своевременное выполнение союзниками их обязательств89.

Открытая критика со стороны Сталина вызвала бурную реакцию в британской и американской прессе90 и стала сигналом того, что он пока отказался от идеи открытия второго фронта и теперь ставил на первое место вопрос поставок. Созвучные идеи Сталин высказывал и в частном общении с представителями Великобритании и США, в котором он прежде всего подчеркивал острую потребность в авиатехнике91. К вопросу второго фронта Сталин вернулся в выступлении, с которым он обратился к москвичам в ноябре 1942 г., в честь XXV годовщины Октябрьской революции. Своим слушателям он сказал, что отсутствие второго фронта в Европе объясняет военные успехи немцев в России: сейчас у них есть возможность сконцентрировать все свои силы на Восточном фронте. Если бы был открыт второй фронт, Красная Армия стояла бы теперь около Пскова, Житомира, Минска и Одессы, и «это было бы начало конца немецко-фашистских войск»92. Критические высказывания Сталина о политике Запада в отношении второго фронта были процитированы в бесчисленных газетных статьях и, если верить отчетам НКВД по общественному мнению, советская общественность их полностью разделяла93.

Разногласия союзников по вопросу второго фронта совпали с дискуссией вокруг суда и наказания военных преступников. В начале октября представители Советского Союза были приглашены британцами и американцами для участия в комиссии по военным преступлениям. Однако не успела Москва ответить на приглашение, как Великобритания обнародовала план, в котором говорилось, что военных преступников следует наказать *после войны* . В ответ Молотов сделал заявление об «ответственности гитлеровских захватчиков и их сообщников за злодеяния, совершенные ими в оккупированных странах Европы»94. По сути, это сообщение, опубликованное 14 октября, представляло собой требование, чтобы изобличенные нацистские лидеры предстали перед международным трибуналом, и в том числе – Рудольф Гесс, бывший заместитель Гитлера, который со времени своего неожиданного перелета в Великобританию в мае 1941 г. томился в тюрьме. 19 октября «Правда» опубликовала передовицу с призывом судить Гесса как военного преступника и замечанием, что «признать, что Гесс не предстанет перед судом до конца войны, что в течение всей войны его не будет судить международный трибунал, означает закрыть глаза на

преступления одного из самых кровавых гитлеровских преступников и смотреть на Гесса не как на преступника, а как на представителя другого государства, как на посла Гитлера»95.

В условиях таких разногласий по поводу судьбы военных преступников Сталин в тот же день отправил Майскому необычную телеграмму: «У нас у всех в Москве создается впечатление, что Черчилль держит курс на поражение СССР, чтобы потом сговориться с Германией Гитлера… за счет нашей страны. Без такого предположения трудно объяснить поведение Черчилля по вопросу о втором фронте в Европе, по вопросу о поставках вооружения для СССР, которые прогрессивно сокращаются, несмотря на рост производства в Англии, по вопросу о Гессе, которого Черчилль, по-видимому, держит про запас, наконец, по вопросу о систематической бомбежке англичанами Берлина в течение сентября, которую провозгласил Черчилль в Москве и которую он не выполнил ни на йоту, несмотря на то, что он безусловно мог это выполнить»96.

23 октября Майский ответил Сталину, что победа немцев над СССР едва ли нужна Черчиллю, потому что в этом случае Гитлер стал бы господином не только всей Европы, но и Африки и большей части Азии. В Англии есть сторонники поражения СССР и сделки с Гитлером, но пока они не пользуются большим влиянием. Ошибки Черчилля Майский объяснял его погоней за «легкой войной». Поставки сокращаются потому, что большого количества ресурсов требует операция «Факел». Черчилль не бомбит Берлин, потому что опасается ответных бомбардировок Лондона. Черчилль не хочет судить Гесса, потому что немцы в ответ могут начать репрессии против британских военнопленных. Кроме того, заключал Майский, Черчилль ориентируется на длительную войну, и Гесс может однажды ему пригодиться97. Сталин ответил Майскому 28 октября: «Я все же думаю, что, будучи сторонником легкой войны, Черчилль легко поддастся влиянию тех, которые держат курс на поражение Совсоюза, ибо поражение нашей страны и компромисс с Германией за счет Совсоюза является наиболее легкой формой войны Англии с Германией.

Конечно, англичане потом поймут, что без русского фронта на континенте Европы при выходе Франции из строя они, т. е. англичане, обречены на гибель. Но когда они поймут это? Поживем, увидим…

Черчилль заявил нам в Москве, что к началу весны 43 года около миллиона англо-американских войск откроют второй фронт в Европе. Но Черчилль принадлежит, видимо, к числу тех деятелей, которые легко дают обещание, чтобы также легко

забыть о нем или даже грубо нарушить его. Он также торжественно обещал в Москве бомбить Берлин интенсивно в течение сентября – октября. Однако он не выполнил своего обещания и не попытался даже сообщить в Москву о мотивах невыполнения. Что же, впредь будем знать, с какими союзниками имеем дело.

Я мало верю в операцию “Факел”. Если же вопреки ожиданию эта операция кончится успешно, можно примириться с тем, что у нас отобрали самолеты ради этой операции»98.

Очевидно, что Сталин был раздражен – отсутствием второго фронта, уменьшением поставок, делом Гесса, подозрением, что многие из так называемых союзников были бы не прочь, если бы победила Германия. И помимо всего этого, в настроении Сталина сказывалась напряжение Сталинградской битвы. Как раз в это время Красная Армия готовила масштабное контрнаступление в окрестностях Сталинграда. Исход операции не зависел от того, будет ли удержан Сталинград; стратегически более важным было держать немцев на расстоянии с флангов. Однако сдача самого города стала бы сокрушительным ударом по боевому духу советского народа и самого Сталина. С эмоциональной и политической точки зрения удержать «город Сталина» для него было не менее важно, чем для Гитлера – захватить его.

Осада Сталинграда

Осада Сталинграда началась 23 августа 1942 г. с массированных авианалетов. Целых два дня люфтваффе обрушивали на город всю свою мощь; было совершено в целом 2000 вылетов, в ходе которых погибло не менее 25 000 мирных жителей. Генерал Вольфрам фон Рихтгофен, командующий 8-м воздушным корпусом люфтваффе, пролетев над городом после бомбардировок, отметил в своем дневнике, что Сталинград «уничтожен и в нем не осталось целей, заслуживающих внимания»99. На следующий день после начала авианалетов подразделения 6-й армии генерала Фридриха Паулюса подошли к Волге в районе Рынка и Спартановки, на северной окраине города. Впрочем, основные силы Паулюса добрались до окраин Сталинграда только в начале сентября. 4-я бронетанковая армия под командованием Германа Гота, передислоцированная для удара по Сталинграду после кампании на Кавказе, подошла к Волге у местечка Купоросное только 10 сентября, однако к этому времени советские войска уже были отрезаны от переправы через Волгу по всем направлениям, кроме восточного.

Сталинград защищали 62-я армия в центре и на севере города и 64-я армия на южных его окраинах, но они были изолированы друг от друга в результате продвижения немцев к Волге. По советским данным, вдоль 65-километрового фронта на подступах к Сталинграду и его окрестностям немцы развернули 13 дивизий, включавших в себя 170 000 человек личного состава, 500 танков, 3000 артиллерийских орудий и 1000 самолетов. Им противостояли советские войска численностью 90 000 человек, 2000 артиллерийских орудий, 120 танков и менее 400 самолетов100.

Поначалу Сталин был уверен, что Сталинград выстоит. Город готовился к осаде с начала июля, в окрестности города были стянуты резервные войска Ставки. В период с середины июля по конец сентября Ставка перевела в район Сталинграда 50 дивизий и 33 независимые бригады. На подкрепление были направлены несколько отборных дивизий из Дальневосточного военного округа и 100 000 моряков флота101. 23 августа Сталин направил Еременко директиву, в которой говорилось, что противник прорвал его фронт небольшими силами и что у него достаточно сил, чтобы справиться с ними. Сталин призывал его навалиться на врага всеми силами авиации и артиллерии и драться с противником не только днем, но и ночью. «Самое главное, – писал Сталин, – не поддаваться панике, не бояться нахального

врага и сохранить уверенность в нашем успехе»102. На следующий день Сталин направил Еременко еще одну директиву, в которой приказывал закрыть войсками дыру, через которую противник прорвался через оборону, и отбросить немцев от Сталинграда103. Однако к этому времени Сталин уже стал осторожнее; 25 августа он продиктовал телеграмму Василевскому и Маленкову, которые находились в Сталинграде в качестве представителей Ставки. В телеграмме спрашивалось, считают ли они, что 62-ю и 64-ю армии следует отвести к линии вдоль восточной части Дона104. 26 августа Жуков был вызван в Москву и назначен заместителем Верховного главнокомандующего105. Затем его также послали в Сталинград, чтобы докладывать о ситуации с места событий. К началу сентября уверенность Сталина начала ослабевать, и 3 сентября он послал Жукову телеграмму с такими указаниями: «Положение со Сталинградом ухудшилось. Противник находится в трех верстах от Сталинграда. Сталинград могут взять сегодня или завтра… Потребуйте от командующих войсками, стоящих к северу и северо-западу от Сталинграда, немедленно ударить по противнику… Недопустимо никакое промедление. Промедление теперь равносильно преступлению. Всю авиацию бросьте на помощь Сталинграду. В самом Сталинграде авиации осталось очень мало»106.

9 сентября Ставка назначила генерала Василия Чуйкова командующим 62-й армией107. Когда Чуйков вступил в должность, в составе армии было 54 000 человек, 900 артиллерийских орудий и 110 танков, в то время как численность войск Паулюса, вошедших в город, была примерно вдвое больше. Несмотря на численное превосходство противника, именно армия Чуйкова спасла Сталинград от окончательной сдачи немцам, хотя 63-я, 64-я и 66-я армии, действовавшие с флангов города, также внесли неоценимый вклад в решающую битву.

Сталинград представлял собой узкий и длинный в плане город, протянувшийся на 50–65 км вдоль западного берега Волги, и был разделен на три основные части. Южную часть занимал старый город, на границе которого располагались железнодорожные вокзалы и центральная пристань паромной переправы. Центральная часть представляла собой современный городской центр с широкими бульварами, большими магазинами, зданиями городской администрации и бытового обслуживания. В северной части вдоль берега реки располагались три огромных завода: Дзержинский тракторный завод, во время войны переведенный на производство танков, машиностроительный завод «Баррикады», производивший артиллерийскую технику, и металлургический завод «Красный Октябрь». Южную часть города

разделяла надвое река Царица (в честь нее город получил свое первоначальное название, Царицын, которое было изменено на Сталинград в 1924 г. в память об успешной обороне города под руководством Сталина в годы Гражданской войны). Над центром города возвышался 100-метровый холм Мамаев курган.

С тактической точки зрения для исхода битвы за город решающую роль играло обладание берегом реки. Пока Красная Армия занимала берег Волги, с востока по реке можно было осуществлять снабжение ее войск, сражавшихся в Сталинграде. Если бы немцам удалось захватить контроль над берегом реки, они могли бы с легкостью завоевать позиции, удерживаемые советскими войсками в городе.

Битва за город разворачивалась в четыре основных этапа108. На первом этапе, начавшемся 13 сентября, сражение главным образом происходило в южной и центральной частях города. Целями немцев было взять под контроль город к югу от реки Царица, занять пристань паромной переправы и расколоть войска 62-й армии пополам. К северу от Царицы немецкие войска должны были занять центр города и Мамаев курган. К 26 сентября Паулюс уже мог говорить о том, что юг и центр города захвачены. Однако пристань паромной переправы по-прежнему была под обстрелом, поэтому нельзя было сказать, что немцы ее заняли. По-прежнему велись бои и за Мамаев курган, включавший в себя, помимо основного холма, еще несколько более низких холмов.

Во время второго этапа битвы, с 27 сентября по 7 октября, сражение за Мамаев курган продолжалось, однако основные бои теперь велись на севере города, за промышленный район. Здесь немцы также достигли значительных успехов, однако так и не смогли занять ни заводы, ни чрезвычайно важный участок фронта вдоль западного берега Волги.

Растущее беспокойство Сталина по устойчивости советских позиций в городе выразилось в его резкой директиве Еременко от 5 октября: «Я думаю, что Вы не видите той опасности, которая угрожает войскам Сталинградского фронта. Заняв центр города и выдвинувшись к Волге севернее Сталинграда, противник намерен… окружить 62-ю армию и взять ее в плен, а после этого окружить южную группу ваших войск 64-й и др. армий и тоже забрать их в плен. Противник может осуществить это свое намерение, так как он занимает районы переправ через Волгу как на севере, так и в центре, и на юге от Сталинграда. Чтобы предотвратить эту опасность, надо оттеснить противника от Волги и вновь захватить те улицы и дома Сталинграда, которые противник отобрал у вас. Для этого необходимо превратить

каждый дом и каждую улицу Сталинграда в крепость. К сожалению, Вы этого не сумели сделать и все еще продолжаете сдавать противнику квартал за кварталом. Это говорит о Вашей плохой работе. Сил у Вас в районе Сталинграда больше, чем у противника, и, несмотря на это, противник продолжает теснить вас. Я недоволен Вашей работой на Сталинградском фронте и требую, чтобы Вы приняли все меры для защиты Сталинграда. Сталинград не должен быть сдан противнику, а та часть Сталинграда, которая занята противником, должна быть освобождена»109.

Несмотря на все увещевания Сталина, на третьем этапе битвы, начавшемся 14 октября с новой атаки по промышленному району, Красная Армия была вынуждена еще больше отступить. К концу месяца немцы захватили тракторный завод и «Баррикады», а также большую часть завода «Красный Октябрь». Войска Чуйкова растянулись в длинную полоску по западному берегу Волги, ширина которой местами составляла всего несколько сотен метров.

Наконец, 11 ноября Паулюс начал последний штурм Сталинграда. Главной целью вновь был промышленный район, и немцам удалось добиться успеха: они прорвались к Волге, заняли еще одну часть западного берега реки и тем самым раскололи 62-ю армии на три части. К середине ноября немцы заняли уже более 90 % Сталинграда, однако, что очень важно, войска Чуйкова, окопавшись, удерживали полосу земли длиной 25 км вдоль западного берега Волги. Пока Красная Армия удерживала эти позиции, немцы не могли объявить об окончательной победе над Сталинградом: они оставались под угрозой контрудара советских войск. Кроме того, войска Паулюса к этому времени уже были истощены, 6-я армия была не в состоянии продолжать наступление. Оставшись в Сталинграде до самого конца, Чуйков не допустил окончательного поражения и, по сути, выиграл стратегическую битву за город.

Успех Чуйкова был обусловлен тремя главными факторами. Во-первых, он использовал эффективную тактику уличного боя: его войска не только ожесточенно бились за укрепленные позиции среди обломков городских зданий, но и вступали в многочисленные поединки с врагом в разрушенных зданиях заводов и жилых домов Сталинграда. Во-вторых, через Волгу постоянно осуществлялось снабжение ресурсами. Что особенно важно, пополнялся личный состав войск. В числе подразделений, переправленных через реку, была и злополучная 13-я гвардейская дивизия под командованием А.И. Родимцева. Так называемые гвардейские дивизии представляли собой элитные формирования

– опытные, проверенные в бою, хорошо оплачиваемые и, главным образом, лучше вооруженные. 13-я дивизия пересекла Волгу 14–15 сентября и сразу вступила в бой в центре города. В первый же день в бою дивизия численностью 10 000 человек потеряла 30 % личного состава убитыми – отчасти потому, что многие из них были переправлены через реку без боеприпасов110. К концу Сталинградской битвы в живых из дивизии осталось только 320 человек. В своих мемуарах Чуйков писал, что «если бы не дивизия Родимцева, то город оказался бы полностью в руках противника еще в сентябре, примерно в середине месяца»111. В-третьих, защитников Сталинграда поддерживала авиация и артиллерия. Среди фотографий Сталинградской битвы преобладают фотографии боев на улицах и заводах, но не менее важную роль сыграл огненный дождь, который обрушивали на немцев батареи советской артиллерии, размещенные на восточном берегу Волги, и битвы за превосходство в воздухе в небе над Сталинградом.

Была и еще одна причина для успеха советских войск в Сталинграде, и именно эта причина была наиболее очевидной для современных наблюдателей – по крайней мере, в странах-союзниках: героизм красноармейцев-защитников города. За время битвы армия Чуйкова потеряла 75 % личного состава, однако воля 62-й армии к победе не была сломлена. Весь СССР и страны союзников были восхищены стойкостью Красной Армии, но не очень удивлены: Сталинградская битва была лишь одним из целого ряда героических оборонительных сражений Красной Армии. Единственное, что отличало Сталинградскую битву, – это ее длительность и внимание общественности: с августа по ноябрь 1942 г. о ней ежедневно писали советские и западные газеты. Естественно, советская пропаганда всячески старалась превознести подвиги Красной Армии в Сталинграде и донести этот героический образ до тех, кто сражался за город. Основой для легенды о героических защитниках Сталинграда были реальные подвиги, однако они были очень сильно преувеличены прессой. Неудивительно, что Сталинград еще многие десятилетия оставался символом обороны до последней капли крови.

Конечно, далеко не все дело было в героизме. В Сталинграде, как и в других случаях, сыграла свою роль суровая и беспощадная политика Сталина. В течение всей битвы НКВД предоставлял отчеты о своей деятельности в Сталинграде. В одном из отчетов рассказывалось о следующем инциденте, произошедшем 21 сентября: «Сегодня во время наступательного прорыва противника две роты 13-й гвардейской стрелковой дивизии дрогнули и начали отступать. Командир одной из этих рот лейтенант Миролюбов также в панике бежал с поля боя, оставив

роту. Заградительный отряд 62-й армии задержал отступление подразделений и восстановил положение. Лейтенант Миролюбов расстрелян перед строем»112.

За время битвы подразделения НКВД в городе и его окрестностях проверили документы 750 000 человек. В результате было задержано 2500 дезертиров и 255 вражеских шпионов, диверсантов и парашютистов113. Согласно еще одному сводному отчету НКВД, его подразделения, работавшие на участках Донского и Сталинградского фронтов, в период с 1 августа по 15 октября задержали более 40 000 человек: 900 были арестованы, 700 расстреляны, 1300 отправлены в штрафные батальоны, остальные вернулись в свои части114. Впрочем, во время Сталинградской битвы даже сотрудники НКВД проявляли героизм. Помимо своих обязанностей по обеспечению безопасности и контрразведки, подразделения НКВД участвовали в самой гуще сражений и понесли большие потери. Агенты НКВД также проникали в ряды врага и совершили множество диверсионных актов115.

«Марс», «Сатурн», «Юпитер» и «Уран»

В течение всего Сталинградского сражения Ставка планировала и готовила ответный удар. Нанесен он был 19 ноября, когда началось объединенное контрнаступление Сталинградского, Донского и Юго-Западного фронтов. Сталинградский и Донской фронты были сформированы 28 сентября: Юго-Восточный фронт под командованием Еременко был переименован в Сталинградский, а Рокоссовский был назначен командующим прежним Сталинградским фронтом, который теперь получил название Донского. Юго-Западный фронт, примыкавший к Донскому, был создан 31 октября под командованием генерала Ватутина116. Основной идеей операции «Уран» было окружить врага под Сталинградом силами трех фронтов, которые должны были продвинуться вперед и сойтись у Калача.

Контрнаступление готовилось в строжайшей секретности; был предпринят ряд мер по маскировке117. С переднего края фронта были эвакуированы мирные жители118; основные ударные группировки были развернуты только в последний момент. Кроме того, по словам русского историка В.В. Вешанова, «на этот раз Сталин не торопил своих полководцев, операция готовилась тщательно, грамотно, в строжайшей тайне»119. Чтобы обеспечить необходимое количество ударных и резервных групп войск, остальные фронты и армии получили приказ перейти на оборонительные позиции или обходиться тем, что у них было120. К середине ноября Ставка собрала ударную силу в три четверти миллиона человек.

Операция «Уран» прошла потрясающе успешно. К 23 ноября войска Паулюса в Сталинграде были полностью окружены. Ставка ожидала, что в ловушку попадут вражеские войска численностью 100 000 или около того, но на самом деле их оказалось в три раза больше. Операция «Уран» стала первой успешной крупной операцией Красной Армии по окружению. В числе уничтоженных в ее рамках войск противника были армии союзников Германии по «Оси» Берлин – Рим – Токио, задачей которых было защищать армию Паулюса с флангов. Впоследствии немцы пытались возложить вину за поражение на слабость своих союзников, однако ресурсы румынских, венгерских и итальянских частей были истощены. Перед ними стояла непосильная задача: без достаточных ресурсов защищать обширные открытые участки земли от атак врага121.

Вопрос о том, кому принадлежит идея плана «Уран», остается

спорным. Как говорится, у успеха много отцов, а неудача – всегда сирота. Согласно наиболее широко распространенному мнению, «отцом» плана был Жуков, написавший в своих мемуарах, что он и Василевский разработали эту идею и предложили ее Сталину 13 сентября 1942 г. Василевский впоследствии поддержал свидетельство Жукова в своих мемуарах, хотя он не указывает точную дату и не воспроизводит яркий рассказ Жукова о том, как Сталина убеждали принять этот новый радикальный план122. В то же время, если верить дневнику встреч Сталина, в период с 31 августа по 26 сентября с Жуковым он не встречался123. Учитывая, что в мемуарах Жукова есть и другие сомнительные утверждения, вполне может быть, что его история – выдумка. Нельзя отрицать, что Жуков был одним из авторов операции «Уран». В конце концов, он был заместителем Сталина и тесно сотрудничал с Василевским, который, как начальник штаба, был ответственным за подготовку оперативного плана. Как Жуков, так и Василевский во время Сталинградской битвы проводили много времени в городе и его окрестностях и владели достаточно надежной информацией, чтобы использовать ее при подготовке плана.

Итак, точная история формирования плана «Уран» остается неясной, однако вполне вероятно, что он развился из различных планов и идей того, как облегчить давление на защитников Сталинграда, атакуя немцев с флангов. К этому времени подобное мышление и планирование, ориентированное на контрнаступление, для Красной Армии стало привычным делом. В любом случае, к началу октября уже было принято решение о начале крупного контрнаступления под Сталинградом, и командующие фронтами получили приказ подготовить подробные планы действий124.

Нет однозначного мнения и касательно того, каким образом план «Уран» был связан с другой наступательной операцией, получившей название «Марс». Это был удар Калининского и Западного фронтов по группе армий «Центр», целью которого было взять в окружение немецкую 9-ю армию на Ржевском выступе. Операцию «Марс» изначально планировалось начать до операции «Уран», но из-за погодных условий и других факторов она была отложена до 25 ноября. Хотя на выполнение операции «Марс» было выделено столько же сил, сколько и на «Уран», она не увенчалась успехом. К концу декабря был дан приказ об отмене операции, единственным результатом которой стали лишь потери советских войск: 350 000 человек, в том числе 100 000 убитыми.

В своих мемуарах Жуков описывал операцию «Марс» как по

большому счету успешную операцию, целью которой было поддержать «Уран», не дав развернуть войска группы армий «Центр» на юге125. Хотя этот взгляд принимают большинство российских военных историков, американский историк Дэвид Гланц в своей книге «Крупнейшее поражение Жукова» утверждает, что операция «Марс» имела для заместителя верховного главнокомандующего первостепенное значение, и после нее была запланирована еще одна операция – «Юпитер» или «Нептун», масштабная операция по окружению и уничтожению группы армий «Центр»126. «Юпитер», по мнению Гланца, планировался как операция на юге, вспомогательная по отношению к «Сатурну». «Сатурн», в свою очередь, должен был стать продолжением операции «Уран»: целью его было вернуть Ростов и отрезать группу армий «А» на Кавказе. По словам Стивена Уолша, план Ставки представлял собой захватывающий по своим масштабам «космический стратегический замысел»127. Взглянув на оперативную карту, несложно заметить, что названия планет (Марс, Сатурн, Уран и Юпитер) недаром были выбраны в качестве метафорических названий для операций по окружению: относительно небольших в случае с «Марсом» и «Ураном» и гигантских в случае с «Сатурном» и «Юпитером». Отвлекаясь от метафор, Гланц и его соавтор Джонатан Хаус пишут, что «стратегические цели советского командования простирались гораздо дальше поражения немецких войск в южной части России: целью Ставки было разгромить оборону врага практически по всей протяженности Восточного фронта»128. Иными словами, «Марс», «Сатурн», «Юпитер» и «Уран» были очередным грандиозным замыслом Сталина по уничтожению вермахта одним махом. Конечно, такая возможность очень привлекала Сталина. В самом деле, даже когда операция «Марс» потерпела поражение, Сталин не отказался от идеи отбросить немецкую армию назад по всему Восточному фронту.

Что касается операции «Марс», это было не столько крупнейшее поражение Жукова, сколько его последняя неудача в районе Ржевско-Вяземского выступа. Операция «Марс» была логичным продолжением многих предыдущих попыток отбросить группу армий «Центр» в этом районе, с той лишь разницей, что на выполнение этой операции было брошено гораздо больше ресурсов, чем на все предыдущие, и по существу она составляла одно целое с операцией «Уран», будучи одним из направлений двойного наступления. Нужно сказать, что именно так две операции описывались в советской прессе до тех пор, когда операция «Марс» потерпела неудачу и исчезла из заголовков газет129. Операция провалилась потому, что группа армий

«Центр» была сильнее и располагалась на лучше укрепленных окопами позициях, чем немецкие армии, сражавшиеся на юге. Кроме того, ей не пришлось участвовать в многочисленных битвах прошедшего лета. Несмотря на неудачу, операция «Марс» была неотъемлемым дополнением к «Урану». Ставка не могла игнорировать тот факт, что к Москве приближаются мощные немецкие войска – особенно учитывая, что Сталин (да, возможно, и Жуков тоже) по-прежнему считал столицу Советского Союза основной мишенью Гитлера. Как утверждает Михаил Мягков130, с точки зрения Ставки, изменение стратегии на юге могло принести только временный успех, если бы не была обеспечена защита центрального сектора. Рано или поздно Красной Армии пришлось бы сразиться с группой армий «Центр».

Реакция Гитлера на окружение войск Паулюса в Сталинграде была двоякой. Во-первых, он предпринял попытку вести снабжение 6-й армии с воздуха. Проблема была в том, что люфтваффе приходилось перевозить 300 тонн припасов в день, и в распоряжении немецкой армии просто не было достаточного количества самолетов (половина транспортных самолетов доставляла помощь немецким войскам в Северной Африке, вынужденным отступать в результате операции «Факел»). Погода тоже была против немецкого воздушного моста, к тому же в небе над Сталинградом быстро увеличивалось количество авиации Красной Армии131. Во-вторых, была начата операция «Винтергевиттер» («Зимняя буря») – попытка прорваться к Сталинграду, осуществленная специально созданной для этого группой армий «Дон». Немцы под командованием фельдмаршала Эрика фон Манштейна прошли немного вперед, но были остановлены в 40–50 км от Сталинграда, а войска Паулюса уже были не в состоянии прорваться им навстречу. В любом случае, Гитлер решил, что вместо рискованного и позорного отступления 6-я армия должна сражаться из последних сил. Как и Сталин, Гитлер знал цену героическим поражениям – особенно в тех случаях, когда не было выбора. Важным побочным эффектом операции «Винтергевиттер» стало то, что советское командование было вынуждено отменить операцию «Сатурн» и вместо этого начать операцию «Малый Сатурн», чтобы предотвратить маневр Манштейна132. Войска Манштейна были остановлены, но Ростов был освобожден лишь в феврале 1943 г.; эта задержка позволила группе армий «А» уйти с Кавказа.

Когда советское командование осознало, какого размера войско попало в окружение в Сталинграде, оно приготовило крупную операцию по его ликвидации. Семь советских армий под командованием Рокоссовского начали штурм 10 января 1943 г. К

концу месяца битва была выиграна, и в плен было взято 90 000 немцев. В советский плен в Сталинграде попали 24 немецких генерала, в том числе и сам Паулюс.

А в это время Красная Армия начала масштабное наступление на южном участке фронта: 26 января был освобожден Воронеж, а 14 февраля – Ростов. На следующий день немцы отступили из Харькова (хотя в середине марта в результате контрнаступления город был снова захвачен). В начале февраля было начато крупное наступление по направлению Орел – Брянск – Смоленск. Через несколько дней была начата операция «Полярная звезда» – попытка снять блокаду Ленинграда. В приказе по войскам от 23 февраля 1943 г.

Сталин выражал сожаление, что «ввиду отсутствия второго фронта в Европе Красная Армия несет одна всю тяжесть войны», но вместе с тем заявлял, что инициатива теперь находится полностью в руках советской армии: «Ныне Красная Армия в тяжелых условиях зимы наступает по фронту в 1500 километров и почти везде достигает успехов»133. Это было правдой, однако темп продвижения советских войск вскоре замедлился из-за распутицы. В очередной раз выяснилось, что возможности Красной Армии не соответствуют амбициям Ставки, а немецкое войско, учитывая недавнее сокрушительное поражение под Сталинградом, проявило поразительную выносливость.

Победы под Сталинградом и Курском

Хотя Ставке не удалось осуществить свои наиболее амбициозные планы, победа под Сталинградом сама по себе была достаточно впечатляющей. Немцы и их союзники по коалиции за время южной кампании 1942 г. потеряли полтора миллиона человек и ничего не приобрели. Через год после начала операции «Блау» немецкие войска стояли на тех же позициях, с которых начинали. Было потеряно почти 50 дивизий, в том числе – вся элитная 6-я армия. В одном только Сталинграде было убито 150 000 немецких солдат. Армии всех европейских союзников Германии, за исключением Финляндии, были полностью разбиты. Это было началом краха для европейских стран «оси» Берлин – Рим – Токио, которая в 1943–1944 гг. полностью прекратила свое существование134. Именно поражение гитлеровских войск под Сталинградом вдохновило подъем сопротивления во всех оккупированных Германией странах Европы. Психологический эффект, который это событие произвело на боевой дух войск СССР и его союзников, был просто неоценим. Германия потерпела первое серьезное поражение, и теперь союзникам казалось, что победа непременно будет за ними.

Впоследствии Сталинградскую битву часто называли поворотным моментом войны на Восточном фронте. Под Сталинградом советские войска перехватили стратегическую инициативу и с тех пор больше не упускали ее. После Сталинградской битвы вопрос был уже не в том, могут ли немцы проиграть войну; вопрос был в том, как и когда это произойдет. Если не считать последнюю попытку отыграться под Курском летом 1943 г., с этих пор войска вермахта отступали до самого Берлина.

Современные обозреватели из стран-союзников быстро осознали значение Сталинградской битвы. Британская пресса называла победу советских войск спасением европейской цивилизации135. В своей статье в « *Washington Post* » от 2 февраля 1943 г. Барнет Ноувер сравнивал Сталинградскую битву с величайшими сражениями Первой мировой войны, которые принесли Антанте победу: «Значение Сталинграда в этой войне можно сравнить со значением битвы на Марне, битвы под Верденом и второй битвы на Марне вместе взятых».

В редакторской статье « *New York Times* » от 4 февраля 1943 г. говорилось: «Сталинград стал местом самой трудной и

решительной битвы в этой войне. Развернувшееся там отчаянное сражение, возможно, станет одной из самых значительных битв за долгую историю войн… По своей напряженности, разрушительной силе и трагизму Сталинградской битве нет равных. В ней были задействованы в полной мере силы двух крупнейших в Европе армий, и произойти она могла только в условиях рокового противостояния, охватившего всю землю».

В самом Советском Союзе в то время значение Сталинграда оценивали более сдержанно. Естественно, битву сразу назвали великой победой136, однако на этот раз не было торжествующих заявлений о том, что война выиграна. Советское Верховное командование знало: какой бы великой ни была победа, она не оправдывала его надежд на то, что в результате немецкие войска будут обращены в бегство по всему Восточному фронту. Кроме того, советской армии эта победа досталась дорогой ценой: потери были гораздо более серьезными, чем было объявлено официально. Количество советских солдат, погибших за время южной кампании немецкой армии, составляло порядка 2,5 млн. К этому нужно прибавить колоссальные потери, понесенные в 1941 г., не говоря уже о сотнях тысяч человек, погибших на других участках фронта в 1942 г. Более того, Сталин и Ставка считали, что решающий бой – с группой армий «Центр» – еще впереди. Путь на Берлин лежал по относительно короткой центральной линии, проходившей через Смоленск, Минск и Варшаву. И пока эту дорогу преграждали по-прежнему крепкие немецкие войска, уверенности в победе быть не могло.

Когда наступление весны привело к задержке в осуществлении зимней наступательной кампании 1943 г., Ставка начала обдумывать варианты дальнейших боевых действий. В марте – апреле, после ряда совещаний и консультаций, было принято единое решение о том, что в ближайшее время Красная Армия должна оставаться на оборонительных позициях. По-видимому, на решение Сталина принять оборонительную тактику повлияли три основных фактора. Во-первых, он был разочарован тем, что последовавшие за Сталинградской битвой операции не принесли особенного успеха: на самом деле, на некоторых участках фронта (в частности, под Харьковом) Красная Армия даже была отброшена назад. Во-вторых, у Ставки не было достаточного количества резервов, чтобы сразу начать наступательную операцию.

К 1 марта у Ставки в распоряжении было только четыре резервных армии, хотя к концу месяца их количество выросло до десяти137. В-третьих, несложно было понять, что следующей целью немцев будет выступ в линии обороны советских войск в

районе города Курск, на границе центральной и южной частей фронта. А из этого следовало, что можно подготовиться и отразить атаку немцев, а затем начать контрнаступление. Одним из первых сторонников этой стратегии был Жуков, который 8 апреля написал Сталину: «Противник, понеся большие потери в зимней кампании 42/43 года, видимо, не сумеет создать к весне большие резервы для того, чтобы вновь предпринять наступление для захвата Кавказа и выхода на Волгу с целью глубокого обхода Москвы. Ввиду ограниченности крупных резервов противник вынужден будет… развернуть свои наступательные действия на более узком фронте и решать задачу строго по этапам, имея основной целью кампании захват Москвы.

Исходя из наличия в данный момент группировок против наших Центрального, Воронежского и Юго-Западного фронтов, я считаю, что главные наступательные операции противник развернет против этих трех фронтов, с тем чтобы, разгромив наши войска на этом направлении, получить свободу маневра для обхода Москвы по кратчайшему направлению. Видимо, на первом этапе противник, собрав максимум своих сил… нанесет удар своей орловско-кромской группировкой в обход Курска с северо-востока и белгородско-харьковской группировкой в обход Курска с юго-востока… Переход наших войск в наступление в ближайшие дни с целью упреждения противника считаю нецелесообразным. Лучше будет, если мы измотаем противника на нашей обороне, выбьем его танки, а затем, введя свежие резервы, переходом в общее наступление окончательно добьем основную группировку противника»138.

Подчеркивая угрозу для Москвы и одновременно выступая за развертывание на последнем этапе массированного наступления, Жуков действовал на нужные рычаги, чтобы добиться согласия Сталина. По словам начальника Оперативного управления Генштаба, С.М. Штеменко, Сталин отреагировал на предложение Жукова тем, что изменил своему всегдашнему принципу – «не увлекаться прогнозами за противника»139.

Он приказал послать запрос мнений командующих фронтами, и когда они ответили примерно то же, что и Жуков, он наконец принял решение готовиться к оборонительной битве под Курском. В полном соответствии с этим решением, в приказе по войскам от 1 мая 1943 г. Сталин говорил о необходимости закрепить успехи зимних сражений140.

Предположения о том, что следующей целью вермахта станет Курск, подтверждали донесения разведки о планах и приготовлениях немцев141. Собственно, в течение мая поступало несколько докладов с преждевременными данными о том, что

немцы собираются начать наступление, в связи с чем Ставка неоднократно посылала боевым командирам сигнал боевой готовности. Но атака все не начиналась, и кое-кто в Верховном командовании решил, что ее не будет вовсе, и что Красная Армия должна взять инициативу в свои руки. Одним из сторонников наступления был генерал Ватутин, который в это время снова командовал Воронежским фронтом. «Проспим мы, упустим момент, – якобы говорил он Василевскому. – Противник не наступает, скоро осень и все наши планы сорвутся. Давайте бросим окапываться и начнем первыми. Сил у нас для этого достаточно»142. Жукову и Василевскому удалось убедить Сталина запастись терпением и дождаться наступления немцев, однако Верховного главнокомандующего беспокоил ход оборонительных приготовлений, особенно способность Красной Армии выдержать масштабное наступление танковых частей противника. Еще более напряженной ситуацию делали поступившие в июне сообщения от Черчилля и Рузвельта о том, что в Средиземноморье продолжаются боевые действия и на открытие второго фронта во Франции в 1943 г. рассчитывать нельзя143.

Наступление немцев под Курском началось 4/5 июля144. Они планировали срезать Курский выступ одновременными ударами группы армий «Центр» и обновленной группы армий «Юг». Советские войска, попавшие в окружение в результате маневра, предполагалось уничтожить, а линию обороны немцев сократить и объединить. Фактически немцы планировали стратегическую оборонительную операцию, целью которой было нанести Красной Армии урон, перехватить инициативу в центральном секторе и дать вермахту возможность уцелеть в войне на Восточном фронте – по крайней мере, на некоторое время.

Гитлер направил в бой 18 дивизий пехоты, три моторизованных дивизии и 17 бронетанковых дивизий – в том числе большое количество новых танков «Тигр» и «Пантера», превосходивших по мощности все, что имелось в арсенале советских войск. Наступление немцев продолжалось около недели, и его кульминацией стало масштабное танковое сражение 11–12 июля: величайшее за всю Вторую мировую войну сражение, в результате которого каждая из сторон потеряла сотни танков. То, что Красная Армия выдержала атаку немцев, означало, что оборонительная битва выиграна, и теперь Ставка переключилась на наступление. Немцы были отброшены от Курска, а затем атакованы еще в нескольких местах по линии Восточного фронта. 24 июля Сталин официально заявил, что «немецкий план летнего наступления нужно считать полностью

провалившимся. Тем самым разоблачена легенда о том, что немцы летом в наступлении всегда одерживают успехи, а советские войска вынуждены будто бы находиться в отступлении»145. Вскоре контратаки советских войск переросли в общее наступление. В течение нескольких недель войска вермахта были вынуждены отступить к Днепру по широкому фронту. Одними из первых городов, освобожденных Красной Армией в начале августа, стали Орел и Белгород. Их освобождение было отмечено в Москве салютом из 120 орудий, и это был первый из 300 таких артиллерийских залпов, данных по приказанию Сталина за оставшиеся годы войны. Как пишет Александр Верт, началась эра салютов победы146. В этот же период Сталин стал часто подписывать приказы, в которых отмечал очередную победу советских войск и распоряжался наградить отличившихся командиров. В августе был освобожден Харьков, в сентябре – Смоленск, а в ноябре – Киев. К концу 1943 г. Красная Армия освободила уже половину территории, занятой немцами в 1941–1942 гг. В своей речи в ноябре 1943 г. Сталин подвел итоги военных действий этого года, назвав его «переломным моментом в ходе войны», и это значило, что нацистская Германия теперь стояла перед лицом военной и политической катастрофы.

Сталин и его командование

Главными архитекторами победы в Курской битве были Жуков и Василевский, которые, вместе с Антоновым, заместителем начальника Генштаба, убедили Сталина выждать стратегическую паузу весной 1943 г. Во время Курской битвы Василевскому было поручено координировать действия Воронежского и Юго-Западного фронтов, а Жуков отвечал за Центральный, Брянский и Западный фронты. В то же время Сталин более охотно, чем когда-либо, предоставлял командующим фронтами возможность принимать важнейшие оперативные решения и советовался с ними перед тем, как выбрать курс действий. Например, как пишет Штеменко, Сталин считал, что командующие фронтами во время Курской битвы находились в более выгодном положении, чем Ставка, чтобы судить о том, когда начать переход от оборонительных действий к наступательным147.

Отношения Сталина с его командованием во время Курской битвы были показательны с точки зрения общей трансформации, произошедшей внутри советского Верховного командования в 1942–1943 гг. Часто говорят, что Сталин стал более охотно прислушиваться к советам профессиональных военных и принимать мнение своих генералов. Мораль этой истории – если верить мемуарам Жукова, Василевского и других – в том, что как раз тогда, когда Сталин начал обращать внимание на мнение своего командования, Красная Армия начала побеждать. Эта немного предвзятая картина, нарисованная генералами Сталина, верна лишь отчасти. На самом деле Сталин и до этого выслушивал советы Верховного командования и часто выполнял их. Однако начиная со Сталинградской битвы кое-что изменилось: он стал больше прислушиваться к советам, сами советы стали лучше и он стал тщательнее им следовать. Советским генералам, так же как и Сталину, с самого первого дня войны пришлось усвоить множество уроков, и только горький опыт поражений сделал их хорошими командирами, а его – хорошим Верховным главнокомандующим. Более того, если поражение делает ошибки более очевидными, победа делает их незаметными. После Сталинградской и Курской битв Верховное командование тоже допускало ошибки и терпело поражения, но ни одна из таких ошибок не привела к катастрофическим результатам и не стала историческим событием. Возможно, именно победа больше чем что-либо другое изменила отношения между Сталиным и его генералами и сделала более

сбалансированным взаимодействие его власти и их профессионального опыта. В то же время Сталин по-прежнему осуществлял общее командование и не упускал случая использовать свою власть как в политической, так и в военной сфере.

Впрочем, суть даже не в том, был ли Сталин умнее или глупее своих генералов. Как убедительно продемонстрировал Саймон Себаг-Монтефиоре в своем описании жизни при политическом дворе Сталина148, одним из источников несокрушимой власти советского диктатора была преданность и стабильность круга его приближенных. Начиная с конца 1920-х и до начала 1950-х гг. состав политической группировки сталинистов, которые правили партией и страной, практически не менялся. Ближайшим соратникам Сталина – Молотову, Кагановичу, Ворошилову, Берия, Жданову, Маленкову, Микояну и Хрущеву – он внушал страх и трепет, он управлял и манипулировал ими, но в то же время, он очаровывал их и подкупал вниманием к их личным нуждам и нуждам их семей. Результатом являлась правящая клика из людей, которые вместе прошли через испытания и которые никогда, даже в самых тяжелых обстоятельствах, не думали о том, чтобы изменить Сталину. Во время войны Сталин создал столь же тесный и преданный круг из своих ближайших военных помощников, и для сохранения этого круга использовал по большей части те же методы. Маршал Рокоссовский, например, в своих мемуарах рисует очень лестную картину личных качеств Сталина как руководителя – особенно в сравнении с Жуковым, с которым у Рокоссовского часто были конфликты. Он пишет, что «внимание Верховного Главнокомандующего означало очень многое для тех, кому оно уделялось. А теплый, отеческий тон подбадривал, укреплял уверенность»149. Василевский в своих мемуарах также описывает случай во время битвы за Москву, когда Сталин захотел присвоить ему звание генерала. Он отказался, но попросил повысить в звании некоторых из его помощников. Сталин согласился, и они все получили повышение вместе с Василевским. «Это внимание, проявленное к нам, тронуло нас до глубины души, – пишет Василевский. – Уже говорилось, что И.В. Сталин бывал и вспыльчив, и несдержан в гневе, тем более поразительной была эта забота в условиях крайне тяжелой обстановки». Начальник Оперативного управления Генштаба, генерал Штеменко, в своих мемуарах рассказывает историю, которая показывает, что Сталин мог быть очень обаятельным и озорным. Штеменко после оперативного совещания оставил в кабинете Сталина важные карты. Когда он вернулся, чтобы

забрать их, Сталин притворился, что их нет, и сказал, что они, наверное, потерялись. Штеменко продолжал утверждать, что он, кажется, их забыл, и тут Сталин достал карты со словами «Нате, да впредь не оставляйте… Хорошо, что правду сказали…»150. Впрочем, обычно в общении с Верховным командованием Сталин был вежлив и почтителен. Хотя есть примеры записей, где Сталин разговаривает с командующими фронтами достаточно язвительно, в основном в таких случаях он разговаривал деловито и корректно – даже когда ситуация на фронте была катастрофической – и почти никогда не забывал пожелать своим офицерам удачи в их деле. Кроме того, очевидно, что Сталин почти никогда не наказывал своих командиров только за то, что они потерпели поражение. После чистки Западного фронта под командованием Павлова и генералов военно-воздушных сил в 1941 г. состав советского Верховного командования отличался удивительной стабильностью, несмотря на катастрофические события и близость поражения в 1941–1942 гг. За исключением тех, кто был захвачен в плен или погиб в бою, почти все сталинские генералы оставались в своей должности на протяжении всей войны. Как пишет Дэвид Гланц, «вопреки распространенному мнению… состав командования в Красной Армии был намного более стабильным, а перестановки в нем – значительно менее губительными, чем было принято считать – причем не только после ноября 1942 г., но и в первые полтора года войны. Более того, наибольшей стабильностью отличалось командование фронтов, важнейших армий, танковых и механизированных войск, а также, по большей части, войск поддержки с воздуха, артиллерии и противовоздушной обороны… Что еще более важно, в период наибольшей нестабильности командного состава с 1941 по 1942 г. Сталину все же удавалось выявлять и поощрять наиболее одаренных офицеров, которые в два последние года войны привели Красную Армию к победе… Одним словом, большинство маршалов и генералов, которые вели Красную Армию к победе в мае 1945 г., 22 июня 1941 г., когда началась война, уже занимали ответственные должности в звании генералов или полковников. Удивляет то, как много из них, пройдя в 1941–1942 гг. через школу сражений с вермахтом, стали прославленными командирами победоносной Красной Армии 1945 года»151.

Сталин не снимал генералов с должности, если они были верны ему, дисциплинированы и достаточно компетентны. Первые два качества были обязательными для всех офицеров старшего командного состава Красной Армии: они никогда не дослужились бы до таких чинов, если бы не были преданы

Сталину и партии и готовы защищать советский строй до последней капли крови. Если по этому поводу и могли быть сомнения, они были устранены в результате довоенных чисток и показательного наказания Павлова и других офицеров в 1941 г. К тому, что касалось компетентности, Сталин подходил более лояльно: он охотно давал преданным ему офицерам лишний шанс доказать, на что они способны. Однако и у его терпения были пределы: даже самый верный соратник, если он проявлял полную некомпетентность, мог быть переведен на менее ответственную должность.

Еще более удивительным было то, как в условиях этой строжайшей системы, основанной на преданности и дисциплине, Сталину удалось собрать на высших уровнях командования Красной Армии такое количество талантливых, творческих людей. В значительной мере это объясняется тем, что Сталин всегда придавал большое значение возможности учиться на собственном опыте, экспериментировать и приспосабливаться к изменяющимся обстоятельствам. И Красная Армия времен Великой Отечественной войны была организацией, в которой большую роль играло самосовершенствование. Опыт командования и боевых действий тщательно и методично изучался и передавался путем документирования и обучения. Структура командования и войск Красной Армии постоянно пересматривалась и несколько раз подвергалась реформированию. Например, крупный механизированный корпус, расформированный летом 1941 г., был восстановлен в 1942 г., получив форму танкового корпуса и армий. Были сформированы также воздушные армии. Были образованы «ударные» армии, целью которых было возглавлять наступление, к армиям, дивизиям и подразделениям были прикреплены закаленные в боях отборные части «гвардейцев». В соответствии с изменением обстановки были изменены названия и границы фронтов, и к концу войны обычным явлением стали сложные и слаженные наступательные операции с участием нескольких фронтов. По мере того как война продолжалась, офицеров Красной Армии все более активно побуждали проявлять инициативу и самостоятельно принимать решения – особенно во время наступления. Постоянно пересматривалась и военная доктрина. Приоритетной стратегией оставалась наступательная, однако разработка концепции, подготовка и осуществление наступательных операций теперь проводились гораздо более тщательно. Постоянно предпринимались интенсивные меры по улучшению эффективности пропаганды в вооруженных силах. Конечно, едва ли можно сказать, что инициатором всех этих

новшеств и этого динамичного развития был Сталин, но он руководил всей системой и ее развитием, и без его согласия ничего подобного произойти не могло. Кроме того, именно Сталину Красная Армия обязана еще одним очень важным преимуществом военных лет: он придавал первостепенное значение запасам и резервам. Он называл их одними из «постоянно действующих факторов», которые в конечном итоге должны предопределить исход борьбы с Германией. Неудивительно, что как западные, так и отечественные авторы мемуаров о войне самым выдающимся качеством Сталина как военачальника называют его способность организовать обеспечение Красной Армии материальной частью, необходимой для победы над вермахтом.

Изменение, произошедшее в положении Сталина как военачальника после Сталинградской битвы, было официально выражено присвоением ему в марте 1943 г. звания Маршала Советского Союза. Страна избежала поражения, победа была близка, и теперь можно было смело начать распространение культа личности и в том, что касалось военных действий. С начала 1943 г. в советской прессе все чаще стали появляться статьи, укреплявшие легенду о стратегическом гении Сталина. Впрочем, новое звание было не просто частью пропаганды и политики культа личности. Оно было справедливым отражением улучшения его качеств военачальника и конструктивных отношений, которые сложились у Сталина с его командованием с июня 1941 г. И помимо всего этого, новое звание отражало реальное положение Сталина как верховного главнокомандующего, человека, который играл доминирующую роль в принятии военных решений и был центральным, важнейшим звеном советской военной машины.

Экономические основы победы

Победы, одержанные советскими войсками под Сталинградом и Курском, были обусловлены целым рядом факторов, среди которых были руководство Сталина, хорошее командование, ошибки немцев, патриотический подъем, героизм, жесткая дисциплина и немного удачи. Однако гораздо большее значение, чем все эти факторы, имел потрясающий уровень развития организационно-экономической системы152.

К моменту начала Сталинградской битвы немцы заняли уже половину территории европейской части России – более миллиона квадратных километров территории, на которой проживало 80 млн человек, или 40 % всего населения Советского Союза. Оккупированная территория включала в себя почти 50 % возделываемой земли СССР и 70 % производства чугуна, 60 % производства угля и стали и 40 % электричества. И тем не менее, к концу 1942 г. объем ежегодного выпуска винтовок в СССР увеличился в четыре раза (до почти 6 млн штук) по сравнению с 1941 г., производство танков и артиллерии увеличилось в пять раз – до 24 500 и 287 000 штук в год соответственно. Производство самолетов увеличилось с 8200 до 21 700. Эти достижения свидетельствовали о мобилизационной мощи советской экономики, но вместе с тем – о том, какая потрясающая работа была проделана в 1941–1942 гг. по массовому перенесению промышленного производства в восточную часть СССР. Одним из первых указов военного времени Сталин приказал создать эвакуационный комитет, который летом 1941 г. организовал эвакуацию на восток более чем 1500 крупных предприятий. Вместе с оборудованием и станками были перемещены сотни тысяч рабочих. Для этого потребовались тысячи грузовиков и около 1,5 млн железнодорожных грузовых вагонов. Такие же колоссальные меры, хотя и в меньшем масштабе, были приняты летом 1942 г., когда 150 крупных заводов было эвакуировано из областей по берегам Дона и Волги. Помимо перемещения промышленных предприятий, во время войны было создано 3500 новых заводов, большинство из которых специализировались на производстве вооружения.

Что касается человеческих ресурсов, к концу 1941 г. немцы практически стерли с лица земли имевшуюся изначально в Советском Союзе 5-миллионную Красную Армию. Тем не менее, Советский Союз готовился к войне больше десяти лет, и в стране насчитывалось около 14 млн гражданских лиц с базовой военной подготовкой. Власти сразу после начала войны призвали на

службу 5 млн резервистов, и к концу 1941 г. численность Красной Армии составляла 8 млн. В 1942 г. это количество увеличилось до 11 млн, несмотря на значительные потери, понесенные в этом году. К моменту начала контрнаступления под Сталинградом Красная Армия могла позволить себе направить свежее подкрепление из 90 полностью вооруженных дивизий на выполнение одной только операции «Уран». Нужно отметить, что людские ресурсы Красной Армии включали в себя миллион советских женщин, около половины из которых служили на фронте и выполняли все виды боевых задач наравне с мужчинами.

Имела ли место столь успешная мобилизация человеческих и материальных ресурсов Советского Союза благодаря Сталину или вопреки ему? Можно ли сказать, что отличное снабжение необходимыми для военных действий ресурсами обеспечивала сталинская централизованная, директивная государственная экономика, или такие результаты стали возможными только благодаря децентрализации принятия решений и введению элементов рыночной экономики? Работала ли система плановой экономики как прежде в военное время или от поражения страну спасла возможность импровизировать и проявлять личную инициативу? Могли ли быть достигнуты лучшие результаты при другом строе и под другим руководством? Споры об этом не прекращаются до сих пор, но одно можно сказать наверняка: Сталин мог остановить рост производства или свести на нет рост экономических показателей одним неверным решением. Вместо этого он по большей части доверял вопросы хозяйственного управления в годы войны специалистам по экономике, вмешиваясь только тогда, когда это казалось ему необходимым для достижения приоритетных целей. Обычно его участие сводилось к отстаиванию приоритета снабжения военных – даже если это означало резкое сокращение уровня жизни гражданского населения.

Не меньшие разногласия связаны и с тем, какую роль в военных действиях Советского Союза сыграла помощь Запада. В период с 1941 по 1945 г. западные союзники СССР обеспечивали около 10 % его экономических нужд. Так, США по условиям программы ленд-лиза поставили в СССР 360 000 грузовиков, 43 000 джипов, 2000 локомотивов и 11 000 железнодорожных вагонов – тем самым предоставив Красной Армии преимущество в свободе передвижения над немцами, которым приходилось обходиться перевозками на лошадях. Поставки продовольствия из Канады и Америки в годы войны позволяли обеспечивать продуктами треть советского населения. Австралия поставляла

тысячи овечьих тулупов, благодаря которым красноармейцы не мерзли во время зимних кампаний. Советское правительство время от времени выражало недовольство по поводу того, что Запад не выполняет своих обещаний, и в первые годы войны об этих претензиях было объявлено во всеуслышание на международной арене, но по большей части Советы были благодарны западным державам за поддержку. В прессе сообщалось о договорах на поставки и об отдельных актах помощи с Запада. Ближе к концу войны советские власти начали более открыто рассказывать населению об объемах полученной от союзников помощи153. Большая часть этой помощи поступила после Сталинградской битвы, так что основная ее роль заключалась в том, чтобы облегчить победу, а не в том, чтоб предотвратить поражение. С другой стороны, как отмечает Марк Харрисон, территориальные и экономические потери середины 1942 г. означали, что советская экономика находится на грани краха. Вся оказанная Западом поддержка имела критическое значение – даже минимальная помощь, предоставленная в 1941–1942 гг.154. Не менее важным для поднятия морального духа советских граждан стало заключение политического союза с Западом. Оно означало, что теперь СССР больше не будет противостоять Германии и ее союзникам в одиночку. Антигитлеровская коалиция, как называли ее в Советском Союзе, представляла собой надежду на мирное будущее. В своих выступлениях военного времени Сталин искусно играл на надеждах и ожиданиях народа по поводу того, что принесет мир. В самом деле, после побед в Сталинградской и Курской битвах Сталин понемногу стал забывать собственные опасения и разочарования, связанные с англо-американскими союзниками, и принял идею о том, что для сохранения послевоенного мира должен быть учрежден новый альянс, новый порядок, в формировании которого и управлении которым Советский Союз будет играть критическую роль.

Глава 5 ПОЛИТИКА ВОЙНЫ

Сталин, Черчилль и Рузвельт

С самого начала Сталин рассматривал войну с Гитлером не только как вооруженный конфликт, но и как политическое и дипломатическое состязание. Победа или поражение в войне, равно как и в последовавшем за ней мире, решались не только на поле боя, но и посредством политических альянсов, образованных каждой из сторон. Для Сталина союз с Великобританией и США был не только военной коалицией, но и политическим альянсом. До середины 1943 г. дипломатические усилия Сталина в рамках коалиции были направлены на то, чтобы не дать Гитлеру и антикоммунистическим элементам внутри Великобритании и США расколоть коалицию СССР и Запада. В своем выступлении в ноябре 1941 г. Сталин пространно говорил о том, что Германия стремится запугать британцев и американцев угрозой коммунизма и революции, чтобы втянуть их в антисоветскую коалицию1. В июне 1942 г. Советское информационное бюро (Совинформбюро) передало сообщение о результатах первого года советско-германской войны, в котором наибольший акцент делался на достижениях СССР в предотвращении политической изоляции и образовании коалиции с западными союзниками2. Все важнейшие правительственные сообщения тщательно изучались Сталиным, поэтому не могло быть никаких сомнений в том, что позиция Совинформбюро отражала его собственный взгляд. Однако, как следует из его обмена сообщениями с послом Майским по делу Гесса в октябре 1942 г., Сталин по-прежнему беспокоился, что в случае победы Гитлера в Сталинградской битве британцы решат заключить сепаратный мир с Германией. С этой точки зрения отчаянные попытки советской стороны заставить англичан и американцев открыть второй фронт во Франции преследовали не только военные, но и политические цели: если западные союзники пошлют свои войска участвовать в жестоких боях, то будут вынуждены вести войну против Германии до самого конца. Даже в мрачные дни поражений Сталин был уверен, что война рано или поздно будет выиграна, если только Советский Союз переживет первоначальный натиск немецких войск и если не распадется коалиция с Великобританией и США.

Но рассматривал ли Сталин альтернативный вариант: заключение сепаратного мира между СССР и Германией? О том, что во время войны Сталин стремился склонить Гитлера к мирному договору, ходили самые разные слухи. В одном из таких слухов говорилось о дипломатическом зондировании, проведенном летом 1941 г. через Ивана Стаменова, посла

Болгарии в Москве3. Однако, по словам Павла Судоплатова, работника НКВД, которому было поручено это задание, Стаменов был советским агентом, и целью этого действия было использовать его для проведения дезинформации в гитлеровском лагере4. Говорили также, что Сталин так обеспокоен продвижением немцев к Москве осенью 1941 г., что всерьез подумывает о заключении капитулянтского мира. Впрочем, эта версия не сочеталась с тем, как Сталин вел себя в этой критической ситуации, и с его планами решительной контратаки, которая позволила бы отбросить немцев от столицы5. Как разумно замечает Судоплатов, «Сталин и все руководство чувствовали, что попытка заключить сепаратный мир в этой беспрецедентно тяжелой войне автоматически лишила бы их власти»6. В своей книге «Генералиссимус» русский историк и ветеран войны Владимир Карпов воспроизводит документы, из которых следует, что в начале 1942 г. Сталин стремился заключить сепаратный мир с Гитлером. Один из документов, в котором якобы говорится об этом – подписанное Сталиным и датированное 19 февраля 1942 г. предложение заключить немедленное перемирие и вывести немецкие войска из России, после чего СССР и Германия должны начать совместную войну против «международного еврейства» в лице Англии и США7. Тот факт, что в феврале 1942 г. Сталин рассматривал возможность к концу года полностью разгромить Германию, делает этот документ очевидной и абсурдной фальсификацией.

Все эти теории представляют собой настолько очевидные попытки дискредитировать Сталина и действия Советского Союза в годы войны, что они вообще не заслуживали бы внимания, если бы не тот факт, что на них покупаются иногда даже серьезные ученые. Войтек Мастны, например, в своей классической работе «Путь России к “холодной войне”» пространно рассуждает о том, что в 1942–1943 гг. Сталин обдумывал, как можно наиболее эффективно использовать свои победы под Сталинградом и Курском, чтобы заключить выгодное соглашение с Гитлером8. В своих работах 1970-х гг. Мастны воспроизводит слухи военных лет о том, что летом 1943 г. СССР и Германия вели переговоры о заключении мира на территории нейтральной Швеции. На самом деле, Москва так сильно желала опровергнуть эти слухи, что советское новостное агентство, ТАСС, сделало целых два заявления с опровержением информации о том, что Советский Союз ведет закрытые мирные переговоры с Германией9. На Московской конференции министров иностранных дел в октябре 1943 г. было принято решение сразу делиться информацией о любых предложениях мирных переговоров от гитлеровского

блока. Со своей стороны, Советы были непреклонны в убеждении, что единственным основанием для переговоров с любой державой «Оси» должна быть его безусловная капитуляция. На приеме в честь окончания конференции 30 октября 1943 г. Сталин сказал Авереллу Гарриману, новому послу Америки в Москве, что, по его мнению, британцы и американцы считали, что «Советы собирались заключить сепаратный мир с Германией, но он [Сталин] надеется, что теперь они убедились, что этого не будет»10. В соответствии с заключенным на конференции соглашением, 12 ноября Молотов направил Гарриману меморандум, в котором говорилось, что в советское посольство в Стокгольме обратился человек, назвавшийся представителем группы немецких промышленников, предположительно тесно сотрудничающей с министром иностранных дел Германии, Риббентропом, который выступал за сепаратный мир с Советским Союзом. По словам Молотова, сотрудники советского посольства отвергли его предложение и отказались идти на дальнейший контакт11. Эти слухи о советско-германских мирных переговорах, прошедших в Швеции летом 1943 г., начали вновь обсуждаться в первые годы «холодной войны»12, однако они не подкреплялись убедительными доказательствами, и за прошедшие десятилетия таких доказательств также обнаружено не было. На самом деле, очень маловероятно, чтобы Сталин хотя бы задумывался о таких действиях, когда на горизонте уже видна была победа. Ненамного вероятнее и то, что Сталин рискнул бы прочностью альянса с Великобританией и США ради сепаратного мира с Гитлером, который в прошлом уже доказал свое вероломство. Мог ли советский режим – даже если во главе его стоял Сталин – выдержать внутренние противоречия, которые спровоцировало бы заключение мирного договора с Гитлером?

На самом деле, перемирие с Германией было последнее, о чем мог думать Сталин после Сталинградской и Курской битв. Сталин с окрепшей уверенностью ждал победы, поэтому в отношениях с союзниками его приоритеты начали смещаться с вопросов войны к проблемам послевоенного мира. Сталин начал размышлять о целях Советского Союза в войне и о том, каким будет мир после войны, уже осенью 1941 г.; во время встреч с министром иностранных дел Великобритании Энтони Иденом в этом же году он выступил с предложением обширной программы по урегулированию европейских границ и о поддержании безопасности после войны. Одним из главных его требований было восстановление границ СССР в том виде, который они имели на июнь 1941 г., и об установлении советской сферы влияния в Европе, подразумевавшей создание военных баз в

Финляндии и Румынии. В январе 1942 г. Сталин отдал приказ о создании Комиссии по изданию дипломатических документов – внутреннего комитета наркомата иностранных дел под председательством Молотова. Задачей комитета было изучить весь спектр послевоенных вопросов, касающихся границ, послевоенного экономического и политического строя, поддержания мира и безопасности в Европе. Комиссия провела несколько совещаний и издала ряд материалов и отчетов, однако не достигла значительных результатов13: возможно, потому, что активный интерес Сталина к проблемам послевоенного пространства ослабел с ухудшением ситуации в 1942 г. Однако после Сталинградской битвы, когда победа снова стала реальной возможностью, глава Советского Союза вновь начал интересоваться решением ряда послевоенных проблем. В отличие от 1941–1942 гг., Черчилль и Рузвельт на этот раз также были заинтересованы в достижении конкретных соглашений по послевоенному миру. Сталинградская битва стала сигналом того, что немцы неизбежно потерпят поражение на Восточном фронте и что Советский Союз после войны станет самой мощной державой в континентальной части Европы. Баланс сил сместился к Москве, а Лондон и Вашингтон сделались младшими партнерами по альянсу. Положение Советского Союза еще более упрочила прокатившаяся по странам союзников волна восхищения героизмом, проявленным Красной Армией в Сталинградской битве14. Со своей стороны, Сталин охотно занимался изучением возможности мирного альянса с Великобританией и США. Чем больше Сталин, Черчилль и Рузвельт говорили о мире, тем более вероятным казалось то, что они будут сотрудничать в случае войны. Сталин решил, что гораздо лучше держаться вместе с британцами и американцами после войны, чем ждать, пока они объединятся против него – и не исключено, что к ним в этом случае присоединится возродившаяся после поражения Германия. В рамках послевоенного альянса Советский Союз мог достичь своих целей по безопасности, увеличить свой престиж и получить время, необходимое для того, чтобы залечить раны, нанесенные войной.

Но как такая дипломатическая перспектива соотносилась с коммунистическими политическими и идеологическими взглядами Сталина? Ответом на этот вопрос стало, как это ни удивительно, принятое в мае 1943 г. решение о роспуске Коммунистического интернационала.

Роспуск Коминтерна

Решение о роспуске Коммунистического интернационала (Коминтерна) было принято Сталиным не в одночасье. В апреле 1941 г., после посещения балета в Большом театре, Сталин сказал Димитрову, что, по его мнению, разные коммунистические партии должны стать независимыми от Коминтерна и сконцентрироваться на решении внутригосударственных целей, а не на целях международной революции. Коминтерн, сказал Сталин, был создан в предвкушении международной революции, но в сегодняшних условиях стал помехой для развития национальных коммунистических партий15.

Все, что говорил Сталин – даже если сказано это было экспромтом и в неофициальной обстановке, – обычно воспринималось как руководство к действию, поэтому Димитров и его товарищи из исполнительного комитета Коминтерна начали обсуждать, как реформировать организацию таким образом, чтобы она могла более эффективно поддерживать входящие в нее партии. Впрочем, Сталин больше не упоминал об этом, и если у него и были какие-то конкретные планы, им помешало начало войны в июне 1941 г. К этой идее Сталин вернулся два года спустя и сообщил Димитрову через Молотова, что Коминтерн необходимо ликвидировать16. Исполнительный комитет Коминтерна, как и было положено, вынес на обсуждение вопрос о собственной ликвидации и провел совещания с рядом зарубежных коммунистических партий. На предложение о роспуске организации некоторые отреагировали с сожалением, но явного несогласия никто не выразил; напротив, общей идеей во время обсуждения было то, что роспуск Коминтерна станет для коммунистического движения конструктивным шагом вперед17. 22 мая 1943 г. резолюция о роспуске Коминтерна была опубликована в газете «Правда». В резолюции подчеркивались глубокие различия в историческом развитии разных стран, что обусловливало необходимость использования национальными коммунистическими партиями различных стратегий и тактик. Война лишь обнажила эти различия; к тому же, Коминтерн в последнее время все чаще давал национальным партиям разрешение самим определять свою политику18. К 8 июня резолюция была одобрена 31 национальной секцией, и еще через два дня организация официально прекратила свое существование19.

Сталин активно участвовал во внутреннем обсуждении, в результате которого Коминтерн был распущен; он давал советы

Димитрову по тексту резолюции и по процессу консультирования. Сначала Сталин советовал Димитрову не торопиться, но впоследствии подтолкнул его к тому, чтобы опубликовать резолюцию о роспуске еще до получения ответов от зарубежных коммунистических партий20. 21 мая 1943 г. Сталин созвал редко проводившееся в военное время совещание Политбюро, чтобы обсудить судьбу Коминтерна. В резолюции, принятой на этом совещании, главным мотивом роспуска называлась невозможность руководить действиями всех коммунистов из единого международного центра в военное время, особенно учитывая тот факт, что национальные партии должны были решать очень разные задачи: в некоторых странах они стремились добиться поражения правительства, в других – работали для достижения победы. Еще одним мотивом, как говорилось в резолюции Политбюро, было то, что в результате роспуска Коминтерна враги не смогут больше сказать, что действиями коммунистических партий руководит другое государство21. Текст резолюции, по-видимому, был основан на замечаниях Сталина, сделанных в ходе совещания: если верить дневнику Димитрова, он говорил приблизительно то же самое. Сталин излучал уверенность относительно того, что отмена Коминтерна принесет положительный эффект: «Предпринимаемый шаг, несомненно, усилит компартии как национальные рабочие партии и в то же время укрепит интернационализм народных масс, базой которого является Советский Союз»22. Не менее оптимистичную оценку ситуации Сталин выразил и в заявлении о роспуске Коминтерна, сделанном 28 мая. Отвечая на письменный вопрос от Гарольда Кинга, корреспондента «Рейтер» в Москве, Сталин написал, что роспуск Коммунистического интернационала будет иметь положительный эффект по четырем причинам. Во-первых, он разоблачает гитлеровскую ложь о том, что Москва хочет «большевизировать» другие страны. Во-вторых, он разоблачает клевету о том, что коммунисты работают не в интересах собственного народа, а по приказу извне. В-третьих, он облегчает работу патриотов по объединению прогрессивных сил своей страны, «независимо от их партийности и религиозных убеждений»23. В-четвертых, он облегчает работу по объединению всех свободолюбивых народов в единый международный лагерь, расчищая путь «для организации в будущем содружества народов». Все эти четыре фактора, взятые вместе, заключал Сталин, приведут к дальнейшему укреплению единого фронта союзников в борьбе против Гитлера24.

Но почему Сталин выбрал для роспуска Коминтерна именно этот момент – май 1943 г.? Кажется вполне вероятным, что на

выбор времени повлияло важное политическое событие предыдущего месяца: конфликт вокруг Катыни, который привел к ухудшению дипломатических отношений Советского Союза с польским правительством в Лондоне. Кризис был спровоцирован заявлением Германии, что ее войска обнаружили массовые захоронения тысяч польских военнопленных офицеров в Катынском лесу под Смоленском, который в то время ее был оккупирован вермахтом. Москва ответила заявлением, что это уловка нацистской пропаганды и что это, видимо, сами немцы расстреляли поляков, а не НКВД, как заявлял Берлин. Польское правительство в Лондоне, тем не менее, поддержало предложение Германии провести независимую медицинскую экспертизу захоронений, чтобы определить, что произошло с военнопленными. Русские были в бешенстве; газеты «Правда» и «Известия» вышли с полными злобы передовыми статьями, в которых польское правительство в изгнании называлось приспешником Гитлера25. 21 апреля Сталин отправил Черчиллю и Рузвельту гневные телеграммы, в которых осуждал начатую поляками клеветническую кампанию против СССР26. Через четыре дня были прерваны дипломатические отношения с польским правительством в Лондоне.

За конфликтом вокруг Катыни27 скрывались события 1939–1940 гг. После вторжения Красной Армии в Восточную Польшу в сентябре 1939 г. советскими властями было арестовано несколько сот тысяч польских военнопленных. Многие из этих пленных пробыли под арестом лишь некоторое время, остальные по большей части были освобождены после июня 1941 г. в соответствии с договором о союзничестве между СССР и польским правительством в изгнании. К октябрю 1941 г. из мест лишения свободы вышли около 400 000 польских граждан. Однако более 20 000 офицеров и правительственных чиновников по-прежнему считались пропавшими без вести, и Польша требовала от советских властей предоставить информацию об их местонахождении. Генерал В. Сикорский, премьер-министр Польши, и генерал В. Андерс, командующий польской армией, выросший на советской земле, пытались добиться ответа на этот вопрос у самого Сталина. Однако Сталин утверждал, что не знает ничего о местонахождении военнопленных и что они, наверное, каким-то образом покинули страну.

На самом же деле пропавшие без вести военнопленные были расстреляны НКВД в соответствии с постановлением Политбюро от 5 марта 1940 г.28. Это решение было не только страшным, но и необоснованным, и было очень показательно с точки зрения жестокости сталинского режима. Когда польские военнопленные

только были схвачены, их предполагалось не убить, а поселить отдельно от остального населения на территории недавно присоединенной Западной Белоруссии и Западной Украины и перевоспитать так, чтобы они приняли новый советский порядок, установленный в Восточной Польше. Однако вербовочные работы НКВД в лагерях военнопленных не приносили особых успехов, и советское правительство скоро пришло к выводу, что «буржуазные» военнопленные-офицеры – это непримиримые классовые враги, которых нужно ликвидировать. Соответственно, Берия, комиссар внутренних дел, в начале марта обратился к Политбюро с рекомендацией судить военнопленных в упрощенном порядке и затем казнить. Политбюро не затягивало с решением: советское правительство опасалось, что война с Финляндией перерастет в более масштабный конфликт, и в его контексте строптивые поляки окажутся еще большей проблемой для государственной безопасности. Массовые расстрелы были произведены в марте – апреле 1940 г. не только под Катынью, но и в некоторых других местах в России, Белоруссии и Украине. В то же время семьи казненных военнопленных были депортированы в Казахстан.

Нет никаких доказательств тому, что Сталин впоследствии размышлял об этом ужасном решении, но он наверняка горько сожалел об осложнениях, которые оно спровоцировало. Присланная немцами международная военная комиссия, как и следовало ожидать, определила, что военнопленные были расстреляны НКВД весной 1940 г. Когда Красная Армия освободила Смоленск, Советам пришлось организовать сложную операцию по сокрытию улик, чтобы убедить весь мир в том, что вина за произошедшее лежала на немцах. Среди прочего, советское правительство в январе 1944 г. пригласило на место катынского расстрела группу американских журналистов. Среди приглашенных была Кэтлин Гарриман, дочь Аверелла Гарримана. 28 января 1944 г. Кэтлин написала своей сестре Мэри о поездке в Смоленск: «Катынский лес оказался маленькой убогой сосновой рощицей. Нам показали работу советского врача, крупного человека, который в своей белой фуражке, белом фартуке и резиновых перчатках был похож на шеф-повара. Он с удовольствием продемонстрировал нам куски разрезанного для исследования мозга одного из поляков, аккуратно разложенные на тарелке. Затем нам показали одну за другой каждую из семи могил. Мы увидели, кажется, несколько тысяч тел или частей тел, в разной степени разложившихся, но одинаково скверно пахнущих. (К счастью, я была простужена, и смрад беспокоил меня меньше других.) Часть тел была выкопана немцами весной

1943 года, сразу после того, как они рассказали всему миру свою версию этой истории. Эти тела были уложены аккуратными штабелями от шести до восьми тел в высоту. В остальных могилах тела были свалены, как попало. Все время, что мы были там, люди в военной форме продолжали извлекать из земли тела. Нужно сказать, работа у них была незавидная! Самой интересной деталью и наиболее убедительным доказательством было то, что все поляки были застрелены одним выстрелом в затылок. У некоторых тел руки были связаны за спиной, что опять-таки характерно для немцев. Следующим номером программы было посещение палаток для вскрытия трупов. Здесь было жарко и душно и стоял ужасный запах. На столах было сразу несколько тел, и каждое из них исследовали очень тщательно. Мы присутствовали при вскрытии нескольких трупов… лично я была поражена тем, насколько хорошо они сохранились. У большинства еще сохранились волосы. Даже я без труда смогла узнать внутренние органы, а на бедрах по-прежнему было достаточно много красного плотного мяса… Видишь ли, немцы утверждают, что русские убили этих поляков еще в 40-м году, а русские говорят, что поляки были убиты только осенью 41-го, так что со временем очень большая нестыковка. Немцы распороли у поляков карманы, но некоторые бумаги они пропустили. На моих глазах было обнаружено одно письмо, датированное летом 1941 года, что, клянусь богом, является хорошим доказательством»29.

Еще одним осложнением конфликта вокруг Катыни стал эффект, который он произвел на Коммунистическую партию Польши, или Коммунистическую рабочую партию Польши, как она называлась в то время. Когда разразился кризис, польские коммунисты как раз вели переговоры о создании широкого фронта национального сопротивления немецкой оккупации Польши. Оно подразумевало единство самой партии и польской Армии Крайовой (Отечественной армии), связанной с эмигрантским правительством в Лондоне. Переговоры потерпели крах в конце апреля 1943 г., когда правительство в изгнании потребовало, чтобы польские коммунисты подчинились ему, отказались от удовлетворения территориальных претензий Советского Союза и порвали все связи с Коминтерном30. 7 мая – за день до разговора Молотова с Димитровым о роспуске Коминтерна – Ванда Василевска, одна из ведущих польских коммунистов, встретилась со Сталиным и, очевидно, сообщила о неудавшихся переговорах с Армией Крайовой31. Вполне возможно, именно эти события подтолкнули Сталина ликвидировать Коминтерн – эта мера должна была помочь опровергнуть заявления националистов, что польские

коммунисты – не патриоты, а советские агенты.

Роспуск Коминтерна Сталиным обычно представляют как жест в сторону Великобритании и США32, сигнал о том, что он не стремится после окончания войны устроить в Европе революцию или коммунистический переворот. Вполне возможно, что Сталин действительно хотел произвести впечатление на партнеров по антигитлеровской коалиции своими честными намерениями, но еще более вероятно, что он хотел вернуть себе политическую инициативу после катынского кризиса. Если рассматривать его действия в контексте намечающейся борьбы за политическое влияние в послевоенной Польше (наиболее важной из стран, граничащих с СССР с запада), то сам собой напрашивается еще один, более простой и логичный мотив: целью роспуска Коминтерна было увеличить стратегический вес коммунистического лагеря в Европе. В Польше, как и в других странах Европы, коммунисты пытались добиться влияния и политической власти путем формирования антигитлеровских национальных фронтов, задачей которых было возглавить сопротивление германской оккупации, а после войны – продолжить борьбу за прогрессивный политический строй. Иными словами, коммунисты в странах Европы, как и Советы, должны были превратиться в радикальных патриотов, преданно защищающих как национальные интересы собственной страны, так и интересы мирового пролетариата. К середине войны этот процесс трансформации во многих странах уже шел вовсю – были возрождены коммунистические партии, в основе политики которых была борьба довоенных народных фронтов против фашизма. Поэтому отмена Коминтерна отнюдь не была дипломатической уступкой антигитлеровской коалиции; это был идеологический и политический вызов западным партнерам Советского Союза по коалиции. Сталин был убежденным сторонником сохранения этого партнерства как во время войны, так и после ее окончания, но это не означало, что он верил в возможность или необходимость возвращения к довоенной расстановке сил в европейской политике. На этом этапе Сталин точно не знал, как изменится политическая жизнь Европы в результате войны, однако он понимал, что велика вероятность радикальных изменений, и хотел, чтобы его коммунистические союзники получили возможность использовать любую возможность в политической сфере, когда бы такая возможность им ни представилась.

Итальянский историк Паоло Сприано отмечает еще один важный мотив роспуска Коминтерна33 – теперь авторитет и слава Сталина достигли таких масштабов, что ему уже не нужна была

организация вроде Коминтерна для посредничества в отношениях с международным коммунистическим движением. С этих пор он лично осуществлял руководство стратегией и политикой коммунистических партий, и делал он это в рамках личных встреч с главами зарубежных партий тогда и таким образом, как это было ему нужно. Сталин уже давно играл доминирующую роль в политической и идеологической деятельности международного коммунистического движения, однако его власть в определенной мере уравновешивалась коллективной формой управления Коминтерном и популярностью ряда других лидеров коммунистических партий. Димитров, например, был героем процесса по делу о поджоге Рейхстага в 1933 г.; его считали воплощением проводимой Коминтерном политики антифашистского народного фронта. В личном общении Сталин подавлял Димитрова, но в обществе Димитрова воспринимали как независимую и харизматическую личность – так же, как и других коммунистических лидеров: руководителя французской компартии Мориса Тореза, итальянского коммуниста Пальмиро Тольятти, лидеров британской и американской компартий Эрла Браудера и Гарри Поллитта. Однако успех Советского Союза в войне означал, что отныне колоссальная фигура Сталина отбрасывала тень на все международное коммунистическое движение. В тот день, когда был распущен Коминтерн, международное коммунистическое движение фактически превратилось в партию Сталина.

Хотя Коминтерн прекратил свое существование как организация в июне 1943 г., многие из его организационных элементов продолжали выполнять многие функции, как и прежде. Это в первую очередь касалось тех структур, целью которых было обеспечивать материальную и финансовую поддержку подпольным коммунистическим партиям, ведущим партизанскую борьбу34. Димитров был переведен в только что созданный «отдел международной информации» – один из элементов центрального руководящего аппарата советской коммунистической партии, который после войны был превращен в ее международный отдел. Целью отдела, который возглавил Димитров, было предоставлять информацию и результаты изучения вопросов международного значения в Политбюро и Центральный комитет, а также устанавливать и поддерживать связи с зарубежными коммунистическими партиями. В конце 1944 г. отдел начал выпускать секретный информационный бюллетень «Вопросы внешней политики». Более общедоступная версия информации о позиции Советского Союза по вопросам международных отношений печаталась в журнале «Война и

рабочий класс», который начал выходить дважды в месяц в июне 1943 г. Когда журнал был только учрежден Политбюро, он даже не подвергался официальной процедуре цензуры35. Вместо этого его содержание тщательно отслеживали Сталин и Молотов. В какой-то мере это издание заменило собой периодическое издание Коминтерна «Коммунистический интернационал», но по сути представляло собой вестник народного комиссариата иностранных дел: большинство статей в нем были основаны на внутренних совещаниях и отчетах комиссариата. Статьи из него часто перепечатывались в советской прессе и изданиях зарубежных коммунистических партий и по праву рассматривались как авторитетные заявления о мнении московского правительства по важным международным вопросам и планам строительства послевоенного мира.

Подготовка к миру

Появление журнала «Война и рабочий класс» стало сигналом растущего интереса Сталина к подготовке и планированию послевоенного мира. Летом 1943 г. было решено заменить Комиссию по изданию дипломатических документов двумя новыми комиссиями: Комиссией по вопросам перемирия под руководством маршала Ворошилова и Комиссией по вопросам мирных договоров и послевоенного устройства, возглавленной Литвиновым, который был отозван со своей должности посла в Соединенных Штатах летом 1943 г. Майский, который в это время был в опале из-за провала советской кампании за открытие второго фронта, был вызван из Лондона и назначен председателем Комиссии по репарациям36. Решение Сталина назначить Литвинова главой самой важной комиссии было очень показательным – особенно с учетом давнего личного соперничества между Литвиновым и Молотовым, сменившим его на посту наркома иностранных дел в 1939 г.37. Литвинов был, несомненно, наиболее опытным и компетентным из советских дипломатов, и Сталину были нужны его знания и опыт. Кроме того, Литвинов был ярым сторонником сотрудничества с Великобританией и США и давно призывал Сталина развивать механизмы трехстороннего общения, стремясь к институционализации сотрудничества Советского Союза с Западом. После возвращения из США в мае 1943 г. Литвинов направил Сталину и Молотову длинный доклад на тему «Политика США». В этом документе он утверждал, что СССР должен «принимать участие в американо-англо-советской комиссии по обсуждению общих военно-политических вопросов, связанных с общей борьбой против европейских держав “Оси”». Создание такой комиссии, писал Литвинов, дало бы возможность Советам влиять на стратегические планы Великобритании и Америки и воздействовать на политическое мнение в западных странах38. Предложение Литвинова создать при участии стран-союзников военно-политическую комиссию, похоже, повлияло на ход мыслей Сталина. 2 августа он написал Черчиллю и Рузвельту: «Я считаю, что назрело время для того, чтобы создать военно-политическую комиссию из представителей трех стран… для рассмотрения вопросов о переговорах с различными правительствами, отпадающими от Германии. До сих пор дело обстояло так, что США и Англия сговариваются, а СССР получал информацию о результатах сговора двух держав в качестве третьего пассивного наблюдающего. Должен Вам сказать, что

терпеть дальше такое положение невозможно»39.

Это письмо, спровоцированное вторжением союзных войск на Сицилию и в Италию летом 1943 г., стало первым из целого ряда отправленных Рузвельту и Черчиллю посланий в таком же духе. Муссолини подал в отставку, и новое правительство, возглавляемое монархистом маршалом Бадольо, вело переговоры с Великобританией и США о заключении перемирия. Сталин очень хотел, чтобы Советский Союз тоже принимал участие в переговорах, которые должны были закончиться капитуляцией Италии, и в оккупационном режиме, который будет там установлен. С точки зрения Сталина следовало заключить соглашение, которое дало бы Советскому Союзу влияние на вражеских территориях, оккупированных британцами и американцами, в обмен на сопоставимое по масштабу влияние западных держав на территориях, которые в дальнейшем будут захвачены Красной Армией. Рузвельт и особенно Черчилль придерживались иной точки зрения: они хотели сохранить за собой то, что у них уже было, и настаивали на том, что руководство оккупационным режимом в Италии должны осуществлять их военные командиры на местах. В результате Советский Союз был лишен права голоса в управлении оккупированной Италией. Представители СССР вошли в состав Союзной контрольной комиссии, а в дальнейшем и в состав консультативного совета, однако на деле у них практически не было влияния40. Позиция Великобритании и Америки по вопросу оккупации Италии в итоге обернулась против них самих, так как создала прецедент для создания оккупационных режимов в восточноевропейских странах «Оси», занятых Красной Армией в 1944–1945 гг. Сталин использовал модель, созданную при оккупации Италии, чтобы минимизировать влияние западных держав на территории, оккупированной советскими войсками.

Однако в 1943 г. Сталин и не думал, что ситуация в Италии в итоге обернется ему на пользу, поэтому он прилагал все усилия, чтобы сделать влияние СССР на этот оккупационный режим максимальным. Он направил заместителя наркома иностранных дел, Андрея Вышинского, представителем СССР в консультативном совете по Италии. Однако уже через несколько месяцев Советский Союз решил, что участие в работе тройственных консультативных органов было тратой времени. В марте 1944 г. Сталин решил обойти договоренности между союзниками и первым из лидеров трех держав вступить в фактические дипломатические отношения с правительством Бадольо (которое теперь выступало на стороне союзников и вело борьбу против немцев в Италии). Газета «Правда» вышла с

длинной передовой статьей, в которой признание Советским Союзом правительства Бадольо объяснялось со ссылкой на одностороннюю политику Великобритании и Америки в Италии и называлось мерой, необходимой для усиления борьбы с фашизмом41. Чтобы укрепить свое влияние на правительство Италии, Сталин тут же приказал Тольятти покинуть коммунистическую оппозицию и вступить в коалицию, возглавляемую монархистом Бадольо. Сталин сказал Тольятти: «Существует два лагеря (диктатор Бадольо и антифашистские партии), которые изводят итальянский народ. Это выгодно англичанам, которым бы хотелось, чтобы на Средиземном море была слабая Италия»42. «Коммунисты могут войти в правительство Бадольо с тем, чтобы… активизировать военные выступления против немцев, осуществить демократизацию всей страны и добиться единения итальянского народа. Главное – добиться единства итальянского народа в борьбе с немцами за независимую, сильную Италию»43.

Сталин использовал Коммунистическую партию Италии, чтобы укрепить дипломатическое и геополитическое положение СССР по отношению к Италии, но при этом преследовал и другую цель – увеличить влияние коммунистов в стране, расширив их политическую базу. Сталин без оптимизма относился к перспективе коммунистического переворота в Италии и выступал решительно против любых попыток такого переворота в то время, пока в Европе еще свирепствовали немецкие войска44. Подобной политической и дипломатической стратегии он придерживался и в отношении Франции. В марте 1944 г. французские коммунисты получили указание, что «партия должна действовать как движущая сила нации, выражать ее чаяния как государственная партия, способная убеждать и завоевывать не только собственных сторонников, но и более широкие слои общества»45. Сталин был невысокого мнения о де Голле, однако в октябре 1944 г. вслед за Великобританией и Америкой признал созданный генералом Французский комитет национального освобождения как временное правительство Франции. Во время встречи с лидером коммунистов Морисом Торезом в ноябре 1944 г., незадолго до возвращения последнего в освобожденную Францию, Сталин призывал его поддержать правительство де Голля, найти политических союзников и не позволить коммунистам остаться в изоляции. Он даже предложил изменить название движения Сопротивления во Франции на «Фронт восстановления» и включить в его платформу «восстановление промышленности, предоставление работы безработным, защиту демократии, наказание тех, кто душил демократию»46.

Еще одной причиной, по которой Сталин настаивал на достижении договоренности по поводу оккупационного режима в Италии летом 1943 г., была предстоящая встреча с Рузвельтом и Черчиллем. Рузвельт уже в течение некоторого времени пытался убедить Сталина встретиться с ним и в мае 1943 г. послал в Москву бывшего посла США в Советском Союзе, Джозефа Дэвиса, с нотой, в которой говорилось, где и когда они могут встретиться47. Сталин выразил принципиальное согласие встретиться с Рузвельтом, но не хотел обещать ничего конкретного, потому что ему предстояло еще справиться с летним наступлением немцев под Курском. Дата и место встречи были определены только в сентябре. К тому времени состав встречи был расширен и стал включать в себя Черчилля. Было решено, что министры иностранных дел Америки, Великобритании и СССР встретятся в Москве в октябре 1943 г. в рамках подготовки к конференции «Большой тройки» в Тегеране, запланированной на конец ноября.

Московская конференция министров иностранных дел

В ходе подготовки к московской конференции британская и американская стороны предложили большое количество вопросов для включения в повестку дня48. Британцы хотели обсудить ситуацию в Италии и на Балканах; создание союзнического консультативного аппарата; проблему совместной ответственности в Европе (вместо раздела ответственности); польский вопрос; соглашения между крупными и малыми державами по вопросам послевоенной ситуации; судьбу послевоенной Германии и других стран «Оси»; политику действий по отношению к партизанскому движению в Югославии; формирование временного правительства во Франции; формирование федераций в Восточной Европе; Иран; послевоенное экономическое сотрудничество с СССР. На повестке дня у американцев было создание международной организации по обеспечению безопасности; дальнейшая судьба вражеских государств; послевоенное восстановление; методы исследования политических и экономических проблем, возникающих в ходе войны. В ответ Советский Союз предложил всего один пункт для обсуждения: «мероприятия по сокращению сроков войны против Германии и ее союзников в Европе». Хотя советское правительство было готово обсуждать вопросы, поднятые западными союзниками, оно попросило Великобританию и США повременить с конкретными предложениями. Москва настаивала на том, что конференция должна носить подготовительный характер, и на ней могут обсуждаться только проекты предложений, которые впоследствии будут обсуждаться правительствами трех стран49. Эта реакция Советского Союза на предложения западных союзников по повестке дня отражала мнение Москвы, что целью американцев и британцев было отвлечь внимание от второго фронта и прозондировать отношение СССР к ряду вопросов – в частности, к тому, что касалось будущего Германии50. Позиция, которую СССР занял по предстоящим переговорам, не предвещала ничего хорошего, однако предложения Великобритании и США вынудили СССР более точно сформулировать свое отношение к поднятым вопросам. Комиссариат иностранных дел подготовил большое количество информационных документов и меморандумов, которые составили основу позиции советской стороны на самой конференции51. Большой вклад во внутреннее обсуждение внес

Литвинов, который лично подготовил ряд документов для Молотова. В отличие от предложений некоторых советских специалистов, предложения Литвинова не выходили за рамки трехсторонних отношений. В то же время, это не означало, что он пренебрегал отдельными интересами советской стороны или делал слишком большие уступки западным сторонам. На самом деле, в числе прочего он писал о целесообразности предотвращения вероятных в будущем конфликтов между СССР и Западом путем разделения всего мира на отдельные зоны безопасности в рамках всеобъемлющей международной организации. Другие участники внутреннего обсуждения – особенно те, у кого был опыт работы в Коминтерне, – более подозрительно относились к инициативам Великобритании и США и больше акцентировали внимание на разногласиях СССР и Запада, а не на вопросах, по которым достигнуто согласие. В то же время, никто из них открыто не высказывал сомнений по поводу целесообразности и возможности трехстороннего сотрудничества. Такое единодушие могло исходить только с самой верхушки советской иерархии принятия решений – от Сталина. Этот же энтузиазм по поводу тройственного сотрудничества был характерен и для самой конференции: она стала местом открытого, но очень дружественного обсуждения вопросов, поднятых британцами и американцами. В результате было подписано несколько важных соглашений, значительно выходивших за рамки того, что первоначально предполагалось обсудить на этой встрече, подготовительной к Тегеранской конференции.

Советскую делегацию на совещании, которое проходило в особняке на Спиридоновке, возглавлял Молотов, а его заместителем был Литвинов. Великобританию представлял секретарь иностранных дел Великобритании Энтони Иден, а Соединенные Штаты – госсекретарь Корделл Халл. Сталин на этом совещании не присутствовал, но получал подробную информацию о его ходе от Молотова, Литвинова и других ведущих членов советской делегации52. 18 октября, за день до начала совещания, Сталину был представлен краткий отчет о позиции Советского Союза по разным вопросам, вынесенным на обсуждение53. За время совещания Сталин дважды встречался с Иденом и один раз с Халлом. Он также присутствовал на банкете по поводу закрытия совещания 30 октября.

То, какое значение Сталин придавал этому совещанию, явственно следует из его беседы с Иденом 27 октября. Как и следовало ожидать, Сталин попытался оказать влияние на секретаря иностранных дел по вопросу второго фронта,

подчеркивая, что Советский Союз не сможет больше осуществлять масштабные наступления против немцев, если Гитлер не будет вынужден разделить свои войска, столкнувшись с серьезной угрозой с запада54.

В ходе совещания западные державы в очередной раз подтвердили свою готовность открыть второй фронт во Франции – на этот раз весной 1944 г. Было также достигнуто соглашение о необходимости убедить Турцию вступить в войну с Германией; было обсуждено предложение Советского Союза об открытии союзнических авиабаз на территории нейтральной Швеции. Для Корделла Халла вопросом приоритетного значения было соглашение об учреждении организации, которая могла бы заменить дискредитировавшую себя Лигу Наций. В ходе совещания было подготовлено заявление по этому вопросу. По предложению советской стороны было решено провести дальнейшие трехсторонние переговоры о создании новой организации по обеспечению безопасности. Еще одним важным решением стало принятие предложения Великобритании об учреждении Европейской консультативной комиссии трех держав, которая в первую очередь должна была проанализировать возможные условия перемирия с Германией. Единственным конкретным соглашением по будущему Германии было заявление о том, что Австрия будет отделена от Рейха и снова станет независимым государством. Впрочем, в ходе обсуждения германского вопроса стало ясно, что все три министра иностранных дел одинаково относятся к необходимости демилитаризации, демократизации, денацификации, декартелизации и расчленения Германии. Было также решено, что главных нацистских лидеров нужно судить как военных преступников55.

В коммюнике, выпущенном по окончании совещания, говорилось о готовности трех государств «продолжить теперешнее тесное сотрудничество, установленное для ведения войны, и на период, который последует за окончанием военных действий» и отмечалась «атмосфера взаимного доверия и понимания, характеризующая все работы Конференции»56. Это не было преувеличением в целях пропаганды. Совещание действительно имело несомненный успех и ознаменовало собой начало периода обширного трехстороннего сотрудничества в сфере планирования послевоенного мира. Советская сторона в официальных заявлениях называла совещание предвестником долгого и стабильного мира, гарантированного сотрудничеством «Большой тройки»57. В частном порядке советский Комиссариат иностранных дел сообщил своим дипломатам, что совещание

было «крупным событием в жизни Народного комиссариата иностранных дел», которое «все работники НКИД должны детально изучить… и, если это возможно, вынести предложения по реализации его решений»58. Великобритания и США отзывались о результатах совещания с не меньшим энтузиазмом. Британцы с особенным восторгом говорили о выступлении на совещании Молотова, которое, по всеобщему мнению, было блестящим. В конце совещания Иден даже предложил Молотову быть председателем на всех дальнейших встречах трех министров иностранных дел59. По возвращении в Лондон Иден сказал, обращаясь к Палате общин: «Мне никогда еще не приходилось видеть председателя, который демонстрировал бы большую опытность, терпение и рассудительность, чем господин Молотов, и я должен сказать, что именно его подход к насыщенной и сложной повестке дня в значительной мере был залогом достигнутого нами успеха»60. Халл сказал в обращении к американскому Конгрессу, что заявление об учреждении новой международной организации по безопасности означало, что «больше не будет необходимости в сферах влияния, в союзах, в балансе власти или любых других специальных мерах, посредством которых, в печальном прошлом, страны пытались обеспечивать безопасность или защищать свои интересы»61. Посол Гарриман констатировал, что на совещании была достигнута «почти такая же доверительность, которой отличается наше общение с британцами», а его заместитель в американском посольстве, Чарльз Болен, сказал, что «оно обозначило собой возвращение СССР в состав сообщества наций со всей ответственностью, которое это подразумевало»62.

Свое мнение о совещании Сталин выразил в речи по случаю годовщины революции 6 ноября 1943 г. – к тому времени его ежегодное обращение к народу в этот день стало традиционным событием общественной значимости: в нем формулировались основные принципы военной и внешней политики Советского Союза. В части выступления, озаглавленной «Укрепление антигитлеровской коалиции. Развал фашистского блока» Сталин сказал: «Победа Союзных стран над общим врагом приблизилась, а отношения между союзниками, боевое содружество их армий вопреки ожиданиям врагов не только не ослабели, а, наоборот, окрепли и упрочились. Об этом красноречиво говорят также исторические решения Московской конференции… Теперь наши объединенные страны полны решимости нанести совместные удары по врагу, которые приведут к окончательной победе над ним».

Несмотря на все слова о будущем «Большого альянса»,

вопросом первоочередной важности для Сталина оставалось открытие во Франции второго фронта, которое отвлекло бы на запад значительную часть немецких войск и облегчило путь Советского Союза к победе на Восточном фронте. В своем выступлении Сталин отмечал военные действия союзников в Северной Африке, Средиземноморье и Италии и значение продолжающихся бомбардировок немецких промышленных центров. Он также изо всех сил расхваливал поставки союзников в СССР, отмечая, что они в значительной мере облегчили успехи летней кампании советских войск. Неожиданным выводом из этих рассуждений стало замечание о том, что военные действия союзных войск на юге Европы не могут еще рассматриваться как второй фронт и что открытие настоящего второго фронта в Европе еще более укрепит боевое содружество союзников и ускорит победу над гитлеровской Германией63. Как впоследствии показала Тегеранская конференция, открытие второго фронта оставалось главной целью Сталина в его отношениях с Черчиллем и Рузвельтом. Говорят, что по пути в Тегеран Сталин сказал: «Главный вопрос, который решается сейчас, – будут они помогать нам или нет»64.

Тегеранская конференция

Встреча Сталина с Черчиллем и Рузвельтом состоялась в Тегеране, потому что советское правительство настаивало на выборе такого места, откуда Сталин мог бы поддерживать прямую телефонную и телеграфную связь с Генштабом в Москве. По словам генерала Штеменко, начальника Оперативного управления Генштаба, во время путешествия в Тегеран (поездом до Баку, а оттуда на самолете) он должен был докладывать Сталину о ситуации на фронте три раза в день. Штеменко продолжал информировать Сталина в течение всей конференции, и глава СССР продолжал утверждать военные директивы, которые отправлял ему телеграфом Антонов, заместитель начальника Генштаба65.

Иран с августа 1941 г. был оккупирован британскими и советскими войсками в результате операции, целью которой было свергнуть прогерманское правительство в Тегеране и обезопасить маршруты поставки на юг СССР. К 1943 г. британские и советские войска официально были выведены из столицы Ирана, однако в ней по-прежнему было много солдат союзных войск, и территория советского посольства считалась безопасным местом для проведения конференции. Из соображений безопасности Рузвельт остановился в советском посольстве вместе со Сталиным, а Черчилль жил в британской легации.

О Тегеранской конференции рассказывают много историй: о том, что немцы планировали захватить в заложники или убить трех лидеров; о том, что Советский Союз шпионил за Черчиллем и Рузвельтом; о шпионе в британском посольстве в Анкаре, который передавал в Берлин подробные записи всех обсуждений на конференции66. Однако истинный драматизм этого события заключался в определяющем значении, которое имело все, что там говорилось и решалось, для жизней миллионов людей на многие годы вперед.

Первая встреча Сталина с Рузвельтом в Тегеране состоялась 28 ноября 1943 г. По словам Валентина Бережкова, одного из переводчиков Сталина, встреча проходила в комнате по соседству с главным конференц-залом, и глава Советского Союза очень заботился о том, чтобы при рассадке участников встречи было принято во внимание то, что Рузвельт был в инвалидном кресле67. Так как это была первая встреча Сталина с Рузвельтом, она имела скорее характер неофициальной беседы. Вначале Рузвельт осведомился о ситуации на Восточном фронте и сказал, что хотел бы отвлечь с советско-германского фронта 30–40

вражеских дивизий. Сталин, естественно, был очень доволен этими словами и, в свою очередь, выразил сочувствие по поводу логистических трудностей, которые США испытывали в связи с необходимостью обеспечивать ресурсами войска численностью 2 миллиона человек, находящиеся на расстоянии 4800 км от Американского континента. Рузвельт ответил, что намеревается обсудить со Сталиным вопросы послевоенного периода, в том числе – проблему торговли с Советским Союзом. Сталин сказал, что после войны Россия будет представлять собой большой рынок для США. Рузвельт согласился, отметив, что США потребуется большое количество сырья, которым их может обеспечить только СССР. Затем последовал обмен мнениями по поводу боевых качеств китайской армии: главы государств согласились с тем, что китайцы – хорошие бойцы, однако им мешает плохое руководство лидеров вроде Чан Кайши. Еще большее согласие Сталин и Рузвельт продемонстрировали в обмене мнениями о де Голле и французах. Сталин сказал, что «в политике де Голль – не реалист. Он считает себя представителем настоящей Франции, которую он, конечно, не представляет. Де Голль не понимает, что есть две Франции: символическая Франция, которую он представляет, и реальная Франция, которая помогает немцам – в лице Лаваля, Петена и других. Де Голль не имеет отношения к реальной Франции, которая должна понести наказание за помощь немцам».

Рузвельт придерживался схожих взглядов, и главы государств сошлись во мнении о необходимости изучить положение французских колоний после войны. Сталин также согласился с идеей американской стороны создать «международную комиссию по колониям», однако поддержал слова Рузвельта о том, что лучше не говорить с Черчиллем об Индии, потому что Индия – это больное место британского премьер-министра. На слова Рузвельта о том, что для Индии не подходит парламентская система правления и что ей больше подошло бы что-то вроде советской системы, начиная снизу, а не сверху, Сталин ответил, что «это значит идти по пути революции. В Индии много разных народов и культур. Нет силы или группы, которая могла бы повести за собой страну». Вместе с тем, Сталин согласился с утверждением Рузвельта о том, что люди, стоящие в стороне от вопроса об Индии (такие, как они сами), смогут более объективно смотреть на вещи68.

Взаимопонимание, установившееся между Сталиным и Рузвельтом, сохранялось и во время первого пленарного заседания, состоявшегося в этот же день. Главной темой обсуждения на этой первой встрече «Большой тройки» была

переброска армий через Ла-Манш во Францию, запланированная на 1944 г. Фактически Сталин и Рузвельт объединились против Черчилля и постарались убедить его в том, что операция «Оверлорд», как она была названа, должна стать приоритетным направлением в военных действиях Англии и Америки в 1944 г. Встав в дискуссиях на сторону Рузвельта, Сталин знал из донесений разведки о том, что Великобритания и Америка давно спорят о том, чему должно быть отдано предпочтение: операции «Оверлорд» или продолжающимся боевым действиям в Средиземноморье. Хотя в принципе Черчилль был согласен на осуществление операции «Оверлорд», он сомневался в целесообразности переброски армий через Ла-Манш на хорошо укрепленный французский берег и выступал за то, чтобы атаковать «мягкое брюхо "Оси"»69. Поддержав операцию «Оверлорд», а не предлагаемую Черчиллем стратегию действий в Средиземноморье, в основе которых должны были лежать операции в Италии и на Балканах, Сталин преследовал целью добиться осуществления давних планов Советского Союза об открытии второго фронта во Франции. Он хотел положить конец нерешительности западных держав по этому вопросу. В ходе заседания Сталин сделал еще одно важное заявление: о том, что после капитуляции Германии Советский Союз намерен вступить в войну против Японии на Дальнем Востоке. Для американской стороны это не было сюрпризом, поскольку Сталин уже упоминал об этих намерениях в разговоре с Гарриманом и Халлом во время московского совещания министров иностранных дел. И все же это было очень серьезное обязательство, которого Рузвельт ждал от Советского Союза еще со времен Перл-Харбора70.

Вечером во время трехстороннего ужина Сталин особенно много говорил о послевоенной судьбе Германии. По словам Болена, который на Тегеранской конференции выполнял роль переводчика американской стороны, «маршал Сталин, по-видимому, считает все предложенные президентом и Черчиллем меры для покорения Германии и установления контроля над ней недостаточными… Он, очевидно, не верил в возможность исправления немецкого народа и с горечью говорил о позиции немецких рабочих в войне против Советского Союза… Он сказал, что Гитлер очень способный, но не умный и недостаточно культурный человек и примитивно подходит к политическим и другим проблемам. Он не согласился с мнением президента, что Гитлер умственно неуравновешенный, и подчеркнул, что только очень способный человек мог добиться того, чего добился Гитлер в деле сплочения немецкого народа, независимо от того, что мы думаем о методах, применяемых им».

Сталин также подверг сомнению целесообразность принципа безоговорочной капитуляции, предложенного Рузвельтом в январе 1943 г. и впоследствии принятого им самим и Черчиллем. Он заявил, что этот принцип может привести к сплочению немецкого народа против союзников71. После ужина Сталин продолжил беседу по германскому вопросу с Черчиллем. Он сообщил Черчиллю, что «считает, что Германия имеет все возможности для того, чтобы восстановиться после этой войны, и может начать новую войну через относительно короткий срок. Он опасается немецкого национализма. После Версаля мир, казалось, был гарантирован, однако Германия оправилась очень быстро. Поэтому мы должны учредить сильную организацию, чтобы удержать Германию от новой войны. Он убежден, что она оправится от войны». Когда Черчилль спросил, как скоро Германия сможет восстановиться, Сталин ответил, что ей потребуется всего 15–20 лет. Сталин согласился с Черчиллем в том, что главная задача – обезопасить мир от Германии по крайней мере на 50 лет, но заметил, что не считает предложенные премьер-министром меры – разоружение, экономический контроль и территориальные изменения – достаточными. Судя по дальнейшей дискуссии на Тегеранской конференции и по рассказам об этом разговоре, Сталин возражал против концепции Черчилля в отношении того, как нужно поступать с Германией, главным образом из-за того, что ему казались недостаточно жесткими ограниченные меры по расчленению Германии: они должны были состоять в отделении Пруссии от остальной территории страны. Черчилль также поднял в разговоре со Сталиным польский вопрос, однако Сталин был немногословен и лишь дал понять, что он готов обсуждать границы послевоенной Польши – в том числе возможность приобретения Польшей части территории Германии72.

Перед вторым пленарным заседанием, 29 ноября, Сталин снова встретился с Рузвельтом. Главной темой этого разговора были планы Рузвельта по учреждению послевоенной международной организации по обеспечению безопасности. Сталин уже был знаком со взглядами президента, поскольку в середине 1942 г. Рузвельт уже знакомил Молотова со своей идеей о том, что крупнейшие державы должны создать что-то вроде международной полиции, предназначенной для поддержания мира. Услышав о предложении Рузвельта, Сталин 1 июня 1942 г. дал Молотову телеграмму в Вашингтон: «Соображения Рузвельта на счет охраны мира после войны совершенно правильны. Не может быть сомнения, что без создания объединенной вооруженной силы Англии, США, СССР, способной предупредить

агрессию, невозможно сохранить мир в будущем… Заяви немедля Рузвельту, что [он] совершенно прав и его позиция получит полную поддержку со стороны Советского правительства»73. На Тегеранской конференции Рузвельт в общих чертах представил Сталину свой план создания международной организации, включающей в себя три компонента: общую организацию всех «объединенных наций», исполнительный комитет из 10–11 стран и «полицейский комитет», включающий в себя страны «Большой тройки» плюс Китай. Сталин заметил (имея в виду роль, отведенную Китаю), что малые страны Европы будут недовольны такого рода организацией, и предложил вместо этого создать две организации: одну – европейскую, а вторую – дальневосточную. Рузвельт заметил, что это предложение до некоторой степени совпадает с предложением Черчилля, однако добавил, что Конгресс США никогда не согласился бы на членство в исключительно европейской организации. Сталин спросил, послали бы Соединенные Штаты войска в Европу в случае создания мировой организации? Не обязательно, ответил Рузвельт: в случае возникновения агрессии в Европе, Соединенные Штаты могли бы предоставить свои самолеты и суда, а ввести войска в Европу могли бы Англия и Россия. Рузвельт спросил, что Сталин думает по этому поводу, и глава СССР начал с замечания о том, что во время обеда предыдущим вечером Черчилль сказал, что Германия не сможет скоро восстановиться после войны. Сталин был с этим не согласен. Он считал, что Германия сможет восстановиться уже через 15–20 лет и сможет начать новую агрессию. Чтобы предотвратить эту агрессию, крупнейшие державы должны иметь возможность занять наиболее важные стратегические пункты в Германии и вокруг нее. То же самое касается Японии, и новая международная организация должна иметь право занимать стратегически важные пункты. Рузвельт ответил, что «согласен с маршалом Сталиным на сто процентов»74.

Тому, что на Тегеранской конференции Сталин проявлял такую обеспокоенность германским вопросом, была очень важная, хотя и не всем известная, причина. Народный комиссариат иностранных дел незадолго до начала конференции приступил к серьезной работе по планированию послевоенного будущего Германии. Главной идеей этих планов была долгосрочная военная оккупация Германии союзными войсками и расчленение немецкого государства. В то же время Советы были обеспокоены возможными требованиями немцев о воссоздании страны и необходимостью долгосрочного поддержания Германии в ослабленном состоянии. Идея Сталина о готовности занять

стратегически важные пункты была естественным и логичным продолжением проходивших внутри советского правительства дискуссий по германскому вопросу75.

Беседа Сталина с Рузвельтом была прервана в связи с необходимостью присутствовать на церемонии передачи «меча Сталинграда» – дара от короля Георга VI жителям города-героя. Как обычно в таких случаях, оркестр исполнял «Интернационал», который в то время еще оставался государственным гимном Советского Союза, и «Боже, храни короля». После того как советский вождь и британский премьер-министр обменялись любезностями по поводу англо-советских отношений, Сталин принял от Черчилля меч, поцеловал его и передал Ворошилову, который чуть его не уронил – об этой детали в западной прессе не сообщалось.

На втором пленарном заседании было продолжено обсуждение операции «Оверлорд». Сталин оказывал давление на Черчилля по ряду связанных с операцией вопросов: таких, как дата вторжения во Францию (советская сторона хотела знать, на что конкретно она может рассчитывать, чтобы исходя из этого планировать свои действия); назначение верховного командующего действиями англо-американских войск (без чего, по мнению Сталина, планы не могли приобрести реальную перспективу); соотношение между операцией «Оверлорд» и другими военными действиями, которые планировали западные державы. Резкий тон, в котором проходила дискуссия с Черчиллем во время этого заседания, наиболее явно очевиден в язвительном замечании Сталина о том, что он хотел бы узнать у англичан, верят ли они в операцию «Оверлорд» или они просто говорят о ней для того, чтобы успокоить русских»76. На следующий день, 30 ноября, Черчилль провел двухстороннюю встречу со Сталиным. Он продолжал проявлять нерешительность по поводу операции «Оверлорд», утверждая, что он не уверен, может ли операция быть успешной при наличии во Франции значительного количества немецких войск. Сталин, однако, настаивал на том, что Красная Армия рассчитывает на вторжение союзных войск в Северную Францию и что ему нужно знать, состоится операция или нет. Если операция состоится, то Красная Армия могла бы осуществить сразу несколько ударов по врагу, чтобы немцы оставались связанными на Восточном фронте77. Во время последовавшего за этим разговором трехстороннего завтрака Рузвельт объявил, что операция «Оверлорд» намечена на май 1944 года и будет проведена при поддержке десанта в Южной Франции. Как только решение по второму фронту наконец было таким образом закреплено, общение Сталина с Черчиллем сразу

приняло более дружелюбный тон. Черчилль начал разговор, сказав, что России необходимо иметь выход к незамерзающим портам. Сталин, воспользовавшись этим случаем, поднял вопрос о том, что Турция контролирует проливы в Черном море, и о необходимости пересмотреть режим проливов в пользу России. Сталин также упомянул и о необходимости обеспечить России выход к незамерзающим портам на Дальнем Востоке (в том числе к портам Далянь и Порт-Артур в Маньчжурии, арендованным царской Россией в XIX веке, но отданным Японии после поражения в русско-японской войне 1904–1905 гг.). Черчилль в ответ на это повторил, что «Россия должна иметь выход в теплые моря», а затем добавил, что «управление миром должно быть сосредоточено в руках наций, которые полностью удовлетворены и не имеют никаких претензий… три наших страны являются именно такими странами. После того как мы договоримся между собой, мы сможем считать, что мы полностью удовлетворены, а это самое главное»78.

Дружеская беседа по разным политическим вопросам продолжалась весь следующий день. За завтраком главы государств долго обсуждали любимое детище Черчилля – план вовлечения Турции в войну на стороне союзников. Сталин отзывался об этом плане скептически, однако пообещал, что Советский Союз объявит войну Болгарии, если вступление Турции в войну приведет к возникновению болгаро-турецкого конфликта. Это очень обрадовало Черчилля, и он поблагодарил Сталина за это обещание. В разговоре о Финляндии Черчилль выразил сочувствие и понимание нужд СССР в том, что касается безопасности Ленинграда, но вместе с тем выразил надежду на то, что Финляндия не будет после войны подчинена России. Сталин ответил, что верит в независимую Финляндию, однако считает, что все же должны иметь место территориальные изменения в пользу Советского Союза и что финны должны будут выплатить репарации за ущерб от войны. Черчилль напомнил Сталину о лозунге большевиков: «Мир без аннексий и контрибуций», однако Сталин язвительно ответил: «Я же говорил Вам, что становлюсь консерватором».

После завтрака, на официальном пленарном заседании, было быстро достигнуто соглашение по поводу распределения итальянского торгового и военно-морского флота. Черчилль и Рузвельт пообещали передать корабли Сталину как можно быстрее. Следующий пункт обсуждения был более неоднозначным: Польша. Черчилль и Рузвельт вынесли на обсуждение со Сталиным вопрос о восстановлении отношений СССР с польским правительством в изгнании в Лондоне. Сталин

был непреклонен в отношении того, что это не произойдет, пока польское эмигрантское правительство продолжает сотрудничать с немцами. Относительно территориального вопроса Сталин поддержал идею о том, что Польше должен быть компенсирован ущерб за счет Германии, однако он настаивал на том, что восточная граница должна проходить по линии, установленной в 1939 г., т. е. таким образом, чтобы Западная Белоруссия и Западная Украина отходили к территории СССР. Когда Иден высказал мысль о том, что это означает раздел территории по «линии Молотова – Риббентропа», Сталин сказал, что он может называть это так, как ему угодно. Тут вмешался Молотов, сказав, что они говорят о «линии Керзона» и что между этнографической границей, предложенной секретарем иностранных дел Великобритании лордом Керзоном, и русско-польской границей, предлагаемой советской стороной, нет принципиальной разницы. Сталин, однако, добавил, что любая территория восточнее линии Керзона, на которой большинство населения составляют этнические поляки, может быть отдана Польше.

Последней темой, которую обсуждала «Большая тройка» на Тегеранской конференции, стало расчленение Германии. «Германский вопрос» поднял Рузвельт, и Сталин спросил его, какие предложения имеются по этому поводу. «Расчленение Германии», – ответил Рузвельт. «Именно этого мы и хотим», – вставил Сталин. Черчилль также сказал, что он выступает за отделение провинций от Германии, но затем объяснил, что, по его мнению, Пруссию надо держать в более жестких рамках, чем остальную часть страны, и что он выступает за создание дунайской конфедерации южных провинций Германии – главным образом, чтобы предвосхитить будущие требования о воссоединении Германии. Согласно британскому варианту записи обсуждения, Сталин считал, что гораздо лучше разбить и раскидать германские племена. Конечно, они захотят объединиться, как бы сильно они не были раздроблены. Они всегда будут стремиться к воссоединению. В этом он усматривал большую опасность, которую необходимо будет нейтрализовать рядом экономических мероприятий и в конечном счете, если понадобится, силой. Это единственный способ сохранить мир. Однако, если мы создадим какую-то большую комбинацию и включим в нее немцев, неизбежно возникнут неприятности. Мы должны проследить за тем, чтобы держать их отдельно и чтобы Венгрия и Германия не объединялись. Нет никаких способов не допустить движения к воссоединению. Немцы всегда будут стремиться воссоединиться и взять реванш. Мы должны быть достаточно сильными, чтобы разбить их, если они когда-либо

развяжут новую войну.

Черчилль спросил, предпочитает ли Сталин Европу, состоящую из малых разрозненных государств. Сталин ответил, что не Европу, а только Германию. Рузвельт сказал, что Германия представляла собой меньше всего опасности, когда была разделена на 107 княжеств, однако Черчилль продолжал настаивать на том, что пяти или шести крупных частей будет достаточно. Сталин повторил, что «Германия должна быть раздроблена любой ценой так, чтобы она не могла воссоединиться», и предложил передать этот вопрос в трехстороннюю Европейскую консультативную комиссию, созданную во время московского совещания, чтобы проанализировать условия капитуляции и оккупации.

В самом конце конференции Черчилль вернулся к вопросу о границах Польши и выдвинул официальное предложение о том, что они должны проходить по линии Керзона на востоке и вдоль реки Одер на западе. Сталин сказал: «Русские не имеют незамерзающих портов на Балтийском море. Поэтому русским нужны были бы незамерзающие порты Кенигсберг и Мемель и соответствующая часть территории Восточной Пруссии… Если англичане согласны на передачу нам указанной территории, то мы будем согласны с формулой, предложенной Черчиллем». Черчилль сказал, что обязательно изучит это очень интересное предложение79.

7 декабря 1943 г. было официально объявлено о том, что в Тегеране состоялась встреча «Большой тройки», в прессе стран-союзников была опубликована знаменитая фотография Черчилля, Рузвельта и Сталина, сидящих перед зданием конференции. В коммюнике от имени трех глав государств говорилось: «Мы выражаем нашу решимость в том, что наши страны будут работать совместно как во время войны, так и в последующее мирное время. Что касается войны, представители наших военных штабов участвовали в наших переговорах за круглым столом, и мы согласовали наши планы уничтожения германских вооруженных сил. Мы пришли к полному соглашению относительно масштаба и сроков операций, которые будут предприняты с востока, запада и юга… Что касается мирного времени, то мы уверены, что существующее между нами согласие обеспечит прочный мир… Мы прибыли сюда с надеждой и решимостью. Мы уезжаем отсюда действительно друзьями по духу и цели»80.

Советская пресса освещала результаты Тегеранской конференции в гораздо более хвалебном тоне, чем результаты московского совещания. Газета «Известия» писала, что решения,

принятые на Тегеранской конференции, имели «историческое значение для судьбы всего мира», а «Правда» – что декларация участников конференции «была вестником не только победы, но и продолжительного и стабильного мира»81. Сталин лично позаботился о том, чтобы заголовок сообщения ТАСС о Тегеранской конференции был изменен с нейтрального «Конференция глав правительств Советского Союза, США и Великобритании» на «Конференция лидеров трех союзных держав»82.

10 декабря для Сталина был подготовлен отчет, в котором подводились итоги обсуждения в Тегеране. Секретари Сталина всегда очень тщательно подходили к составлению стенограммы разговоров, и предоставленный отчет довольно точно отражал официальные записи советской стороны. В то же время, сделанные Сталиным от руки поправки и комментарии показывают, что он очень внимательно прочитал этот документ и, следовательно, его можно использовать как свидетельство его мыслей по поводу того, что он говорил и какие обязательства принял на себя во время Тегеранской конференции.

В отношении предложения Черчилля по поводу границ Польши в отчете несколько раз повторяется, что Сталин согласился принять его при условии соглашения о передаче СССР Мемеля и Кенигсберга. По турецкому вопросу в документе цитируются слова Сталина о том, что «такая большая страна, как Россия, не должна быть запертой в Черном море», и что «необходимо облегчить режим проливов». В отношении взглядов Сталина на расчленение Германии в документе говорилось: «Товарищ Сталин заявил, что в отношении цели ослабления Германии советское правительство предпочитает расчленить ее. Товарищ Сталин положительно одобрил план Рузвельта, однако не определил количество государств, на которое следует разделить Германию». Он выступил против плана Черчилля о создании нежизнеспособных объединений государств вроде дунайской федерации и высказался за то, чтобы Венгрия и Австрия были самостоятельными государствами.

В отношении послевоенной международной организации по обеспечению безопасности в документе кратко формулировалось мнение Рузвельта и упоминалось встречное предложение Сталина по созданию двух организаций – одной для Европы и еще одной для Дальнего Востока. Сталин внес изменения в эту часть отчета, указав, что он не возражал против предложения Рузвельта83. Краткое изложение его мнения по стратегически важным пунктам Сталин оставил в первоначальном виде: «Товарищ Сталин отметил, что создания такой организации самого по себе

недостаточно. Необходимо создать организацию с правом занимать стратегически важные пункты, чтобы не дать Германии и Японии начать новую агрессию»84.

Сталин, Черчилль и Рузвельт

Черчилля сопровождал в поездке в Тегеран фельдмаршал Алан Брук, начальник Имперского Генерального штаба. Брук дал следующую оценку поведению Сталина на Тегеранской конференции: «Ни в одном из своих высказываний Сталин не допустил стратегической ошибки, всегда быстро и безошибочно схватывая особенности ситуации»85. По мнению адмирала Кинга, главнокомандующего ВМС США, «Сталин точно знал, чего он хочет, когда приехал в Тегеран, и он этого добился»86. Брук также отметил, что «Сталин держал президента под своим влиянием»87. Сам Рузвельт считал Сталина остроумным, сообразительным человеком с тонким чувством юмора, а также называл его человеком, высеченным из гранита. Гарри Гопкинсу президент рассказал, что Сталин оказался гораздо более жестким, чем он ожидал, однако он все же надеется, что руководителя СССР можно склонить к мирному сотрудничеству после войны, если уделить должное внимание правам и претензиям России88. Черчилль был более осторожен в своих суждениях, но даже он в январе 1944 г. писал о «новом доверии, которое появилось в наших сердцах по отношению к Сталину»89.

Для Сталина самым важным результатом Тегеранской конференции было достигнутое согласие по операции «Оверлорд». Он уже не рассматривал второй фронт во Франции как жизненно важную необходимость, однако было не менее важно, чтобы его западные союзники разделили с ним бремя наземных военных действий против Германии. Если бы Советский Союз был так ослаблен войной, что не смог бы достичь мира, такая победа стала бы поистине пирровой победой. Присутствие англо-американских войск на континенте также соответствовало планам Сталина о длительной военной оккупации Германии союзными войсками с целью подавления ее военной мощи. По германскому вопросу Рузвельт сходился со Сталиным во мнении, что нужен карательный мир, подразумевающий радикальное расчленение страны. У Черчилля были возражения, однако даже он согласился с тем, что для предотвращения восстановления мощи Германии нужны жесткие меры. Что касается польского вопроса, Сталин с одобрением воспринял готовность Черчилля и Рузвельта сдвинуть границы Польши на запад, потому что это позволило бы официально закрепить советско-польскую границу, установленную в рамках советско-германского пакта. Предложенная Рузвельтом концепция международной безопасности предполагала, что СССР будет играть важную роль в

управлении послевоенным миром, в то время как замечания Черчилля по отношению к правам России на выход к тепловодным портам позволяли надеяться на благоприятные изменения в режиме Черноморских проливов. В личном плане Сталину удалось установить хорошие рабочие отношения с Рузвельтом. В общении с Черчиллем у него были некоторые трения, однако к концу конференции в межличностных отношениях было восстановлено согласие.

Но что Сталин на самом деле думал о Черчилле и Рузвельте? Как и в других вопросах, касающихся сокровенных размышлений Сталина, здесь сложно избежать ухода в сферу предположений и догадок, так как сам Сталин почти не выдавал своих мыслей. В обществе Черчилля и Рузвельта Сталин казался необыкновенно откровенным в разговоре как на личные, так и на политические темы, однако, как отмечает Сприано, он «искусно вовлекал своих собеседников в доверительные отношения». Такой же манерой общения характеризовались и его многочисленные встречи с другими западными политическими деятелями. С другой стороны, Черчилль и Рузвельт были единственными за все время войны собеседниками, которые могли общаться со Сталиным хотя бы примерно на равных. Наверное, для Сталина было большим облегчением для разнообразия пообщаться с людьми, обладающими такой же властью и значением – при условии, что они относились к нему с уважением и что он мог получить от них то, что хотел. Конечно, Сталина отделяла от Черчилля и Рузвельта огромная пропасть идеологических убеждений. Однако и это различие на самом деле было не таким большим, как это могло показаться на первых взгляд. Советская пропаганда представляла Черчилля и особенно Рузвельта как представителей прогрессивной части правящего класса, как руководителей, которые искренне хотели действовать сообща с Советским Союзом не только в военное, но и в мирное время. Конечно, при выборе политического курса Черчилль и Рузвельт преследовали собственные цели, однако в марксистской вселенной Сталина вся политическая жизнь по определению основывалась на объективных или субъективных материальных интересах. Для Сталина на первом месте была его идеологическая и политическая деятельность, и именно с этих позиций он определял свое отношение ко всем остальным. Это не означало, что чисто личностные отношения были для него несущественными. Вся политическая жизнь Советского Союза, и в том числе действия Сталина, определялась индивидуальными и групповыми отношениями доверия, лояльности и дружбы. Сталин искренне верил в роль великих людей в историческом процессе. В

интервью в 1913 г. он утверждал, что великие люди – это люди, которые умеют правильно понять новые условия и понять, как их изменить90. В том же интервью он скромно отрицал любое сходство между его ролью в истории России и ролью Петра I или великого Ленина, однако несложно догадаться, что как и Гитлер, Сталин считал себя избранником судьбы. В то же время, в отличие от Гитлера, Сталин не был эгоцентристом и был готов разделить место на пьедестале истории с двумя другими избранниками судьбы – Черчиллем и Рузвельтом, но если только это соответствовало его целям и интересам.

Две недели спустя после Тегеранской конференции Чарльз Болен дал следующее определение новых целей Советского Союза в войне, которое впоследствии очень широко цитировалось: «Германия будет расколота и останется расколотой. Государствам Восточной и Юго-Восточной и Центральной Европы не дадут объединиться в какие бы то ни было федерации или ассоциации. Франция будет лишена колоний и стратегических баз за пределами ее территории и не получит возможности поддерживать сколько-нибудь весомой военной системы. Польша и Италия сохранят за собой примерно такие же территории, как теперь, однако едва ли той или другой будет дана возможность содержать сколько-нибудь значимые вооруженные силы. В результате Советский Союз станет единственной выдающейся военно-политической силой на европейском континенте. Остальная часть Европы будет приведена к военно-политическому бессилию»91.

Оценка Болена была вполне справедливой, однако он преувеличивал стремление Сталина добиться в результате военных действий чего-то большего, чем восстановить границы СССР в том виде, который они имели в 1941 г. В то же время, Болен не учитывал очень важный компонент концепции Сталина: цели Советского Союза должны были быть достигнуты в сотрудничестве с Черчиллем и Рузвельтом, и их помощь должна была быть компенсирована осуществлением целей Великобритании и Америки в их сферах интересов. Новые цели, поставленные Сталиным, носили не только стратегический, но и политический и идеологический характер. Европа, в которой вождь СССР намеревался играть доминирующую роль, должна была представлять собой континент, преобразованный в результате социально-экономических потрясений и распространения коммунизма. Сталин был всерьез намерен поддерживать отношения, установившиеся между участниками «большого альянса», в течение неопределенного срока, однако эта цель противоречила его новой концепции радикальных

преобразований в европейской политической жизни. Сам Сталин не видел противоречия между сохранением в мирное время «большого альянса» и началом перехода всей Европы к социализму и коммунизму, однако эти взгляды не разделяли Черчилль и Рузвельт. В их концепции послевоенного мира ведущую роль играла идея об установлении во всей Европе капитализма – на демократической основе и в соответствии со стратегическими и экономическими интересами Великобритании и Америки. Пока продолжала бушевать война, эти фундаментальные противоречия между концепцией развития СССР и западных держав могли быть прикрыты рассуждениями об объединении усилий в борьбе с фашизмом. Однако по мере того, как приближалась победа, трения и противоречия внутри коалиции СССР и Запада начинали усиливаться, ставя под сомнение приверженность Сталина идее сохранения «большого альянса» в мирное время.

Глава 6 ТРИУМФ И ТРАГЕДИЯ

Год сталинских побед

В анналы советской истории 1944 год вошел как год «десяти великих побед». Авторство этой героической интерпретации событий принадлежит Сталину, который первым использовал выражение «десять сокрушительных ударов» по врагу, подводя итоги военным действиям 1944 г. в своей речи, посвященной 27-й годовщине Октябрьской революции. Эта речь – хороший пример того, как Сталин в своих выступлениях военного времени использовал метод повествовательного изложения: он обычно представлял ход войны в форме последовательного рассказа о сражениях и операциях. В данном случае речь шла о следующих событиях:

...

1. Снятие блокады Ленинграда (январь)

2. Окружение немецких войск на юго-западе Украины и вход Красной Армии в Румынию (февраль – март)

3. Освобождение Одессы и поражение немецких войск в Крыму (апрель – май)

4. Поражение финских войск под Выборгом (именно это событие подготовило почву для капитуляции Финляндии в сентябре 1944 г.) (июнь)

5. Освобождение Белоруссии (июнь – июль)

6. Вход советских войск в Польшу (июль)

7. Освобождение Румынии и Болгарии (август – сентябрь)

8. Освобождение Латвии и Эстонии (сентябрь)

9. Освобождение Белграда и вход советских войск в Венгрию и Чехословакию (октябрь)

10. Поражение немецких войск в Северной Финляндии и Северной

Норвегии (октябрь)

Речь Сталина не была просто перечислением военных успехов Красной Армии; она стала сигналом возобновления прокоммунистического направления советской пропаганды. В предыдущих выступлениях – особенно в речах ноября 1941 г. – Сталин говорил об отечественной войне против Германии в неразрывной связи с традицией защиты родины в русской истории. На этот раз он сделал особый акцент на том, что «социалистический строй, порожденный Октябрьской революцией, дал нашему народу и нашей армии великую и непреоборимую силу». Говоря о подвигах советского народа, он говорил не о русских людях или о других этнических группах, а оперировал традиционными для большевизма классовыми категориями рабочих, крестьян и интеллигенции. Каждый класс, по его словам, играл отдельную значимую роль в военной борьбе: рабочие трудились в промышленности, крестьяне – на земле, а интеллигенция – в идеологической и организационной сфере. В то же время Сталин соединял классовые и этнические аспекты военной борьбы в определении советского патриотизма: «Сила советского патриотизма состоит в том, что он имеет своей основой не расовые или националистические предрассудки, а глубокую преданность и верность народа своей советской Родине, братское содружество трудящихся всех наций нашей страны. В советском патриотизме гармонически сочетаются национальные традиции народов и общие жизненные интересы всех трудящихся Советского Союза. Советский патриотизм не разъединяет, а, наоборот, сплачивает все нации и народности нашей страны в единую братскую семью».

Еще одним важным аспектом речи ноябрьского выступления Сталина было пространное рассуждение о важности сохранения «большого альянса» после окончания войны. «В основе союза СССР, Великобритании и США лежат не случайные и преходящие мотивы, – говорил Сталин, – а жизненно важные и длительные интересы». После победы в войне альянс столкнется с проблемой того, как сделать «невозможным возникновение новой агрессии и новой войны, если не навсегда, то, по крайней мере, в течение длительного периода времени». Опасность новой войны была связана с тем, что, как показывала история, Германия неизбежно оправится от поражения через 20–30 лет и будет представлять угрозу новой агрессии. Единственным способ отвратить эту угрозу, по словам Сталина, было создать международную организацию по безопасности, в распоряжении которой будут вооруженные силы, необходимые для того, чтобы поддержать мир

и предотвратить любую угрозу войны со стороны агрессивно настроенных государств. Основу этой новой организации должны составить великие державы, которые вынесли бремя войны с Германией и которые, следовательно, должны сохранять свое единство и продолжать сотрудничество в послевоенный период1.

Конференция в Думбартон-Оксе

Слова Сталина о необходимости найти эффективную замену Лиге Наций были реакцией на результаты конференции, прошедшей в Думбартон-Оксе в августе – сентябре 1944 г. Конференция была созвана для дальнейшего обсуждения планов по созданию международной организации по безопасности, о котором было заявлено на московском совещании министров иностранных дел в октябре 1943 г. Советская сторона начала приготовления к конференции в Думбартон-Оксе еще в начале 1944 г. Изначально ключевую роль во внутреннем обсуждении этого вопроса в советском правительстве играл Литвинов. Как председатель Комиссии по подготовке мирных договоров и послевоенного устройства, Литвинов подготовил для своего непосредственного начальника Молотова ряд отчетов, в которых отзывался о предложениях Великобритании и США по обеспечению послевоенной безопасности и выдвигал собственную концепцию новой международной организации. Литвинов считал, что во главе организации должен стоять комитет из крупных держав, опирающийся в своей работе на принципы единогласного принятия решений и несущий ответственность за обеспечение международного мира и безопасности. Особенно важно было, по мнению Литвинова, чтобы деятельность этого комитета регулировалась рядом двусторонних соглашений и обязательств между крупными державами. Литвинов аргументировал это тем, что, как показывал опыт Лиги Наций, крупные державы более охотно будут руководствоваться частными соглашениями друг с другом, нежели придерживаться общих обязательств по обеспечению коллективной безопасности. Литвинов также выступал за создание ряда региональных вспомогательных организаций, определяющих структуру и форму раздела мира на отдельные зоны ответственности крупных держав в обеспечении безопасности. Фактически предложенная Литвиновым концепция послевоенной безопасности представляла собой американо-британско-советский кондоминиум, разделение мира на сферы влияния крупных держав. Литвинов намеревался сформировать сферы влияния, которые облегчили бы поддержание мира и безопасности за счет наделения Великобритании, США и СССР властью и ответственностью в соответствующих зонах влияния. Раздел, при котором каждой из крупных держав отводилась бы определенная сфера деятельности, позволил бы, по мнению Литвинова, развести пересекающиеся и потенциально ведущие к конфликтам интересы Великобритании, Соединенных Штатов и

Советского Союза2.

Идеи Литвинова сыграли значительную роль в формировании позиции советской стороны на конференции в Думбартон-Оксе, однако его наиболее радикальное предложение – о том, что в основе новой организации должен лежать раздел всего мира на сферы влияния крупных держав – не фигурировало в указаниях, полученных советской делегацией. Советское руководство также с осторожностью восприняло идею о создании региональных вспомогательных организаций, вместо этого заявив, что вопрос требует дальнейшего обсуждения3. Причины этого обозначил в своем выступлении на внутреннем обсуждении в советском правительстве Яков Малик, посол СССР в Японии: главная проблема с разделом мира на зоны ответственности заключалась в том, что такой раздел мог привести к исключению СССР из участия в делах на Дальнем Востоке. Далее Малик указывал на то, что при учреждении региональных организаций Великобритания имела бы право на участие сразу в четырех регионах (Европе, Азии, Африке и Америке), а США – в трех (Европе, Азии и Америке), в то время как СССР мог бы претендовать на участие только в двух (Европе и Азии)4.

Естественно, последнее слово в этих дискуссиях было за Сталиным, и в конце июля – начале августа Молотов представил ему серию докладных записок, вкратце описывающих позицию, которую советская делегация должна принять на конференции в Думбартон-Оксе5. Одной из наиболее интересных деталей в этих докладных записках Молотова Сталину было изменение позиции Советского Союза по вопросу членства Франции в организации, которая впоследствии стала Советом Безопасности ООН. На раннем этапе во внутренней советской документации Франция не называлась в числе членов совета крупных держав – только Китай, Великобритания, США и СССР. Однако в итоговой директиве советского правительства делегации на конференцию в Думбартон-Оксе Франция упоминалась в числе членов будущего Совета Безопасности. В народном комиссариате иностранных дел шли продолжительные дебаты по вопросу будущего положения Франции как одной из крупнейших держав. Некоторые, как и Литвинов, выступали за ослабление Франции и за создание послевоенного альянса СССР и Великобритании; другие выступали за восстановление Франции как державы, способной быть противовесом Великобритании. Вполне вероятно, что изменение отношения советской стороны к членству Франции в Совете Безопасности отражало изменчивую ситуацию в этой внутренней дискуссии. Однако Сталину Молотов объяснил это только необходимостью поддержать американцев, которые

изменили свое отношение и согласились оставить место в Совете Безопасности для Франции6.

Советскую делегацию в Думбартон-Оксе возглавлял Андрей Громыко, сменивший Литвинова в должности посла в США летом 1943 г. Ситуация вокруг ее поездки на конференцию осложнялась тем, что Советский Союз намеревался начать военные действия на Дальнем Востоке. Москва не хотела ставить под угрозу свой нейтралитет, вступая в официальные переговоры с участием Китая, который вел войну с Японией и не имел отношения к европейскому театру военных действий. Единственным решением было провести конференцию в два этапа. На первом и наиболее важном этапе (с 21 августа по 28 сентября 1944 г.) американская, британская и советская делегации обсудили создание послевоенной организации по безопасности. После отъезда советской делегации 28 августа к англичанам и американцам присоединилась китайская делегация для отдельной, хотя и имеющей явно второстепенное значение, дискуссии7.

Как и все конференции военных лет, конференция в Думбартон-Оксе проводилась тайно, однако неизбежные утечки информации в прессу все же имели место. Во многих отношениях конференция была успешной, и на ней союзники пришли к согласию в вопросе структуры организации, которой было суждено стать Организацией Объединенных Наций8. Достижению полного и окончательного консенсуса, однако, препятствовали два спорных момента. Первый – вопрос о том, кто должен входить в число членов-основателей организации. Советская делегация хотела, чтобы членство ограничивалось государствами, которые во время войны сражались в составе коалиции Объединенных Наций, и выступали против предоставления членства в ООН нейтральным государствам, многие из которых, по мнению Москвы, помогали странам «Оси» и подстрекали их к военным действиям. Второй – вопрос единства великих держав в том, что касалось действий в целях обеспечения коллективной безопасности. Советы настаивали на том, чтобы все решения Совета Безопасности принимались великими державами единогласно. Как говорилось во внутреннем отчете советской делегации на конференции в Думбартон-Оксе, вопрос о праве великих держав накладывать вето на решения Совета Безопасности «был одним из наиболее сложных вопросов, обсуждавшихся на конференции». Громыко ясно дал понять британской и американской делегациям, что Советы не согласятся участвовать в учредительной конференции ООН, пока этот вопрос не будет разрешен9. Англичане и американцы придерживались позиции, что единогласие должно быть

обязательным условием принятия любого решения, однако ни одна из великих держав не должна обладать правом вето, если она имеет непосредственную заинтересованность в предмете спора. Ближе к концу конференции Рузвельт обратился к Сталину с просьбой пойти на эту уступку, однако глава СССР был непреклонен и настаивал на абсолютном и последовательном проведении принципа единогласия, который, по его словам, имел ключевое значение для сохранения единства великих держав, необходимого для предотвращения потенциальной агрессии10.

Из-за того, что окончательное согласие по этим спорным вопросам так и не было достигнуто, конференция в Думбартон-Оксе окончилась на немного пессимистичной ноте, и в прессе появились слухи о разногласиях между странами-союзниками. Сталин прямо обратил внимание на эти слухи в своем выступлении в ноябре 1944 г.: «Говорят о разногласиях между тремя державами по некоторым вопросам безопасности. Разногласия, конечно, есть, и они будут еще также и по ряду других вопросов. Разногласия бывают даже среди людей одной и той же партии. Тем более они должны иметь место среди представителей различных государств и различных партий. Удивляться надо не тому, что существуют разногласия, а тому, что их так мало и что они, как правило, разрешаются почти каждый раз в духе единства и согласованности действий трех великих держав. Дело не в разногласиях, а в том, что разногласия не выходят за рамки допустимого интересами единства трех великих держав»11.

В неофициальной обстановке Сталин говорил практически то же самое. 9 ноября во время дискуссии с членами контролируемого коммунистами Польского комитета национального освобождения он сказал: «Альянс трех держав основан на компромиссе, в котором участвуют с одной стороны капиталистические державы, а с другой стороны – СССР. Это было источником некоторых расхождений в целях и взглядах. Они, впрочем, второстепенны по сравнению с фундаментальным вопросом войны с Германией и установления новых отношений в Европе. Как любой компромисс, альянс также включал в себя определенные конфликтные области. [Но]… не было никаких угроз для самой сущности альянса. Что касается отдельных текущих событий, у каждого из союзников была своя точка зрения»12.

За год, прошедший со времени Тегеранской конференции, приверженность Сталина идее «большого альянса» не ослабела. Он по-прежнему считал, что очертания послевоенного мира должны определяться в рамках трехсторонних переговоров между

Великобританией, СССР и США. В основе этой приверженности лежали опасения Сталина по поводу возможного восстановления военной мощи Германии после войны. Хотя в 1944 г. в Москве все чаще и чаще слышались залпы салюта победы, сражения на советско-германском фронте не утратили своей ожесточенности; ни одна победа не далась Красной Армии легко. Как отмечает Александр Верт, «победы Красной Армии в 1944 г. были выдающимися, но лишь очень немногие из них оказались легкими»13. Красная Армия одерживала верх в войне и постепенно продвигалась к Берлину, однако потери в рядах советской армии и среди мирных граждан не сокращались. По мере приближения конца войны долгосрочное существование «большого альянса» становилось не менее, а еще более важным, учитывая, что Советскому Союзу для восстановления был необходим продолжительный период мира.

Операция «Багратион»

Крупнейшей операцией советских войск 1944 г. стала операция «Багратион», названная Сталиным в честь героя войны с Наполеоном, грузина по происхождению. Планировалось окружить и уничтожить группу армий «Центр» – последнюю уцелевшую крупную группировку войск вермахта на Восточном фронте – и прогнать немцев из Белоруссии. Планирование советской летней кампании 1944 г. шло уже в начале года, и к середине апреля Генштаб выработал основную стратегию: начать кампанию по освобождению оставшейся четверти территории СССР, которая до сих пор оставалась оккупированной немцами14. Эта цель была заявлена Сталиным в его приказе по войскам от 1 мая 1944 г.: «Дело состоит теперь в том, чтобы очистить от фашистских захватчиков всю нашу землю и восстановить государственные границы Советского Союза по всей линии, от Черного моря до Баренцева моря»15.

Как обычно, окончательному принятию плана боевых действий 31 мая 1944 г. предшествовали обширные совещания с фронтовыми командирами. В планах у советского командования было сложное наступление против группы армий «Центр» по нескольким направлениям. Основная ударная сила включала в себя 1-й, 2-й и 3-й Белорусские фронты и 1-й Украинский фронт. Численность этих фронтов составляла 2,4 миллиона человек, 5200 танков, 36 000 артиллерийских орудий и 5300 единиц военной авиации. Численное превосходство над немцами составляло два к одному по личному составу, четыре к одному по авиации и артиллерии16. Вспомогательная роль в операции отводилась Ленинградскому и Балтийскому фронтам, которые должны были связать группу армий «Север», а в качестве второстепенной задачи – выбить из военных действий Финляндию. Операция должна была начаться с продвижения Ленинградского фронта в направлении Выборга в начале июня. За ним должно было последовать неожиданное наступление в Белоруссии, а затем – продвижение войск 1-го Украинского фронта в направлении Львова с целью предотвратить перебрасывание вражеских войск с юга в центральный сектор.

Планирование операции «Багратион» было тщательно согласовано с подготовкой англо-американских войск к открытию долгожданного второго фронта во Франции. Советское командование было осведомлено о том, что приблизительная дата высадки союзнических войск запланирована на начало апреля. 18 апреля Сталин телеграфировал Рузвельту и Черчиллю:

«Как мы договорились в Тегеране, Красная Армия предпримет к тому же сроку свое новое наступление, чтобы оказать максимальную поддержку англо-американским операциям»17. Со времен Тегеранской конференции обмен данными разведки стран-союзников по поводу боевого построения войск и военной техники вермахта стал гораздо более интенсивным – особенно в том, что касалось оборонительных сооружений. Советский Союз и Великобритания также в тесном сотрудничестве разработали обманный план, целью которого было убедить немцев, что англо-советские войска готовят вторжение в Норвегию18. Эта ложная операция, получившая кодовое название «Телохранитель», была частью тщательно спланированной и весьма удачной кампании Советского Союза по маскировке, целью которой было отвлечь внимание немцев от готовящейся операции в Белоруссии. 6 июня 1944 г., когда была начата операция «Оверлорд», Сталин телеграфировал Черчиллю и Рузвельту свои поздравления и сообщил им, что, в соответствии с решениями, принятыми на Тегеранской конференции, советские войска вскоре начнут крупное наступление на «на одном из важных участков фронта»19. В официальных выступлениях Сталин горячо приветствовал открытие второго фронта. Вторжение во Францию, как сказал Сталин в интервью газете «Правда» 13 июня, – «блестящий успех наших союзников. Нельзя не признать, что история войн не знает другого подобного предприятия по широте замысла, грандиозности масштабов и мастерству выполнения… История отметит это дело, как достижение высшего порядка»20.

Белоруссия была главным центром деятельности советских партизан против немцев, и летом 1944 г. было организовано около 200 подразделений численностью до 140 000 партизан, которые действовали в тылу войск вермахта. 19–20 июня партизаны нанесли серию ударов по системам связи противника, штаб-квартирам и аэродромам. Также они выступали в роли наводчиков массированных бомбардировок немецких войск 21–22 июня. Основное наземное наступление советских войск было начато 23 июня и оказалось крайне успешным. Атаковав врага по линии фронта протяженностью 800 км, войска Красной Армии прорвали оборону группы армий «Центр» и сошлись кольцом вокруг Минска. В начале июля советские войска отвоевали столицу Белоруссии, взяв в окружение к востоку от города 100 000 немецких солдат. Для немецкой армии это стало горьким поражением, с точностью до наоборот повторившим поражение Красной Армии под Минском в июне 1941 г. Вильнюс, столица Литвы, был освобожден 13 июля, а в середине июля 1-й Украинский фронт под командованием маршала Конева начал

наступление к столице Западной Украины, Львову, который был сдан Красной Армии 27 июля.

В период с 22 июня по 4 июля группа армий «Центр» потеряла 25 дивизий и более 300 000 человек личного состава, а в последовавшие за этим несколько недель – еще 100 000 человек21. К концу июля группа армий уже не была способна вести сколько-нибудь эффективные боевые действия. Впрочем, уничтожение группы армий «Центр» далось Советскому Союзу дорогой ценой. Четыре основных фронта, участвовавших в операции «Багратион», за время кампании по освобождению Белоруссии потеряли три четверти миллиона человек22. Несмотря на это, масштабность победы советских войск не вызывала сомнений. К концу операции Белоруссия и Западная Украина были снова в руках СССР, Финляндия была готова к капитуляции, Красная Армия прошла вглубь Прибалтики, а на юге продвигалась к Белграду, Бухаресту и Будапешту. Джон Эриксон даже утверждал, что «когда советские войска разбили группу армий «Центр», это была величайшая военная победа на Восточном фронте. Для немецкой армии, сражавшейся на восточном фронте, это была катастрофа невероятного масштаба, даже более серьезная, чем поражение под Сталинградом»23. Символом успеха советских войск под Сталинградом стали знаменитые кадры того, как сдается в плен командир 6-й армии фельдмаршал Фридрих Паулюс. В случае с операцией «Багратион» символом капитуляции немецкой армии стали кадры, на которых 57 000 немецких военнопленных во главе с генералами проходят строем по улицам Москвы 17 июля 1944 г.

Своим масштабом победа советских войск была обязана во многом ослабленному состоянию вермахта к середине 1944 г. и решительному численному преимуществу Красной Армии как по численности личного состава, так и по материальному снабжению. Благодаря этому Советы получили возможность подготовить и осуществить наступление, не опасаясь поражения или даже мощного контрнаступления. Немаловажную роль в успехах, достигнутых советскими войсками в 1944 г., сыграла и помощь западных союзников. В своем обращении по случаю праздника 1 мая Сталин отдал должное Соединенным Штатам Америки и Великобритании, которые «держат фронт в Италии против немцев и отвлекают от нас значительную часть немецких войск, снабжают нас весьма ценным стратегическим сырьем и вооружением, подвергают систематической бомбардировке военные объекты Германии и подрывают, таким образом, военную мощь последней». 11 июня ТАСС обнародовало заявление, в котором указывались объемы поставок оружия, сырья,

промышленного оборудования и провианта в Советский Союз из Великобритании, Канады и США24. О поставках союзников в СССР также говорилось в сообщении Совинформбюро, посвященном третьей годовщине начала советско-германской войны25. В своем выступлении в ноябре 1944 г. Сталин говорил, что открытие второго фронта во Франции позволило отвлечь целых 75 немецких дивизий и что без такой поддержки Красная Армия не смогла бы «в такой короткий срок сломить сопротивление немецких войск и вышибить их из пределов Советского Союза»26.

Операция «Багратион» наглядно продемонстрировала, каких новых высот достигло советское командование в искусстве стратегического планирования. К 1944 г. Сталин и Ставка окончательно усвоили урок, заключавшийся в том, что войну нельзя выиграть одним махом и что нужно концентрироваться на достижении одной стратегической цели за один раз. Сталин особенно ревностно следил за тем, чтобы приоритетное внимание уделялось операции «Багратион». Как пишет Василевский, «Верховный постоянно обращал наше внимание на подготовку этой операции»27. К 1944 г. Сталин научился более реалистично смотреть на то, чего может добиться его армия, и усвоил, что если ставить перед наступательной операцией изначально более скромные цели, то это в конечном итоге принесет свои плоды. При подготовке операции «Багратион» перед фронтами ставилась задача продвинуться вперед не более чем на 80 км, основная идея заключалась в том, что лучше более прочно занять небольшую территорию, если при этом немцы будут взяты в плотное кольцо28. Секретом безупречного осуществления операции «Багратион» были скоординированные действия всех фронтов. Для достижения такой слаженности Жуков был назначен координировать действия 1-го и 2-го Белорусских фронтов, а Василевский – 1-го Балтийского и 3-го Белорусского фронтов. Позже Жуков и Василевский получили разрешение не только координировать, но и командовать боевыми действиями этих фронтов29. В отличие от самых безнадежных периодов войны, теперь процесс планирования и подготовки операции отличался относительной гармонией в отношениях между Сталиным и его командованием и между Ставкой и фронтовыми командирами. Вечные разногласия по поводу стратегии и тактики и неизбежное недовольство по поводу распределения ресурсов отошли на задний план перед общей целью. В этом отношении участие Сталина в формировании и осуществлении операции «Багратион» было более сдержанным и более спокойным, чем прежде. Хотя последнее слово по всем стратегически важным решениям всегда

оставалось за Сталиным, он научился доверять своему верховному командованию во многих оперативных вопросах и концентрировать собственные силы на поддержании боевого духа войск, вопросах снабжения и деятельности политработников в Красной Армии. Такая сплоченность в сочетании с распределением обязанностей в руководстве боевыми действиями также означала, что теперь Сталин мог уделить больше времени некоторым насущным политическим проблемам, касающимся «большого альянса».

Варшавское восстание30

Целью операции «Багратион» было освободить Белоруссию, однако в результате сокрушительного поражения группы армий «Центр» и быстрого продвижения Красной Армии советские войска прошли к границам Восточной Пруссии и на территорию Центральной и Южной Польши. К концу июля войска Красной Армии подошли с нескольких направлений к столице Польше, Варшаве. В связи с глубоким проникновением Красной Армии на запад вставал вопрос о дальнейшем направлении наступления с учетом того, что территория Белоруссии уже была освобождена. 19 июля Жуков предложил Сталину ряд операций с целью занять Восточную Пруссию или, по крайней мере, отрезать ее от основной части Германии. Предложения Жукова наряду с другими идеями были обсуждены на совещании Ставки со Сталиным 27 июля. На совещании было решено, что взятие Восточной Пруссии будет нелегким делом – по крайней мере, без основательной подготовки. Взятие Варшавы выглядело гораздо более перспективным предприятием, и было принято решение пересечь реку Висла в нескольких местах и сконцентрировать главный удар советских войск на столице Польши31. Самая почетная роль в варшавской кампании, которую ожидалось провести в начале августа, отводилась 1-й Польской армии. Эта армия была сформирована в июле 1943 г. из числа польских граждан, депортированных в СССР в 1939–1940 гг. Ее командование было настроено прокоммунистически, многие офицеры были русскими. К июлю 1944 г. численность 1-й Польской армии, входившей в состав 1-го Белорусского фронта под командованием Рокоссовского, составляла около 20 000 человек. Ее задачей было переправиться через Вислу немного южнее Варшавы.

Планы советского командования, однако, очень быстро обернулись неудачей, когда Красная Армия столкнулась с упорным сопротивлением немецких войск в районе Варшавы. Вермахт потерпел поражение, но не был сломлен, и немцы быстро восстановили мощь группы армий «Центр», перебросив дивизии с других участков Восточного фронта и из Западной Европы. Варшава располагалась на пути к Берлину, и для немцев была стратегически важным рубежом обороны. Пока немцы укрепляли оборону, наступление Красной Армии начало терять обороты. Советские войска были измотаны, линии снабжения войск теперь растягивались на сотни километров; советская авиация из-за необходимости передислокации на аэродромы передового

базирования на время прекратила боевые действия и тем самым позволила люфтваффе перехватить инициативу в воздухе. Тем не менее, Советам удалось захватить ряд плацдармов на западном берегу Вислы и выйти к Праге – предместью Варшавы, расположенному на восточном берегу реки. В то же время, Красная Армия не смогла удержать передовые позиции и была вынуждена отступить из Праги после того, как советская 2-я танковая армия понесла тяжелые потери, ввязавшись в бой с шестью немецкими дивизиями, из которых пять были бронетанковыми. Серьезный ущерб был нанесен и 1-й Польской армии в ходе безуспешных попыток пересечь Вислу и занять плацдарм на ее западном берегу.

Возглавляли варшавскую операцию Жуков, координировавший боевые действия на этом участке фронта, и Рокоссовский, командующий 1-м Белорусским фронтом. 6 августа они доложили Сталину, что в районе Варшавы сконцентрированы сильные подразделения вражеских войск, в связи с чем необходимо ввести в бой резервные дивизии32. 8 августа Жуков и Рокоссовский представили Сталину подробный план взятия Варшавы. Предполагалось укрепить оборону флангов, удержать существующие плацдармы на западном берегу Вислы и обеспечить подкрепление 1-го Белорусского фронта. Начать операцию рассчитывали 25 августа33. Сталин одобрил план, однако враг начал контрнаступление в районе Варшавы, а это значило, что советские войска смогут начать штурм города не раньше середины сентября. Наступательные операции местного масштаба велись весь август и начало сентября34, но, как и до этого, все попытки Красной Армии перебросить войска через Вислу и начать продвижение на Варшаву сталкивались с упорным сопротивлением немцев. В начале октября наступление советских войск было прекращено, и Красная Армия возобновила боевые действия в районе Варшавы лишь в январе 1945 г.

Советское командование рассчитывало на быстрое и легкое взятие столицы Польши. Когда этого не произошло, оно перегруппировало войска и приготовилось к новому штурму города. На этот раз советская армия тоже не сомневалась в успехе, однако подготовка к наступлению заняла гораздо больше времени, чем ожидалось, и к тому времени, когда оно, наконец, было начато, немцы успели еще больше окопаться на подступах к Варшаве.

Эта картина целенаправленных, хотя и безуспешных, попыток советской армии отвоевать Варшаву летом 1944 г. противоречит другой, альтернативной версии событий: о том, что, когда Красная Армия подошла к Висле, наступление намеренно было

приостановлено, чтобы дать немцам время подавить народное восстание в городе35. Это восстание, начавшееся 1 августа, было организовано командованием польской Армии Крайовой, подпольного вооруженного формирования, действовавшего под руководством польского правительства в лондонском изгнании. Как и советское правительство, польские партизаны считали, что Варшава будет сразу сдана Красной Армии. Целью восстания было освободить город от немцев и перехватить контроль над городом до того, как в него войдет Красная Армия36.

Среди многочисленных погрешностей этой версии – то, что Красная Армия ни на одном из этапов добровольно не ослабляла попыток захватить Варшаву. Кроме того, сторонники этой версии не учитывают, что вермахт очень быстро оправился после поражения в Белоруссии и что Красная Армия столкнулась с большими трудностями в ходе своего длительного наступления. Что касается мотивов и расчетов Сталина, заявления о том, что он бездействовал, пока немцы беспощадно разделывались с Армией Крайовой, совершенно неуместны. Напротив, начало восстания еще больше укрепило Сталина в решимости захватить Варшаву как можно быстрее. 1 августа, когда началось восстание, Сталин не имел представления о том, что оно потерпит поражение; наоборот, пошатнувшееся положение немцев позволяло надеяться на его успех. Сталин быстро осознал, что восстание носит антисоветскую направленность и что теперь необходимость как можно быстрее взять контроль над Варшавой в свои руки стала еще более настоятельной. Можно предположить, что Сталин опасался вооруженного конфликта с Армией Крайовой и поэтому решил дать немцам разбить ее войска в Варшаве. Однако Красной Армии приходилось иметь дело с Армией Крайовой с тех пор, как в начале 1944 г. советские войска пересекли границу Польши, – иногда это было сотрудничество, иногда возникали конфликтные ситуации, но никогда группировка из нескольких тысяч польских партизан не представляла для Красной Армии угрозы или проблемы с военной точки зрения37. Как сказал Рокоссовский в неофициальной беседе с Александром Вертом в конце августа 1944 г.: «Неужели же вы считаете, что мы не взяли бы Варшаву, если бы были в состоянии это сделать? Сама мысль о том, будто мы в некотором смысле боимся Армии Крайовой, нелепа до идиотизма»38. В самом деле, именно так представляли себе ситуацию польские лидеры восстания. Как отмечал Ян М. Цехановский, «генералы Армии Крайовой были твердо убеждены, что русские чрезвычайно хотят захватить Варшаву как можно скорее из-за ее стратегического и военного значения… Кроме того, они считали, что русские стремятся захватить Варшаву,

потому что это дало бы им возможность называть себя истинными «освободителями столицы Польши» – эту роль можно было использовать в политических целях»39.

Рассуждая о мотивах восстания, польский историк Эугениуш Дурачинский предполагает, что восстание было поднято не столько из-за опасений, что Варшава будет захвачена советскими войсками, сколько из желания побудить Сталина сделать захват города первоочередной задачей40. Восстание действительно укрепило Сталина в решимости захватить город; проблема заключалась лишь в том, что он не мог этого сделать. Сталин, конечно, мог бы отдать приказ Красной Армии сконцентрировать всю силу на захвате Варшавы. Но и в этом случае город едва ли был бы сдан очень быстро, учитывая то, сколько времени заняла бы передислокация войск с других фронтов, и то, что такие действия поставили бы под угрозу другие оперативные цели, которые для Москвы имели не меньшее значение, чем штурм Варшавы. Что еще более важно, советское командование не видело необходимости предпринимать такие решительные действия. Оно считало, что в районе Варшавы достаточно войск, чтобы взять город даже не за несколько недель, а за несколько дней.

Несмотря на все вышесказанное, нельзя отрицать, что Сталин был враждебно настроен по отношению к Армии Крайовой, к восстанию и к антикоммунистической и антисоветской политике польского правительства в лондонском изгнании, что ставило под угрозу его планы о поддержании после войны дружественных отношений с Польшей. Сталин считал, что если восстание потерпит поражение, тем самым подорвав националистическую оппозицию советскому и коммунистическому влиянию в Польше, тем лучше. Впрочем, более подробное изучение политики Сталина в отношениях с Польшей этого периода показывает, что он был вовсе не против сотрудничества с элементами Армии Крайовой и польского правительства в Лондоне при условии, что в этом случае он сможет гарантировать защиту интересов СССР и быть уверенным в политическом влиянии СССР на послевоенную Польшу. Восстание окончательно убедило его в том, что такое развитие событий невозможно, хотя он по-прежнему выражал готовность заключить соглашение с польскими политиками, желающими порвать с Армией Крайовой и эмигрантским правительством.

По иронии судьбы, 1 августа, когда началось восстание, премьер-министр польского правительства в изгнании, Станислав Миколайчик, был в Москве с визитом, целью которого было обсудить со Сталиным советско-польское соглашение, ведущее к

восстановлению дипломатических отношений. Приезд Миколайчика в Москву стал отчасти результатом давления со стороны Черчилля и Рузвельта, которые настаивали на том, что Советский Союз должен восстановить отношения с эмигрантским польским правительством. Главным вопросом на повестке дня было обсуждение соглашения по послевоенным границам Польши. На Тегеранской конференции Сталин, Черчилль и Рузвельт согласились, что восточная граница Польши должна проходить вдоль линии Керзона, которая располагалась очень близко к демаркационной линии, установленной советско-германским пактом о ненападении, заключенным в сентябре 1939 г. Территориальные потери Польши предполагалось компенсировать за счет немецких земель на западе. Однако на Тегеранской конференции по этому поводу не было подписано официального соглашения, и многие вопросы в связи с предполагаемой линией советско-польской границы остались нерешенными.

В январе 1941 г. эмигрантское польское правительство обнародовало заявление с указанием на донесения о том, что Красная Армия вторглась на территорию Польши, и утверждением права поляков в изгнании на управление освобожденными территориями41. Территориями, о которых шла речь, были Западная Белоруссия и Западная Украина. 11 января Москва выпустила ответ на заявление поляков, в котором говорилось, что обе территории по собственной воле присоединились к СССР в 1939 г. В заявлении СССР также говорилось, что СССР выступает за сильную и независимую Польшу, границы которой должны проходить на востоке вдоль линии Керзона, а на западе – по границам «древних польских земель», полученных обратно у Германии. Кроме того, Советский Союз выражал готовность передать Польше любые территории Западной Белоруссии и Западной Украины, на которых большинство населения составляют этнические поляки42.

Утверждения советского правительства о том, что оно выступает за сильную и независимую Польшу, были не новы. Таких официальных заявлений было сделано немало, в том числе – и самим Сталиным; необходимость восстановления независимой Польши после войны была основным положением во внутренних дискуссиях советского правительства о ее послевоенном будущем43. Не удивляла и настойчивость Москвы в утверждении, что Западная Белоруссия и Западная Украина по праву принадлежат СССР. Однако официальное обещание компенсировать Польше территориальные потери за счет Германии прозвучало впервые, хотя на неофициальном уровне

советское правительство неоднократно высказывалось в поддержку такого шага44. Хотя тон заявления явно был критичным по отношению к польскому эмигрантскому правительству, оно оставляло возможность для восстановления отношений между Польшей и Советским Союзом, а обещание Москвы обсудить этнические детали линии Керзона выглядело как явный жест примирения. С точки зрения СССР это заявление по польскому вопросу выражало умеренные и позитивные взгляды, и именно так оно было преподнесено послам США и Великобритании в Москве. Когда Молотов спросил Гарримана, что тот думает о заявлении, посол ответил, что «как заявление о позиции Советского Союза по польскому вопросу оно кажется выдержанным в крайне дружелюбном тоне»45.

15 января польское правительство в Лондоне дало Советам ответ, в котором еще раз заявило о своих правах на Западную Белоруссию и Западную Украину и выразило желание сотрудничать с СССР в борьбе против Германии. Такой ответ не устраивал советское правительство, которое два дня спустя обнародовало ответное заявление. В нем подчеркивалось, что ключевым моментом для СССР является признание линии Керзона в качестве советско-польской границы46. Представляя предварительный обзор этого заявления послам США и Великобритании в Москве, Молотов указал на то, что позиция Советского Союза в нем была выражена более жестко: Москва была готова вести переговоры с польским правительством в изгнании, но только при условии реконструкции правительства и исключения из него антисоветских элементов47. На последовавшем 18 января совещании с Гарриманом и Кларком Керром, послом Великобритании, Молотов пояснил, что, по его мнению, после реконструкции польское правительство должно включать в себя поляков в изгнании в Лондоне, представителей США и СССР, а также активных участников антигитлеровского сопротивления в Польше48.

Принятие линии Керзона в качестве границы и реконструкция польского правительства – такими были основные требования Советского Союза по польскому вопросу, неоднократно высказанные Сталиным и Молотовым на встречах с двумя послами и в переписке с Черчиллем и Рузвельтом. Сталин не скрывал своей досады по поводу того, что польское правительство в лондонском изгнании отказывалось обсуждать эти условия. «Снова поляки. Это самый главный вопрос?» – с раздражением спросил Сталин Гарримана, когда тот прибыл на встречу с ним 3 марта 1944 г.49. Попытки Черчилля обсудить вариант соглашения, приемлемого для обеих сторон, Сталин

отклонил, считая их пустой тратой времени. Он даже обвинил премьер-министра Великобритании в том, что он угрожает принудить советскую сторону к решению польского вопроса на условиях, невыгодных для СССР50. На встрече с Кларком Керром 29 февраля в ответ на предложение британской стороны о компромиссном решении Сталин лишь пренебрежительно хмыкнул и еще раз повторил, что он требует реконструкции польского правительства в изгнании и принятия линии Керзона. «Этот однообразный и раздражающий разговор продолжался более часа. Все аргументы были бесполезны», – рассказывал британский посол51.

Единственной конструктивной постоянной в заявлениях Сталина и Молотова по польскому вопросу было то, что они готовы рассмотреть вариант реконструкции польского правительства, при котором в его состав вошел бы премьер-министр эмигрантского правительства Миколайчик. Миколайчик – руководитель польской крестьянской партии, крупнейшей политической партии в довоенной Польше, считался важным связующим звеном в формировании в освобожденной Польше правительства на широкой основе, с которым могли бы сотрудничать Советы. Именно по этой причине Сталин не уступал давлению польских коммунистических кругов, требовавших создать в Польше временное правительство на основе союза левых сил52. Хотя левое правительство и было бы крайне выгодным для советской стороны, оно было бы недостаточно сильным, чтобы эффективно управлять населением Польши, большинство которого, несмотря на все политические завоевания коммунистов и их союзников-социалистов, состояло из убежденных националистов. Когда 22 июля 1944 г. Сталин, наконец, дал согласие на создание коммунистами и их союзниками Польского комитета национального освобождения (ПКНО), он отчасти сделал это потому, что ему была нужна организация, которой можно было поручить руководство территорией Польши, освобожденной Красной Армией. Именно так 23 июля он объяснил свое решение Черчиллю и Рузвельту. Сталин писал, что не считает ПКНО «правительством Польши», но в то же время отмечал, что комитет может стать «ядром для образования временного польского правительства из демократических сил». Оставался открытым и вариант реконструкции правительства с участием Миколайчика, однако существовала и вероятность, что тот останется в стороне. В том же письме Сталин писал, что не откажется принять польского лидера, если он приедет в Москву, как предлагали Черчилль и Рузвельт53.

Сталин в своем отношении к польскому вопросу опирался на мнение Оскара Ланге, польско-американского экономиста-марксиста, который в январе 1944 г. предложил свою концепцию реконструкции польского правительства с участием лондонского эмигрантского правительства, просоветски настроенных поляков в Москве и Польше и независимых польских политических деятелей из числа польских эмигрантов в Великобритании и США. Весной 1944 г. Ланге приехал в Москву вместе с просоветски настроенным польско-американским католическим священником Станиславом Орлеманским, чтобы обсудить со Сталиным дальнейшие действия54. Общение Сталина с этими двумя посредниками имело большое значение, поскольку открывало много нового о его стратегии в вопросе польско-советских отношений. Сталину была нужна дружественная Польша с правительством левого толка, включающим в себя его союзников-коммунистов, но в то же время ему нужна была единая страна, достаточно сильная для того, чтобы стать членом долгосрочного союза славянских государств против будущей германской угрозы.

Идея о том, что война против Гитлера – это борьба всех славян с их традиционным врагом, германскими народностями, давно эксплуатировалась советской пропагандой. Уже в августе 1941 г. Советы создали Всеславянский комитет и устроили в Москве Всеславянский съезд. После него было проведено еще много подобных собраний, не только в Советском Союзе, но и в других странах антигитлеровской коалиции55. Для Москвы эта тактика была вполне естественной, учитывая, что главными жертвами германской агрессии стали преимущественно славянские страны – Чехословакия, Польша, Югославия и Советский Союз. В 1943 г. Сталин начал предпринимать первые шаги по созданию официального политического и дипломатического союза этих славянских государств. В декабре 1943 г. с чешским правительством в изгнании, возглавляемом президентом Эдуардом Бенешем, был заключен советско-чехословацкий Договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве. К договору, подписанному в Москве 12 декабря, прилагался протокол, в котором оговаривалось, что к соглашению может присоединиться третья страна; это было сделано специально для того, чтобы облегчить подписание чехословацко-польско-советского пакта56. Сталин незадолго до этого вернулся с Тегеранской конференции, и в беседе с Бенешем отчетливо проявлялась его навязчивая обеспокоенность возможностью послевоенного возрождения германской угрозы. В разговоре с президентом Чехии 18 декабря

Сталин выразил мнение, что в долгосрочной перспективе миру угрожали две страны – Япония и Германия. «Немцы сильный и талантливый народ и могут после войны опять очень быстро подняться. С Тегеранской конференции [он] вынес впечатление, что в этом плане существует полное единство взглядов между всеми союзниками». На заключительном ужине в честь Бенеша 22 декабря Сталин говорил о «необходимости славянского сотрудничества после войны» и отмечал, что «до сих пор немцам удавалось разделять славян, сотрудничая с одной частью славян против других, а затем – наоборот. Ныне же все славяне должны объединиться»57.

К теме славянского единства Сталин вернулся в своей беседе с аббатом Орлеманским 28 апреля 1944 г.: «Германия сможет восстановиться примерно за 15 лет. Вот почему мы должны думать не только о том, как закончить эту войну… но и о том, что произойдет через 20 лет, когда Германия возродится. Поэтому союз России и Польши совершенно необходим, чтобы не позволить Германии снова начать агрессию… [Он] привел в пример Грюнвальдскую58 битву, во время которой славянские народ объединились против членов германского ордена рыцарей Меча. Объединившись, поляки, русские, литовцы, украинцы и белорусы разгромили немцев… Мы должны возродить политику Грюнвальда в широком масштабе. Это его мечта»59.

В беседе с Ланге 17 мая Сталин подчеркнул, что СССР нужна сильная Польша, чтобы справиться с немецкой агрессией в будущем. Сталин также дал понять, что выступает против «половинчатого» карательного мира, подобного Версальскому договору: если такое произойдет вновь, то через 15 лет разразится новая война. Германию нужно держать ослабленной 50 лет, сказал Сталин Ланге, и, поскольку он говорил с экономистом-марксистом, то воспользовался случаем, чтобы подчеркнуть, что капиталистическая Великобритания и США поддержат идею разрушения экономики Германии и Японии, так как это позволит уничтожить двух их конкурентов в торговле60.

Третьим партнером по предложенной Сталиным коалиции славянских государств должна была стать Югославия. В отличие от Польши, в Югославии ведущую роль в партизанском движении играла коммунистическая партия под руководством маршала Тито. Уже в 1944 г. стало ясно, что коммунисты Тито станут одними из главных политических игроков на послевоенной политической арене Югославии. Однако Сталин смотрел на перспективы югославских коммунистов более пессимистично, чем Тито. «Будь осторожен, – якобы сказал он Тито в сентябре 1944 г., – буржуазия в Сербии очень сильна». «Я не согласен с

вами, товарищ Сталин. Буржуазия в Сербии очень слаба», – ответил Тито61. В апреле 1945 г. Сталин предупредил Тито, что Германия оправится от войны очень быстро: «Дайте им 12–15 лет, и они опять будут на ногах. Вот почему так важно единство славян. Война скоро кончится! Через пятнадцать или двадцать лет мы восстановимся и тогда попробуем еще раз»62.

По отношению к послевоенному правительству Югославии политика Сталина была направлена на то, чтобы достичь соглашения между Тито и югославским правительством в изгнании, которое включало бы в себя пункт о продолжении монархии. В югославском вопросе Сталин придерживался той же концепции, что и в польском: его целью была реконструкция правительства в изгнании, которое затем должно было объединиться с его собственными сторонниками и сформировать временное правительство на многопартийной основе. Впрочем, в отношении Польши Сталин уже начинал терять терпение, когда в конце июля 1944 г. в Москву приехал Миколайчик.

Первая встреча Сталина с Миколайчиком состоялась 3 августа. В начале беседы Миколайчик поднял для обсуждения три вопроса: совместные действия в борьбе с Германией; соглашение, достигнутое Советами с ПКНО по поводу администрации в освобожденной Польше; и вопрос о советско-польской границе. Миколайчик упомянул о том, что в Варшаве началось восстание и что он хотел бы как можно скорее выехать в столицу Польши и сформировать правительство, в состав которого вошли бы партии лондонских поляков и польских коммунистов. Сталин ответил, что все поставленные Миколайчиком вопросы имеют большое политическое и практическое значение, однако Миколайчик должен обсудить эти вопросы с ПКНО, имея целью формирование единого временного правительства. К этому положению глава СССР неоднократно возвращался в дальнейшей беседе. Когда Миколайчик заговорил о роли Армии Крайовой в Польше, Сталин отметил, что ее подразделения слабы и плохо вооружены; у них не хватает огнестрельного оружия – не говоря уже об артиллерии, танках и авиации. Когда Миколайчик высказал предложение о том, что нужно дать вооружение Армии Крайовой, Сталин ответил, что наиболее эффективной помощью советской кампании по освобождению Польши было бы образование единого правительства. Когда беседа повернула в русло обсуждения вопроса о границе, Сталин еще раз выразил позицию Советского Союза о том, что польская граница должна проходить по линии Керзона на востоке и по руслу реки Одер на западе; Польша при этом получит Гданьск, а Кенигсберг отойдет Советскому Союзу. Отвечая на претензии Польши на Львов на

Западной Украине и Вильно в Литве, Сталин сказал, что, «согласно ленинской идеологии, все народы равноправны», и что он «не хочет обижать ни литовцев, ни украинцев, ни поляков». Далее он отметил, что самые большой территориальный ущерб будет причинен Советскому Союзу, который вынужден будет отдать часть Польши, некогда входившую в состав Российской империи. Затем Сталин обратился к теме славянского единства, вновь прибегнув к аналогии с Грюнвальдом: «Первый раз поляки и русские шли вместе при Грюнвальде, когда они разбили немцев. Потом у поляков с русскими были ссоры. В XVII в., при царе Алексее Михайловиче, был министр иностранных дел Ордин-Нащекин, который предлагал заключить с поляками союз. За это его прогнали. Теперь нужен поворот. Война многому научила наши народы». В конце беседы Миколайчик спросил, как Сталин предполагает окончательно урегулировать вопрос о советско-польской границе. Ответ Сталина – что этот вопрос нужно будет решить, когда будет существовать единое польское правительство, – был еще одним сигналом, что он готов работать с Миколайчиком63.

На следующий день посол Великобритании в Москве направил Идену положительный отчет о встрече Миколайчика со Сталиным: «Хотя время от времени разговор становился прямым и оживленным, в целом атмосфера была дружелюбной… С русской стороны не было никаких обвинений… Поляки были впечатлены большой «мудростью» и явным желанием и готовностью Сталина слушать. Они видели, что он, в свою очередь, был впечатлен и даже удивлен простотой и либерализмом Миколайчика»64.

Переговоры Миколайчика с руководителями ПКНО имели меньший успех. Проблемы были связаны с настойчивым требованием польского премьер-министра о том, чтобы его правительство в изгнании стало ядром нового временного правительства, и о том, чтобы партизаны, возглавляемые коммунистами, вошли в состав Армии Крайовой65. Пока Миколайчик вел переговоры с ПКНО, Черчилль и Сталин обменивались сообщениями о помощи Варшавскому восстанию. 4 августа Черчилль сообщил Сталину, что Великобритания намерена сбросить 60 тонн оборудования и амуниции в юго-западной части города. В ответе Черчиллю на следующий день Сталин выразил сомнения в том, что Армия Крайова сможет занять Варшаву, так как столицу защищают четыре немецких дивизии66.

8 августа Сталин написал Черчиллю о своей встрече с Миколайчиком: «Беседа с Миколайчиком убедила меня в том, что

он имеет неудовлетворительную информацию о делах в Польше. Вместе с тем у меня создалось впечатление, что Миколайчик не против того, чтобы нашлись пути к объединению поляков». Хотя переговоры между ПКНО и Миколайчиком не увенчались успехом, они имели положительное значение, поскольку, как писал Сталин, позволили сторонам информировать друг друга о своих взглядах. Это было первым этапом во взаимоотношениях между Миколайчиком и ПКНО и позволяло, по мнению Сталина, «надеяться, что дальше дело пойдет лучше»67.

Во время второй беседы Миколайчика со Сталиным 9 августа польский премьер поднял вопрос о помощи Советского союза Варшавскому восстанию. Сталин ответил, что не считает восстание «нереальным делом, так как у восставших нет оружия, в то время как немцы только в районе Праги имеют три танковых дивизии, не считая пехоты. Немцы просто перебьют всех поляков». Сталин пояснил, что Красная Армия уже находится в нескольких километрах от Варшавы, но немцы перебросили в этот район подкрепления. Красная Армия, сказал Сталин, будет продолжать наступление и возьмет Варшаву, но это потребует времени. Он выразил готовность предоставить повстанцам оружие, но беспокоился о том, что это оружие попадет в руки немцев, и спросил Миколайчика, имеются ли в городе безопасные места, где можно сбросить оружие. После того как Миколайчик заверил его, что такие места имеются, Сталин пообещал отдать соответствующие приказы Рокоссовскому и сделать все возможное. В конце разговора Сталин еще раз выразил опасения по поводу восстановления Германии после войны и подчеркнул, что для предотвращения этой угрозы должен быть создан альянс Польши и СССР68.

Миколайчик уехал из Москвы на следующий день. По словам Гарримана, он уехал из советской столицы «с большей надеждой на возможность урегулирования, чем в день приезда. На него произвели впечатление оказанный ему сердечный прием и открытое общение со Сталиным и Молотовым. На встрече предыдущим вечером Сталин согласился попробовать сбросить оружие в Варшаве… Сталин сказал ему, что ожидал, что Варшава будет взята 6 августа, но что поскольку немцы ввели две новых танковые дивизии и еще две дивизии для удержания плацдарма [на восточном берегу Вислы], взятие города было отложено, однако [Сталин] был уверен, что новые трудности будут преодолены»69.

Все эти надежды на возможность положительного развития польско-советских отношений были разрушены в связи с нарастающими трениями во взаимоотношениях стран-союзников

по вопросу помощи варшавским повстанцам. Великобритания в первых числах августа начала поставки в Варшаву по воздушному мосту, используя свои базы в Италии. 13 августа сброс снабжения начали американцы. Они использовали для этого базы в Великобритании, однако самолетам требовалось на обратном пути приземляться на советских аэродромах для дозаправки. 14 августа Гарриман направил Молотову просьбу о посадке и предоставлении оборудования для дозаправки. Ответ, полученный на следующий день от заместителя народного комиссара иностранных дел Андрея Вышинского, задел англичан и американцев за живое. Вышинский заявлял, что Советы не будут содействовать американскому снабжению варшавских повстанцев с воздуха, поскольку «восстание в Варшаве, в которое оказалось втянуто население Варшавы, представляет собой дело рук авантюристов, и советское правительство не может оказывать им помощь»70. Во время личной встречи с Гарриманом и Кларком Керром в тот же день Вышинский был так же непреклонен. Он отметил, что Советский Союз уже направил к варшавским повстанцам связного, но он был убит71. На следующий день Вышинский уточнил позицию Советского Союза: он не намерен содействовать англо-американским поставкам снабжения, но и не возражает против них72.

Этот поворот к худшему в отношении Советского Союза к Варшавскому восстанию, видимо, был спровоцирован сообщениями в западной прессе о том, что действия Армии Крайовой скоординированы с действиями Красной Армии, которая теперь отказывается помочь повстанцам. 12 августа ТАСС опубликовало гневное опровержение, в котором на поляков возлагалась вина за трагедию, развернувшуюся в Варшаве, когда немцы подавили восстание73. 16 августа Сталин написал Черчиллю о том, что после встречи с Миколайчиком он распорядился начать сброс вооружения в район Варшавы, но сброшенный в город парашютист-связной был схвачен и убит немцами.

«В дальнейшем, ознакомившись ближе с варшавским делом, я убедился, что варшавская акция представляет безрассудную ужасную авантюру, стоящую населению больших жертв. Этого не было бы, если бы советское командование было информировано до начала варшавской акции и если бы поляки поддерживали с последним контакт.

При создавшемся положении советское командование пришло к выводу, что оно должно отмежеваться от варшавской авантюры, так как оно не может нести ни прямой, ни косвенной ответственности за варшавскую акцию»74.

Сталин отказался встретиться 17 августа с Гарриманом и Кларком Керром75. Вместо этого он поручил Молотову выразить его бескомпромиссную позицию: Советский Союз не будет осуществлять поставки варшавским повстанцам. Гарриман был разъярен этими сообщениями и доложил в Вашингтон: «Мое недавнее общение с Вышинским и особенно беседа с Молотовым сегодня вечером привели меня к мнению, что эти люди раздулись от власти и считают, что они могут навязать свою волю нам и всем странам»76. Настроение Гарримана передалось остальным в американском посольстве. 17 августа личный помощник Гарримана, Р.П. Мейкледжон, записал в своем дневнике: «Это хладнокровное убийство, но мы ничего не можем с этим поделать. Когда выйдут наружу подробности этого инцидента, он наверняка останется в истории как один из самых позорных эпизодов войны. За всем лоском цивилизованности правящих элементов скрывается не что иное, как шайка очень умных и беспощадных воров и убийц. В этой ситуации они раскрыли свои карты настолько очевидно, что не может быть никаких сомнений относительно их сущности»77.

Для Советского Союза Варшавское восстание тоже стало очень тяжелым событием. На подходах к Варшаве советская армия потеряла миллионы солдат, и ей предстояло потерять еще полмиллиона в ходе кампании по освобождению Польши от немцев, поэтому Советы не обрадовались обвинениям в том, что они спровоцировали восстание, а потом бросили жителей Варшавы на произвол судьбы. Не меньшую роль сыграло и то, что Красная Армия уже готовила новый штурм польской столицы, и советское командование ожидало, что Варшава будет в его руках уже через несколько дней, поэтому любые вопросы о снабжении повстанцев казались попросту излишними.

20 августа Черчилль и Рузвельт обратились к Сталину с совместной просьбой начать сброс вооружения в Варшаве – хотя бы для того, чтобы успокоить общественное мнение.

22 августа Сталин дал следующий ответ: «Рано или поздно, но правда о кучке преступников, затеявших ради захвата власти варшавскую авантюру, станет всем известна… С военной точки зрения создавшееся положение… невыгодно как для Красной Армии, так и для поляков. Между тем советские войска… делают все возможное, чтобы сломить эти контратаки гитлеровцев и перейти на новое широкое наступление под Варшавой. Не может быть сомнения, что Красная Армия не пожалеет усилий, чтобы разбить немцев под Варшавой и освободить Варшаву для поляков. Это будет лучшая и действительная помощь полякам-антинацистам»78.

К сентябрю, однако, Советский Союз начал беспокоиться о том, какой общественный резонанс вызвали эти события. 9 сентября народный комиссариат иностранных дел направил в британское посольство меморандум, в котором предлагалось создать независимую комиссию по расследованию того, кто был виновен в начале восстания и почему оно не было согласовано с советским верховным командованием. В меморандуме также объявлялось об изменении политики в отношении снабжения повстанцев и указывалось на то, что Советы уже сбросили несколько партий припасов в Варшаве, однако каждый раз провизия и вооружение оказывались в руках немцев. Вместе с тем, говорилось в меморандуме, если Великобритания и США настаивают на осуществлении поставок по воздуху, Советский Союз готов оказать содействие в проведении операции79.

В середине сентября Советы вновь начали осуществлять сброс груза в Варшаве, причем эти меры совпали по времени с началом штурма города советскими войсками. За период с 14 сентября по 1 октября войска 1-го Белорусского фронта сделали 2243 вылетов в Варшаву и сбросили 156 минометов, 505 противотанковых орудий, 2667 пистолетов-пулеметов и винтовок, 3 млн патронов, 42 000 ручных гранат, 500 килограммов медикаментов и 113 тонн провизии80. Эти поставки по объему были сравнимы с поставками Великобритании в августе-сентябре: 1344 пистолетов и револьверов, 3855 пулеметов, 380 легких пулеметов, 237 гранатометов, 13 минометов, 130 винтовок, 14 000 ручных гранат, 8,5 тонн пластиковой взрывчатки, 4,5 млн патронов и 45 тонн провизии81. По большей части эти припасы оказались в руках немцев, хотя советская сторона и заявляла, что ее сбросы были более точными и эффективными, чем сбросы, сделанные британской авиацией с большой высоты.

К концу сентября гармония в отношениях союзников была восстановлена. Гарриман писал Рузвельту, что у него была «более чем удовлетворительная беседа со Сталиным… Впервые Сталин с сочувствием говорил о повстанцах»82.

Варшавское восстание принесло несчастье всем причастным к нему сторонам, кроме немцев. Для жителей Варшавы оно стало катастрофой. Армия Крайова потеряла около 20 000 человек убитыми, многие другие понесли ранения; среди гражданского населения, попавшего под перекрестный огонь, было около 150 000 раненых и 200 000 убитых.

2 октября, когда восстание закончилось, немцы довели свои разрушительные действия, начатые в ходе военных действий против Армии Крайовой, до логического конца, стерев весь центр города с лица земли и депортировав оставшихся в живых жителей

Варшавы в концентрационные лагеря. Для польского правительства в изгнании поражение восстания стало символом его катастрофической неспособности оказывать влияние на политическую жизнь послевоенной Польши. Коммунистические левые силы сумели при поддержке Советского Союза использовать в своих интересах поражение польских националистов, однако их продолжали подозревать в том, что они и их союзники-красноармейцы не сделали все, что могли, чтобы помочь восстанию. Красную Армию обвиняли в том, что она не освободила Варшаву до начала восстания; британцев и американцев – в том, что они попытались умиротворить Советский Союз, решив не выносить на всеобщее обозрение свои разногласия со Сталиным по польскому вопросу. Ухудшение дипломатических отношений внутри «большого альянса», вызванное разногласиями по поводу восстания, было незначительным и временным, однако в последующие годы варшавский конфликт начал рассматриваться как важный поворотный момент в отношениях между СССР и Западом – как один из первых предвестников «холодной войны». Во время «холодной войны» взаимные обвинения по поводу Варшавского восстания стали одним из главных пунктов идеологической полемики Востока и Запада. Запад возлагал всю вину на Красную Армию, которая отказывалась помогать повстанцам, пока не стало уже слишком поздно, а Советы обвиняли антикоммунистическую Армию Крайову в безрассудстве и авантюризме. Ни одна из сторон не тратила времени и сил на обвинение Германии, которая в этой ситуации была настоящим источником зла в этом эпизоде. Однако по сравнению с холокостом и массовым уничтожением советских граждан, подавление Варшавского восстания рассматривалось всего лишь как одно из многочисленных злодеяний Германии.

«Процентное соглашение» Черчилля и Сталина

Хотя в ретроспективе наибольшее внимание историков привлекают именно трагические события Варшавского восстания, для Сталина они были лишь одним из многочисленных вопросов военного и политического характера на повестке дня. Польша была не единственной страной, которую заняла Красная Армия летом 1944 г. 20 августа Красная Армия вторглась на территорию Румынии. Это привело к кризису внутри страны и к государственному перевороту, в результате которого прогерманское правительство было свергнуто и страна перешла на сторону союзников по антигитлеровской коалиции. 31 августа Красная Армия вошла в столицу страны, Бухарест. Через несколько дней в Москву прибыла румынская делегация, чтобы обсудить условия перемирия, а 12 сентября был подписан мирный договор. Болгария поддерживала идею всеславянского единства и в народе были сильны прорусские настроения, поэтому страна официально оставалась нейтральной на протяжении всего советско-германского конфликта. В то же время, Болгария оказывала материальную поддержку вермахту и, в соответствии со своими обязательствами перед другими странами «Оси», объявила войну Великобритании и США. Однако 5 сентября Советский Союз объявил войну Болгарии. Там тоже произошел государственный переворот, на этот раз – возглавленный прокоммунистическим Отечественным фронтом. К 9 сентября Болгария прекратила боевые действия против Красной Армии, а 26 сентября – военные действия против Великобритании и США. Соглашение о перемирии с Болгарией было подписано в Москве 28 октября. Как и Румыния, Болгария перешла на сторону союзников, тем самым дав Красной Армии возможность начать военные действия на территории Югославии. Большая часть Югославии была уже освобождена партизанами под руководством Тито, однако Красная Армия все же начала кампанию, в результате которой в конце сентября была взята столица страны, Белград. В Словакии народное восстание, возглавляемое коммунистами, началось в конце августа. Как и во время Варшавского восстания, повстанцы обратились за помощью к Советам, однако, к несчастью, Красная Армия не сумела преодолеть Карпатские горы и могла предложить только ограниченную помощь. Восстание было подавлено немцами, и Красная Армия вошла в столицу Чехословакии, Прагу, лишь в мае

1945 г. Венгрия также потребовала перемирия, однако страна была занята немцами, и советские войска смогли освободить Будапешт только в январе-феврале 1945 г.83.

Эти события стали фоном для второго визита Черчилля в Москву и для подписания в октябре 1944 г. печально известного «процентного соглашения». Черчилль прибыл в Москву 9 октября и немедленно направился в Кремль, где встретился за ужином со Сталиным84. Широко известный рассказ Черчилля об этой встрече был опубликован в 1954 г. в последнем томе написанной им истории Второй мировой войны: «Создалась деловая атмосфера, и я заявил [Сталину]: «Давайте урегулируем наши дела на Балканах. Ваши армии находятся в Румынии и Болгарии. У нас есть там интересы, миссии и агенты. Не будем ссориться из-за пустяков. Что касается Англии и России, согласны ли вы на то, чтобы занимать преобладающее положение на 90 % в Румынии, на то, чтобы мы занимали также преобладающее положение на 90 % в Греции и пополам – в Югославии?» Пока это переводилось, я взял пол-листа бумаги и написал:

...

«Румыния:
Россия – 90%
другие – 10%
Греция:
Великобритания (в согласии с США) – 90%
Россия – 10%
Югославия – 50:50%
Венгрия – 50:50%
Болгария:
Россия – 75%
другие – 25 %».

Я передал этот листок Сталину, который к этому времени уже выслушал перевод. Наступила небольшая пауза. Затем он взял синий карандаш и, поставив на листке большую птичку, вернул его мне. Для урегулирования всего этого вопроса потребовалось не больше времени, чем нужно было для того, чтобы это написать… Затем наступило длительное молчание. Исписанный карандашом листок бумаги лежал в центре стола. Наконец, я сказал: «Не покажется ли несколько циничным, что мы решили эти вопросы, имеющие жизненно важное значение для миллионов

людей, как бы экспромтом? Давайте сожжем эту бумажку». «Нет, оставьте ее себе», – сказал Сталин»85.

Это интересный рассказ, но, как и многие другие рассказы Черчилля, он кажется немного приукрашенным86. В то время как Черчилль подчеркивает судьбоносность этого момента, в версии посла Великобритании тот же эпизод выглядит почти комичным. Черчилль, по его словам, достал, как он сам выразился, «грязный документ»: список балканских стран и пропорциональную заинтересованность в них великих держав. Он сказал, что американцы были бы поражены, если бы увидели, как грубо он все это изложил. Но маршал Сталин – реалист, Черчилль тоже не отличается сентиментальностью, а Иден – это совершенно испорченный человек. Он, Черчилль, не показал этого документа ни кабинету министров, ни Парламенту87.

Гораздо более серьезно излагается это событие в советских отчетах, согласно которым Черчилль заявил, что «он подготовил одну таблицу. Мысль, которая выражена в этой таблице, может быть, лучше было бы изложить дипломатическим языком, так как, например, американцы, в том числе Президент, были бы шокированы разделом Европы на сферы влияния». Далее в той же беседе Черчилль вернулся к этому вопросу, сказав, что он «подготовил довольно грязный и грубый документ, на котором показано распределение влияния Советского Союза и Великобритании в Румынии, Греции, Югославии, Болгарии». Сталин ответил, что «25 %, предусмотренные для Англии в Болгарии, не гармонируют с другими цифрами таблицы. Он… считал бы необходимым внести поправки, а именно предусмотреть для Советского Союза в Болгарии 90 %, а 10 % для Англии». Затем разговор перешел на другие темы, однако позже Сталин повторил, что цифру по Болгарии нужно бы исправить. Было решено, что этот вопрос обсудят между собой Иден и Молотов88.

Иден и Молотов обсудили так называемое «процентное соглашение» на встречах 10 и 11 октября и пришли к решению исправить цифры по Болгарии и Венгрии на 80 и 20 в пользу Советского Союза89. Из записи этих двух бесед ясно, что Иден и Молотов не знали или знали очень мало о том, что имели в виду их руководители, когда говорили о сферах влияния в процентном отношении. В конечном итоге их разговор свелся к обмену мнениями о роли представляемых ими стран в Союзных контрольных комиссиях, которые планировалось создать для контроля за военной оккупацией Болгарии, Венгрии и Румынии. На самом деле процентные соотношения, составленные Черчиллем и Сталиным, как раз отражали долю влияния

Великобритании и СССР в этих контрольных комиссиях. По большому счету, это была чисто теоретическая дискуссия, поскольку единственной армией, оккупировавшей Венгрию, Болгарию и Румынию, была советская армия, и оккупационные режимы союзников в странах «Оси» строились на основе прецедента в Италии: контроль оставался в руках союзнических вооруженных сил, оккупирующих страну, а Союзная контрольная комиссия играла роль информационно-консультативного органа.

Несмотря на то, с какой многозначительностью Черчилль повествует об этих событиях, «процентное соглашение» почти не упоминалось ни в его интенсивной переписке со Сталиным в последующие месяцы, ни (за одним исключением) во время их будущих личных встреч в Ялте и Потсдаме90.

Если верить широко распространенной среди историков легенде, «процентное соглашение» представляло собой циничный раздел других стран Англией и Советским Союзом. Исследователи правых взглядов считают, что Черчилль предал Восточную Европу, отдав ее в руки Сталина, в то время как их коллеги левых взглядов обвиняют Сталина в предательстве революции в Греции и Югославии. На деле же дискуссия Сталина с Черчиллем о сферах влияния имела значение только для одной страны – Греции. Для Черчилля первостепенной задачей в его беседе со Сталиным было закрепить за Великобританией свободу действий в отношении Греции. Черчилль опасался, что власть в Греции будет захвачена ЭЛАС-ЭАМ – коммунистическим партизанским движением, которое уже к этому моменту контролировало значительную часть территории страны, отвоеванную в ходе борьбы с немецкими оккупантами. Что нужно было Черчиллю от Сталина, так это заверение в том, что Советский Союз не станет ввязываться в дела Греции и будет оказывать сдерживающее влияние на местных коммунистов. Этого Черчилль и добился своим «процентным соглашением», хотя еще до того, как он достал этот «грязный документ», Сталин согласился с тем, что «Англия должна иметь право решающего голоса в Греции»91.

Готовность, с которой Сталин отказался от Греции, отражала политический курс Советского Союза. Советские политики уже летом 1943 г. рассматривали Грецию в рамках сферы влияния Великобритании в Восточном Средиземноморье. Во внутренних инструкциях, подготовленных к московскому совещанию министров иностранных дел в октябре 1943 г., особо отмечались интересы Великобритании в Греции – в том числе крепкая связь между Лондоном и греческим правительством в изгнании. С другой стороны, интересы Советского Союза заключались в

расширении сферы влияния на славянские государства Балкан92. Эти вопросы затрагивал Иван Майский в записке, переданной Молотову в январе 1944 г. В записке широко освещались планы и перспективы СССР на послевоенное время, а в отношении Греции отмечалось: «СССР заинтересован в Греции гораздо меньше, чем в других балканских странах, а Англия, наоборот, в Греции чрезвычайно заинтересована. Поэтому в отношении Греции СССР следует соблюдать особенно большую осторожность. Если бы демократическая Греция, следуя примеру других балканских стран, захотела также заключить пакт взаимопомощи с СССР, мы не имели бы оснований ее обескураживать. Однако, если бы заключение такого двустороннего греко-советского пакта грозило вызвать какие-либо осложнения с Англией, можно было бы попытаться разрешить проблему в порядке заключения тройственного пакта взаимопомощи между Англией, Грецией и СССР (по примеру Ирана)»93.

Когда летом 1944 г. в возглавляемую коммунистами армию партизан была направлена советская военная миссия, ее офицеры получили указание не вмешиваться во внутренние дела Греции94. В декабре 1944 г., когда британские войска предприняли попытку разоружить ЭЛАС-ЭАМ и тем самым спровоцировали вооруженное восстание в Афинах, Сталин отказался поддержать греческих коммунистов. Димитров спросил Молотова, могут ли греческие товарищи ждать помощи, «чтобы противостоять вооруженному вторжению Англии». Молотов ответил, что «наши греческие друзья не смогут рассчитывать на активную помощь отсюда [из Москвы]»95. В январе 1945 г. Сталин сам сказал Димитрову о развитии событий в Греции: «Я советовал не начинать эту борьбу в Греции… Они взяли на себя больше, чем могут осилить. Они, очевидно, рассчитывали на то, что Красная Армия придет на Эгейские острова. Мы не можем это сделать. И мы не можем послать наши войска в Грецию. Греки поступили глупо»96.

Советское правительство при выработке политического курса исходило из положения о том, что Греция всегда была и будет оставаться в сфере влияния Великобритании. В ноябре 1944 г. Литвинов написал записку «О перспективах и возможной базе советско-британского сотрудничества», в которой предлагался план раздела послевоенной Европы на сферы влияния Англии и СССР. При этом Греция должна была отойти к сфере влияния Великобритании наряду с Голландией, Бельгией, Францией, Испанией и Португалией97. Накануне Ялтинской конференции «Большой тройки» в феврале 1945 г. посол Громыко подготовил справку о недавних событиях в Афинах, в которой говорилось, что Великобритания и Америка выступали против прихода к власти в

Греции прогрессивных сил, и в особенности – коммунистов. Громыко отмечал, что в результате был поднят вопрос о вмешательстве великих держав во внутренние дела меньших государств, но рекомендовал советской делегации не брать на себя инициативу в отношении Греции – разве только для того, чтобы показать, что Советский Союз симпатизирует прогрессивным элементам98.

На Ялтинской конференции Сталин поднял вопрос о Греции во время пленарного заседания 8 февраля 1945 г. Когда союзники единодушно выступили в поддержку образования единого правительства в Югославии, Сталин спросил, что происходит в Греции, добавив, что он ни в коем случае не собирался критиковать политику Великобритании в Греции… *Черчилль,* перебивая… Сталина, говорит, что он очень благодарен ему за сдержанность, проявленную советской стороной во время событий в Греции… *Сталин* далее говорит, что он хотел бы просто попросить Черчилля проинформировать нас о том, что происходит в Греции.

Выслушав объяснение Черчилля, Сталин вежливо повторил, что он не хотел вмешиваться во внутренние дела Греции, он просто хотел знать, что происходит99.

Впоследствии Черчилль высказывал мнение, что «процентное соглашение» спасло Грецию от коммунизма100. Сталин, однако, не собирался внедрять в этой стране коммунистический строй или даже принимать участие в нацеленной на это политической кампании. Как он сказал Черчиллю на встрече 14 октября 1944 г., «Советский Союз не собирается организовывать большевистских революций в Европе»101. Это не означало, что он был против радикальных политических изменений, особенно если таковые соответствовали интересам Советского Союза. Но он понимал, что в Греции, как и в других странах Европы, такие изменения могут произойти мирным и демократичным путем. В государствах, которые Советский Союз оккупировал или на которые оказывал прямое влияние, Сталин предпринимал действия, чтобы облегчить эти перемены. В таких странах, как Греция, относящихся к сфере оккупации и влияния западных союзников СССР, он рекомендовал местным коммунистам сотрудничать с британцами и американцами, особенно в военное время; выбрать долгосрочную стратегию и стремиться к постепенной трансформации общества.

Несмотря на все последующее внимание к соглашению о разделе сфер влияния, оно было отнюдь не главной темой обсуждения во время московской встречи. Гораздо большее время у Сталина и Черчилля заняло обсуждение польского вопроса.

Именно этот вопрос Черчилль поднял первым 9 октября, предложив снова пригласить в Москву Миколайчика, который в то время был в Каире. Польский лидер в результате действительно приехал в Москву, и Сталин и Черчилль встретились с ним 13 октября, однако переговоры ни к чему не привели. Сталин хотел, чтобы Миколайчик в сотрудничестве с ПКНО образовал реконструированное польское временное правительство и принял линию Керзона в качестве восточной границы Польши. Самое большее, на что готов был пойти Миколайчик, – это предложить линию Керзона без Львова, да и то только в качестве демаркационной линии до окончательного соглашения о советско-польской границе. Это было совершенно неприемлемо для Сталина, который подчеркивал, что ни при каких условиях не согласится на раздел Белоруссии и Украины102. Затем Миколайчик встретился с руководителем ПКНО Болеславом Берутом, который предложил ему четвертую часть министерских портфелей в новом польском правительстве. Сталин увеличил эту цифру до одной трети, добавив к ней должность премьер-министра103. Черчилль также встретился с Берутом и был очарован его умом, однако едва ли он поверил утверждениям Сталина о том, что Берут – не коммунист104. Нарастающее раздражение Сталина по отношению к Миколайчику выразилось в замечании Черчиллю 16 октября о том, что Миколайчик «ни словом не выразил благодарность Красной Армии за освобождение Польши… Он считает, что русские у него в услужении»105. Тем временем Миколайчик начал думать, будто предложенное ему соглашение было лучшим, на что могло надеяться польское правительство в изгнании. Более того, когда ему не удалось убедить своих соратников в преимуществах условий, предложенных Советским Союзом, он в конце ноября 1944 г. ушел с поста премьер-министра правительства в изгнании.

Среди других тем, обсужденных Черчиллем и Сталиным, был турецкий вопрос и пересмотр конвенции Монтре о статусе Черноморских проливов. Этот вопрос был поднят на заседании 9 октября, и Сталин сказал Черчиллю, что «по Конвенции в Монтре Турция имеет все права на проливы, в то время как Советский Союз очень мало имеет прав… необходимо обсудить вопрос о пересмотре Конвенции в Монтре, так как она совершенно не соответствует современной обстановке». Черчилль еще раз выразил свое согласие на предоставление России доступа к тепловодным морям, однако спросил, что конкретно Сталин имеет в виду. Сталин не смог сказать, какие конкретно изменения он хотел бы внести в конвенцию Монтре, но успешно заставил

Черчилля согласиться с тем, что пересмотр конвенции необходим106. Согласно британской версии записи переговоров, Сталин также сказал, что «для России совершенно невозможно оставаться в зависимости от Турции, которая может перекрыть проливы и тем самым помешать экспорту и импорту России и даже ее обороне. Что бы сделала Великобритания, если бы Испании или Египту было дано право закрыть Суэцкий канал, или что делало бы правительство Соединенных Штатов, к примеру, если бы у какой-нибудь южноамериканской республики было право перекрывать Панамский канал?»107.

Во время заключительной встречи 17 октября Черчилль и Сталин обменялись мнениями о будущем Германии108. Сталин еще раз выразил опасение по поводу восстановления мощи Германии и дал понять, что предпочитает расчленить страну. На вопрос Черчилля о том, поддерживает ли он идею образования федерации восточноевропейских государств для защиты от германской агрессии, Сталин дал интересный ответ: советское руководство считает, что первые три-четыре года после войны в Венгрии, Чехословакии и Польше будут преобладать настроения национализма. Первым желанием этих народов будет устроить по-своему свою национальную жизнь… До какой степени режим Гитлера развил национальные чувства, показывает пример Югославии, где… все хотят иметь свою автономию. В первые годы после войны над другими желаниями народов будет превалировать желание пожить полной национальной жизнью без помех. После прошлой мировой войны были созданы некоторые несостоятельные государства, и они потерпели банкротство, так как их создание было мало обосновано. Но теперь было бы опасно кинуться в другую крайность и заставлять малые народы объединяться друг с другом. Трудно представить себе, чтобы чехи и венгры, даже чехи и поляки, нашли общий язык. Поэтому сейчас невозможно думать об объединениях, хотя в будущем они не исключены.

Здесь Сталин немного покривил душой. Советское правительство всегда было настроено против объединения восточноевропейских государств в федерации или конфедерации, поскольку опасалось, что такие объединения могут носить антисоветский характер и даже принимать форму санитарного кордона, установленного Англией и Францией вокруг большевистской России после Первой мировой войны109. Слова Сталина также свидетельствовали о том, что в этот период для него все большее значение имели этнические вопросы и по возможности он всегда высказывался за этническое единство. Именно поэтому он поддержал возвращение Румынии

Трансильвании, региона, населенного в основном румынами, хотя и с достаточно многочисленным венгерским меньшинством110. Что касается политики этнической целостности в контексте самого Советского Союза, именно благодаря ей в 1945 г. Сталин добился передачи СССР от Чехословакии Закарпатской Украины, малонаселенного региона, не имевшего особого экономического или стратегического значения. Как позже объяснял Сталин, русские в XIII в. потеряли Закарпатскую Украину и с тех пор всегда мечтали ее вернуть. Благодаря нашей правильной политике нам удалось вернуть все славянские – украинские и белорусские – земли и осуществить вековые мечты русского, украинского и белорусского народов111.

По результатам визита Черчилля в Москву было подготовлено коммюнике, в котором говорилось о свободном и искреннем обмене мнениями, о значительном успехе в отношении решения польского вопроса и совместной политике в Югославии112. Результаты были не слишком впечатляющими, учитывая, что визит британского премьер-министра длился 11 дней. С другой стороны, переговоры проходили в дружественной атмосфере и отличались полным отсутствием скрытой враждебности, которой были пронизаны предыдущие встречи Сталина и Черчилля – в Москве в 1942 г. и в Тегеране в 1943 г. 19 октября, когда Черчилль уезжал из Москвы, Сталин подарил ему на память вазу, на которой было изображение с весьма уместным названием: «Охотник с луком против медведя». Сталин в течение всего пребывания Черчилля в Москве пребывал в хорошем расположении духа и согласился присутствовать на обеде в британском посольстве – он впервые был там в таком качестве113. Сталин также сопровождал Черчилля на балет в Большой театр. Именно здесь Сталина впервые увидела Кэтлин Гарриман, дочь американского посла. 16 октября она написала своей подруге Памеле Черчилль, которая в то время была замужем за сыном Уинстона Черчилля, Рэндольфом: «Сталин не был в театре с тех пор, как началась война, и еще более поразительным было то, что он пошел туда с иностранцем. В антракте мы были приглашены на банкет, за которым председательствовал Молотов… Поднимались тосты за каждого из присутствующих, и Сталин очень забавно повел себя, когда Моли [Молотов] встал и поднял тост за Сталина, произнеся короткую традиционную фразу про «нашего великого вождя». Сталин, осушив бокал, ответил: «А я думал, он скажет про меня что-нибудь новое!» Моли довольно угрюмо ответил: «Это всегда кстати», мне показалось, что это было очень забавно. Аве[релл] сказал, что Сталин был на редкость весел. У него было

действительно хорошее чувство юмора и, казалось, ему нравилась роль хозяина вечера»114.

С политической точки зрения «процентное соглашение» имело небольшое значение, однако сама готовность Черчилля обсуждать столь масштабное соглашение о разграничении насущных интересов, вероятно, была для Сталина очень важна психологически. Кроме того, большую роль в расчетах Сталина играли трения в англо-американских отношениях, свидетельством которых была реакция Рузвельта на поездку британского премьер-министра в Москву. Накануне отъезда Черчилля в Советский Союз Рузвельт написал Сталину послание, в котором просил, чтобы послу Гарриману было разрешено присутствовать в качестве наблюдателя на предстоящей встрече. Он особенно подчеркивал: «В нынешней всемирной войне буквально нет ни одного вопроса, будь то военный или политический, в котором не были бы заинтересованы Соединенные Штаты. Я твердо убежден, что мы втроем и только втроем можем найти решение по еще не согласованным вопросам. В этом смысле я, вполне понимая стремление г-на Черчилля встретиться, предпочитаю рассматривать Ваши предстоящие беседы с премьер-министром как предварительные к встрече нас троих». Сталину не нужно было объяснять, что имел в виду Рузвельт. Он знал, кто играет ключевую роль в западной части «большого альянса», поэтому в ответном письме успокоил Рузвельта, сказав, что встреча проводится по инициативе Черчилля и что он будет информировать его о том, как будут развиваться события115. Сталин был немного раздражен вмешательством Рузвельта, или сделал вид, что он раздражен, и во время первой же встречи с Черчиллем сказал ему об этом, отметив, что президент США требует слишком много прав для себя и слишком мало прав оставляет для Англии и Советского Союза, которые, в конце концов, связаны договором о взаимопомощи, в то время как между Соединенными Штатами и Советским Союзом такого договора о взаимопомощи не существует. Черчилль разрядил ситуацию, пошутив, что они обсудят результаты переговоров в Думбартон-Оксе, но Рузвельту об этом не скажут116.

Сталин и де Голль

Сразу после Черчилля Сталина посетил еще один важный иностранный гость – генерал де Голль, который прибыл в Москву в начале декабря 1944 г. Сталин очень пренебрежительно отзывался о де Голле на Тегеранской конференции, и не намного лучше – на Ялтинской конференции, которая состоялась через два месяца *после* приезда де Голля в Москву. На встрече с Рузвельтом 4 февраля Сталин заявил, что «де Голль не совсем понимает положение Франции. Американцы, англичане и русские проливали кровь ради освобождения Франции. Французы же потерпели поражение и сейчас имеют лишь восемь дивизий. Тем не менее, де Голль хочет, чтобы у Франции были те же самые права, как у США, Англии и России»117.

На пленарном заседании Ялтинской конференции 5 февраля Сталин выступил против участия Франции в управлении оккупированной Германией и отметил, что «нельзя забывать того, что произошло. Ведь Франция в эту войну открыла ворота немцам. Это стоило союзникам и Европе колоссальных жертв. Вот почему мы не можем ставить Францию на одну доску с тремя великими союзниками»118.

Тем не менее, встретившись лицом к лицу с де Голлем в декабре 1944 г., Сталин был сама любезность и излучал понимание положения и надежд Франции. На первой встрече с генералом 2 декабря Сталин подчеркнул, что поддерживает идею восстановления Франции как великой державы119. Нельзя сказать, что Сталин говорил совершенно неискренне. В апреле 1944 г. французские коммунисты вошли в состав образованного де Голлем Французского комитета национального освобождения, а затем дали согласие занять некоторые должности во временном правительстве, которое теперь возглавлял генерал. Кроме того, Советский Союз был благодарен Франции за направленный в помощь советской армии авиационный полк «Нормандия», пилоты которого принимали участие в некоторых из наиболее ожесточенных воздушных боев на Восточном фронте. С другой стороны, Москва подозревала, что де Голль, будучи консерватором, питал антикоммунистические и антисоветские чувства120.

Де Голль приехал в Москву по собственной инициативе121. Его целью было повысить престиж освобожденной от захватчиков Франции, заключив франко-советский договор наподобие англо-советского договора о союзничестве, подписанного в 1942 г. Сталин был готов подписать такое соглашение, но сначала хотел

убедиться, что у Черчилля и Рузвельта нет возражений122. Он также хотел заручиться поддержкой де Голля в отношении позиции Советского Союза по польскому вопросу. Молотов предложил своему французскому коллеге, Жоржу Бидо, обменяться представителями с ПКНО. В связи с этим польский вопрос был одним из наиболее актуальных на второй встрече Сталина с де Голлем, состоявшейся 6 декабря. В защиту позиции СССР по польскому вопросу Сталин напомнил де Голлю, что линия Керзона после Первой мировой войны была утверждена премьер-министром Франции Клемансо, и указал на то, что за последние 30 лет Польша дважды использовалась в качестве коридора для вторжения немецких войск в Россию. Сталин также защищал действия Советского Союза в ситуации с Варшавским восстанием, говоря, что к тому времени, когда Красная Армия подошла к Варшаве, она уже прошла с боями 600 километров, а ее артиллерия и снаряды отстали на 400 километров123.

На третьем, последнем заседании 8 декабря де Голль поднял германский вопрос, и Сталин оживился, поскольку речь зашла о его излюбленной теме – необходимости не дать немцам подняться. Он сказал генералу, что, по его мнению, политика Англии по отношению к Германии будет очень суровой. Когда де Голль заметил, что, судя по опыту Версальского договора, англичане не смогут долго придерживаться условий карательного мира, Сталин ответил, что на этот раз будет возможность разрушить германскую промышленность и что англичане понимают важность этого. Был поднят и вопрос об отношениях Франции с ПКНО, и Сталин предложил де Голлю сделку. Черчилль обсуждал со Сталиным возможность подписания трехстороннего соглашения с участием Великобритании, а не просто двухстороннего франко-советского пакта. Де Голлю эта идея не понравилась; ему нужно было двухстороннее соглашение со Сталиным на таких же условиях, как и англо-советский пакт. Сталин сказал, что он подпишет такое соглашение, если де Голль согласится обменяться официальными представителями с ПКНО. «Пусть французы окажут нам услугу, а мы окажем им услугу», – сказал Сталин генералу. В конце беседы де Голль вернулся к польскому вопросу и выразил полное понимание политики Советского Союза в отношении Польши. Что касается ПКНО, он отметил, что французы уже предлагали полякам обмен представителями124.

9 декабря Бидо сообщил Молотову, что де Голль готов пойти на обмен представителями с ПКНО в обмен на подписание франко-советского пакта. Однако Молотов потребовал, чтобы Франция помимо этого сделала официальное заявление об этом в

форме обмена письмами между де Голлем и председателем ПКНО. Это было бы равносильно дипломатическому признанию правительства в Люблине – шагу, на который само советское правительство еще официально не пошло. Бидо ответил Молотову, что это предложение неприемлемо125. Очевидно, обсуждение было продолжено тем же вечером за прощальным ужином в честь французской делегации. Возможно, чтобы сделать обсуждение более гладким, Сталин предложил де Голлю «достать пулеметы. Давайте уничтожим этих дипломатов!»126. Впрочем, в столь решительных действиях нужды не было: франко-советский договор о взаимопомощи был подписан на следующий день127. Французы все же настояли на том, чтобы не публиковать заявление по обмену представителями с ПКНО, и могли представить соглашение англичанам и американцам как решение обменяться представителями низшего уровня128. Сталин, в свою очередь, сообщил ПКНО, что эта уступка далась ему с большим трудом и назвал де Голля безнадежным реакционером129.

Как и следовало ожидать, советская пресса подробно освещала визит де Голля и называла франко-советское соглашение поворотным моментом в развитии отношений Франции и СССР. Особое место в общественном обсуждении соглашения отводилось тому значению, которое оно имело для предотвращения германской угрозы, причем не только в настоящем, но и в будущем. Газета «Известия» в передовой статье писала: «Этот враг – не только сегодняшняя гитлеровская армия, которая будет полностью разгромлена; этот враг – германский империализм, который стремится к мировому господству, неизменно и последовательно порождая бисмарков, вильгельмов и гитлеров»130.

Основная причина, по которой Советский Союз оказывал давление на Францию по польскому вопросу, стала очевидной 4 января 1945 г., когда Москва объявила, что официально признает ПКНО в качестве временного правительства Польши131. Это заявление положило конец надеждам на дальнейшие переговоры с эмигрантским правительством в Лондоне по вопросу формирования единого польского правительства, хотя возможность переговоров с такими деятелями, как Миколайчик, по-прежнему не исключалась. Учитывая, что Красная Армия была готова возобновить наступление на Варшаву, Сталин, видимо, решил преследовать свои политические цели в Польше через более подверженный его вниманию орган – ПКНО.

Глава 7 ОСВОБОЖДЕНИЕ, ЗАВОЕВАНИЕ, РЕВОЛЮЦИЯ

Цели Сталина в Германии и Восточной Европе

После того как де Голль уехал из Москвы, перед Сталиным встала новая крупная дипломатическая задача: Ялтинская конференция, назначенная на февраль 1945 г. Организовать вторую встречу «Большой тройки» было идеей Рузвельта, и изначально он рассчитывал, что конференция состоится в Шотландии в сентябре 1944 г., однако Сталин не мог определиться с датой из-за событий на фронте, а затем предложил провести встречу в каком-нибудь из черноморских портов. Сталин ненавидел летать на самолетах, а до черноморского побережья он мог добраться на поезде. К этому времени, однако, в Америке начались президентские выборы, и было решено отложить конференцию до назначенной на январь 1945 г. инаугурации Рузвельта, избранного на должность президента на четвертый срок. Наконец, в качестве места проведения конференции была выбрана Ялта1.

Представление о том, что думал и чувствовал Сталин накануне Ялтинской конференции – самой важной трехсторонней конференции за все время Второй мировой войны, – можно получить из двух источников: косвенно, изучив материалы подготовки советской дипломатии к конференции, и анализируя некоторые довольно неожиданные утверждения, сделанные Сталиным в личном общении в январе 1945 г.

Интересно отметить, что приготовления к Ялтинской конференции в советских дипломатических кругах были не такими тщательными и систематическими, как в случае с московским совещанием министров иностранных дел в октябре 1943 г.

Возможно, причиной этого было то, что позиция СССР по некоторым вопросам к тому времени была уже определена, а рассмотрение частных проблем ее реализации входило в круг обязанностей различных комиссий по внутренней политике и планированию, созданных в 1943 г. Как и в случае с Тегеранской конференцией, для Ялтинской конференции не было подготовлено определенной официальной повестки дня; Сталин, который владел детальной информацией по внешней политике, явно не собирался выдавать эту информацию Великобритании и США.

Как и самого вождя, служащих народного комиссариата иностранных дел во время подготовки к Ялтинской конференции

больше всего заботил германский вопрос. Во-первых, работу над ним вела Комиссия по вопросам перемирия, возглавляемая Ворошиловым. Как и следовало из ее названия, задачей комиссии было выработать официальную политику по условиям капитуляции Германии и других стран «Оси». Работа Комиссии шла параллельно с дискуссиями и переговорами трехсторонней Европейской консультативной комиссии, учрежденной на московском совещании министров иностранных дел. ЕКК базировалась в Лондоне, Советский Союз в ней представлял посол СССР в Великобритании Федор Гусев. К концу 1944 г. ЕКК пришла к соглашению о необходимости безоговорочной капитуляции Германии, о разделе страны на американскую, британскую и советскую зоны военной оккупации и об учреждении Союзной контрольной комиссии для координирования политики союзников по вопросам оккупации. Было также решено разделить Берлин на отдельные оккупационные зоны стран-союзников – несмотря на то, что столица Германии располагалась на востоке страны, в середине территории, которую предполагалось сделать оккупационной зоной СССР. В ноябре к ЕКК присоединилась Франция, которая позже получила свою оккупационную зону Германии и Берлина. При этом, готовясь к оккупации Германии, советская сторона исходила из положения о том, что оккупационный режим будет длительным и что поддерживать его можно будет только в сотрудничестве с Англией и США2.

Второе направление политической деятельности СССР по германскому вопросу было связано с работой Комиссии по репарациям, которую возглавлял Иван Майский. То, что Советский Союз должен будет получать от Германии репарации, с точки зрения Москвы, было вне сомнения; едва ли можно было представить обратное, учитывая, какой ущерб понесла страна из-за немецкого вторжения. Комиссия Майского должна была сформулировать политику относительно того, на какую сумму и в какой форме Советскому Союзу должны будут выплачиваться репарации. Проблема была в том, что англичане и американцы относились к вопросу репараций скептически. Он боялись повторения событий после Первой мировой войны, когда Германия, будучи не в состоянии выплачивать репарации, добилась получения внешних займов, чтобы покрыть долги, а потом отказалась их возвращать. Чтобы избежать такого развития событий, СССР предлагал назначить репарации в имущественной форме, т. е. конфисковать у Германии станки и оборудование. То, что останется от промышленности страны, в дальнейшем должно было ежегодно поставлять товары в СССР. В числе аргументов, которыми оперировали Майский и советское правительство,

отстаивая эту идею, было то, что это также поможет ослабить способность Германии к восстановлению военной мощи3.

Третье направление политической деятельности Советского Союза по германскому вопросу касалось расчленения Германии. Этот вопрос относился к компетенции возглавляемой Литвиновым Комиссии по вопросам мирных договоров и послевоенного устройства. О необходимости разбить Германию на части после войны неоднократно говорил Сталин – в частности, в переписке и личном общении с Черчиллем и Рузвельтом. Неудивительно, что комиссия Литвинова в 1943–1944 гг. уделяла очень много времени обсуждению разных вариантов расчленения Германии. По вопросу того, на сколько частей должна быть разбита Германия, не было принято определенного решения, однако к январю 1945 г. Литвинов предлагал разбить ее максимум на семь частей – Пруссию, Ганновер, Вестфалию, Вюртемберг, Баден, Баварию и Саксонию – и настаивал на том, что это должно составить позицию СССР на переговорах с англичанами и американцами. Опять же, при этом подразумевалось, что осуществление такой радикальной политики (ведь, по сути, это было предложение повернуть время вспять и отбросить Германию назад в XIX век, когда она представляла собой унитарное государство) могло быть возможно только в сотрудничестве с Великобританией и США4.

В период перед Ялтинской конференцией Литвинов также работал и над более грандиозными проектами. В ноябре 1944 г. он подготовил для Молотова доклад «О перспективах и возможной базе советско-британского сотрудничества»5. По мнению Литвинова, основными предпосылками послевоенного сотрудничества Англии и СССР должны были стать сдерживание Германии и поддержание мира в Европе. Вместе с тем, наследством войны, писал Литвинов, станет опасный дисбаланс сил в результате сокрушительного поражения Германии и уменьшения влияния Франции и Италии. Однако эту проблему можно будет решить путем разграничения сфер безопасности Великобритании и СССР в Европе. В частности, Литвинов предложил считать максимальной сферой безопасности СССР Финляндию, Швецию, Польшу, Венгрию, Чехословакию, Румынию, страны Балканского полуострова (за исключением Греции) и Турцию. Сфера безопасности Великобритании должна была охватывать Западную Европу, но при этом предполагалось, что Норвегия, Дания, Германия, Австрия и Италия будут оставаться нейтральной зоной. Как писал Литвинов, такое разграничение означает, что Англия должна обязаться не вступать в какие-либо особо близкие отношения и не заключать

против нашей воли каких-либо соглашений со странами, входящими в нашу сферу безопасности, и само собой, не должна добиваться там военных баз, ни морских, ни воздушных. Такие же обязательства мы можем дать в отношении английской сферы безопасности, за исключением Франции, которая должна иметь право присоединиться к англо-русскому договору, направленному против Германии.

Литвинов связывал перспективы такого англо-советского соглашения с тем, что Великобритания проиграет в борьбе за мировое господство Соединенным Штатам, а это, по его мнению, побудит Лондон к укреплению позиций в континентальной Европе. Литвинов вернулся к вопросу послевоенного сотрудничества Англии и СССР 11 января 1945 г. в записке Молотову «К вопросу о блоках и сферах влияния»6. Он повторно высказал свое предложение по разделу Европы на сферы интереса Великобритании и СССР, отметив, что трехстороннее обсуждение с участием Америки не исключает двухсторонних договоренностей и соглашений между великими державами. Литвинов также прокомментировал идею американского журналиста Уолтера Липпмана о том, что не только Европа, но и весь мир будет разделен на сферы влияния. Это предположение, писал Литвинов, слишком фантастично и нереалистично, чтобы заслуживать серьезного рассмотрения. В частности, Литвинов высмеивал теорию Липпмана о создании всеохватывающего единства интересов, включающего в себя Северную и Южную Америку, Великобританию и Содружество наций, а также Западную Европу. Литвинов не видел никаких причин, по которым Соединенные Штаты Америки должны участвовать в англо-советских переговорах о сферах безопасности, особенно учитывая враждебное отношение американской прессы и общественности к блокам и сферам влияния. Литвинов также указывал, что, возражая против раздела сфер влияния в Европе, американцы закрывают глаза на доктрину Монро и на существование сферы влияния США в Латинской Америке. В заключение Литвинов писал, что любое соглашение о сферах безопасности Великобритании и СССР в Европе должно быть результатом двухстороннего соглашения и не должно зависеть от процесса создания региональных структур будущей международной организации по безопасности.

Единственной проблемой подхода Литвинова было то, что Великобритания пока ничем не показала, что она готова пойти дальше неопределенного и ограниченного соглашения о сферах влияния, каковым являлось «процентное соглашение». Более того, было ясно, что отрицательное отношение США к разделу сфер

влияния будет иметь существенное значение для будущего «большого альянса» и что крупная сделка наподобие той, что предлагал Литвинов, вряд ли могла стать реальностью. Впрочем, это не исключало неофициального распределения сфер влияния Советского Союза и Запада, и именно на это была направлена политика, которую преследовали Сталин и Молотов в 1945 г. Проблема заключалась в том, что, поскольку границы и особенности советской и западной сфер влияния не были определены официально, между двумя сторонами возник ряд серьезных недомолвок и трений. Ситуация еще больше осложнилась из-за того, что Сталин преследовал собственные, связанные с идеологическими факторами, политические цели в послевоенной Европе. Сталин не считал, что его идеологическая политика несовместима с политикой безопасности, однако правящие круги в Лондоне и Вашингтоне сочли расширение политического влияния коммунистов и СССР в послевоенной Европе опасной формой «идеологического *лебенсраум* (жизненного пространства)»7.

Литвинов был не единственным, кто был увлечен строительством грандиозных планов. Уже в январе 1944 г. Майский направил Молотову длинную записку, в которой излагал свои взгляды на предстоящий мир и на возможный послевоенный порядок8. Исходным положением для Майского было то, что главной целью Москвы после войны будет продолжительный период мира (от 30 до 50 лет), в течение которого Советскому Союзу нужно гарантировать безопасность. Для достижения этой цели Советскому Союзу необходимо придерживаться определенной политики. Границы СССР должны быть такими, какими они были в июне 1941 г., Финляндия и Румыния должны заключить пакты о взаимопомощи с Советским Союзом и позволить разместить на своей территории советские военные базы. Независимость Франции и Польши должна быть восстановлена, но ни той, ни другой стране нельзя позволить подняться настолько, чтобы представлять собой угрозу для безопасности Советского Союза. Чехословакия должна стать главным союзником СССР, а с Югославией и Болгарией должны быть подписаны пакты о взаимопомощи. Германию нужно разоружить как в экономическом, так и в идеологическом отношении, а также ослабить ее в военном отношении, чтобы сделать безвредной на следующие 30–50 лет. Советскому Союзу нужно, чтобы Япония потерпела поражение, но он не заинтересован в том, чтобы оказаться втянутым в военный конфликт на Дальнем Востоке, если его территориальные претензии (на приобретение Южного Сахалина и Курильских

островов) могут быть удовлетворены в рамках мирных переговоров. При условии, что в Европе не будет пролетарских революций, Майский не видел причин для острых конфликтов с Великобританией или США после войны. По мнению Майского, США после войны должны были стать динамично развивающимся империалистическим государством экспансионистской направленности, а Великобритания – консервативным империалистическим государством, заинтересованным в сохранении статус-кво. Это означало, что существовали хорошие предпосылки для более тесного послевоенного сотрудничества Великобритании и СССР. Обе страны наверняка были заинтересованы в послевоенной стабильности, а Советам нужна была сильная Англия, которая могла бы служить противовесом американской мощи. Что касается советско-американских отношений, перспективы были не менее радужными. Теперь советские и американские интересы напрямую не пересекались, а в условиях соперничества с Великобританией Вашингтон скорее всего предпочел бы, чтобы Москва поддерживала нейтралитет. В целом не было никаких причин, по которым Советский Союз не мог бы поддерживать хорошие отношения одновременно с Великобританией и США.

По большей части текст записки Майского представлял собой благоприятную интерпретацию политики и перспектив СССР. Наиболее оригинальным в ней было то, что автор выступал в поддержку долгосрочного англо-советского союза. Эта идея была близка к предложенной Литвиновым концепции соглашения о разделе сфер влияния СССР и Великобритании в Европе. Литвинов и Майский довольно тесно сотрудничали, когда Майский был послом СССР в Лондоне, а Литвинов – комиссаром иностранных дел, и продолжали сотрудничать в течение войны. Обоих можно с полным правом было назвать англофилами (Литвинов был женат на англичанке), хотя это не мешало им придерживаться довольно жестких взглядов на внешнюю политику Великобритании. Майского отличало от Литвинова то, что он более чувствительно относился к идеологическому измерению внешней политики Советского Союза и тому, как оно может повлиять на отношения с Великобританией и США. Как и другие советские аналитики, Майский осознавал, что в британской и американской внешней и внутренней политике действуют как реакционные, так и прогрессивные силы. Он понимал, какие осложнения могут возникнуть, если элементы, враждебные новому демократическому строю, который Советы хотели бы видеть в Европе, начнут набирать силу.

К более молодому поколению советского дипломатического

корпуса принадлежал будущий министр иностранных дел Советского Союза, Андрей Громыко. 14 июля 1944 г. Громыко представил Молотову документ под названием «К вопросу о советско-американских отношениях»9, один из целого ряда подобных докладов Молотову на тему разрядки в советско-американских отношениях в годы войны и ее продолжительности10. Взгляд Громыко на советско-американские отношения был по большей части оптимистичным. Он утверждал, что проводимую Рузвельтом политику сотрудничества с Советским Союзом поддерживают большинство членов Конгресса (как от демократической, так и от республиканской партии) и народные массы. Говоря об оппозиции политике Рузвельта, он подчеркивал роль реакционных антикоммунистических элементов прессы и католической церкви. В США насчитывалось 23 млн католиков, отмечал Громыко, в том числе – 5 млн американцев польского происхождения. Громыко также подчеркивал, что американцы опасаются коммунистической революции и советизации, особенно в Восточной Европе. Тем не менее, он все же считал, что советско-американское сотрудничество будет иметь продолжение и после войны, поскольку ориентацию на изоляционистскую внешнюю политику сменил интерес к европейским и международным делам, а у США были общие интересы с Советским Союзом в том, что касалось немецкой угрозы и обеспечения условий для долгосрочного мира. Громыко также указывал значимые экономические и торговые причины для послевоенного советско-американского сотрудничества и делал вывод, что «несмотря на трудности, которые, вероятно, будут возникать время от времени… несомненно, существуют условия для продолжения сотрудничества между двумя странами… В значительной степени отношения между двумя странами в послевоенный период будут определяться отношениями, сформированными и продолжающими формироваться в военное время».

В другом письме Молотову, написанном десять дней спустя, Громыко анализировал причины, по которым Гарри Трумэн сменил вице-президента Генри Уоллеса в качестве соперника Рузвельта в выборах на пост президента США 1944 г. С точки зрения Громыко, Уоллес был смещен, поскольку придерживался слишком радикальных взглядов и конфликтовал с деловыми кругами, а также правосторонними консервативными элементами демократической партии и «южного блока» сенаторов и конгрессменов от демократической партии. Тем не менее, заключал Громыко, в отношении внешней политики Трумэн «всегда поддерживал Рузвельта. Он сторонник сотрудничества

между Соединенными Штатами и их союзниками. Он выступает за сотрудничество с Советским Союзом. Он положительно отзывается о Тегеранской и Московской конференциях»11.

Как посол СССР в Соединенных Штатах, Громыко получил задание передавать в Москву информацию о том, какие вопросы могут быть подняты на Ялтинской конференции. В своих докладах он отмечал ряд вопросов, которые могли вызвать противоречия – таких, как Польша, Греция, Югославия, конференция в Думбартон-Оксе, роль ЕКК – и предлагал тактику, которой должна придерживаться советская делегация, чтобы обезопасить свои интересы в этих сферах. Однако ничто в отчетах Громыко не говорило о том, что какое-либо из этих препятствий непреодолимо, или что оно не может быть устранено путем соглашения. По польскому вопросу он придерживался мнения, что Рузвельт в конечном итоге признает временное правительство в Люблине. По греческому вопросу он писал, что Советы не должны вмешиваться в борьбу между Англией и коммунистами-партизанами ЭЛАС-ЭАМ, но должны ясно показать, что симпатизируют прогрессивным элементам Греции. По югославскому вопросу – что, возможно, Тито удастся заручиться поддержкой Англии и США. Для Громыко, возглавлявшего советскую делегацию в Думбартон-Оксе, особый интерес представляла дискуссия по поводу вето. По этому вопросу он придерживался очень жесткой позиции: Советы не должны ни при каких условиях отступать от принципа единогласного принятия решений; без права вето Советский Союз может оказаться в меньшинстве в ЕКК, если против него объединятся Великобритания и США, а в дальнейшем – и в Совете Безопасности ООН12.

То, что говорили и предлагали Громыко, Литвинов и Майский, совсем не обязательно отражало то, что думал Сталин. Однако в сталинской России возможности для дискуссии были весьма ограниченными, и обычно определял их сам диктатор. Даже столь независимому в своих суждениях деятелю, как Литвинов, приходилось соблюдать осторожность, чтобы не переступить черту того, что допускается говорить. Как и перед историками будущего, перед этими тремя политическими деятелями среднего уровня стояла непростая задача: попытаться разгадать, что было у Сталина на уме, читая между строк его официальных заявлений, интерпретируя то, что говорилось о нем в советской прессе, и используя доступную им конфиденциальную информацию. Единственное преимущество, которое у них было перед историками последующих поколений, было в том, что все трое они имели возможность лично общаться

со Сталиным и еще чаще – со своим непосредственным начальником, Молотовым, который всегда придерживался почти таких же взглядов, как и вождь. Что касается Литвинова, он всегда достаточно много лично общался со Сталиным, но во время войны это общение значительно сократилось, потому что Молотов, давний соперник Литвинова, постарался сделать все, чтобы изолировать его. Майский во время войны по-прежнему имел возможность прямого общения со Сталиным, особенно после того, как тот был отозван из Лондона в Москву. Громыко не так много виделся со Сталиным, однако он был одной из восходящих «звезд» комиссариата иностранных дел и у него были хорошие отношения с Молотовым. Одним словом, вполне логично предположить, что рассуждения Громыко, Литвинова и Майского об устройстве послевоенного мира не отличались оригинальностью, а отражали основные формулировки, которые использовались в обсуждении внешней политики и международных отношений на высшем политическом уровне. Их доклады говорят о том, что по крайней мере в дипломатической сфере советское правительство видело будущее в рамках долгосрочного трехстороннего сотрудничества. Именно такую позицию занимал Советский Союз в преддверии Ялтинской конференции.

Более наглядно о мыслях Сталина накануне Ялтинской конференции говорят записи его бесед в январе 1945 г. с делегацией созданного Тито Национального комитета освобождения Югославии. Делегацию возглавлял Андрия Хебранг, член политбюро югославской коммунистической партии. Во время первой встречи со Сталиным 9 января разговор шел главным образом о проблемах на Балканах. Хебранг перечислил территориальные претензии Югославии. Сталин выразил поддержку, однако заметил, что передача территорий должна быть основана на этническом принципе, и что было бы лучше, если бы требования по присоединению к Югославии исходили от местного населения. Когда Хебранг упомянул о претензиях на греческую Македонию и Салоники, Сталин предупредил, что югославы создают положение, в котором они оказываются во враждебных отношениях с Румынией, Венгрией, Грецией и, кажется, собираются воевать со всем миром, что не имеет смысла. Сталин также осудил стремление Югославии включить в свою федерацию Болгарию, сказав, что гораздо лучше было бы создать конфедерацию, включающую в себя обе страны на равных условиях. Говоря о кризисе в Греции, Сталин отметил, что Великобритания опасается, как бы Красная Армия не пошла в Грецию. В этом случае, сказал Сталин Хебрангу, картина там

была бы иная, но в Греции без флота ничего не сделаешь. «Англичане удивились, когда увидели, что Красная Армия в Грецию не пошла. Они не могут понять стратегии, которая не допускает движения армии по расходящимся линиям. Стратегия Красной Армии основывается на движении по сходящимся линиям». Что касается вопроса о правительстве Югославии, Сталин сказал, что Тито пока не стоит провозглашать временное правительство. Англичане и американцы его не признают, а советское правительство сейчас связано такими же делами в Польше. Сталин также настоятельно рекомендовал югославам не давать Черчиллю никакого повода делать в их стране то, что он делает в Греции, и попросил запрашивать мнение Москвы прежде, чем принимать важные решения, чтобы советское правительство не оказалось «в глупом положении». Развивая эту мысль, Сталин сказал: «В отношении к буржуазным политикам нужно быть осторожными. Они… обидчивы и мстительны. Свои чувства надо держать в руках; если чувства руководят – проиграете. В свое время Ленин не мечтал о таком соотношении сил, которого мы добились в этой войне. Ленин считался с тем, что все будут наступать на нас… А теперь получилось, что одна группа буржуазии пошла против нас, а другая – с нами. Ленин раньше не думал, что можно оставаться в союзе с одним крылом буржуазии и воевать с другим. Нам это удалось; нами руководит не чувство, а рассудок, анализ, расчет»13.

Обсуждая эту встречу с Димитровым на следующий день, Сталин сказал, что ему не понравилось поведение югославов, хотя сам Хебранг показался разумным человеком14. В телеграмме Тито об итогах встречи от 11 января Хебранг отмечал, что Сталин считает «необходимым проявлять осмотрительность в вопросах внешней политики. Наша главная задача – закрепить достижения победы. Необходимо избегать больших требований к соседним странам, чтобы не спровоцировать негативных отношений или столкновений с нами»15.

28 января Хебранг еще раз встретился со Сталиным. На этот раз присутствовала болгарская делегация, и один из ее членов, коммунист В. Коларев, делал записи высказываний Сталина. Главной целью встречи было обсудить отношения между Болгарией и Югославией, и Сталин вновь подчеркнул, что объединение двух стран должно быть постепенным и основанным на равноправии. По более общим вопросам Сталин заявил: «Капиталистический мир разделен на два враждебных блока – демократический и фашистский. Советский Союз пользуется этим в борьбе с самой опасной страной для славян – Германией. Но и после разгрома Германии будет продолжать существовать угроза

войны/вторжения. Германия – крупное государство с большой промышленностью, сильной организацией, рабочей силой и традициями; она никогда не смирится с поражением и будет по-прежнему представлять опасность для славянского мира, потому что она считает его врагом. Империалистическая опасность может прийти с другой стороны.

Сегодняшний кризис капитализма вызван главным образом загниванием и взаимоуничтожением двух враждебных лагерей. Эта ситуация благоприятна для победы социализма в Европе. Но мы должны отказаться от мысли о том, что победа социализма может быть достигнута только через советский строй. Она может быть представлена и другими политическими системами – например, демократией, парламентской республикой и даже конституционной монархией»16.

Еще один вариант записи высказываний Сталина во время этой встречи, проходившей на его даче, содержится в дневнике Димитрова: «Германия будет разгромлена, но немцы – крепкий народ с многочисленными кадрами; они снова поднимутся. Славянские народы не будут застигнуты врасплох в следующий раз, когда они попытаются напасть – а это вероятно, даже наверняка, случится в будущем. Старое славянофильство выражало цель царской России – подчинить другие славянские народы. Наше славянофильство – нечто совершенно другое: объединение славянских народов как равных для совместной защиты нашего существования и будущего… Кризис капитализма проявил себя в разделении капиталистов на две группировки – фашистскую и демократическую. Наш союз с демократической группировкой стал возможным потому, что последняя была заинтересована в предотвращении господства Гитлера, поскольку это жестокое государство довело бы рабочий класс до крайностей и до свержения самого капитализма. Мы сейчас объединились с одной группировкой против другой, но в будущем мы объединимся и против первой группировки капиталистов тоже.

Возможно, мы ошибаемся, когда полагаем, что советская форма – единственная, ведущая к социализму. На практике оказывается, что советская форма лучшая, но далеко не единственная форма. Могут быть другие формы – демократическая республика и даже при определенных условиях – конституционная монархия»17.

Слова Сталина о двух ветвях капитализма часто интерпретируют так, будто он считал конфликт с демократической группировкой капиталистов неизбежной. Однако, как показывают обе цитаты, на самом деле Сталин имел в виду прежде всего долгосрочную угрозу со стороны Германии и

необходимость объединения славянских народов перед лицом этой угрозы. Сталин хотел сказать своим болгарским и югославским товарищам, что славяне в борьбе с Германией могут полагаться только на себя, а не на продолжительный альянс с демократическим капитализмом: он надеялся, что «большой альянс» с Великобританией и США будет продолжительным, но все могло оказаться и иначе. Не менее ясно было и то, что в качестве стратегии коммунизма Сталин предлагал умеренный политический курс, основанный на постепенных реформах, а не на революционных переворотах образца России 1917 г. Именно такой оставалась политика Сталина в отношении коммунистического движения еще два-три года; и лишь когда стало ясно, что стратегия постепенного политического продвижения коммунизма провалилась, его позиция стала более активной и приобрела более явную левацкую направленность, тем самым дав «зеленый свет» расизму коммунистов в Югославии и в других странах Европы.

Впрочем, непосредственно перед началом Ялтинской конференции все говорило о том, что трехстороннее сотрудничество будет развиваться успешно. Ни в дипломатической, ни в политической стратегии Сталина ничто не предвещало крупных конфликтов с Англией и США – по крайней мере, в ближайшем будущем. Складывались подходящие условия для серьезных переговоров с Черчиллем и Рузвельтом по ряду текущих противоречий и для создания основы долговечного послевоенного «большого альянса».

Крымская конференция

Ялтинская, или Крымская, как называли ее в Советском Союзе, конференция представляла собой гораздо более грандиозное событие, чем Тегеранская. Делегации были более многочисленными, в их состав входило больше представителей руководящего состава. Сталин, например, прибыл на конференцию в сопровождении Молотова, заместителя начальника Генштаба Антонова, адмирала флота Кузнецова, заместителя комиссара иностранных дел Вышинского, а также Громыко, Гусева и Майского. Обсуждался гораздо более широкий круг вопросов, чем в Тегеране, дискуссии были более глубокими и было принято больше решений. На предыдущей встрече «Большой тройки» в центре обсуждения была война; на встрече в Ялте руководители трех страны были сосредоточены на том, каким должен быть послевоенный мир.

Обстановка, в которой проходила конференция, была почти сказочной: это был величественный Ливадийский дворец – расположенный в курортном городе Ялта на берегу Черного моря дворец царя Николая II с 50-ю комнатами. Во время оккупации Крыма дворец был сильно поврежден немецкими войсками, однако русские восстановили его, насколько это было возможно. Одним из недостатков здания был серьезный недостаток туалетов, чем была очень недовольна американская делегация18. Этот недостаток удобств затронул даже самих руководителей трех держав. Кэтлин Гарриман, сопровождавшая своего отца на конференцию, писала Памеле Черчилль, что в один из дней конференции во время перерыва в заседании Сталин быстрым шагом вышел из конференц-зала в поисках уборной: «Д.Д. [Дядюшке Джо] показали туалет, но он сразу вышел – это была умывальная, туалета там не было. К тому времени расположенную поблизости уборную уже занял премьер-министр, и наши ребята из посольства отвели Сталина черт знает куда – вниз по коридору, где был следующий оттуда туалет. В этой неразберихе сталинские офицеры НКВД разминулись, и начался хаос – они начали носиться туда-сюда, перешептываясь между собой. Думаю, они решили, что американцы устроили похищение или что-то в этом роде. Через несколько минут в дверях появился невозмутимый Д.Д. и порядок был восстановлен!»19

Как и на Тегеранской конференции, лидеры «Большой тройки» проводили двухсторонние встречи и трехсторонние пленарные заседания. Для Сталина первым пунктом программы 4 февраля 1945 г. стала встреча с Черчиллем. К этому моменту

советские войска и войска союзников уже сражались в Германии, и главы государств обменялись мнениями о развитии боевых действий20. Затем Сталин встретился с Рузвельтом и имел с ним более продолжительный разговор, в ходе которого оба продолжили критиковать де Голля, как и во время Тегеранской конференции21. Первое пленарное заседание началось в 17:00 в тот же день. Сталин предложил Рузвельту открыть заседание, что тот и сделал, заявив, что участники конференции уже хорошо понимают друг друга и должны беседовать откровенно. Пленарное заседание затем приняло форму обмена информацией и мнениями по поводу военной ситуации на разных фронтах22.

Обсуждение политических проблем в Ялте началось на втором пленарном заседании, 5 февраля. Главной темой было будущее Германии, и Сталин очень настаивал на том, чтобы страны более четко выразили свое намерение расчленить Германию. «Видимо, все мы стоим за расчленение Германии, – сказал он Рузвельту и Черчиллю. – Но нужно это оформить в виде решения. Он, товарищ Сталин, предлагает принять такое решение на сегодняшнем заседании». Напомнив о встрече с Черчиллем в Москве в октябре 1944 г., Сталин отметил, что из-за отсутствия Рузвельта было невозможно принять решение о расчленении Германии, но он «хотел бы знать, не пришло ли время для решения этого вопроса?». Еще через некоторое время Сталин прервал Черчилля и спросил, «когда же союзники поставят вопрос о расчленении Германии перед новыми людьми в Германии? Ведь этого вопроса нет в условиях капитуляции. Может быть, добавить в условия капитуляции статью о расчленении Германии?». Отвечая на предложение Рузвельта передать этот вопрос на рассмотрение министров иностранных дел трех стран, которые должны были подготовить план такого проекта, Сталин сказал, что можно было бы принять это «компромиссное предложение», однако «нужно прямо сказать, что мы считаем нужным расчленить Германию, поскольку все мы за это стоим». Продолжая эту мысль, Сталин сказал: «Второй пункт решения должен заключаться в том, чтобы в условиях капитуляции добавить пункт о расчленении Германии без указания, на сколько частей. Он, товарищ Сталин, хотел бы, чтобы о решении расчленить Германию знала та группа лиц, которой будут предъявлены условия безоговорочной капитуляции. Союзникам важно, чтобы любая группа, будь то генералы или другие лица в Германии, знала, что Германия будет расчленена. Товарищу Сталину кажется рискованным план Черчилля не говорить руководящей группе немцев о расчленении Германии. Было бы целесообразно сказать им об этом заранее. Нам выгодно как

союзникам, чтобы военная группа или правительство не только подписали условия капитуляции, выработанные в Лондоне, но и подписали условия о расчленении Германии с тем, чтобы это связало население. Тогда население легче примирится с расчленением».

В итоге Сталин согласился, что было бы неразумным заранее обнародовать планы о расчленении Германии, однако продолжал требовать более ясного выражения позиции союзников и включения расчленения в условия капитуляции: «Сталин далее говорит, что можно было бы принять решение, первый пункт которого гласил бы: «Расчленить Германию и учредить комиссию для разработки конкретного плана расчленения». Второй пункт решения гласил бы: «Добавить к условиям безоговорочной капитуляции пункт о расчленении Германии без упоминания о числе частей, на которые она будет расчленена»23.

Далее участники совещания перешли к обсуждению того, следует ли предоставить Франции одну из оккупационных зон в Германии. Сталин выступал против, утверждая, что французы этого не заслужили и что такое решение приведет к тому, что другие страны-союзники тоже потребуют свою долю оккупационной зоны. Уступил он лишь тогда, когда стало ясно, что французская зона оккупации будет выделена из американской и английской зон. В то же время Сталин продолжал выступать против включения Франции в состав Союзной контрольной комиссии по Германии, несмотря на возражения англичан о том, что было бы нелогичным предоставить Франции зону оккупации и не дать ей места в Союзной контрольно комиссии. Сталин, очевидно, не был готов продолжать дискуссию на эту тему, поэтому он перевел разговор на более удобную для него тему репараций и объявил, что Майский, который сидел рядом с ним, сейчас сделает доклад о советских планах по этому вопросу. Для Майского это было неожиданностью, и он шепотом сказал Сталину, что в советских требованиях по репарациям еще нет конкретных цифр. Молотов, который сидел с другой стороны от Сталина, вмешался в разговор, и было тут же решено требовать 10 млрд долларов репараций, а не пять миллиардов – именно такая минимальная сумма фигурировала во внутреннем обсуждении вопроса в советском правительстве до конференции24.

Майский, как ему и было приказано, сделал доклад, в котором в общих чертах осветил позицию Советского Союза по вопросу репараций. Во-первых, Германия должна выплачивать репарации не в денежной, а в имущественной форме. Во-вторых, Германия должна выплачивать репарации в конце войны – в

форме массового изъятия из ее национальных запасов заводов, оборудования, транспорта и инструментов, а впоследствии – в форме ежегодных поставок продукции. В-третьих, Германия должна быть разоружена экономически репарациями, только пятая часть ее довоенной тяжелой промышленности должна остаться нетронутой. В-четвертых, репарации должны быть выплачены в течение 10 лет. В-пятых, для осуществления плана репараций экономику Германии должны в течение длительного времени строго контролировать Великобритания, США и СССР. В-шестых, все страны-союзники, которым Германия нанесла ущерб, должны быть удовлетворены путем репараций, при этом главным принципом должен быть следующий: страна, понесшая больше всего ущерба, должна получать больше всего выплат, однако это ни в коем случае не подразумевает полной реституции. Когда речь зашла о сумме репараций для Советского Союза, Майский решил перестраховаться и сказал, что она должна составлять не менее 10 млрд долларов. В заключение он предложил создать англо-американо-советскую комиссию по репарациям, которая должна встречаться в Москве для обсуждения подробностей плана.

За докладом последовало обсуждение, в ходе которого Черчилль и Рузвельт заявляли, что опыт Первой мировой войны заставляет сомневаться в том, насколько разумно пытаться добиться у Германии репараций, но оба согласились с необходимостью создать комиссию по репарациям. В конце заседания Черчилль язвительно заметил, что, по его мнению, репарационный план должен основываться на принципе «каждому по потребностям, а от Германии по ее силам». Сталин ответил, что «предпочитает другой принцип: каждому по заслугам»25. В окончательный вариант протокола конференции были включены основные положения советского репарационного плана, однако, по настоянию Черчилля, никаких конкретных цифр там указано не было. Упоминалась цифра 20 миллиардов долларов как общая сумма репараций (из которой СССР должен был получить половину), но только для дальнейшего обсуждения комиссией по репарациям.

На третьем пленарном заседании 6 февраля «Большая тройка» обсудила вопрос права голосования великих держав в будущей Организации Объединенных Наций. Сталин подчеркнул, что установленная процедура должна быть продумана таким образом, чтобы избежать расхождений между великими державами, и что нужно создать такую организацию, которая могла бы гарантировать мир по меньшей мере на следующие 50 лет. Это первое обсуждение не привело ни к каким определенным

результатам, однако в дальнейшем в ходе конференции вопрос о голосовании был решен в порядке соглашения, принятием принципа единогласия великих держав, которого по сей день придерживается Совет Безопасности ООН. Было также решено, что на учредительную конференцию ООН в Сан-Франциско может быть приглашена любая страна, которая до конца текущего месяца объявит войну Германии. Эта уловка была придумана Черчиллем для того, чтобы дать возможность попасть на конференцию Турции (Анкара объявила войну Германии 23 февраля 1945 г.). При этом на конференцию решено было не допускать страны, сохранившие нейтралитет (такие, как Ирландия), но не оказавшие поддержки, которую они, по мнению британского премьер-министра, должны были оказать26.

Гораздо более щекотливым был поднятый Черчиллем 6 февраля польский вопрос – более конкретно, вопрос о признании просоветски настроенных «люблинских поляков» в качестве Временного правительства Польши (сама формулировка вопроса была не совсем правильной, потому что к этому времени ПКНО переехал в Варшаву). Как Черчилль, так и Рузвельт хотели, чтобы вместо так называемого люблинского правительства было создано временное правительство на более широкой основе, которое отражало бы общественное мнение в Польше. В ответ Сталин выступил с решительной поддержкой политики СССР по польскому вопросу, отметив, что возрождение сильной и независимой, но дружественной Польши для СССР является жизненно важным вопросом безопасности. Кроме того, он утверждал, что «новое варшавское правительство… имеет никак не меньшую демократическую базу, чем, например, правительство де Голля»27. Последнее утверждение Черчилль оспорил, сказав, что его поддерживает не более трети польского народа28.

После третьего пленарного заседания Рузвельт передал Сталину записку, в которой ясно давал понять, что США не намерены признавать люблинское правительство, и вместо этого предлагал сформировать новое правительство, в состав которого войдут поляки, проживающие в Польше и за границей, в том числе бывшие члены лондонского эмигрантского правительства – такие, как Миколайчик29. В ответ на четвертом пленарном заседании 7 февраля советская сторона выдвинула по польскому вопросу предложение из трех основных частей: а) признать линию Керзона; б) считать, что западная граница Польши должна проходить по линии Одер – Нейсе; в) пополнить люблинское правительство некоторыми «демократическими деятелями» из эмигрантских польских кругов30. Это предложение в основном

представляло собой вариации на тему той позиции, которой Советский Союз придерживался уже больше года. Оно вызвало бурное обсуждение, затянувшееся на несколько заседаний «Большой тройки» и трех министров иностранных дел (Идена, Молотова и Эдварда Стеттиниуса, сменившего Халла на посту госсекретаря США), встречавшихся как отдельно, так и в рамках пленарных заседаний. В итоге было решено, что «действующее ныне в Польше Временное правительство» будет «реорганизовано на более широкой демократической базе с включением демократических деятелей из самой Польши и поляков из-за границы. Это новое правительство должно затем называться Польским Временным Правительством Национального Единства». Линию Керзона было решено признать восточной границей Польши, а окончательное определение западной границы Польши с Германией отложить до предстоящей мирной конференции.

Достичь соглашения о составе правительства освобожденной Югославии оказалось значительно проще. Стороны быстро приняли решение о том, что Тито и югославские политики в изгнании должны образовать единое правительство Югославии.

Не меньшим единодушием отличалось и обсуждение участия Советского Союза в войне на Дальнем Востоке – вопроса, который уже затрагивали Сталин и Рузвельт на двухсторонней встрече 8 февраля31. Было достигнуто соглашение о том, что СССР должен аннулировать подписанный в апреле 1941 г. советско-японский пакт о нейтралитете и начать войну на Дальнем Востоке через два – три месяца после разгрома Германии. В обмен на это Советский Союз должен получить обратно территории, которые империалистическая Россия проиграла Японии в результате поражения в русско-японской войне 1904–1905 гг. Советскому Союзу будет возвращен Южный Сахалин и Курильские острова; Порт-Артур, расположенный в материковой части Китая, будет предоставлен ему в качестве морской базы, а близлежащий Далянь будет интернационализирован с учетом интересов СССР в этом порту. Для обеспечения прав Москвы на эксплуатацию железной дороги, проходящей через Маньчжурию, будет создана совместная советско-китайская компания. Единственной оговоркой по этому вопросу было то, что все соглашения, касающиеся Китая, необходимо было также обсудить с китайской стороной и получить ее согласие. Впрочем, ни Сталин, ни Рузвельт не думали, что это может вызвать большие затруднения; оба полагали, что Китай будет только благодарен, если вступление Советского Союза в войну будет связано для него со столь незначительными уступками.

11 февраля 1945 г. «Большая тройка» встретилась в

последний раз, чтобы обговорить коммюнике по результатам конференции. С согласованием текста больших проблем не возникло, и заявление было опубликовано на следующий день от имени Черчилля, Рузвельта и Сталина. В нем излагалась политика «Большой тройки» по вопросам Германии, Организации Объединенных Наций, Польши и Югославии. Также в заявлении содержался текст «Декларации об освобожденной Европе», в которой Великобритания, США и СССР соглашались бороться за уничтожение нацизма и фашизма и за создание демократической Европы на основе свободных выборов. В завершение руководители трех стран обещали сохранить после войны свое единство и создавать условия для прочного и продолжительного мира. Помимо этого заявления о политическом курсе был и конфиденциальный протокол. В нем излагались решения конференции, которые «Большая тройка» обнародовать не хотела – например, ее решения по участию СССР в войне на Дальнем Востоке32.

У Сталина были все причины быть довольным результатами Ялтинской конференции. Почти по всем вопросам повестки дня Советский Союз добился удовлетворения своих требований. Лидеры «Большой тройки» снова были в хороших отношениях, и Сталин снова, как и во время Тегеранской конференции, проявил себя как умелый дипломат. Единственной уступкой желаниям Запада стало подписание «Декларации об освобожденной Европе». Однако в советской версии этот документ приобрел скорее антинацистское, чем демократическое звучание – да и в любом случае, Сталин был уверен, что его европейские союзники-коммунисты войдут в состав коалиционных правительств на широкой основе, о которых говорилось в декларации, и успешно выиграют в выборах, которые должны последовать за формированием правительств. Советская пресса освещала результаты конференции, как и следовало ожидать, в восторженных тонах33. Майский подготовил для Молотова шаблон конфиденциальной телеграммы, которая должна была быть разослана во все советские посольства. В телеграмме говорилось: «В целом атмосфера на конференции была дружественной, было ощущение, что все стремились достичь соглашения по спорным вопросам. Мы оцениваем конференцию в высшей степени положительно, особенно по польскому и югославскому вопросам, а также по вопросу репараций»34. В личном письме Александре Коллонтай, послу СССР в Швеции, Майский написал, что «крымская конференция была очень интересной. Особенно впечатляющим было то, что наше влияние в общем и влияние лично Сталина было необыкновенно большим.

Решения конференции были на 75 % нашими решениями… Сотрудничество «Большой тройки» сейчас стало очень тесным, и Германии нечего праздновать, ни во время войны, ни после нее»35.

И все же полтора месяца спустя после Ялтинской конференции Сталин рассматривал перспективы сотрудничества с западными союзниками в мрачном свете. На приеме в честь приезда чехословацкой делегации в конце марта 1945 г. Сталин вновь заговорил о необходимости единения славян перед лицом германской угрозы. При этом о роли Великобритании и США в этом деле он говорил с плохо скрываемым пессимизмом: «Мы, новые славянофилы-ленинцы, славянофилы-большевики, коммунисты, стоим не за объединение, а за союз славянских народов. Мы считаем, что независимо от разницы в политическом и социальном положении, независимо от бытовых и этнографических различий все славяне должны быть в союзе друг с другом против нашего общего врага – немцев. Вся история жизни славян учит, что этот союз нам необходим для защиты славянства. Вот возьмите хотя бы две последние мировые войны. Из-за чего они начались? Из-за славян. Немцы хотели поработить славян. Кто больше всех пострадал от этих войн? Как в Первую, так и во Вторую мировую войну больше всех пострадали славянские народы: Россия, Украина, белорусы, сербы, чехи, словаки, поляки…

Сейчас мы сильно бьем немцев, и многим кажется, что немцы никогда не сумеют нам угрожать. Нет, это не так.

Я ненавижу немцев. Но ненависть не должна мешать нам объективно оценивать немцев. Немцы – великий народ. Очень хорошие техники и организаторы. Хорошие, прирожденные храбрые солдаты. Уничтожить немцев нельзя, они останутся. Мы бьем немцев, и дело идет к концу. *Но надо иметь в виду, что союзники постараются спасти немцев и сговориться с ними. Мы будем беспощадны к немцам, а союзники постараются обойтись с ними помягче.* Поэтому мы, славяне, должны быть готовы к тому, что немцы могут вновь подняться на ноги и выступить против славян. Поэтому мы, новые славянофилы-ленинцы, так настойчиво и призываем к союзу славянских народов. Есть разговоры, что мы хотим навязать советский строй славянским народам. Это пустые разговоры. Мы этого не хотим, т. к. знаем, что советский строй не вывозится по желанию за границу, для этого требуются соответствующие условия. Мы могли бы в Болгарии установить советский строй, там этого хотели. Но мы не пошли на это. В дружественных нам славянских странах мы хотим иметь подлинно демократические правительства» [курсив наш. –

Дж. Р.]36.

Слова Сталина о том, что его союзники постараются обойтись с немцами помягче, отражали его разочарование по поводу того, что на Ялтинской конференции Черчилль и Рузвельт сопротивлялись решению о расчленении Германии. После конференции Сталин пересмотрел собственную позицию и в свете нежелания западных союзников принять курс на расчленение Германии отказался от этой идеи. 24 марта Молотов телеграфировал Гусеву, представителю СССР в лондонской трехсторонней комиссии по расчленению, что Москва не считает обязательным к исполнению решение Ялтинской конференции по расчленению Германии. Телеграмма Молотова была ответом на доклад Гусева о том, что англичане предлагают считать расчленение страны лишь одним из многих возможных вариантов. Это предложение, как справедливо отмечал Гусев, было неудовлетворительным, поскольку ставило под сомнение достигнутое в Ялте принципиальное согласие по вопросу расчленения Германии. Молотов, однако, дал Гусеву указания не возражать против предложения англичан, объясняя это тем, что Великобритания и США пытаются взвалить ответственность за расчленение Германии на СССР37. Сталин, по-видимому, решил, что если Германия не будет расчленена, то по крайней мере, его не должны сделать виновным в том, что он на этом настаивал. С этих пор Сталин и в личных беседах, и в официальных выступлениях говорил только о единой Германии – разоруженной, демилитаризованной, денацифицированной, демократизированной, но только не расчлененной.

Еще одной причиной угрюмого расположения духа, в котором пребывал Сталин, было наступившее после Ялтинской конференции охлаждение отношений с Польшей. В Ялте было решено, что комиссия по польскому вопросу, состоящая из Молотова, Гарримана и Кларка Керра, будет заниматься осуществлением решения по реорганизации люблинского правительства и созданию нового временного правительства Польши. Первая встреча комиссии состоялась в Москве 23 февраля, и беседа поначалу была очень дружественной, однако на последующих встречах дискуссии каждый раз перерастали в продолжительные ожесточенные споры38. Как утверждала советская сторона, в Ялте было решено, что так называемое люблинское правительство должно быть расширено за счет включения в него других политических деятелей Польши. Советская сторона также настаивала на том, что в новое польское правительство могут входить только те, кто принял решения Ялтинской конференции по польскому вопросу. Это значило, что

в состав правительства не могут войти такие политики, как Миколайчик, который отказался признать линию Керзона в качестве советско-польской границы – по крайней мере, без дальнейшего обсуждения. Англичане и американцы интерпретировали решения Ялтинской конференции по Польше несколько иначе: они считали, что должно быть создано совершенно новое временное правительство, и стремились облегчить правила игры для прозападных польских политиков, которые им были угодны. К началу апреля работа комиссии зашла в тупик. Рузвельт призвал Сталина помочь преодолеть тупиковую ситуацию, однако руководитель СССР был непреклонен. Он был намерен добиться создания в Польше дружественного Советскому Союзу правительства, и дал понять, что движение вперед возможно только в том случае, если англичане и американцы примут предлагаемую Москвой интерпретацию Ялтинского соглашения. Если это произойдет, писал Сталин Рузвельту, «решение по польскому вопросу может быть достигнуто в короткий срок»39.

В это же время правительственный кризис переживала и Румыния40. В конце февраля 1945 г. заместитель комиссара иностранных дел Андрей Вышинский прибыл в Бухарест с требованием заменить существующее правительство другим, на основе возглавляемого коммунистами Национального Демократического Фронта. В результате последний из целого ряда внутренних кризисов в Румынии завершился формированием уже четвертого правительства со времени ее капитуляции летом 1944 г. Советское правительство считало, что оно действует в Румынии сдержанно, преследуя цель стабилизировать внутреннюю ситуацию, обеспечить осуществление мирного соглашения и сделать максимальным вклад страны в продолжающуюся войну против Германии. Проводить такую умеренную политику Советам постоянно мешали призывы действовать более решительно, поступавшие от коммунистических союзников в самой стране, а также интриги румынских политиков, опиравшихся на дипломатическую поддержку Великобритании и Америки. Еще больше осложняли ситуацию заявления британцев и американцев о том, что вмешательство Вышинского не отвечает требованиям Декларации об освобожденной Европе. В ответ Молотов указывал на то, что румынское правительство не выполнило условия мирного договора и не предприняло необходимых действий по искоренению фашистских и нацистских элементов в стране41. Сталин прямо не участвовал в этих разногласиях, хотя был хорошо осведомлен о событиях в Румынии советскими

разведслужбами42.

Цели Сталина в Восточной Европе

Но какими были цели Сталина в долгосрочной перспективе в отношении Польши, Румынии и других стран, освобожденных, завоеванных и оккупированных Красной Армией? В ходе войны Сталин регулярно отрицал, что его целью является революция или насильственное установление коммунизма. То же самое он говорил и в личном общении своим соратникам-коммунистам. Например, в апреле 1944 г. Сталин и Молотов отправили следующую телеграмму Тито и югославским коммунистам: «Мы считаем Югославию союзником Советского Союза, а Болгарию – союзником врагов Советского Союза. В будущем мы бы хотели, чтобы Болгария отделилась от немцев и стала союзником Советского Союза. В любом случае, мы хотели бы, чтобы Югославия стала нашей главной опорой в Юго-Восточной Европе. И мы считаем необходимым объяснить, что мы не планируем советизации Югославии и Болгарии, а вместо этого предпочитаем поддерживать контакты с демократической Югославией и Болгарией, которые будут союзниками СССР»43.

Хотя главной целью Сталина было создать в Восточной Европе дружественные ему режимы, он также хотел создать геоидеологическую защитную зону вдоль западной границы СССР, чтобы обеспечить территориальную безопасность страны за счет поддержания по соседству дружественного политического пространства. Это политическое пространство определялось с идеологической точки зрения как «новая демократия». Хорошее представление об отношении Советского Союза к «новой демократии» дает обстоятельная статья «Развитие демократии в освобожденных странах Европы», напечатанная в октябре 1945 г. в теоретическом журнале советской коммунистической партии «Большевик»44.

Статья начиналась с утверждения о том, что цели Советского Союза и коммунистов в Европе выросли из данного Сталиным определения войны как освободительной борьбы, которая должна привести к разгрому нацизма, восстановлению национальной независимости и суверенитета и замене установленного нацистами в Европе «нового порядка» демократическим строем. В свете таких целей коммунистам отводится роль патриотов, возглавляющих «национальные фронты» антифашистов и демократов, работающих над созданием нового демократического порядка в своих странах. При таком новом народном демократическом строе бывшая правящая элита – особенно элита, связанная с нацизмом, – будет смещена, политическая роль и

влияние рабочего класса и крестьянства станет определяющей, земля будет перераспределена, а многие отрасли промышленности – национализированы. Государство, в том числе вооруженные силы, будет демократизировано, и контролировать его будет рабочий класс. На смену этническим разграничениям придет дружба народов по образцу Советского Союза – с уважением различий между народами и защитой прав меньшинств.

Само собой подразумевалось, что такие новые демократические государства должны были стать политическими и дипломатическими союзниками СССР, и в статье прямо говорилось о роли Советского Союза в процессе социально-экономических преобразований и демократизации. Более того, в ней утверждалось, что в Восточной Европе, где Красная Армия занимала положение, позволяющее поддержать борьбу возглавляемых коммунистами народных фронтов, новые демократические государства достигли наиболее полного развития. Западноевропейские страны, освобожденные от нацизма, напротив, пока не продвинулись на пути к новой демократии, потому что Великобритания и США предпочитают мириться с элементами прежних реакционных правящих сил, которые по-прежнему обладают значительным влиянием.

В статье ничего не говорилось о связи между «новой демократией» и социализмом и коммунизмом или даже о борьбе против капитализма, но это было и не нужно. Коммунистическое движение начало формулировать идею переходного режима народной демократии еще в 1930-е гг. Образцом была Испания периода гражданской войны, когда коммунисты вошли в состав левого республиканского правительства и попытались создать радикальный антинацистский режим, целью которого была социально-политическая трансформация испанского общества, и одновременно вести военную борьбу против Франко. Радикальное преобразование Испании при республиканском правительстве путем перераспределения земель и огосударствления промышленности рассматривалось испанскими коммунистами и их московскими наставниками из Коминтерна как основа для дальнейшего развития в направлении социализма45.

В советской прессе можно было найти и другие рассуждения и исследования, подобные указанной статье: в журнале «Война и рабочий класс» (в 1945 г. он был переименован в «Новое время») и издании «Вопросы внешней политики» – секретном информационном бюллетене Центрального Комитета советской партии, который начал выпускаться в конце 1944 г.46.

Сталин выразил свои взгляды по этому вопросу в ряде

личных бесед с лидерами коммунистических партий стран Восточной Европы в 1945–1946 гг. В марте 1945 г. Сталин сказал Тито, что «сегодня социализм возможен даже в условиях английской монархии. Революция теперь не должна происходить повсюду… Да, даже и при английском короле возможен социализм». Когда один из представителей югославской делегации сказал, что в Югославии, в сущности, советская власть, потому что все ключевые позиции в руках коммунистической партии, Сталин возразил: «Нет, у вас не советская власть – у вас нечто среднее между Францией де Голля и Советским Союзом»47. В разговоре с лидерами польских коммунистов в мае 1946 г. Сталин подробно изложил свои взгляды на «новую демократию»: «В Польше нет диктатуры пролетариата, и она там не нужна. Может быть, и у нас в СССР, если бы не война, диктатура пролетариата приобрела бы другой характер… У нас были сильные противники, мы должны были свалить трех китов – царя, помещиков и довольно сильный, разбавленный иностранцами класс русских капиталистов. Для того, чтобы одолеть эти силы, нужна была власть, опирающаяся на насилие, т. е. диктатура. У вас положение совершенно иное. Ваши капиталисты и помещики в такой степени скомпрометировали себя связями с немцами, что их удалось смять без особого труда. Патриотизма они не проявили. Этого «греха» за ними не водилось. Несомненно, что удалить капиталистов и помещиков в Польше помогла и Красная Армия. Вот почему у вас нет базы для диктатуры пролетариата.

Строй, установленный в Польше, – это демократия, это новый тип демократии. Он не имеет прецедента… Ваша демократия особая. У вас нет класса крупных капиталистов. Вы провели национализацию промышленности в 100 дней, а англичане ведут за нее борьбу в течение 100 лет. Поэтому не копируйте западные демократии, пусть они копируют вас. Демократия, которая установилась у вас в Польше, в Югославии и отчасти в Чехословакии, – это демократия, которая приближает Вас к социализму без необходимости установления диктатуры пролетариата и советского строя. Ленин вовсе не говорил, что нет других путей для построения социализма, кроме диктатуры пролетариата, наоборот, он допускал возможность прихода к социализму путем использования таких учреждений буржуазного демократического строя, как парламент и другие институты»48.

По словам Клемента Готвальда, лидера чехословацких коммунистов, в июле 1946 г. Сталин сказал ему: «Опыт показывает, и классики марксизма-ленинизма учат, что нет единого пути к советскому строю и к диктатуре пролетариата, при определенных условиях возможен другой путь… Вообще,

после разгрома гитлеровской Германии, после Второй мировой войны, которая так дорого стоила, но которая уничтожила правящие классы в целом ряде стран, повысилось самосознание народных масс. В таких исторических условиях много возможностей и путей было открыто для социалистического движения»49.

В августе 1946 г. Сталин вернулся к теме неуместности диктатуры пролетариата в беседе с польскими союзниками: «Должна ли Польша пойти по пути установления диктатуры пролетариата? Нет, не должна. Такой необходимости нет. Более того, это было бы вредно. Перед Польшей, как и перед другими странами Восточной Европы, в результате этой войны открылся другой, более легкий, стоящий меньше крови путь развития – путь социально-экономических реформ. В результате войны в Югославии, Польше, Чехословакии, Болгарии и других странах Восточной Европы возникла новая демократия… более комплексная демократия. Она затронула как политическую, так и экономическую жизнь страны. Эта демократия совершила экономические преобразования. Так, например, в Польше новое демократическое правительство осуществило аграрную реформу и национализацию крупной промышленности, а это вполне достаточная база для того, чтобы без диктатуры пролетариата двигаться по пути дальнейшего развития в сторону социализма. В результате этой войны изменился облик коммунистических партий, изменились их программы»50.

В сентябре 1946 г. Сталин рекомендовал болгарским коммунистам образовать «трудовую» партию: «Вам нужно объединить рабочий класс с другими слоями трудящихся на основе программы-минимум, а время программы-максимум еще придет… По сути, партия будет коммунистической, но у вас будет более широкая основа и лучшее прикрытие на нынешний период. Это поможет вам достичь социализма другим путем – без диктатуры пролетариата. Ситуация радикально изменилась по сравнению с нашей революцией, необходимо применять разные методы и формы… Вы не должны бояться обвинений в оппортунизме. Это не оппортунизм, а применение марксизма к нынешней ситуации»51.

Как показывают эти высказывания, Сталин предпринимал активные попытки переоценить универсальность советской модели революции и социализма. В этом не было ничего нового или удивительного. Коммунистическое движение с первых дней своего существования пересматривало свои взгляды и идеи по этому фундаментальному вопросу. В 1919 г., когда был образован Коминтерн, коммунисты ожидали, что революции

большевистского, повстанческого типа вскоре охватят всю Европу. Когда этого не произошло, стратегия и тактика коммунистической революции была переосмыслена и адаптирована; основной целью стало усиление роли и влияния коммунистов внутри капиталистической системы. Изначально это рассматривалось как временное изменение тактики, подготовительная ступень к захвату власти, который неизбежно последует за революционным кризисом капитализма. Однако чем дольше откладывалась революция, тем больше политика увеличения политического влияния коммунистов внутри капиталистической системы становилась самоцелью. В 1930-е гг.

приоритетной целью стала борьба с фашизмом, что заставило Коминтерн более положительно оценивать достоинства буржуазной демократии и задумываться о переходной роли, которую демократические антифашистские режимы могут сыграть в борьбе за социализм. Отсюда оставался лишь небольшой идеологический шаг до принятой в военной время стратегии антифашистского народного фронта на широкой основе и далее к послевоенной перспективе новой демократии и народной демократии52.

Но в какой степени новая демократия была конечной точкой, а в какой степени – отправной точкой? Что, когда и как должно было последовать за новой демократией? Каким путем должны были коммунисты идти к социалистическому обществу, если не путем жестокой диктатуры пролетариата, как это произошло в случае Советского Союза? В одной из бесед с поляками Сталин напомнил им, что СССР – уже не диктатура, а советская демократия (как это было заявлено в новой конституции СССР 1936 г.). По словам Ракоши, лидера венгерских коммунистов, в 1945 г. Сталин сказал ему, что до полного захвата власти коммунистической партией в Венгрии придется подождать от 10 до 15 лет53. Видимо, Сталин имел в виду долгий постепенный переход к социализму и демократии по образцу Советского Союза; этот переход должен быть мирным и должен быть достигнут путем демократических реформ, а не революционного переворота, однако оставалось неясным, должны ли иметь место в этих переходных режимах элементы демократии западного образца – парламент, партии, конкурентные выборы, политическая оппозиция, и если должны, то как долго. Не следовало забывать и о том, что к моменту окончания Второй мировой войны Сталину было уже за шестьдесят, и вряд ли можно было ожидать, что он доживет до того времени, когда дойдет до завершения этот долгосрочный эксперимент с народной демократией. Возможно, это также сыграло свою роль в

неопределенности его стратегической перспективы.

На деле эксперимент с народной демократией оказался недолговечным, и новые режимы, созданные при поддержке Сталина, быстро утратили свою демократичность. К 1947–1948 гг. словосочетание «народная демократия» стало синонимом системы советского типа с абсолютным доминированием коммунистической партии, а народные фронты на широкой основе, пришедшие к власти в Восточной Европе в конце Второй мировой войны, существовали лишь номинально. Одна из причин резких изменений в мышлении и системе ценностей Сталина, как указывает Эдвард Марк, – то, что новая демократия, вопреки ожиданиям руководителя СССР, не смогла приобрести популярность в Восточной Европе. Как утверждает Марк, Сталин искренне считал, что его «постепенная революция» будет иметь успех в Восточной Европе благодаря поддержке народных масс и принятия новой демократии, и ожидал, что коммунисты получат руководящую роль в результате свободных и открытых выборов54. Именно в таком ключе происходило общение Сталина с лидерами коммунистических партий Восточной Европы в первые годы после войны: их беседы были посвящены в большей степени непосредственной политической тактике, чем рассуждениям о сущности народной демократии. Очевидно, Сталин был уверен, что, при условии выбора правильной политики и правильной тактики в сочетании с достаточной силой воли, коммунисты одержат верх над своими политическими противниками и их радикальный режим новой демократии получит поддержку абсолютного большинства. Официально Сталин выразил свою уверенность в идее народной демократии и политических перспективах коммунистических партий в своем ответе на речь Черчилля о «железном занавесе», произнесенную в марте 1946 г. Сталин назвал Черчилля антибольшевиком и милитаристом, а затем добавил: «Господин Черчилль бродит около правды, когда он говорит о росте влияния коммунистических партий в Восточной Европе. Следует, однако, заметить, что он не совсем точен. Влияние коммунистических партий выросло не только в Восточной Европе, но почти во всех странах Европы, где раньше господствовал фашизм… или где имела место… оккупация… Рост влияния коммунистов нельзя считать случайностью. Он представляет вполне закономерное явление. Влияние коммунистов выросло потому, что в тяжелые годы господства фашизма в Европе коммунисты оказались надежными, смелыми, самоотверженными борцами против фашистского режима, за свободу народов… у «простых людей», есть свои взгляды, своя политика, и они умеют постоять за себя.

Это они… забаллотировали в Англии господина Черчилля и его партию… Это они… изолировали в Европе реакционеров, сторонников сотрудничества с фашизмом и отдали предпочтение левым демократическим партиям. Это они… решили, что коммунисты вполне заслуживают доверия народа. Так выросло влияние коммунистов в Европе»55.

Уверенность Сталина в увеличении влияния коммунизма в Европе не была безосновательной, как видно из следующей таблицы численности коммунистических партий, опубликованной в мае 1946 г. в журнале «Вопросы внешней политики»56:

СТРАНА	ЧИСЛЕННОСТЬ ДО ВОЙНЫ	ЧИСЛЕННОСТЬ ПОСЛЕ ВОЙНЫ
Австрия	16 000	132 000
Албания	1000	12 000
Бельгия	10 000	100 000
Болгария	8000	427 000
Великобритания	15 000	50 000
Венгрия	30 000	608 000
Германия	300 000	805 000
Голландия	10 000	50 000
Греция	нет данных	100 000
Дания	2000	60 000
Испания	250 000	35 000
Италия	58 000	58 000
Норвегия	5000	22 000
Польша	20 000	310 000
Румыния	1000	379 000
Финляндия	1000	25 000
Франция	340 000	1 000 000
Чехословакия	80 000	1 292 000
Швеция	11 000	48 000
Югославия	4000	250 000

Эти впечатляющие достижения коммунистических партий стран Европы в послевоенные годы отражали и результаты прошедших после войны выборов. Если даже говорить об одной только Восточной Европе, в ноябре 1945 г. на выборах в Болгарии возглавляемый коммунистами «Отечественный фронт» набрал 88 % голосов; в Чехословакии в мае 1946 г. коммунисты набрали 38 % голосов; в Венгрии в ноябре 1945 г. коммунистам удалось получить всего 17 % голосов, но на выборах в августе 1947 г. эта цифра увеличилась до 22 %, и левый блок во главе с

коммунистической партией получил 66 % мест в парламенте; на выборах в Польше в январе 1947 г. возглавляемый коммунистами «Демократический блок» набрал 80 % голосов; в ноябре 1946 г. в Румынии возглавляемый коммунистами «Блок демократических партий» также набрал 80 % голосов; в Югославии в ноябре 1945 г. 90 % электората проголосовало за коммунистический «Народный фронт» (хотя в данном случае альтернативы не было, поскольку оппозиция бойкотировала выборы)57.

Впрочем, успех коммунистических партий был недостаточно полным для реализации идей Сталина об установлении в послевоенной Европе народной демократии, подконтрольной Советскому Союзу. На выборах в Чехословакии, Югославии и даже Венгрии коммунисты выиграли честно, хотя и с большим трудом, однако в трех государствах, которые имели гораздо большее значение для безопасности СССР – Болгарии, Польше и Румынии, – победа на выборах была достигнута только благодаря массовой подтасовке результатов, принуждению и запугиванию. Еще одна проблема послевоенной политики Сталина заключалась в том, что относительно либеральный режим народной демократии, который он хотел установить, почти не находил опоры в политической истории Восточной Европы в виде демократических традиций. Политическая история всех стран Восточной Европы, кроме Чехословакии, в период между двумя мировыми войнами состояла в основном из авторитарного правления, националистской демагогии и репрессий против коммунистов. Как следствие, коммунистические партии стран Восточной Европы (опять же, за исключением Чехословакии) почти не обладали ни опытом демократической политической жизни, ни желанием брать на вооружение ее методы. Вдобавок к этому, Сталин и сам имел весьма приблизительные представления о демократической политике. Читая лекции восточноевропейским коммунистам о преимуществах новой демократии, он одновременно давал им наставления о беспощадной тактике, необходимой для того, чтобы изолировать оппонентов и максимально увеличить свое политическое влияние. Особенно провокационными казались Сталину постоянные попытки противников восточноевропейских коммунистов вынести свои внутренние затруднения на международную сцену, задействовав Великобританию и США. Любое вмешательство со стороны англичан или американцев для Сталина было неприемлемым: он определял Восточную Европу как сферу влияния, в дела которой не должна была вмешиваться ни одна держава, кроме его собственной. Интересно отметить, что единственной из побежденных стран, избежавшей участи

народной демократии в советском стиле, была Финляндия – страна, руководители которой упорно отказывались просить американцев и англичан вступиться за них. Вместо этого они пытались своими политическими силами справиться с советским оккупационным режимом и с партнерами по коалиции от финской коммунистической партии. У Сталина не было причин опасаться, что Финляндия перейдет в сферу влияния Запада, если ее не будут контролировать коммунисты, и удовлетворился тем, что позволил стране сохранять нейтралитет, когда началась «холодная война»58.

К беспокойству Сталина по поводу вмешательства Запада в его сферу влияния в Восточной Европе все чаще примешивались опасения, что постепенное ухудшение отношений СССР с Великобританией и США в 1946–1947 гг. приведет к образованию антикоммунистического блока западных стран. Хотя отказ коммунистов от строительства новой демократии в Восточной Европе произошел не в одночасье и большое влияние на него оказало развитие событий внутри страны, в конечном итоге радикальное изменение стратегии и тактики Сталина в этом регионе было связано с началом «холодной войны» в 1947 г. «Большой альянс» переживал кризис, и Сталин решил сделать ставку на жесткий контроль в сфере влияния в Восточной Европе, которую можно было объединить во внешнеполитический блок. Такой блок стойко сопротивлялся бы любым попыткам Запада посягнуть на политическое и территориальное пространство, которое Сталин считал жизненно важным для безопасности СССР.

К концу Второй мировой войны перед Сталиным стояли две стратегических и политических цели: во-первых, сохранить «большой альянс» с Великобританией и США и тем самым продолжить сотрудничество великих держав, необходимое для сдерживания возможной угрозы со стороны Германии в долгосрочной перспективе; во-вторых, осуществить свои давние идеологические цели в Европе посредством установления переходного режима народной демократии (это было политическое средство, которое гарантировало, что с запада с Советским Союзом будут граничить дружественные страны). По мнению Сталина, эти две стратегические цели по определению не противоречили друг другу. Он полагал, что сохранение «большого альянса» в мирное время отвечает интересам Запада, а установление народной демократии, по его расчетам, не было угрозой для демократического капитализма западного образца, существовавшего в Великобритании и США: обе страны в результате войны стали в большей степени обладать чертами социал-демократического государственного капитализма и

немного приблизились к советской модели и модели народной демократии. Сталин был также готов принять доминирование Англии и Америки в их сферах интересов и оказать сдерживающее влияние на коммунистов Западной Европы, побуждая их придерживаться более умеренной версии народной демократии, в которой подчеркивался бы приоритет послевоенного восстановления и сохранения национального единства.

Однако Сталин (и это был не первый такой случай в его политической карьере) допустил ошибку, спроецировав свои собственные расчеты и рассуждения на других. После войны его партнеры по «большому альянсу» постепенно все больше начали рассматривать Германию как союзника в борьбе против коммунизма, а не как потенциальную угрозу, против которой нужно было по-прежнему объединяться с Советским Союзом. Не были англичане и американцы готовы и принять свое отстранение от дел в советской сфере влияния в Восточной Европе – особенно учитывая, что Сталин явно продолжал вмешиваться в дела в их сфере влияния в Западной Европе при посредничестве коммунистических партий западноевропейских стран. Кроме того, они рассматривали послевоенный подъем коммунистического движения и влияния СССР в Европе как угрозу в ближайшей, а не в долгосрочной перспективе. Народную демократию они считали всего лишь уловкой и ожидали, что в послевоенной политике Сталина произойдут радикальные изменения, в результате которых под угрозой окажутся их наиболее насущные интересы. Западные державы в полном смысле слова накликали на себя беду. Их излишне осторожные действия по борьбе с предполагаемой угрозой спровоцировали ответную реакцию в форме жестко контролируемого советско-коммунистического блока в Восточной Европе и повышенной активности коммунистического движения в Западной Европе – как раз этого Лондон и Вашингтон боялись больше всего.

Сталин совсем не хотел после войны вступать в политическую борьбу с Западом, однако отступать перед лицом этих сложностей он был не намерен – ведь иначе ему пришлось бы отказаться от влияния и контроля СССР в Восточной Европе. Сталин такой колоссальной ценой выиграл битву с Гитлером, что теперь он просто не мог позволить себе потерять мир – даже если для этого нужно было вступить в опасную «холодную войну».

Глава 8 ПОСЛЕДНИЕ БИТВЫ

Сталин, Трумэн и конец Второй мировой войны

Красная Армия возобновила наступление на Берлин в январе 1945 г. В ходе наступательной операции, известной как операция «Висла – Одер», советские войска прошли через всю Польшу на территорию Восточной Пруссии и Восточной Германии. К тому времени, когда наступление в феврале 1945 г. исчерпало свои ресурсы, наступающие подразделения Красной Армии были в 80 километрах от столицы Германии. Операция «Висла – Одер» стала крупнейшей наступательной операцией советской армии за все время Второй мировой войны. Численность двух основных фронтов, участвовавших в операции, составляла 2,2 миллиона человек и больше танков и самолетов (4500 и 5000 соответственно), чем было в распоряжении всей Красной Армии в мае 1942 г. Красная Армия, у которой было в одиннадцать раз больше пехоты, в семь раз больше танков и в двадцать раз больше авиации и артиллерии, продвигалась со скоростью 25–30 км в день; она взяла в плен 147 000 солдат и уничтожила или почти уничтожила более 50 немецких дивизий1.

Планирование операции «Висла – Одер» было начато осенью 1944 г., в период затишья в наступательных действиях на центральном участке фронта после неудачной попытки Красной Армии взять Варшаву. Генштаб решил, что лучше будет перегруппировать войска и не спеша подготовить крупное наступление, чем бросать на штурм обессиленные войска с растянутыми линиями снабжения. Тем временем были организованы наступательные операции с флангов – на юге, в Венгрии и Австрии, и на севере, в Восточной Пруссии в направлении Кенигсберга. Целью этих атак было отвлечь немецкие войска от центральной оси наступления Варшава – Берлин. Генеральный штаб планировал в новом году осуществить двухэтапную операцию общей продолжительностью полтора месяца, кульминацией которой должен был стать захват Берлина. Хотя, по замыслу Генштаба, от первого этапа наступления предполагалось сразу перейти ко второму этапу, решение о штурме Берлина было принято только после переоценки того, как разворачивалась операция2.

Операцию должны были осуществлять 1-й Белорусский фронт и 1-й Украинский фронт при поддержке 2-го Белорусского и 3-го Белорусского фронтов. Командование 1-м Украинским фронтом осуществлял маршал Конев. 1-й Белорусский фронт возглавлял

маршал Рокоссовский, которого в ноябре 1944 г. сменил Жуков. Задачей 1-го Белорусского фронта было продвинуться по центру и захватить Берлин: такую ответственную и почетную задачу Сталин мог доверить только Жукову, заместителю Верховного главнокомандующего. Рокоссовского перевели на 2-й Белорусский фронт, однако Сталин заверил его, что это не второстепенный участок фронта, а часть основного наступления. «Если не продвинетесь вы и Конев, – сказал Сталин, – то никуда не продвинется и Жуков»3. Роль, отведенная в этих действиях маршалу Василевскому, была в определенном смысле второстепенной. Он координировал действия 1-го и 2-го Балтийских фронтов, и в связи с его отсутствием в Москве роль начальника Генштаба была возложена на его заместителя, генерала Алексея Антонова, и именно Антонов сопровождал Сталина на Ялтинскую конференцию в феврале 1945 г. Ничто не говорило о том, что Василевский впал в немилость (хотя отношение Сталина к его генералам действительно было подвержено беспричинным изменениям). Скорее Сталин просто ценил способность Василевского координировать боевые действия на сложных участках фронта; что еще большее важно, глава СССР уже решил перевести его на Дальний Восток, чтобы возглавить готовящееся наступление на японские войска в Маньчжурии. Планам Сталина, однако, помешала смерть генерала Черняховского, командующего 3-м Белорусским фронтом (еврея по происхождению). В феврале 1945 г. Василевский был назначен на его место и в результате сыграл неожиданно существенную роль в окончательном завоевании Германии.

Главной идеей операции «Висла – Одер» было занять территорию между двумя реками, которые разделяли на две части соответственно Восточную Польшу и Восточную Германию. Задачей Рокоссовского было нанести удар по территории Северной Польши в направлении Гданьска. Конев должен был направить войска на юге к Вроцлаву и важному промышленному району Силезии, который Сталин очень хотел захватить по экономическим и стратегическим соображениям. (В разговоре с Коневым он назвал этот район «золотым» и распорядился приложить все усилия, чтобы сохранить его промышленные ресурсы4.) Целью Жукова было захватить Варшаву, а затем продвигаться к Познани и дальше к Берлину. Перед Черняховским была поставлена цель уничтожить силы немцев в Восточной Пруссии, захватить Кенигсберг и, объединив свои войска с войсками Рокоссовского, начать совместное наступление по приморским районам Прибалтики. Во время отсутствия в Москве Жукова и Василевского командование этим сложным

наступлением по нескольким фронтам из Ставки осуществлял Сталин (такую роль он выполнял впервые), ему умело помогали Антонов и генерал С.М. Штеменко, начальник оперативного управления Генштаба.

Дата начала операции «Висла – Одер» до сих пор остается предметом дискуссий. 6 января 1945 г. Черчилль спросил у Сталина в письме, можно ли ожидать наступления советских войск в Польше, которое могло бы облегчить напряженность на Западном фронте, создавшееся в результате Арденнского контрнаступления немцев в декабре 1944 г. На следующий день Сталин ответил, что, несмотря на неблагоприятные погодные условия, советское наступление скоро начнется. Черчилль, как и следовало ожидать, горячо поблагодарил Сталина, а Сталин в приказе по войскам в феврале 1945 г. обратил особое внимание на то, что операция «Висла – Одер» позволила спасти положение на Западном фронте5. Представляется, однако, что начало операции изначально было запланировано на 8–10 января, но было отложено из-за плохой погоды6. Поэтому вполне возможно, что Сталин приписывал себе несуществующие заслуги перед западными союзниками. С другой стороны, Конев в своих мемуарах вполне определенно пишет, что начало наступления его фронта было запланировано на 20 января, однако 9 января Антонов попросил его ускорить приготовления и начать наступление как можно скорее7.

Конев начал наступление 12 января, а 14-го бросили свои войска в бой Жуков и Рокоссовский. Жуков и Конев быстро продвигались вперед. 17 января силам 1-го Белорусского фронта была сдана Варшава, а 19-го Конев захватил Краков. К концу месяца войска Жукова и Конева достигли своей первоначально поставленной цели – русла Одера. 2-му Белорусскому фронту Рокоссовского везло не так сильно. 20 января он получил приказ повернуть войска на правом фланге на север, к Восточной Пруссии, чтобы помочь в продвижении на Кенигсберг войскам 3-го Белорусского фронта под командованием Черняховского. В результате продвижение собственного фронта Рокоссовского к Северному Одеру замедлилось, а на левом фланге образовалась брешь между его войсками и быстро продвигающейся в центральной части фронта армией Жукова8. Вследствие этого наступление Жукова в направлении Берлина стало объектом для удара сил вермахта, дислоцированных в Померании (северной провинции Германии, примыкающей к Восточной Пруссии). Поначалу ни самого Жукова, ни Ставку это особенно не беспокоило. Когда в конце января Жуков и Конев одновременно выдвинули предложение продолжить наступление с целью

захватить Берлин к середине февраля, Сталин дал на это согласие. Впоследствии он продолжал одобрять подобные планы даже во время Ялтинской конференции. К середине февраля, однако, стало очевидно, что единственный способ справиться с угрозой в Померании – перебросить значительную часть 1-го Белорусского фронта в поддержку войскам Рокоссовского в этой области. Это означало, что надежды Жукова взять Берлин маршем не оправдались. Тем временем наступление Конева на юге тоже замедлилось. В начале февраля его войска проникли на территорию Нижней Силезии к западу от Одера, однако продвигались они медленно. 4-й Украинский фронт, прикрывавший левый фланг Конева, тоже испытывал трудности. По всему фронту к этому времени были все те же проблемы, с которыми сталкивались все масштабные наступления советских войск: обессиленные войска, недостаток снабжения и логистические сложности. К концу февраля операция «Висла – Одер» закончилась, хотя в Восточной Пруссии и Померании продолжались жестокие сражения.

Неудавшаяся попытка Красной Армии взять Берлин в феврале 1945 г. была еще одним из целой череды излишне оптимистичных планов, которые окончились не так, как было задумано. Перефразируя Клаузевица, можно сказать, что ни один из стратегических планов советского командования не выдержал столкновения с врагом. Впрочем, не все признают, что Сталин и Ставка безуспешно пытались взять Берлин. Существует предположение, что Сталин намеренно отказался от возможности сразу захватить Берлин по политическим причинам: он не хотел делать отношения внутри альянса СССР и Запада еще более напряженными, особенно с 4 по 11 февраля, пока продолжалась Ялтинская конференция. Кроме того, с политической точки зрения выгодным было и продвижение с флангов – по направлению к Венгрии, Чехословакии, Австрии и Дании, а не к Берлину9. Это предположение не находит документального подтверждения: от идеи молниеносного захвата Берлина Сталин окончательно отказался лишь *после* Ялтинской конференции. Никаких значительных трений внутри альянса СССР с Западом конкретно в этот период тоже не было. Еще одну гипотезу выдвинул генерал Чуйков в своих мемуарах, опубликованных в 1964 г. Чуйков, герой Сталинградской битвы, был командиром 8-й гвардейской армии (позже переименованной в 62-ю армию) и служил вместе с Жуковым на 1-м Белорусском фронте во время марша на Берлин. Чуйков заявлял, что Жуков хотел взять Берлин в феврале, но Сталин отклонил его предложение. Жуков, как и многие другие члены командования, принимавшие участие в этих

событиях, опровергал заявления Чуйкова и настаивал на том, что задержка в наступлении на Берлин была связана с логистическими затруднениями и с угрозой, которую представляли мощные немецкие подразделения в Померании и Восточной Пруссии10. Из последующих изданий своих мемуаров Чуйков удалил соответствующие места, признав официальную версию о том, что Берлин просто не мог быть взят в феврале 1945 г.11.

Существование столь разных точек зрения на стратегическое планирование советского командования в начале 1945 г. заставляет задуматься о том, как развивались взгляды Сталина на ситуацию на фронте. Некоторую информацию об этом можно извлечь из его взаимодействия с западными военными и политическими лидерами в этот период. В середине декабря 1944 г. у Сталина была продолжительная беседа с послом Гарриманом о ситуации на Восточном и Западном фронтах. Гарриман рассказал Сталину о планируемых Англией и Америкой наступательных действиях на западе и спросил, какой поддержки они могут ожидать в виде наступления советских войск на востоке. Хотя у Ставки уже были практически готовы планы операции «Висла – Одер», Сталин не спешил раскрывать намерения Советского Союза. Он заверил Гарримана, что крупное советское наступление действительно будет, однако подчеркнул, что перевес Красной Армии заключается в авиации и артиллерии, а не в численности войск, и для эффективного использования этого преимущества требуется хорошая погода. Пока погода остается плохой, сказал Сталин, «русские считают неразумным предпринимать крупные операции». Перспективы в южной части фронта были лучше, и он пригласил англичан и американцев присоединиться к наступлению на Вену12. Этот разговор состоялся незадолго до контрнаступления немцев в Арденнах – события, которое заставило усомниться в том, что войска союзников в ближайшее время смогут перейти через Рейн. Затруднения в действиях англо-американских войск имели немаловажное значение для перспектив предстоящего советского наступления, которое зависело от того, будут ли значительные силы немцев заняты на западном театре боевых действий. Эти соображения наглядно проявились в разговоре Сталина с главным маршалом авиации Теддером 15 января 1945 г. Во время беседы глава СССР с беспокойством осведомился о заявлениях немцев, что Арденнское контрнаступление позволило им задержать наступление союзников как минимум на два месяца и как максимум на шесть. Теддер прибыл в Москву в качестве заместителя главнокомандующего союзными экспедиционными

силами, генерала Эйзенхауэра, и его задачей было получить информацию о стратегических планах Советского Союза. Сталин рассказал Теддеру о только что начавшемся советском наступлении, сказав, что целью его было дойти до Одера, хотя он сам и не уверен, что эта цель будет достигнута. Он также заявил, что из-за погодных условий (т. е. весенних дождей и распутицы) в период с середины марта по конец мая крупномасштабное наступление на Восточном фронте будет приостановлено. Сталин считал, что война закончится не раньше лета – и скорее всего, главной причиной будет то, что к тому времени немцы будут голодать. Он добавил: «Немцы могут произвести много картофеля, но он считает, что для того, чтобы вести длительную войну, им потребуется зерно (которого у них не будет)… мы не должны забывать, однако, что немцы бережливы и выносливы. У них больше упорства, чем ума. Вообще, им не следовало предпринимать наступление в Арденнах; это было очень глупо с их стороны. По его мнению, немцы и сейчас должны перебрасывать силы с запада. Если они этого не сделают, они не смогут оказывать сопротивление на востоке. Вес наступления Красной Армии в настоящее время таков, что на востоке нет возможности местной переброски ресурсов»13.

Из этих двух бесед явно следует, что Сталин с осторожностью оценивал перспективы советской наступательной операции. Он не ожидал, что немцы быстро потерпят поражение и не допускал, что Берлин может быть взят в краткосрочной перспективе. Не следует забывать и еще один момент, о котором пишет в своих мемуарах Штеменко. На этом этапе войны взятие Берлина не означало победы над Германией. У немцев были сильные войска в Венгрии, Западной Европе, Восточной Пруссии и Померании, и шли разговоры о том, что Гитлер может отвести войска в «альпийскую крепость», захватить которую будет очень непросто14.

На Ялтинской конференции об успехах советского наступления «Большой тройке» докладывал генерал Антонов на первом пленарном заседании 4 февраля. Он всячески подчеркивал, что наступление было начато раньше, чем планировалось, по просьбам союзников, и обратил внимание на то, что немцы перебросили большое количество войск с запада на восток, в том числе направили войска для защиты Берлина вдоль линии Одера. Из этого Антонов делал вывод, что союзники должны начать свое наступление в середине февраля и что они должны принять меры, чтобы не дать немцам перебросить войска на Восточный фронт. В последовавшей за докладом дискуссии Сталин упомянул о том, что, начав свое наступление раньше срока, Советский Союз сделал гораздо больше, чем был обязан в

соответствии с соглашениями о совместных боевых действиях, подписанными во время Тегеранской конференции. Он не сказал об этом прямо, однако явно ожидал, что Черчилль и Рузвельт ответят тем же15.

Как следует из американской версии записи этого первого пленарного заседания, Сталин сказал, что «по его мнению, будет крайне полезно [военным] штабам обсудить вопрос летнего наступления на Германию, поскольку он не уверен, что война закончится раньше лета». Во время дискуссии с начальниками штабов Великобритании и США Антонов дал понять, что, по его мнению, начатое советскими войсками наступление будет прервано весенней погодой, из-за которой дороги станут непроходимыми, и это крупномасштабное наступление возобновится только летом16. Вполне возможно, что Антонов договорился со Сталиным дать западным союзникам ложное представление о намерениях СССР в отношении Берлина, однако более логично предположить, что они оба действительно считали, что наступление Красной Армии будет приостановлено. В конце концов, этим заканчивались наступательные действия советской армии в 1942, 1943 и 1944 гг.: зимнее наступление продвигалось успешно до тех пор, пока не начиналась весна, и продолжать его приходилось летом.

Подтверждением пессимистичных прогнозов Сталина по поводу наиболее вероятного развития событий на фронте, видимо, стало то, что марш Красной Армии на Берлин к середине февраля начал замедляться. Официально Сталин выразил свое сдержанное отношение к ситуации на фронте в приказе по войскам от 23 февраля – к 27-й годовщине основания Красной Армии. Естественно, Сталин превозносил заслуги своих войск, которые так быстро продвинулись от Вислы к Одеру. В то же время, он не делал никаких заявлений относительно времени окончательной победы; он сказал лишь, что она близится и что до самого конца борьба будет нелегкой: «Полная победа над немцами теперь уже близка. Но победа никогда не приходит сама – она добывается в тяжелых боях и в упорном труде. Обреченный враг бросает в бой последние силы, отчаянно сопротивляется, чтобы избежать сурового возмездия. Он хватается и будет хвататься за самые крайние и подлые средства борьбы. Поэтому надо помнить, что чем ближе наша победа, тем выше должна быть наша бдительность, тем сильнее должны быть наши удары по врагу»17.

Весь март, пока Красная Армия расправлялась с немцами в Восточной Пруссии и Померании, Сталин, вероятно, занимался насущными политическими делами – такими, как спор с

западными державами по поводу реконструкции польского правительства и правительственный кризис в Румынии. В конце марта Сталин получил послание от Эйзенхауэра о стратегических планах Англии и Америки. Эйзенхауэр сообщал Сталину, что его ближайшей целью было уничтожить немецкие войска, защищающие Рур. Далее он планировал направиться к Эрфурту, Дрездену и Лейпцигу и объединить силы с советскими войсками в этой области. Не исключалось также, что войска союзников начнут вспомогательное наступление по линии Регенсбург – Линц, чтобы не дать немцам занять оборонительные позиции на юге страны. В заключение Эйзенхауэр просил Сталина предоставить информацию о его планах с тем, чтобы действия против Германии на востоке и на западе были скоординированы18.

Послание Эйзенхауэра передали Сталину в его кабинете вечером 31 марта Гарриман, посол Великобритании Кларк Керр и генерал Дин, военный представитель США в Москве. Через двадцать минут после их ухода Сталин позвал к себе в кабинет Жукова, Антонова и Штеменко – вероятно, для того, чтобы обсудить с ними содержание письма19. На следующий день Сталин дал ответ Эйзенхауэру. Он писал американскому главнокомандующему, что стратегические планы Запада совпадают с планами СССР. Он согласился с тем, чтобы советские и западные войска соединились в районе Эрфурта – Лейпцига – Дрездена, и отметил, что основная атака Красной Армии будет вестись именно в этом направлении. Что касается Берлина, Сталин ответил, что он «потерял свое прежнее стратегическое значение, поэтому Советское Главнокомандование думает выделить в сторону Берлина второстепенные силы». Основное наступление советских войск, сообщал Сталин Эйзенхауэру, будет начато во второй половине мая – в том числе, если обстоятельства не изменятся, будет нанесен второстепенный удар на юге, в направлении Линца и Вены20. 2 апреля Сталин вновь встретился с Жуковым, Антоновым и Штеменко, к которым присоединился также Конев. Совещание продолжалось два часа. 3 апреля все четыре генерала снова собрались у Сталина на более короткое совещание21. В тот же день Сталин направил директивы Жукову и Коневу. Задачей Жукова было начать наступление на Берлин и в течение 12–15 дней от начала операции дойти до Эльбы, которая была принята в качестве демаркационной линии военных действий в Германии между Советским Союзом и Западом. Задачей Конева было разбить немцев к югу от Берлина и в течение 10–12 дней дойти до Дрездена, а затем обдумать возможность наступления на Лейпциг. Линия, отделяющая 1-й

Белорусский от 1-го Украинского фронта, проходила через Люббен, в 50 милях к юго-востоку от Берлина, а соответствующее решение вступало в силу 15 апреля, что означало, что наступление по двум направлениям должно начаться 16-го22. Таким образом, основной задачей Жукова было ударить прямо по столице Германии и окружить город с севера, в то время как войска Конева должны были подойти к городу с юга. Поддерживающую роль должен был играть 2-й Белорусский фронт под командованием Рокоссовского. Предполагалось, что он начнет наступление на Берлин 20 апреля и защитит правый фланг Жукова от контратаки немцев с севера23.

Многие историки утверждают, что Сталин ввел Эйзенхауэра в заблуждение и что первостепенной целью Советского Союза был Берлин, который вождь СССР жаждал захватить раньше западных союзников. Впрочем, Сталин совсем не обязательно рассматривал ситуацию именно таким образом. В 1948 г. он вступил в полемику по поводу берлинской операции с Уолтером Беделлом Смитом, который в то время был послом США, а в годы войны – начальником штаба Эйзенхауэра. Сталин утверждал, что Берлин действительно был целью второстепенного значения, и именно поэтому задание взять Берлин получил только Жуков. Однако немцы отразили наступление Жукова, и на помощь ему пришлось направиться Коневу и Рокоссовскому. В результате Берлин превратился из второстепенной цели в первостепенную. Возмущенный Сталин даже хотел немедленно пойти вместе со Смитом в военный архив и показать ему приказы, которые он отдавал в связи с Берлинской операцией. Сталин также добавил, что, поскольку Берлин располагался внутри зоны оккупации Германии, отведенной Советскому Союзу, с моральной и стратегической точки зрения Красная Армия имела все основания захватить город24.

Версия Сталина в общих чертах соответствует тому, как шли боевые действия. Изначально планировалось, что Берлин захватят войска Жукова, однако наступление 1-го Украинского фронта продвигалось быстрее, и 17 апреля появилась возможность перенаправить некоторые из сил Конева в наступление на Берлин с юга25. В то время, когда советские солдаты в бою прокладывали себе дорогу к разрушенному зданию Рейхстага в центре Берлина, чтобы водрузить над ним красный флаг, Гитлер совершил самоубийство в своем бункере. К радости Сталина, первыми на крыше Рейхстага 30 апреля 1945 г. оказались три солдата: грузин, русский и украинец. Позже советский фотограф Евгений Халдей инсценировал этот момент с участием двух других солдат. Его целью было создать фотографию, которая стала бы таким же

ярким символом завоевания Берлина Красной Армией, как водружение флага на Иводзиме американскими войсками двумя месяцами раньше.

Победа далась нелегко. Потери Красной Армии составили 300 000 человек, из них около 80 000 были убиты во время последнего штурма Берлина. Самые жестокие бои шли не в самом Берлине, а на подступах к городу, так что здесь не было ничего подобного продолжительным боям на улицах Сталинграда в 1942 г. или даже сражению за Будапешт, который в феврале 1945 г. был сдан Красной Армии после жестокой и продолжительной битвы26.

Кроме серьезных потерь (причем немецкие войска потеряли даже больше человек, чем советские), триумфальное взятие Берлина Красной Армией было омрачено зверствами и мародерством многих советских солдат. Особенно ужасающим было количество совершенных красноармейцами изнасилований. По разным оценкам, оно составляло от десятков тысяч до нескольких миллионов27. Истинные цифры, вероятно, представляли собой что-то среднее, причем подавляющее большинство изнасилований было совершено в Берлине и его окрестностях – ведь к 1945 г. в городе оставались в основном женщины28. От массовых изнасилований пострадали не только жительницы Берлина. В Вене было совершено, по некоторым оценкам, от 70 000 до 100 000 изнасилований29, а в Венгрии – от 50 000 до 200 00030. Красноармейцы насиловали женщин и в Румынии, и в Болгарии, и в освобожденных странах – Польше, Югославии и Чехословакии, хотя и в значительно меньших количествах.

Сложно сказать, осознавал ли Сталин происходящее в полной мере, но он явно был в курсе и даже приносил извинения за действия своих солдат. В марте 1945 г. он сказал представителям делегации из Чехословакии: «Все хвалят нашу Красную Армию. Да, она это заслужила. Но я хотел бы, чтобы наши гости, будучи очарованы Красной Армией, не разочаровались бы потом. Дело в том, что сейчас в Красной Армии находится около 12 млн человек. Эти люди далеко не ангелы. Эти люди огрубели во время войны. Многие из них прошли в боях 2000 километров: от Сталинграда до середины Чехословакии. Они видели на своем пути много горя и зверств. Поэтому не удивляйтесь, если некоторые наши люди в вашей стране будут держать себя не так, как нужно. Мы знаем, что некоторые, малосознательные солдаты пристают и оскорбляют девушек и женщин, безобразничают. Пусть наши друзья-чехословаки знают это сейчас, для того, чтобы очарование нашей Красной Армией не сменилось бы

разочарованием»31.

Еще более откровенно Сталин высказывался по этому поводу в разговоре с Тито и югославскими товарищами в апреле 1945 г.: «Вы, конечно, читали Достоевского? Вы видели, какая сложная вещь человеческая душа, человеческая психология? Представьте себе человека, который проходит с боями от Сталинграда до Белграда – тысячи километров по своей опустошенной земле, видя гибель товарищей и самых близких людей! Разве такой человек может реагировать нормально? И что страшного в том, если он пошалит с женщиной после таких ужасов? Вы Красную Армию представляли себе идеальной. А она не идеальная и не была бы идеальной… Важно, чтобы она била немцев…»32

Впрочем, лояльность Сталина имела свои пределы – особенно когда бесчинства красноармейцев вели к уничтожению того немного, что осталось от ценной экономической инфраструктуры Германии, от тех трофеев, которые Советский Союз надеялся получить в виде репарационных выплат. Одним из способов, которым Сталин дал сигнал прекратить вымещение обид, стала публикация в газете «Правда» от 14 апреля 1945 г. статьи с критикой советского писателя Ильи Эренбурга, который во время войны стал известен своей мощной пропагандой ненависти к немцам. Многие произведения Эренбурга были опубликованы в «Красной звезде», газете Красной Армии. Георгий Александров, начальник советского управления агитации и пропаганды, писал в статье, озаглавленной «Товарищ Эренбург упрощает», что было бы ошибкой рассматривать всех немцев одинаково и что нужно отличать Гитлера и нацистов от немецкого народа. Советский народ, писал Александров, не враг немцам, и утверждать обратное – значит играть на руку нацистской пропаганде, которая старается разрушить альянс СССР с Западом33. Эренбург не собирался раскаиваться и ответил Александрову в личном письме: «Иной читатель, прочитав Вашу статью, сможет сделать вывод, будто я призывал к поголовному истреблению немецкого народа. Между тем я, разумеется, никогда к этому не призывал, и это мне приписывала фашистская немецкая пропаганда. Я не могу написать хотя бы одну строку, не разъяснив так или иначе этого недоразумения. Как Вы увидите, я сделал это не в форме возражения, а приведя цитату из моей прежней статьи. Здесь затронута моя совесть писателя и интернационалиста, которому отвратительна расовая теория…»34

Изнасилования, совершенные красноармейцами, ужасны, однако их общественно-политический резонанс не следует преувеличивать. В 1945 г. Красной Армией восхищались во всех странах антигитлеровской коалиции, говоря, что она избавила

Европу от варварства фашистов. Эта армия жестоко сражалась с беспощадным врагом, но за это большинство людей не судили ее, а благодарили. Внимание общественности больше привлекали не предъявляемые нацистскими пропагандистами обвинения в массовом насилии (об этом они предупреждали еще до того, как Красная Армия пересекла границу Германии), а кинохроники лагерей смерти СС в Польше и их несчастных оставшихся в живых пленников, «освобожденных» советскими войсками в начале 1945 г. Первым из нацистских лагерей смерти, захваченных Красной Армией, в июле 1944 г. стал Майданек. В конце января 1945 г. красноармейцы захватили Освенцим, а затем лагеря в Белжце, Хелмно, Собиборе и Треблинке – и там перед их глазами предстали, наверное, самые ужасающие тюрьмы за всю историю человеческой цивилизации.

Несомненно, для Сталина это было время величайшего личного триумфа, но он, как всегда, был не удовлетворен: когда Гарриман поздравил его с тем, что советские войска дошли до Берлина, он напомнил послу, что «царь Александр дошел до Парижа»35.

7 мая немцы окончательно сдались, хотя договор о капитуляции Жуков подписал в Берлине лишь на следующий день. В результате празднование Дня Победы в Советском Союзе состоялось на день позже, чем в Великобритании и США. Александр Верт так вспоминает этот день в Москве в 1945 г.: «9 мая 1945 г. в Москве было незабываемым днем. Мне еще не приходилось видеть в Москве, чтобы так искренне и непосредственно выражали свою радость два, а может быть, и три миллиона людей, заполнивших в тот вечер Красную площадь… Люди танцевали и пели на улицах; солдат и офицеров обнимали и целовали… они были так счастливы, что им не нужно было даже напиваться, и молодые люди мочились на стены гостиницы «Москва» на широкие тротуары прямо на глазах у снисходительных милиционеров. Ничего подобного *этому* в Москве никогда не было. На какое-то время Москва отбросила всякую сдержанность. Такого эффектного фейерверка, как в тот вечер, мне еще не доводилось видеть»36.

В своем выступлении по случаю великой победы Сталин подчеркнул, что поражение Гитлера означает свободу и мир между народами и указал на то, что целью Германии было расчленить Советский Союз, отделив от него Кавказ, Украину, Белоруссию, Прибалтику и другие территории37. Слова Сталина об угрозе, которую война представляла для СССР как для многонационального государства, можно противопоставить его следующему выступлению, посвященному войне, в котором он

особенно подчеркивал вклад русского народа в победу. На торжественном обеде, устроенном для командования в Кремле 24 мая 1945 г., Сталин предложил тост за здоровье советского народа, но «прежде всего – за русский народ». Эти слова были встречены продолжительными аплодисментами и одобрительными возгласами. Затем Сталин сказал: «Я пью, прежде всего, за здоровье русского народа потому, что он является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза… Я поднимаю тост за здоровье русского народа не только потому, что он – руководящий народ, но и потому, что у него имеется здравый смысл, общеполитический здравый смысл и терпение. У нашего правительства было немало ошибок, были у нас моменты отчаянного положения в 1941–1942 гг… Какой-нибудь другой народ мог сказать: вы не оправдали наших надежд, мы поставим другое правительство, которое заключит мир с Германией и обеспечит нам покой… Но русский народ на это не пошел, русский народ не пошел на компромисс, он оказал безграничное доверие нашему правительству. Повторяю, у нас были ошибки, первые два года наша армия вынуждена была отступать, выходило так, что не овладели событиями, не совладали с создавшимся положением. Однако русский народ верил, терпел, выжидал и надеялся, что мы все-таки с событиями справимся. Вот за это доверие нашему Правительству, которое русский народ нам оказал, спасибо ему великое38!»

То, что Сталин особо выделил роль русского народа в военных действиях Советского Союза, впоследствии стало предметом обширных дискуссий, но в то время его слова не вызвали широкого обсуждения. Было самоочевидно, что русский народ в течение всей войны представлял собой надежный оплот советского государства, и публичное признание этого Сталиным было вполне в духе рассуждений о выдающихся личностных и политических качествах русского народа, которые велись еще в 1930-е гг. В пропаганде военных лет всегда эксплуатировалась тема как советского, так и русского патриотизма. В январе 1944 г. советское правительство утвердило новый текст государственного гимна (вместо коммунистического «Интернационала»), в котором ключевые строки были следующие:

«Союз нерушимый республик свободных
Сплотила навеки великая Русь
Да здравствует созданный волей народов

Единый, могучий Советский Союз».

24 июня на Красной площади прошел Парад Победы, который принимал Жуков верхом на коне. Сталин, стоя на трибуне мавзолея Ленина, наблюдал за тем, как перед ним складывали в одну большую кучу тысячи немецких военных знамен. Вечером того же дня Сталин устроил в Кремле торжественный ужин для 2500 генералов и офицеров, однако то, что он сказал им, стало для них немного неожиданным. В своем тосте, который был опубликован в газетах, Сталин превозносил не своих генералов, а миллионы простых людей, маленьких винтиков в огромной государственной машине, благодаря которым он и его маршалы одержали победу39.

От Рузвельта к Трумэну

В числе прочих лозунгов, которые выкрикивали толпы, собравшиеся у посольства США в День Победы, был лозунг «Ура Рузвельту!», однако президент скончался еще за месяц до этого. Гарриман позвонил Молотову, чтобы сообщить новость о смерти Рузвельта, ранним утром 13 апреля 1945 г. Молотов тут же отправился в американское посольство – было 3 часа утра, – чтобы выразить свои соболезнования. По словам Гарримана, Молотов, казалось, был «глубоко тронут и взволнован. Он задержался на некоторое время и говорил о том, какую роль сыграл президент Рузвельт в войне и строительстве планов на мирное время, о том, как его уважали маршал Сталин и весь русский народ, и какую ценность для маршала Сталина имел его приезд в Ялту». Что касается нового президента Гарри Трумэна, Молотов выразил доверие к нему, поскольку его выбрал вице-президентом Рузвельт. «Я никогда не слышал, чтобы Молотов говорил так убедительно», – признался Гарриман в телеграмме в Вашингтон40.

Чуть позже в тот же день Гарриман встретился со Сталиным. «Когда я вошел в кабинет маршала Сталина, я заметил, что он, по-видимому, сильно расстроен новостью о смерти президента Рузвельта. Он приветствовал меня молча, стоя пожал мне руку и не выпускал ее полминуты, прежде чем попросил меня присесть». Гарриман сказал Сталину, что пришел повидаться с ним, поскольку думал, что у главы СССР могут быть вопросы о ситуации в США после смерти Рузвельта. Сталин, однако, выразил уверенность в том, что политика США не изменится. «Президент Рузвельт умер, но его дело должно жить, – заявил Сталин. – Мы будем поддерживать президента Трумэна всеми нашими силами и всей нашей волей». В ответ Гарриман предложил Сталину, чтобы облегчить задачу Трумэна и успокоить американскую общественность, послать Молотова в США, чтобы он встретился с новым президентом и поприсутствовал на учредительной конференции Организации Объединенных Наций в Сан-Франциско. Это была личная инициатива Гарримана, однако Сталин сразу согласился послать Молотова в США, если поступит официальное приглашение41. Советский вариант записи этой беседы не сильно отличается от того, что пишет Гарриман, но в нем содержится еще одна важная деталь: Сталин конкретно спросил, стоит ли ожидать «смягчения» американской политики по отношению к Японии. Когда Гарриман ответил, что такое изменение политики совершенно исключено, Сталин

сказал, что политика Советского Союза по отношению к Японии останется такой же, как и прежде – соответствующей соглашению, достигнутому на Ялтинской конференции42.

Сталин не ограничился выражением соболезнований в беседе с Гарриманом. В тот же день он отправил Трумэну послание, в котором выразил «глубокое соболезнование» по поводу смерти Рузвельта и свою уверенность в том, что сотрудничество военных лет будет продолжено в будущем43. По распоряжению Сталина московское радио передало личные соболезнования Элеоноре Рузвельт, в котором президент был назван «великим организатором миролюбивых наций против общего врага и вождем, который выступал за сохранение безопасности всего мира»44. 15 апреля в Москве была устроена гражданская панихида по Рузвельту, на которой присутствовали Молотов и все заместители комиссара иностранных дел (кроме Литвинова, который был болен), а также представители других правительственных министерств и вооруженных сил45.

Накануне поездки Молотова в Соединенные Штаты Андрей Громыко, посол Советского Союза в Вашингтоне, сообщил в телеграмме свою оценку деятельности нового президента. Он писал, что в США все считают, что Трумэн – сторонник рузвельтовского «нового курса», который намерен продолжать дело покойного президента во внутренней и внешней политике – в том числе сотрудничество с Советским Союзом. Однако заканчивал свою телеграмму Громыко предостережением: «Насколько он будет продолжать политику сотрудничества с Советским Союзом и до какой степени он будет подвержен влиянию изоляционистских антисоветских группировок, сложно сказать в данный момент». Это был вопрос, заключал Громыко, который должны были прояснить предстоящие переговоры Молотова с Трумэном46.

В Соединенных Штатах у Молотова было две встречи с Трумэном, 22 и 23 апреля. С этим первым знакомством Трумэна и Молотова связана широко известная история. Если верить мемуарам Трумэна, опубликованным в 1955 г., в конце второй встречи Молотов выпалил: «Так со мной никогда в жизни не разговаривали». На что Трумэн якобы ответил: «Выполняйте свои договоры, и с вами не будут так разговаривать». Впрочем, ни в американской, ни в советской версии записи переговоров Молотова с Трумэном нет упоминаний об этой короткой перепалке47. По-видимому, Трумэн решил приправить свои мемуары деталями в духе «холодной войны», чтобы показать, что он с самого начала своего президентского правления занимал жесткую позицию по отношению к русским. Возможно также, что

первоисточником этого разговора с Молотовым были не мемуары Трумэна, а появившиеся в прессе слухи о том, что якобы произошло во время их встречи. Как писал в 1952 г. Карл Марзани в своей книге об истоках «холодной войны», «в Вашингтоне ходили слухи, что Молотов поссорился с Трумэном. По словам иностранного корреспондента Эдгара А. Моурера, Молотов сказал: “Со мной никто раньше так не разговаривал”»48.

Переговоры Молотова и Трумэна во время этих двух встреч действительно были непростыми. В центре обсуждения был продолжающийся спор союзников по поводу правительства послевоенной Польши. Одну сторону дискуссии представляли Советы, которые настаивали на своей интерпретации Ялтинского соглашения, заключавшейся в том, что существующий в Варшаве прокоммунистический режим должен быть расширен и реконструирован. Другую сторону представляли англичане и американцы. По их мнению, суть Ялтинского соглашения заключалась в том, что в Польше должно быть создано новое правительство и что представители существующего режима не должны рассчитывать ни на какие привилегии в переговорах о его образовании. В Москве споры по этому вопросу велись в Польской комиссии, созданной решением Ялтинской конференции, а в Соединенных Штатах дискуссии продолжились во время встреч Молотова с секретарем иностранных дел Великобритании Иденом и госсекретарем США Эдвардом Стеттиниусом. Переполнявшее Молотова раздражение по поводу этих дискуссий вышло наружу во время небольшого инцидента в Сан-Франциско, когда он запретил своему переводчику Павлову сравнивать свои записи с британским коллегой49.

Если не считать полемики по польскому вопросу, впечатление, которое Молотов получил от двух встреч с Трумэном, было отнюдь не совсем отрицательным. Их первая встреча, состоявшаяся 22 апреля, проходила в дружественной атмосфере. В конце встречи Трумэн предложил тост, сказав, что, поскольку им удалось найти общий язык, он хотел бы встретиться и со Сталиным, и выразил надежду, что глава СССР однажды посетит Соединенные Штаты. С точки зрения советской стороны переломным моментом первой встречи стал ответ Трумэна на вопрос Молотова о том, знает ли президент о заключенном на Ялтинской конференции соглашении о вступлении СССР в войну на Дальнем Востоке. Трумэн ответил, что он полностью придерживается решений Ялтинской конференции, а Молотов поблагодарил его за такой однозначный ответ, добавив, что он передаст об этом Сталину. Во время второй встречи Трумэн, видимо, получив от своих политических советников

рекомендации не идти на компромисс50, занял гораздо более твердую позицию по польскому вопросу, чем во время первого знакомства с Молотовым. Тем не менее, в своих высказываниях президент лишь в очередной раз выразил позицию Англии и Америки – в том числе повторил то, о чем писал непосредственно Сталину 18 апреля51. Для Сталина и Молотова гораздо большее значение, чем предсказуемые попытки Трумэна оказать на них давление по польскому вопросу, имело его твердое обещание продолжать проводимую Рузвельтом политику сотрудничества с Советским Союзом и выполнять подписанные им соглашения.

Жесткая позиция, занятая Трумэном на переговорах с Молотовым, не принесла успеха. Сталин по-прежнему настаивал на советской версии Ялтинского соглашения по польскому вопросу и недвусмысленно утверждал, что Москва не допустит формирования в Варшаве правительства, отрицательно настроенного по отношению к СССР. 23 апреля Сталин написал Трумэну: «Вы, видимо, не согласны с тем, что Советский Союз имеет право добиваться того, чтобы в Польше существовало дружественное Советскому Союзу Правительство, и что Советское Правительство не может согласиться на существование в Польше враждебного ему Правительства… Я не знаю, создано ли в Греции действительно представительное Правительство и действительно ли является демократическим Правительство в Бельгии. Советский Союз не спрашивали, когда там создавались эти правительства. Советское Правительство и не претендовало на то, чтобы вмешиваться в эти дела, так как оно понимает все значение Бельгии и Греции для безопасности Великобритании. Непонятно, почему при обсуждении вопроса о Польше не хотят учитывать интересы Советского Союза с точки зрения его безопасности»52.

Трумэн первым уступил позиции по польскому вопросу. Когда война в Европе закончилась, он решил, что Гарри Гопкинс, доверенный и близкий друг Рузвельта, пользовавшийся хорошим отношением советского правительства, должен отправиться в Москву, чтобы договориться о подписании соглашения со Сталиным53. Гопкинс прибыл в столицу СССР 25 мая и на следующий день начал переговоры. Он сообщил Сталину, что американская общественность обеспокоена последними событиями в советско-американских отношениях – в особенности тем, что до сих пор не выполнено решение Ялтинской конференции по польскому вопросу. Вместе с тем Гопкинс заверил Сталина, что Трумэн намерен продолжать взятый Рузвельтом курс на сотрудничество с СССР. В ответ Сталин применил одну из своих любимых тактик ведения переговоров, возложив вину на третью сторону. Он сказал, что проблема

заключается в том, что, в то время как Советы хотят добиться создания в Польше дружественного правительства, Великобритания пытается создать антибольшевистский «санитарный кордон», как в годы после Первой мировой войны. Ближе к концу разговора Сталин высказал параноидальное предположение, что Гитлер еще жив и скрывается где-то – возможно, уплыл на подводной лодке в Японию. На самом деле к этому времени советские военные и медики уже провели расследование и медицинскую экспертизу, которая доказала вне разумных сомнений, что Гитлер и Геббельс совершили самоубийство. Однако Сталин по-прежнему подозревал, что улики были подброшены, чтобы отвлечь следствие от побега нацистского диктатора из Берлина54.

Во время встречи с Гопкинсом 27 мая Сталин выразил собственное недовольство по поводу советско-американских отношений. Помимо польского вопроса, Сталина возмущали старания американцев выгадать членство в ООН для Аргентины – нейтральной страны, которая, по мнению СССР, в военное время сотрудничала с немцами. Кроме того, недовольство Сталина вызывало участие Франции в дискуссиях союзников о германских репарациях и то, как резко Соединенные Штаты прекратили поставки Советскому Союзу по договору о ленд-лизе сразу после капитуляции Германии. Сталин также очень хотел получить часть немецкого военного и торгового флота и подозревал, что англичане и американцы будут выступать против этого. Чуть позже Сталин стал говорить более примирительным тоном. Он сказал Гопкинсу, что Соединенные Штаты – мировая держава с интересами глобального масштаба, и поэтому он считает, что американцы имеют право участвовать в решении польского вопроса. Сталин признал, что Советский Союз действовал в Польше в одностороннем порядке, но попросил Гопкинса постараться понять причины этого. Что касается будущего, Сталин предложил, чтобы четыре или пять министров в реструктурированном польском правительстве были выбраны из списков политических деятелей, составленных британцами и американцами. Это предложение Сталина вскоре позволило разрешить противоречие по польскому вопросу. В июне 1945 г. было достигнуто соглашение о реорганизации польского временного правительства, в котором большинство составляли коммунисты. После реорганизации в его состав вошли четыре прозападных министра, в том числе – Миколайчик, который стал одним из двух заместителей премьер-министра от левой социалистической партии, Эдварда Осубка-Моравского (вторым заместителем стал лидер польской коммунистической партии,

Гомулка). Реорганизованное правительство 5 июля признали Великобритания и США.

Еще одной важной темой для обсуждения Гопкинса и Сталина стало участие Советского Союза в войне на Дальнем Востоке. Гопкинс хотел получить информацию о подготовке Красной Армии к войне, в частности – о предполагаемой дате начала участия Советского Союза в военных действиях. Во время третьей встречи 28 мая Сталин сказал Гопкинсу, что Красная Армия будет готова атаковать к 8 августа, как и предусмотрено Ялтинским соглашением, в котором говорилось, что Советский Союз объявит войну Японии через два или три месяца после окончания войны в Европе. В то же время, осуществление Ялтинского соглашения зависело от того, согласится ли Китай признать независимость Монголии и предоставить Советскому Союзу в пользование порты и железные дороги в Маньчжурии. Сталин сказал Гопкинсу, что не хочет начинать переговоры с китайцами, пока секретные маневры по развертыванию советских войск на Дальнем Востоке не достигнут финальной стадии. Он также дал ясно понять Гопкинсу, что, по его мнению, в Японии, как и в Германии, после войны должен быть установлен режим совместной оккупации с выделением американской, британской и советской зон военной оккупации. В отношении того, как следует поступить с Японией, Сталин придерживался такой же точки зрения, как и в случае с Германией – он выступал за карательный мир: «Маршал Сталин сказал, что войны, подобные нынешней, случаются раз в столетие, и лучше воспользоваться этим так, чтобы нанести Японии полнейшее поражение, разделавшись с ее военным потенциалом, и гарантировать мир на пятьдесят или шестьдесят лет вперед».

Во время своего последнего приезда в Москву Гопкинс был уже серьезно болен (в январе 1946 г. он скончался), но роль, которую он сыграл, была очень значительной. В ходе его встреч со Сталиным были сделаны важнейшие шаги к решению польского конфликта; кроме того, появилась возможность выразить недовольство по целому ряду других вопросов в советско-американских отношениях. Обе стороны сигнализировали свою готовность продолжать традиции сотрудничества, установленные Рузвельтом. Были созданы все условия для того, чтобы Потсдам стал повторением успешных трехсторонних переговоров Ялтинской конференции и привел к укреплению отношений между Советским Союзом и его союзниками.

Далеко не все историки соглашаются с тем, что атмосфера после Ялтинской и в преддверии Потсдамской конференции была

столь позитивной. Некоторые предпочитают делать акцент на расхождениях и разногласиях, которыми характеризовались в этот период отношения «большого альянса». Многие версии подчеркивают то, какой отпечаток на отношения держав наложила «холодная война» и какое влияние оказали на них действия Трумэна и Черчилля, которые целенаправленно старались отойти от духа сотрудничества, царившего на Ялтинской и Потсдамской конференции. Советская сторона после начала «холодной войны» тоже несколько дистанцировалась от других участников «большого альянса», однако взгляд Сталина на отношения с Западом в то время был все же достаточно оптимистичным, и советская делегация, отправляясь в Потсдам, делала это в полной уверенности, что трехстороннее сотрудничество Великобритании, США и СССР в целях достижения послевоенной безопасности и стабильного мира является лучшим выбором для всех.

Потсдамская конференция

До Парижа войска Сталина не дошли, но зато дошли до Берлина. В 1940 г., когда капитулировала Франция, Гитлер триумфально проехал по центральной части Парижа в сопровождении фотографов; и Черчилль, и Трумэн нашли время, чтобы проехать по разрушенному Берлину. Сталин такого желания не изъявил. Он приехал без лишнего шума, на поезде, даже приказал Жукову не планировать никакой торжественной встречи с военным оркестром и почетным караулом55.

Для проведения конференции было выбрано одно из немногих уцелевших крупных зданий Берлина – дворец Цецилиенхоф, построенный для сына кайзера Вильгельма II и названный в честь его жены. Эта резиденция с 176 комнатами, больше напоминающая загородный дом эпохи Тюдоров, чем классический европейский дворец, располагалась в лесистом парке рядом с озерами Юнгфернзее и Хайлигер. Советская сторона в порядке подготовки к конференции привезла во дворец подходящий круглый стол, за которым ее участники могли вести переговоры, а в центральном дворике была разбита цветочная клумба в форме красной звезды56.

Потсдамская конференция продолжалась 2 недели (с 17 июля по 2 августа) – гораздо дольше Тегеранской, которая заняла четыре дня, и Ялтинской, на которой Черчилль, Рузвельт и Сталин провели неделю. Одной из причин такой продолжительности был устроенный в конце июля перерыв: Черчиллю нужно было лететь домой, чтобы присутствовать при оглашении результатов всеобщих выборов в Великобритании. На выборах его ждало сокрушительное поражение, и в Потсдам он не вернулся. Его и Идена места за столом переговоров заняли новый премьер-министр от лейбористской партии, Клемент Эттли, и его министр иностранных дел Эрнест Бевин (правда, Эттли и до этого сопровождал в Потсдам Черчилля в качестве заместителя премьер-министра). Еще одной причиной того, что конференция так затянулась, было количество и суть вопросов, которые на ней обсуждались. В Тегеране основной темой было координирование военных действий против Германии, в Ялте обсуждались в основном перспективы послевоенного устройства мира. Потсдамская конференция больше напоминала московское совещание министров иностранных дел в октябре 1943 г. тем, что она была посвящена решению частных вопросов – таких, как будущее Германии; подписание мирных соглашений с государствами-противниками, пересмотр положений конвенции

Монтре о выходе в Черное море, формирование территориальной опеки над бывшими колониями Италии; определение процедур будущих отношений СССР и западных держав в рамках «большого альянса», а также целый ряд других вопросов. Сталину очень хотелось как можно скорее разобраться со всеми этими вопросами, потому что он опасался, что благожелательной атмосферы, согретой радостью победы над Германией, надолго не хватит, и что отношения с англичанами и американцами после войны будут постепенно осложняться. Кроме того, Сталин считал, что у него на переговорах есть главный козырь: Красная Армия была нужна союзникам, чтобы одержать победу над Японией.

Что касается личных взаимоотношений, общение между Черчиллем, Сталиным и Трумэном так и не достигло той степени близости, которой характеризовалось общение Черчилля, Рузвельта и Сталина в Тегеране и Ялте. Тем не менее, отношения внутри обновленной «Большой тройки» тоже были достаточно дружественными. Премьер-министр Великобритании был «снова зачарован Сталиным, – жаловался Иден. – Он все время повторял: “Мне нравится этот человек”57. Трумэн называл Сталина «прямолинейным»; он говорил, что тот «знает, чего он хочет, и идет на компромисс, когда не может это получить». Позже Трумэн вспоминал, что был «русофилом» и думал, что может сосуществовать со Сталиным; более того, что ему «нравился этот мерзавец»58. По словам Чарльза Болена, переводчика Трумэна, «хотя внешне все были дружелюбны, с каждой стороны была сдержанность, которая символизировала существовавшее недоверие»59. Впрочем, материалы конференции показывают, что участники переговоров много шутили, смеялись и вообще прилагали все усилия, чтобы избежать конфронтации и тупиковых ситуаций. Во время банкета, на котором Сталин играл роль хозяина, он был, как всегда, само обаяние. После фортепианного концерта в исполнении ведущих советских музыкантов Трумэн встал и сыграл что-то из Шопена. По словам английского переводчика, майора А.Х. Бирса, «Сталин с энтузиазмом аплодировал, отметив, что он единственный из них троих не одарен талантом; он слышал, что Черчилль рисует, а теперь президент показал, что он хорошо играет»60.

Конечно, на Потсдамской конференции имели место и острые политические противоречия, и продолжительные переговоры, и жесткий торг. Сталину также пришлось примириться с более выраженным стремлением англичан и американцев объединяться в дискуссии против советской стороны. Впрочем, между англичанами и американцами тоже возникали разногласия. Как пошутил во время конференции Джеймс Ф. Бирнс, министр

иностранных дел США, «к сожалению, создается такое положение, что, когда мы соглашаемся с нашими советскими друзьями, английская делегация не дает своего согласия, а когда мы соглашаемся с нашими английскими друзьями, мы не получаем согласия советской делегации (*Смех*)»61.

В Потсдаме Сталин первым встретился с Трумэном 17 июля. Сталин сразу извинился за то, что прибыл на конференцию на день позже. Ему пришлось задержаться в Москве для переговоров с китайской делегацией, а лететь в Берлин на самолете ему запретили доктора. После обмена любезностями Сталин перечислил вопросы, которые он хотел бы обсудить в ходе конференции: раздел немецкого флота, репарации, Польша, территориальная опека, режим Франко в Испании. Трумэн охотно согласился обсудить все эти вопросы, но сказал, что у Соединенных Штатов есть собственные предложения по повестке дня, хотя он и не уточнил, какие именно. На слова Трумэна о том, что во время переговоров непременно возникнут трудности и разногласия, Сталин ответил, что такие проблемы неизбежны, но главное – найти общий язык. На вопрос о Черчилле Трумэн ответил, что видел его вчера утром и что премьер-министр уверен в победе на всеобщих выборах в Великобритании. Сталин добавил, что английский народ не забудет победу в этой войне, более того, что он считает войну уже оконченной и ожидает, что американцы и русские победят для них Японию. Воспользовавшись случаем, Трумэн заметил, что, хотя Великобритания принимает активное участие в войне на Дальнем Востоке, он ожидает помощи от СССР. Сталин ответил, что советские войска будут готовы начать наступление на Японию к середине августа. За этим последовал заключительный обмен репликами, в ходе которого Сталин дал понять, что он намерен выполнить условия Ялтинского соглашения по участию СССР в войне на Дальнем Востоке и что не собирается требовать ничего большего62.

Беседа Сталина с Трумэном была в целом дружественной, хотя и не могла сравниться с тем дружелюбием, которое было достигнуто в общении с Рузвельтом в Тегеране и Ялте. Однако Трумэн только приступил к своим обязанностям, он еще только нащупывал пути общения со Сталиным и, в отличие от своего предшественника, не имел опыта длительной переписки с главой Советского Союза до личного знакомства с ним.

Как и следовало ожидать, беседа Сталина с Черчиллем за ужином на следующий день была значительно более расслабленной и, как обычно, охватывала самые разные темы. Сталин был уверен, что Черчилль победит во всеобщих выборах в

Великобритании и предполагал, что это будет победа парламентским большинством в 80 % голосов. Сталин также выразил восхищение той ролью, которую король Георг сыграл в объединении Британской империи, сказав, что «никто из друзей Британии не станет пытаться ослабить почтение, которое оказывается монархии». Черчилль был не менее красноречив и сказал, что «он всегда относился к России как к великой морской державе» и что эта страна имеет право на выход в Средиземное и Балтийское моря и Тихий океан. Что касается Восточной Европы, Сталин повторил свои данные ранее обещания, что он не будет стремиться к ее советизации, однако выразил разочарование по поводу требований Запада внести изменения в правительства Болгарии и Румынии – особенно с учетом того, что он сам воздерживается от вмешательства в дела Греции. Черчилль заговорил о трудностях, связанных с Югославией, ссылаясь на заключенное со Сталиным в октябре 1944 г. соглашение о разделе 50 на 50, однако глава СССР возразил, что в Югославии Великобритания имеет 90 % влияния, сама Югославия – 10 %, а Советский Союз – 0 %. Далее Сталин отметил, что у Тито «менталитет партизана и что он сделал кое-что, чего не следовало делать. Советское правительство подчас не знает, что завтра сделает маршал Тито». Итог этой дружественной беседе ближе к концу ужина подвел Черчилль своим замечанием о том, что «три державы, собравшиеся здесь за круглым столом, – сильнейшие из когда-либо бывших на планете, и их задачей является поддерживать мир во всем мире»63.

Первое пленарное заседание Потсдамской конференции состоялось 17 июля64, и по предложению Сталина Трумэн был избран председателем на все время конференции. Главным вопросом на повестке дня был обмен мнениями по поводу того, какие проблемы главы государств хотели бы обсудить в ходе конференции. Список Сталина практически совпадал с тем списком, который он представил Трумэну во время их личной встречи. Номером один в его списке все так же был раздел немецкого военного и торгового флота, далее следовал вопрос репараций, восстановление дипломатических отношений с бывшими союзниками Германии, а также положение режима Франко в Испании. Расстановка приоритетов в списке Сталина представляла интерес по ряду причин. Во-первых, она отражала его неослабевающее желание получить причитающуюся долю военных трофеев, и он подозревал, что англичане, в частности, хотят лишить Советский Союз его доли немецкого флота. Во-вторых, Сталин еще во время войны неоднократно заявлял, что одной из определяющих черт великой державы является большой

флот и что он планирует после войны значительное наращивание советских военно-морских сил. Для этого ему нужна была доля немецкого, а также итальянского флота (о чем уже было достигнуто соглашение в Ялте) и доступ к портам в разных частях света65. То, что Сталин требовал часть флота Германии, отражало его представление о том, что по окончании войны в Европе Советский Союз должен получить честно заслуженную награду. «Мы не добиваемся подарка, – чуть позже сказал Сталин Трумэну и Черчиллю, – мы бы хотели только знать, признается ли этот принцип, считается ли правильной претензия русских на получение части немецкого флота»66. Такую же позицию Сталин занял и по ряду других вопросов, поднятых на конференции. Пытаясь обосновать претензии Советского Союза на Кенигсберг, он сказал: «Мы считаем необходимым получить за счет Германии один незамерзающий порт в Балтии. Я думаю, что этот порт должен обслуживать Кенигсберг. Будет только справедливо, если русские, пролившие столько крови и пережившие так много ужаса, получат небольшой кусок немецкой территории, который принесет хоть небольшое удовлетворение от войны»67.

Более серьезным вопросом национальной гордости были требования, предъявляемые Советским Союзом к Турции. В июне 1945 г. Советский Союз потребовал возвращения ему провинций Карс и Ардахан – территорий Восточной Турции с армянским и грузинским населением. Они принадлежали царской империи с 1878 г. по 1921 г., когда в соответствии с советско-турецким соглашением отошли Турции. Требование о возврате этих провинций Советский Союз выдвинул в связи с предложением посла Турции подписать соглашение о союзничестве. Молотов ответил, что до подписания такого соглашения следует разрешить пограничный конфликт вокруг Карса и Ардахана, а также провести переговоры о пересмотре конвенции Монтре и создать советские военные базы в проливе Дарданеллы68. На Потсдамской конференции советская сторона выдвинула требование о совместном с Турцией контроле над Черноморскими проливами и о создании советских военных баз69. На пленарном заседании 23 июля Сталин аргументировал позицию Советского Союза по Карсу и Ардахану с этнической точки зрения, а по вопросу проливов сказал: «Для положения такого большого государства, как Россия, вопрос о проливах имеет важное значение. Конвенция в Монтре целиком направлена против России, это – враждебный России договор. Турции предоставлено право закрывать пролив для нашего судоходства не только в том случае, когда идет война, но и в том случае, когда Турции покажется, что существует угроза войны, причем

вопрос о том, когда эта угроза возникает, решает сама Турция. Невозможное положение! Турции всегда может показаться, что существует какая-то угроза, и она всегда может закрыть проливы. У нас, у русских, ровно столько же прав в отношении проливов, сколько у японского императора. Это смешно, но это факт… Можно себе представить, какой шум поднялся бы в Англии, если такой договор существовал бы в отношении Гибралтара, или в Америке, если такой договор существовал бы в отношении Панамского канала… Вы считаете, что военно-морская база в проливах неприемлема. Хорошо, тогда дайте нам какую-либо другую базу, где русский флот мог бы ремонтироваться, экипироваться и где он мог бы совместно со своими союзниками отстаивать права России»70.

Говоря о другой морской базе, Сталин имел в виду еще один вопрос престижа, поднятый советской стороной на Потсдамской конференции: вопрос об участии СССР в управлении подопечными территориями, в которые планировалось превратить колонии Италии в Северной Африке. Основанием для этого требования СССР было выдвинутое США предложение заменить принятую Лигой Наций мандатную систему управления переходом бывших колоний к независимости системой подопечных территорий. На конференции в Сан-Франциско в июне 1945 г. между Громыко и Стеттиниусом, госсекретарем США, состоялся разговор, свидетельствовавший о том, что США поддержит участие Советского Союза в предлагаемой системе опеки71. Москву это очень обнадежило, и на Потсдамской конференции советская делегация предложила обсудить вопрос того, будут ли подопечные территории управляться коллективно «Большой тройкой» или каждая страна будет ответственна за свою часть территорий. Сталин и Молотов настаивали на обсуждении этого вопроса, однако было решено отложить дискуссию до первого совещания только что созданного Совета министров иностранных дел, которое было запланировано провести в Лондоне в сентябре72. После Потсдама Москва заняла еще более жесткую позицию по вопросу подопечных территорий и решила требовать, чтобы Триполитания (Западная Ливия) была передана под опеку Советского Союза. Это позволило бы Сталину основать собственный порт в Средиземном море. Советская сторона вполне открыто заявляла о своих намерениях в отношении Триполитании, не видя в этом ничего дурного, хотя и подчеркивала, что их целью было создание портов для торгового флота73.

Целый ряд вопросов, поднятых на Потсдамской конференции, был отложен для обсуждения в рамках встречи министров

иностранных дел «Большой тройки». Однако некоторые проблемы не могли быть оставлены без обсуждения и решения на конференции. Первой и наиболее важной из них была проблема будущего Германии. Этот вопрос обсуждался на нескольких пленарных заседаниях, а также на встречах министров иностранных дел и специальных рабочих комиссий менее высокого уровня. Самым сложным был вопрос репараций. На Ялтинской конференции было достигнуто принципиальное согласие по поводу того, что Советский Союз будет получать репарации от Германии, и была названа примерная сумма выплат – 10 млрд долларов. Репарации предполагалось передавать в форме объектов немецкой промышленности и инфраструктуры, а также поставок готовой продукции. Сложность состояла в том, что немецкая промышленность по большей части располагалась в районах, принадлежащих к западной зоне оккупации – таких, как Рур. Англичане и американцы, которые в любом случае были не в восторге от идеи репарационных выплат, боялись, что требования Советского Союза по репарациям будут в конечном итоге удовлетворяться за счет поставок из их оккупационных зон. Более подходящим вариантом для них было, чтобы Советский Союз получал репарации исключительно из своей оккупационной зоны Германии, а если из западной зоны – то только в обмен на сельскохозяйственную продукцию из Восточной Германии. В конечном итоге было решено, что 10 % промышленности Германии будет вывезено из западных оккупационных зон в порядке частичной выплаты репараций Советскому Союзу, а еще 15 % будет демонтировано и вывезено в Восточную Германию в обмен на продукты и сырье. Не менее важным, с точки зрения Сталина, было и соглашение о «полном разоружении и демилитаризации» Германии и уничтожении ее военного потенциала. Свои взгляды на долгосрочную опасность возрождения Германии Сталин выражал уже неоднократно, и 21 июля он вновь озвучил их в разговоре с Трумэном о целесообразности передвижения границы Польши с Германией как можно дальше на запад:

Сталин : Конечно, предложение… сдвинуть границу на запад создаст трудности для Германии. Я не возражаю против заявления, что это создаст трудности для Германии. Наша задача состоит в том, чтобы создать побольше трудностей для Германии…

Трумэн : Но нехорошо, если мы создадим трудности и для союзников.

Сталин: Чем меньше промышленности будет в Германии, тем больше будет рынок сбыта для ваших товаров. Германия не будет

конкурировать с вашими товарами. Разве это плохо? Мне кажется, очень хорошо. Мы поставим на колени государство, которое угрожает миру и мирной конкуренции… Здесь есть трудности для Германии, но мы не должны их бояться74.

Помимо германского вопроса, предметом продолжительной дискуссии Потсдамской конференции стал и вопрос о западной границе Польши. В Ялте было решено, что отданные Советскому Союзу территории будут компенсированы Польше за счет Германии. Однако конкретного соглашения по линии границы заключено не было, и по поводу того, как далеко на запад будет отодвинута германско-польская граница, по-прежнему существовали разногласия. Разногласия усугублялись и тем, что часть Германии, о которой шла речь, относилась к территории, подконтрольной Советскому Союзу, и была передана им в административное управление Польше. Поляки уже начали снова заселять территории в предвкушении того, что они скоро будут присоединены к Польше. За этим последовало массовое переселение немцев на запад, из-за чего у Англии и США возникли проблемы в их оккупационных зонах.

Обсуждение этого вопроса на Потсдамской конференции – редкий пример того, как Сталин на дипломатических переговорах стал жертвой ловкого тактического хода. В самом начале конференции Трумэн и Черчилль подняли вопрос о том, что означает теперь слово «Германия». Сталин сказал, что Германию следует либо рассматривать как географическое понятие, либо принимать ее такой, «как она есть в 1945 году». Однако глава СССР допустил ошибку, согласившись говорить о Германии, как она была до войны, в 1937 г. (т. е., до того, как Гитлер аннексировал Австрию и отнял у Чехословакии Судетскую область). Эта уступка дала Трумэну и Черчиллю возможность позже утверждать, будто то, что происходит в части Германии, переданной полякам, касается всех троих союзников, а не только СССР и Польши, поскольку Германия находится в совместной оккупации. Сталин возразил, что эта территория де-факто находится под контролем поляков, потому что немцы переселились с нее на запад, но ничем не мог ответить на утверждение, что вопрос о германско-польской границе должен быть решен на мирной конференции. Тем не менее, к концу конференции было достигнуто соглашение о демаркационной линии между Германией и Польшей, а Англия и США признали польское управление территорией Германии, о которой шла речь, «до окончательного определения западной границы Польши» на будущей мирной конференции.

Третьим спорным моментом на Потсдамской конференции

были отношения «Большой тройки» с бывшими союзниками Германии времен Второй мировой войны – Италией, Болгарией, Финляндией, Венгрией и Румынией. В общих чертах ситуация была следующей: англичане и американцы настаивали на том, что Италия заслуживает особого решения, в то время как Сталин старался защитить интересы стран, которые находились в его сфере влияния в Восточной Европе. Спор начался с предложения западных стран принять Италию в Организацию Объединенных Наций. Советская сторона не возражала, однако Сталин не понимал, почему с остальными четырьмя бывшими вражескими государствами нельзя поступить так же. Англичане и американцы отвечали, что у них нет дипломатических отношений с этими странами и что рассматривать вопрос о принятии их в ООН нельзя до подписания мирных соглашений. Наконец, был достигнут компромисс: было решено в обязательном порядке провести переговоры о подписании мирного договора между «Большой тройкой» и Италией, и только после этого принять эту страну в ООН. Опасения советской стороны были развеяны после того, как англичане и американцы пообещали рассмотреть вопрос о признании правительств Болгарии, Финляндии, Венгрии и Румынии.

Завершая Потсдамскую конференцию 2 августа 1945 г., ее участники торжественно заявили, что она «укрепила связи… и расширила рамки их сотрудничества и понимания» и вселила в них новую уверенность в способности обеспечить создание «справедливого и прочного мира». Далее в коммюнике конференции говорилось, во-первых, о создании Совета министров иностранных дел, который должен был служить для постоянного трехстороннего сотрудничества, и, во-вторых, о планах послевоенного устройства Германии – в том числе о политике по репарационным выплатам. Далее перечислялись решения по прочим вопросам – таким, как передача Кенигсберга СССР и соглашение о польской западной границе. Заключительное коммюнике подготовило почву для принятия целого ряда новых стран в ООН – в том числе стран, которые во время войны поддерживали нейтралитет. Из их числа была намеренно исключена Испания на том основании, что режим Франко был основан при поддержке государств-агрессоров и поддерживал тесные отношения с ними во время войны. Желая подорвать режим Франко, советская делегация во главе со Сталиным предлагала принять более жесткие меры, но англичане и американцы решили ограничиться таким решением75. Помимо того, о чем сообщалось в официальном коммюнике, в неопубликованном протоколе конференции излагались решения

по таким вопросам, как трехсторонний раздел немецкого военного и торгового флота, а также необходимость пересмотреть режим управления Черноморскими проливами76.

Советский Союз оценивал результаты Потсдамской конференции весьма положительно, и не только в прессе, где ей были посвящены такие же хвалебные статьи, как Тегеранской и Ялтинской конференциям77. Особенно интересно отметить сделанные в частном порядке комментарии, записанные послом Югославии в Москве: «По мнению Молотова и Вышинского, на конференции можно было видеть, а это видно и по ее результатам, что англичанам и американцам стало ясно, что они потеряли Восточную Европу и Балканы… Молотов говорит, что все время на конференции господствовала хорошая атмосфера, хотя дело доходило до желчной полемики и острых слов. Все старались, чтобы по всем вопросам были приняты компромиссные решения… О Трумэне они говорят, что он довольно культурен, показывает много понимания европейских проблем»78. В своем дневнике Георгий Димитров записал следующее: «Говорил с Молотовым о берлинской конференции, в особенности о решениях, касающихся Болгарии и Балкан. Главным образом, эти решения в нашу пользу. Фактически, эта сфера влияния признана нашей»79. В отчете, переданном в посольства Советского Союза, Молотов писал, что «конференция закончилась с достаточно удовлетворительными результатами для Советского Союза»80.

Сталин и война на Дальнем Востоке

После Потсдамской конференции Сталин сосредоточил все внимание на последней кампании Советского Союза во Второй мировой войне: удару по японским войскам в августе 1945 г. Привлекательной в этой кампании была не только перспектива очередной победы, но и существенное укрепление влияния СССР на Дальнем Востоке81.

Соединенные Штаты начали зондировать вопрос участия Советского Союза в войне на Дальнем Востоке еще в декабре 1941 г., но Сталин до сих пор отвергал эти инициативы американцев, а Рузвельт не настаивал. По отношению к Японии Сталин придерживался политики, основанной на условиях советско-японского пакта о нейтралитете, подписанного в апреле 1941 г., в надежде, что Токио поступит так же. Нападение на Перл-Харбор стало сигналом того, что Япония взяла курс на расширение на юг, и Сталин вполне мог ожидать, что по отношению к советско-германской войне Япония будет сохранять нейтралитет, рассчитывая, что Красная Армия способна остановить и отразить наступление фашистов. Однако глава СССР не мог позволить себе довольствоваться этим. Численность вооруженных сил Японии, размещенных в Маньчжурии и Корее, в период после июня 1941 г. возросла почти до миллиона человек, и с тех пор оставалась практически на этом уровне. Красная Армия могла противопоставить этой потенциальной угрозе размещенные на Дальнем Востоке войска численностью около 700 000 человек. В 1942 г. была учреждена должность заместителя начальника Генштаба по Дальнему Востоку; Ставка регулярно издавала директивы командующим на Дальнем Востоке относительно того, что им следует делать в случае нападения Японии. После побед под Сталинградом и Курском Сталин мог быть вполне уверен в том, что японцы не решатся начать военные действия против Советского Союза. Однако нельзя было исключать и возможность предупреждающего удара по таким целям, как стратегически важный и очень уязвимый дальневосточный порт Владивосток, поэтому Сталину нужно было действовать очень осторожно. В отличие от Рузвельта в 1940–1941 гг., он не делал никаких заявлений о политической солидарности со своими союзниками в военных действиях на Дальнем Востоке. В советской прессе Тихоокеанская война освещалась в тоне сочувствия к союзникам, но и без особой враждебности по отношению к Японии. Единственным значимым отклонением от этой сдержанной позиции стало высказывание

Сталина в ноябре 1944 г. в речи, приуроченной к годовщине Октябрьской революции: в ней Сталин называл Японию страной-агрессором. Впрочем, это утверждение было сделано в контексте рассуждения о том, что Лигу Наций после войны должна сменить более эффективная организация по международной безопасности, и Япония не интерпретировала его как признак изменений в политике СССР82. Когда в апреле 1945 г. Советский Союз расторг пакт о нейтралитете с Японией, он всячески постарался уверить японскую сторону, что не имеет по отношению к ней никаких враждебных намерений.

При всем этом, не было никаких сомнений, что Советский Союз при любом удобном случае вступит в войну с Японией. С точки зрения Сталина, Япония представляла собой военную угрозу, уступающую по серьезности лишь Германии, и он неоднократно говорил об этом как в публичных выступлениях, так и в личном общении. Основанием для такой враждебной позиции была длительная история отношений с Японией. Во время Гражданской войны в России Япония направила с целью захвата Сибири огромную армию, и лишь через несколько лет удалось добиться ее окончательного вывода с территории СССР. Вторжение Японии в Маньчжурию в 1931 г. также вызвало серьезную обеспокоенность Москвы – особенно с учетом того, что в Европе в это время приобретали все большее распространение фашизм и нацизм83. Экспансия Японии в Маньчжурии (а чуть позже, в 1937 г., – в Северном Китае) привела к нескольким крупномасштабным вооруженным столкновениям с японскими войсками на спорных участках советско-монгольской и советско-китайской границы84. В 1936 г. Япония подписала с Германией «Антикоминтерновский пакт», и Москва хорошо знала, что в Японии существуют достаточно сильные военно-политические группировки, предпочитающие антикоммунистическую войну вооруженному конфликту с американцами и англичанами. Во время китайско-японской войны Сталин всячески сопротивлялся попыткам лидера китайских националистов, Чан Кайши, вовлечь Советский Союз в конфликт, однако с конца 1930-х гг. СССР был крупным поставщиком оружия в Китай, и эти отношения сохранялись в течение всей Великой Отечественной войны85.

Было очевидно, что США нанесут Японии поражение, однако сама возможность возрождения угрозы со стороны Японии как военной и промышленной державы была достаточно веской причиной для вступления СССР в войну на Дальнем Востоке. Участие Советского Союза в военных действиях могло обеспечить решительное и сокрушительное поражение Японии, укрепить отношения Сталина с его западными союзниками и подготовить

почву для участия СССР в подписании дальневосточного мирного соглашения. Что касается конкретных целей, преследуемых Советским Союзом на Дальнем Востоке, они для Сталина были продиктованы как патриотическими чувствами, так и стратегическими интересами. В войне с Японией в 1904–1905 гг. императорская Россия потерпела унизительное поражение и по Портсмутскому соглашению была вынуждена отказаться от портовых объектов и концессионных территорий в Китае, а также уступить Японии южную часть острова Сахалин. В советские времена Москва утратила контроль над Китайско-Восточной железной дорогой, проходившей через Маньчжурию во Владивосток, и оказалась вовлечена в бесконечные споры с Японией по поводу права рыболовства и японских горнодобывающих концессий на Северном Сахалине. В то же время, хотя война с Японией представляла возможность восполнить все эти потери, Сталин пока не формулировал и не выражал официально своих требований. Для Сталина было типично, что его требования назревали и развивались в зависимости от того, с какими инициативами выступали другие стороны.

Первые шаги к войне с Японией Сталин сделал в октябре 1943 г., на конференции министров иностранных дел в Москве, когда он заявил Корделлу Халлу, госсекретарю США, и Гарриману, только что назначенному послом США, что Советский Союз вступит в военные действия на Дальнем Востоке, как только будет разгромлена Германия. То, что Сталин связывал вступление СССР в войну с Японией с окончанием военных действий в Европе, возможно, было тактическим ходом: тем самым он хотел заставить англичан и американцев выполнить обещание об открытии второго фронта во Франции. С другой стороны, это могло просто отражать реалии планирования, подготовки и осуществления крупномасштабной военной операции на Дальнем Востоке. Свое обещание присоединиться к борьбе с Японией Сталин подтвердил и в общении с Черчиллем и Рузвельтом на Тегеранской конференции.

После Тегеранской конференции Гарриман неоднократно поднимал вопрос о вступлении советских войск в войну на Дальнем Востоке. В феврале 1944 г. он обсуждал со Сталиным вопрос содействия СССР американской кампании по бомбардировке Японии, в том числе – создания американских военных баз на советской территории. Сталин ответил, что Советский Союз не может принимать участие в таких действиях против Японии, потому что его войска на Дальнем Востоке недостаточно сильны, и на их наращивание уйдет от двух до трех

месяцев, к тому же об этом не могло быть и речи, пока Красная Армия была занята военными действиями на западном фронте. Впрочем, Сталин добавил, что как только немцы ослабят сопротивление, можно будет перебросить дивизии на Дальний Восток и, «как только эти силы будут переведены, Советское правительство больше не будет бояться провокаций со стороны Японии и даже может само провоцировать японцев». Сталин не был против создания американских военных баз на советской территории, однако подчеркнул, что если спровоцировать Японию раньше времени, есть опасность потери прибрежных территорий, доступных для размещения американских авиабаз86. В июне 1944 г. Гарриман, воспользовавшись атмосферой всеобщего воодушевления после высадки союзных войск во Франции, вновь поднял вопрос о размещении американских баз бомбардировочной авиации на советском Дальнем Востоке. Как и ранее, Сталин отнесся к идее в целом положительно, но Гарриману так и не удалось назначить с ним конкретную дату для обсуждения этого вопроса87. В сентябре 1944 г. Гарриман и Кларк Керр встретились со Сталиным, чтобы доложить о результатах встречи Черчилля и Рузвельта в Квебеке. Гарриман, воспользовавшись случаем, поднял вопрос о совместных действиях на Тихоокеанском театре. Сталин спросил Гарримана, идет ли речь о составлении планов или о фиксировании определенных дат. Гарриман ответил, что речь идет о составлении планов и что даты начала участия советских войск могут быть фиксированы лишь после окончания войны в Европе. Когда он вновь вернулся к вопросу бомбардировок, у Сталина, по-видимому, это вызвало раздражение. Он сказал, что если Рузвельт и Черчилль хотят, чтобы Советский Союз принял участие в войне, они должны понимать, что для этого Советскому Союзу придется перебросить на Дальний Восток от 25 до 30 дивизий. Затем Сталин поинтересовался, не произошло ли изменений в планах Рузвельта в отношении участия Советского Союза в войне, и подразумевается ли, что его роль будет ограничиваться предоставлением авиабаз. «В Тегеране Рузвельт требовал или, вернее, предлагал участие Советского Союза в войне против Японии, – сказал Сталин Гарриману. – Русские дали свое согласие. Позиция русских осталась без изменений. Он хотел бы знать, намерены ли Америка и Англия сами поставить на колени Японию без помощи Советского Союза». Кларк Керр и Гарриман заверили Сталина, что это не так, однако глава СССР отметил, что ему нужно знать соображения союзников о том, каким должно быть участие Советского Союза, чтобы ему легче было продолжать собственные приготовления88.

Следующий разговор Гарримана со Сталиным по вопросу участия СССР в войне на Дальнем Востоке состоялся в октябре 1944 г. В Москву приехал Черчилль, и 14 октября главы государств встретились, чтобы обсудить военные вопросы. Гарриман присутствовал при их беседе вместе с генералом Дином, который сделал доклад по событиям на Тихом океане. Дин ответил на вопрос, заданный Сталиным Гарриману в прошлом месяце, в общих чертах представив взгляд начальников штабов США на участие СССР в войне на Дальнем Востоке. Цели его участия, по словам Дина, были следующими: обезопасить Транссибирскую магистраль и портовый город Владивосток; разместить советские и американские стратегические авиабазы для ведения военных действий против Японии; отрезать Японию от материковой Азии; разгромить японские войска в Маньчжурии; и, наконец, обезопасить тихоокеанские пути снабжения. В конце своего выступления Дин задал советской стороне несколько вопросов: как скоро после поражения Германии можно ожидать вступления СССР в войну против Японии; сколько времени потребуется для наращивания советских вооруженных сил на Дальнем Востоке; какой объем снабжения стратегических воздушных сил может быть осуществлен по Транссибирской железной дороге; как скоро сможет советское правительство приступить к созданию таких сил89? Во время встречи на следующий день генерал Антонов ответил на вопросы Дина. Антонов сказал, что для наращивания достаточных советских вооруженных сил потребуется от двух с половиной до трех месяцев. Здесь его прервал Сталин, который добавил, что дело не только в том, чтобы перебросить войска на Дальний Восток, но и в том, чтобы обеспечить их достаточными запасами, и в вопросе снабжения Советскому Союзу понадобится помощь американцев. На вопрос Гарримана о том, как скоро Советский Союз начнет наступательные действия против Японии, Сталин ответил, что это произойдет через три месяца после поражения Германии90.

16 октября Сталин снова встретился с Гарриманом и Дином и передал послу список припасов, которые понадобятся советским войскам для участия в войне на Дальнем Востоке. Дин вкратце повторил то, о чем он говорил на предыдущей встрече, а Сталин ответил, что, по его мнению, наиболее важной целью для Красной Армии будет уничтожить японские войска в Маньчжурии91. По словам Гарримана, Сталин дал ясно понять, что в связи с участием Советского Союза в войне на Дальнем Востоке он намерен предъявить некоторые политические требования, поскольку советские люди должны знать, за что они сражаются92. Тем не менее, глава СССР раскрыл свои карты только во время

следующей встречи, 14 декабря, когда посол спросил Сталина о его требованиях. Главным образом, Сталин хотел отмены положений Портсмутского договора: Южный Сахалин в результате был бы возвращен России, кроме того, СССР получил бы права долгосрочной аренды баз в Порт-Артуре и Даляне на Ляодунском полуострове в Маньчжурии, а также железнодорожных линий, соединяющих эти два порта с Советским Союзом. Сталин также хотел сохранения статус-кво в отношении Монголии, что означало, что Китай должен де факто признать независимость Монгольской Народной Республики – государства, зависимого от СССР еще с 1920-х гг. Наконец, Сталин хотел аннексировать Курильские острова93 – цепь островов, проходившую от принадлежащего СССР Камчатского полуострова до северной оконечности острова Хоккайдо, на котором располагалась Япония. Острова были по большей части не населены, и статус их оставался неоднозначным с тех пор, как Россия уступила их Японии по соглашению, подписанному в 1875 г. Впрочем, правительство СССР из принципа не могло смириться с тем, что оно связано обязательствами, данными еще царем, так что у СССР были все причины требовать возвращения земель, которые японцы называли «Северными территориями», как с юридической, так и с исторической точки зрения. Если не принимать во внимание юридические тонкости, вернуть Курилы для Сталина было важно стратегически, поскольку они давали СССР выход в Охотское море и закрывали доступ к Владивостоку из Тихого океана. Как сказал Сталин китайскому послу в июле 1945 г., «если бы Курильские острова были советскими, а Формоза и другие территории были возвращены Китаю, мы бы всегда могли держать Японию в окружении с востока, юга и запада»94. Возможно также, что Курилы были для Сталина на Дальнем Востоке тем же, чем Кенигсберг в Германии – всего лишь «куском» японской территории, которую он хотел получить в качестве частичной компенсации за кровь, пролитую советскими солдатами в войне на Дальнем Востоке.

Одной из тем, к которым Сталин возвращался во многих беседах с Гарриманом, была жизненная необходимость сохранять в секрете намерение СССР атаковать Японию; он подчеркивал, что этот вопрос будет обсуждаться только в высших военно-политических кругах советского правительства. Сталин не говорил об этих планах даже ведущим советским дипломатам – в том числе Якову Малику, послу СССР в Токио, и С.А. Лозовскому, заместителю народного комиссара иностранных дел по Дальнему Востоку. И Малик, и Лозовский действовали в полной уверенности, что СССР постарается избежать вступления в войну

с Японией, и во всех официальных заявлениях утверждали, что целей СССР на Дальнем Востоке, в том числе отмены решений Портсмутского соглашения, можно достичь путем переговоров на послевоенной мирной конференции. Сталин, однако, знал, что его политические и территориальные претензии к Китаю и Японии не будут приняты всерьез, если Советский Союз не примет активного участия в событиях на Дальнем Востоке95.

На Ялтинской конференции в феврале 1945 г. Сталин получил то, чего хотел на Дальнем Востоке. В секретном соглашении, которое по настоянию Сталина было подписано лично лидерами «Большой тройки», Черчилль и Рузвельт выражали свое согласие с требованиями, которые Сталин изложил Гарриману в декабре, с двумя оговорками: Далянь не будет отдан СССР в долгосрочную аренду, а станет международным торговым портом, а все требования Советского Союза в отношении Маньчжурии могут быть удовлетворены лишь с согласия Китая. Сталин также обещал, что СССР постарается добиться подписания советско-китайского договора о союзничестве96.

После Ялтинской конференции Советский Союз официально начал подготовку к войне на Дальнем Востоке97. Были подготовлены планы, назначены исполнительные лица, началась переброска советских войск на восток. Ответственным за кампанию был назначен маршал Василевский, который начал разработку планов боевых действий в конце апреля 1945 г. Из соображений безопасности о его назначении объявлено не было; более того, он был официально объявлен главнокомандующим советскими войсками на Дальнем Востоке только в конце июля. Он прибыл в район военных действий несколькими неделями раньше, но под вымышленным именем и без маршальской формы. Вместе с Василевским с европейского театра военных действий на дальневосточный было переведено еще несколько опытных старших офицеров. Среди них были маршал Р.Я. Малиновский, который был назначен командующим Забайкальским фронтом во Внешней Монголии (главного фронта советской армии на Дальнем Востоке), и прославившийся в годы советско-финской войны маршал Мерецков, который стал командующим Приморским (1-м Дальневосточным) фронтом.

Помимо планирования боевых действий, задачей первостепенной важности было наращивание сил на Дальнем Востоке. Численность советских сил, размещенных на Дальнем Востоке, нужно было увеличить вдвое, и в период с апреля по август 1945 г. из западных военных округов СССР, расположенных на расстоянии 10 000 км, было переброшено три пехотных армии

и одна танковая армия, в общей сложности – 39 дивизий. К моменту начала наступательных действий войска Красной Армии на Дальнем Востоке насчитывали полтора миллиона солдат, 26 000 артиллерийских и минометных орудий, 5500 танков и самоходных пушек и 3900 боевых самолетов.

Первые приказы Ставки по подготовке к кампании были подписаны в конце марта 1945 г.98. Интересно отметить, что это были инструкции о том, что следует делать в случае нападения японцев. Отчасти они были направлены на то, чтобы уточнить предыдущие директивы по оборонительным действиям, а отчасти – на то, чтобы предупредить действия, которые могла предпринять Япония после денонсации советско-японского пакта о нейтралитете. Вместе с тем, эти директивы ясно показывали, что советский Генштаб усвоил уроки 22 июня 1941 г. и твердо решил, что его больше не застанут врасплох во время подготовки к наступательным действиям. Согласно мемуарам генерала Штеменко, командование считало, что «планом войны на Дальнем Востоке непременно должно предусматриваться отражение такого внезапного удара… задача на оборону войскам ставилась, оборона создавалась, и документальные источники отражают эту особенность тогдашних оперативно-стратегических соображений Генерального штаба»99.

28 июня Сталин отдал приказы Забайкальскому и 1-му Дальневосточному фронтам приготовиться к наступлению 25 июля, а 2-му Дальневосточному фронту – к 1 августа100. Главной целью кампании было разгромить японскую Квантунскую армию в Маньчжурии. При этом основной удар должен был нанести Забайкальский фронт, а поддержку должны были осуществлять 1-й Дальневосточный и 2-й Дальневосточный фронты, а также Тихоокеанский флот СССР – их задачей было расколоть и изолировать японские войска в Маньчжурии.

Параллельно к этим военным приготовлениям велись дипломатические действия по обеспечению благоприятных условий для вступления СССР в войну на Дальнем Востоке. Самой важной задачей было убедить японцев, что им не нужно опасаться Советского Союза – по крайней мере, в ближайшее время. Эта задача приобрела особое значение после того, как 5 апреля 1945 г. Москва объявила, что не будет продлевать пятилетний срок действия советско-японского пакта о нейтралитете101. Некоторые японские политики считали, что СССР в ближайшем будущем планирует нападение, поэтому они продолжали обращаться к советскому правительству с предложением выступить посредником в переговорах о завершении войны в Тихоокеанском регионе. Как указывает Дэвид Холловей,

«Советское правительство ничем не выказало заинтересованности в инициативах Японии. Оно не проявило ни малейшего желания помочь Японии договориться о мирном соглашении с Соединенными Штатами; не было оно заинтересовано и в том, чтобы отказаться от участия в войне в обмен на предложение Японии предоставить Советскому Союзу большее влияние в Азии… Сталин неизменно высказывался за вариант безоговорочной капитуляции, которую он понимал максимально жестко»102.

Еще одной задачей советской дипломатии в это время было добиться подписания договора о союзничестве с Китаем, как было решено в Ялте. Сталин, однако, не хотел вступать в переговоры с китайцами слишком рано, потому что не доверял их способности хранить секреты и боялся, что они раскроют планы СССР о готовящемся нападении на Японию. Таким образом, переговоры начались лишь в конце июня, но когда они начались, Сталин принял в них самое активное участие. В период с 30 июня по 12 июля Сталин встретился с представителем Китая Сун Цзывенем шесть раз103. Китайцы охотно подписали соглашение с СССР; они очень хотели, чтобы Красная Армия атаковала японцев, но отказывались признавать независимость Внешней Монголии или принять требования СССР касательно Порт-Артура и Даляня104. К середине июля, когда Сталин уехал на Потсдамскую конференцию, стороны еще не достигли согласия по этим вопросам.

Читая записи бесед Сталина с Сун Цзывенем, можно заметить, что они были очень однообразными, утомительными и, несомненно, очень разочаровывали главу СССР. Как Сталин пожаловался Гарриману после одной из таких встреч, он «не мог понять точно, что предлагал Сун. Сун говорил много и тратил много времени на то, чтобы сделать записи, но нельзя было точно понять, что он предлагает. Они просили его представить свои предложения в письменном виде, но он пока этого не сделал… свои предложения они представили Суну в письменном виде, на русском и на английском. От Суна они получили только слова»105. Тем не менее, переговоры Сталина с Сун Цзывенем представляют замечательную возможность оценить, насколько глобально мыслил Сталин в конце Второй мировой войны. Его основной мыслью была параллель между долгосрочной угрозой со стороны Японии и угрозой, исходившей от Германии. 2 июля он заявил Сун Цзывеню: «Япония не погибнет даже в том случае, если она будет вынуждена безоговорочно капитулировать. История показывает, что японцы – сильная нация. После Версальского договора все думали, что Германия больше не

поднимется. Но прошло каких-нибудь 15–17 лет, и она восстановила свои силы. Если Японию поставят на колени, то и она со временем сможет повторить то, что сделала Германия».

Далее Сталин объяснил Сун Цзывеню, что, подписывая соглашение на Крымской конференции, он руководствовался необходимостью усилить стратегические позиции Советского Союза на Дальнем Востоке для предстоящей войны с Японией106. 7 июля Сталин сказал Суну, что «Советский Союз думает о будущем, о перспективах, а не о промежутке времени в полгода или год. После того как Япония будет разгромлена, она все равно через какие-нибудь 20 лет возродится. Советское правительство хочет построить советско-китайские отношения, исходя не только из настоящего, но и из будущего, из перспектив»107. 11 июля Сталин вернулся к аналогии с Германии, указав Суну на то, что если не будет демонтировано промышленное оборудование Германии, стране будет легко восстановить вооружение. По отношению к Японии он опасался, что англичане и американцы «забудут о страданиях, принесенных нынешней войной, и начнут предоставлять Японии различные льготы, так было с Германией после Первой мировой войны… в Америке и Англии найдутся люди, которые будут помогать Японии. Сун не знает… как пришлось представителям Советского Союза бороться в Крыму и Тегеране, чтобы добиться принятия требования безоговорочной капитуляции Германии… они [англичане и американцы] просто хотели сохранить Германию для политической игры, для равновесия. Несомненно, в США и Англии найдутся люди, которые будут помогать Японии. Для того чтобы этого не было, нам нужно располагать большими силами»108.

Как пишет Дэвид Холловей: «Представление Сталина о послевоенном устройстве мира во многом определялось возрождением мощи Германии после Первой мировой войны и двойной угрозой, которую для Советского Союза представляли Германия на западе и Япония на востоке. Он предвидел, что в конечном итоге мощь Германии и Японии будет восстановлена после Второй мировой войны, но хотел задержать это восстановление на как можно больший срок. Он опасался, что Великобритания и США будут способствовать восстановлению мощи этих стран, чтобы уравновесить силу Советского Союза. Именно поэтому было важно занять позицию, которая позволила бы предотвратить, отсрочить или оказать противодействие восстановлению мощи Германии и Японии и обеспечить Советскому Союзу доминирующее положение в Европе и Азии»109.

В Европе эту сложную ситуацию, связанную с

восстановлением мощи Германии и с его опасениями по поводу непоследовательных действий западных союзников, Сталин был намерен решить путем создания долгосрочного альянса славянских государств. На Дальнем Востоке решением было создание прочного советско-китайского альянса. Еще одна параллель с событиями в Европе касалась роли китайских коммунистов в предлагаемой Сталиным схеме послевоенной ситуации на Дальнем Востоке. Сталин побуждал китайских коммунистов (так же, как и европейских) создать национальный фронт борьбы с общим врагом – в этом случае с Японией – и взять курс на установление после войны демократического прогрессивного режима. Для Мао и Коммунистической партии Китая принять такой политический курс было непросто, ведь они уже почти двадцать лет с переменным успехом вели гражданскую войну с националистским правительством Чан Кайши. Тем не менее, все говорит о том, что Мао принял предложенную Сталиным стратегию, если и не следовал всем его советам касательно тактики. Он, как и коммунисты Восточной Европы, осознавал многочисленные плюсы военного вмешательства СССР в войну против Японии110. Естественно, эта перспектива вызывала беспокойство Чан Кайши, но он успокаивал себя обещанием Сталина признать его режим как единственное законное правительство Китая. В одном из разговоров с Гарриманом Сталин в шутку назвал Мао и его товарищей «маргариновыми коммунистами». Посол понял это так, что они не настоящие коммунисты, а патриоты, которых больше всего заботят национальные интересы страны. Относительно Азии, как и относительно Европы, Сталин последовательно убеждал своих западных союзников в том, что «советизация» уже не числится на политической повестке дня Советского Союза.

На Потсдамской конференции Сталин сказал Трумэну, что будет готов начать нападение на Японию к середине августа. Трумэн был этим доволен. «Я получил то, зачем приехал, – признался он своей жене 18 июля. – Сталин начнет войну 15 августа и без всяких условий… Я бы сказал, что через год мы закончим войну, и я думаю обо всех мальчиках, которые не будут убиты. Это очень важно»111. Согласно английской версии записи беседы Сталина с Черчиллем 18 июля, «было ясно, что Россия намерена атаковать Японию вскоре после 8 августа. Маршал [Сталин] полагал, что это может произойти двумя неделями позже»112. Во время беседы с начальниками штабов Великобритании и США 24 июля Антонов сказал, что советские вооруженные силы будут «готовы к началу боевых действий во второй половине августа»113. Эти утверждения соотносились с

данным советской стороной на Крымской конференции обещанием начать военные действия через два или три месяца после поражения Германии, с военными планами Советского Союза на Дальнем Востоке (которые еще не были приняты окончательно), а также с привычной для Сталина и Антонова тактикой предоставления западным союзникам более ранних дат начала наступательных действий Красной Армии – как из соображений безопасности, так и на случай непредвиденных обстоятельств (таких, как погодные условия).

Хотя Антонов во время Потсдамской конференции активно обсуждал участие СССР в войне на Дальнем Востоке с командованием союзнических войск, в официальных заседаниях конференции этот вопрос практически не фигурировал. Сталину было нечего сказать; на политическом уровне сделка была заключена, и машина военного планирования и подготовки уже медленно двигалась в направлении наступательных действий. Он мог бы поднять вопрос о послевоенной оккупации Японии, однако было самоочевидно, что американцы не будут обсуждать выделение Советскому Союзу оккупационной зоны, пока СССР не вступил в войну. На Потсдамской конференции как Сталин, так и Антонов придерживались мнения, что вступление Советского Союза в войну зависит от альянса с Китаем, который должен присоединиться к решениям, принятым в Ялте, однако это не было обязательным условием. Если бы Китай отказался удовлетворить требования Сталина в отношении Порт-Артура и Даляня, Красная Армия просто захватила бы их силой. С позиций Трумэна, картину осложнял тот факт, что к моменту начала Потсдамской конференции американцы уже не были так заинтересованы в участии СССР в войне против Японии. С военной точки зрения оно уже не имело такого жизненно важного значения, как прежде. Еще больше американцев укрепило в этом мнении успешное испытание атомной бомбы, проведенное 17 июля, и все более очевидные признаки того, что японцы уже готовы просить мира. О том, что позиция Америки по вопросу участия СССР в войне на Дальнем Востоке поменялась, говорило и отношение Трумэна к Потсдамской декларации, подписанной 26 июля 1945 г. Это было официальное заявление, в котором Великобритания, США и Китай требовали от Японии подписать безоговорочную капитуляцию или столкнуться с перспективой «неизбежного и окончательного уничтожения». В первоначальном варианте проекта декларации в число подписавшихся входил Советский Союз, и помимо военных сил Соединенных Штатов, Великобритании и Китая, в ее тексте упоминалась «огромная военная мощь Советского Союза»114. Однако 26 июля Бирнс

отправил Молотову копию нового текста декларации, в которых эти упоминания отсутствовали115. Советский Союз немедленно начал к разработке собственного проекта декларации, в котором говорилось: «Пришло время, когда правительства союзнических демократических стран, США, Китая, Великобритании и Советского Союза, признают необходимость заявить о своем отношении к Японии.

Восемь лет назад Япония напала на Китай и с тех пор ведет кровавую войну против китайского народа. После этого Япония предательски напала на Соединенные Штаты и Великобританию, начав разбойную войну в Тихом океане. И на этот раз Япония использовала тот же метод внезапного вероломного нападения, как и сорок лет назад, когда она напала на Россию.

Развязав войну, Япония попыталась использовать ситуацию, создавшуюся в результате агрессии Гитлера в Европе. Упорное сопротивление китайского народа и отважная борьба американских и британских вооруженных сил расстроили хищнические планы японских милитаристов.

Как и гитлеровская Германия на Западе, воинственная Япония принесла, и продолжает нести, бесчисленные несчастья миролюбивым народам. Несмотря на поражение Германии и окончание войны в Европе, Япония продолжает затягивать кровавую войну на Дальнем Востоке. Бедствия народов и число жертв войны продолжают расти, несмотря на тщетность продолжения войны. Терпеть эту ситуацию далее невозможно.

Во всем мире народы полны желания положить конец затянувшейся войне. Соединенные Штаты, Китай, Великобритания и Советский Союз считают своим долгом выступить с совместными решительными действиями, которые должны привести к окончанию войны.

Япония должна понимать, что дальнейшее сопротивление бесполезно и представляет опасность для самого японского народа. Япония должна закончить войну, сложить оружие и безоговорочно капитулировать»116.

Ближе к полуночи советское правительство позвонило американской делегации, чтобы попросить отложить публикацию декларации на три дня, однако через пятнадцать минут получило сообщение о том, что текст декларации уже передан в прессу117. Впоследствии американцы объяснили такие действия без согласования с советской стороной тем, что Советский Союз по-прежнему сохранял нейтралитет и не захотел бы участвовать в подобном заявлении. Это была сомнительная отговорка, и Сталин открыто высказал свое недовольство, нарочито подчеркнув на пленарном заседании 28 июля, что «он не был проинформирован

заранее о призыве к капитуляции, опубликованном британским и американским правительствами»118. При этом Сталин не отказался от идеи официально выразить солидарность союзников в преддверии нападения Советского Союза на Японию. Он предложил в разговоре с Трумэном, чтобы Великобритания и США опубликовали заявление, в котором пригласили бы СССР вступить в войну на Дальнем Востоке. Трумэн в ответ на это заметил, что декларация по общей безопасности, подписанная в Москве в октябре 1943 г., и пока не ратифицированная хартия ООН представляют собой достаточное формальное основание для вступления СССР в войну119. С точки зрения Сталина это было едва ли приемлемо, поэтому, когда 8 августа СССР наконец объявил войну Японии, в качестве оправдания для своих действий он использовал невыполнение Японией условий Потсдамского соглашения120.

Дэвид Холловей так резюмирует значение последовательности этих событий для оценки политики Сталина в отношении войны на Дальнем Востоке: «Удивительная особенность политики Сталина… заключается в том, как настойчиво он добивался согласия союзников на осуществление своих планов. Он был очень доволен… когда Рузвельт в Ялте согласился на поставленные им политические условия вступления в войну. Он очень хотел, чтобы Рузвельт и Черчилль подписали ялтинское соглашение. Он старался вовремя достичь соглашения с Китаем, чтобы к моменту вступления в войну иметь Китай в качестве союзника. Он подготовил альтернативную версию Потсдамской декларации и хотел, чтобы ее подписали он сам и его союзники. Он попросил у Трумэна официального предложения вступить в войну, и даже получив отказ, все же представил вступление Советского Союза в войну как реакцию на просьбу союзников о помощи»121.

Когда Сталин вернулся в Москву из Потсдама, он получил доклад от Василевского от 3 августа, в котором сообщалось, что войска дальневосточных фронтов будут готовы к боевым действиям 5 августа. Василевский предлагал начать атаку не позже 9–10 августа и указывал Сталину на то, что с 6–10 августа ожидается хорошая погода. 7 августа Сталин и Антонов направили Василевскому директиву, в которой приказывали ему начинать наступление 8/9 августа122. Директива была подписана без соглашения с Китаем. Более того, Сталин даже не взял на себя труд еще раз встретиться с Сун Цзывенем перед тем, как принять окончательное решение о начале военных действий. Он явно был намерен сначала атаковать Японию, а потом заключить соглашение о союзничестве с Китаем. Есть версия, что решающим

фактором, подтолкнувшим Сталина к действию, стала атомная бомбардировка Хиросимы 6 августа и опасение, что Япония сдастся еще до того, как СССР вступит в войну и получит за это желанное вознаграждение – Маньчжурию, Южный Сахалин и Курилы. Сталин знал об американской программе создания атомной бомбы из донесений обширной советской агентурной сети в США, члены которой внедрились в Манхэттенский проект на руководящем уровне123. Он, вероятно, даже не удивился, когда 24 июля во время Потсдамской конференции Трумэн сообщил ему об успешно прошедшем испытании «Тринити». По словам Трумэна, Сталин не проявил особого интереса к этой новости; другие зарубежные авторы тоже подтверждают эту версию. С другой стороны, советские авторы в своих мемуарах утверждают, что Сталин резко отреагировал на новость; он счел, что Запад начал использовать тактику ядерного шантажа и поспешил ответить на него, резко ускорив осуществление собственной программы Советского Союза по разработке атомной бомбы124.

Маловероятно, что Сталин в полной мере осознавал значение атомной бомбы как нового вида оружия до ее применения в войне с Японией. Вполне возможно, он был впечатлен мощью ядерной бомбы, сброшенной на Хиросиму, и отреагировал на это событие тем, что поспешил как можно скорее вступить в войну. Однако не менее вероятно и то, что он устал от бесконечных безрезультатных переговоров с китайцами и намеревался решительными действиями заставить Чан Кайши подписать соглашение. В любом случае, на Китай вступление Советского Союза в войну произвело должное впечатление: китайское руководство тут же согласилось на предложенные Москвой условия и 14 августа подписало пакт о союзничестве – в тот день, когда Япония объявила о безоговорочной капитуляции. Наиболее примечательной чертой китайско-советского пакта была его выраженная направленность против Японии; по условиям пакта Сталин получал практически все, что ему было нужно, в Маньчжурии, однако не получал полного контроля над Далянем125.

В день, когда Советский Союз объявил войну Японии, Сталин разговаривал с Гарриманом. Посол спросил его, какой эффект, по его мнению, произведет бомбардировка Хиросимы. Сталин ответил, что, на его взгляд, она может дать японцам повод сместить правительство и заменить его таким правительством, которое решит подписать капитуляцию. Немного позже Сталин заметил, что ядерное оружие могло бы положить «конец войнам и агрессорам. Но секрет нужно было бы сохранить». Затем он

рассказал Гарриману, что русские ученые работают над таким же проектом, но пока не достигли результатов – так же, как и немцы, чью ядерную лабораторию удалось захватить советской армии. Когда Гарриман сказал, что англичане и американцы объединили усилия, но для осуществления экспериментов потребовалось создание огромных установок, Сталин заметил, что это, наверное, обошлось очень дорого. Гарриман согласился, сказав, что это стоило более 2 миллиардов долларов, и что в развитии проекта большую роль сыграл Черчилль. «Черчилль был великим новатором, упорным и отважным», – ответил Сталин126.

Как показывает этот разговор с Гарриманом, Сталин не ожидал слишком большого эффекта от бомбардировки Хиросимы, однако он довольно быстро понял потенциальное значение нового оружия в долгосрочной перспективе. Действительно, 20 августа, вскоре после этой встречи, Сталин подписал приказ о начале масштабной программы приоритетной важности по созданию советской атомной бомбы. Ответственным за этот проект был назначен Лаврентий Берия; ему была дана полная свобода действий, чтобы обеспечить ресурсы, необходимые для завершения проектно-конструкторской работы в кратчайшие сроки127.

Хотя Сталин и был впечатлен атомной бомбардировкой, он хорошо осознавал, какое значение имело военное вмешательство Советского Союза для быстрого завершения войны на Дальнем Востоке. 10 августа он сказал Сун Цзывеню, что Япония объявила капитуляцию. «Япония собирается капитулировать, – сказал Сталин, – в результате соединенных усилий всех союзников… Япония хочет капитулировать с оговоркой, в то время как нам нужна ее безоговорочная капитуляция»128. Позже, в другом контексте, Сталин сказал Гомулке, руководителю польской коммунистической партии: «Не атомные бомбы, а армии решают исход войны»129. Это мнение Сталина поддерживают большинство историков; в настоящее время исследователи сходятся в том, что Японию заставили капитулировать не только атомные бомбы. Не менее (а может быть, и более) сильным потрясением для нее стало вступление в войну советских войск. Дело не только в том, что советское наступление представляло собой мощный в военном отношении удар; оно еще и развеяло последние надежды японцев на то, что военные действия будут закончены путем переговоров и им удастся избежать позора безоговорочной капитуляции130.

Маньчжурская операция во многих отношениях стала кульминационным для Второй мировой войны проявлением тактического искусства советских вооруженных сил. В ходе этой

операции, включавшей в себя бронетехнику, пехоту, поддержку с воздуха и высадку десанта, задачей советской армии было атаковать Японию по участку границы протяженностью 5000 км, продвинуться вглубь на 300–800 км и вести боевые действия на территории площадью 1,5 млн квадратных километров. В случае Забайкальского фронта под командованием Малиновского это означало, что войска должны были пересечь безводную пустыню, преодолеть высокие горы и перейти бурные реки. К 14 августа, когда Япония объявила о безоговорочной капитуляции, советская армия продвинулась в центральную часть Маньчжурии и разбила Квантунскую армию на несколько частей. Бои в Маньчжурии шли несколько дней, а на Сахалине и Курильских островах продолжались до конца августа. На этот раз потери советских войск были сравнительно небольшими – 36 500 человек, в том числе 12 000 убитыми. Потери японской армии были значительно больше – около 80 000 человек убито и около полумиллиона взято в плен.

С точки зрения политики наиболее интересным эпизодом за время участия СССР в войне на Дальнем Востоке стала попытка Сталина получить права на оккупацию северной половины японского острова Хоккайдо131. 16 августа Сталин написал Трумэну письмо с предложением о том, чтобы капитуляцию японских войск в северной части Хоккайдо приняла Красная Армия. Он писал, что это предложение «имеет особое значение для русского общественного мнения. Как известно, японцы в 1919–1921 гг. держали под оккупацией своих войск весь Советский Дальний Восток. Русское общественное мнение было бы серьезно обижено, если бы русские войска не имели района оккупации в какой-либо части собственно японской территории». Хотя ранее американцы рассматривали возможность выделить СССР оккупационную зону в Японии, теперь они этого делать не собирались. 18 августа Трумэн ответил Сталину, что капитуляцию Японии на всех главных островах, в том числе Хоккайдо, примут войска США. Трумэн еще больше усугубил ситуацию, потребовав от Сталина уступить США авиационные и военно-морские базы на Курилах. Сталин ответил лишь через четыре дня, и за этот срок ему пришлось принять важное решение: отменить ли приказы о вторжении советских войск на остров Хоккайдо. 22 августа Сталин дал Трумэну ответ, в котором принимал его отказ предоставить СССР право оккупировать северную часть Хоккайдо, но при этом заявлял: «Я и мои коллеги не ожидали от Вас такого ответа». Далее Сталин отвергал требование Трумэна касательно военных баз на Курилах, добавляя, что «требования такого рода обычно предъявляются

либо побежденному государству, либо такому союзному государству, которое само не в состоянии защитить ту или иную часть своей территории… должен Вам сказать чистосердечно, что ни я, ни мои коллеги не понимаем, ввиду каких обстоятельств могло возникнуть подобное требование к Советскому Союзу». На это послание Трумэн дал краткий ответ, в котором писал, что хотел только получить права на высадку на одном из Курильских островов, что облегчило бы оккупацию Японии американскими войсками. Это, кажется, удовлетворило Сталина, который согласился на требование Трумэна и добавил: «Я рад, что недоразумения, вкравшиеся в нашу переписку, рассеялись»132.

2 сентября 1945 г. Япония официально объявила капитуляцию, и Сталин телеграфировал Трумэну поздравления с блестящей победой Соединенных Штатов и их народа. В тот же день Сталин обратился к собственному народу с речью, в которой постарался оправдать вступление Советского Союза в войну на Дальнем Востоке. Япония, сказал Сталин, не только была членом агрессивного фашистского блока, но и в прошлом несколько раз нападала на Россию и стремилась изолировать ее на Дальнем Востоке. Теперь, когда Советский Союз вернул себе Южный Сахалин и Курилы, у него есть прямой выход в Тихий океан и базы, необходимые для того, чтобы сдерживать возможную агрессию со стороны Японии. «Сорок лет ждали мы, люди старого поколения, этого дня», – сказал Сталин133.

Несмотря на то, что Сталин сделал попытку апеллировать одновременно к патриотическим чувствам и стратегическим интересам, «от его обращения в тот день у людей осталось странное чувство неудовлетворенности», – вспоминал Александр Верт134. Были устроены фейерверк и парад, но в народе не ощущалось и малой доли радости и облегчения, которыми сопровождалась победа на европейском фронте. Война Советского Союза с Японией была войной Сталина, а не советских людей, которые, вероятно, предпочли бы, чтобы события на Дальнем Востоке шли своим чередом, и чтобы на этот раз все тяготы и жертвы войны пришлось нести западным союзникам. Во время Великой Отечественной войны советские люди отдали все для победы и пережили беспрецедентную травму общенационального масштаба. Их ожидания по поводу того, что принесет с собой мир, были не менее существенной частью сложной политической реальности, с которой столкнулся Сталин в послевоенный период, чем дипломатические маневры и идеологические трения начинающейся «холодной войны» с Западом.

Глава 9 УТРАЧЕННЫЙ МИР

Сталин и истоки «холодной войны»

Когда Вторая мировая война близилась к завершению, Сталин считал, что «большой альянс» ждет большое будущее. Успех Потсдамской конференции позволял надеяться на то, что не менее успешным будет и первое совещание Совета министров иностранных дел (СМИД), органа, созданного «Большой тройкой» для обсуждения вопросов послевоенного устройства мира. Первой его задачей было подготовить мирные соглашения для союзников «Оси» – Болгарии, Финляндии, Венгрии, Италии и Румынии. Советская сторона готовилась к встрече СМИД в полной уверенности, что дух трехстороннего сотрудничества, царивший на Ялтинской и Потсдамской конференциях, будет сохранен и что для СССР результатами переговоров с партнерами по «большому альянсу» станут новые дипломатические успехи1.

Однако уже летом 1945 г. появились первые предзнаменования трений и разногласий, которые в итоге привели к распаду «большого альянса». Наиболее спорным был вопрос о дипломатическом признании просоветских правительств Болгарии и Румынии. В мае 1945 г. Сталин начал оказывать давление на Черчилля и Трумэна, чтобы добиться признания Западом Болгарии и Румынии, но безрезультатно2. Лондон и Вашингтон не считали их коалиционные правительства, в которых большинство составляли коммунисты, демократическими и отвечающими интересам Запада. На Потсдамской конференции противоречие было сглажено за счет того, что англичане и американцы пообещали рассмотреть возможность признания этих правительств, но только в рамках соглашения, в результате которого все второстепенные страны «Оси» вошли бы в состав ООН. После Потсдамской конференции, однако, в политике СССР и Западных держав произошел резкий раскол3. 8 августа 1945 г. Москва признала румынское правительство во главе с Петру Гроза, а еще через несколько дней заявило, что признает болгарское правительство после того, как там состоятся выборы, назначенные на 26 августа. Англичане и американцы в ответ дали ясно понять, что они не признают правительство Гроза, если в стране не будут проведены свободные выборы. Это подтолкнуло короля Румынии Михая просить Гроза уйти в отставку на том основании, что страна не сможет вести мирные переговоры со странами-союзниками, если в ней не будет признанного Западом демократического режима. При активной поддержке со стороны Москвы Гроза отверг неоднократные предложения короля уйти в отставку. Сталин

планировал создать военный альянс с Румынией и был полон решимости удерживать эту страну под своим влиянием. В Болгарии события приобрели другой поворот, когда к требованиям Великобритании и США отложить выборы присоединились угрозы оппозиции бойкотировать их. Москва уступила под этим двойным давлением и 25 августа согласилась перенести дату выборов. Все говорит о том, что это решение было принято спонтанно и стало неожиданностью даже для болгарских коммунистов4. В своем дневнике Димитров назвал требование болгарского министра иностранных дел отсрочить выборы «возмутительным», «скандальным» и «капитуляционистским»5. Несколькими днями позже Сталин объяснил делегации болгарских коммунистов, что решение отсрочить выборы было незначительно уступкой и что важно проявить настойчивость и не уступить требованиям внести изменения в состав правительства. Далее Сталин прочитал болгарам лекцию о необходимости создать выборную систему, которая облегчила бы существование независимой оппозиции, и настоятельно советовал им вести работу по нормализации отношений с англичанами и американцами6.

Хотя в этой беседе Сталин ничем не выказал недовольства событиями в Болгарии и Румынии, он, вероятно, был немало раздосадован вмешательством Англии и Америки в его сферу влияния. Несомненно, это наложило отпечаток на его восприятие событий сессии СМИД, которая открылась в Лондоне 11 сентября 1945 г. Обсуждение началось в дружественной атмосфере, однако вскоре столкнулось с затруднениями. Одним из первых проблемных моментов стало то, что Советский Союз поддерживал Тито в итальянско-югославском конфликте по поводу Триеста – этническом и территориальном споре, который в мае 1945 г. привел к военному столкновению партизан Тито и союзнических войск Запада, стремившихся захватить эту территорию7. Затем Запад отверг просьбу Советского Союза о предоставлении ему опеки над бывшей итальянской колонией Триполитанией в Западной Ливии. Молотов получил от Сталина четкие указания добиться этой уступки и на пленарном заседании 15 сентября обратился к собравшимся с пылкой речью: «Советское правительство считает будущее Триполитании чрезвычайно важным для советского народа, оно имеет право требовать опеки над этой территорией. Советское правительство настаивает на своем праве активно участвовать в управлении итальянскими колониями, поскольку Италия напала на Советский Союз и нанесла ему огромный ущерб… Территория Советского Союза обширна, она простирается от крайней восточной точки Европы

далеко на запад. У СССР есть выход к морю на севере, он должен пользоваться портами и на юге, особенно с недавних пор, когда он получил право пользоваться Далянем и Порт-Артуром на Дальнем Востоке… у Британии не должно быть монополии на коммуникации в Средиземном море. Россия хотела бы иметь базы для своего торгового флота в Средиземном море. Мировая торговля будет развиваться. Как он, Молотов, заявлял вчера, Советский Союз обладает большим опытом в установлении дружественных отношений между различными нациями и готов использовать этот опыт в Триполитании. Мы не предполагаем вводить советскую политическую систему в Триполитании. Мы предпримем шаги для создания демократического правительства»8.

Советский Союз видел ситуацию таким образом: на конференции в Сан-Франциско в июне 1945 г. американская сторона обещала ему выделить часть итальянских колоний, и теперь оставалось только обсудить детали. Однако на совещании СМИД ни американцы, ни англичане ничем не показали, что готовы передать под контроль СССР Триполитанию или любую другую колонию Италии. Когда речь зашла о Болгарии и Румынии, англичане и американцы проявили еще большее упорство, ясно дав понять, что не признают правительства этих стран, пока в них не будут проведены свободные и честные выборы в присутствии западных наблюдателей. Готовясь к конференции, советская делегация предвидела эту проблему и приняла решение использовать два метода: во-первых, поднять вопрос о ситуации в Греции (подконтрольной Великобритании стране, в которой разгорелась гражданская война между партизанами, возглавляемыми коммунистами, и монархистами и консерваторами, получавшими поддержку Лондона); во-вторых, связать подписание мирного договора с Италией с одновременным заключением мирных соглашений с Болгарией, Финляндией, Венгрией и Румынией, что потребовало бы дипломатического признания этих государств Западом. Советская сторона рассчитывала на то, что стремление англичан и американцев довести до конца процесс подписания мирного договора со своим союзником – Италией – побудит их пойти на компромисс по отношению к Болгарии и Румынии. Если этого не произойдет, Сталин был готов отказаться от многостороннего подхода к переговорам о подписании мирных соглашений с второстепенными странами «Оси». «Может случиться, что союзники подпишут мирный договор с Италией без нас, – писал Сталин Молотову в Лондон. – Так что же? Тогда у нас есть прецедент. Мы получим возможность в свою очередь достигнуть

мирного соглашения с нашими сателлитами без союзников. Если такой поворот будет означать, что эта сессия Совета министров закончится без принятия решений по главным вопросам, мы и такого исхода не должны бояться»9.

Рассуждения Сталина о том, что сессия СМИД может закончиться без результатов, оказались пророческими: 21 сентября он приказал советской делегации резко сменить тактику переговоров. Сталин чувствовал, что Молотов делает слишком большие уступки – особенно по процедурному вопросу о том, кто имеет право участвовать в совещании СМИД. На Постдамской конференции, когда был учрежден СМИД, он задумывался как трехсторонний орган, в работе которого могли принимать участие также министры иностранных дел Китая и Франции, если их непосредственно касались обсуждаемые вопросы. Так, Франция воевала с Италией и поэтому имела право участвовать в обсуждении мирного договора с Италией, но не имела такого права в отношении Болгарии и Румынии. Однако на первом заседании СМИД Молотов, решив проявить доброжелательность, дал согласие на то, чтобы французы и китайцы принимали участие во всех обсуждениях СМИД10. Как и следовало ожидать, китайцы и особенно французы принимали активное участие в дискуссиях совета, главным образом принимая точку зрения англичан и американцев, к немалой досаде Молотова и Сталина. Сталин распорядился, чтобы Молотов отозвал свое согласие на участие Китая и Франции во всех обсуждениях СМИД и вернулся к принятому в Потсдаме положению о том, что переговоры должны по большей части быть трехсторонними11.

22 сентября Молотов передал решение Сталина Эрнесту Бевину, секретарю иностранных дел Великобритании, и Джеймсу Ф. Бирнсу, госсекретарю Америки12. Молотов довольно ясно дал понять, что он действует в соответствии с указанием Сталина, однако англичане и американцы решили обратиться непосредственно к руководителю СССР, без посредничества наркома иностранных дел. Трумэн и Эттли телеграфировали Сталину с просьбой разобраться с этой тупиковой ситуацией. Однако Сталин настаивал на том, чтобы решение Потсдамской конференции о создании СМИД оставалось в силе. «Я думаю, что мы обесценим постановления Берлинской конференции, если хоть на минуту допустим право Совета Министров Иностранных Дел отменять эти постановления», – ответил Сталин Эттли13. Так как англичане и американцы не желали возвращаться к потсдамскому определению СМИД, совещание фактически можно было считать оконченным, хотя дискуссии по вопросам, в обсуждении которых могли участвовать Франция и Китай,

продолжались еще несколько дней.

За обструкционистской тактикой Сталина стояло его глубокое недовольство тем, что западные державы отказались признать правительства подопечных ему стран – Болгарии и Румынии. Это было особенно досадно, учитывая, что сам Сталин до сих пор держал данное Черчиллю в октябре 1944 г. обещание не вмешиваться в дела Греции. На совещании СМИД советская делегация выступила с протестом против событий в Греции, заявив, что она не может «нести какую бы то ни было моральную ответственность за политическую ситуацию» в этой стране14, однако по большей части она придерживалась позиции невмешательства и ожидала того же от англичан и американцев по отношению к Восточной Европе. «Почему американское правительство, – спросил раздраженный Молотов Бирнса, – хочет реформировать правительство перед выборами только в Румынии, а не в Греции? Кажется, Соединенные Штаты не хотят вмешиваться в дела англичан в Греции, но хотят вмешиваться в дела русских в Румынии»15.

На самом деле Бевин и Бирнс были готовы дать Советскому Союзу достаточно большую свободу действий в Восточной Европе, но не были готовы смириться с полным исключением Запада из событий в Болгарии и Румынии. Они придерживались точки зрения, что определяющей чертой великой державы являются ее общие геополитические интересы и права, а не просто возможность применения силы в собственной ограниченной сфере16. Именно такое определение великой державы использовал Сталин – но только тогда, когда это соответствовало его целям – например, в случае с мирным соглашением по Дальнему Востоку.

СССР вступил в войну на Дальнем Востоке в августе 1945 г. в обмен на ряд территориальных уступок, однако Сталин также рассчитывал получить свою долю в послевоенной оккупации Японии. 21 августа США учредили Дальневосточную консультативную комиссию (ДВКК), целью которой было облегчить процесс оккупации Японии. Советский Союз принял предложение участвовать в работе ДВКК, но потребовал создания Союзного совета для Японии по образцу органов, существующих в Европе. На совещании СМИД советская делегация выступила с предложением немедленно создать Союзный совет для Японии17. В резолюции речь шла о наделении АСС широкими полномочиями (таким же, как у аналогичного органа в Германии), однако указания, полученные советской делегацией от Сталина, свидетельствуют о том, что он был готов согласиться на введение оккупационного режима итальянского образца, в

котором роль совета была бы ограничена консультированием главнокомандующего американскими войсками в Японии, генерала Дугласа Макартура. Подобным образом, в резолюции содержалось требование дать Советскому Союзу право на размещение войск в Токио, однако Сталин не особенно рассчитывал на то, что Америка пойдет на такую уступку18.

Хотя цели Сталина в вопросе послевоенной оккупации Японии имели скорее символическое, чем принципиальное значение, он придавал ему первостепенное значение. Об этом свидетельствовал его ответ на предложение Бирнса о заключении 25-летнего пакта о разоружении и демилитаризации Германии. Молотов заинтересовался предложением Бирнса19, но реакция Сталина была отрицательной. Целью предложения Бирнса, писал Сталин Молотову, было «во-первых, *отвлечь наше внимание от Дальнего Востока* , где Америка принимает на себя роль завтрашнего друга Японии, и таким образом создать впечатление, что там все хорошо; во-вторых, получить от СССР официальную санкцию на то, чтобы США играли такую же роль в европейских делах, как СССР, с тем, чтобы США могли позже в союзе с Англией взять будущее Европы в свои руки; в-третьих, обесценить соглашения о союзничестве, которые СССР уже заключил с европейскими странами; в-четвертых, подорвать любые будущие соглашения о союзничестве между СССР и Румынией, Финляндией и т. д.»20. Несмотря на этот убийственный список аргументов, Сталин не стал прямо отвергать предложение Бирнса, а дал Молотову указание предложить одновременно заключить между Советским Союзом и Соединенными Штатами антияпонский пакт, который стал бы предварительным условием для подписания антигерманского соглашения.

Одним из лейтмотивов сессии СМИД было мнение советской стороны, что Великобритания и США не дают СССР возможности получить то, на что он может претендовать как великая держава и главный победитель Второй мировой войны. Это чувство негодования выразил Молотов в заявлении Бевину 23 сентября 1945 г.: «Гитлер смотрел на Советский Союз как на государство низшей расы, считая Советский Союз чем-то вроде географического понятия. Но что делать, если мы не считаем себя низшей расой, а считаем Советский Союз государством, имеющим равные права с другими государствами, и не хотим, чтобы на Советский Союз смотрели как на государство низшей расы. Он, Молотов, хочет, чтобы не забывали о том, что отношения с Советским Союзом должны строиться на основе равенства. Пока шла война, пока миллионы людей гибли на фронте, у Советского и Британского правительства были споры, но они сговаривались.

Советский Союз был, видно, нужен. Как только война окончилась, против Советского Союза принимаются всякие меры. Не потому ли это происходит, что Советский Союз уже не нужен больше как равный партнер своих союзников? Конечно, если эта линия будет продолжаться, то это не будет нас сближать, а, напротив, создаст затруднения в наших взаимоотношениях»21.

Сталина особенно беспокоило то, что США не признает в достаточной мере вклад СССР в войну на Дальнем Востоке. «Советский Союз, как суверенное государство, имеет самоуважение, – сказал он послу Гарриману во время встречи 25 октября. – Но ни одно решение, принятое Макартуром, не было передано этому правительству. Фактически Советский союз стал сателлитом Соединенных Штатов на Тихом океане. Эту роль СССР принять не может. С Советским Союзом не обращались как с союзником. Но Советский Союз не будет сателлитом Соединенных Штатов ни на Дальнем Востоке, ни в каком другом месте»22.

Переговоры СМИД в конечном итоге зашли в тупик, и 2 октября конференция была закрыта без подписания соглашения. На пресс-конференции Молотов попытался представить результаты неудачной встречи в как можно более позитивных тонах. Он сказал, что соглашений достигнуто не было, но была проделана большая работа. Да, были некоторые разногласия по процедурным вопросам, однако их удалось разрешить за счет возвращения к решению Потсдамской конференции об учреждении СМИД. В заключение Молотов заявил: «Советский Союз вышел победителем из последней мировой войны и занимает соответствующее место в международных отношениях. Это результат огромных усилий, затраченных Красной Армией и всем советским народом… Это также результат того, что в эти годы Советский Союз и его западные союзники шли рядом и успешно сотрудничали. Советская делегация с уверенностью смотрит вперед и надеется, что все мы будем стремиться сплотить сотрудничество союзников»23. По возвращении в Москву Молотов обменялся официальными посланиями с Бевином. Он выразил свою благодарность за гостеприимство англичан во время лондонского совещания и надежду на продолжение англо-советского сотрудничества несмотря на недавние сложности24. На самом деле, однако, советская сторона была очень обеспокоена тем, как прошла сессия СМИД. Во внутреннем отчете, подготовленном комиссариатом иностранных дел, отмечалось, что Запад, при поддержке враждебно настроенной англо-американской прессы, предпринимает попытки поставить под вопрос решения Ялтинской и

Потсдамской конференций. Демократическое правительство Трумэна упрекали за то, что оно позволяет реакционным элементам от республиканской партии оказывать влияние на его внешнюю политику в отношениях с Советским Союзом; английских лейбористов обвиняли в том, что они ведут себя консервативнее консерваторов, отстаивая имперские интересы Великобритании. В заключении говорилось, что совещание СМИД окончилось «провалом попытки определенных англо-американских кругов развернуть первое после войны дипломатическое наступление на внешнеполитические завоевания Советского Союза, достигнутые в ходе войны. Дальнейшее давление англичан и американцев на СССР не исключено, но у нас есть все шансы сохранить и укрепить внешнеполитическое положение Советского Союза. Мы должны проявлять умение, находчивость, непреклонность и выдержку, как того требуют интересы СССР»25.

Сталин выразил свое недовольство отношениями с британскими и американскими союзниками в беседе с Владиславом Гомулкой, лидером польских коммунистов, 14 ноября: «Не верьте в расхождения между англичанами и американцами. Они тесно связаны друг с другом. Их разведка проводит активные операции против нас во всех странах… повсюду их агенты распространяют информацию, что война с нами может начаться в любой момент. Я полностью уверен, что вой-ны не будет, это ерунда. Они не могут вести с нами войну. Их армии разоружены движением за мир… Не атомные бомбы, а армии решают исход войны. Цели их разведывательной деятельности таковы. Прежде всего они стараются запугать нас и заставить нас уступить по спорным вопросам, касающимся Японии, Балкан и репараций. Во-вторых, [они хотят] оттолкнуть нас от наших союзников – Польши, Румынии, Югославии и Болгарии… Хотят ли они через тридцать лет или около того начать новую войну – другой вопрос. Это принесет им большую выгоду, особенно Америке, которая расположена за океаном и ее меньше всего волнуют последствия войны. Их щадящая политика по отношению к Германии свидетельствует об этом. Тот, кто щадит агрессора, хочет новой войны»26.

Такой враждебный настрой по отношению к Англии и Америке уравновешивался официальными выражениями веры в будущее «большого альянса». Выступая с речью в честь 28-й годовщины Октябрьской революции 6 ноября, Молотов подчеркнул, что, хотя неудачное завершение совещания СМИД и вызывает беспокойство, в прошлом в коалиции Англии, Америки и Советского Союза тоже были разногласия, но их удалось

преодолеть27. Сам Сталин сказал в беседе с Гомулкой, что вскоре будет подписано советско-американское соглашение, а когда в конце ноября Бирнс предложил устроить трехстороннее совещание, чтобы уладить проблемы, возникшие на конференции СМИД, глава СССР с готовностью согласился. Из этого события Сталин сделал вывод, что его твердая тактика ведения переговоров принесла свои плоды. 9 сентября он обратился к своему ближайшему окружению в письме, в котором анализировал события во внешней политике, произошедшие после конференции СМИД. Он писал, что стойкость помогла одержать победу в вопросе участия Франции и Китая в трехстороннем обсуждении вопросов, которые их не касались. Подобная политика принесла результаты и на Балканах, как показывал успех коммунистов на отсроченных выборах в Болгарии и в Югославии, где выборы прошли в ноябре 1945 г. Имея дело с англичанами и американцами, делал вывод Сталин, нельзя было поддаваться запугиваниям, в дальнейших переговорах с ними ведущей должна стать политика стойкости и выдержки28. Следует, однако, отметить, что Сталин не всегда проявлял в переговорах с Западом ту настойчивость, которой он требовал от своих подчиненных. Так, в конце октября Гарриман приехал на встречу со Сталиным в его резиденцию на Черном море, и Сталин проявлял достаточную гибкость во время дискуссий с послом – как по японскому вопросу, так и в отношении процедурных противоречий на конференции СМИД29.

Такую же позицию занял Сталин и когда Бевин и Бирнс прибыли в Москву на совещание министров иностранных дел. Конференция проходила с 16 по 26 декабря в особняке на Спиридоновке, где обычно проводились подобные встречи в Москве. Несмотря на все назидания Сталина своим товарищам о преимуществах жесткой тактики переговоров, совещание прошло очень конструктивно и стало прорывом в дискуссиях СССР с Западом по вопросам послевоенного устройства. В самом деле, Советский Союз рассматривал совещание как возможность вернуться к временам «Большой тройки» и был готов идти на компромисс по ряду вопросов. В вопросе ограничения участия Франции и Китая в заседаниях СМИД советская сторона добилась своего, но в обмен на это согласилась провести расширенную мирную конференцию для обсуждения проектов мирных соглашений с второстепенными странами «Оси». Тупиковая ситуация с Болгарией и Румынией была разрешена: было достигнуто соглашение расширить состав обоих правительств за счет включения представителей оппозиции. Требования СССР в отношении Японии были удовлетворены путем отмены

союзнической Дальневосточной консультативной комиссии и создания вместо нее Дальневосточной комиссии и Союзного совета для Японии, хотя режим оккупации этой страны по-прежнему оставался под контролем Америки30. Участие Сталина в совещании ограничилось тем, что он председательствовал за торжественным ужином и по два раза встретился с Бевином и Бирнсом. Бирнс вскоре после этого вспоминал, что «беседа с генералиссимусом [за обедом] в тот вечер, как и два предыдущих разговора, характеризовалась обнадеживающим сочетанием прямодушия и любезности»31. На встрече со Сталиным 24 декабря Бирнс, воспользовавшись случаем, упомянул предложенный им пакт о разоружении Германии. Сталин ответил, что такой пакт может быть подписан, но нужно будет подобное соглашение и по отношению к Японии32. На встрече с Бевином в тот же день Сталин очень хотел обсудить вопрос опеки СССР над Триполитанией и посетовал, что если бы СМИД согласился удовлетворить его требование, «Великобритания ничего бы не потеряла, потому что у нее уже много баз по всему миру, даже больше чем у Соединенных Штатов. Разве нельзя принять во внимание интересы советского правительства?». Чуть позже во время этой же беседы Сталин сказал, что «насколько ему это видится, у Соединенного Королевства имеется Индия и все владения в Индийском океане; у Соединенных Штатов есть Китай и Япония, а у Советов – ничего»33.

В письме Трумэну от 23 декабря Сталин выразил удовлетворение ходом совещания и оптимизм по поводу будущих отношений с Соединенными Штатами34. Своим союзникам-коммунистам в Болгарии и Румынии Сталин повторял, что он идет на очень небольшие уступки и что подписанные на московском совещании соглашения – это возможность подорвать оппозицию. «Главное в том, чтобы разложить оппозицию, – говорил Сталин членам болгарской делегации в Москве 7 января. – Решения Московского совещания о Румынии и Болгарии уже начинают разлагать оппозицию в этих странах»35. С другой стороны, Советы все же старались осуществлять решения совещания по изменениям в болгарском и румынском правительствам таким образом, чтобы усыпить бдительность англичан и американцев36. Молотов дал совещанию следующую оценку: «Мы постарались достичь решений по ряду важных европейских и дальневосточных вопросов и поддержать развитие сотрудничества трех стран, сложившегося во время войны»37.

На московском совещании Сталин и советская сторона сигнализировали о своем желании возобновить деятельность СМИД и обсудить условия европейского мирного договора в

рамках «большого альянса». Что касается Молотова, его главной задачей в предстоящие месяцы должно было стать обсуждение условий мирных соглашений с Болгарией, Финляндией, Венгрией, Италией и Румынией. Переговоры шли медленно и однообразно, что, конечно, удручало наркома иностранных дел. СМИД был вновь созван в Париже, где за три недели в апреле-мае 1946 г. прошло 18 раундов переговоров, а затем в июне-июле – еще 24 раунда. Чуть позже, в июле-октябре 1946 г., состоялась Парижская мирная конференция, на которой представители 21 государства, принимавшего участие в борьбе против стран «Оси» в Европе, встретились, чтобы обсудить проекты мирных соглашений, подготовленных СМИД. Как и следовало ожидать, достичь консенсуса на Парижской конференции не удалось; между коммунистическим блоком с СССР во главе и западным альянсом постоянно возникали серьезные разногласия. В ноябре-декабре 1946 г. пришлось организовать еще одну сессию СМИД в Нью-Йорке, чтобы обсудить нерешенные проблемы, и лишь в феврале 1947 г. были, наконец, подписаны мирные соглашения с Болгарией, Финляндией, Венгрией, Италией и Румынией38.

В соответствии с четкими указаниями Сталина, Молотов занял на переговорах жесткую позицию и отказывался идти на компромисс по любому из вопросов, имеющих критическое значение для интересов Советского Союза39. Постоянно возникали стычки по процедурным вопросам, так как Молотов настаивал, чтобы все резолюции принимались только единогласным решением «Большой тройки». Дебаты по многим вопросам были достаточно ожесточенными и сразу становились достоянием публики: СМИ активно освещали ход Парижской мирной конференции, тем самым еще больше усугубляя разногласия. По сути, одним из наиболее спорных моментов было подписание мирного соглашения с Италией – документа в три раза длиннее остальных договоров. Советская сторона требовала репараций, справедливого раздела трофеев и решения по территориальному спору вокруг Триеста в пользу Югославии. Молотов также продолжал настаивать на том, чтобы Советский Союз получил опеку над Триполитанией. Другим важным для Москвы вопросом был вывод англо-американских вооруженных сил из Италии. Это требование было одним из целого ряда протестов Советского Союза в 1945–1946 гг. против создания всемирной сети американских военных баз. В мае 1946 г. Молотов с горечью пожаловался Бирнсу: «В мире нет ни одного уголка, где не видно было бы США. У США есть воздушные базы везде: в Исландии, Греции, Италии, Турции, Китае, Индонезии и других местах, и еще больше воздушных и морских баз в Тихом

океане. США держат войска в Исландии, несмотря на протесты исландского правительства, и так же в Китае, в то время как войска СССР выведены из Китая и со всех иностранных территорий. Это свидетельство настоящего экспансионизма и стремления определенных американских кругов к империалистской политике»40.

Молотов сказал это Бирнсу по указанию Сталина, который также учил своего министра иностранных дел уделять больше внимания символическому значению деталей. Во время Парижской мирной конференции был устроен военный парад. Пришедший на него Молотов быстро удалился, обнаружив, что ему отведено место во втором ряду, среди представителей второстепенных стран. «Ты повел себя совершенно правильно, – сказал ему Сталин. – Достоинство Советского Союза нужно защищать не только в больших делах, но и в мелочах». Как отмечает русский историк Владимир Печатнов, этот случай был «ярким примером того, как ревностно Сталин защищал и поддерживал недавно созданный образ Советского Союза как великой державы»41.

Сталин считал, что Молотов проявил себя очень хорошо на переговорах СМИД и похвалил его за работу на Парижской мирной конференции. Когда мирные договоры были подписаны, советская пресса отзывалась о них с воодушевлением, однако представляла их как результат длительной борьбы с реакционными силами в Великобритании и Соединенных Штатах, которые стремятся разрушить послевоенный демократический мир42. Идея о том, что на Западе наблюдается подъем реакционных сил, активно муссировалась со времени неудачно закончившейся лондонской конференции СМИД как в советском обществе, так и в правительственных кругах. Эту тенденцию подкрепил открытый ответ Сталина на речь Черчилля о «железном занавесе» в марте 1946 г. Сталин связал речь Черчилля с подъемом антисоветских сил на Западе и с угрозой новой войны. Эта тема нашла дальнейшее развитие в сентябре 1946 г. в записке, подготовленной Н.В. Новиковым, послом СССР в США (его предшественник, Громыко, был направлен в ООН). Новиков был членом советской делегации на Парижской мирной конференции, и Молотов попросил его подготовить обзор основных направлений в американской внешней политике. Главной мыслью Новикова было то, что под влиянием реакционных сил Соединенные Штаты пытаются утвердить свое мировое господство в политическом, экономическом и военном отношениях. Проводимая Рузвельтом политика сотрудничества «Большой тройки» забыта, писал Новиков, и теперь американцы

стремятся подорвать положение Советского Союза, потому что он – главная помеха их планам мирового господства. В Соединенных Штатах ведется гнусная антисоветская кампания, имеющая целью разжечь войну против СССР43.

Подготовленный Новиковым документ часто сравнивают с гораздо более известным донесением, написанным в феврале 1946 г. Джорджем Кеннаном, поверенным в делах США в Москве. Своей известностью это донесение, которое иначе осталось бы одним из недоступных общественности дипломатических документов, обязано тому, что в июле 1947 г. Кеннан под псевдонимом «Х» опубликовал во влиятельном американском журнале «Форин эфферз» статью «Источники поведения Советского Союза». Кеннан рисовал картину, прямо противоположную теории Новикова: он изображал движимое мессианскими идеями советское государство, экспансию которого можно было сдержать только умелым применением равноценной силой44. Очень многие считают, что именно рассуждения Кеннана сыграли определяющую роль в решении Америки в 1946–1947 гг. взять курс во внешней политике на «холодную войну». Документ, подготовленный Новиковым, не имел такого значения в Советском Союзе по той простой причине, что в нем не было ничего оригинального: все его основные положения уже фигурировали в советской прессе и в других секретных отчетах, подготовленных для советского руководства в этот период. Единственное, что отличало отчет Новикова, был его безнадежно пессимистичный взгляд на будущее советско-американских отношений, который отражал не только собственное мнение автора, но и тупиковую ситуацию, в которую зашли переговоры СМИД после нескольких месяцев безрезультатных прений на Парижской мирной конференции. Тем не менее, к ноябрю 1946 г., когда Молотов приехал в Нью-Йорк на следующее заседание СМИД, атмосфера несколько улучшилась; он доброжелательно общался с Трумэном и Бирнсом, вероятно, вдохновившись паломничеством в дом Рузвельта в Гайд-парке. В разговоре с Трумэном Молотов вспоминал деловую обстановку Ялтинской и Потсдамской конференций, которые были отмечены столь большими успехами в переговорах военного времени45. Во время сессии СМИД в Нью-Йорке Сталин дал Молотову распоряжение пойти на сделку: «Я советую сделать Бирнсу все возможные уступки, чтобы мы могли наконец покончить с военными соглашениями»46.

В анонимно опубликованной статье Кеннана не использовался термин «холодная война», но в ответ на нее журналист Уолтер Липпман написал целую серию очерков,

которые были позже опубликованы в форме брошюры с названием «холодная война». Именно публикация Липпмана привела к популяризации этого понятия, ставшего условным обозначением для растущей напряженности в послевоенных отношениях СССР и Запада, которые, по словам Липпмана, явились результатом наращивания военной мощи Сталина, а не его идеологических стремлений47.

Военная угроза 1946 года

Хотя считается, что первым объявлением «холодной войны» стала произнесенная Черчиллем в Фултоне 5 марта 1946 г. речь о «железном занавесе», в ней не использовался сам этот термин и враждебность по отношению к Советскому Союзу была далеко не главной ее мыслью. Лекция Черчилля на самом деле называлась «Мускулы мира», и говорил он о том, чтобы продлить срок действия англо-советского соглашения о союзничестве 1942 г. на 20–50 лет (Бевин предложил это Сталину еще в декабре 1945 г.). «Нашей единственной целью является взаимная помощь и сотрудничество с Россией, – говорил Черчилль. – Я глубоко восхищаюсь и чту доблестный русский народ и моего товарища военного времени маршала Сталина. В Англии… питают глубокое сочувствие и добрую волю ко всем народам России и решимость преодолеть многочисленные разногласия и срывы во имя установления прочной дружбы. Мы понимаем, что России необходимо обеспечить безопасность своих западных границ от возможного возобновления германской агрессии. Мы рады видеть ее на своем законном месте среди ведущих мировых держав. Мы приветствуем ее флаг на морях». Однако внимание общественности – как в то время, так и в ретроспективе – больше всего привлекла другая часть его речи: «От Штеттина на Балтике до Триеста на Адриатике на континент опустился *железный занавес* . По ту сторону занавеса все столицы древних государств Центральной и Восточной Европы – Варшава, Берлин, Прага, Вена, Будапешт, Белград, Бухарест, София. Все эти знаменитые города и население в их районах в пределах того, что я называю советской сферой, все они в той или иной форме подчиняются не только советскому влиянию, но и значительному, все возрастающему, контролю Москвы… Коммунистические партии… достигли исключительной силы, намного превосходящей их численность, и всюду стремятся установить тоталитарный контроль».

Далее Черчилль рассуждал о коммунистической угрозе в Западной Европе и особо отмечал беспокойство, вызванное политикой Советского Союза по отношению к Турции, Ирану и Дальнему Востоку. Из всего этого Черчилль делал следующий вывод: западные демократические державы должны держаться вместе и твердо защищать свои принципы. Русские не питают уважения к слабости, сказал Черчилль своим слушателям. Он проводил параллель с тем, как политика умиротворения позволила Гитлеру развязать войну. Чтобы этого не случилось

вновь, с Россией должно быть достигнуто «доброе понимание»48.

Черчилль уже не был премьер-министром Великобритании, но его статус выдающегося политического деятеля не оспаривался. Трумэн даже пригласил бывшего премьер-министра в Фултон (свой родной штат) и сидел рядом с ним на сцене в Вестминстерском колледже. Черчилль выступил с речью, а затем был удостоен почетной степени. Первой реакцией со стороны Советского Союза стала выдержанная во враждебном тоне передовица в «Правде» от 11 марта и не менее агрессивная статья, опубликованная на следующий день в «Известиях» и написанная ведущим советским историком Евгением Тарле. В обеих статьях приводились длинные выдержки из речи Черчилля, в том числе – обидные высказывания о «железном занавесе». Тарле указывал на то, что этот термин использовал Геббельс во время войны для описания процесса освобождения Красной Армией Восточной Европы от немецких оккупантов49. 14 марта к дискуссии присоединился Сталин, который дал длинное «интервью» газете «Правда». Как и всегда в таких случаях, и вопросы, и ответы были тщательно составлены самим советским диктатором. Черчилль, по словам Сталина, пытался спровоцировать новую войну и выступал за доминирование англоговорящих стран во всем мире. Он не упомянул о «железном занавесе», но открыто заявил, что СССР имеет право на создание дружественных ему правительств в Восточной Европе, учитывая, какую роль восточноевропейские государства сыграли в создании платформы для немецкой агрессии против Советского Союза. В заключение Сталин напоминал о роли, сыгранной Черчиллем в антибольшевистской коалиции, которая многими годами раньше вмешалась в ход русской гражданской войны, и пообещал, что если «Черчиллю и его друзьям» удастся организовать «новый марш против Восточной Европы», они будут «снова разбиты, как они были разбиты в прошлом»50.

Александр Верт, корреспондент «Санди таймс» в Москве, вернулся в Россию из поездки в Финляндию в самый разгар скандала по поводу Фултонской речи, и «обнаружил, что люди сильно напуганы разговорами о новой войне»51. Как отмечает Верт, Фултонская речь вызвала непритворное беспокойство в Советском Союзе и стала психологически важным поворотным моментом в развитии «холодной войны». Еще более усугубил критическую обстановку ряд других конфликтов между СССР и Западом, имевших место в 1946 г. В их числе был кризис вокруг вывода советских войск из Ирана весной и конфликт СССР с Турцией по поводу Черноморских проливов летом.

Иранский конфликт вырос из оккупации страны британско-

советскими войсками во время Второй мировой войны52. Британские и советские войска были введены в страну в августе 1941 г., чтобы свергнуть находящееся под влиянием Германии правительство Ирана, обезопасить запасы нефти и маршруты ее поставки в СССР. В договоре с Ираном, подписанном в январе 1942 г., Великобритания и СССР обещали вывести войска через полгода после окончания войны с Германией. Позже, по инициативе Москвы, соглашение получило новую трактовку – было заявлено, что имелось в виду окончание войны с Японией, следовательно, крайний срок вывода войск был отложен до 2 марта 1946 г. Судя по всему, Сталин был намерен вывести из Ирана советские войска, однако окончательному выполнению соглашения помешали два осложняющих фактора. Первым было желание Москвы подписать соглашение с Тегераном по разработке нефтяных месторождений в Северном Иране, а вторым – подъем в 1945 г. возглавляемого коммунистами националистского движения в азербайджанской части Ирана, требовавшего автономии и развития связей с соотечественниками в Советской Республике Азербайджан.

Цели движения согласовывались со склонностью Сталина поддерживать этническую автономию и единство всегда, когда это ему было удобно. Кроме того, оно позволяло надеяться на возможность усилить политического влияния СССР в Иране. Когда приблизился назначенный срок – март 1946 г. – Москва заявила, что из-за нестабильной ситуации в некоторых частях Ирана выведет лишь часть своих вооруженных сил. На высшем уровне Советский Союз продолжал попытки договориться о соглашении с Ираном по нефтяному вопросу. Тем временем, однако, иранцы затронули проблему вывода советских войск на совещании Организации Объединенных Наций, а в марте 1946 г., после того как назначенные сроки истекли, вновь привлекли к ней внимание ООН. Москва в ответ приказала Громыко отказаться обсуждать вопрос вывода войск в ООН на том основании, что он должен быть предметом двустороннего обсуждения между Советским Союзом и Ираном. На самом деле уже к началу апреля по всем дискуссионным моментам между Москвой и Тегераном было достигнуто согласие, и к началу мая советские войска были выведены из Ирана. Требования Советского Союза по нефтяному вопросу были удовлетворены, хотя позже иранцы отказались выполнять соглашение, поскольку его не ратифицировал тегеранский парламент. Можно с полным правом утверждать, что иранский кризис представлял собой лишь незначительный конфликт, непропорционально раздутый современной прессой, а в дальнейшем – западными

исследователями периода «холодной войны», стремившимися найти подтверждение тому, что Советский Союз в послевоенные годы проводил политику экспансии.

В мае 1946 г. Сталин написал довольно откровенное письмо руководителю азербайджанского движения за автономию, в котором объяснял, почему он считал необходимым вывод советских войск: «Мы не могли их оставлять дальше в Иране, главным образом потому, что наличие советских войск в Иране подрывало основы нашей освободительной политики в Европе и Азии. Англичане и американцы говорили нам, что если советские войска могут оставаться в Иране, то почему английские войска не могут оставаться в Египте, Сирии, Индонезии, Греции, а также американские войска – в Китае, Исландии, в Дании. Поэтому мы решили вывести войска из Ирана и Китая, чтобы вырвать из рук англичан и американцев это оружие, развязать освободительное движение в колониях и тем сделать свою освободительную политику более обоснованной и эффективной. Вы как революционер, конечно, поймете, что мы не могли иначе поступить»53.

Такое сочетание геополитического расчета и идеологических стремлений было типичным для взглядов Сталина в этот период, хотя столь явно проследить проявление обоих этих элементов в одном высказывании можно было не так уж часто.

В советско-турецком кризисе тоже присутствовал этно-националистический компонент, однако основной его причиной было давнее требование Сталина предоставить Советскому Союзу контроль над Черноморскими проливами. Недовольство СССР положениями конвенции Монтре 1936 г., в соответствии с которой Турция полностью контролировала проливы, несколько раз обнаруживалось во время войны. Сталин очень любил в этом контексте проводить параллель с Панамским и Суэцким каналами, которые находились под контролем соответственно Англии и Америки. Летом 1945 г. Советский Союз начал оказывать давление на Турцию, требуя помимо прочего возвращения Армении и Грузии областей Карс и Ардахан. Когда этот вопрос был поднят на лондонском совещании СМИД, Молотов указал Бевину на то, что во время Первой мировой войны Великобритания была готова отдать под контроль России не только проливы, но и сам Стамбул54. В декабре 1945 г. Сталин напомнил Бевину о требованиях Советского Союза, но при этом добавил, что «все разговоры о войне против Турции – это ерунда»55. В апреле 1946 г. Сталин сказал в разговоре с новым послом США в Москве, Уолтером Беделлом Смитом: «Я заверил президента Трумэна и официально заявил, что Советский Союз не

намерен атаковать Турцию… но Турция слишком слаба, и Советский Союз хорошо осознает опасность захвата врагами Проливов, которые Турция не сможет сама защитить. Турецкое правительство относится к нам недружелюбно. Поэтому Советский Союз просил о том, чтобы ему были даны базы в Дарданеллах. Это вопрос нашей собственной безопасности»56.

«Кризис» вокруг Черноморских проливов начался 7 августа 1946 г., когда СССР направил турецкому правительству дипломатическую ноту с требованием пересмотреть конвенцию Монтре. В ноте содержался критический анализ того, как Турция осуществляла контроль над проливами во время войны, а также предлагалось, чтобы проливы: 1) были всегда открыты для торговых судов; 2) были всегда открыты для военных кораблей черноморских держав; 3) были закрыты для военных кораблей не-черноморских держав, за исключением особых обстоятельств; 4) были под контролем Турции и других черноморских держав; 5) были под совместной защитой Советского Союза и Турции. Нужно отметить, что в ноте не выдвигались требования о возвращении Карса и Ардахана57.

Предполагалось, что августовская дипломатическая нота была основана на предложениях о пересмотре конвенции Монтре, выдвинутых Америкой, Великобританией и СССР – и это особенно подчеркивалось в посвященной данному вопросу статье в «Известиях», выдержанной в спокойном и примирительном тоне58. Действительно, первые три пункта советского предложения очень напоминали дипломатическую ноту о пересмотре конвенции Монтре, выпущенную в ноябре 1945 г. Америкой59. 19 августа 1946 г., однако, Соединенные Штаты опровергли утверждение Москвы о том, что контроль над проливами должен осуществляться исключительно черноморскими державами, и потребовали созвать многостороннюю конференцию для пересмотра конвенции Монтре. Через два дня аналогичные взгляды выразила Великобритания. 22 августа Турция дала Москве ответ, отражавший реакцию США и Великобритании. Кроме того, в нем говорилось, что требование СССР о совместной обороне проливов было несовместимо с сохранением суверенитета и безопасности Турции60. 24 сентября Москва ответила меморандумом, в котором еще раз утверждала особые права черноморских держав в отношении проливов и отрицала, что какое-либо из предложений Советского Союза связано с угрозой суверенитету или безопасности Турции61. 9 октября англичане и американцы повторно выразили свое мнение, а 18 октября еще раз подтвердила свою точку зрения Турция62. Ситуация

окончательно зашла в тупик. Единственным возможным выходом была многосторонняя конференция по конвенции Монтре, но для Москвы это было неприемлемо. Советское правительство как официально, так и неофициально продолжало выражать мнение, что контроль над проливами должен касаться только черноморских держав и что любой многосторонней конференции должны предшествовать переговоры между СССР и Турцией63.

Нет однозначного мнения по поводу того, на что был готов пойти Сталин, чтобы добиться своего по черноморскому вопросу. Некоторые полагают, что, если бы не сильная поддержка со стороны Запада, Советский Союз напал бы на Турцию. Представляется маловероятным, что Сталин был готов из-за этого конфликта начать войну с Турцией, однако не исключено, что в рамках тактики давления на турецкое правительство он мог немного «побряцать оружием» на советско-турецкой границе64. В любом случае, Москва так и не ответила на последнюю ноту турецкого правительства и дипломатический «кризис» вокруг проливов постепенно угас.

Иранский и турецкий кризисы показали, что Сталин был готов на жесткие меры ради стратегической выгоды, но не за счет разрыва отношений с Великобританией и США. Сталин стремился не допустить раскола внутри «большого альянса» и не хотел спровоцировать его конфликтами на периферии. Советские черноморские базы располагались недалеко от дорогой Сталину Грузии; кроме того, он всегда придавал большое значение контролю над важнейшими экономическими ресурсами – такими, как нефть. Однако гораздо большую важность для него имела ситуация в Европе в целом, и он по-прежнему считал, что переговоры внутри «большого альянса» помогут наилучшим образом сохранить сферу влияния СССР в Восточной Европе и предотвратить подъем враждебного антисоветского блока в Западной Европе. Если не считать несдержанных высказываний о Черчилле после Фултонской речи, Сталин в своих публичных выступлениях постоянно подчеркивал, что напряженность в отношениях Востока и Запада может быть уменьшена, что проблемы внутри «большого альянса» можно решить путем переговоров и что мир и безопасность можно сохранить.

В марте 1946 г. Эдди Гилмор, корреспондент «Ассошиэйтед пресс», задал Сталину вопрос об «опасении войны». Сталин ответил, что ни нации, ни их армии не хотят новой войны; что это всего лишь провокационная пропаганда, которой способствуют некоторые политические группы. В сентябре 1946 г. тот же вопрос Сталину задал Александр Верт. Глава Советского Союза ответил, что не верит в опасность новой войны. В том же интервью Сталин

опроверг утверждения о том, что США и Великобритания готовят капиталистическое окружение СССР и повторил, что верит в возможность будущего мирного сосуществования с Западом. На вопрос, не считает ли он, что монопольное владение Америки атомной бомбой представляет собой угрозу миру, Сталин ответил: «Я не считаю атомную бомбу такой серьезной силой, какой склонны ее считать некоторые политические деятели. Атомные бомбы предназначены для устрашения слабонервных, но они не могут решать судьбы войны, так как для этого совершенно недостаточно атомных бомб». В октябре настал черед Хью Бейли из «United Press International» задавать вопросы. На вопрос, согласен ли он с недавним выступлением Бирнса, в котором говорилось о нарастании напряженности в советско-американских отношениях, Сталин ответил отрицательно. На вопрос, считает ли он, что переговоры о заключении мирных договоров будут успешными, Сталин ответил, что надеется на это. По вопросу о военной угрозе Сталин вновь заявил, что в нынешних опасениях нужно винить «Черчилля и его друзей», и добавил, что их попытки разжечь новую войну следует обличать и сдерживать. Все интервью Сталин давал в форме письменных ответов на предоставленные в письменной форме вопросы журналистов. Однако в декабре 1946 г. Сталин дал интервью Элиоту Рузвельту в устной форме. Естественно, Рузвельт хотел знать, считает ли Сталин, что после смерти его отца произошло ослабление дружбы и сотрудничества между США и Советским Союзом. Сталин ответил, что, в то время как отношения между советским и американским народом продолжают улучшаться, между правительствами двух стран возникли некоторые недоразумения. Тем не менее, Сталин не считал, что вероятно дальнейшее ухудшение отношений и не допускал возможности военного конфликта, для которого, по его мнению, не было достаточных оснований: «Я полагаю, что угроза новой войны нереальна», – сказал Сталин65.

В апреле 1947 г. Сталин дал еще одно интервью, на этот раз – политику от республиканской партии Гарольду Стассену. Сталин снова был настроен оптимистично. Он сказал Стассену, что, несмотря на различия в экономической системе, Советский Союз и Соединенные Штаты сотрудничали во время войны, и нет причин, по которым они не могли бы продолжать делать это в мирное время. Аргументируя свою уверенность в возможности мирного сосуществования социалистической и капиталистической систем, Сталин обратился к учению Ленина. Когда Стассен отметил, что до войны Сталин говорил о «капиталистическом окружении», глава Советского Союза

ответил, что никогда не отрицал возможности сотрудничества с другими государствами, а лишь говорил о существовании реальной угрозы со стороны таких стран, как Германия. Каждый народ держится за свою социальную систему, сказал Сталин Стассену, и какая из них лучше, покажет история. А пока обе стороны должны перестать выкрикивать лозунги и оскорблять друг друга. Они с Рузвельтом никогда не называли друг друга «тоталитаристами» или «монополистами». «Я не пропагандист, – сказал Сталин, – а деловой человек»66. Одобренный обоими участниками текст интервью был опубликован в газете «Правда» 8 мая – через два года после окончания войны в Европе – и в этом контексте выглядел как целенаправленная попытка Сталина вернуться во времена «большого альянса». Однако к этому времени над отношениями СССР и Запада уже нависла большая туча, принявшая форму знаменитой речи, с которой президент Трумэн обратился к американскому Конгрессу в марте 1947 г.

Доктрина Трумэна и План Маршалла

Речь президента позже стала известна как «доктрина Трумэна». Ее целью было, очевидно, убедить Конгресс голосовать за оказание финансовой помощи Греции и Турции. Трумэн в своей речи не упоминал ни Советский Союз, ни коммунистов, однако не могло быть никаких сомнений, кого он имел в виду, говоря: «Народам многих стран мира недавно навязали тоталитарные режимы против их желания… Правительство Соединенных Штатов делало частые протесты против политики принуждения и запугивания… В настоящий момент почти каждая нация в мире должна выбрать между альтернативными образами жизни… Один образ жизни основан на воле большинства и отличается свободными демократическими учреждениями, свободными выборами, гарантиями свободы личности, свободы слова и религии и свободы от политического притеснения. Второй образ жизни основан на желании меньшинства, насильственно наложенного на большинство. Он отличается террором и притеснением, управляемой прессой и подавлением личных свобод. *Я полагаю, что Соединенные Штаты должны поддерживать свободные народы, которые сопротивляются агрессии вооруженного меньшинства или внешнему давлению* . Я полагаю, что мы должны помочь в освобождении народов, чтобы они сами могли решать свою собственную судьбу»67.

Для советского правительства речь Трумэна была еще более провокационной, чем лекция Черчилля о «железном занавесе». В отличие от Черчилля, Трумэн находился у власти, и он предлагал помочь Греции, правительство которой боролось с коммунистическим восстанием, и Турции, которая конфликтовала с Советским Союзом из-за Черноморских проливов. Тем не менее, Советский Союз отреагировал на удивление сдержанно. 14 марта в газете «Правда» появилось сообщение ТАСС о выступлении Трумэна. В основном в нем говорилось о предложении помочь Греции и Турции, а не о том, как Трумэн обрисовывал направления внешней политики США в целом. На следующий день газета вышла с разгромной передовой статьей, в которой Трумэну предъявлялось обвинение в том, что он использует защиту свободы в качестве прикрытия для американского экспансионизма. Через неделю в «Новом времени» появилась редакционная статья, в которой утверждалось, что речь Трумэна стала объявлением новой внешней политики,

основанной на силе68. Однако от самого Сталина ответа не последовало. Возможно, он считал нецелесообразным вступать в полемику непосредственно с действующим президентом США; к тому же, в речи Трумэна не говорилось прямо о Советском Союзе. В любом случае, внимание Сталина было отвлечено другим событием. За два дня до выступления Трумэна в Москве началось совещание СМИД. Решив вопрос стран гитлеровского блока, совет сосредоточился на подготовке мирных соглашений с Германией и Австрией. Сессия СМИД продолжалась полтора месяца и закончилась без особых результатов, однако в официальных заявлениях советское правительство оценивало его работу очень высоко и опровергало утверждения о том, что оно не достигло никаких успехов69. Затем советская сторона сделала еще одну попытку примирения: воспользовавшись конференцией, напомнила о предложении Великобритании продлить срок действия подписанного в 1942 г. англо-советского соглашения о союзничестве с 20 до 50 лет. Эту идею, выдвинутую Бевином в декабре 1945 г., Сталин более детально обсуждал с фельдмаршалом Бернардом Монтгомери, когда тот приехал в Москву в январе 1947 г. В числе прочего на совещании СМИД Советский Союз представил британской делегации новый проект англо-советского соглашения70.

15 апреля Сталин встретился с Джорджем Маршаллом, сменившим Бирнса на посту госсекретаря США, и в очень дружественной атмосфере обсудил с ним результаты совещания СМИД. Прибегнув к сравнению, которое наверняка оценил генерал Маршалл, бывший начальник штаба США, Сталин сказал, что нынешнее заседание СМИД «является как бы первым боем, разведкой боем. Когда партнеры исчерпают друг друга, то настанет момент, когда станут возможны компромиссы. Возможно, что на нынешней сессии не будет достигнуто значительных результатов. Но не следует отчаиваться. Результаты могут быть достигнуты на следующей сессии. По всем главным вопросам – демократизация, политические организации, экономическое единство и репарации – возможно достичь компромисса. Нужно только иметь терпение и не отчаиваться»71.

Интервью со Стассеном и беседа с Маршаллом, состоявшиеся с промежутком в несколько дней, свидетельствуют о том, что Сталин был настроен оптимистично. Мирные соглашения с второстепенными странами «Оси» были подписаны в феврале, и теперь шла подготовка соглашений с Германией и Австрией. Сохранить «большой альянс» в мирное время, как рассчитывал Сталин, оказалось более проблематичным, чем представлялось в конце войны, но все же два года спустя он еще существовал, хотя

и не был прежним. Тем не менее, очень скоро Сталин перестал усиленно добиваться разрядки в отношениях с Западом и избрал тактику, которая была практически зеркальным отражением «доктрины Трумэна». Ключевым событием в этом изменении политики стала реакция Советского Союза на План Маршалла72.

Так называемый План Маршалла был выдвинут госсекретарем США в речи, с которой он выступил в Гарвардском университете 5 июня 1947 г.73. По сути, Маршалл предлагал крупномасштабную программу предоставления Соединенными Штатами помощи разрушенной войной Европе. Предполагалось, что фонды будут распределяться по договоренности между самими европейскими странами. Предложение Маршалла подхватили Великобритания и Франция. Министры иностранных дел этих стран встретились в Париже и 19 июня направили СССР приглашение принять участие в трехсторонней конференции для обсуждения скоординированной программы восстановления Европы при поддержке США.

Реакция советского правительства на эти события была неоднозначной. Первые отзывы в форме статей в прессе были отрицательными: План Маршалла связывали с «доктриной Трумэна», называя его инструментом вмешательства Америки в европейские дела74. 21 июня, однако, Политбюро рекомендовало дать положительный ответ на предложение Англии и Франции встретиться для обсуждения Плана Маршалла. Тем временем, за закрытыми дверями советское руководство обсуждало имеющуюся в его распоряжении информацию о том, какое значение может иметь этот план. Одним из первых источников информации стал посол СССР в Вашингтоне, Новиков, который 9 июня телеграфировал, что «в этом предложении американцев совершенно отчетливо вырисовываются контуры направленного против нас западноевропейского блока»75. В следующей депеше, 24 июня, Новиков утверждал: «Внимательный анализ Плана Маршалла показывает, что в конечном итоге он сводится к созданию западноевропейского блока как орудия американской политики… План Маршалла, вместо прежних разрозненных действий, направленных к экономическому и политическому подчинению европейских стран американскому капиталу и созданию антисоветских группировок, предусматривает более обширную акцию, имея в виду решить проблему более эффективным способом»76. Немного иная информация поступала из других источников. Евгения Варгу, выдающегося советского экономиста, который долгое время работал в сотрудничестве с ближайшим окружением Сталина, попросили представить анализ Плана Маршалла. Варга считал, что план в первую очередь

представляет собой реакцию на экономические проблемы послевоенной Америки, в частности – на снижение уровня ее экспорта в Европу. Целью плана было обеспечить европейцев долларами, чтобы они могли позволить себе приобретать американские товары и услуги. Варга также указывал на недостатки того, что Советский Союз не был задействован в реализации Плана Маршалла: это позволяло обеспечить доминирующее влияние Америки в Европе и укрепить позиции США в отношении экономического будущего Германии, а также давало возможность реакционерам обвинить во всем СССР, если план провалится77.

Из формулировок Варги следовало, что американцы могут также быть заинтересованы в предоставлении кредитов и субсидий странам советского блока. Москва давно надеялась получить от США крупномасштабный кредит на восстановление Советского Союза после войны78, и План Маршалла мог стать прекрасной возможностью для получения таких фондов. С другой стороны, существовали и политические недостатки, на которые указывал Новиков и другие аналитики. Был ли План Маршалла угрозой или благоприятной возможностью? Сталин отреагировал на эту неоднозначную ситуацию тем, что решил подождать и не делать поспешных выводов. Советская делегация, направляясь на переговоры с англичанами и французами, получила указания: а) выяснить, какую помощь предлагают американцы; б) пресекать любые действия, которые могли бы помешать участию в международных делах получателей помощи; и в) убедиться, что обсуждение германского вопроса остается прерогативой СМИД79.

Англо-франко-советская конференция по обсуждению Плана Маршалла прошла в Париже в конце июня – начале июля 1947 г.80. Молотов приехал с целой командой технических консультантов – это свидетельствовало о том, что Москва относится к переговорам серьезно. В полном соответствии с полученными инструкциями Молотов дал понять, что Советский Союз выступает против осуществления координации программы помощи единым руководящим органом; вместо этого предлагалось, чтобы каждая страна составила список своих потребностей и подала его в один из комитетов и далее американскому правительству. Великобритания и Франция, однако, настаивали на централизованном руководстве программой, что, по их мнению, соответствовало пожеланиям самого Маршалла. Переговоры быстро зашли в тупик. 2 июля Молотов обратился к конференции с заключительным словом: «Вопрос об американской экономической помощи… послужил поводом для того, чтобы британское и французское правительства

добивались теперь создания новой организации, стоящей над европейскими странами и вмешивающейся во внутренние дела… Есть два вида международного сотрудничества. Один вид сотрудничества основан на развитии политических и экономических отношений между равноправными государствами… Есть другой вид международного сотрудничества, которое основано на господствующем положении одной или нескольких сильных держав в отношении других стран, попадающих в положение каких-то подчиненных, лишенных самостоятельности государств».

Когда переговоры с советской делегацией сорвались, Великобритания и Франция направили европейским странам приглашения в Париж на совещание по созданию организации, ответственной за осуществление Плана Маршалла. Советское правительство отреагировало на эту инициативу 5 июля, направив правительствам европейских стран ноту, в которой разъяснялась суть разногласий СССР с Великобританией и Францией81. В тот же день руководство СССР проинформировало своих союзников-коммунистов в странах Восточной Европы о том, что по причинам тактического характера Советский Союз не выступает против участия других стран в совещании, устроенном Англией и Францией: «Некоторые страны, дружественные Советскому Союзу… намерены отказаться от участия в совещании на том основании, что Советский Союз решил не участвовать в нем. Мы считаем, что будет лучше не отказываться от участия в этом совещании, а послать туда свои делегации с тем, чтобы на самом совещании показать неприемлемость англо-французского плана, не допустить единогласного принятия этого плана и потом уйти с совещаний, уведя с собой возможно больше делегатов других стран»82.

Тем не менее, через два дня Москва сменила тактику и отправила еще одно письмо, в котором рекомендовала отказаться от участия в совещания в связи с тем, что в некоторых странах Восточной Европы «наши друзья» (т. е. местные коммунисты) выступают против его проведения. Проблема заключалась в том, что Чехословакия, которая очень хотела получить помощь в рамках Плана Маршалла, уже заявила, что будет участвовать в совещании. Сталин лично постарался «убедить» чехов изменить свое решение. На встрече с чехословацкой правительственной делегацией 9 июля он объяснил, что кредиты, предоставляемые по Плану Маршалла, очень ненадежны, и используются лишь как предлог для того, чтобы сформировать блок западных стран и изолировать СССР. Участие Чехословакии в предстоящем Парижском совещании было для Советского Союза вопросом

принципиального значения: «Если вы поедете в Париж, то тем самым выразите намерение участвовать в акции, направленной на изоляцию Советского Союза. Все славянские государства отказались от участия, и даже Албания имела смелость отказаться, вот причина, по которой, как мы считаем, вы должны изменить свое решение»83. Нужно ли говорить, что Чехословакия, как и остальные страны советского блока (включая Финляндию), бойкотировала обсуждение Плана Маршалла.

Кроме бойкота, советское правительство развернуло масштабную пропагандистскую кампанию против Плана Маршалла. В сентябре 1947 г. заместитель министра иностранных дел Андрей Вышинский в своем выступлении в ООН выступил с критикой Плана Маршалла: «План Маршалла по существу представляет собой, как это теперь очевидно, лишь… вариант доктрины Трумэна. Проведение в жизнь Плана Маршалла будет означать подчинение европейских стран экономическому и политическому контролю со стороны США и прямое вмешательство последних во внутренние дела этих стран. Вместе с тем этот план является попыткой расколоть Европу на два лагеря и завершить… образование блока ряда европейских стран, враждебного интересам демократических стран Восточной Европы и в первую очередь Советского Союза»84.

Для Сталина План Маршалла был переломной точкой в послевоенных отношениях с Соединенными Штатами. Он показывал, что с американцами больше нельзя сотрудничать, не поставив под угрозу сферу влияния Советского Союза в Восточной Европе. «План Маршалла» и «доктрина Трумэна» предвещали формирование антисоветского западного блока, и для того, чтобы оказать ему противодействие, Сталин постарался укрепить положение Советского Союза и коммунистического лагеря в Европе. Теперь главной задачей для Сталина в послевоенной Европе стало не сохранить «большой альянс», а оградить советский блок от губительного внешнего влияния.

Коминформ и «холодная война»

Сталин озвучил свою новую политику на учредительной конференции Коммунистического информационного бюро (Коминформа) в сентябре 1947 г.85. Идея создания замены Коминтерну уже некоторое время носилась в воздухе. Воплощение ее было ускорено не столько «доктриной Трумэна» и Планом Маршалла, сколько желанием Москвы более жестко контролировать деятельность коммунистических партий европейских стран86. Особую обеспокоенность вызывало то, что коммунистические партии Италии и Франции в мае 1947 г. не сообщили советскому правительству о том, что их исключили из состава правительственных коалиций87. Этим объяснялся необычный состав Коминформа, в который вошли правящие коммунистические партии стран Восточной Европы, а также члены французской и итальянской коммунистических партий. По большей части учредительное совещание Коминформа (закрытое заседание, прошедшее в Польше) было посвящено критике «реформистской политики» и «парламентских иллюзий» французской и итальянской коммунистических партий. С наиболее яростной критикой выступил Эдвард Кардель, представлявший на совещании Тито: югославы всегда считали, что коммунистическое движение должно придерживаться более воинствующей, левацкой политики. Роль, которую Югославия играла в создании Коминформа, очевидна из того, что штаб-квартира организации располагалась в Белграде88.

Учредительное совещание Коминформа не только сориентировало коммунистическое движение на принятие левацкой политической стратегии противостояния капитализму и буржуазным организациям. Оно стало для Сталина возможностью во всеуслышание заявить свою позицию по внешней политике и международным отношениям. Его пресс-секретарем на конференции был А.А. Жданов, бывший секретарь Ленинградского обкома партии, а теперь – главный партийный идеолог. Все лето Жданов работал над своим выступлением; он подготовил несколько черновиков, в которые вносил поправки после консультаций со Сталиным. Ключевым в этом процессе стал момент, когда Жданов включил в тексте речи идею о том, что послевоенный мир разделился на «два лагеря»89. До сих пор советское правительство говорило о двух направлениях, или двух курсах в политике послевоенного мира. Например, в докладе по случаю 29-й годовщины Октябрьской революции в ноябре 1946 г. Жданов говорил, что Парижская мирная конференция

продемонстрировала «два направления в послевоенной политике… Одна политика, проводимая Советским Союзом… – укрепить мир и предотвратить агрессию… Другая… – открыть дорогу силам экспансии и агрессии»90. Год спустя на совещании Коминформа Жданов озвучил теорию, которая позже стала известна как «теория двух лагерей»: «Чем больший период отделяет нас от окончания войны, тем резче выделяются два основных направления в послевоенной международной политике, соответствующие разделению… на два основных лагеря – лагерь империалистический и антидемократический, с одной стороны, и лагерь антиимпериалистический и демократический, с другой стороны. Основной ведущей силой империалистического лагеря являются США… Основной целью империалистического лагеря является укрепление империализма, подготовка новой империалистической войны, борьба с социализмом и демократией и повсеместная поддержка реакционных и антидемократических профашистских режимов и движений. В решении этих задач империалистический лагерь готов опереться на реакционные и антидемократические силы во всех странах и поддержать вчерашних военных противников против своих военных союзников. Антиимпериалистические и антифашистские силы составляют другой лагерь. Основой этого лагеря является СССР и страны новой демократии… Целью этого лагеря является борьба против угрозы новых войн и империалистической экспансии, укрепление демократии и искоренение остатков фашизма»91.

Речь Жданова стала для европейского коммунистического движения сигналом, что пришло время сделать резкий «левый поворот» в стратегии и политике. Западноевропейские коммунисты отказались от политики национального единства и участия в послевоенной реконструкции своих стран. Реформистская стратегия, которую Сталин поддерживал в конце Второй мировой войны, сменилась если не реальным, то по крайней мере идеологическим возвращением к революционным планам периода зарождения коммунистического движения92. В Восточной Европе изменения в политике коммунистов были не менее радикальными и масштабными. После совещания Коминформа темп «коммунизации» – установления однопартийной коммунистической власти – начал увеличиваться. Этот процесс подразумевал переход всех рычагов правления к коммунистам, подчинение прессы государству, подавление и уничтожение оппозиции, устранение независимых левых партий за счет принуждения к слиянию социалистических и коммунистических партий (интересно, что именно поэтому в

народных демократических республиках правящая коммунистическая партия нередко называлась партией рабочих или социалистической партией). Распространение власти коммунистов стало основой для «советизации» Восточной Европы. Это означало, что восточноевропейским государствам была навязана советская модель социализма: огосударствление и полный контроль экономики; централизованное государственное планирование; коллективизация сельского хозяйства и тоталитаристское вмешательство коммунистической партии в жизнь гражданского общества. Имело место также внедрение элемента «сталинизации» в форме культов личности местных руководителей партии и подражания политическому террору, характерному для довоенного сталинского режима и включавшему в себя чистки, аресты, показные судебные процессы и казни.

Коммунизация, советизация и сталинизация Восточной Европы произошла не в одночасье и не по единому расписанию. Еще до первого совещания Коминформа в некоторых странах (Болгарии, Румынии и Югославии) уже полным ходом шел процесс трансформирования народной демократии в полноценный коммунистический строй советского образца. В других странах (Венгрии, Польше и Восточной Германии) наметилось явное движение в этом направлении. Наименее выраженной эта тенденция была в Чехословакии, единственной восточноевропейской стране, в которой давно существовала традиция парламентской демократии и в которой в 1946 г. коммунисты и их социалистические союзники выиграли большинство мест в парламенте. Тем не менее, в результате правительственного кризиса, произошедшего в Праге в феврале 1948 г., либеральные и центристские партии были вытеснены из правительства, и попытка чехов создать народную демократию с коалиционным правительством потерпела поражение93.

Выступление Жданова на тему теории «двух лагерей» стало сигналом окончательного развала «большого альянса» и дальнейшего развития «холодной войны». Как и Трумэн, Сталин решил, что время дипломатии и компромиссов окончено, и пришло время использовать силу, чтобы защитить то, что СССР приобрел в результате войны.

Итог пути, пройденному Сталиным со времени окончания войны, был подведен в его беседе с руководителем французской коммунистической партии Морисом Торезом в ноябре 1947 г. В предыдущий раз Сталин разговаривал с Торезом в ноябре 1944 г., незадолго до возвращения последнего на родину из Москвы, где он находился в изгнании во время войны. Тогда Сталин побуждал

Тореза сотрудничать с де Голлем и трудиться для экономического возрождения Франции и укрепления ее демократии. В ноябре 1947 г., напротив, Сталин рассуждал о том, могли ли французские коммунисты захватить власть в конце войны, но согласился с мнением Тореза о том, что присутствие американских и британских вооруженных сил во Франции делало это невозможным. Конечно, ситуация сложилась бы иначе, если бы Красная Армия дошла до Парижа, сказал Сталин Торезу, который полностью согласился с этим утверждением. Сталин также спросил, какой у французских коммунистов уровень вооружения, и предложил, если необходимо, поставить им вооружение из советских запасов. «Надо располагать оружием и организацией, чтобы вновь не оказаться безоружными перед врагом. Коммунисты подвергнутся нападению, и тогда надо будет ответить. Различные ситуации могут возникнуть»94. Со стороны Сталина это было скорее не серьезное предложение, а попытка показать себя приверженцем воинствующего большевизма. В то же время она свидетельствует о том, насколько острой ему представлялась борьба с Западом, в которую он был вовлечен. Нужно подчеркнуть, что эта борьба не понималась как неизбежный вооруженный конфликт. По словам Г.М. Маленкова, второго представителя Сталина на совещании Коминформа, желание империалистов развязать войну – одно, а их способность сделать это – совсем другое95. В самом деле, для Сталина целью «холодной войны» было не только защитить интересы Советского Союза, но и нанести политическое и идеологическое поражение западным милитаристам. Даже в самый разгар «холодной войны» в конце 1940-х – начале 1950-х гг. (когда Европа раскололась на две части, когда образовались два вооруженных лагеря, когда нарастало противостояние) Сталин продолжал бороться за мир, который он хотел видеть своим наследием.

Глава 10 ГЕНЕРАЛИССИМУС И ЕГО СТРАНА

Внутренние аспекты послевоенной политики Сталина

«Мы победили потому, что нас вел к победе наш великий вождь и гениальный полководец, маршал Советского Союза – Сталин!» – заявил Жуков во время Парада Победы на Красной площади 24 июня 1945 г.1. Через четыре дня вышел указ, в котором сообщалось, что Сталину присвоено звание генералиссимуса. Он стал первым человеком в России, получившим такое звание, после Александра Суворова – прославленного полководца царской армии времен войны с Наполеоном. На Потсдамской конференции, однако, Сталин в разговоре с Черчиллем выразил надежду, что тот будет продолжать называть его маршалом. Сталину не нравилась и форма генералиссимуса – на публике он по-прежнему появлялся в маршальской форме. Однако звание генералиссимуса к нему пристало. «Если мы и разгромили гитлеризм, – говорил Г.Ф. Александров, начальник советского отдела пропаганды в январе 1946 г. на заседании, посвященном памяти Ленина, – то потому, что во главе советского народа стоял величайший главнокомандующий, генералиссимус Сталин»2.

Сталин обычно старался дистанцироваться от излишних проявлений культа личности. Будучи чрезвычайно уверенным в себе человеком, он осознавал политическую выгоду от того, что ему приписывали идеальные черты, но, в отличие от других диктаторов, не обольщался этим образом и не считал его отражением реальности. Широко известен случай, когда он сделал выговор своему сыну Василию за то, что тот попытался воспользоваться своей фамилией: «Ты не Сталин, и я не Сталин. Сталин – это советская власть! Сталин – это то, что пишут о нем в газетах и каким его изображают на портретах. Это не ты, и даже не я!»3 Правда, в период после славной победы над фашистской Германией Сталин был склонен сам поверить в то, что говорилось в пропаганде. В марте 1947 г., например, он разрешил опубликовать свою переписку с полковником Разиным, инструктором Военной академии имени М.В. Фрунзе, который обратился к нему в письме с вопросом о том, не устарела ли данная Лениным положительная оценка Клаузевица, выдающегося немецкого военного стратега XIX в. Сталин ответил, что Ленин не был знатоком военного дела (в отличие от его преемника, кончено же) и что взгляды Клаузевица на стратегию устарели в связи с развитием военных технологий. Хвалебные

обращения Разина Сталин отверг, сказав, что дифирамбы в адрес Сталина режут слух, однако в конце своего письма провел неявную параллель между собой и великими военачальниками прошлого, которые понимали значение «контрнаступления» для военных действий4.

Под «контрнаступлением» Сталин подразумевал, что нужно дать врагу совершить наступление, а потом начать массированное контрнаступление и достичь решительной победы. Эта идея была одной из ключевых в обсуждении советским правительством уроков Великой Отечественной войны в послевоенные годы, и использовалась она для того, чтобы объяснить поражения и неудачи Красной Армии в начале войны. После публикации переписки Сталина с Разиным теория контрнаступления еще больше закрепилась в официальной версии истории войны: военные катастрофы 1941–1942 гг. в ней были представлены в более благоприятном свете – как часть тщательно спланированной стратегии, рассчитанной на то, чтобы ослабить врага5.

Апогеем культа военного гения Сталина стала публикация в 1951 г. книги давнего соратника советского вождя, маршала Климента Ворошилова «Сталин и вооруженные силы СССР». В разделе, посвященном Великой Отечественной войне, военные успехи советской армии были представлены исключительно как заслуга Сталина. Победа Красной Армии в войне, заключал Ворошилов, была триумфом сталинской военной науки и таланта самого Сталина как руководителя6.

Неизменно верные Сталину, его генералы смирились с тем, что им была отведена второстепенная роль. Единственным исключением был Жуков, который охотно присоединился к хвалебным отзывам о Сталине, однако не хотел молчать и о собственных достижениях и заслугах в качестве заместителя Верховного главнокомандующего. В первые годы после войны звезда Жукова продолжала ему сиять: в 1945–1946 гг. он был командующим советских вооруженных сил в оккупированной Германии. В марте 1946 г. Жуков был вызван в Москву и назначен главнокомандующим сухопутными войсками Советского Союза. Однако вскоре после возвращения на родину он стал жертвой интриги, основанной на обвинениях в том, что он подчеркивал значение своего руководства во время войны и приписывал себе успех всех крупных наступательных операций – в том числе тех, которые не имели к нему никакого отношения7. Положение Жукова осложняло и то, что его новое назначение привело к подковерной борьбе с другими генералами, которые не стеснялись в средствах, чтобы занять более престижное место в

иерархии Красной Армии послевоенного периода. Еще более тяжелым ударом стал арест в апреле 1946 г. генерала А.А. Новикова, бывшего командующего военно-воздушными силами Красной Армии и хорошего друга Жукова8. Новиков стал одним из тех, кто был арестован в рамках так называемого «дела авиаторов» – репрессий руководителей авиационной промышленности СССР по обвинению в том, что использовавшиеся во время войны истребители были недостаточно высокого качества. Жуков не был непосредственно связан с этим делом, и его репутация и военные заслуги перед Сталиным означали, что он едва ли попадет в тюрьму вслед за Новиковым. Однако в июне 1946 г. Жуков был понижен в должности до начальника Одесского военного округа, а позже, в феврале 1947 г., исключен из списка кандидатов в члены Центрального Комитета партии на том основании, что он выражал антипартийные настроения9. Последнее событие подтолкнуло Жукова обратиться к Сталину с просьбой о личной встрече, во время которой он мог бы объяснить, что его оклеветали. Через несколько дней Жуков написал вождю СССР покаянное письмо, в котором униженно признавал, что во время войны проявлял эгоистичное, нетактичное и неуважительное отношение к своим коллегам по Верховному главнокомандованию, в том числе к Сталину. Хотя заканчивалось письмо Жукова просьбой оказать ему полное доверие10, Сталин даже не потрудился на него ответить; Жуков оставался в изгнании, а в 1948 г. был еще больше понижен в должности – до главы Уральского военного округа. В хвалебном фильме 1949 г., изображавшем Сталина и его генералов за подготовкой плана грандиозного контрнаступления под Сталинградом, Жуков даже не фигурировал. С другой стороны, он все же не был лишен звания маршала, а в начале 1950-х гг. был в некоторой степени восстановлен в своих правах. В июне 1951 г. Жуков сопровождал Молотова в Польшу в составе братской делегации и выступал в Варшаве с речью о единстве Польши и СССР, в которой значительное место отводилось достоинствам Сталина как военачальника и политического лидера11. В 1952 г. Жуков был вновь внесен в список кандидатов в Центральный Комитет. Другим советским генералам повезло меньше. В декабре 1946 г. генерал Гордов, который в 1942 г. осуществлял командование Сталинградским фронтом, и генерал Рыбальченко, начальник штаба Волжского военного округа, были обвинены в якобы зафиксированных диссидентских высказываниях о Сталине. Оба были арестованы и позже расстреляны12.

То, как Сталин обошелся с Жуковым после войны, было

проявлением характерного для него безжалостного презрения к любым, даже самым незначительным, намекам на предательство. Кроме того, очевидно, это было сделано в назидание остальным: если заместитель Верховного главнокомандующего – человек, который спас от завоевания Ленинград и Москву, освободил Польшу, захватил Берлин и возглавил Парад Победы в 1945 г., – мог впасть в немилость, потому что отступил от следования догматам культа личности вождя, это могло случиться с каждым. Однако дело было не только в том, чтобы указать генералам их место. Перед Сталиным стояла задача определить роль военных в послевоенной жизни таким образом, чтобы признать их неизменное значение, но в то же время не умалить свое значение и доминирующую роль коммунистической партии в советском обществе. Эта задача была решена в приказе, изданном в феврале 1946 г., к 28-й годовщине основания Красной Армии. Хотя Сталин начал приказ с хвалебных слов о жертвах и победах Красной Армии, он указывал на то, что война не была бы выиграна без полной поддержки советского народа и без руководства коммунистической партии. Главная задача Красной Армии в мирное время, писал Сталин, – охранять мирный созидательный труд и облегчить восстановление военно-экономической мощи советского государства. Заканчивался приказ обычным лозунгом «Да здравствует наша победоносная Красная Армия!», однако главная мысль его была очевидна: военным не придется купаться в лучах военной славы или претендовать на особое положение в советском обществе13. Чтобы еще более ясно показать, что он намерен в полной мере сохранить контроль гражданского правительства над вооруженными силами, Сталин сохранил за собой должность наркома обороны и назначил своим заместителем генерала Николая Булганина. В 1947 г. Булганин сменил Сталина на посту министра обороны и получил звание маршала. В 1949 г. вместо него министром обороны был назначен маршал Василевский, но Булганин по-прежнему полностью контролировал оборонную промышленность14.

Роль военного, которую Сталин взял на себя во время войны и продолжал играть после ее окончания, была одной из ипостасей его постоянно меняющегося образа; еще одним аспектом этого образа была репутация политического деятеля международного масштаба. После войны Сталин не участвовал в международных конференциях, однако продолжал одного за другим принимать иностранных дипломатов и политиков и вести прямые переговоры. В первые годы после войны он очень активно проявлял себя на дипломатических приемах и церемониях подписания договоров, а также дал ряд интервью по вопросам

внешней политики. Наиболее примечательной чертой Сталина как дипломата в послевоенные годы было то, что он воспринимал себя в тесной связи с лидерами народных демократических республик Восточной Европы. Хотя Сталин часто утверждал, что искренне стремится к послевоенному сотрудничеству с Великобританией и Соединенными Штатами, постоянные встречи, совместные фотографии и коммюнике с союзниками-коммунистами из Восточной Европы говорили об обратном: о том, что «большой альянс» для Сталина имеет гораздо меньшее значение, чем начавший формироваться советский блок.

После войны Сталин главным образом был занят принятием решений в сфере внешней политики, а повседневное управление хозяйством страны оставлял другим. Поскольку Сталин продолжал придерживаться принятого во время войны курса на невмешательство в экономическую жизнь страны, в послевоенные годы ее экономика была более четко структурированной и лучше функционировала. Он имел возможность в любой момент вмешаться, однако по большей части предпочитал не делать этого. На смену его прихотям пришли системы комитетов, административные процедуры и в высшей степени развитый технократический рационализм. Советские партийные и государственные учреждения заметно выиграли от сдержанности Сталина, ведь характерные для довоенного времени постоянные кризисы, чрезвычайные ситуации, потрясения, усугублявшиеся чистками и террором, сменились рационализацией, профессионализацией и развитием бюрократического аппарата. В условиях этого нового экономического порядка средний слой специалистов, управленцев и чиновников продолжал расширяться и укореняться внутри советского строя, становясь важнейшей опорой и источником стабильности сталинского режима послевоенного периода15.

В то время как личным приоритетом Сталина в послевоенный период было следить за военными и вести дипломатию, для страны приоритетное значение имело восстановление и переход к общественному и экономическому строю мирного времени. Эти внутриполитические процессы послевоенного периода должны были помочь приблизить общественную и экономическую жизнь страны к норме: чрезвычайно насущная задача для страны, не только опустошенной и травмированной войной, но и пережившей целый ряд глубоких социальных потрясений в 1920–1930-е гг.

В октябре 1945 г. Сталин уехал отдыхать на Черное море – это был первый из целого ряда продолжительных отпусков, в которые Сталин уезжал в послевоенный период, а это означало,

что он в конце каждого года отлучался из Москвы на срок до пяти месяцев16. Война сказалась на здоровье Сталина, которому было уже 66. Он продолжал усиленно работать даже в отпуске, но уже далеко не так интенсивно, как до войны. Новый режим работы означал, что Сталину приходилось делегировать больше полномочий своим подчиненным. С другой стороны, у него было больше времени и возможности критиковать их усилия. Нужно сказать, что наиболее примечательной чертой общения Сталина с другими членами Политбюро было то, в каком неуважительном тоне он это делал. Как и подобало большевику, он всегда был жестким и грубым, но теперь он бранил своих соратников в агрессивно-бесцеремонной манере, скорее как старший менеджер, отчитывающий своих подчиненных за недостаточно эффективную работу. Как отмечал Александр Верт, к концу 1940-х гг. Сталин приобрел репутацию «сварливого старика» – во многом благодаря послевоенной переписке с членами Политбюро, в которой он регулярно отчитывал своих соратников за незначительные промахи17.

Послевоенная реконструкция18

Так как Сталина осенью 1945 г. не было в Москве, выступать с обращением к народу в честь 28-й годовщины Октябрьской революции пришлось Молотову. Одним из главных тем его речи были последствия войны. По словам Молотова, «немецко-фашистские захватчики» уничтожили 1710 городов и 70 000 деревень, разрушили 6 млн зданий, разрушили или повредили 31 850 промышленных предприятий, уничтожили или разграбили 98 000 колхозов и оставили без крова 25 млн человек19. Как бы удручающе ни звучали эти цифры, на самом деле они далеко не в полной мере отражали нанесенный стране урон и огромное бремя восстановления. По подсчетам Марка Харрисона, война стоила Советскому Союзу около 25 % физических ресурсов и примерно 14 % довоенного населения20. Молотов в своей речи не приводил цифры, касающиеся человеческих жертв, но по официальным данным Советского правительства, их насчитывалось 7 млн. На деле даже количество погибших советских военнослужащих превышало эту цифру, а ведь кроме этого были еще и от 15 до 16 млн погибших среди мирного населения. Количество получивших физическое увечье или психологическую травму составляло еще несколько десятков миллионов человек.

Задачу послевоенной реконструкции осложняло то, что в западных приграничных областях Белоруссии, Украины и Прибалтики властям нужно было не только завершить процесс советизации, приостановленный из-за войны, но и вести кампанию против партизан-националистов, которых насчитывалось несколько десятков тысяч. На Западной Украине, например, антикоммунистически настроенные партизаны убили около 35 000 советских военных и членов партии; в Литве в борьбе против восстановления коммунистической власти участвовали до 100 000 человек21. Советские власти в отместку расстреляли, арестовали и депортировали десятки тысяч повстанцев. В других частях страны по-прежнему подвергались гонениям и депортировались представители этнических групп, заподозренных в вероломстве. За время войны НКВД депортировал 2 миллиона волжских немцев, казаков, чеченцев, крымских татар и других тюркских народов вглубь восточной части страны. Аргументом служило то, что эти этнические группы сотрудничали с захватчиками. Однако и после победы депортации не прекратились. В числе сотен тысяч жертв послевоенной депортации были прибалты, финны, греки, молдаване, украинцы и белоруссы22. Еще одна волна

вынужденной этнической миграции была связана с переносом границы между Польшей и СССР, в результате которого 2 миллиона поляков выехали из Западной Белоруссии и Западной Украины, а около полумиллиона украинцев, русских, белорусов и литовцев мигрировали в обратном направлении23.

Одной из приоритетных задач правительства была реинтеграция в советское общество миллионов ветеранов, вернувшихся с фронта. В период с 1945 по 1948 г. были демобилизованы 8 млн советских солдат. Всем нужно было дать кров, работу и возможность включиться в общественную, культурную и политическую жизнь. Многие из так называемых фронтовиков были членами коммунистической партии: за время войны в партию вступили 6 млн советских военнослужащих, а к моменту окончания войны две трети членов партии побывали на фронте. Те, кто вступил в партию после войны, были моложе и лучше образованны, среди них было больше представителей инженерно-технических профессий, хотя большинство членов партии по-прежнему составляли мужчины: количество женщин в партии увеличилось с 14,5 % всего до 18,3 %. После войны молодые, образованные фронтовики (в основном мужчины) стали играть значимую роль в функционировании партии24. Одним из последствий такой смены поколений стало то, что в партии стало меньше внимания уделяться политической и идеологической деятельности, теперь в ней больше ценились управленческие и технические навыки, а главной функцией считалось регулирование государственной жизни и управления хозяйством, а не популистская агитация за контроль над чиновниками. Нельзя сказать, что эту «деполитизацию» коммунистической партии приветствовало партийное руководство, которое пыталось разными мерами препятствовать ей, ведя многочисленные кампании по идеологическому просвещению. Тем не менее, эти процессы отражали изменения, произошедшие в стиле руководства самого Сталина после войны. Обе стороны – и вождь, и те, кого он за собой вел, – учли полученный во время войны опыт предоставления отдельным лицам и группам лиц большей независимости в поиске решения проблем местного масштаба, а также различных путей достижения поставленных целей25.

Демобилизация войск началась в июне 1945 г. с тех, кто ушел на фронт в первых рядах. К концу 1945 г. были демобилизованы почти 5 млн военнослужащих. Ветеранам предоставили новую одежду, бесплатную провизию, право бесплатно доехать до дома и денежное пособие. Фронтовики имели право вернуться на то рабочее место, которое занимали до войны, но целые сотни тысяч устроились на новом месте. В том числе многие крестьяне

переехали жить в города, что привело к проблеме недостатка городского жилья и рабочих мест.

В сентябре 1945 г. режим военного положения был официально отменен, а гражданской администрации и гражданским судам был возвращен целый ряд полномочий.

4 сентября был упразднен ГКО (Государственный комитет обороны), а его экономический функции были переданы Совету народных комиссаров. Внутри Совета были проведены различные структурные изменения. Кульминацией этой реорганизации стало учреждение в 1947 г. целого ряда отраслевых бюро, ответственных за разные отрасли экономики26. В марте 1946 г. комиссариаты были переименованы в министерства, а народные комиссары стали министрами. Это решение было принято на пленуме Центрального Комитета партии в марте 1946 г. – первом собрании такого уровня с января 1944 г. Председателем пленума был Сталин, который следующим образом объяснил изменения в номенклатуре: «Народный комиссар… отражает период неустоявшегося строя, период гражданской войны, период революционной ломки… Этот период прошел. Война показала, что наш общественный строй очень крепко сидит и нечего выдумывать названия такого, которое соответствует периоду неустоявшемуся и общественному строю, который еще не устоялся, не вошел в быт… Уместно перейти от названия народный комиссар к названию министр. Это народ поймет хорошо, потому что комиссаров чертова гибель. Путается народ. Бог его знает, кто выше (*смех в зале*)»27.

В октябре 1945 г. вышло постановление о выборах в Верховный Совет. Сами выборы прошли в феврале 1946 г., а через месяц состоялось первое заседание только что избранного Верховного Совета, на котором был принят новый пятилетний план. Первая цель – восстановление объемов производства до довоенного уровня – была достигнута к концу 1940-х гг., хотя сделано это было только за счет постоянного ущемления роста уровня жизни и поддержания строжайшей рабочей дисциплины. Введенная в военное время карточная система снабжения товарами была отменена лишь в декабре 1947 г. В то же время была проведена и денежная реформа. В результате рубль был деноминирован, а излишки денежной массы были изъяты из обращения прежде, чем завышенный спрос мог спровоцировать инфляцию.

Голод и продовольственный кризис 1946–1947 гг. был, вероятно, самой большой трудностью, с которой столкнулось правительство. Лето 1946 г. было невероятно засушливым и неурожайным, а последовавшая за ним зима была одной из самых

суровых за всю историю. Поставки продовольствия по ленд-лизу, позволявшие во время войны кормить треть населения страны, прекратились в 1945 г., и СССР получал лишь очень ограниченную помощь от Администрации помощи и восстановления Объединенных Наций. С Германии и прочих бывших вражеских стран взимались репарации, но продовольствие составляло очень малую их часть. В результате от голода или вызванных недоеданием заболеваний умерло от 1 до 1,5 млн советских людей (в основном крестьян).

Дональд Фильцер пишет, что, как ни парадоксально, лишения первых послевоенных лет сделали сталинский режим более стабильным. С одной стороны, люди были настолько изнурены постоянной борьбой за выживание, что у них почти не оставалось сил на организованный социальный протест; им оставалось лишь смириться с крушением надежд на то, что после войны их ждет благополучное и свободное будущее. С другой стороны, когда в конце 1940-х – начале 1950-х гг. положение, наконец, улучшилось, это в определенной мере считалось заслугой правительства. Народ с облегчением вздохнул, увидев, что ситуация в стране наконец начинает приближаться к нормальной28.

Выборы 1946 года

Наиболее важным событием с точки зрения «нормализации» политической жизни стали выборы в Верховный Совет. Они помогли коммунистической партии снова стать центром внимания, а населению страны дали возможность вынести свой вердикт тому, как правительство проявило себя во время войны. Хотя это были однопартийные выборы – в них участвовала только коммунистическая партия или ее выдвиженцы, и от каждого округа был представлен только один кандидат – атмосфера на выборах, по словам Елены Зубковой, «напоминала национальный праздник» и «показывала, что вера народа в правительство была реальной, а не выдуманной»29. Согласно официальной статистике, на выборы пришли 99,7 % из 101 717 686 зарегистрированных избирателей. Из них лишь 818 955 зачеркнули имя кандидата, указанное на бюллетене, то есть проголосовали против. В Прибалтике общее количество проголосовавших против и воздержавшихся было значительно больше; в Литве оно составило около 10 %. Несомненно, эти цифры были бы гораздо выше и в остальных регионах СССР, если бы речь шла о свободных конкурентных выборах, однако имеющиеся данные по общественному мнению позволяют предположить, что непосредственно после окончания войны сталинский режим пользовался достаточно сильной народной поддержкой. Сталин привел страну к великой победе, и советский народ с надеждой смотрел в будущее, несмотря на сложнейшую задачу послевоенного восстановления. Среди интеллигенции было распространено мнение, что характерное для военного времени ослабление контроля в области культуры будет продолжаться. Культ личности Сталина был абсурдным, однако его насаждали долгие годы, и это не могло не сказаться на сознании народа. Широкие слои населения по большей части относились к нему с обожанием либо считали строгим, но великодушным правителем30.

Кульминацией кампании по выборам в Верховный Совет стала речь Сталина, с которой он обратился 9 февраля 1946 г. к избирателям Московского округа в соответствующей по торжественности обстановке Большого театра. Памятуя о необходимости восстановить и укрепить роль коммунистической партии, Сталин начал свою речь с традиционного для советской идеологии положения о том, что причиной Второй мировой войны были экономические противоречия капитализма и империализма. Тем не менее, поскольку в войне фашистские

государства противостояли таким свободолюбивым странам, как Великобритания и США, она с самого начала приобрела антифашистский характер, который еще более был усилен вступлением в конфликт Советского Союза и формированием коалиции СССР и Запада. Сталин много говорил о том, каким испытанием война стала для советского общественного строя, утверждая, что она доказала: «советский общественный строй является подлинно народным строем, выросшим из недр народа и пользующимся его могучей поддержкой». Война, сказал Сталин, также продемонстрировала успех советского строя как многонационального государства, в котором народы живут в дружбе и сотрудничестве. Говоря о коммунистической партии, Сталин подчеркивал роль, которую она сыграла в подготовке страны к войне в довоенные годы, придавая первостепенное значение развитию тяжелой промышленности и наращиванию обороны. Что касается будущего, Сталин упомянул о целях нового пятилетнего плана по производству, но в то же время сделал акцент и на том, какие меры будут приняты для увеличения массового потребления и поднятия уровня жизни. В заключительной части выступления Сталин говорил об отношениях между коммунистической партией и «беспартийными». В прошлом коммунисты относились к беспартийным с недоверием, сказал Сталин, потому что боялись влияния буржуазии. Теперь же коммунисты и беспартийные являются членами крепкого советского социалистического строя: «Живя в общем коллективе, они вместе боролись за укрепление могущества нашей страны, вместе воевали и проливали кровь… во имя свободы и величия нашей Родины, вместе ковали и выковали победу над врагами нашей страны. Разница между ними лишь в том, что одни состоят в партии, а другие нет. Но это разница формальная. Важно то, что и те, и другие творят одно общее дело»31.

Антизападная кампания

Предвыборное обращение Сталина было выдержано, как всегда, в уверенном тоне и не оставляло ни малейших сомнений в мощи советского строя и в том, что его ждет светлое будущее. Подобные мысли звучали и в предвыборных речах его главных помощников32. Тем не менее, радужные перспективы советского правительства в первые годы после войны омрачала еще одна мысль: о том, что роль СССР в достижении победы не признают в достаточной мере за границей, и о том, что международное сообщество собирается лишить Советский Союз возможности пожинать плоды своей победы. Наиболее явно эти опасения были высказаны во время предвыборной кампании Георгием Маленковым, заместителем Сталина по партии: «Были случаи в истории, когда плоды победы выпадали из рук победителя. С нами это не должно случиться… Мы должны, прежде всего, и дальше сплачивать и укреплять наши советские социалистические государства… И мы должны помнить, что наши друзья будут уважать нас, только пока мы сильны». В своем предвыборном обращении Андрей Жданов, начальник советского отдела идеологии, предупреждал, что «даже среди миролюбивых народов есть реакционные элементы, которые враждебно настроены к Советскому Союзу… Вы знаете, что наша политика мира и безопасности… нравится не всем. Нет, всем угодить нельзя, но нам нужно быть крайне бдительными»33. Жданов вернулся к этой теме в ноябре 1946 г., в выступлении в честь годовщины революции. Он также саркастически высказался о том, как о Советском Союзе и советских людях писали в западной прессе: «Читаешь и удивляешься, как быстро изменились советские люди. Когда лилась наша кровь на полях сражений, восхищались нашей храбростью, мужеством, высокими моральными качествами, беспредельным патриотизмом. И вот теперь, когда мы в сотрудничестве с другими народами хотим реализовать свое равное право на участие в международных делах, нас начинают поливать потоками ругани и клеветы, поносить и заушать. Приговаривая в то же время, что у нас якобы несносный и подозрительный характер»34.

То, что Жданов говорил на людях, с не меньшим жаром обсуждалось внутри советского правительства. В конце войны Совинформ, правительственный орган, ответственный за пропаганду, подготовил ряд отчетов по своей деятельности и деятельности аналогичных западных организаций. По данным Совинформа, теперь, когда война закончилась, деятельность

советской пропаганды за границей очень осложнилась, так как реакционные круги на Западе начали массированную клеветническую кампанию против коммунистов. В этой антисоветской кампании, проводимой при моральной и материальной поддержке информационных агентств Великобритании и США, особенно опасную роль играли социал-демократические элементы рабочего движения35. Подобные темы затрагивались в секретном бюллетене Центрального Комитета «Вопросы внешней политики», выходившего с конца 1944 г. Из статьи в статью кочевали утверждения о подъеме и росте влияния реакционных кругов в западных странах и рассуждения о развитии борьбы между просоветскими и антисоветскими силами – особенно внутри рабочего движения в Европе. Во многом аналогичные мнения высказывались в «Новом времени», которым после войны был заменен журнал «Война и рабочий класс», и в других советских изданиях. В марте 1946 г. к дискуссии присоединился сам Сталин, дав длинное интервью по поводу речи Черчилля о «железном занавесе». В своих ответах он называл бывшего премьер-министра Великобритании противником большевизма и реакционером, который пропагандирует войну с СССР36. Советский народ в этой полемике без колебаний принял сторону правительства. Как вспоминал чехословацкий коммунист Зденек Млинар, который в послевоенное время учился в Советском Союзе, «самым основательным убеждением было то, что Советский Союз во время войны ценой невероятных жертв решил судьбу человечества, и потому имел право на особое уважительное отношение всех народов. Эти люди воспринимали любую критику как оскорбление памяти умерших. В этом отношении они были заодно с правительством, как бы критично они ни относились к нему в других вопросах»37.

В культурно-политической жизни СССР реакцией на растущее недовольство и настороженность Запада стала ультрапатриотическая националистическая кампания восхваления неповторимых достоинств страны. В основе этой кампании было мнение Сталина по поводу места, которое СССР должен был занять на правах победителя в послевоенном мире. Сталин ожидал гораздо большего, чем он фактически получил, признания и уступок со стороны своих партнеров по коалиции. Особенно его раздражало то, что СССР не получил своей доли в послевоенной оккупации Японии и что Великобритания и США, по-видимому, были намерены пренебречь решениями Ялтинской и Потсдамской конференций по вопросу сферы влияния СССР в Восточной Европе. Сталин отреагировал тем, что занял жесткую позицию в послевоенных переговорах с англичанами и

американцами и всячески порицал своих соратников за любые проявления «угодничества» по отношению к Западу. Львиную долю упреков получил многострадальный Молотов, который в основном занимался иностранными делами и имел больше всего возможностей допустить ошибку. В ноябре 1945 г., например, Сталин раскритиковал Молотова за то, что тот разрешил опубликовать в СССР речь Черчилля: «Считаю ошибкой опубликование речи Черчилля с восхвалением России и Сталина. Восхваление это нужно Черчиллю, чтобы успокоить свою нечистую совесть и замаскировать свое враждебное отношение к СССР, в частности, замаскировать тот факт, что Черчилль и его ученики из партии лейбористов являются организаторами англо-американо-французского блока против СССР. Опубликованием таких речей мы помогаем этим господам. У нас имеется теперь немало ответственных работников, которые приходят в телячий восторг от похвал со стороны Черчиллей, Трумэнов, Бирнсов… Такие настроения я считаю опасными, так как они развивают у нас угодничество перед иностранными фигурами. С угодничеством перед иностранцами нужно вести жестокую борьбу. Но если мы будем и впредь публиковать подробные речи, мы будем этим насаждать угодничество и низкопоклонство. Я уже не говорю о том, что советские лидеры не нуждаются в похвалах со стороны иностранных лидеров. Что касается меня лично, то такие похвалы только коробят меня»38.

Вполне возможно, что, как утверждают некоторые, такие выпады Сталин делал специально для того, чтобы дисциплинировать своих соратников по Политбюро и восстановить свое доминирование над ними. Впрочем, негодование Сталина кажется вполне искренним – сомнительно, что он ощущал подобную угрозу со стороны таких, как Молотов. Война укрепила диктатуру Сталина внутри Политбюро, а роль, сыгранная им в достижении победы, сделала его положение как политического деятеля практически неоспоримым. Если в борьбе Сталина с угодничеством Западу и был элемент расчета, то он был связан с тем, что Сталин был искренне обеспокоен влиянием на советское общество контактов с капиталистическим миром. Война и отношения внутри «большого альянса» открыли возможность для воздействия на Советский Союз со стороны Запада множества факторов политического, культурного и экономического порядка, и многие надеялись, что эта тенденция сохранится также в мирное время. Летом 1944 г., например, советский писатель Всеволод Вишневский в таких радужных тонах описывал свое видение сосуществования культур в послевоенный период: «Когда война закончится, жизнь будет

очень приятной. В результате нашего опыта появится великая литература. Будет активное движение и много контактов с Западом. Каждому будет разрешено читать, что ему хочется. Будет обмен студентами, поездки за рубеж для советских граждан будут упрощены»39.

В конце войны Сталин был уверен в советской системе и в собственной власти. Однако это не означало, что он отказался от своих довоенных убеждений в том, что классовая борьба при социализме продолжается или перестал опасаться негативного воздействия на советских людей капиталистического влияния. Одним из проявлений этой обеспокоенности стало жесткое отношение к советским гражданам и военнопленным, вернувшимся из оккупированной нацистами Европы. Все они должны были пройти через пересыльные пункты НКВД для проверки. Из примерно 4 млн репатриантов 2 660 013 были гражданские лица, а 1 539 475 – бывшие военнопленные. Из них 2 427 906 были отправлены домой, 801 152 вернулись в вооруженные силы, 608 095 были зачислены на службу в рабочие батальоны министерства обороны, 272 867 были признаны виновными в каких-нибудь мелких правонарушениях и переданы в руки НКВД, чтобы понести наказание, 89 468 остались работать в пересыльных лагерях до тех пор, пока процесс репатриации не закончился в начале 1950-х гг.40.

Целью такой фильтрации было вычислить предателей и шпионов (основания для беспокойства действительно были, поскольку около миллиона советских граждан во время войны служили в вооруженных силах государств «Оси» – либо с оружием в руках, либо на гражданской службе) и убедиться, что граждане, захваченные в плен немцами или оказавшиеся в трудовых лагерях, не сдались сами. В отношении старших офицеров единственным приемлемым обстоятельством захвата в плен могло быть ранение, при котором они не могли больше оказывать сопротивление41. Однако главной целью пересыльных пунктов было не наказывать предателей, а проверять благонадежность граждан, возвращающихся с чужой земли.

Ждановщина

Летом 1946 г. начатая Сталиным кампания против влияния капиталистического Запада приобрела новый радикальный поворот: Центральный Комитет партии выпустил постановление, в котором ленинградские ежемесячные журналы «Звезда» и «Ленинград» обвинялись в публикации произведений, «культивирующих несвойственный советским людям дух низкопоклонства перед современной буржуазной культурой Запада». Через два дня, 16 августа, Жданов обратился к ленинградскому отделению Союза литераторов с докладом, в котором осуждал сатирика Михаила Зощенко и поэта Анну Ахматову. Зощенко он клеймил за то, что тот изображал советских людей «бездельниками и уродами, людьми глупыми и примитивными», Ахматову называл «не то монахиней, не то блудницей», а ее поэзию – индивидуалистической. Нет нужды говорить, что оба писателя были вскоре исключены из Союза литераторов, редакция «Звезды» была реорганизована, а журнал «Ленинград» совсем закрыт. В сентябре 1946 г. Центральный Комитет выпустил постановление об идеологически вредных фильмах, в число которых вошла кинолента Сергея Эйзенштейна «Иван Грозный. Часть вторая». Режиссера обвиняли в искажении прогрессивной роли, которую грозный царь сыграл в русской истории. Дальше настал черед театра и музыки подвергнуться культурной чистке. В феврале 1948 г. Шостаковича обвинили в «несоветском формализме» произведений. Год спустя подверглись нападкам за непатриотические чувства советские театральные критики. Одним из главных форумов этих обвинений стал новый журнал, учрежденный отделом Жданова в Центральном Комитете: «Культура и жизнь»42.

Хотя этот поворот в культурной политике стал известен как «ждановщина», инициатором и руководителем его был Сталин, который одобрял и редактировал все наиболее значимые официальные заявления по данному вопросу. Мотивы Сталина становятся понятны из одного выступления, сделанного Ждановым в августе 1946 г.: «Некоторые наши литераторы стали рассматривать себя не как учителей, а как учеников [и]… стали сбиваться на тон низкопоклонства и преклонения перед мещанской иностранной литературой. К лицу ли нам, советским патриотам, такое низкопоклонство, нам, построившим советский строй, который в сто раз выше и лучше любого буржуазного строя? К лицу ли нашей передовой советской литературе… низкопоклонство перед ограниченной мещанско-буржуазной

литературой Запада?»43

В своих мемуарах Константин Симонов вспоминал случай в мае 1947 г., когда он и некоторые другие представители Союза писателей пришли к Сталину, очевидно, по вопросу о выплате гонораров, однако мысли главы СССР были явно заняты недостаточным культивированием патриотизма среди интеллигенции. «Если взять нашу среднюю интеллигенцию, научную интеллигенцию, профессоров, врачей, у них недостаточно воспитано чувство советского патриотизма. У них неоправданное преклонение перед заграничной культурой… Эта традиция отсталая, она идет еще от Петра… было преклонение перед иностранцами-засранцами»44.

Нападкам за так называемое угодничество подвергались не только творческие люди. В 1947 г. широкое обсуждение получила книга по истории западной философии, написанная начальником отдела пропаганды Александровым. Его обвиняли в том, что он недооценивает вклад России в историю философии и недостаточно подчеркивает идеологический разрыв марксизма с традицией западной философской мысли. Жданов по этому поводу отмечал, что первым на недостатки книги обратил внимание сам Сталин (при этом Жданов не объяснял, почему в этом случае после публикации в 1946 г. книга получила Сталинскую премию). Еще одним советским интеллигентом, ставшим жертвой нападок в 1947 г., был экономист Евгений Варга. Ему вменяли в вину публикацию книги, в которой говорилось, что в результате войны в характере капитализма произошли радикальные изменения – в частности, увеличилась роль государства в экономическом управлении, – и эти изменения предвещали постепенную трансформацию западных держав в направлении социализма. В 1946 г., когда была опубликована книга, взгляды Варги полностью совпадали с собственными представлениями Сталина о том, что после войны в Европе должны в результате социально-экономических реформ и мирной политической борьбы сформироваться народно-демократические государства. Однако в 1947 г. в условиях растущего напряжения «холодной войны» у Варги появились оппоненты, радикально настроенные члены компартии, а у советской Академии наук – причина выступить с критикой его работы. В итоге Варга был вынужден отречься от своих еретических взглядов, а его исследовательский институт и журнал закрылись45.

В области естественных наук кампания по борьбе с вредоносным влиянием Запада приняла необычную форму «судов чести». Первыми жертвами стали ученые-медики Нина Клюева и ее муж Григорий Роскин. Летом 1946 г. их лабораторию посетил

новый посол США в Москве, Уолтер Беделл Смит, после чего Клюева и Роскин передали американским докторам копию рукописи своей книги о лечении злокачественных опухолей. В начале 1947 г. этот факт стал известен Сталину. По его инициативе правительство приняло решение об образовании в центральных министерствах и ведомствах «судов чести» для рассмотрения случаев антипатриотичных, антигосударственных и антисоциальных действий руководящих лиц и сотрудников. Когда в «суде чести» министерства здравоохранения рассматривалось дело Клюевой и Роскина, вопрос был в том, корректно ли с их стороны было делиться тайнами советской медицинской науки с иностранцами. В своем обращении к суду Жданов подчеркивал, что оба ученых действовали эгоистично и без консультации с соответствующими органами46.

Клюева и Роскин не были подвергнуты уголовному наказанию. Целью так называемого суда чести было публично преподать им урок по поводу политических и идеологических последствий общения с иностранцами. («Судебное слушание» на самом деле представляло собой скорее открытое заседание: на нем присутствовало около 800 человек.) Чтобы довести этот урок до каждого, Центральный Комитет выпустил закрытое письмо «По делу профессоров Клюевой и Роскина». Авторы письма критиковали «низкопоклонство и раболепие перед иностранщиной», пропагандировали «воспитание советской интеллигенции в духе советского патриотизма» и предостерегали от «низкопоклонства перед современной буржуазной культурой Запада»47.

Патриотические мотивы были очевидны и в так называемом деле Лысенко48. Трофим Лысенко, советский биолог-агроном, считал, что приобретенные характеристики могут наследоваться, а следовательно – зависят от изменений среды. Из-за этих взглядов у него возникли разногласия с советскими генетиками, которые утверждали, что наследование является функцией генов и не определяется влиянием среды или научными экспериментами над природой. Давний конфликт между этими двумя группировками советских биологов приобрел новый поворот в апреле 1948 г., когда сын Андрея Жданова Юрий, возглавлявший научный отдел Центрального Комитета, выступил с докладом, в котором критиковал взгляды Лысенко. Лысенко обратился к Сталину с жалобой. В результате позиция Лысенко получила официальное одобрение: в газете «Правда» были опубликованы материалы конференции июля-августа 1948 г., в которых подробно излагались взгляды Лысенко и подвергалось сокрушительной критике мнение его оппонентов-генетиков.

Возможно, Лысенко был плохим ученым, но он был политически подкован, а потому, излагая свою позицию, намеренно делал акцент на противопоставлении «советской» науки и науки «западной», «материалистической и патриотической» биологии и биологии «реакционной, схоластической и антипатриотичной»49.

Лысенко торжествовал, так как Сталин поддержал его точку зрения и упрекнул Юрия Жданова за то, что тот выражал личное мнение о наследственности и генетике. «У нас в партии нет личных мнений или личных взглядов, – сказал ему Сталин. – Есть только взгляды партии». Сталин поддержал позицию Лысенко, потому что в ней содержалась отсылка к идее советского патриотизма, она была созвучна с его собственной волюнтаристской марксистской теорией о том, что естественный мир может быть в корне изменен путем активного вмешательства человека. На этих представлениях был основан и обнародованный в октябре 1948 г. в советской прессе «Великий сталинский план преобразования природы» – проект массового насаждения деревьев и травы и создания 44 000 новых прудов и водохранилищ. «Капитализм, – говорилось в передовой статье «Правды», – неспособен не только организовать планомерную работу по преобразованию природы, но и предотвратить хищническое использование ее богатств».

В своем обращении к избирателям в феврале 1946 г. Сталин говорил: «Я не сомневаюсь, что если окажем должную помощь нашим ученым, они сумеют не только догнать, но и превзойти в ближайшее время достижения науки за пределами нашей страны». Через два года тон его официальных заявлений уже сменился на самоуверенные утверждения, что достижения советских и особенно русских ученых уже превзошли достижения Запада. «На протяжении своей истории великий русский народ обогащал национальную и мировую технологию выдающимися открытиями и изобретениями», – говорилось в передовой статье «Правды», вышедшей в январе 1949 г. В статье освещалось заседание Академии наук СССР, посвященное истории российской науки. В том же месяце в «Комсомольской правде» (газете Коммунистического союза молодежи) появилась статья под заголовком «Самолет – русское изобретение». По словам автора статьи, «невозможно найти хотя бы одну область, в которой русские люди не проложили бы новых путей. А.С. Попов изобрел радио. А.Н. Лодыгин создал лампу накаливания. И.И. Ползунов построил первый в мире паровой двигатель. Первый локомотив, изобретенный Черепановыми, проехал по русской земле. Крепостной Федор Блинов пролетел над русской землей на самолете тяжелее воздуха, созданном гением Александром

Федоровичем Можайским, за двадцать один год до братьев Райт»50.

Как видно из этой цитаты, в советской патриотической пропаганде послевоенных лет очень заметную роль играл элемент русификации. В полном соответствии с этой тенденцией Сталина на официальных портретах начали изображать без выраженных признаков его принадлежности к грузинской нации. Так, наиболее известный портрет Сталина послевоенных лет, на котором он изображен в парадной военной форме, писался с фотографии известного русского исследователя и географа51. Кроме того, Сталин по-прежнему проявлял особое отношение к русскому народу и его культуре как оплоту борьбы против Запада. В 1947 г. с большим размахом была отмечена 110-я годовщина смерти Пушкина. В сентябре 1947 г. Сталин отправил приветствие Москве в день 800-й годовщины со дня ее основания: «Заслуги Москвы состоят не только в том, что она на протяжении истории нашей Родины трижды освобождала ее от иноземного гнета – от монгольского ига, польско-литовского нашествия, от французского вторжения. Заслуга Москвы состоит, прежде всего, в том, что она стала основой объединения разрозненной Руси в единое государство с единым правительством, с единым руководством»52. В 1950 г. в «Правде» была опубликована серия статей Сталина по вопросам марксизма и языкознания, в которых утверждались особые преимущества русского языка53.

Возвращение к репрессиям

По мере того как ухудшались отношения между СССР и Западом, усилилась и «ждановщина». Изначально поводом для кампании против Запада стало недовольство Сталина отношениями с Великобританией и США и обеспокоенность влиянием Запада на советское общество. Культурные «чистки» 1946–1947 гг. совпали по времени с усилившимся опасением Москвы, что будущее «большого альянса» поставлено под угрозу из-за растущего влияния антисоветских сил в западных странах. Развитие советского и русского ультра-патриотизма было связано с началом «холодной войны» в 1947–1948 гг. и с усилившейся идеологической конкуренцией с Западом. Наконец, в конце 1949 – начале 1950-х гг., когда «холодная война» достигла своей кульминации, в советской внутренней политике произошел выраженный поворот к ксенофобии. Советским гражданам запрещали контактировать с иностранцами, публикации западных журналистов, работающих в Москве, подвергались жесткой цензуре, выезд за границу был резко ограничен даже для советских официальных лиц, за выдачу государственных тайн были введены жесточайшие меры наказания. Фактически это было возвращение к изоляционизму и оборонительной ментальности, которой характеризовалось советское общество в 1930-е гг. Именно в это время Сталин начал новую волну судов, арестов и репрессий. Масштабы сталинского террора послевоенных лет не могли сравниться с масштабами и интенсивностью «ежовщины» 1937–1938 гг., однако и он стал тяжелым потрясением для интеллигенции, которая надеялась, что победа в войне принесет с собой эпоху либерализации.

На уровне руководства самым громким событием стало так называемое «ленинградское дело» 1949 г.54 – чистка среди руководителей ленинградских партийных организаций в связи с обвинениями в том, что они дистанцировались от Центрального Комитета и образовали собственные антипартийные группы. В деле фигурировал Николай Вознесенский, глава Госплана – государственного комитета планирования. Он был лично связан с ленинградским руководством и был обвинен в предоставлении в Совет Министров заведомо ложной информации и в утере секретных государственных документов. Очень скоро обвинения превратились в заявления, что обвиняемые участвовали в шпионаже. Ленинградских партийных руководителей арестовали в августе 1949 г., а Вознесенского в октябре. Годом позже в Ленинграде прошло закрытое судебное слушание; все обвиняемые

были осуждены и затем расстреляны. Репрессии распространились на ленинградских чиновников среднего уровня, в результате более 200 человек были приговорены к смерти, тюремному заключению или ссылке.

Точные причины, подтолкнувшие Сталина начать эту чистку, остаются неизвестными, но, по-видимому, он был крайне раздражен независимостью, которую проявляло ленинградское руководство, и решил наказать его в назидание другим партийным руководителям, которые могли вслед за ними решиться на несанкционированные действия. Возможно и то, что Сталин был обеспокоен исходившими от ленинградского руководства предложениями создать русскую коммунистическую партию по аналогии с национальными партиям, существовавшими в других советских республиках. Советская коммунистическая партия всегда противилась подобным предложениям из опасений, что это может спровоцировать подъем великорусского шовинизма. Сталин всячески поощрял русский патриотизм и национализм, но лишь при условии, что он мог их контролировать55. В случае с Вознесенским кажется, что решение отдать его на расправу было лишь прихотью Сталина. Вознесенский зарекомендовал себя как один из людей, которым Сталин больше всего доверял в экономических вопросах. Решив, что Вознесенский не оправдал этого доверия, предоставив ложную информацию, Сталин исключил его из партии и передал сотрудникам службы госбезопасности, несмотря на то, что тот униженно уверял в вечной преданности56.

Маловероятно, что Сталин верил, будто Вознесенский и остальные обвиняемые на самом деле были предателями и шпионами. Скорее, как и в 1930-е гг., он думал, что они могут переметнуться во вражеский лагерь, если не принять предупредительные меры. Пищу этим опасениям давала «холодная война» с Западом и деятельность западных разведслужб, занимающихся шпионажем и саботажем. На Западной Украине и в Прибалтике к такой деятельности добавлялось вооруженное сопротивление местных жителей советскому правлению57.

Страх проникновения со стороны Запада нашел еще более яркое выражение в репрессиях по отношению к Еврейскому антифашистскому комитету (ЕАК). ЕАК был одной из многих антифашистских организаций, образованных в Советском Союзе во время Великой Отечественной войны58. Его задачей было добиться поддержки для действий СССР со стороны евреев в Советском Союзе и за границей. Председателем комитета был Соломон Михоэлс, известный актер и режиссер, а в числе его

членов – многие выдающиеся советско-еврейские артисты, мыслители и ученые. Комитет занимался организацией митингов в Москве, публиковал газету на идише, собирал деньги за рубежом и стремился привлечь внимание к тяжелому положению, в котором евреи оказались в результате фашистской агрессии. Внутри Советского Союза комитет старался поощрять сохранение еврейской культуры и самосознания, привлекать внимание общественности к тому, как фашисты расправляются с евреями, и добивался создания в Крыму еврейской советской социалистической республики. Так как члены комитета работали за рубежом, у них были многочисленные связи с еврейскими организациями, в том числе с сионистами, которые работали над созданием государства Израиль. После войны Михоэлс выступил за превращение ЕАК в прогрессивную еврейскую организацию, которая занималась бы за границей агитацией в поддержку Советского Союза. Однако в партийном аппарате в то же самое время выдвигались различные предложения касательно того, как заставить комитет после окончания войны прекратить деятельность. Основной претензией аппаратчиков было то, что, хотя во время войны организация сыграла важную роль, она приобрела слишком выраженный националистический и сионистский характер. Комитет, как утверждали его критики, обращал внимание на жизнь евреев в СССР, но не уделял внимания культурам других народов – например, русских – и не проявлял достаточной степени советского патриотизма. Представители ЕАК решительно опровергли эти обвинения, подчеркнув свою преданность Советскому Союзу. Однако в 1948 г. Михоэлс погиб в Минске (по официальной версии он был сбит автомобилем, водитель которого скрылся с места происшествия, но не исключено, что это было дело рук советских служб безопасности)59. В марте 1948 г. дело приняло еще более зловещий оборот: В.С. Абакумов, глава министерства госбезопасности СССР, подал Сталину докладную записку, в которой говорилось, что «руководители Еврейского антифашистского комитета, являясь активными националистами и ориентируясь на американцев, по существу проводят антисоветскую националистическую работу». Далее Абакумов приводил многочисленные подробности этой так называемой националистической работы и в заключение сообщал, что возглавляемое им министерство выявило среди недавно арестованных евреев-националистов несколько американских и английских шпионов60.

Несмотря на это зловещее предупреждение главы госбезопасности, Сталин не стал предпринимать никаких

действий, чтобы закрыть комитет. Некоторые исследователи предполагают, что комитет до своей смерти в 1948 г. защищал Жданов, в то время как другие считают, что ограничивающее влияние оказала связь самого Сталина с сионистами в послевоенные годы61.

После войны между Советским Союзом и только что образованным государством Израиль фактически сложился альянс. Хотя свою роль сыграло и сочувственное отношение к европейским евреям, попавшим в руки фашистов, основным мотивом советского правительства была личная выгода. Советский Союз не доверял арабским националистам, которые, по его мнению, находились под большим влиянием англичан и американцев, и рассматривал сионизм как необходимый противовес влиянию Запада на Ближнем Востоке. Решение проблемы с Палестиной Москва видела в создании независимого многонационального государства, которое одинаково уважало бы интересы евреев и арабов. В крайнем случае советское правительство было готово выступить за раздел Палестины на два государства – еврейское и арабское. Речь, с которой Андрей Громыко выступил в ООН в мае 1947 г., чтобы заявить о позиции Советского Союза по этому вопросу, представляла собой едва ли не классическую сионистскую пропаганду: «Еврейский народ перенес в последней войне исключительные бедствия и страдания. Эти бедствия и страдания, без преувеличения, не поддаются описанию… На территории, где господствовали гитлеровцы, евреи подверглись почти поголовному физическому истреблению… Огромное количество уцелевшего еврейского населения Европы оказалось лишенным родины, крова и средств существования… То обстоятельство, что ни одно западноевропейское государство не оказалось в состоянии обеспечить защиту элементарных прав еврейского народа и оградить его от насилий со стороны фашистских палачей, объясняет стремление евреев к созданию своего государства. Было бы несправедливо не считаться с этим и отрицать право еврейского народа на осуществление такого стремления»62.

Почти сразу после своего образования в мае 1948 г. государство Израиль установило дипломатические отношения с Советским Союзом. В сентябре в Москву прибыл первый посол Тель-Авива, Голда Меерсон (больше известная как Голда Меир и впоследствии ставшая премьер-министром Израиля). 12 сентября она известила израильское правительство, что в московской синагоге провозглашение государства Израиль праздновали 20 000 человек. 6 октября Меерсон сообщила, что на праздник Рош ха-Шана (еврейский Новый год) синагога в Москве была до отказа

набита народом, а на улице ее встречали радостными возгласами и приветствиями на иврите. Другие ее отчеты свидетельствуют о налаживании связей между израильским посольством и членами ЕАК63. По всей вероятности, именно это в конечном итоге вызвало недовольство Сталина ЕАК. Он ни при каких обстоятельствах не мог смириться с развитием независимой политической деятельности. Единственными допустимыми для него проявлениями национализма и патриотизма могли быть проявления, санкционированные и поддержанные советским правительством. В ноябре 1948 г. Политбюро наконец приняло решение распустить ЕАК на том основании, что он являлся центром антисоветской пропаганды и регулярно поставлял антисоветскую информацию иностранным разведывательным службам64. Хотя было дано указание «пока никого не арестовывать», очень скоро лидеры ЕАК уже были задержаны. Весной и летом 1952 г. состоялся закрытый судебный процесс над 15 должностными лицами и активистами ЕАК. В числе тех, кого обвиняли в еврейском национализме, сионизме и шпионаже, был С.А. Лозовский, бывший заместитель комиссара по иностранным делам, который имел несчастье после войны быть назначенным ответственным по ЕАК, хотя сам выступал за закрытие комитета. На суде Лозовский, который в ходе своей партийной карьеры одно время возглавлял профсоюзный отдел Коминтерна, отказался от своих признательных показаний и упорно отрицал все выдвигаемые против него обвинения. Статус и красноречие Лозовского произвели впечатление на судью, Александра Чепцова, который попытался направить дело на доследование. Даже после того, как его заставили приговорить Лозовского и еще 12 обвиняемых к расстрелу (один из обвиняемых уже умер в тюрьме, а еще один был признан виновным и приговорен лишь к трем с половиной годам заключения в трудовом лагере и пяти годам ссылки), Чепцов разрешил осужденным обратиться к суду с призывом о снисходительности – в 1930-е гг. для судьи это было бы просто немыслимо65.

Единственной из активистов ЕАК, кто отделался сравнительно легко, была Полина Жемчужина – жена Молотова, еврейка по национальности. Она в январе 1949 г. была арестована вместе с остальными, но советские следователи в конечном итоге решили рассматривать ее дело отдельно от дела ЕАК, и в качестве наказания она была отправлена в ссылку в Казахстан. Когда вопрос об исключении его жены из партии был поднят на заседании Политбюро, Молотов воздержался от голосования, однако позже сдался66 и выполнил просьбу Сталина развестись (воссоединились Молотов и Жемчужина только после смерти

Сталина). В наказание Молотов в марте 1949 г. был снят с должности министра иностранных дел, однако сделано это было только для отвода глаз. Он по-прежнему играл ключевую роль в определении внешней политики Советского Союза и был назначен главой комиссии Политбюро по иностранным делам. Сменивший Молотова на посту министра иностранных дел Андрей Вышинский, бывший его заместитель, часто обращался за советом и информацией к своему предшественнику. В числе других важных дел, которыми Молотов занимался в этот период, была подготовка к публикации переписки Сталина с Черчиллем, Рузвельтом, Трумэном и Эттли в годы войны67.

Чистки и репрессии ЕАК совпали с началом в СССР кампании против «безродных космополитов». Главным мотивом этой кампании была идея о том, что пролетарский интернационализм необходимо сочетать с советским патриотизмом и уважением к русской культуре. Хотя кампания по борьбе с космополитизмом не была нацелена непосредственно на евреев, она была явно антисемитской по характеру и велась одновременно с жесткой антисионистской пропагандой, кульминацией которой в 1953 г. стал разрыв советско-израильских дипломатических отношений. Кампания по борьбе с сионистами, которые якобы были связаны с подрывной деятельностью и шпионажем западных империалистов на территории СССР, вскоре распространилась и на остальные страны советского блока. В ноябре 1952 г. в Праге был проведен показательный процесс над 14 бывшими руководителями чехословацкой коммунистической партии (в их числе был генеральный секретарь Рудольф Сланский) по обвинению в антигосударственном сговоре с сионистами. Одиннадцать из обвиняемых, включая Сланского, были евреями. Трое из обвиняемых были приговорены к пожизненному заключению; остальные были казнены, в том числе и Сланский68.

Личное отношение Сталина к евреям остается предметом непрекращающихся споров, однако имеющиеся доказательства подтверждают мнение Жореса Медведева о том, что он не был антисемитом, но из политических побуждений враждебно относился к сионизму и еврейскому национализму, которые он считал угрозой своей власти69. Советское государство официально выступало против расизма в любой форме – в том числе против антисемитизма, и сам Сталин неоднократно высказывался в этом духе в своих выступлениях. На его родине, в Грузии, не было еврейского гетто, евреи там в основном ассимилировались с местным населением, и Сталин, став руководителем СССР, активно поддерживал такую политику. Многие официальные лица в его окружении были евреями или

были женаты на еврейках, и даже в самый разгар антисионистской кампании начала 1950-х гг. он продолжал чествовать еврейских писателей и артистов. В декабре 1952 г. на заседании президиума ЦК КПСС Сталин сказал следующие, в высшей степени показательные, слова: «Чем больше у нас успехов, тем больше враги будут нам стараться вредить. Об этом наши люди забыли под влиянием наших больших успехов, появились благодушие, ротозейство, зазнайство. Любой еврей-националист – это агент американской разведки. Евреи-националисты считают, что их нацию спасли США (там можно стать богачом, буржуа и т. д.). Они считают себя обязанными американцам. Среди врачей много евреев-националистов»70.

Как видно из этой цитаты, враждебность Сталина по отношению к сионизму и еврейскому национализму начала приобретать этническое измерение: некоторые евреи считались врагами из-за своей деятельности, но при этом все евреи по умолчанию оказывались под подозрением уже в связи со своей национальной принадлежностью. Это было очевидно в «деле врачей», на которое ссылался в своем выступлении Сталин – последнем из вымышленных дел о конспирации, сфабрикованных его службой безопасности.

Так называемое «дело врачей» (некоторые называли его «заговором»71) было начато в июле 1951 г., когда старший следователь министерства госбезопасности, лейтенант-полковник М.Д. Рюмин, подал Сталину заявление с обвинениями в адрес доктора Якова Этингера. В заявлении говорилось, что Этингер – «убежденный еврейский националист» – в 1945 г. сознался в том, что под предлогом оказания врачебной помощи убил А.А. Щербакова, одного из наиболее ценимых Сталиным членов Политбюро. Далее Рюмин утверждал, будто Этингер был участником крупного террористического заговора вместе с целым рядом других врачей. Что наиболее примечательно, Рюмин заявлял, что его начальник, Абакумов, вмешался в расследование дела Этингера и добился его закрытия (на самом деле Этингер умер в марте 1951 г., во время проводимого Рюминым допроса, поэтому вполне вероятно, что тот указал на Абакумова, чтобы прикрыть самого себя).

В ответ на заявление Сталин создал комиссию во главе с Маленковым для расследования обвинений Рюмина. В число членов комиссии входил Берия, который до Абакумова возглавлял министерство государственной безопасности. Комиссия очень скоро пришла к заключению, что Абакумов виновен. 13 июля 1951 г. Центральный Комитет обратился к партийным организациям с «закрытым» письмом, в котором

сообщалось, что Абакумов снят со своей должности и исключен из партии за то, что прекратил расследование по делу Этингера. Далее в письме говорилось, что в январе 1951 г. были арестованы участники еврейской антисоветской молодежной организации, однако Абакумов скрыл их террористические замыслы от правительства. Вскоре Абакумов был арестован, а в его министерстве была проведена чистка, при этом со своих должностей были уволены более 40 000 человек.

В ноябре 1951 г. служащие госбезопасности предоставили в ЦК КПСС новые заявления по «делу врачей». В них утверждалось, что Жданов, умерший от сердечного приступа в 1948 г., а также другие выдающиеся представители коммунистической партии стали жертвами преступного сговора врачей. Год спустя эта версия превратилась в полномасштабную теорию заговора. 4 декабря 1952 г. ЦК КПСС выпустил постановление о том, что группа врачей, работавших на английскую и американскую разведку, состояла в преступном сговоре и под предлогом лечения принимала меры, чтобы сократить жизнь ведущих членов партии и правительства. Евреями были лишь некоторые из обвиняемых, поэтому так называемый заговор, раскрытый Центральным Комитетом, был назван заговором не сионистов, а капиталистов и империалистов. Тем не менее, когда в «Правде» в январе 1953 г. была обнародована информация о деле врачей, ей были приданы явные антисемитские коннотации. В статье, которую перед публикацией правил вручную сам Сталин, утверждалось, что врачи были завербованы американской разведкой при посредстве еврейской буржуазно-националистской организации и получили указания убить членов советского руководства от Михоэлса, «известного еврейского буржуазного националиста»72.

В 1952–1953 гг. были арестованы сотни советских врачей. В их числе были 37 докторов и их жен (17 из них евреи), которым были предъявлены обвинения в заговоре против представителей высшего руководства Советского Союза. К счастью, все они остались в живых и после смерти Сталина были реабилитированы. Казненные члены ЕАК тоже были реабилитированы посмертно, как и те, кто проходил по ленинградскому делу.

Джонатан Брент и Владимир Наумов, описывая «дело врачей – последний преступно сфабрикованный Сталиным процесс»73, рисуют картину грандиозного плана: он должен был привести к созданию нужных условий для последнего решающего противостояния, в котором были бы уничтожены все враги советского диктатора. Иными словами, Сталин планировал

повторить «большой террор» 1930-х гг., только на этот раз он намеревался довести начатое дело до конца. Брент и Наумов восторженно отзываются о способностях Сталина как великого конспиратора: «Сталин – Годо, отсутствующий на пустом пейзаже. Мы ждем, мы гадаем, мы приписываем ему мотивы, получаем непонятные послания, но в конечном итоге он так и не раскрывает свою сущность, и к пониманию его как «личности» не может быть прямого пути»74. Авторы наделяют Сталина проницательностью и дальновидностью, которой он никогда не обладал. Если ленинградское дело, дело об ЕАК и дело врачей о чем-то и говорят, так это о том, до какой степени Сталин был склонен верить в преступные заговоры, направленные против его власти, и насколько пагубное влияние его политическая паранойя оказывала на его же собственный режим. Репрессии, возбуждая в людях страх, делали их более пассивными и послушными, но, с другой стороны, их результатом стали аресты и казни некоторых из наиболее талантливых и преданных слуг самой системы. Так, в декабре 1952 г. Сталин снял с должности А.Н. Поскребышева, который очень долго был его личным секретарем, за «передачу секретных документов», и приказал арестовать своего личного охранника. Одной из последних жертв Сталина стал Иван Майский, который был арестован 19 февраля 1953 г. по обвинению в шпионаже и оставался в заключении два года.

В целом уровень репрессий в СССР после войны оставался довольно высоким, если учесть этнические депортации, подавление восстаний в приграничных областях и обращение с бывшими военнопленными и пленниками трудовых лагерей. Кроме того, в Советском Союзе по-прежнему очень многие граждане попадали в тюрьмы по обвинению в уголовных преступлениях, хотя в 1945 г. в честь победы Сталин амнистировал миллион обыкновенных заключенных75. Политические заключенные под амнистию не попадали, однако после войны появилась тенденция к снижению количества арестов по обвинению в так называемых контрреволюционных преступлениях. В 1946 г. количество осужденных за политические преступления составляло 123 294 человека, в 1952 г. – «всего» 28 800. В 1946 г. по таким обвинениям было казнено 2896 человек, а в 1952 г. – 161276. Эти цифры не идут ни в какое сравнение с миллионами арестованных и тысячами казненных по обвинению в политических преступлениях в 1930-е гг.

Если не принимать во внимание ленинградское дело, дело ЕАК и «дело врачей», послевоенный советский строй представлял собой значительный отход от системы, основанной на чистках и терроре. Об этом говорит и то, что даже в начале 1950-х гг., в

самый разгар истерии по поводу иностранного шпионажа и диверсий, было арестовано всего несколько сотен человек. Более того, одновременно с этими сравнительно ограниченными по масштабам репрессиями имело место ослабление некоторых других, более жестких, проявлений «ждановщины». «То ли монахиню, то ли блудницу» Ахматову реабилитировали и разрешили ей снова печататься. В литературе и театре произошел откат от излишней политизированности, акцент сместился в сторону изображения драматизма и сложностей человеческой жизни. Как отмечает Тимоти Данмор, первые признаки хваленой культурной оттепели появились не после смерти Сталина, а раньше, в начале 1950-х гг.77. Во многом это можно было сказать и о ГУЛАГе – обширной системе исправительно-трудовых лагерей, которой управляло министерство внутренних дел во главе с Берия. К последним годам правления Сталина там все более отчетливо стала проявляться тенденция к переходу от рабского труда заключенных к работе, мотивируемой с помощью экономических стимулов. После смерти Сталина ворота ГУЛАГа распахнулись, и вскоре вся система была упразднена, однако первые шаги к этому были сделаны еще при его жизни78.

XIX съезд партии

Весьма показательным с точки зрения перехода от позднего периода правления Сталина к послесталинской эпохе был XIX съезд Коммунистической партии, состоявшийся в октябре 1952 г. – первое собрание такого рода с 1939 г. и последнее за время правления Сталина79. По правилам партии съезд предполагалось проводить каждые три года. Во время войны делать это было невозможно; очередной съезд был запланирован на 1947 или 1948 г., при этом главным вопросом на повестке дня должна была стать новая программа партии и изменения в уставе. Съезд был отложен – возможно, из-за того, что Жданов, которому было поручено подготовить проект новой программы партии, заболел и вскоре умер. В период после смерти Жданова Сталина занимали более насущные проблемы – такие, как ленинградское дело и ухудшение международных отношений – и организация съезда партии не входила в список его первоочередных задач. Только в декабре 1951 г. Политбюро по распоряжению Сталина приняло решение провести съезд в следующем году. Обсуждение Устава партии осталось на повестке дня, однако от идеи пересмотра программы партии было решено отказаться. Вместо нее обсуждался пятилетний план на 1951–1955 гг. Следует отметить, что с главным докладом по политическим вопросам выступал не Сталин, а Маленков. Представлять пятилетний план было поручено М.З. Сабурову, сменившему Вознесенского во главе Госплана, а вопрос о пересмотре Устава партии был доверен Никите Хрущеву, который в 1949 г. стал секретарем Центрального Комитета. Открывать съезд был назначен Молотов, а выступать с заключительным словом – Ворошилов.

Отсутствие Сталина в списке основных докладчиков, по-видимому, говорило об ухудшении его здоровья: к тому времени, когда проводился съезд, ему почти исполнилось 73 года, и лишь несколько месяцев отделяли его от рокового инсульта. Его появление на съезде было встречено громовыми аплодисментами, однако он внес в обсуждение лишь очень незначительный вклад, обратившись с кратким приветствием к делегатам братских зарубежных компартий80. Тем не менее, Сталин принимал достаточно активное участие в подготовке к съезду. Накануне он опубликовал брошюру под названием «Экономические проблемы социализма в СССР». Хотя по большей части текст брошюры представлял собой замысловатые рассуждения на тему того, как работают экономические законы в условиях социализма, на съезде она получила широкое обсуждение. Все основные доклады

проверял и редактировал Сталин. Особое внимание он уделил докладу Маленкова: текст несколько раз менялся и корректировался вождем СССР в мельчайших подробностях. Самым интересным было то, что помимо этого текст доклада Маленкова был представлен для обсуждения всем остальным членам Политбюро. Конечно, последнее слово было за Сталиным, однако в некоторой степени окончательный вариант доклада был результатом коллективного обсуждения всего советского руководства. В речи Маленкова не было никаких сюрпризов. По большей части в ней говорилось о событиях, произошедших со времени окончания войны в международной экономической и политической жизни – в частности, о продолжающемся кризисе в капиталистических странах и о борьбе Советского Союза за мир.

С практической точки зрения наиболее важными результатами съезда стали изменения, внесенные в устав партии. Название партии было изменено с Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) на Коммунистическую партию Советского Союза. Должность генерального секретаря была упразднена, и Сталин стал одним из первых секретарей партии (наряду с Хрущевым). Политбюро было преобразовано в Президиум ЦК, который по численности значительно превышал прежний орган: в него входило 25 полноправных членов и 11 кандидатов. Кроме того, после съезда было учреждено менее многочисленное Бюро президиума. Решено было сделать собрания партийных структур низшего уровня более регулярными, чтобы внести в работу партии элемент демократии и предоставить рядовым членам партии возможность контролировать работу чиновников81.

Не совсем ясно, чего Сталин надеялся добиться этими изменениями, однако в октябре 1952 г. на пленуме Центрального Комитета, состоявшемся сразу же после закрытия съезда, он пояснил, что их цель – обеспечить приток свежих, молодых сил в руководство партии. Он также подчеркнул сложность и опасность ситуации, сложившейся в международных отношениях, и выступил с личной критикой в адрес Молотова и Анастаса Микояна, уже длительное время занимавшего должность министра торговли, назвав обоих трусами и капитулянтами. Хотя оба продолжали занимать важные правительственные должности, в политической жизни их влияние значительно снизилось, и в последние недели жизни Сталина они были исключены из его ближайшего окружения82.

Нападки Сталина на Молотова и Микояна могут быть связаны с широко цитируемым высказыванием о его товарищах по Политбюро, которое Хрущев приводил в своих мемуарах: «Вы как слепые котята, без меня империалисты вас задушат»83. Если

Сталин и в самом деле так говорил и считал, то виноват в этом был только он сам. Он сам культивировал в правящих кругах безынициативность, и у него не было достойного преемника. Сталин мало верил в то, что коллективное руководство его коллег сможет заменить собой культ его личности. Тем не менее, сохранение сталинизма без самого Сталина оказалось вполне выполнимой задачей, и восстановленный после войны режим просуществовал после его смерти еще 40 лет.

Внутриполитические факторы играли важнейшую роль и в определении отношения Сталина к международной обстановке в послевоенном мире. Советский Союз вышел из войны победителем, наиболее сильной державой в Европе и значимым участником послевоенных мирных переговоров. Однако война нанесла СССР большой материальный и моральный ущерб; западные окраины страны бунтовали против усиления советской власти; рост патриотизма и национализма делал все более сложным определение страны как коммунистической. Учитывая эти сложные обстоятельства, для Сталина стало большим разочарованием то, что его партнеры по «большому альянсу» не были готовы ни удовлетворять требования Советского Союза, касающиеся обеспечения его безопасности, ни отдавать то, что советское правительство считало справедливой наградой за победу.

Сталин с недоверием смотрел в будущее, поэтому отреагировал на сложившуюся ситуацию тем, что постарался отрезать страну от иностранного влияния и взял курс на более жесткую внешнюю политику. Начавшаяся в 1947 г. «холодная война» подтвердила худшие опасения Сталина, и он принял меры по усилению советской агитации против Запада как внутри страны, так и на международном фронте. Однако поляризация международной политики и развал «большого альянса» принесли с собой и другие опасности, поэтому к концу 1940-х гг.

Сталин начал понемногу отходить от политики конфронтации и стремиться к достижению разрядки в отношениях с Западом. Тем не менее, ситуация на международной арене оставалась напряженной, и во внутриполитической жизни СССР ослабления тоже не наблюдалось. Послевоенные репрессии Сталина в отношении партийных и государственных чиновников достигли кульминации в начале 1950-х гг. При этом им руководило убеждение, что чем более сильной будет социалистическая система, тем более активно будут с ней бороться враги.

Идею Сталина о том, что классовая борьба в условиях социализма должна стать более интенсивной, не поддерживали

остальные представители советского руководства; когда Сталин умер, они тут же отказались от этого идеологического принципа. Однако пока Сталин был жив, его убеждения и предпочтения играли определяющую роль. Во внутренней политике, как и в иностранной, Сталин был генералиссимусом. Те, кто составлял под его началом советское руководство, боролись за власть, преследовали личные амбиции и защищали свои ведомственные интересы, однако основные направления политики определял сам Сталин, и он же принимал все значимые решения84.

Война привела к фундаментальному упрочению власти Сталина, внутри страны его решения не обсуждались и не могли обсуждаться. Что касается международных отношений, здесь все было иначе. На международной арене ему противостоял сильный соперник в лице Америки, а также начавший формироваться антисоветский блок западных держав, причем эти угрозы вызывали еще большее беспокойство Сталина с учетом сложностей во внутриполитической жизни страны. В то же время Сталин по-прежнему стремился к достижению *модус вивенди* , которое позволило бы остановить «холодную войну» и установить длительное перемирие с его бывшими союзниками.

Глава 11 КОНФРОНТАЦИИ ПЕРИОДА «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»

Сталин под огнем

Внешняя политика Советского Союза в последние пять лет правления Сталина представляла собой калейдоскоп внешне противоречивых событий. Развал «большого альянса» в 1947 г. спровоцировал опасения, что «холодная война» скоро превратится в «горячую». Сталин в своих публичных выступлениях говорил о гнусных планах западных милитаристов, особенно «Черчилля и его друзей». В то же время он преуменьшал опасность войны и настаивал на возможности мирного сосуществования коммунизма и капитализма. С усилением «холодной войны» Сталин постепенно превратил советскую сферу влияния в Восточной Европе в жестко контролируемый блок, но когда в 1948 г. Югославия с Тито во главе отделилась от коммунистического движения, его влияние было поставлено под вопрос. В конце 1940-х гг. Европа раскололась на воинствующие блоки, разделившие континент на следующие 40 лет, однако Сталин продолжал искать способы преодолеть поляризацию и найти согласованное решение германского вопроса. В 1949 г. в Советском Союзе были проведены первые испытания атомной бомбы, а в начале 1950-х гг. началась разработка еще более мощной водородной бомбы. Эта программа осуществлялась одновременно с инициированной Советским Союзом активной кампанией за мир, участники которой требовали разоружения и отмены ядерного оружия. В 1950 г. Северная Корея вторглась в Южную Корею, чтобы объединить страну под руководством лидера коммунистов Ким Ир Сена. Вторжение было начато с одобрения и при поддержке Сталина, но когда Соединенные Штаты вмешались в конфликт, приняв сторону Южной Кореи, он быстро отступил, чтобы избежать прямой конфронтации с американцами.

Все эти явления разного порядка объединяло одно: с их помощью Сталин пытался взять под контроль последствия «холодной войны». Сталин считал, что «холодная война» необходима для того, чтобы обеспечить безопасность СССР и сохранить достижения, сделанные коммунистическим движением после Второй мировой войны, однако опасался, что эскалация конфликта приведет к еще более опасным последствиям: возрождению германского милитаризма и его присоединению к блоку западных стран во главе с Америкой. Очень важно отметить, что для Сталина германский вопрос (о том, как ограничить развитие мощи и агрессии Германии) был ключевым фактором в обеспечении безопасности Советского Союза. К этой

проблеме он в послевоенный период возвращался снова и снова, в том числе в 1952 г., когда он в последний раз попытался достичь соглашения, которое могло бы нейтрализовать и подавить Германию – даже если для этого пришлось бы пожертвовать Восточной Германией, находившейся под контролем коммунистического блока.

Конфликт Сталина и Тито

На первый взгляд, конфликт между Сталиным и Тито в 1948 г. разгорелся из-за права Москвы контролировать народные демократические республики Восточной Европы: Югославия оспорила это право, поставив свои национальные интересы над интересами советского правительства. Именно такую версию событий поддерживали сторонники Тито в 1950-е гг.

Они изображали Югославию как маленькую страну, отважившуюся сражаться за свои права с могучим медведем – Россией. Однако при более внимательном рассмотрении становится очевидно, что картина была значительно сложнее: то, как Сталин поступил с Тито, было связано не столько с регулированием внутренних отношений в советско-коммунистическом блоке, сколько с его опасениями по поводу нарастания «холодной войны» с Западом.

Факторов, которые непосредственно привели к расколу, было два. Во-первых, были предприняты попытки создать конфедерацию Югославии и Болгарии, на основе которой, по замыслу авторов проекта, в дальнейшем могла быть образована федерация балканских государств с участием временного правительства, провозглашенного в Греции коммунистами-партизанами в декабре 1947 г. Во-вторых, Югославия стремилась к доминированию над Албанией, которая тоже входила в советский блок, – в том числе, к созданию там военной базы, через которую могла бы осуществляться помощь греческим партизанам в гражданской войне1. Сталин в принципе не возражал против этих планов, однако он ожидал, что при их составлении и осуществлении с ним будут советоваться. Его особенно раздражало сделанное в январе 1948 г. без его одобрения заявление бывшего руководителя Коминтерна, Георгия Димитрова, теперь вернувшегося в родную Болгарию, по поводу проекта федерации Болгарии, Греции и Югославии. 10 февраля 1948 г. Сталин встретился с болгарско-югославской делегацией во главе с Димитровым и Эдвардом Карделем, представителем Тито. Из материалов этого собрания очевидно, что наибольшее беспокойство Сталина вызывало то, что преждевременное образование балканской коммунистической федерации даст основание для нападок со стороны реакционных элементов на Западе и ускорит формирование антисоветского блока. Сталин указывал болгарам и югославам на то, что в Соединенных Штатах скоро состоятся выборы (они имел в виду как выборы президента, так и выборы в Конгресс), и в результате их действий к власти в

Америке может прийти еще более реакционное правительство, чем нынешнее. Что касается Греции, Сталин считал, что партизанская борьба там бессмысленна, по крайней мере пока, и американцы будут использовать это в качестве предлога, чтобы расположить в стране военные базы. По этим же причинам он выступал против развертывания югославских войск в Албании. Главное, что хотел Сталин сказать Димитрову и Карделю, – что нужно действовать медленно, на каждом этапе советоваться с Москвой и учитывать сложности международной ситуации2.

Советское правительство ожидало, что югославы и болгары после встречи с «шефом» будут строго подчиняться его требованиям. Верный Сталину Димитров так и сделал, в то время как Тито взбунтовался. 1 марта 1948 г. Политбюро Югославии приняло решение не подчиняться требованиям советского правительства, а действовать так, как, по их мнению, того требовали национальные интересы Югославии. Тито не собирался идти на открытый конфликт со Сталиным, но, к несчастью для него, сторонники советского правительства в югославском руководстве доложили в Москву о том, что происходит. Сталин отреагировал тем, что приказал подготовить критику политической и идеологической работы югославской партии, а также отозвать из Югославии советских военных, гражданских специалистов и консультантов. 27 марта Сталин и Молотов отправили Тито письмо, в котором обвиняли Югославию во вступлении на путь антисоветизма. Югославские коммунисты осуждались за национализм и оппортунизм, проводилась параллель между их политикой и политикой главного врага Сталина, Троцкого. В довершение всего югославам было также предъявлено обвинение в том, что в их министерстве иностранных дел завелся английский шпион3.

Копии письма Сталина и Молотова были направлены руководителям коммунистических партий других стран Европы, а между Москвой и Белградом началась переписка, которая постепенно приобретала все более резкий характер, несмотря на то, что югославы отрицали все обвинения советского правительства и заявляли о своей верности идеалам коммунизма. Были созданы все условия для того, чтобы на втором заседании Коминформбюро исключить югославскую партию из этой организации. Решение Коминформа об исключении партии Тито оставляло надежду на то, что Югославия может вернуться в ряды организации, когда в ней сменится власть4, однако конфликт продолжал усугубляться. В самый разгар идеологической перебранки сторонники Сталина обвинили «титоистов» в том, что они – империалистические шпионы, пытающиеся восстановить в

Югославии капитализм. По всей Европе в рядах коммунистических партий велась охота на еретиков-«титоистов»5. В верхних эшелонах коммунистической власти народных демократических республик было раскрыто несколько так называемых «националистов», «шпионов» и «правых уклонистов». В числе жертв оказался Гомулка, лидер польской коммунистической партии, который к концу 1948 г. был снят со своей должности в партийной иерархии из-за обвинений в националистическом уклонизме. Позже он был арестован и заключен в тюрьму. Более драматичная судьба ожидала нескольких руководителей чехословацкой партии, которые в 1952 г. прошли через унижение показательного судебного процесса, а затем были казнены за измену идеалам коммунизма.

Когда конфликт с Тито начал нарастать, под пристальным вниманием советского правительства оказалась политическая жизнь, политический курс и стиль руководства всех правящих коммунистических партий Восточной Европы. В 1948 г. внутренний отдел Коммунистической партии Советского Союза подготовил для Сталина ряд отчетов, в которых критиковались идеологические и политические ошибки восточноевропейских коммунистический партий. Основным мотивом была критика националистического уклонизма от коммунистической идеологии и от советской модели социализма6.

Целью кампании против Тито было не просто добиться более крепкой дисциплины и сплоченности коммунистического блока перед лицом растущей международной напряженности, а еще и абсолютизировать власть Сталина. С учетом чрезвычайно опасной и сложной международной обстановки, создавшейся в результате «холодной войны», Сталин просто не мог допустить повторения югославского восстания.

Германский вопрос

Упрочение положения советского и коммунистического лагеря в Восточной Европе было одним из элементов стратегии Сталина периода «холодной войны»; помимо этого, она характеризовалась более агрессивным отношением к германскому вопросу. Наиболее ярко это проявилось во введении в июне 1948 г. наземной блокады Западного Берлина. В ответ британцы и американцы организовали свой пресловутый воздушный мост, чтобы снабжать западную часть столицы Германии, отрезанной от поставок Советским Союзом. Несмотря на трагизм этого первого большого кризиса «холодной войны», цели, которые преследовал Сталин, были довольно банальными: заставить западные державы возобновить переговоры с Советским Союзом по вопросу будущего Германии.

Во время войны союзники договорились разделить Германию на зоны военной оккупации, в которые – по символическим и политическим причинам – входила столица, Берлин, по сути расположенная в глубине оккупационной зоны Восточной Германии, которая должна была отходить Советскому Союзу. Предполагалось, что каждая страна будет контролировать свою зону оккупации и часть Берлина, а Союзный контрольный совет – координировать осуществление на всей территории Германии принципа «четырех Д» – демилитаризации, декартелизации, денацификации и демократизации. Во время войны Сталин был активным сторонником пятого «Д» – разделения Германии, однако отказался от этой идеи из-за того, что британцы и американцы тянули с решением вопроса. Вместо этого Сталин ухватился за альтернативный вариант – идею объединенной, но мирной и демократичной Германии.

Политическая стратегия Сталина в послевоенной Германии представляла собой вариацию на тему его более общего проекта народной демократической Европы. Он надеялся, что послевоенная Германия превратится в левое демократическое и антифашистское государство, и править им будет коалиция, в состав которой будут входить союзники Сталина – коммунисты. Сталин оптимистично смотрел на перспективу реализации проекта народной демократической Германии, однако не мог гарантировать, что политическая жизнь этой Германии будущего совпадет с его ожиданиями. Вместе с тем, он мог осуществлять контроль в своей зоне Германии: советское оккупационное правительство совместно с коммунистами Восточной Германии придерживалось курса на народную демократию и надеялось

после объединения страны распространить эту модель на остальную часть ее территории7. С экономической точки зрения главной целью Сталина в отношении Германии было добиться осуществления решений Ялтинской и Потсдамской конференций. В соответствии с этими решениями Германия должна была выплатить Советскому Союзу репарации в размере 10 млрд долларов – сумму, которая была жизненно необходима России для восстановления после войны.

Политические и экономические амбиции Сталина в отношении Германии и привели к его конфликту с Великобританией и США. Они не приветствовали идею с выплатой репараций – ведь Сталин ожидал, что они будут поступать не только из восточной, но и из западной части Германии. С точки зрения Запада, репарации могли замедлить восстановление экономики Германии, которое считалось важным фактором послевоенного возрождения европейской экономики в целом. Не нравилась англичанам и американцам и перспектива образования единой Германии, которая будет находиться под влиянием просоветских коммунистических сил. Поэтому, в то время как Сталин выступал за объединение Германии (в форме и при условиях, отвечающих интересам СССР), британцы и американцы все более активно высказывались за политический и экономический раздел Германии, а также за сохранение контроля над западной зоной оккупации. Поскольку политика СССР и политика Запада по германскому вопросу расходились все больше и больше, между двумя сторонами начало формироваться недоверие. Недоверие с советской стороны наглядно проявилось в реакции Москвы на предложение Америки о подписании соглашения между Советским Союзом и западными державами о долгосрочном разоружении и демилитаризации Германии. Следовало ожидать, что эта идея понравится Сталину, ведь он неоднократно высказывал убеждение в том, что германская угроза неизбежно возникнет снова. Предложение было впервые высказано Джеймсом Ф. Бирнсом, госсекретарем США, на лондонской сессии Совета министров иностранных дел в сентябре 1945 г. Бирнс еще раз упомянул об этом предложении, когда встретился со Сталиным в декабре 1945 г. На парижской сессии Совета министров иностранных дел в апреле 1946 г. он официально выдвинул проект «Двадцатипятилетнего соглашения о разоружении и демилитаризации Германии»8. По возвращении в Москву Молотов детально обсудил так называемый план Бирнса с представителями советского министерства иностранных дел. Главным мотивом этого обсуждения, подробно воспроизведенного в советской прессе, была мысль о том, что

план Бирнса был задуман для предотвращения преждевременного окончания совместной оккупации Германии и должен был заменить собой планы по полной реализации «четырех Д»9. Вернувшись в июле на совещание Совета министров иностранных дел в Париже, Молотов сказал Бирнсу, что предлагаемое соглашение «не отвечает интересам обеспечения мира и безопасности наций» и настаивал на полном осуществлении решений Ялтинской и Потсдамской конференций по германскому вопросу10. Эта реакция привела в ярость Бирнса, который настаивал на том, что его план представляет собой честную попытку разрешить волнующий советскую сторону вопрос послевоенной безопасности. Однако Молотов оставался непреклонен и продолжал придерживаться этой же позиции в ходе последующих обсуждений плана Бирнса.

Помимо обмена мнениями по поводу плана Бирнса, в Совете министров иностранных дел не велось значительных дискуссий по германскому вопросу до московского заседания совета в марте – апреле 1947 г. На московском совещании советская сторона усиленно настаивала на заключении соглашения о создании централизованного германского правительства. О том, что эти официальные требования выражали твердое убеждение советского правительства, свидетельствуют внутренние документы, написанные в рамках подготовки к совещанию, и замечания Сталина во время продолжительной встречи с лидерами немецкой коммунистической партии в январе 1947 г. Сталин сказал им, что достичь соглашения об объединении Германии, вероятно, будет непросто, потому что британцы и американцы предпочитают видеть слабую Германию, страну, которую они смогут подавлять в экономическом плане и не допускать на мировые рынки. С другой стороны, Сталин оптимистически оценивал политические перспективы Германии. В советской зоне оккупации недавно произошло слияние коммунистической и социал-демократической партии в Социалистическую единую партию Германии. Сталин с нетерпением ожидал, когда слияние партий затронет и западную часть Германии и проводил аналогию с партией большевиков в 1917 г., чтобы показать, что партия меньшинства может очень быстро получить большую поддержку и прийти к власти11.

На московском совещании Совета министров иностранных дел в центре дискуссии находился вопрос о репарациях: участники совещания занимались интерпретацией и пересмотром соглашений Ялтинской и Потсдамской конференций по вопросу выплат Германией Советскому Союзу. Естественно, советская сторона старалась занять как можно более жесткую позицию, в то

время как западные державы были заинтересованы в том, чтобы из их оккупационных зон были прекращены репарационные поставки. Еще одним важным вопросом было создание централизованного германского правительства. Представители западных держав настаивали на том, что прежде чем говорить о политическом единстве, следовало решить различные экономические вопросы. Они также выступали за наделение германского централизованного правительства ограниченными полномочиями и за делегирование полномочий по принятию решений местным властям. Такая политика вполне соответствовала их цели: по возможности ограничить влияние коммунистов и Советского Союза на большей части Германии. 15 апреля 1947 г. Сталин встретился с Джорджем Маршаллом, сменившим Бирнса на посту госсекретаря США. Глава Советского Союза заявил, что экономическому единству Германии должно предшествовать политическое единство, и объяснил, что хочет объединения Германии, а не создания какого-нибудь федеративного государства: «Союзники не должны допустить ошибки, совершенной Наполеоном, когда он образовал в Германии несколько десятков правительств… результатом расчленения, проведенного Наполеоном, был тот факт, что идея объединения Германии попала в руки германских шовинистов и реваншистов, породила Бисмарка, франко-прусскую войну и т. д.»12

С точки зрения Запада, московская сессия Совета министров иностранных дел была очень проблемной, и недели, проведенные за обсуждением, не принесли никакого результата. Как сказал вскоре после окончания совещания один из советников Маршалла, «было бы ошибкой недооценивать масштаб и значение московской неудачи. По германскому вопросу после окончания совещания его участники были еще дальше друг от друга, чем в Потсдаме»13. С советской точки зрения обсуждение принесло некоторый прогресс. В таком ключе отзывался о совещании заместитель министра иностранных дел Вышинский на пресс-конференции 12 апреля. Выступая с заключительным словом на закрытии сессии 24 апреля, Молотов говорил о большой подготовительной работе, которая была проделана, и о том, что он с нетерпением ждет следующего раунда переговоров.

Эта же мысль была продублирована в передовой статье газеты «Правда», посвященной результатам совещания. В статье говорилось, что основным вопросом оставалось осуществление решений Ялтинской и Потсдамской конференций по германскому вопросу14.

Следующее совещание Совета министров иностранных дел

состоялось в Лондоне через полгода, в ноябре-декабре 1947 г., и на нем было продолжено обсуждение условий мирного соглашения с Германией, однако к этому времени ситуация на международной арене значительно ухудшилась. В июле Советский Союз отказался участвовать в осуществлении Плана Маршалла, а в сентябре был учрежден Коминформ и обнародована доктрина двух лагерей, прямо противопоставленная доктрине Трумэна о том, что Америка ведет кампанию в защиту свободы во всем мире. За две недели до отъезда в Лондон Молотов выступил с речью в честь 30-й годовщины Октябрьской революции. В этой речи чувствовалась неприкрытая враждебность по отношению к западным державам. Молотов обвинял Великобританию и США в том, что они пытаются окружить Советский Союз цепью военно-воздушных и морских баз. «Ясно, – говорил Молотов, – что создание военных баз в разных частях света предназначается не для целей обороны, а как подготовка к агрессии»15. В таком же тоне Молотов продолжал высказываться и на лондонской сессии Совета министров иностранных дел. Во вступительном слове он заявил, что перед послевоенными державами стоит выбор между демократическим миром и империалистическим миром16. Неудивительно, что на лондонском совещании министров иностранных дел не было достигнуто никакого консенсуса. Советские предложения по созданию в Германии централизованного правительства были встречены требованиями западных держав о том, что сначала следует согласовать экономические принципы нового режима. Это подразумевало внесение фундаментальных изменений в условия Потсдамского соглашения о репарациях, на что Москва пойти не могла. Совещание окончилось 15 декабря, и о сроках следующей встречи Совета министров иностранных дел ничего сказано не было17. Несмотря на это, Сталин продолжал надеяться на соглашение о единой Германии. Во время встречи с руководителями компартии Восточной Германии в марте 1948 г. Сталин убеждал их подготовить проект конституции Германии и содействовать широкому обсуждению его в Западной Германии. Для Сталина это был и встречный ход в ответ на попытки Великобритании и Америки подкупить население Западной Германии экономической помощью, и подготовительный шаг к объединению Германии: «Все население надо привлечь к обсуждению конституции. Это создаст психологическую основу для осуществления единства Германии»18.

В 1948 г. западные державы начали предпринимать меры, чтобы добиться разделения Германии на Восточную и Западную.

7 июня Великобритания, Франция и США подписали в Лондоне коммюнике, в котором заявляли о своем намерении создать федеральное германское государство, включающее в себя западные зоны оккупации19. Через несколько дней в западных зонах была введена новая валюта; эта инициатива грозила подорвать и без того более слабую валюту, введенную при поддержке Советского Союза в Восточной Германии. Все перечисленные события привели к тому, что в конце июня Советский Союз начал блокаду Западного Берлина. Хотя западные державы назвали это блокадой, на самом деле действия советской стороны заключались в наложении некоторых ограничений на доступ по суше в западную часть Берлина из Западной Германии. Эти санкции не касались поставок в Западный Берлин из советской зоны оккупации – они продолжали непрерывно осуществляться; доступ по воздуху также не был ограничен, в связи с чем и был установлен знаменитый воздушный мост20. Целью давления со стороны Сталина было заставить западные державы отказаться от своего лондонского коммюнике и вернуться к обсуждению в рамках Совета министров иностранных дел. Сталин достаточно откровенно высказал свои цели в двух беседах с послами Великобритании, Америки и Франции в августе 1948 г.21. В январе 1949 г. он во всеуслышание заявил о своей позиции, подтвердив в интервью с западным корреспондентом, что блокада будет снята, если Запад согласится устроить еще одно совещание Совета министров иностранных дел, посвященное германскому вопросу22.

В мае 1949 г. блокада завершилась: было принято решение в конце месяца организовать сессию Совета министров иностранных дел в Париже. На парижской встрече Советский Союз представлял Вышинский, сменивший Молотова на посту министра иностранных дел в марте 1949 г. Вышинский получил инструкции добиться возвращения к условиям Ялтинского и Потсдамского соглашений, в том числе – к четырехстороннему контролю над Германией. Кажется, советская сторона достаточно оптимистично смотрела на возможность достичь в этом успеха, однако 20 июня Совет министров иностранных дел закончил совещание, так и не придя к соглашению23. В сентябре 1949 г. официально сформировалась Федеративная Республика Германия и был созван западногерманский парламент. Сталин отреагировал на это, объявив о создании в восточной части страны Германской Демократической Республики. Для него это было непростым решением, учитывая, как сильно он поддерживал идею единой Германии. Теперь ему предстояло иметь дело с еще более сильным правительством, состоявшим из

восточногерманских руководителей коммунистической партии, и проводить нелегкие переговоры о будущем Германии не только со своими бывшими союзниками, но и с правительствами двух Германий.

В конечном итоге блокада Берлина обернулась против самого Сталина. Она позволила антисоветской западной критике представить его как агрессора и не вызвала энтузиазма среди населения Германии, которое СССР и его восточногерманские союзники пытались склонить на свою сторону, говоря, что они выступают за единую Германию. Сталин недооценил как возможности снабжения Западного Берлина по воздуху, так и решимость Запада осуществить свои планы создания западногерманского государства.

В апреле 1949 г. была создана Организация североатлантического альянса (НАТО), и антисоветское объединение западных держав, которого так опасался Сталин, приняло еще более явственные очертания. Когда в январе 1949 г. США объявили о предстоящем образовании НАТО, Москва сделала заявление, в котором говорилось о связи предлагаемого североатлантического пакта с Планом Маршалла и с англо-американскими планами установления своего владычества не только в Европе, но и во всем мире. В марте 1949 г., когда был обнародован текст договора Североатлантического альянса, советское министерство иностранных дел опубликовало еще одно заявление, в котором организация была названа альянсом стран-агрессоров, направленным против СССР и народных демократических государств. Также в заявлении говорилось, что создание НАТО противоречит условиям заключенных в военное время англо-советских и франко-советских соглашений о союзничестве, стороны которых обязывались не вступать в коалиции, направленные друг против друга. В ответ на обвинения в том, что подписанные Советским Союзом пакты о взаимной обороне с Румынией, Венгрией, Болгарией и Финляндией (все пакты были подписаны в 1949 г.) представляли не меньшую опасность для Запада, чем создание НАТО – для Востока, в заявлении говорилось, что эти соглашения прямо направлены против возрождения германской агрессии. В июле 1949 г. Советы выразили сильный протест против вступления Италии в НАТО, заявляя, что итальянцы тем самым нарушают свои обязательства по мирному договору не вступать ни в какие отношения, которые могут представлять угрозу для других участников договора (например, для СССР)24. Несмотря на все эти возражения, Москва не рассматривала НАТО как источник непосредственной военной угрозы. Как Сталин заявлял в середине 1949 г. одному из

ведущих представителей коммунистической партии Китая: «Третья мировая война маловероятна – хотя бы потому, что ни у кого нет достаточной силы, чтобы ее начать. Растут революционные силы, народ стал сильнее, чем прежде. Если бы империалисты захотели начать мировую войну, приготовления к ней заняли бы по меньшей мере двадцать лет. Если народы не захотят войны, войны не будет. Как долго будет продолжаться мир, зависит от того, какие усилия мы к этому приложим, и как будут развиваться события… Что нужно сделать, так это сохранять мир как можно дольше. Но можно ли быть уверенными в том, что на сцене не появится безумец?»25

Если не принимать в расчет безумцев, то Сталина больше всего беспокоила не перспектива войны с НАТО, а скорее политическая интеграция стран западного блока26. В начале 1950-х гг., однако, появилась гораздо более угрожающая перспектива: перевооружение Западной Германии и ее интеграция в оборонный альянс Запада. Сталин отреагировал на эту новую угрозу тем, что вновь стал призывать к разоружению Германии и предложил провести встречу Совета министров иностранных дел, чтобы обсудить условия мирного соглашения. В марте 1952 г. Москва выступила с новой крупной инициативой по германскому вопросу, направив западным державам дипломатическую ноту с указанием основных принципов, на которых должно основываться мирное соглашение с Германией. Этот документ, который нередко называют «сталинской нотой», был на самом деле выпущен от имени советского правительства, и главным автором его был не кто иной, как Молотов, который в тесном сотрудничестве с Вышинским подготовил проект документа для подписания Сталиным. Наиболее важной формулировкой в советской ноте было то, что обсуждать мирный договор с Германией можно только с представителями общегерманского правительства, «выражающего волю немецкого народа». Эта формулировка открывала возможность для дискуссий по поводу проведения общегерманских выборов – а именно это было основным требованием западной стороны в том, что касалось решения германского вопроса. Однако дальше в советской ноте пояснялось, что результатом переговоров с общегерманским правительством (каким бы ни был его политический состав) должна стать «демократическая и миролюбивая Германия», а это означало гарантии нейтралитета Германии и ее неучастия в военных объединениях27. Хотя Москва надеялась, что коммунисты и их союзники проявят достаточную активность на общегерманских выборах, не было сомнений в том, что победителями в такой гонке станут прозападные политики.

Следовательно, получалось, что Советы готовы отказаться от своей власти в Восточной Германии при условии, что Германия останется нейтральной, не присоединится к одному из блоков и не будет представлять угрозы в обозримом будущем. Действительно ли у Сталина были серьезные намерения или это была всего лишь пропагандистская уловка, направленная на то, чтобы убедить легковерных немцев, что он искренне хочет объединения Германии? Этот вопрос многие задавали себе уже в то время, а историки спорят о нем до сих пор. Некоторые из них утверждают, что советскую ноту марта 1952 г. следует воспринимать буквально – как выражение Сталиным готовности принять воссоединение Германии, но при приемлемых условиях. Другие историки обращают внимание на данные из советских архивов, говорящие о том, что для Москвы эта нота была не проявлением инициативы, а всего лишь пропагандой28.

Один из самых важных аргументов в этом споре – запись встреч Сталина с делегацией из ГДР в апреле 1952 г. Эти встречи состоялись сразу после того, как Запад отверг советскую ноту 25 марта и выдвинул встречное предложение: провести общегерманские выборы, а после них – переговоры о мирном соглашении с демократически избранным правительством Германии. Предполагалось, что такое правительство будет самостоятельно принимать решения по внешнеполитическому курсу страны – в том числе и по вступлению Германии в НАТО. Очевидно, что это предложение было неприемлемо для Москвы, поскольку главной целью советской политики было предотвратить перевооружение Германии и ее вступление в НАТО.

Если мартовская нота и была уловкой пропаганды, то руководители ГДР были не посвящены в этот замысел. На первой же встрече со Сталиным 1 апреля они поинтересовались, каковы перспективы мирного соглашения, когда будет проходить встреча Совета министров иностранных дел и как они должны готовиться к общегерманским выборам. Сталин не давал прямых ответов, однако на следующий день «Правда» опубликовала интервью, в котором он говорил, что настоящий момент очень удобен для объединения Германии29.

7 апреля Сталин снова встретился с представителями ГДР и ответил на их вопрос о перспективах по Германии. Он сказал: «Какие бы предложения мы ни вносили по германскому вопросу, западные державы не согласятся с ними и все равно не уйдут из Западной Германии. Думать, что выйдет компромисс, или что американцы примут проект мирного договора, значило бы ошибаться. Американцам нужна армия в Западной Германии,

чтобы держать в руках Западную Европу. Они говорят, что имеют там армию против нас. На самом деле назначение их армий состоит в том, чтобы держать в руках Западную Европу. Американцы вовлекут Западную Германию в Атлантический пакт. Они создадут западногерманские войска… в Западной Германии образуется самостоятельное государство. И вы должны организовать свое собственное государство. Демаркационную линию между Западной и Восточной Германией нужно рассматривать как границу, – и как не простую границу, а как опасную границу. Нужно усилить охрану этой границы. На первой линии охраны будут стоять немцы, а на вторую линию охраны мы поставим русские войска».

Учитывая это свидетельство, вполне логично сделать вывод, что Сталин был вполне искренен, когда предлагал в мартовской ноте объединение Германии, однако вероятность успеха этого предприятия он оценивал невысоко, и его расчеты были подтверждены быстрым отказом западных держав от сделанного им предложения. Впрочем, это не означало, что кампания Советского Союза за объединение Германии была закончена. 7 апреля, когда встреча подходила к концу и немцы спросили Сталина, следует ли им изменить свою позицию по вопросу объединения Германии, Сталин ответил отрицательно: «Надо продолжать пропаганду единства Германии все время. Это имеет большое значение для воспитания народа в Западной Германии. Сейчас это оружие у вас в руках, его надо всё время держать в своих руках. Мы тоже будем продолжать делать предложения по вопросам единства Германии, чтобы разоблачать американцев»30.

9 апреля Москва выпустила еще одну ноту, в которой говорилось, что общегерманские выборы должны быть проведены в ближайшем будущем при соответствующих условиях31. За этой нотой последовал дальнейший обмен мнениями с западными державами, причем точкой преткновения стало требование Советского Союза о том, что проведению общегерманских выборов непременно должно предшествовать достижение соглашения о нейтралитете Германии в «холодной войне». Сталин, возможно, был готов отказаться от контроля над Восточной Германией, но он был намерен назначить за это высокую цену, сделав все возможное, чтобы укрепить позиции Советского Союза в объединенной Германии. В сентябре 1952 г. он пожаловался премьер-министру коммунистического Китая, Чжоу Эньлаю, что «видимо, американцы не пойдут на объединение Германии. Они грабили Германию; если западные и восточные немцы объединятся, то Германию грабить будет уже нельзя. Поэтому американцы не хотят объединения Германии»32.

Сложно сказать, что произошло бы, если бы Запад отреагировал положительно на последнюю инициативу Сталина по германскому вопросу. Возможно, это привело бы к объединению Германии уже в 1950-е гг. и к значительному ослаблению напряженности в Европе, охваченной «холодной войной». С другой стороны, это могло привести и к большей неуверенности и нестабильности, так как не было гарантий, что Германия осталась бы нейтральной или разоруженной в течение длительного времени. Как неоднократно указывали советской стороне в 1950-е гг. западные политики и дипломаты, для Москвы были свои преимущества во вступлении Западной Германии в западный блок. Тем не менее, этот оптимистический взгляд не разделяли ни Сталин, ни последующие руководители Советского Союза, чье отношение к германскому вопросу предопределялось их опытом Великой Отечественной войны и постоянным страхом перед возрождением мощной агрессивной Германии.

Кампания Сталина за мир

Даже в самый разгар «холодной войны» идея возрождения «большого альянса» с целью сдерживания Германии привлекала Москву, и в том числе Сталина, который очень не хотел отказываться от концепции послевоенного сотрудничества с Западом. В январе 1949 г. Сталин дал положительный ответ на вопрос американского журналиста, готов ли он встретиться с Трумэном, чтобы обсудить «мирный договор» – советско-американское соглашение о ненападении33. Через несколько месяцев на совещании ООН Вышинский выступил с предложением о том, чтобы пять крупных держав – Великобритания, Китай, Франция, Советский Союз и Соединенные Штаты – подписали пакт об укреплении мира34. Впечатление от предложения Вышинского было немного испорчено тем, что одновременно он потребовал, чтобы ООН осудила Великобританию и Соединенные Штаты за разжигание войны. Однако предложение подписать пакт о ненападении было лишь одной из целого ряда подобных инициатив Советского Союза в ООН в первые годы после войны. В 1946 г. СССР предложил запретить все виды ядерного оружия, а в 1947 г. выступил инициатором резолюции ООН о запрете военной пропаганды. В 1948 г. Советский Союз призвал сократить на треть вооруженные силы общего назначения пяти великих держав35. На XIX съезде партии в октябре 1952 г. Маленков свел воедино все эти нити: в своем выступлении он говорил о необходимости «запрещения пропаганды войны… запрещения атомного и бактериологического оружия, последовательного сокращения вооруженных сил великих держав, заключения Пакта Мира между державами, расширения торговли между странами, восстановления единого международного рынка и других аналогичных мероприятий в духе укрепления мира»36.

Все эти разнообразные мирные предложения Советского Союза были сделаны на фоне масштабной кампании за мир в западных странах, инициатором которой выступали коммунисты. Для Советского Союза и коммунистов вообще вопрос мира стоял остро еще с первых лет после войны, когда Москва впервые выразила обеспокоенность влиянием Черчилля и других западных «милитаристов». Но более четкую форму кампания приобрела в конце 1940-х – начале 1950-х гг., когда прошел ряд всемирных конгрессов сторонников мира, среди участников которых было несколько выдающихся западных деятелей культуры. Кульминацией движения за мир стало Стокгольмское воззвание –

подписанная в столице Швеции в марте 1950 г. петиция о наложении запрета на использование ядерного оружия. В поддержку петиции было собрано около 560 млн подписей. Большинство подписавшихся были из стран советского блока, в том числе – из коммунистического Китая, однако многие миллионы подписей были собраны также в Западной Европе и Северной Америке.

Насколько серьезно относился Сталин к этим «мирным предложениям»? Действительно ли он верил, что можно восстановить некое подобие «большого альянса», или это были всего лишь пропагандистские игры? В своем исследовании советской внешней политики в последние годы правления Сталина37 Маршалл Шульман утверждает, что, как и в случае с другими подобными кампаниями коммунистов, цели были многоаспектными: они имели отношение к политике с позиции силы, к пропаганде и идеологии. С точки зрения политики с позиции силы целью кампании за мир было оказать на западные страны политическое давление, которое заставило бы их отказаться от планов по образованию возглавляемого США антисоветского блока. Особенный акцент делался на политическом влиянии, которое Москва имела во Франции и Италии, где была высока численность коммунистических партий. В Великобритании компартия была немногочисленной, но имела определенное влияние на рабочее движение. Даже в США политическая ситуация была не безнадежна. В мае 1948 г. Сталин обменялся открытыми письмами с Генри Уоллесом, который в годы правления Рузвельта, с 1940 по 1945 г., был вице-президентом и противником Трумэна на президентских выборах от Прогрессивной партии. Сталин назвал хорошей основой для дискуссии предложения Уоллеса по преодолению затруднений в советско-американских отношениях и заявил, что расхождения в экономике и идеологии не исключают возможности мирного разрешения споров между двумя странами38.

С точки зрения пропаганды главной темой советской кампании за мир было формирование образа СССР как миролюбивого государства. Продвижение этого образа началось еще в 1920-е гг., когда руководство СССР впервые начало говорить о возможности мирного сосуществования с капиталистическими странами. Здесь не обходилось без элементов манипуляции и цинизма, но с другой стороны не было и причин полагать, будто Сталин и руководство СССР не верили в утверждения собственной пропаганды о том, что политика СССР в первую очередь направлена на поддержание мира. Позиционирование Советского Союза как миролюбивого

государства подкреплялось идеологическим обоснованием кампании за мир. Чертой советской идеологии было твердое убеждение, что экономические противоречия и соперничество классов, характерные для капитализма и империализма, неизбежно ведут к войне39. Сталин сам высказывался на эту тему в своей последней крупной теоретической работе «Экономические проблемы социализма в СССР», опубликованной в 1952 г. В разделе этой брошюры, озаглавленном «Вопрос о неизбежности войн между капиталистическими странами», Сталин в очередной раз выразил традиционную для советской идеологии доктрину о том, что войны в капиталистическом мире неизбежны. Он указывал на то, что после войны Америка заняла доминирующее экономическое положение в капиталистическом мире, но одновременно выражал уверенность, что в конечном итоге конкуренцию США составят Великобритания и Франция, а также восстановившие свою мощь Германия и Япония. Что касается отношений между коммунизмом и капитализмом, Сталин отрицал, что противоречия между СССР и капиталистическим миром непременно сильнее и острее, чем противоречия между самими капиталистическими странами. Опять же, он опирался на традиционное для советской идеологии положение о том, что капиталисты (по крайней мере, их более образованная часть) считают войну с СССР более опасной, поскольку поражение в такой войне поставило бы под угрозу само существование капитализма. Роль движения за мир в этой версии развития событий сводится к тому, чтобы организовать широкую кампанию по сохранению мира за счет предотвращения конкретных военных конфликтов. Оно не может добиться полного прекращения войн, пока существуют капитализм и империализм, однако может предотвратить конкретные войны в конкретных обстоятельствах и временно сохранить мир, писал Сталин40.

Целей, которые Сталин преследовал в этих сложных рассуждениях, было четыре: подтвердить традиционное для советской идеологии положение о неизбежности войн между капиталистическими странами; поощрить политический активизм, вдохновлявший движение за мир; поставить под сомнение долговечность гегемонии США в капиталистическом мире и опровергнуть тот факт, что война между коммунизмом и капитализмом неизбежна, невзирая на значительные противоречия периода «холодной войны». Сталин всерьез воспринимал борьбу за мир; с его точки зрения, она была необходима для того, чтобы смягчить воинственный настрой капиталистических стран и, в первую очередь, чтобы защитить СССР от нападок экстремистских антикоммунистических

элементов западного лагеря, которые могли попытаться разрешить внутренние противоречия империализма за счет Советского Союза. Это не означает, однако, что Сталин надеялся, что движение за мир обезопасит Советский Союз. Для этого у него были более традиционные методы.

Военная машина Сталина

Когда «холодная война» начала набирать обороты, Сталин отдал приказ о прекращении демобилизации советских вооруженных сил. К концу 1940-х гг. численность вооруженных сил стабилизировалась, составив чуть меньше 3 млн человек (по сравнению с 11 миллионами в 1945 г.), организованных в 175 дивизий (по сравнению с 500 во время Великой Отечественной войны). Впрочем, в период с 1948 по 1955 г. численность советских войск удвоилась; к ним нужно прибавить увеличившиеся войска народных демократических республик, численность которых к 1953 г. превысила миллион человек. В одной только Польше вооруженные силы насчитывали 400 000 человек. Их командующим был поляк по рождению, маршал К.К. Рокоссовский, который в октябре 1949 г. был назначен министром обороны Польши. Была увеличена и численность советских войск в ГДР; зрели планы создания Восточногерманской армии. В январе 1951 г. Сталин созвал в Москве тайное совещание советско-восточноевропейского блока, чтобы обсудить меры по противодействию растущей угрозе, связанной с НАТО и перевооружением Германии. Расходы СССР на оборону были увеличены на 20 %, а в пятилетнем плане на 1951–1955 гг. было заложено увеличение выпуска оборонной промышленности в 2,5 раза. В начале 1951 г. Совет министров учредил новое бюро по надзору за военно-промышленным комплексом. Его возглавил новый протеже Сталина, маршал Николай Булганин. Двумя годами позже были подготовлены амбициозные планы значительного увеличения численности и мощности советских военно-воздушных сил и флота41.

Эти шаги не имели своей целью подготовку к войне в краткосрочной или даже среднесрочной перспективе. Скорее это была мера предосторожности – реакция на долгосрочную угрозу со стороны западного блока (особенно в форме перевооружения Германии) и возможность противостоять любым попыткам Соединенных Штатов использовать свою военную мощь как средство достижения политических уступок и дипломатического преимущества.

Задачей первостепенной важности для советской оборонной промышленности было осуществление программы по разработке атомной бомбы. Программа была основана Сталиным в августе 1945 г., а руководил ее осуществлением Лаврентий Берия, министр внутренних дел. Первые испытания советской атомной бомбы были проведены 29 августа 1949 г., и при жизни Сталина,

в 1951 г., прошло еще два испытания. К тому времени, когда Сталин скончался в 1953 г., в распоряжении Советского Союза было от 50 до 100 бомб (по сравнению с почти тысячей бомб, имевшихся у Соединенных Штатов). После смерти Сталина в СССР был проведен еще целый ряд ядерных испытаний, было произведено несколько тысяч атомных бомб, и Москва никогда не стеснялась открыто козырять технологическими достижениями СССР в этой сфере. Интересно отметить, что о первом испытании советские власти умолчали – для всего мира это стало полной неожиданностью, а для СССР, очевидно, поводом для торжества. Запад ожидал, что разработка атомной бомбы займет у Советов много лет – несмотря на то, что им удалось завладеть секретной информацией о разработках западных стран в этой сфере. Собственно, новость о том, что СССР провел ядерные испытания, поведал всему миру Трумэн 23 сентября. На следующий день советское новостное агентство ТАСС сделало заявление о том, что в СССР имеется атомное оружие еще с 1947 г. и что недавний взрыв был связан с «крупномасштабными подрывными работами», необходимыми для строительства объектов инфраструктуры – шахт, каналов, дорог и гидроэлектростанций42. Возможно, такая осторожность была проявлением одержимости советского правительства секретностью, а может, специально рассчитана на то, чтобы не провоцировать американцев. Кроме того, логически это заявление было связано с последовавшим вскоре обращением Вышинского к ООН по поводу предложений Советского Союза о разоружении, запрете на ядерное оружие и контроле атомной энергетики. В самом деле, в своем выступлении 23 ноября 1949 г. в ООН Вышинский заявил, что, в отличие от агрессивных ядерных испытаний США, испытания, проведенные СССР, носили мирный характер, поскольку они использовались для того, чтобы сровнять горы и передвинуть русла рек. Это заявление некий скептически настроенный американский автор описал как «одно из самых абсурдных высказываний, когда-либо предложенных вниманию международной организации»43.

Так какое же место занимало атомное оружие в сталинском видении военного и политического устройства послевоенного мира? Сложность, как отмечает Дэвид Холловей, состоит в том, что «Сталин мало говорил о ядерном оружии с 1946 по 1953 г., а если что-то и говорил, то с целью произвести определенное впечатление»44. Впечатление, которое Сталин хотел произвести, заключалось в том, что ядерное оружие не имело такого значения, как представляли себе некоторые. Преуменьшать значение ядерного оружия Сталин начал в ноябре 1945 г., когда сказал Гомулке, что «не атомные бомбы, а войска решают исход

войны», и продолжал высказываться в этом же духе до конца своих дней. Так, в июле 1952 г. он говорил лидеру итальянской социалистической партии, Пьетро Ненни, что у США достаточно технологической мощи, чтобы вести третью мировую войну, но недостаточно человеческого капитала. «Америке недостаточно уничтожить Москву, так же как и нам недостаточно уничтожить Нью-Йорк. Нам нужно, чтобы наши войска заняли Москву и заняли Нью-Йорк»45.

Судя по всему, Сталин говорил то, что думал, и нарисованная им перспектива была вполне реальна. До создания водородной бомбы в начале 1950-х гг. у Соединенных Штатов не было оружия достаточной мощности, чтобы уничтожить Советский Союз. В лучшем случае американцы смогли бы нанести такой же ущерб, как немцы, когда они вторглись в Советский Союз в 1941 г. Это означало, что у Советского Союза оставалась возможность организовать крупное контрнаступление: атомное оружие 1940-х гг. можно было использовать для ударов по городам, но невозможно было достаточно эффективно использовать для поражения рассредоточенных войск. С другой стороны, то, что Сталин не считал атомное оружие достаточным для победы, не означало, что он недооценивал возможности обладания таким оружием. На него произвели должное впечатление произведенные союзными войсками во время Второй мировой войны бомбардировки Германии и Японии, и он понимал, насколько более мощными могут быть в будущем подобные бомбардировки при использовании ядерного оружия. В своей оборонной программе послевоенного времени Сталин отдавал приоритетное значение советским военно-воздушным силам. В июле 1948 г. военно-воздушные силы получили статус отдельной службы, наравне с армией и флотом, и Сталин требовал повышения воздушной обороноспособности, разработки стратегических бомбардировщиков и создания ракетных войск. Согласно одному из источников, на встрече с высшими армейскими чинами и учеными-ракетостроителями в апреле 1947 г. Сталин сказал: «Представляете ли вы стратегическую важность машин такого типа? Они могли бы стать эффективной смирительной рубашкой для этого шумливого лавочника Гарри Трумэна. Мы должны продолжать, товарищи. Проблема создания трансатлантических ракет является крайне важной для нас»46. Возможно, это всего лишь одна из сомнительных историй, специально придуманных для такого случая, однако представить, что Сталин действительно сказал такое, совсем не сложно.

Дэвид Холловей, автор ставшей классической работы «Сталин и бомба», следующим образом обобщает сложившуюся ситуацию:

«Атомная бомба занимала центральное место в послевоенной политике. Сталин уделял приоритетное внимание противоядерной обороне и разработке средств доставки для советского ядерного оружия. Тем не менее, он не считал бомбу оружием, имеющим решающее значение… он рассматривал ее как стратегическое оружие, которое должно использоваться против целей в тылу, и не считал ее эффективным противовесом наземным силам или морскому флоту… Сталин не думал, что создание атомной бомбы произвело революционный переворот в военном деле. Военная стратегия Советского Союза во многом определялась опытом войны с Германией. Радикальных изменений в советской концепции войны не произошло»47.

То, что Сталин столь рационально относился к пользе обладания ядерным оружием, означало две вещи. Во-первых, он делал все, чтобы монополия американцев на обладание бомбой не повлияла на его внешнюю политику и дипломатию. Угроза атомной бомбардировки не сказалась на том, как он повел себя в условиях иранского и турецкого кризисов 1946 г., не удержала его от объявления «холодной войны» в 1947 г. и от действий, повлекших за собой берлинский кризис в 1948 г.

Во-вторых, все предложения Советского Союза по отмене ядерного оружия были не просто пропагандой. Сталин был вполне готов серьезно обсуждать вопрос контроля и ограничения ядерного оружия даже тогда, когда у СССР уже была собственная бомба. Для Сталина бомба была очень важным дополнением к его военному арсеналу, но не была решающим фактором в определении послевоенной оборонной стратегии Советского Союза. Ключевое место в этой стратегии отводилась способности страны выдержать атаку НАТО, а затем начать контрнаступление в форме вторжения сухопутных войск в Западную Европу.

Война в Корее

В Европе главной целью Сталина было сохранить мир и добиться решения германского вопроса. В военном соперничестве с Соединенными Штатами его политика была довольно сдержанной. Хотя время от времени Сталин и угрожал применением военной силы, он не переставал говорить о необходимости мирного сосуществования с капитализмом. Единственным исключением из этой сдержанной политики была корейская война 1950–1953 гг.

Война началась в июне 1950 г. с вторжения Северной Кореи в Южную Корею. К концу лета большая часть страны была в руках коммунистов. Правда, южнокорейским войскам удалось удержать юго-восточную часть страны в районе порта Пусан. Это дало Соединенным Штатам возможность вступить в войну на их стороне и начать ряд контрнаступлений, что позволило задержать, а затем обратить вспять продвижение северокорейских войск. В сентябре под командованием генерала Дугласа Макартура была проведена десантная операция у порта Инчхон, что позволило обойти северокорейские войска с фланга и вернуть столицу Южной Кореи Сеул. Когда войска Макартура продвинулись на север за 38-ю параллель, по которой проходила граница между двумя странами, наступил черед северокорейской армии отступать. К ноябрю Макартур уже подошел к корейско-китайской границе, и только вмешательство огромного количества китайских коммунистов-«добровольцев» спасло Северную Корею от окончательного поражения. К июлю 1951 г. стороны военного противостояния остановились на 38-й параллели и начались мирные переговоры. Через два года было подписано перемирие и боевые действия завершились, несмотря на то, что официально обе страны еще несколько десятилетий оставались в состоянии войны.

Истоки корейского конфликта лежали в послевоенном разделе страны48. До 1945 г. Корея была японской колонией. Когда Япония капитулировала в августе 1945 г., СССР и США поделили страну по 38-й параллели. Как и в случае с Германией, изначально планировалось провести выборы и вновь объединить страну, но когда советские и американские войска в 1948–1949 гг. были выведены из Кореи, они оставили за собой два правительства и два государства: авторитарный коммунистический режим, возглавляемый Ким Ир Сеном, на севере страны и авторитарный капиталистический режим, который возглавлял Ли Сын Ман, на юге. Каждый из двух лидеров

хотел объединить страну под своим началом и был готов использовать для этого военную силу. Каждая сторона угрожала другой вторжением, и на границе регулярно происходили незначительные вооруженные столкновения. В конечном итоге первым удар нанес Ким Ир Сен, предварительно убедив Сталина поддержать его вторжение.

Для Сталина война в Корее стала дорогой ошибкой: единственным ее плюсом было то, что в результате при поддержке Китая был сохранен режим Ким Ир Сена. Когда началась война, советское правительство как раз бойкотировало решение ООН об исключении из организации коммунистического Китая. Это стало основанием для американцев провести резолюцию, которая давала им право на вторжение в Корею под флагом ООН. В результате рядом с американцами и северокорейцами в Корее сражались солдаты целого ряда других стран. На Западе считали, что разжигателем войны был Сталин, а вторжение северокорейской армии является частью программы советской экспансии на Дальнем Востоке. В результате войны было подорвано доверие к движению за мир, осложнилось достижение целей Советского Союза в Европе, а в Соединенных Штатах и странах-союзниках была начата реализация крупных программ перевооружения. Сама война принесла Сталину только излишние затраты и беспокойство. Можно было бы преподнести ее как решительный отпор посягательствам империалистов на социалистическую зону влияния, но это заявление не вызвало энтузиазма даже в коммунистических странах. Помимо всего прочего, война в Корее практически полностью подорвала доверие в отношениях Востока и Запада.

Чтобы понять причины поражения Сталина в Корее, необходимо посмотреть на ситуацию со стратегической и идеологической точек зрения. Стратегически объединенная коммунистическая Корея была нужна Сталину как аванпост обороны против возрождающейся угрозы со стороны Японии. Сталин считал, что Япония, как и Германия, восстановив силы, вновь начнет агрессию. Подписанный в августе 1945 г. советско-китайский договор о дружбе и союзе был направлен против возрождения японской агрессии. Когда представитель СССР в Союзной контрольной комиссии для Японии был отправлен в Токио, его главной целью было добиться разоружения страны и уничтожения ее военно-промышленного потенциала49. Когда в 1950 г. с новым коммунистическим правительством Китая был заключен новый китайско-советский договор, он также был направлен против возрождения японского империализма50.

Опасения Сталина в отношении Японии подкреплялись

неудачным ходом советско-японских переговоров о подготовке мирного соглашения для этой страны. В июне 1946 г. американцы предложили договор о демилитаризации и демократизации Японии – фактически, тот же план Бирнса, только для Дальнего Востока. Как и аналогичный план, предложенный для Германии, этот проект был отвергнут советским правительством на том основании, что он не давал долгосрочных гарантий, что Япония не проявит агрессию. Со своей стороны США все чаще действовали в обход СКК и работали над тем, чтобы подписать сепаратный мирный договор с Японией. В январе 1950 г. Дин Ачесон, госсекретарь Америки, заявил о том, что Япония должна стать бастионом антикоммунизма на Дальнем Востоке51. События развивались почти так же, как и во время решения германского вопроса. В этих условиях вхождение всей Кореи в советский блок было очень желательным, особенно с учетом того, что проведенная Ачесон стратегическая граница включала в западный блок Японию, но исключала Корею.

С точки зрения идеологии Сталин рассматривал события в Корее как часть экспансии коммунизма после Второй мировой войны. Победа коммунистов в гражданской войне в Китае в 1949 г. особенно сильно повлияла на идеологическое восприятие Сталиным ситуации в Корее. Поначалу он скептически относился к перспективам борьбы маоистов с националистами Чан Кайши и некоторое время после Второй мировой войны продолжал выступать за создание в Китае национального прогрессивного правительства. Однако под влиянием двух факторов – военных успехов коммунистов и того, что националистически настроенный Китай принял в «холодной войне» сторону США, – Сталин изменил мнение и начал более активно поддерживать Мао. В июне 1947 г. он пригласил Мао в Москву для переговоров. Мао не смог приехать – якобы в связи с быстро меняющейся военной ситуацией в Китае (это заявление могло показаться знакомым Сталину, который и сам не раз говорил то же самое Черчиллю и Рузвельту, когда был не расположен встречаться с ними). Тем не менее, между двумя главами государств завязалась продолжительная переписка, и в январе 1949 г. Сталин направил в Китай для более детальных переговоров с Мао и коммунистическим руководством члена Политбюро Анастаса Микояна52. Мао все же приехал в Москву в декабре 1949 г. – через два месяца после того, как в Пекине была провозглашена Китайская народная республика, – чтобы обсудить условия нового советско-китайского соглашения о союзе. На первой встрече 16 декабря Сталин сказал Мао, что с военной точки зрения Китаю ничто не угрожает: «Япония еще не встала на ноги и поэтому к

войне не готова; Америка, хотя и кричит о войне, но больше всего войны боится; в Европе запуганы войной; в сущности, с Китаем некому воевать. Разве что Ким Ир Сен пойдет на Китай!»53 Также Сталин посоветовал Мао избегать ненужных конфликтов с Великобританией и США и постараться укрепить положение коммунистической партии в Китае.

Несмотря на осторожность, сквозившую в данных Мао советах, Сталин сделал из событий в Китае два значимых вывода. Во-первых, как он сказал еще одному представителю китайской компартии, приехавшему с визитом летом 1949 г., «центр революции… сместился в Китай и Восточную Азию»54. Во-вторых, Соединенные Штаты либо не хотели, либо не могли вмешаться, чтобы остановить дальнейшее распространение коммунизма. Тем не менее, как указывает Кэтрин Везерсби, Сталин не хотел провоцировать вооруженный конфликт в Корее, а когда война все же началась, отказывался от любых действий, способных привести к серьезной конфронтации с США55.

Ким Ир Сен начал требовать от Сталина разрешения атаковать Южную Корею в марте 1949 г. Он пытался убедить главу СССР, что вторжение будет с энтузиазмом воспринято населением Южной Кореи и его поддержат коммунистические партизанские отряды, которые уже ведут там боевые действия. Сталин ответил ему: «Вы не должны наступать на юг. Прежде всего, у Корейской народной армии нет превосходства войск… Во-вторых, на юге еще остались американские войска… В-третьих, не нужно забывать, что еще действует соглашение о 38-й параллели между СССР и США. Если соглашение будет нарушено с нашей стороны, более чем вероятно, что американцы вмешаются… Если у противника существуют агрессивные намерения, то рано или поздно он начнет агрессию. В ответ на нападение у вас будет хорошая возможность перейти в контрнаступление. Тогда ваш шаг будет понят и поддержан всеми».

В июне 1949 г. из Кореи были выведены остатки американских войск, а в сентябре Ким Ир Сен выступил с предложением начать ограниченное наступление на Южную Корею, чтобы Северная Корея могла занять более выгодные оборонительные позиции на границе. Сталин тщательно обдумал это предложение, но в итоге отверг его на том основании, что ограничить такое наступление одним участком границы будет сложно, и результатом его может стать серьезное осложнение международной обстановки. Тем не менее, в январе 1950 г. Сталин начал склоняться к мнению, что такое наступление осуществимо, а в марте, когда он встретился с Кимом, уже был

готов дать разрешение на вторжение, если эту идею одобрит китайская сторона. Изменение решения он объяснил двумя соображениями: во-первых, победа коммунистов в Китае означала, что Мао может при необходимости помогать корейцам. Во-вторых, подписание советско-китайского договора о союзе означало, что американцы теперь будут менее склонны вмешиваться в их отношения. В любом случае, в США большинство выступало против вторжения, и еще одним аргументом против было то, что у СССР теперь была атомная бомба. И все же Сталин дал ясно понять Ким Ир Сену, что ему «не стоит рассчитывать на прямое участие СССР в войне, поскольку у СССР есть другие серьезные задачи, особенно на Западе… СССР не готов ввязываться в корейские дела напрямую, особенно если американцы все же решат послать войска в Корею».

После встречи со Сталиным в мае Ким приехал в Пекин, чтобы получить от Мао одобрение своих планов. Следует отметить, что на этом этапе Ким по-прежнему планировал наступательную операцию местного масштаба, которая в дальнейшем должна была развиться в более крупное наступление. Вскоре, однако, планы поменялись и, с одобрения Сталина, Северная Корея начала массированное наступление через 38-ю параллель. После начала войны Сталин очень хотел «освободить» Южную Корею до того, как американцы вмешаются в события. Его опасения оказались не напрасными – в сентябре американцы начали успешное контрнаступление. В октябре Сталин обратился к Мао с просьбой направить в Корею войска, чтобы помочь Ким Ир Сену. Сначала Мао дал отказ, на что Сталин ответил длинным письмом, в котором постарался убедить Мао в необходимости вмешательства Китая. Сталин отмечал, что китайские товарищи неоднократно обещали при необходимости вмешаться и что он совершенно отвергает мысль о том, что такие действия спровоцируют более серьезный конфликт с Соединенными Штатами. Американцы, писал он Мао, «не готовы в настоящее время к большой войне». Сталин соглашался с тем, что США могут быть втянуты в большую войну из-за престижа, но утверждал, что Советский Союз и Китай не должны бояться этого, потому что вместе они будут «сильнее, чем США и Англия, а другие капиталистические европейские государства без Германии, которая не может сейчас оказать США какой-либо помощи, не представляют серьезной военной силы. Если война неизбежна, то пусть она будет теперь, а не через несколько лет, когда японский милитаризм будет восстановлен как союзник США и когда у США и Японии будет готовый плацдарм на континенте в виде лисынмановской Кореи». Это утверждение

было не просто бравадой – когда китайцы не отреагировали на письмо, Сталин приказал Ким Ир Сену готовиться к эвакуации. Китайцы все же вмешались в конфликт и начали контрнаступление, в результате которого войска Макартура были отброшены за 38-ю параллель. Пока оставалась возможность получить военное преимущество, Сталин выступал за продолжение военных действий, однако к середине 1951-х гг. он смирился с необходимостью начать мирные переговоры56.

В августе 1952 г. Чжоу Эньлай приехал в Москву, чтобы встретиться со Сталиным. В беседе с премьер-министром Китая Сталин старался преподносить войну с положительной стороны. «Эта война портит кровь американцам… Война в Корее показала слабость американцев. Войска 24 стран не могут долго поддерживать войну в Корее, так как они не добились своих целей и не могут рассчитывать на успех в этом деле». Для Сталина было очень характерно говорить такие высокопарные слова перед лицом поражения. Дальше он высказывался в том же духе: «Американцы вообще не способны вести большую войну, особенно после корейской войны. Вся их сила в налетах, атомной бомбе… Америка не может победить маленькую Корею. Нужна твердость в отношениях с американцами. США уже два года не могут справиться с маленькой Кореей… Они хотят покорить весь мир, а не могут справиться с маленькой Кореей. Нет, американцы не умеют воевать. Особенно после корейской войны потеряли способность вести большую войну. Они надеются на атомную бомбу, авиационные налеты. Но этим войну не выиграть. Нужна пехота, но пехоты у них мало и она слаба. С маленькой Кореей воюют, а в США уже плачут. Что же будет, если они начнут большую войну? Тогда, пожалуй, все будут плакать»57.

Возможно, Сталин и верил в то, что говорил, но не нужно было быть провидцем, чтобы понять, что американцы – не единственные, кто не способен победить в корейской войне. Хотя Сталин и отрицал значимость обладания атомным оружием, превосходство Америки в этом отношении, по-видимому, заставляло его с осторожностью подходить к вопросу непосредственного вмешательства в военный конфликт. С другой стороны, престиж Америки возрос из-за того, что США возглавили международные войска ООН в Корее. Именно на Советский Союз, Китай и Северную Корею со стороны международной общественности оказывалось давление: от них требовали прекратить военную авантюру и заключить компромиссное мирное соглашение. Когда война закончилась в 1953 г. и число жертв уже достигло порядка 10 млн, северокорейские войска оставались все там же, где они были в начале конфликта,

независимость Южной Кореи обеспечивало присутствие многочисленных американских войск, а Япония стала оплотом стратегического положения США в Восточной Азии. Разногласия Сталина с Китаем по ходу войны стали основанием для неприязни, которая в конце 1950-х гг. привела к разрыву советско-китайских отношений58. Последняя война Сталина стала одним из его самых унизительных поражений.

Последние дни

Сталин умер в марте 1953 г. в возрасте 73 лет. Вокруг его смерти было много теорий заговора, однако простая истина заключается в том, что 2 марта у него произошло кровоизлияние в мозг, от которого он и скончался через три дня59. До последних дней жизни он продолжал активно работать и полностью контролировать ситуацию. В дневнике посещений его кабинета на последние три месяца жизни приходится очень много записей. В декабре 1952 г. он последний раз выступил с официальным заявлением, ответив на вопросы американского корреспондента о его отношении к новому американскому правительству во главе с Эйзенхауэром. Сталин сообщил журналисту, что война между Советским Союзом и Соединенными Штатами совсем не неизбежна и что две страны могут жить в мире. Он высказался против «холодной войны» и положительно отозвался о возможности дипломатических переговоров с Эйзенхауэром – в том числе по вопросу окончания войны в Корее60.

Одним из последних иностранцев, видевших Сталина живым, был К.П.С. Меннон, посол Индии, которого Сталин пригласил в Кремль 17 февраля 1953 г. Встреча продолжалась всего полчаса, но произвела на посла огромное впечатление. На следующий день он сделал в своем дневнике длинную запись, в которой рассуждал о значении своей встречи с этим великим человеком. Он вспоминал, что говорили о Сталине другие. Джозеф Э. Дэвис, до войны занимавший должность посла США в Москве: «Он ведет себя доброжелательно, говорит просто, почти смущенно… он произвел на меня впечатление поистине скромного человека». Уинстон Черчилль: «Сталин также произвел на меня впечатление своей хладнокровной мудростью, при полном отсутствии каких-либо иллюзий… человек прямой, даже резкий в своих высказываниях… Однако он сохранил чувство юмора, что весьма важно». Что касается Меннона, его в Сталине больше всего поразили «простота, проницательность и беспощадность»: «Все в нем просто – его одежда, его комната, его манеры, его речь… Это человек, чья воля… сохранила Россию для коммунизма и коммунизм для всего мира; если бы не он, ни Россия, ни коммунизм не смогли бы сопротивляться нападению Гитлера. Это человек, которого не только граждане его страны, но и миллионы людей во всем мире считают «вождем и учителем всего прогрессивного человечества»; чьи портреты заняли в каждом русском доме место святых икон; и упоминание имени которого любое собрание в России приветствует стоя длительными

аплодисментами, переходящими в овацию. И в то же время все это восхищение ему, как с гуся вода; в его манере держаться нет и следа высокомерия. Когда Вольтер вернулся в Париж после многолетней ссылки, его приветствовала толпа поклонников. Когда друг спросил его, нравится ли ему быть кумиром народа, он ответил: «Да, но такая же большая толпа собралась бы, если бы моя голова оказалась на эшафоте». Такие же слова, без сомнения, мог бы сказать и сам Сталин. И это наводит меня на мысль о втором качестве… его проницательности, которую он проявляет не только в своих словах, но и в своем молчании. Он не дал вовлечь себя в обсуждение нашего решения о Корее и корейской проблемы в целом… Вероятно, он чувствует, что для него настал период, когда он может посвятить свои мысли исключительно главному, оставляя детали своим помощникам… Я был также поражен его безжалостностью. Дважды он говорил о том, что бесполезно читать мораль злому человеку. Слова Ганди о «перевороте в чувствах» ничего для него не значат. Возможно, он имел в виду поглощенность Ганди вопросами морали, когда привел метафору о том, что крестьянин не будет учить морали волка. Я сообщил в телеграмме своему правительству, что в этом состоит суть философии Сталина»61.

Обаятельный и обезоруживающий, открытый и загадочный, притягательный и пугающий – до конца своих дней Сталин оставался для окружающих воплощением противоречивости.

Заключение

Сталин перед судом истории

В Советском Союзе переоценка правления Сталина началась сразу после того, как его тело было положено в Мавзолее Ленина в марте 1953 г. В мае 1954 г. маршал В.Д. Соколовский, начальник советского Генштаба, опубликовал в газете «Правда» статью, посвященную девятой годовщине победы в Великой Отечественной войне. О Сталине там не говорилось ничего, если не считать краткого упоминания в словосочетании «знамя Ленина и Сталина»1. В декабре 1954 г. в «Нью таймс», советском журнале о международных отношениях, появилась статья к 75-й годовщине со дня рождения Сталина, в которой подчеркивалось, что он во всем был учеником Ленина. Год спустя к 76-й годовщине со дня рождения Сталина в том же журнале была опубликована статья, которая была вообще посвящена главным образом Ленину. Открытой критики Сталина в ней не было, но его роль заметно преуменьшалась, а вместо этого подчеркивалось значение, которое имела для коммунистической партии деятельность Ленина2. Далее, в феврале 1956 г. Хрущев сделал свой знаменитый доклад на закрытом заседании XX съезда партии, тем самым устранив последнее препятствие для критики Сталина, которая в 1980–1990-е гг. переросла в целую волну неодобрения.

Говоря о войне, Хрущев акцентировал внимание на том, что победа была достигнута общими усилиями коммунистической партии и ее руководства в целом, а не Сталина, который играл главным образом негативную роль. Если верить историкам и авторам военных мемуаров, которые охотно подхватили критику Хрущева, война была выиграна вопреки Сталину силами советских вооруженных сил и их командования. Позже, под влиянием более положительных отзывов о Сталине как о Верховном главнокомандующем, составленных Жуковым, Василевским и Штеменко, Великая Отечественная война стала рассматриваться как победа Сталина *и* его генералов. Впрочем, для многих представителей интеллигенции победа в Великой Отечественной войне была победой советского народа, чьи великие жертвы Сталин предал после войны, возобновив свою диктатуру и диктатуру коммунистической партии.

На Западе переоценка деятельности Сталина в годы Великой Отечественной войны началась еще при его жизни. Во-первых, полемисты времен «холодной войны» говорили, что Сталин и его режим не намного лучше Гитлера и фашистского строя, а в моральном отношении и вовсе от них не отличаются. По их

мнению, победу Сталина над Гитлером следует рассматривать как поражение для половины Европы, которая относилась к сфере его тоталитарного правления. Еще менее значительной роль Сталина представала в работах Уинстона Черчилля, а также других западных историков и авторов мемуаров. В них почти не говорилось о стратегической важности советско-германского конфликта, и в повествовании о Второй мировой войне он занимал лишь второстепенное место3. Наконец, свою роль сыграли мемуары оставшихся в живых генералов гитлеровской армии, поведавших о том, что победа была почти у Германии в руках, но была упущена лишь из-за ошибок немецкого диктатора. По их словам, Вторая мировая война была не выиграна Сталиным, а проиграна Гитлером4.

В последовавшие десятилетия некоторые советские и западные историки предлагали более сбалансированные и объективные интерпретации деятельности Сталина во время войны. В определенной степени эти работы представляли собой возвращение к здравой оценке сталинского военного руководства, характерной для его современников. В то время большинству казалось, что роль Сталина как главы Советского Союза была ключевой для исхода войны. Без него все усилия партии, народа, вооруженных сил и командования были бы намного менее эффективными. Он был великим военачальником – и не потому, что одержал победу, а потому что сделал так много для ее достижения. Даже Гитлер оценил вклад Сталина в определение исхода войны. «По сравнению с Черчиллем, Сталин – колоссальная фигура, – поделился он с Геббельсом накануне Сталинградской битвы. – Черчилль ничего не достиг за свою жизнь, кроме нескольких книг и умных речей в парламенте. А Сталин, напротив, достиг – если оставить в стороне вопрос о том, каким идеям он служил – он реорганизовал страну с населением 170 млн человек и подготовил ее к масштабному вооруженному конфликту. Если бы Сталин попал ко мне в руки, я бы, наверное, пощадил его, может быть, отправил бы его в ссылку на какой-нибудь курорт, а Черчилля и Рузвельта повесил бы»5. Отношение Сталина к Гитлеру было менее терпимым; он неоднократно давал понять, что хотел бы расстрелять фюрера и всех остальных нацистских руководителей. Что касается Черчилля и Рузвельта, Сталин относился к ним как к военачальникам с большой личной симпатией и уважением. Он с прискорбием воспринял известие о смерти Рузвельта и всегда высоко оценивал Черчилля – даже когда их политические взаимоотношения прекратились после войны. В январе 1947 г.

Сталин сказал фельдмаршалу Монтгомери, прибывшему с

визитом в Москву, что «он всегда будет с радостью вспоминать свою работу с Черчиллем как с великим военачальником Великобритании» и что «он с величайшим уважением и восхищением относится к тому, что сделано [Черчиллем] за годы войны». Черчилль был не менее красноречив в выражении своих чувств; он писал Сталину: «[Ваша] жизнь драгоценна не только для Вашей страны, которую Вы спасли, но и для дела дружбы между Советской Россией и Великобританией и даже всем говорящим на английском языке миром»6.

Задачей настоящей книги было показать, что восприятие деятельности Сталина-военачальника его современниками было более объективным, чем многочисленные последующие попытки ее интерпретации. Проблема исторической ретроспективы заключается в том, что, в зависимости от идеологического выбора автора, она может не только помочь лучше осветить события, но и ослепить. Чтобы объективно говорить о Сталине как военачальнике, необходимо выйти за пределы как полемики западных исследователей периода «холодной войны», так и перипетий процесса десталинизации в СССР. Одной из целей этой книги было также показать, что реальная колоссальная способность Сталина справляться с беспрецедентными по своей сложности обстоятельствами 1941–1942 гг. осталась недооцененной из-за стремления идеологов культа личности изобразить Сталина как гения военного дела, неспособного ошибаться. То, что он, допустив так много ошибок, смог подняться после поражения и одержать величайшую в военной истории победу, было само по себе потрясающим триумфом.

Сталин не сумел извлечь большую пользу из этой победы с точки зрения демократических ценностей, но это, несомненно, было обусловлено политическими ограничениями его авторитарного режима. Однако свою роль сыграло и то, что западные политики (например, Черчилль и Трумэн) были неспособны разглядеть за коммунистической угрозой возможность послевоенного альянса, который мог бы предотвратить развитие «холодной войны» и идеологического конфликта, заслонившего собой невероятную истину: Сталин был диктатором, но он победил Гитлера и помог сохранить мир для демократии.

Историю можно представить как судебный процесс. Обвинение на нем стремится осудить Сталина за его преступления или за некомпетентное руководство. Но наш долг как присяжных – рассмотреть показания всех свидетелей, в том числе свидетелей защиты, с тем, чтобы представить наиболее полную картину. Возможно, это не облегчит вынесение вердикта,

но зато сделает более полным наше понимание истории и вооружит нас знаниями, которые позволят избежать ошибок в будущем. История *может* сделать нас мудрее, если только мы сами того захотим.

Примечания

От автора

1 G. Roberts, *Victory at Stalingrad: The Battle That Changed History* , Longman: London 2002.

2 M. Harrison, «Stalin and Our Times» in G. Roberts (ed.), *Stalin – His Times and Ours* , IAREES: Dublin 2005.

3 R.H. McNeal, *Stalin: Man and Ruler* , MacMillan: London 1998, p. 312.

4 L. Strachey, *Eminent Victorians* , Penguin Books: London 1996, p. 9.

5 G. Gorodetsky, *Grand Delusion: Stalin and the German Invasion of Russia* , Yale University Press: New Haven and London 1999.

Введение

1 C. Merridale, *Night of Stone: Death and Memory in Twentieth Century Russia* , Penguin Books: London 2002, pp. 257–63.

2 Цит. по J. Brent, V.P. Naumov, *Stalin's Last Crime: The Plot against the Jewish Doctors* , 1948–1953, HarperCollins: New York 2003, p. 328. В литературе широко распространено убеждение, что похоронные почести, оказанные Сталину, были не такими уж пышными, и что уже в это время от него отказались многие из его последователей. Впрочем, эта теория не подтверждается текстами посвященных ему статей в советской прессе и кинозаписями похорон.

3 Замечательная биография Сталина, в которой особый акцент делается на роли культа личности – R.H. McNeal, *Stalin: Man and Ruler* , MacMillan Press: London 1998.

4 Текст выступления воспроизводился в ряде публикаций, в том числе в первом издании мемуаров Хрущева: *Khruschev Remembers* , Sphere Books: London 1971, pp. 503–562.

5 Резолюция представляет собой отступление от радикально критической интерпретации деятельности Сталина, предложенной Хрущевым, и попытку сдержать дискуссию, разгоревшуюся в рядах партии после секретного доклада, который не публиковался, но был зачитан на заседаниях партии по всему Советскому Союзу. См.: P. Jones, «From Stalinism to Post-Stalinism: Demythologising Stalin, 1953–1956» in H. Shukman (ed.), *Redefining Stalinism* , Frank Cass: London 2003.

6 Цит. по J. Brooks, *Thank You, Comrade Stalin! Soviet Public Culture from Revolution to Cold War* , Princeton University Press: Princeton NJ 2000, p. 241.

7 О развитии дискуссии о Сталине в Советском Союзе после 1956 г. см. S.F. Cohen, «The Stalin Question since Stalin» in

Rethinking the Soviet Experience: Politics and History since 1917 , Oxford University Press: Oxford 1985.

8 См. R.W. Davies, *Soviet History in the Glasnost Revolution,* Macmillan: London 1939. A. Nove, *Glasnost» in Action,* Unwin Hyman: London 1989; W. Laqueur, *Stalin: The Glasnost Revelations,* Scribners: New York 1990.

9 Критический взгляд на переходный период в России 1990-х гг. представлен в книге S.F. Cohen, *Failed Crusade: America and the Tragedy of Post-Communist Russia,* Norton: New York 2000.

10 Например: Ф. Чуев, *Сто сорок бесед с Молотовым,* Москва 1991 (англоязычное издание: *Molotov Remembers,* ed. A. Resis, Ivan R. Dee: Chicago 1993); Л. Каганович, *Памятные записки,* Москва 1996; А. Микоян, *Так было,* Москва 1999; А. Маленков, *О моем отце Георгии Маленкове,* Москва 1992; S. Beria, *Beria, My Father: Inside Stalin's Kremlin,* Duckworth: London 2001.

11 «More Than Half of All Russians Positive About Stalin», Radio Free Europe/Radio Liberty *Newsline,* 5/3/03. Цит. по M. Harrison, «Stalin and Our Times» in G. Roberts (ed.), *Stalin – His Times and Ours,* IAREES: Dublin 2005, p. 67.

12 См. A.J.R. Taylor, « *Is Stalin a Statesman?* » (переиздано в книге того же автора *Europe: Grandeur and* Decline Penguin Books: London 1967).

13 I. Deutscher, *Russia after Stalin,* pb edition, Jonathan Cape: London 1969, p. 55.

14 Эта речь не публиковалось, но была зачитана на собраниях компартии по всему СССР. В июне 1956 г. речь была обнародована Госдепартаментом США. См.: *The Anti-Stalin Campaign and International Communism,* Columbia University Press: New York 1956, pp. 1–2.

15 Одно из наиболее известных проявлений культа личности Хрущева – легенда о том, что он был в числе главных авторов крупного наступления Красной Армии под Сталинградом в ноябре 1942 г., которое многие считают важнейшим поворотным событием Второй мировой войны. Прежде идею обойти с флангов и окружить немецкую 6-ю армию в Сталинграде приписывали исключительно военному таланту Сталина. Теперь все заслуги приписывались Хрущеву, который во время битвы был в Сталинграде в должности политического комиссара, и маршалу А.И. Еременко, одному из боевых командиров этого участка фронта. На самом деле, хотя у сталинградского контрнаступления было несколько авторов, Хрущев и Еременко не играли в его разработке большой роли. Утверждение, что Хрущев и Еременко придумали саму идею контрнаступления под Сталинградом, было впервые сделано в 1957 г. и воспроизведено

в более поздних мемуарах, опубликованных в 1961 г. (А.И. Еременко, *Сталинград,* Москва 1961, стр. 325–37). Изначально это заявление было встречено молчанием со стороны тех, кто принимал непосредственное участие в принятии решений. После того как Хрущев отошел от власти в 1964 г., однако, заявления Еременко были подвергнуты критике и опротестованы целым рядом авторов. См., например, воспоминания, опубликованные в издании *Сталинградская эпопея,* Москва 1968.

16 Большое количество выдержек из воспоминаний советских военных, опубликованных в 1960-е гг., см. в S. Bialer (ed.), *Stalin and his Generals: Soviet Military Memoirs of World War II,* Souvenir Press: New York 1969. В числе работ, основанных на этих и опубликованных позже мемуарах: A. Seaton, *Stalin as a Military Commander* , Combined Publishing: Pennsylvania 1998; H. Shukman (ed.), *Stalin's* Generals, Phoenix Press: London 1997; A. Axell, *Stalin's War through the Eyes of his Commanders,* Arms and Armour Press: London 1997.

17 *Khrushchev Remembers,* p. 537. Ср. комментарии заместителя Сталина, маршала Жукова («получившая распространение версия о том, что Верховный Главнокомандующий изучал обстановку и принимал решения по глобусу, не соответствует действительности») и генерала Штеменко, в годы войны занимавшего должность начальника Оперативного управления Генштаба («разговоры о руководстве действиями фронтов по глобусу беспочвенны»). Цит. по Axell, *Stalin's War* , p. 167.

18 Словосочетание «Великая Отечественная война» впервые было использовано в статье, опубликованной в газете «Правда» 23 июня 1941 г. В июле 1943 г. вышло в печать первое издание сборника выступлений Сталина военного времени, озаглавленное «О Великой Отечественной войне Советского Союза».

19 И.В. Сталин, *Сочинения,* том 16 (1946–1952), Москва 1997, стр. 6–7. Перевод этой речи на английский язык был опубликован в приложении к изданию J.P. Morray, *From Yalta to Disarmament,* Monthly Review Press: New York 1961.

20 См. *G. Roberts, The Soviet Union in World Politics: Revolution, Coexistence and the Cold War, 1945–1991,* Routledge: London 1998.

21 N. Voznesenky, *War Economy of the USSR in the Period of the Great Patriotic War,* Foreign Languages Publishing House: Moscow 1948, pp. 126–33.

22 См. J. Erickson, «Soviet War Losses» in J. Erickson and D. Dilks (eds), *Barbarossa: The Axis and the Allies,* Edinburgh University Press: Edinburgh 1994.

23 Автором много написано в поддержку этой версии истории подписания советско-германского пакта. См., например,

G. Roberts, *The Unholy Alliance: Stalin's Pact with Hitler,* I.B. Tauris: London 1989 и *The Soviet Union and the Origins of the Second World War,* acmillan: London 1995.

24 Главный этап этой дискуссии начался с публикации книги Виктора Суворова *Icebreaker: Who Started the Second World War?* Hamish Hamilton: London 1990. Под псевдонимом «Суворов» писал В.Б. Резун, агент советской разведки, уехавший на Запад в 1978 г. Русская версия книги Суворова была опубликована в 1992 г., и его точку зрения впоследствии подхватили и развили многие русские историки. Краткий обзор сущности этой дискуссии с акцентом на критику взглядов Суворова и его сторонников см. в: T.J. Uldricks, «The Icebreaker Controversy: Did Stalin Plan to Attack Hitler?» *Slavic Review,* vol. 58, № 3, Fall 1999.

25 Подробнее о связи войны и революции см. M.J. Carley, *1939: The Alliance That Never Was and the Coming of World War II,* Ivan R. Dee: Chicago 1999.

26 См. *The Tehran, Yalta and Potsdam Conferences: Documents,* Progress Publishers: Moscow 1969.

27 *Stalin's Correspondence with Churchill, Attlee, Roosevelt and Truman, 1941–1945,* Lawrence & Wishart: London 1958. Об обстоятельствах публикации этой переписки из советских архивов см. G. Roberts, «Stalin, the Pact with Nazi Jermany and the Origins of Postwar Soviet Diplomatic Historiography», *Journal of World War Studies,* vol. 4, № 3, Summer 2002.

28 См. J. Barber, «The Image of Stalin in Soviet Propaganda and Public Opinion during World War 2» in J. and C. Garrard (eds), *World War 2 and the Soviet People,* St. Martin's Press: New York 1993.

29 Deutscher, *Stalin: A Political Biography,* Pelican: London 1966, pp. 456, 457.

30 Посетители кремлевского кабинета И.В. Сталина, *Исторический архив* , № 6, 1994; №№ 2, 3, 4, 5–6, 1995; №№ 2, 3, 4, 5–6, 1996; № 1, 1997.

31 Наиболее важным источником фактической информации о рассуждениях Сталина является дневник руководителя Коммунистического интернационала, Георгия Димитрова: I. Banac (ed.), *The Diary of Georgi Dimitrov, 1933–1949,* Yale University Press: New Haven 2003. Не менее важный источник – переписка Сталина с его министром иностранных дел Молотовым за тот период, когда последний находился за границей. См.: O.A. Rzheshevsky (ed.), *War and Diplomacy: The Making of the Grand Alliance (Documents from Stalin's Archive),* Harwood Academic Publishers: Amsterdam 1996; V.O. Pechatnov, *«The Allies are Pressing on You to Break Your Will»: Foreign Policy Correspondence between Stalin and Molotov and other Politburo Members, September 1945 – December 1946,* Cold War

International History Project, Working Paper № 26, September 1999; а также дневник министра танковой промышленности, В.А. Малышева, опубликованный в журнале «Источник» № 5, 1997. Кроме того, некоторая часть переписки между Сталиным и его приближенными послевоенного периода была опубликована в издании *Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет министров СССР, 1945–1953,* Москва 2002. Некоторые письма приводятся на английском языке в издании A.O. Chubaryan and V.O. Pechatnov (eds), «Molotov "the Liberal": Stalin's 1945 Criticism of his Deputy», *Cold War History,* vol. 1, № 1, August 2000.

32 W. Averell Harriman, «Stalin at War» in G.R. Urban (ed.), *Stalinism: Its Impact on Russia and the World,* Wildwood House: Aldershot 1982, pp. 41, 42. В своих мемуарах Гарриман писал, что Сталин «лучше информирован, чем Рузвельт, в большей степени реалист, чем Черчилль, в некоторых отношениях – наиболее эффективный из военачальников». W. Averell Harriman and E. Abel, *Special Envoy to Churchill and Stalin, 1941–1946,* Random House: New York 1975, p. 536.

33 Там же, p. 43.

34 R. Overy, *Why the Allies Won,* Jonathan Cape: London 1995, p. 259.

35 Статистическое исследование журнала принятых Сталиным посетителей показывает, что во время войны наиболее часто рядом со Сталиным были глава госбезопасности Лаврентий Берия, министр иностранных дел Вячеслав Молотов и секретарь Центрального Комитета партии Георгий Маленков, который также был членом Государственного комитета обороны и личным политическим эмиссаром Сталина на фронте. Кроме них, частыми гостями сталинского кабинета в военное время были министр торговли Анастас Микоян, председатель плановой комиссии Николай Вознесенский и министр транспорта Лазарь Каганович. См. «Посетители кремлевского кабинета И.В. Сталина: алфавитный указатель», *Исторический архив,* № 4, 1998.

36 Наиболее детальная картина повседневной работы Сталина во время войны представлена в мемуарах генерала С.М. Штеменко, который почти всю войну был начальником Оперативного штаба, *The Soviet General Staff at War, 1941–1945,* 2 vols, Progress Publishers: Moscow 1970, 1973.

37 Bialer *, Stalin and his Generals,* pp. 33–6.

38 J. Erickson, *The Road to Berlin,* Weidenfeld & Nicolson: London 1983, p. ix.

39 См. Erickson, «Soviet War Losses», а также Laqueur, *Stalin,* pp. 216–19.

40 *Marshal Zhukov comments on the Soviet High Command at War,*

Soviet Weekly Booklet, London 1970, p. 18.

41 J. Stalin, *On the Great Patriotic War of the Soviet Union* , Hutchinson: London 1943, p. 17.

42 Дневник Малышева, стр. 128.

43 Копии многих архивных документов, собранных Волкогоновым, хранятся в его личном архиве (Manuscript Division of the Library of Congress).

44 D. Volkogonov, *Stalin: Triumph and Tragedy,* Phoenix Press: London 2000, p. 451.

45 Разные взгляды на эту проблему см. в М.А. Гареев, *Полководцы победы и их военное наследие,* Москва 2004 и Л. Млечин, *Иосиф Сталин, его маршалы и генералы,* Москва 2004.

46 О деятельности Сталина во время гражданской войны: Seaton, *Stalin* chaps 1–3. Сталин также был очевидцем фиаско, которым стало для большевиков подписание Брест-Литовского мирного договора в марте 1918 г. Когда в 1917 г. большевики пришли к власти, они были полны решимости не допустить подписания хищнического мирного договора с Германией, в результате которого им пришлось бы уступить большие территории. Однако именно это и произошло, когда в начале 1918 г. наступление немецких войск поставило под угрозу саму власть большевиков и вынудило их просить мира на очень невыгодных условиях.

47 Волкогонов, *Сталин,* стр. 474.

48 A.M. Vasilevsky, *A Lifelong Cause,* Progress Publishers: Moscow 1981, pp. 447–50. Оригинальное издание на русском языке – *Дело всей жизни,* Москва 1974.

49 См. H.E. Salisbury (ed.), *Marshal Zhukov's Greatest Battles,* Sphere Books: London 1969. Статьи, входящие в этот сборник, изначально были опубликованы в *Военно-историческом журнале.*

50 *The Memoirs of Marshal Zhukov,* Jonathan Cape: London 1971, pp. 284–5. Есть несколько версий мемуаров Жукова и Василевского, но оценка авторами Сталина в них неизменна.

51 О Тухачевском и его аресте опубликовано много литературы. На английском языке см. N. Abramov, «The New Version of the Tukhachevsky Affair», *New Times,* № 13, 1989; D.C. Watt, «Who Plotted Against Whom? Stalin's Purge of the Soviet High Command Revisisted», *Journal of Soviet Military Studies,* vol. 3, № 1, 1990; I. Lukes, «The Tukhachevsky Affair and President Edvard Benes», *Diplomacy & Statecraft,* vol. 7, № 3, 1996; S.J. Main, «The Arrest and "Testimony" of Marshal of the Soviet Union M.N. Tukhachevsky», *Journal of Slavic Military Studies* , vol. 10, № 1, 1997; S. Naveh, «Tukhachevsky» in Shukman (ed.), *Stalin's Generals.* См. также книги W.J. Spahr и S.W. Stoecker, указанные ниже в

примечаниях 52 и 64.

52 W.J. Spahr, *Stalin's Lieutenants: A Study of Command under Stress,* Presidio Press: Novato, Calif. 1997, p. 174.

53 Подробнее о статистике чисток в рядах армии см.: R.R. Reese «The Impact of the Great Purge on the Red Army», *Soviet and Post-Soviet Review,* vol. 19, №№ 1–3, 1992; «The Red Army and the Great Purges» in J.A. Getty and R.T. Manning (eds), *Stalinist Terror: New Perspectives,* Cambridge University Press: Cambridge 1993; R. Reese, *Stalin's Reluctant Soldiers,* University Press of Kansas: Lawrence, Kansas 1996 chap. 5. Риз отмечает, что, по первым оценкам, чисткам подверглось от 25 до 50 % офицерского состава. Однако эти подсчеты были сделаны без учета точного количества офицеров в советских вооруженных силах, которое составляло около 300 000. Это означает, что количество подвергшихся чистке военнослужащих было значительно меньше 10 %.

54 Цифры приводятся по таблицам в приложении к книге О.Ф. Сувенирова *Трагедия РККА, 1937–1938,* Москва 1998, стр. 373–485. Приведенные мной цифры включают только тех, кто был арестован в 1937–1938 гг. Более детальное исследование чисток, основанное на данных советских военных архивов, которые в настоящее время закрыты для изучения, было проведено польским историком П.П. Вечоркевичем (P.P. Wieczorkiewicz, *Lancuch Smierci: Czystka w Armii Czerwonej, 1937–1939,* Warsaw 2001).

55 Сувениров в своей книге « Трагедия РККА» основывается на данных комиссий по реабилитации середины 1950-х гг. и приводит в таблицах конкретные даты реабилитации.

56 За время войны Сталин отдал приказы о расстреле 20 генералов. Наибольшее количество расстрелов было произведено в июле 1941 г., когда был казнен генерал Дмитрий Павлов, командующий Западным фронтом, и несколько членов его штаба. В октябре 1941 г. были расстреляны несколько генералов воздушных войск, которых Сталин объявил виновными в потере в первые дни войны нескольких тысяч самолетов. Все они после войны были реабилитированы. В период с 1941 по 1945 г. в бою погиб 421 советский генерал. См. R. Woff, «Stalin's Ghosts» in Shukman (ed.), *Stalin's Generals.*

57 M. Harrison and R.W. Davies, «The Soviet Military-Economic Effort during the Second Five-Year Plan (1933–1937)», *Europe-Asia Studies,* vol. 49, № 3, 1997. Также см. R.W. Davies et al., *The Economic Transformation of the Soviet Union, 1913–1945,* Cambridge University Press: Cambridge 1994, p. 143–147.

58 Долгое время ведутся споры о том, был ли Сталин причастен к убийству Кирова. Краткое изложение и критическую

оценку этих споров см. в N. Baron, «The Historiography of the Kirov Murder», *Slovo,* vol. 11, 1999.

59 M. Reiman, «Political Show Trials of the Stalinist Era», *Telos,* 1982–1983, № 54.

60 По данным О.В. Хлевнюка, в 1930–1940 гг. были расстреляны по меньшей мере 726 000 человек, главным образом в 1937–1938 гг. (*The History of the Gulag: From Collectivisation to the Great Terror,* Yale University Press: New Haven 2004, p. 306). До сих пор ведутся дискуссии о причинах и подробностях «большого террора», в том числе спорным остается точное количество расстрелянных и арестованных. Хлевнюк приводит относительно небольшую цифру, однако он основывается на собственном тщательном исследовании данных соответствующих русских архивов. Большая подборка оригинальных документов, касающихся «большого террора», приводится в книге J. Arch Getty and O.V. Naumov (eds), *The Road to Terror: Stalin and the Self-destruction of the Bolsheviks, 1932–1939,* Yale University Press: New Haven 1999.

61 Краткое изложение см. в G. Roberts, «The Fascist War Threat and Soviet Politics in the 1930s» in S. Pons and A. Romano, *Russia in the Age of Wars, 1914–1945,* Feltrinelli: Milan 2000. Об отношении советских людей к террору см.: S. Davies, *Popular Opinion in Stalin's Russia: Terror, Propaganda and Dissent, 1934–1941,* Cambridge University Press: Cambridge 1997 и S. Fitzpatrick, *Everyday Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Times,* Oxford University Press: Oxford 1999.

62 R.V. Daniels, *A Documentary History of Communism,* vol. 1, I.B. Tauris: London 1985, p. 258–61.

63 *Molotov Remembers,* p. 254. Взгляд Молотова поддерживают многие историки. Например, см.: O. Khlevnuk, «The Objectives of the Great Terror, 1937–1938» in J. Cooper et al. (eds), *Soviet History, 1917–1953* , Macmillan: London 1993; O. Khlevnuk «The Reasons for the "Great Terror": the Foreign-Political Aspect» in Pons and Romano (eds), *Russia.*

64 См. S.W. Stoecker, *Forging Stalin's Army, Marshal Tukhachevsky and the Politics of Military Innovation,* Westview Press: Oxford 1998; D.R. Stone, «Tukhachevsky in Leningrad: Military Politics and Exile, 1928–31», *Europe – Asia Studies,* vol. 48, № 8, 1996; L. Samuelson, «Mikhail Tukhachevsky and War-Economic Planning», *Journal of Slavic Military Studies,* vol. 9, № 4, December 1996; R.R. Reese, «Red Army Opposition to. Forced Collectivisation, 1929–1930: The Army Wavers», *Slavic Review,* vol. 55, № 1, 1996; S.J. Main, «The Red Army and the Soviet Military and Political Leadership in the Late 1920s», *Europe – Asia Studies,* vol. 47, № 2, 1995.

65 T. Martin, «The Origins of Soviet Ethnic Cleansing», *Journal of Modern History,* December 1998.

66 G. Roberts, «Stalin and the Katyn Massacre» in Roberts (ed.), *Stalin: His Times and Ours.*

67 R. Overy, *The Dictators: Hitler's Germany and Stalin's Russia,* Allen Lane: London 2004 chap. 13. Ряд документов, касающихся депортаций сталинских времен, приводится в книге *Сталинские депортации 1928–1953,* Москва 2005. В книге также есть хронологическая таблица с указанием приблизительного количества депортированных жителей.

68 *D. Brandenberger,* National Bolshevism: Stalinist Mass Culture and the Formation of Modern Russian National Identity, 1931–1956, *Harvard University Press: Cambridge, Mass. 2002.*

69 *E. van Ree,* The Political Thought of Joseph Stalin: A Study in Twentieth Century Revolutionary Patriotism, *Routledge: London 2002.*

70 См. A.J. Rieber, «Stalin: Man of the Borderlands», *American Historical Review,* № 5, 2001.

71 Цит. по R. Service, *Stalin: A Biography,* Macmillan: London 2004, p. 272–3.

72 Краткое изложение политики Ленина и Сталина по национальному вопросу см. в T. Martin, «An Affirmative Action Empire: The Soviet Union as the Highest Form of imperialism» in R.G. Suny and T. Martin (eds), *A State of Nations: Empire and Nation-Making in the Age of Lenin and Stalin,* Oxford University Press: Oxford 2001.

73 J.V. Stalin, «Marxism and the National Question» in J.V. Stalin, *Works,* vol. 2, Foreign Languages Publishing House: Moscow 1953.

74 S. Blank *, The Sorcerer as Apprentice: Stalin as Commissar of Nationalities, 1917–1924* , Greenwood Press: London 1994.

75 T. Martin, *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1929–1939* , Cornell University Press: Ithaca, NY 2001 chaps 10–11.

76 Brandenberger, *National Bolshevism,* p. 55.

77 Цит. по А.И. Вдовин, «Национальный вопрос и национальная политика в СССР в годы Великой Отечественной войны», *Вестник Московского университета: Серия 8: История,* № 5, 2003.

78 См. там же; G. Hosking, «The Second World War and Russian National Consciousness, *Past & Present,* № 175, 2002; T.K. Blauvelt, «Military Mobilisation and National Identity in the Soviet Union», *War & Society,* vol. 21, № 1, May 2003.

79 *Documents on British Policy Overseas,* series 1, vol. 2, HMSO: London 1985, p. 317.

80 Y. Gorlizki and O. Khlevniuk, *Cold Peace: Stalin and the Soviet*

Ruling Circle, 1945–1953 Oxford University Press: Oxford 2004, pp. 31–8.

81 См. Chubar'yan and Pechatnov, «Molotov».

82 Brandenberger, *National Bolshevism,* p. 191.

83 V. Pechatnov, «Exercise in Frustration: Soviet Foreign Propaganda in the Early Cold War, 1945–47», *Cold War History,* vol. 1, № 2, January 2001.

84 «Ответ корреспонденту «Правды» в издании Сталин, *Сочинения,* том. 16, Москва 1997, стр. 25–30. Перевод интервью Сталина на английский язык был опубликован в W. LaFeber (ed.), *The Origins of the Cold War, 1941–1947,* John Wiley: New York 1971 doc. 37.

85 Сталин, *Сочинения,* стр. 57.

86 A. Resis, *Stalin, the Politburo, and the Onset of the Cold War, 1945–1946,* The Carl Beck Papers in Russian and East European Studies № 701, April 1998, p. 27.

87 Обзор послевоенной стратегии Сталина см. в V.O. Pechatnov, *The Big Three after World War II: New Documents on Soviet Thinking about Postwar Relations with the United States and Great Britain,* Cold War International History Project Working Paper № 13, 1995; G. Roberts, «Ideology, Calculation and Improvisation: Spheres of Influence in Soviet Foreign Policy, 1939–1945», *Review of International Studies,* vol. 25, October 1999; S. Pons, «In the Aftermath of the Age of Wars: the Impact of World War II on Soviet Foreign Policy» in Pons and Romano (eds), *Russia,* E. Mark, *Revolution by Degrees: Stalin's National-Front Strategy for Europe, 1941–1947,* Cold War International History Project Working Paper № 31, 2001; N.M. Naimark, «Stalin and Europe in the Postwar Period, 1945–53», *Journal of Modern European History,* vol. 2, № 1, 2004.

88 Cold War International History Project Bulletin,№ 11, Winter 1998, p. 136.

89 О пути Советского Союза к «холодной войне» в 1947 см.: G. Roberts, «Moscow and the Marshall Plan: Politics, Ideology and the Onset of Cold War, 1947», *Europe-Asia Studies,* vol. 46, № 8, 1994. Свою речь о «двух лагерях» Жданов произнес на учредительной конференции Коммунистического информационного бюро (Коминформа), проводившейся в Польше. См. G. Procacci (ed.), *The Cominform: Minutes of the Three Conferences 1947 / 1948/1949,* Milan 1994.

90 Обзор внутренней общественно-политической жизни Советского Союза после войны см. в: E. Zubkova, «The Soviet Regime and Soviet Society in the Postwar Years: Innovations and Conservatism, 1945–1953», *Journal of Modern European History,* vol. 2, № 1, 2004.

91 В книге *Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет министров СССР, 1945–1953,* Москва 2002, док. 299 подробно рассказывается об отпусках Сталина в период с 1945 по 1951 г.

92 Y. Gorlizki, «Ordinary Stalinism: The Council of Ministers and the Soviet Neopatrimonial State, 1945–1953», *Journal of Modern History,* vol. 74, № 4, 2002.

93 Тем не менее, в текст выступления Маленкова на съезде Сталин внес значительные поправки. См.: Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), Ф. 592, Оп. 1, Д. 6.

94 Сталин, *Сочинения,* стр. 229.

95 Цит. по: E. Mawdsley, «Stalin: Victors Are Not Judged», *Historically Speaking: The Bulletin of the Historical Society,* 2006.

Глава 1. «Союз нечестивых»

1 W.S. Churchill, *The Gathering Storm,* Cassell: London 1964, p. 346; *Ciano's Diary 1939–1943,* Heinemann: London 1947, pp. 131, 132; and W.L. Shirer, *The Nightmare Years, 1930–1940,* Bantam Books: New York 1984, pp. 425, 430.

2 О взгляде советской стороны на трехсторонние переговоры союзников см.: G. Roberts, «The Alliance that Failed: Moscow and the Triple Alliance Negotiations, 1939», *European History Quarterly,* vol. 26, № 3, 1996; A. Resis, «The Fall of Litvinov: Harbinger of the German – Soviet Non-Aggression Pact», *Europe – Asia Studies,* vol. 52, № 1, 2000; D. Watson «Molotov's Apprenticeship in Foreign Policy: The Triple Alliance Negotiations in 1939», *Europe – Asia Studies,* vol. 52, № 4, 2000.

3 Высказывания Сталина здесь даны в версии, записанной переводчиком Черчилля, А. Бирсом на встрече в Москве в ночь с 15 на 16 августа 1942 г. (Harriman Papers, Container 162, Chronological File 14–15 August 1942). Немного другая версия представлена в книге W.S. Churchill, *The Second World War,* vol. 1, Cassell: London 1948, p. 344: «У нас сложилось впечатление, что правительства Англии и Франции не приняли решения вступить в войну в случае нападения на Польшу, но надеялись, что дипломатическое объединение Англии, Франции и России остановит Гитлера. Мы были уверены, что этого не будет».

4 «Captain H.H. Balfour Moscow Diary 1941», Library of Congress Manuscript Division Hardman Papers, Container 164.

5 *Nazi – Soviet Relations, 1939–1941,* Didier: New York 1948 (далее – NSR), p. 38. Запись той же встречи, сделанная Астаховым: *Документы внешней политики 1939 год* (далее – ДВП 1939) Москва 1992, т. 22, кн. 1, док. 445.

6 NSR pp. 68–9.

7 NSR pp. 72–6.

8 NSR pp. 76–8.

9 J. Degras (ed.), *Soviet Documents on Foreign Policy,* vol. 3 (1933–1941), Oxford University Press: London 1953 pp. 363–71.

10 J. Stalin, *Leninism,* Allen & Unwin: London 1942 p. 526.

11 См., например, A.L. Weeks, *Stalin's Other War: Soviet Grand Strategy, 1939–1941,* Rowman & Littlefield: Oxford 2002. В книге есть приложение с переводом одной из версий текста выступления.

12 С.З. Случ, «Речь» Сталина, которой не было», *Отечественная история,* № 1, 2004. Статья представляет собой исчерпывающий анализ речи, истории ее создания и цитирования в исторических исследованиях.

13 Degras, *Soviet* p. 406. О публикации «речи» во французской прессе в Москву сообщил посол СССР в Париже, Яков Суриц, 28 ноября 1939 г. (ДВП, 1939 т. 22 кн. 2, док. 813).

14 NSR p. 86.

15 Там же, p. 87.

16 I. Banac (ed.), *The Diary of Georgi Dimitrov,* Yale University Press: New Haven 2003, pp. 115–16.

17 Degras, *Soviet,* pp. 374–6; A. Werth, *Russia at War, 1941–1945,* Pan Books: London 1964, pp. 73–7.

18 Churchill, *Second World War,* p. 353. Взгляды Черчилля разделял его непосредственный начальник, Невилл Чемберлен: «Я придерживаюсь того же мнения, что и Уинстон, – писал он своей сестре, – чье великолепное выступление мы только что прослушали. Я считаю, что Россия всегда будет действовать так, как, по ее мнению, требуют ее интересы, и я не могу поверить, что по ее мнению, в ее интересах победа Германии, за которой последует господство Германии в Европе». Цит. по M. Gilbert, *Winston S. Churchill,* vol. 6, Heinemann: London 1983, p. 51.

19 Dimitrov diary, p. 120–121.

20 Запись переговоров Сталина с Риббентропом 27–28 сентября 1939 г. была опубликована в I. Fleischhauer, «The Molotov – Ribbentrop Pact: The German Version, *International Affairs,* August 1991.

21 NSR, pp. 105–7.

22 Degras, *Soviet,* pp. 379–80.

23 Там же, pp. 388–400.

24 См. M.J. Carley, «"A Situation of Delicacy and Danger": Anglo-Soviet Relations, August 1939 – March 1940», *Contemporary European History,* vol. 8, № 2, 1999; Дж. Робертс, «Черчилль и Сталин: эпизоды англо-советских отношений (сентябрь 1939 – июнь 1941 года)» в книге: А.О. Чубарьян (ред.), *Война и политика, 1939–1941,* Москва 1999.

25 *On Soviet – German relations in the 1930s: G. Roberts,* The Soviet Union and the Origins of the Second World War: Russo-German Relations and the Road to War, 1939–1941, *Macmillan: London 1995.*

26 ДВП 1939, т. 22, кн. 2, стр. 609.

27 См.: G. Roberts, «The Fascist War Threat in Soviet Politics in the 1930s» in S. Pons and A. Romano (eds), *Russia in the Age of Wars, 1914–1945,* Feltrinelli: Milan 2000.

28 Подробный анализ советско-германских экономических отношений см. в: E.E. Ericson, *Feeding the German Eagle: Soviet Economic Aid to Nazi Germany, 1933–1941* , Praeger: Westport, Conn. 1999. Эта книга содержит тексты трех советско-германских торговых соглашений и таблицы с цифрами по импорту и экспорту. Более подробный анализ и статистику см. в А.А. Шевяков, «Советско-германские экономические отношения в 1939–1941 годах», *Вопросы истории,* 1, 4–5, 1991; В.Я. Сиполс, «Торгово-экономические отношения между СССР и Германией в 1939–1941 гг. в свете новых архивных документов», *Новая и новейшая история,* 1, 2, 1997; Х.П. Штрандман, «Обостряющиеся парадоксы: Гитлер, Сталин и германо-советские экономические связи, 1939–1941» в сборнике под ред. О.А. Чубарьяна *Война и политика.*

29 Werth, *Russia at War,* p. 125.

30 *Внешняя торговля СССР за 1918–1940,* Москва 1960, стр. 558–62.

31 Ericson, *German Eagle,* p. 182.

32 О советско-германском военном сотрудничестве: G. Weinberg, *Germany and the Soviet Union, 1939–1941,* Leiden 1954, pp. 76–85 и B. Newman, *The Captured Archives,* Latimer House: London 1948, pp. 135–6.

33 *Report of the Select Committee to Investigate Communist Aggression and the Forced Incorporation of the Baltic States into the USSR: Third Interim Report of the Select Committee on Communist Aggression (House of Representatives),* Washington DC 1954, pp. 225–6.

34 «The Baltic Countries Join the Soviet Union: Documents on the USSR's Relations with the Baltic Countries in 1939 and 1940», *International Affairs,* March 1990, pp. 141–2.

35 *Полпреды сообщают: сборник документов об отношениях СССР с Латвией, Литвой и Эстонией, август 1939 г. – август 1940 г.,* Москва 1990 док. 58.

36 Там же, док. 59.

37 *Report… Committee on Communist Aggression,* p. 316.

38 J. Urbsys, «Lithuania and the Soviet Union, 1939–1940», *Litaunus,* vol. 35, № 2, 1989, p. 4.

39 Соответствующие документы см. в книгах *Полпреды*

сообщают и «The Baltic Countries Join…» Выдержки из документов см. в G. Roberts, «Soviet Policy and the Baltic States, 1939–1940: A Reappraisal», *Diplomacy & Statecraft,* vol. 6, № 3, 1995.

40 Dimitrov diary, p. 120.

41 ДВП 1939, т. 22, кн. 2, док. 536.

42 J.T. Gross, *Revolution from Abroad: The Soviet Conquest of Poland's Western Ukraine and Western Belorussia,* Princeton University Press: Princeton NJ 1988.

43 См. G. Roberts, «Stalin and the Katyn Massacre» in G. Roberts (ed.), *Stalin: His Times and Ours,* IAREES: Dublin 2005.

44 В.Н. Земсков, «Принудительные миграции из Прибалтики в 1940–1950-х годах», *Отечественный архив,* № 1, 1993, стр. 4.

45 ДВП 1939, т. 22, кн. 2, док. 769, 783; *Советско-болгарские отношения и связи, 1917–1944,* Москва 1976 док. 504–6, 510.

46 ДВП 1939, т. 22, кн. *2,* док. 654.

47 О. Маннинен и Н.И. Барышников, «Переговоры осенью 1939 года» в сборнике под ред. О.А. Ржешевского и О. Вехвиляйнена *Зимняя война 1939–1940* , т. 1, Москва 1999, стр. 119–21.

48 Ход советско-финляндских переговоров зафиксирован в работах *The Development of Soviet – Finnish Relations,* London 1940 и «The Winter War (Documents on Soviet-Finnish Relations in 1939–1940)», *International Affairs,* №№ 8 & 9, 1989. Последняя из написанных на тему этой войны монографий на английском языке – C. van Dyke, *The Soviet Invasion of Finland, 1939–1940,* Frank Cass: London 1997.

49 K. Rentola, «The Finnish Communists and the Winter War», *Journal of Contemporary History,* vol. 33, № 4, 1998, p. 596. Большинство арестованных были через некоторое время освобождены.

50 Н.И. Барышников, «Советско-финляндская война 1939–1940 гг.», *Новая и новейшая история,* № 4, 1991, стр. 33.

51 V. Mitenev, «Archives Reopen Debate on the Winter War», *Soviet Weekly,* 3/6/89.

52 Барышников, «Советско-…», стр. 34.

53 Degras, *Soviet,* pp. 401–3.

54 «Посетители кремлевского кабинета И.В. Сталина», *Исторический архив,* №№ 5–6, 1995, стр. 60.

55 *Khrushchev Remembers,* Sphere Books: London 1971, pp. 135–6.

56 ДВП 1939, т. 22, кн. 2, док. 821.

57 Degras, *Soviet,* pp. 407–10. К обнародованному тексту соглашения прилагался секретный протокол, согласно которому Советский Союз получал право арендовать остров Ханко и

соседние с ним острова в Финском заливе и разместить на них войска численностью до 15 000 человек для защиты своих военных баз. См. *Зимняя война,* стр. 181.

58 См. T. Vihavainen, «The Soviet Decision for War against Finland, 30 November 1939: A Comment», *Soviet Studies,* April 1987 и М.И. Мельтюков, «Народный фронт» для Финляндии? «К вопросу о целях советского руководства в войне с Финляндией 1939–1940 гг.», *Отечественная история,* № 3, 1993.

59 Dimitrov diary, p. 124.

60 Там же.

61 О советско-финской войне: Van Dyke, *The Soviet;* D.M. Glantz and J. House, *When Titans Clashed: How the Red Army Stopped Hitler,* University Press of Kansas: Lawrence, Kansas 1995, pp. 18–23; W.J. Spahr, *Stalin's Lieutenants,* Presidio Press: Novato, Calif. 1997, pp. 216–26; and A.F. Upton, «The Winter War» in Purnell's *History of the Second World War,* 1966, pp. 122–40. В числе последних русских работ о войне – *Советско-финская война, 1939–1940,* 2 т., Санкт-Петербург, 2003.

62 Degras, *Soviet,* pp. 421–3.

63 I. Maisky, *Memoirs of a Soviet Ambassador* , Hutchinson: London 1967, p. 40.

64 Цит. по Carley « *Situation* », pp. 195–6.

65 *Социалистические революции в Эстонии 1917–1940 и ее вхождение в состав СССР: Документы и материалы* , Таллинн 1987, док. 94.

66 «Finnish historian says Stalin agreed to end Winter War based on inaccurate intelligence», *Helsingin Sanomat* : International Edition 15/10/02.

67 L. Woodward, *British Foreign Policy in the Second World War* , vol. 1, HMSO: London 1970 chaps 2–4; Churchill, Second World War, chap. 30; Gilbert, Churchill, chap. 6.

68 A.J.P. Taylor, *English History, 1914–1945* , Penguin: London 1975, pp. 571–2.

69 ДВП 1939, т. 22, кн. 2, док. 886.

70 Degras, *Soviet,* pp. 436–49. Потери советских войск, возможно, были более значительными, чем заявлял Молотов – вероятно, насчитывалось до 70 000 убитых, 40 000 пропавших без вести и 180 000 раненых. См. П.А. Алтекарь, «Оправданы ли жертвы? (О потерях в советско-финляндской войне)» в сборнике под ред. А.Е. Тараса, *Советско-финская война, 1939–1940 гг.,* Минск 1999 и *Зимняя война* , стр. 324–325.

71 Dimitrov diary, pp. 127–129.

72 *Зимняя война* т. 2, стр. 272–282. Материалы конференции на английском языке см. в A.O. Chubaryan and H. Shukman (eds),

Stalin and the Soviet-Finnish War, 1939–1940 , Frank Cass: London 2002.

73 *«Зимняя война»: Работа над ошибками апрель-май 1940 г. (Материалы комиссии главного военного совета Красной Армии по обобщению опыта финской кампании)* , Москва 2004.

74 *История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945* , т. 1, Москва 1960, стр. 463–468; J. Erickson, *The Road to Stalingrad* , Harper & Row: New York 1975 pp. 16–24; Glantz and House, *Titans,* pp. 23–4.

75 D.M. Glantz, *Collosus Reborn: The Red Army at War, 1941–1943* , University Press of Kansas: Lawrence, Kansas 2005, pp. 216–19. Как отмечает Гланц, эти корпуса оказались слишком крупными и неповоротливыми в бою, но само решение создания бронетанковых подразделений в противовес немецким танковым колоннам было правильным.

76 См. S. Bialer (ed.), *Stalin and his Generals* , Souvenir Press: New York 1969, pp. 152–75; Erickson, *Road to Stalingrad,* pp. 31–7.

77 Слова Сталина даны в том виде, в котором их приводит генерал М.И. Казаков в книге Bialer (ed.), *Stalin and his Generals,* p. 145.

78 Degras, *Soviet,* pp. 457–8.

79 G. Gorodetsky, *Grand Delusion: Stalin and the German Invasion of Russia,* Yale University Press: New Haven 1999, pp. 31 ff.

80 См.: Roberts, «Soviet Policy and the Baltic States».

81 ДВП 1940–1941, т. 23, кн. 1, Москва 1995, док. 240.

82 NSR, pp. 166–8.

83 Degras, *Soviet,* p. 463.

84 М.Ю. Мягков (ред.), *Мировые войны XX века: Вторая мировая война (документы и материалы)* , тт. 3–4, Москва 2002, док. 91. Более подробно доказательства того, что расчеты Гитлера в отношении Великобритании сыграли критическую роль в его решении напасть на Россию см. в: S. Berthon and J. Potts, *Warlords,* Politico's Publishing: London 2005.

85 G.T. Waddington, «Ribbentrop and the Soviet Union, 1937–1941» in J. Erickson and D. Dilks (eds), *Barbarossa,* Edinburgh University Press: Edinburgh 1994.

86 NSR, pp. 255–8.

87 Там же, p. 213.

88 Там же, p. 216.

89 Эти директивы были написаны Молотовым от руки и, похоже, продиктованы ему Сталиным. См.: «Директивы И.В. Сталина В.М. Молотову перед поездкой в Берлин в ноябре 1940 г.», *Новая и новейшая история,* № 4, 1995. См. также: Л.А. Безыменский, «Визит В.М. Молотова в Берлин в ноябре 1940 г.

в свете новых документов», *Новая и новейшая история,* № 6, 1995. Перевод этого документа на английский язык см. в G. Roberts, «From Non-Aggression Treaty to War: Documenting Nazi-Soviet Relations, 1939–1941», *History Review,* December 2001.

90 NSR, pp. 252–4.

91 Интервью с Чадаевым см. в Г.А. Куманев, *Рядом со Сталиным,* Москва 1999, стр. 392–420.

92 NSR, pp. 258–9.

93 J. Erickson, «Threat Identification and Strategic Appraisal by the Soviet Union, 1930–1941» in E.R. May (ed.), *Knowing One's Enemies,* Princeton University Press: Princeton NJ 1984, p. 414.

94 ДВП 1940–1941, т. 23, кн. 2, ч. 1, Москва 1998, док. 599.

95 NSR, pp. 260–4.

96 Werth, *Russia at War,* p. 89.

Глава 2. Большие иллюзии

1 I. Banac (ed.), *The Diary of Georgi Dimitrov,* Yale University Press: New Haven 2003, p. 137.

2 G. Gorodetsky, *Grand Delusion: Stalin and the German Invasion of Russia,* Yale University Press: New Haven 1999, pp. 65–6; *Документы внешней политики 1940–1941* (далее – ДВП) т. 23, кн. 2, ч. 1, Москва 1998, док. 549.

3 ДВП 1940–1941, т. 23, кн. 2, ч. 1, док. 564.

4 *Советско-югославские отношения, 1917–1941,* Москва 1992, док. 303, 304.

5 Там же, док. 305, 307.

6 ДВП 1940–1941, т. 23, кн. 2, ч. 2, док. 745.

7 Там же, док. 746.

8 *Советско-югославские отношения,* док. 320.

9 Н.Н. Новиков, *Воспоминания дипломата,* Москва 1989, стр. 78–9.

10 См. комментарии Милана Гавриловича, посла Югославии в Москве, 1940–1941, зафиксированные в книге *Foreign Relations of the United States 1941,* vol. 1, pp. 301–2 and 312–1.

11 Gorodetsky, *Grand Delusion,* p. 204.

12 *Nazi-Soviet Relations, 1939–1941,* Didier: New York 1948 (далее – NSR), p. 324. Кребс позже стал последним за годы правления Гитлера начальником генштаба. Рассказ еще одного свидетеля см. в C. Cassidy, *Moscow Dateline, 1941–1943,* Riverside Press: Cambridge, Mass. 1943. Подробнее см.: Gorodetsky, *Grand Delusion,* pp. 198–9.

13 *Российский государственный архив новейшей истории* (РГАНИ) Ф. 2, Оп. 1, Д. 1. В соответствии с этой резолюцией Политбюро Жданов стал заместителем Сталина по партии. Должность главы отдела пропаганды вместо Жданова занял А.С.

Щербаков.

14 NSR, p. 336.

15 NSR, p. 344.

16 J. Degras (ed.), *Soviet Documents on Foreign Policy,* vol. 3 (1933–1941), Oxford University Press: London 1953, p. 489.

17 ДВП 1940–1941, т. 23, кн. 2, ч. 2, док. 772.

18 NSR, pp. 330–2.

19 ДВП 1940–1941, т. 23, кн. 2, ч. 2, док. 814, 823, 828. В связи с этими встречами часто рассказывают, что Шуленбург даже предупреждал Деканозова о том, что Гитлер собирается напасть на СССР, и просил его передать эту информацию Сталину. Один из источников этой истории – мемуары Анастаса Микояна, занимавшего при Сталине пост министра торговли (*Так было,* Москва 1999, стр. 377). Отчеты Деканозова говорят о том, что эта история совершенно безосновательна. В самом деле, поскольку целью Шуленбурга было помочь добиться улучшения советско-германских отношений, было бы по меньшей мере странно, если бы он сказал Деканозову, что Гитлер, по его мнению, планирует напасть на Россию. См. также версию этих событий, предлагаемую Городецким (*Grand Delusion,* pp. 211–17).

20 «Посетители кремлевского кабинета И.В. Сталина», *Исторический архив,* № 2, 1996, стр. 47.

21 Gorodetsky, *Grand Delusion,* pp. 181–6.

22 Там же, chap. 12.

23 *Вестник министерства иностранных дел СССР,* 30/4/90, стр. 77–8.

24 *1941 год,* т. 1, Москва 1998, док. 327.

25 *1941 год,* т. 2, док. 393, 413, 472, 525, 528.

26 *Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне,* т. 1, кн. 2, Москва, 1995, док. 201.

27 Там же, док. 273 – сводка отчетов, представленных этими двумя источниками в период с сентября 1940 г. по июнь 1941 г.

28 *Лубянка: Сталин и НКВД – НКГБ – ГУКР «Смерш», 1939–1946,* Москва 2006, док. 173.

29 Gorodetsky, *Grand Delusion,* pp. 296–7.

30 *1941 год,* т. 2, док. 488, 513, 514, 566, 567, 590 и *Советско-японская война 1945 года: история военно-политического противоборства двух держав в 30–40-е годы (серия «Русский архив»),* Москва 1997, док. 14, 148, 150, 151, 152, 154.

31 ДВП 1940–1941, т. 23, кн. 2, ч. 2, док. 853.

32 *Вестник министерства иностранных дел,* стр. 76–7.

33 B. Whaley, *Codeword Barbarossa,* MIT Press: Cambridge, Mass. 1973 chap. 7 and D. Murphy, *What Stalin Knew: The Enigma of Barbarossa,* Yale University Press: New Haven 2005, chap. 17.

34 Cited by A. Seaton, *Stalin as Military Commander,* Combined Publishing: Conshohocken, PA 1998, p. 154.

35 L. Rotundo, «Stalin and the Outbreak of War in 1941», *Journal of Contemporary History,* vol. 24, 1989, p. 283.

36 *1941 год,* т. 2, док. 550.

37 Там же, док. 605.

38 E. Mawdsley, Thunder in the East: The Nazi-Soviet War, 1941–1945, Hodder Arnold: London 2005, p. 34.

39 Этот раздел в значительной мере основан на информации из следующих изданий: J. Erickson, «Barbarossa: June 1941: Who Attacked Whom», *History Today,* July 2001; C.A. Roberts, «Planning for War: The Red Army and the Catastrophe of 1941», *Europe-Asia Studies,* vol. 8, № 47, 1995; E. Mawdsley, «Crossing the Rubicon: Soviet Plans for Offensive War in 1940–1941» *International History Review,* December 2003; Gorodetsky, *Grand Delusion,* and Rotundo, «Stalin».

40 «Заключительная речь народного комиссара обороны Союза ССР героя и маршала Советского Союза С.К. Тимошенко на военном совещании 31 декабря 1940 г.», стр. 12. Копия в бумагах Волкогонова.

41 Г.К. Жуков, «Характер современной наступательной операции» в сборнике *Накануне войны: материалы совещания высшего руководящего состава РККА 23–31 декабря,* Москва 1993 (серия «Русский архив»), стр. 129–51.

42 E. Mawdsley, «Crossing the Rubicon», pp. 826–7.

43 J. Stalin, *Works* , vol. 12, Foreign Languages Publishing House: Moscow 1955, p. 269.

44 В 1936 Сталин сказал в интервью американскому журналисту Рою Говарду: «Мы, марксисты, считаем, что революция произойдет и в других странах. Но произойдет она только тогда, когда это найдут возможным или нужным революционеры этих стран. Экспорт революции – это чепуха. Каждая страна, если она этого захочет, сама произведет свою революцию, а ежели не захочет, то революции не будет». Degras, Soviet, p. 166.

45 M. Djilas, *Wartime,* Seeker 8t Warburg: London 1977, p. 437. Впрочем, как указывает Альберт Ресис, эти слова, сказанные Сталиным Джиласу, не всегда подкреплялись действиями советского правительства. Во многих случаях Красная Армия выводилась с оккупированных территорий: из Дании, Норвегии, Ирана, Китая, Маньчжурии. См. его работу *Stalin, the Politburo, and the Onset of the Cold War, 1945–1946,* The Carl Beck Papers in Russian and East European Studies № 701, April 1998, p. 25.

46 Подробнее см. M. von Hagen, «Soviet Soldiers and Officers on

the Eve of the German Invasion» in J.L. Wieczynski (ed.), *Operation Barbarossa,* Charles, Schlacks: Salt Lake City 1993.

47 *1941 год,* т. 2, стр. 557–571.

48 Там же, т. 1, док. 95.

49 Там же, док. 117.

50 Там же, док. 134.

51 Там же, док. 315.

52 Gorodetsky, *Grand Delusion,* pp. 121–4.

53 М.В. Захаров, *Генеральный штаб в предвоенные годы,* Москва 1989, стр. 220–4. Захаров, умерший в 1972 г., писал эту книгу в 1960-е гг. Публикация была отложена на 20 лет из-за того, что в ней содержались критические замечания и ссылки на секретные материалы. Новое издание книги было опубликовано в 2005 г.

54 *1941 год,* т. 1, док. 224.

55 E. Mawdsley, «Rubicon».

56 *1941 год,* т. 2, док. 473.

57 Документ был впервые обнародован в биографии Сталина, написанной Дмитрием Волкогоновым и опубликованной в Советском Союзе в 1989 г. Волкогонов ссылался на трехстраничный машинописный документ, который он обнаружил в советских военных архивах (копия документа хранится в бумагах Волкогонова – Volkogonov Papers in the Library of Congress Manuscripts Division). Текст документа впоследствии был опубликован в *Военно-историческом журнале* («Упрямые факты начала войны», № 2, 1992). Однако этот текст представлял собой лишь часть значительно более длинного рукописного документа (Л.А. Безыменский, «О плане Жукова от 15 мая 1941 г.», *Новая и новейшая история,* № 3, 2000). Об использовании этого документа теми, кто утверждает, что Сталин планировал начать в 1941 г. предупредительную войну, см.: T.J. Uldricks, «The Icebreaker Controversy: Did Stalin Plan to Attack Hitler?», *Slavic Review,* vol. 58, № 3, Fall 1999.

58 Многие источники утверждают, что Сталин видел этот документ или слышал о нем, но проблема заключается в том, что все они, говоря об осведомленности Сталина в существовании этого документа, называют более поздние сроки. Подробнее об этих источниках см.: Mawdsley, «Rubicon».

59 Roberts, «Planning for War», p. 1320.

60 A. Werth, *Russia at War, 1941–1945,* Pan Books: London 1964, p. 132.

61 Подробнее см.: Mawdsley, «Rubicon».

62 «Посетители кремлевского кабинета И.В. Сталина», *Исторический архив,* № 2, 1996; стр. 48–9.

63 A.M. Vasilevsky, *A Lifelong Cause,* Progress Publishers: Moscow 1981, p. 84.

64 Г.А. Куманев, *Рядом со Сталиным,* Москва 1999, стр. 233. См. также Mawdsley, «Rubicon», стр. 864–5.

65 Gorodetsky, *Grand Delusion,* p. 240. Жуков написал свой комментарий на тексте неопубликованного интервью с Василевским.

66 К.К. Рокоссовский, *Солдатский долг,* Москва 2002, стр. 50–4. Этот отрывок из мемуаров Рокоссовского был, как и ряд других, вырезан из первого издания, опубликованного в 1968 г.

67 Г.К. Жуков, *Воспоминания и размышления,* 10-е изд., т. 1, Москва 1990, стр. 289. Это утверждение было вырезано цензурой из доперестроечных изданий мемуаров Жукова.

68 Mawdsley, *Thunder,* pp. 86–7.

Глава 3. Война на уничтожение

1 D.M. Glantz and J. House, *When Titans Clashed: How the Red Army Stopped Hitler,* University Press of Kansas: Lawrence, Kansas 1995, p. 31.

2 D. Glantz, *Barbarossa: Hitler's Invasion of Russia 1941,* Tempus Publishing: Stroud 2001, p. 234.

3 *1941 год,* т. 2, Москва 1998, док. 612.

4 О приготовлениях к нападению Германии на Советский Союз в подробностях рассказывается в очерках в книге H. Boog et al., *Germany and the Second World War: The Attack on the Soviet Union* (vol. 4 of *Germany and the Second World War),* Clarendon Press: Oxford 1998. Кроме тех случаев, где указано иное, все материалы в данном разделе взяты из этого сборника.

5 J. Keegan, *The Second World War,* Arrow Books: London 1989, p. 186.

6 A. Clark, *Barbarossa: The Russian-German Conflict, 1941–1945,* Phoenix: London 1996, p. 43.

7 Е.Н. Кульков, «Нападение Германии на СССР» в книге *Мировые войны XX века,* т. 3, Москва 2002, стр. 138.

8 М.Ю. Мягков (ред.), *Мировые войны XX века,* т. 4, Москва 2002, док. 199.

9 Glantz, *Barbarossa,* p. 55.

10 L. Dobroszycki and J.S. Gurock (eds), *The Holocaust in the Soviet Union,* M.E. Sharpe: New York 1993.

11 См. J. Matthaus, «Operation Barbarossa and the Onset of the Holocaust» in C. Browning, *The Origins of the Final Solution,* University of Nebraska Press: Lincoln, NB 2004, а также работы J. Forster, C. Streit, O. Bartov, C. Browning в сборнике D. Cesarini (ed.), *The Final Solution,* Routledge: London 1994.

12 C. Streit, «Partisans-Resistance-Prisoners of War» in J.L.

Wieczynski (ed.), *Operation Barbarossa,* Charles, Schlacks: Salt Lake City 1993.

13 Яркое описание того, как советские солдаты прорывались из окружения, представлено в романе Константина Симонова *Живые и мертвые,* Москва 1989.

14 Мягков, *Мировые…*

15 G.A. Kumanev, «The USSR's Degree of Defense Readiness and the Suddenness of the Nazi Attack» in Wieczynski (ed.), *Barbarossa* ; М.Н. Раманичев, «Невиданное испытание» в книге Г.Н. Севостьянов (ред.), *Война и общество, 1941–1945,* т. 1, Москва 2004.

16 A. Werth, *Russia at War,* Pan Books: London 1964, p. 249.

17 W.E.D. Allen and P. Muratoff, *The Russian Campaigns of 1941–1943,* Penguin Books: London 1944, p. 53.

18 *Khrushchev Remembers,* Sphere Books: London 1971, pp. 535–6.

19 R. and Z. Medvedev, *The Unknown Stalin,* Overlook Press: Woodstock and New York, p. 242.

20 А. Микоян, *Так было,* Москва 1999, стр. 390–1.

21 R. and Z. Medvedev, *Unknown Stalin* p. 244. Как отмечает Константин Плешаков, хотя Микоян и заявляет, что Ворошилов был в числе тех, кто приехал на дачу к Сталину, на самом деле он в это время был за пределами Москвы, на фронте (*Stalin's Folly,* Houghton Mifflin: Boston 2005, p. 300, n. 219).

22 Мемуары Чадаева не публиковались, однако довольно большие выдержки из них можно встретить в работе E. Radzinsky, *Stalin,* Hodder 8c Stoughton: London 1997, pp. 445–55. Много цитат из мемуаров Чадаева содержится и в S. Berthon and J. Potts, *Warlords,* Politico's Publishing: London 2005.

23 Г.А. Куманев, *Рядом со Сталиным,* Москва 1999, стр. 413.

24 A. Resis (ed.), *Molotov Remembers,* Ivan R. Dee: Chicago 1993, p. 39.

25 *The Memoirs of Marshal Zhukov,* Jonathan Cape: London 1971, p. 268.

26 *Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне,* т. 2, кн. 1, Москва 2000, стр. 107.

27 «Посетители кремлевского кабинета И.В. Сталина», *Исторический архив,* № 2, 1996, стр. 51–4.

28 R. and Z. Medvedev, *Unknown Stalin,* p. 243.

29 *Органы государственной…* док. 293, 306, 306.

30 Там же, док. 337. На связь с радиообращением 3 июля обращает внимание Жуков (Zhukov, *Memoirs,* p. 270).

31 *1941 год,* т. 2, Москва 1998, док. 608.

32 Resis (ed.), *Molotov Remembers,* p. 38.

33 «Наше дело правое»: как готовилось выступление В.М. Молотова по радио 22 июня 1941 года», *Исторический архив,* № 2, 1995. В статье дана фотография написанного от руки Молотовым черновика речи. В английском переводе речь частично приводится в J. Degras (ed.), *Soviet Documents on Foreign Policy,* vol. 3, Oxford University Press: London 1953, pp. 490–1.

34 I. Banac (ed.), *The Diary of Georgi Dimitrov, 1933–1949,* Yale University Press: New Haven 2003, pp. 166–7.

35 *Документы внешней политики 1941–1942,* т. 24, Москва 2000, док. 2 (далее – ДВП).

36 W.S. Churchill, *War Speeches, 1940–1945,* Cassell: London 1946, pp. 67–9.

37 *Советско-американские отношения 1939–1945,* Москва 2004, стр. 134. О политике Рузвельта по отношению к Советскому Союзу во время войны см.: M.E. Glantz, *FDR and the Soviet Union: The President's Battles over Foreign Policy,* University Press of Kansas: Lawrence, Kansas 2005.

38 *Советско-американские…* док. 102.

39 Там же, док. 135 и №№ 16–17 на стр. 576–83.

40 Там же, док. 145.

41 Там же, док. 227–30.

42 Тексты указанных трех директив см. в: *1941 год,* т. *2,* док. 605, 607, 617. Перевод директив на английский язык см. в приложении 2 к книге Glantz, *Barbarossa,* pp. 242–3.

43 В своих мемуарах Жуков дистанцируется от третьей директивы, в которой был дан приказ о начале контрнаступления: он заявляет, что Сталин позвонил ему в 13.00 22 июня и приказал немедленно наступать на Киев (стр. 238). Однако в дневнике посещений Сталина записано, что Жуков был у него с 14.00 по 16.00. Далее, как верно замечает Борис Соколов, в мемуарах маршала И.Х. Баграмяна говорится, что Жуков прибыл на Юго-Восточный фронт вскоре после того, как была получена третья директива (Б.В. Соколов, *Георгий Жуков,* Москва 2004, стр. 220).

44 S.M. Shtemenko, *The Soviet General Staff at War, 1941–1945* , vol. 1, Progress Publishers: Moscow 1970, p. 32.

45 J. Barber, «Popular Reactions in Moscow to the German Invasion of June 22, 1941» in Wieczynski (ed.), *Barbarossa.* См. также: M.M. Gorinov, «Muscovites» Moods, 22 June 1941 to May 1942» in R.W. Thurston and B. Bonwetsch (eds), *The People's War: Responses to World War II in the Soviet Union,* University of Illinois Press: Urbana and Chicago 2000.

46 Zhukov, *Memoirs,* p. 250.

47 Г.К. Жуков, *Воспоминания и размышления,* т. 2, Москва 1990, стр. 38.

48 Glantz, *Barbarossa,* p. 40.

49 *Органы государственной…* док . *340* .

50 J. Stalin, *On the Great Patriotic War of the Soviet Union,* Hutchinson: London 1943/4, pp. 5–9. Исследование выступлений Сталина периода начала войны см. в: E. Mawdsley, «Explaining Military Failure: Stalin, the Red Army, and the First Period of the Patriotic War, 1941–1942» in G. Roberts (ed.), *Stalin: His Times and Ours,* IAREES: Dublin 2005.

51 *Москва военная, 1941–1945,* Москва 1995, док. 19–20.

52 Раманичев, «Невиданное», стр. 62.

53 Ю. Горьков , *Государственный комитет обороны постановляет (1941–1945),* Москва 2002, стр. 20.

54 *Органы государственной…* док . *423.*

55 D.M. Glantz, *Colossus Reborn: The Red Army at War, 1941–1943,* University Press of Kansas: Lawrence, Kansas 2005, chap. 11.

56 *Органы государственной…* doc. 384.

57 *1941 год,* т. 2, док. 634.

58 *Ставка ВГК: документы и материалы 1941 год,* Москва 1996 (серия «Русский архив»), док. 106. Институт комиссаров был вновь восстановлен в советском флоте 20 июля.

59 *Главные политические органы вооруженных сил СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.,* Москва 1996 (серия «Русский архив»), док. 42.

60 *Органы государственной…* док. 413.

61 Там же, док. 490.

62 Там же, док. 550.

63 *1941 год,* т. 2, док. 635.

64 *Органы государственной…* док. 379, 436, 437, 438. В 1956 г. Павлов и еще несколько человек были реабилитированы. Копии некоторых документов о реабилитации хранятся в личном архиве Волкогонова. Авторы этих материалов утверждают, что Павлов действительно совершил много ошибок, будучи командиром, но причиной тому была его неопытность, а не халатность или трусость. Оценку ошибок Павлова см. в Mawdsley, Thunder in the East: The Nazi-Soviet War 1941–1945 Hodder Arnold: London 2005, pp. 60–2; В.А. Анфилов, *Дорога к трагедии сорок первого года* , Москва 1997.

65 О.Ф. Сувениров, *Трагедия РККА, 1937–1939,* Москва 1998, стр. 381.

66 G. Jukes, «Meretskov» in H. Shukman (ed.), *Stalin's Generals,* Phoenix Press: London 1997.

67 *Organy Gosudarstvennoi…* док. 424.

68 Там же, док. 454. По словам Жукова (*Memoirs,* pp. 287–9), он был у Сталина 29 июля и сказал ему, что придется сдать Киев,

и именно после этой встречи был смещен с должности начальника Генштаба. Однако, если верить дневнику посещений Сталина, в период с 21 июля по 4 августа с Жуковым он не встречался. Говоря о снятии Жукова с должности начальника Генштаба, нужно помнить, что с учреждением Ставки роль Генштаба в военной иерархии была значительно приуменьшена.

69 Жуков, *Воспоминания,* т. 2, стр. 132.

70 Glantz, *Barbarossa,* pp. 86–90.

71 Werth, *Russia at War,* pp. 188–95.

72 Glantz, *Barbarossa,* p. 90.

73 Раманичев, «Невиданное», стр. 67.

74 Glantz, *Barbarossa,* p. 96.

75 A.J.R. Taylor, *The War Lords,* Penguin Books: London 1978, p. 107.

76 A.M. Vasilevsky, *A Lifelong Cause,* Progress Publishers: Moscow 1981, pp. 97–104.

77 *Ставка ВГК: документы и материалы 1941 год,* док. 168.

78 А.М. Василевский, *Дело всей жизни,* Москва 1974, стр. 145. Эта и следующая цитата в переводе мемуаров Василевского на английский язык были опущены.

79 Там же, стр. 146.

80 Vasilevsky, *A Lifelong Cause,* pp. 106–7.

81 Там же, p. 107.

82 Жуков, *Воспоминания,* т. 2, стр. 132–3. В английском издании мемуаров это предложение пропущено.

83 И.Х. Баграмян, *Так шли мы к победе,* Москва 1998, стр. 180.

84 *Ставка ВГК: документы и материалы 1941 год,* док. 255.

85 Там же, док. 254.

86 Vasilevsky, *A Lifelong Cause,* p. 110.

87 *Ставка ВГК: документы и материалы 1941 год,* док. 280.

88 Glantz, *Barbarossa,* p. 132.

89 Баграмян, *Так шли,* стр. 188.

90 ДВП т. 24, стр. 577–83.

91 *Stalin's Correspondence with Churchill, Attlee, Roosevelt and Truman, 1941–1945, Lawrence 8; Wishart: London 1958 docs 3, 10, 12, pp. 12–25.*

92 Vasilevsky, *A Lifelong Cause,* p. 108.

93 Mawdsley, *Thunder, p.* 74.

94 Там же, p. 110. В книге Allen and Muratoff, *Russian Campaigns* говорится, что «in the balance of the whole campaign, the sacrifice made at Kiev [by the Red Army] was worth it» (стр. 46).

95 Обзор военных действий в этой части основан на работе D.M. Glantz, *The Battle for Leningrad, 1941–1944,* University Press of Kansas: Lawrence, Kansas 2002.

96 Там же, стр. 54–5.

97 Там же, стр. 85–6.

98 Обзор деятельности Жданова в Ленинграде во время войны см. в H.E. Salisbury, *The 900 Days: The Siege of Leningrad,* Avon Books: New York 1970.

99 Н.А. Ломагин, *Неизвестная блокада,* т. 1, Санкт-Петербург: 2002, стр. 58–61.

100 Н.Я. Комаров и Г.А. Куманев, *Блокада Ленинграда: 900 героических дней, 1941–1944* ,Москва 2004, стр. 72–6.

101 Цит. по D. Watson, «Molotov, the War and Soviet Government» (неопубликованная работа). См. также Ломагин, *Блокада,* стр. 63.

102 Директива Ставки хранится в личном архиве Волкогонова. В соответствии с резолюцией Политбюро, принятой в апреле 1942 г., Ворошилов был снят с командной должности из-за эпизода с Ленинградским военным советом и из-за того, что он больше внимания уделял созданию рабочих батальонов, чем традиционным методам обороны. См. очерк Волкогонова в сборнике Shukman (ed.), *Stalin's Generals,* p. 318.

103 Glantz, *Battle for Leningrad* , pp. 81–2; см. также книгу Комаров и Куманев, *Блокада* стр. 113, авторы которой датируют этот приказ 21 сентября, и Ломагин, *Блокада,* стр. 69, где говорится, что приказ был подписан 22 сентября.

104 Mawdsley, *Thunder, p.* 136.

105 Непревзойденное описание истории блокады Ленинграда представляет собой книга Селсбери (Salisbury). Цифры, приведенные в данном абзаце, взяты из издания Glantz, *Battle for Leningrad,* p. 468.

106 *Ставка ВГК: документы и материалы 1941 год,* док. 504.

107 Mawdsley, *Thunder, p.* 95.

108 Glantz, *Barbarossa,* p. 157.

109 Vasilevsky, *A Lifelong Cause,* p. 112.

110 Более подробно о причинах поражения под Вязьмой и Брянском см.: Mawdsley, *Thunder,* pp. 97–100.

111 *Г.К. Жуков в битве под Москвой: сборник документов,* Москва 1994, док. 1, 3, 5, 7.

112 Vasilevsky, *A Lifelong Cause,* p. 119.

113 В. Гаврилов и Е. Горбунов, *Операция «Рамзай»,* Москва 2004, гл. 9.

114 *Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне* ,т. 2, Москва 1995, док. 611; Mawdsley, *Thunder,* стр. 96–7.

115 *Москва военная,* док. 56 и 63.

116 Хорошее описание паники представлено в книге Werth,

Russia at War, pp. 224–33. Целый ряд документов, имеющих отношение к этой теме, содержится в сборнике *Москва военная* .

117 См.: Gorinov, «Muscovite Moods».

118 *Marshal Zhukov's Greatest Battles,* Sphere Books: London 1971, pp. 53–4.

119 Там же, p. 63.

120 Stalin *, Great Patriotic War,* pp. 10–21.

121 Там же, pp. 21–3.

122 *Москва военная,* док. 7.

123 Gorinov, «Muscovite Moods», p. 126.

124 Ломагин, *Неизвестная блокада,* т. 2, док. 1, стр. 359.

125 ДВП т. 24, док. 305, стр. 473.

126 Mawdsley, *Thunder,* p. 121.

127 J. Erickson, *The Road to Stalingrad,* Harper & Row: New York 1975, pp. 277–342; Glantz, *Colossus Reborn,* pp. 17–24; Glantz, *Battle for Leningrad,* pp. 149–56.

128 В своих мемуарах Жуков неоднократно пишет о том, как он в этот период пытался убедить Сталина отказаться от наступательных операций. Эти заявления не подтверждаются доступными документальными источниками и вызывают большие сомнения – особенно с учетом того, что Жукову вообще присуща тенденция отстраняться от неудачных наступательных операций советских войск и в то же время приписывать себе все заслуги успешных боевых действий. На самом деле Жуков был одним из самых ярых сторонников наступательных действий среди генералов Сталина, и вполне вероятно, что зимой 1941–1942 гг. он выступал за начало наступления, а не против него.

129 O.A. Rzheshevsky (ed.), *War and Diplomacy,* Harwood Academic Publishers: Amsterdam 1996, doc. 4.

130 Там же, doc. 7.

131 Там же, docs 5–6. О дипломатических обстоятельствах поездки Идена в Москву см.: В.В. Соколов, «И.М. Майский между И.В. Сталиным и У. Черчиллем в первые месяцы войны», *Новая и новейшая история,* № 6, 2001.

132 *Stalin's Correspondence,* doc. 40.

133 Rzheshevsky *, War and Diplomacy,* docs 37–8.

134 Vasilevsky *A Lifelong Cause,* p. 152.

135 Stalin *, Great Patriotic War,* pp. 23–8.

Глава 4. Победа под Сталинградом и Курском

1 B. Wegner, «The War against the Soviet Union, 1942–1943» in H. Boog et al. (eds), *Germany and the Second World War,* vol. 6, Clarendon Press: Oxford 2001. Это во многих отношениях лучшее исследование, посвященное военной кампании Гитлера в 1942 г. См. также другие работы того же автора: «The Road to Defeat: The

German Campaigns in Russia, 1941–1943», *Journal of Strategic Studies,* vol. 13, № 1, March 1990.

2 J.S.A. Hayward *, Stopped at Stalingrad: The Luftwaffe and Hitler's Defeat in the East, 1941–1943* ,University Press of Kansas: Lawrence, Kansas 1998, p. 4.

3 О том, что заставило Гитлера начать кампанию 1942 г., см.: J. Hayward, «Hitler's Quest for Oil: The Impact of Economic Considerations on Military Strategy, 1941–1942», *Journal of Strategic Studies,* vol. 18, № 4, December 1995.

4 H.R. Trevor-Roper, *Hitler's War Directives, 1939–1945,* Sidgwick & Jackson: London 1964, p. 117.

5 Там же, p. 119.

6 G. Jukes, *Stalingrad: The Turning Point,* Ballantine Books: New York 1968.

7 О боевых действиях советских войск в районе Керчи см.: E. Mawdsley, *Thunder in the East: The Nazi-Soviet War, 1941–1945,* Hodder Arnold: London 2005, pp. 136–41.

8 A.M. Vasilevsky, *A Lifelong Cause,* Progress Publishers: Moscow 1981, p. 159. Копия полной версии этого документа хранится в личном архиве Волкогонова (Volkogonov Papers).

9 П.П. Чевела, «Новые испытания» в сборнике под ред. В.А. Золотарева и др. *Великая Отечественная война 1941–1945,* т. 1, Москва 1998, стр. 332.

10 Vasilevsky, *A Lifelong Cause,* p. 161. Полный текст этого документа от 4 июня хранится в личном архиве Волкогонова (Volkogonov Papers).

11 Яркое описание защиты Севастополя см. в: A. Werth, *Russia at War,* Pan Books: London 1964, pp. 363–9.

12 D.M. Glantz, *Kharkov 1942: Anatomy of a Military Disaster through Soviet Eyes,* Ian Allan Publishing: Shepperton, Surrey 1998. Эта бесценная книга содержит не только подробное описание битвы, но и детальное изложение обсуждения этих катастрофических событий внутри советского правительства, а также ряд важных документов Ставки.

13 *Khrushchev Remembers,* Sphere Books: London 1971, pp. 536–7. Это заявление Хрущев повторяет и развивает в своих мемуарах (стр. 160–7).

14 Glantz, *Kharkov 1942,* p. 240.

15 *The Memoirs of Marshal Zhukov,* Jonathan Cape: London 1971, p. 368.

16 К.С. Москаленко, *На юго-западном направлении,* т. 1, 2-е изд., Москва 1975, стр. 168–213.

17 Glantz, *Kharkov 1942,* p. 241.

18 Vasilevsky, *A Lifelong Cause,* pp. 163–4.

19 И.Х. Баграмян, *Так шли мы к победе,* Москва 1998, стр. 305–53.

20 Glantz, *Kharkov 1942,* pp. 224–5. Копия оригинального документа на русском языке хранится в личном архиве Волкогонова (Volkogonov Papers).

21 Там же на стр. 275–9 приводится информация о том, как впоследствии сложилась военная карьера офицеров высшего командования, участвовавших в операции под Харьковом. Тимошенко 12 июля был назначен командующим только что созданным Сталинградским фронтом, но уже через несколько дней был снят с этой должности и направлен в Ленинград. Соответствующие директивы Ставки можно увидеть в личном архиве Волкогонова (Volkogonov Papers).

22 Там же, стр. 252–72.

23 Похоже, весной 1942 г. фронтовые командиры засыпали Ставку предложениями начать наступательные действия при условии, что им будут предоставлены дополнительные войска. См. М.Н. Раманичев, «Невиданное испытание» в сборнике под ред. Г.Н. Севастьянова *Война и общество, 1941–1945,* т. 1, Москва 2004, стр. 88.

24 D. Glantz, *Colossus Reborn: The Red Army at War, 1941–1943,* University Press of Kansas: Lawrence, Kansas 2005, pp. 30 ff. (и далее?).

25 Тимошенко умер в 1970 г., т. е. вскоре после публикации мемуаров Жукова и за три года до появления мемуаров Василевского.

26 Zhukov, *Memoirs,* p. 366.

27 Там же, p. 275.

28 Vasilevsky, *A Lifelong Clause,* p. 157.

29 Чевела, «Новые испытания», стр. 325–7. См. также Раманичев, «Невиданное испытание».

30 *Stalin's Correspondence with Churchill, Attlee, Roosevelt and Truman, 1941–45, Lawrence & Wishart: London 1958, doc. 36, p. 41.*

31 J. Stalin, *On the Great Patriotic War of the Soviet Union,* Hutchinson: London 1943, pp. 32, 34.

32 А.М. Самсонов, *Сталинградская битва,* 4-е изд., Москва 1989, стр. 52.

33 См. E.F. Ziemke and M.E. Bauer, *Moscow to Stalingrad: Decision in the East,* Center of Military History, US Army: Washington DC 1987, pp. 328–30.

34 Stalin *, On the Great Patriotic War,* p. 38.

35 Название операции было изменено на «Брауншвейг» после того, как офицер, перевозивший планы операции «Блау», оказался в результате падения самолета на вражеской территории.

36 Всегда считалось, что именно восхождение на пик Эльбрус отметило собой максимальный предел, до которого немецкие войска дошли на Кавказе, однако в октябре 2003 появились сообщения о том, что тела немецких солдат обнаружены южнее, у Дигара. T. Parfitt, «Graves Mark Peak of Nazis» Reach», *The Times,* 6/10/03.

37 См. Ziemke and Bauer, *Moscow to Stalingrad,* pp. 343–4, 510–12.

38 Например, *Ставка ВГК: документы и материалы 1942,* Москва 1996 (серия «Русский архив»), док. 379.

39 Trevor-Roper, *War Directives,* pp. 129–30. См. также G. Jukes, *Hitler's Stalingrad Decisions,* University of California Press: Berkeley 1985, pp. 36–46.

40 *Сталинградская битва,* 2 т., т. 1, Москва 2002, стр. 160, 169.

41 *Ставка ВГК: документы и материалы 1942,* Москва 1996, док. 359, 423. См. также: В.В. Бешанов, *Год 1942 – «учебный»,* Минск 2002, стр. 300 и далее.

42 Большие отрывки из ежедневных донесений в советский Генеральный штаб приводятся в издании *Сталинградская битва.* Там же содержатся копии многих статей из советской прессы, а также директив Ставки, боевых донесений и многих других документов.

43 Ziemke and Bauer, *Moscow to Stalingrad,* p. 343.

44 *Сталинградская битва,* т. 1, p. 184.

45 Изначально эти войска носили названия 7-я, 5-я и 1-я резервная армии. В июне 1942 г. они были развернуты в районе Сталинграда в июне 1942 г. и 9 июля 1942 г. получили обозначения 62-я, 63-я и 64-я соответственно. *Сталинград, 1942–1943: Сталинградская битва в документах,* Москва 1995, док. 67, 68, 72.

46 Бешанов, *Год 1942,* стр. 473.

47 Личный архив Волкогонова.

48 Vasilevsky, *A Lifelong Cause,* p. 177.

49 *Хроника огненных дней, 17 июля 1942–2 февраля 1943,* Волгоград 2002. Дата взята из подготовленного в 1943 г. советским Генштабом исследования Сталинградской битвы. В исследовании оборонительный этап сражения разделен на четыре части: (1) оборонительные бои на дальних подступах к Сталинграду, 17 июля – 17 августа; (2) второй этап оборонительных боев на ближних подступах к Сталинграду, 17 августа – 2 сентября; (3) битва за внутренние рубежи Сталинграда, 2–13 сентября; (4) бои на улицах Сталинграда, 14 сентября – 19 ноября. Наступательный этап битвы начался, по

данным СССР, 19 ноября 1942 с контрнаступления, в результате которого немецкая 6-я Армия была взята в окружение внутри города. См.: L. Rotundo (ed.), *Battle for Stalingrad: The 1943 Soviet General Staff Study,* Pergamon-Brassey's: London 1989, pp. 12–13.

50 *Stalingrad, 1942–1943,* doc. 95.

51 Werth, *Russia at War,* pp. 375–6.

52 Текст приказа № 227 в переводе на английский язык прилагается к книге G. Roberts, *Victory at Stalingrad: The Battle That Changed History,* Pearson/Longman: London 2002.

53 Glantz, *Colossus Reborn,* pp. 570–9.

54 *Сталинградская эпопея,* Москва 2000, док. 50.

55 Там же, док. 28–9, 31–3. Документы представляют собой донесения НКВД о том, как в вооруженных силах отреагировали на приказ № 227. С точки зрения НКВД, приказ помог выявить несогласных – те, кто критически отнесся к приказу или иным образом выражал «антисоветские» взгляды, были арестованы.

56 О роли дисциплины на Восточном фронте см.: J. Barber and M. Harrison, «Patriotic War, 1941–1945» in R.G. Suny (ed.), *The Cambridge History of Russia,* vol. 3, Cambridge University Press: Cambridge 2006.

57 A. Werth, *The Year of Stalingrad,* Hamish Hamilton: London 1946, pp. 97–8.

58 «На Юге», *Красная звезда,* 19/7/42.

59 Werth, *Year of Stalingrad, pp.* 80–1, 130–3, 170–1.

60 Например, см. передовую статью «Стойко защищать родную землю», *Красная звезда,* 30/7/42.

61 «Постоять за Родину, как Суворов, Кутузов, Александр Невский», *Красная звезда* 31/7/42.

62 Werth, *Russia at War,* pp. 382–94.

63 «Об установлении полного единоначалия и упразднении института военных комиссаров в Красной Армии», *Красная звезда,* 10/10/42.

64 *Сталинградская эпопея,* док.49, 51, 53.

65 Werth *, Year of Stalingrad,* p. 82.

66 *Сталинград, 1942–1943,* док. 109–10.

67 Там же, док. 120.

68 *Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945,* т. 1, Москва 1983, док. 114.

69 *Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945,* т. 1, Москва 1984, док. 109.

70 Там же, док. 102.

71 «Крепнущая мощь антигитлеровской коалиции», *Правда,* 13/6/42.

72 *Внешняя политика Советского Союза в период*

Отечественной войны, т. 1, Москва 1944, стр. 260.

73 O.A. Rzheshevsky (ed.), *War and Diplomacy: The Making of the Grand Alliance,* Harwood Academic Publishers: Amsterdam 1996, docs 112, 119.

74 И.Н. Земсков, *Дипломатическая история второго фронта в Европе,* Москва 1982, стр. 110–20. Книга содержит цитаты из ряда неопубликованных советских дипломатических документов, к которым пока не открыт доступ в архивах.

75 *Stalin's Correspondence,* doc. 57 p. 56.

76 Там же, docs 58, 60, pp. 57–8.

77 *Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне,* т. 3, кн. 2, Москва 2003, док. 1005, 1022, 1024, 1031, 1037, 1041.

78 *Советско-американские отношения,* док.113, 123, 124, 125.

79 «New Documents about Winston Churchill from Russian Archives», *International Affairs,* vol. 47, № 5, 2001, pp. 131–4.

80 Приведенные ниже сведения взяты из отчета американского переводчика, хранящегося в личном архиве Гарримана (Harriman Papers, Library of Congress Manuscript Division, Container 162, Chronological File 16–23/8/42). Советская версия записи переговоров зафиксирована в книге *Советско-английские отношения,* док. 130. Американский вариант записи длиннее, но в нем нет ничего, что бы принципиально противоречило советскому варианту.

81 В сделанных от руки записях Гарримана говорится, что Черчилль назвал Москву в числе вероятных целей. Сталин ответил: «Я не знаю. Но, учитывая длину линии фронта, возможно, что для создания ударной силы понадобится 20 дивизий, чтобы создать угрозу для Москвы или в другом месте… Москва в более безопасном положении, но не застрахована от неожиданного сюрприза». Harriman Papers, c. 162, cf. 14–15/8/42.

82 Приведенные ниже сведения взяты из отчета американского переводчика, хранящегося в личном архиве Гарримана (Harriman Papers, c. 162, cf. 16–23/8/42). Советская версия записи переговоров зафиксирована в книге *Советско-английские отношения,* док. 131.

83 *Советско-американские отношения,* док. 132.

84 Приведенные ниже сведения взяты из отчета американского переводчика, майора А.Г. Бирса. Отчет хранится в личном архиве Гарримана (Harriman Papers, c. 162, cf. 14–15/8/42). Советская версия отчета о встрече (кроме беседы за ужином) зафиксирована в книге *Советско-английские отношения,* док. 137.

85 Идею такой операции впервые выдвинул Сталин в письме

Черчиллю 18 июля 1941 г. См. *Stalin's Correspondence,* doc. 3, p. 12.

86 Эта часть разговора о Германии и бомбардировке Берлина отсутствует в заметках Бирса о беседе за ужином, но присутствует в заметках переводчика Сталина, В. Павлова. См. О.А. Ржешевский, *Сталин и Черчилль,* Москва 2004, док. 152.

87 «New Documents about Winston Churchill from Russian Archives», pp. 137–8.

88 См. заметки Гарримана о его беседе со Сталиным во время официального ужина 14 августа: Harriman Papers, c. 162, cf. 14–15/8/42.

89 Stalin, *On the Great Patriotic War,* pp. 34–5. Рассказ Кессиди об обстоятельствах, в которых было сделано это заявление, см. в H.C. Cassidy, *Moscow Dateline* , The Riverside Press: Cambridge, Mass 1943, chap. 16.

90 Р. Иванов, *Сталин и союзники, 1941–1945 гг.,* Смоленск 2000, стр. 240–1.

91 Например, см. запись беседы Сталина с Уэнделлом Уилки, противником Рузвельта от Республиканской партии на президентских выборах 1940 г., 23 сентября 1942 г. *Советско-американские отношения,* док. 93.

92 Stalin *, On the Great Patriotic War,* pp. 39–41.

93 *Сталинградская эпопея,* док. 46 и 55; Н.А. Ломагин (ред.), *Неизвестная блокада,* Москва 2002, стр. 380–2, 389–91.

94 *Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны,* стр. 273–7. На эти события обращает внимание Кессиди в Cassidy, *Moscow Dateline,* chap. 17. Донесение НКВД о реакции жителей Ленинграда на данное заявление, информацию по делу Гесса и цитируемую ниже статью из «Правды» см. в сборнике под ред. Ломагина *Неизвестная блокада,* стр. 386–8.

95 Цит. по J. Haslam, «Stalin's Fears of a Separate Peace, 1942», *Intelligence and National Security,* vol. 8, № 4, October 1993, p. 98. См. также цитаты из той же статьи в Cassidy, *Moscow Dateline,* p. 286. Подробнее об этом см. A.J. Kochavi, «Anglo-Soviet Differences over a Policy towards War Criminals», *SEER,* vol. 69, № 3, July 1991.

96 *Советско-английские отношения,* док. 147.

97 О.А. Ржешевский, *Сталин и Черчилль,* док. 157.

98 Там же, док. 158. Другой вариант перевода см. в «New Documents about Winston Churchill from Russian Archives», p. 138.

99 Hayward, *Stopped at Stalingrad,* p. 189.

100 Samsonov, *Stalingradskaya,* p. 178.

101 Mawdsley, *Thunder,* p. 170.

102 *Stalingrad, 1942–1943,* doc. 146.

103 Там же, doc. 147.

104 *Ставка ВГК: документы и материалы 1942,* док. 527.

105 Там же, док. 529.

106 J. Erickson, *The Road to Stalingrad,* Harper & Row: New York 1975, p. 384; там же, doc. 552.

107 *Ставка ВГК: документы и материалы 1942,* док. 559. В директиве Еременко от 24 августа, цитируемой выше, в примечании 105, Сталин критиковал тогдашнего командующего 62-й армией, генерала А.И. Лопатина, называя его «неловким и неумелым». Тем не менее, Лопатин во время войны продолжал командовать несколькими другими армиями и в 1945 г. был удостоен звания Героя Советского Союза.

108 О Сталинграде см. G. Roberts, *Victory at Stalingrad.* В книге приводится список литературы, посвященной битве.

109 *Stalingrad, 1942–1943,* doc. 220.

110 *Сталинградская эпопея,* док. 40.

111 V. Chuikov, *The Beginning of the Road,* MacGibbon & Kee: London 1963, p. 205.

112 *Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне,* док. 1116.

113 Там же, док. 1233.

114 Округленные цифры рассчитаны на основании данных из издания *Сталинградская эпопея,* док. 50.

115 *Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне,* 1199 и 1233. Обзор роли НКВД в войне см. в: Glantz, *Colossus Reborn,* pp. 446–9.

116 *Сталинградская битва,* стр. 635, 782–3.

117 D.M. Glantz, *Soviet Military Deception in the Second World War,* Frank Cass: London 1989, chap. 5.

118 *Сталинградская битва,* стр. 742–3.

119 Бешанов, *Год 1942,* стр. 570.

120 *Ставка ВГК: Документы и материалы 1942,* док.564, 577.

121 См. M. Fenyo, «The Allied Axis Armies and Stalingrad», *Military Affairs,* vol. 29, № 2, 1965.

122 Zhukov, *Memoirs,* pp. 381–4; Vasilevsky, *A Lifelong Cause,* p. 189.

123 «Посетители кремлевского кабинета И.В. Сталина», *Исторический архив,* № 2, 1996, стр. 35–8.

124 Согласно подготовленному советским Генштабом в 1943 г. исследованию Сталинградской битвы (Rotundo, *Battle,* p. 415), планирование операции «Уран» началось во второй половине сентября, а 4 октября Жуков провел совещание с фронтовыми командирами, на котором обсуждалось предстоящее контрнаступление. После совещания от командующих фронтами поступил ряд предложений, касающихся роли того или иного

фронта в контрнаступлении. См. *Stalingrad, 1942–1943,* docs 221, 225, 227, 228, 229, 231, 258.

125 Zhukov, *Memoirs,* pp. 413–16.

126 D.M. Glantz, *Zhukov's Greatest Defeat: The Red Army's Epic Disaster in Operation Mars, 1942,* University Press of Kansas: Lawrence, Kansas 1999. Более подробно об операции «Марс» см.: Mawdsley, *Thunder, pp.* 152–5.

127 S. Walsh, *Stalingrad, 1942–1943,* St. Martin's Press: New York 2000, p. 111. Модсли *(Thunder,* pp. 174–5) отмечает, что кодовые названия были выбраны Сталиным, и предполагает, что на выбор вождя повлияло то, что в молодости он некоторое время работал в обсерватории Тифлиса.

128 D.M. Glantz and J.M. House, *When Titans Clashed: How the Red Army Stopped Hitler,* University Press of Kansas: Lawrence, Kansas 1995, p. 143.

129 Различные статьи и заявления Совинформа, опубликованные в газетах «Известия», «Правда» и «Красная звезда» после 29 ноября 1942 г.

130 М. Мягков, «Операция «Марс» и ее значение в ходе Сталинградской битвы», доклад на конференции, посвященной 60-й годовщине операции «Уран» (Волгоград, ноябрь 2002 г.).

131 См. Hayward, *Stopped at Stalingrad,* chaps 8–9.

132 *Сталинградская битва,* т. 2, стр. 204–5.

133 Stalin, *Great Patriotic War,* pp. 50–5.

134 J. Forster *, Stalingrad: Risse in Bundis 1942/3,* Freiburg 1975.

135 P.M.H. Bell, *John Bull and the Bear: British Public Opinion, Foreign Policy and the Soviet Union 1941–1945,* Edward Arnold: London 1990.

136 Например, см. М. Брагин, «Великое сражение под Сталинградом», *Правда,* 5/2/43.

137 S. Shtemenko, *The Soviet General Staff at War,* vol. 1, Progress Publishers: Moscow 1970, p. 151.

138 Zhukov, *Memoirs,* pp. 433–4.

139 Shtemenko, *Soviet General Staff,* p. 153.

140 Stalin, *Great Patriotic War,* pp. 56–60.

141 В.В. Коровин, *Советская разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны,* Москва 2003, стр. 113–22.

142 Vasilevsky, *A Lifelong Cause,* p. 272.

143 *Stalin's Correspondence,* docs 90, 92, 97, pp. 67–76.

144 О Курской битве: J.M. House and D.M. Glantz, *The Battle of Kursk* , University Press of Kansas: Lawrence, Kansas 1999. Более подробно см. в Mawdsley, *Thunder,* pp. 262–70.

145 Stalin, *Great Patriotic War,* p. 63.

146 Werth, *Russia at War,* p. 619.

147 *Shtemenko, Soviet General Staff,* p. 156.

148 S. Sebag Montefiore, *Stalin: The Court of the Red Star,* Weidenfeld & Nicolson: London 2003.

149 K. Rokossovsky, *A Soldier's Duty,* Progress Publishers: Moscow 1970, p. 86.

150 Shtemenko, *Soviet General Staff,* pp. 174–6.

151 Glantz, *Colossus Reborn,* pp. 534–5.

152 В вопросах советской экономики военных лет и роли поставок по ленд-лизу моим главным источником информации были работы Марка Гаррисона (Mark Harrison), в частности: *Soviet Planning in Peace and War 1938–1945,* Cambridge University Press: Cambridge 1985; *The Economics of World War II: Six Great Powers in International Comparison,* Cambridge University Press: Cambridge 1998; and *Accounting for War: Soviet Production, Employment, and the Defence Burden, 1940–1945,* Cambridge University Press: Cambridge 1996.

153 Например, см. «Два года советско-американского соглашения», *Правда,* 11/6/44.

154 M. Harrison, «The USSR and the Total War: Why Didn't the Soviet Economy Collapse in 1942?» in R. Chickering et al. (eds), *A World at Total War: Global Conflict and the Politics of Destruction, 1939–1945,* Cambridge University Press: Cambridge 2005.

Глава 5. Политика войны

1 J. Stalin *, On the Great Patriotic War of the Soviet Union,* Hutchinson: London 1943, p. 12.

2 «Политические и военные итоги года Отечественной войны», *Известия,* 23/6/42.

3 D. Volkogonov, *Stalin: Triumph and Tragedy,* Phoenix Press: London 2000, pp. 412–13.

4 P. Sudoplatov, *Special Tasks,* Warner Books: London 1995 pp. 145–7. См. также интервью с Судоплатовым: «Stalin Had No Intention of Surrendering», *New Times,* № 15, 1992.

5 В интервью с советским писателем Константином Симоновым в 1965 г. маршал И.С. Конев вспоминал, что во время битвы за Москву Сталин так нервничал, что даже начал говорить о себе в третьем лице: «Товарищ Сталин не предатель. Товарищ Сталин честный человек. Он сделает все, что в его силах, чтобы исправить создавшееся положение». Предположительно, Сталин сказал это во время телефонного разговора со штабом Западного фронта. См. К. Симонов, *Глазами человека моего поколения: размышления о И.В. Сталине,* Москва 1990, стр. 351.

6 Sudoplatov, *Special Tasks,* pp. 147–8.

7 В. Карпов, *Генералиссимус,* т. 1, Москва 2003, стр. 458–62.

8 V. Mastny, *Russia's Road to the Cold War,* Columbia University

Press: New York 1979, pp. 73–85. См. также следующую статью того же автора, в которой он рассуждает о том же, но значительно более многословно: «Stalin and the Prospects of a Separate Peace in World War II», *American Historical Review,* vol. 77, 1972.

9 *Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны,* т. 1, Москва 1944, стр. 395–6.

10 Harriman Papers, Library of Congress Manuscripts Division, Container 170, Chronological File 29–31/10/43. По словам Халла, Сталин «продолжил самым язвительным тоном рассуждать о тех, кто в прошлом распространял донесение о том, что Советский Союз и Германия могут прийти к мирному соглашению. Свою саркастическую тираду он завершил тем, что высмеял всю эту ситуацию, недвусмысленно показав, что не принимает эту информацию всерьез». *Foreign Relations of the United States 1943,* vol. 1, p. 687.

11 Там же, cf. 8 – 17/11/43.

12 W.H. McNeill *, America, Britain and Russia: Their Co-operation and Conflict, 1941–1946,* Oxford University Press: London 1953, p. 324.

13 Г.П. Кинин и Ж. Лауфер (ред.), *СССР и германский вопрос,* т. 1, Москва 1996, док. 15, 18, 38.

14 См.: W.F. Kimball, «Stalingrad: A Chance for Choices», *Journal of Military History,* № 60, January 1996.

15 I. Banac (ed.), *The Diary of Georgi Dimitrov* , Yale University Press: New Haven 2003, pp. 155–6.

16 Там же, p. 270.

17 *Коминтерн и Вторая мировая война,* т. 2, Москва 1998, док. 134, 136, 137. Указанные документы, в которых зафиксированы дебаты по поводу роспуска Коминтерна, приводятся на английском языке в A. Dallin and F.I. Firsov (eds), *Dimitrov & Stalin, 1934–1943,* Yale University Press: New Haven 2000 docs 51, 52, 53. Документ, в котором говорится о реакции компартий на роспуск Коминтерна, хранится в архиве Коминтерна (Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ) Ф. 495, Оп. 18, Д. 1340, Лл. 105–81).

18 J. Degras (ed.), *The Communist International, 1919–1943,* vol. 3, Frank Cass: London 1971, pp. 476–9.

19 Там же, pp. 480–1; *Коминтерн и Вторая мировая война,* док. 143.

20 Dimitrov diary, pp. 271–7. Возможно, Сталин торопил Димитрова потому, что в прессе появились сообщения о грядущем роспуске Коминтерна.

21 РГАСПИ, Ф. 17, Оп. 3, Д. 1042 Л. 58.

22 Dimitrov diary, pp. 275–6.

23 Слова Сталина о «религиозных убеждениях» стали первым проявлением значительного сдвига в политике советского правительства к активному сотрудничеству с Русской православной церковью в военное время. Отношение Сталина к религии во время войны и мотивы, стоявшие за его стремлением сотрудничать с церковью, подробно анализируются в книге S. Merritt Miner, *Stalin's Holy War: Religion, Nationalism and Alliance Politics, 1941–1945,* University of North Carolina Press: Chapel Hill NC 2003.

24 Stalin, *Great Patriotic* War, pp. 61–2.

25 «Ответ СССР польским пособникам Гитлера», *Известия* 27/4/43; «Против польских сообщников Гитлера», *Правда* 28/4/43.

26 *Stalin's Correspondence with Churchill, Atlee, Roosevelt and Truman, 1941–1945,* Lawrence & Wishart: London 1958, doc. 150, pp. 120–1.

27 Я подробно анализирую катынское дело в публикации «Stalin and the Katyn Massacre» in G. Roberts (ed.), *Stalin: His Times and Ours,* IAREES: Dublin 2005. Как статья, так и краткое изложение событий, представленное в настоящей книге, основаны главным образом на документах из русских/советских архивов: *Катынь: пленники необъявленной войны,* Москва 1997 и *Катынь: март 1940 г. – сентябрь 2000 г.,* Москва 2001. См. также G. Sanford, «The Katyn Massacre and Polish-Soviet Relations, 1941–1943», *Journal of Contemporary History,* vol. 21, № 1, 2006.

28 Соответствующие документы в переводе на английский язык доступны на многих сайтах в Интернете, в том числе на сайте http://www.katyn.org.

29 Harriman Papers c. 171, cf. 22–31/1/44. 25 января 1944 г. отец Кэтлин Гарриман, Аверелл, сообщил в Вашингтон, что Кэтлин и один из представителей посольства вернулись из Смоленска и «хотя результаты не являются окончательными, исходя из имеющихся фактов и показаний, Кэтлин и служащий посольства считают, что, по всей вероятности, массовое убийство было совершено немцами». Harriman Papers, c. 187 (Katyn Forest Massacre File).

30 A. Polonsky and B. Drukier, *The Beginnings of Communist Rule in Poland,* Routledge & Kegan Paul: London 1980, pp. 7–8.

31 «Посетители кремлевского кабинета И.В. Сталина: 1942–1943», *Исторический архив,* № 3, 1996, стр. 66.

32 N. Lebedeva and M. Narinksy, «Dissolution of the Comintern in 1943», *International Affairs,* № 8, 1994.

33 P. Spriano, *Stalin and the European Communists,* Verso: London 1985, chap. 16.

34 Г.М. Адибеков, Е.Н. Шахназарова, К.К. Ширинья, *Организационная структура Коминтерна, 1919–1943,* Москва 1997, стр. 233–241.

35 РГАСПИ, Ф. 17, Оп. 3, Д. 1047, Лл. 63–4. После войны название журнала было изменено на «Новое время» (*New Times*), и выходить он стал не только на русском, но и на французском, немецком и английском языках. Официально журнал издавался советскими профсоюзами, что позволяло Сталину, когда нужно, снять с себя ответственность за публикуемую в нем информацию.

36 *СССР и германский вопрос,* стр. 665.

37 О роли Литвинова в войне см.: G. Roberts, «Litvinov's Lost Peace, 1941–1946», *Journal of Cold War Studies,* vol. 4, № 2, Spring 2002.

38 Архив внешней политики Российской Федерации (АВПРФ) Ф. 06, Оп. 5, П. 28, Д. 327, Лл. 5–28. Архивная копия документа Литвинова, прочитанного Молотовым, изобилует подчеркиваниями и пометками, которые показывают, что Молотов подвергал сомнению взгляды Литвинова. Документ (без пометок Молотова) был опубликован в журнале *Вестник министерства иностранных дел СССР,* № 7, 1990, стр. 55–63. Текст документа в переводе на английский язык см. в A. Perlmutter, *FDR and Stalin: A Not So Grand Alliance, 1943–1945,* University of Missouri Press: Columbia, 1993, pp. 230–46.

39 *Stalin's Correspondence,* doc. 174, p. 149.

40 M. Gat, «The Soviet Factor in British Policy towards Italy, 1943–1945», *Historian,* vol. 1, № 4, August 1988.

41 «Итальянский вопрос», *Правда,* 30/3/44.

42 Парадоксально, но, как отмечается в Gat, *Soviet Factor* , именно рост советского и коммунистического влияния в Италии заставил англичан отказаться от стремления подчинить страну и вместо этого поддержать ее независимость.

43 Dimitrov diary, p. 304.

44 О политике советского правительства по отношению к Италии: О.В. Серова, *Италия и антигитлеровская коалиция, 1941–1945,* Москва 1973 и S. Pons, «Stalin, Togliatti, and the Origins of the Cold War in Europe», *Journal of Cold War Studies,* vol. 3, № 2, Spring 2001.

45 Dimitrov diary, p. 305.

46 «Англичане и американцы хотят везде создать реакционные правительства», *Источник,* № 4, 1995. Перевод документа на английский язык см. в *Stalin and the Cold War, 1945–1953: A Cold War International History Project Documentary Reader,* pp. 81–6.

47 E. Kimball MacLean, «Joseph E. Davies and Soviet-American

Relations, 1941–1943», *Diplomatic History,* vol. 4, № 1, 1980.

48 О московском совещании: K. Sainsbury, *The Turning Point,* Oxford University Press: Oxford 1986; V. Mastny, «Soviet War Aims at the Moscow and Tehran Conferences of 1943», *Journal of Modern History,* № 47, September 1975; D. Watson, «Molotov et La Conference du Moscou Octobre 1943», *Communisme,* № 74/75, 2003.

49 *Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании,* Москва 1984, док. 10, 11, 14.

50 «К предстоящему совещанию в Москве трех министров», АВПРФ, Ф. 6, Оп. 5б, П. 39, Д. 6, Лл. 52–8. Данный документ, датированный 3/10/43, был написан заместителем комиссара иностранных дел, Владимир Деканозов. Копия документа опубликована в издании *СССР и германский вопрос,* док. 59.

51 АВПРФ Ф. 6, Оп. 5б, П. 39, Д. 1–2, 4–6 и П. 40, Д. 11. Некоторые из этих документов были опубликованы в издании *СССР и германский вопрос.*

52 «Посетители кремлевского кабинета И.В. Сталина: 1942–1943», стр. 82–4.

53 АВПРФ Ф. 6, Оп. 5б, П. 39, Д. 6, Лл. 16–27.

54 *Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945,* т. 1, Москва 1983, док. 295.

55 В издании *Московская конференция* опубликованы материалы конференции в записи советской стороны, протокол решений конференции, резолюции и декларации конференции. Соответствующие документы в американской версии см. в издании *Foreign Relations of the United States 1943,* vol. 1, а в британской версии – в PRO F0371/37031.

56 *Foreign Relations of the United States 1943,* vol. 1, pp. 742–4.

57 «Значение московской конференции», *Известия,* 2/11/43; «Важный вклад в общее дело союзников», *Правда* , 2/11/43; и «К итогам московской конференции», *Война и рабочий класс,* № 11, 1943.

58 АВПРФ Ф. 0511, Оп. 1, Д. 1, Л. 72.

59 H. Feis, *Churchill – Roosevelt – Stalin,* Princeton University Press: Princeton NJ 1957, p. 237.

60 Цит. по: Watson, «Molotov».

61 Feis, *Churchill…* p. 238.

62 Harriman Papers, c. 170, Cf. 8 – 17/11/1943.

63 И. Сталин *, О Великой Отечественной войне Советского Союза,* Москва 1946, стр. 108–9.

64 *International Affairs,* № 2, 2004, p. 149.

65 S.M. Shtemenko, *The Soviet General Staff at Work, 1941–1945,* vol. 1, Progress Publishers: Moscow 1970, chap. 9.

66 For example, L. Havas, *Hitler's Plot to Kill the Big Three,* Corgi Books: London 1971.

67 V. Berezhkov, *History in the Making: Memoirs of World War II Diplomacy,* Progress Publishers: Moscow 1983, p. 254. Эта история, вероятно, является вымыслом. Бережков заявляет, что на встрече присутствовали только он, Рузвельт и Сталин. На самом деле там, как и положено, присутствовал переводчик Рузвельта, Чарльз Болен, который тоже делал записи. Более того, по словам Болена, на встрече присутствовал не Бережков, а основной переводчик Сталина, Павлов.

68 *Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании,* Москва 1984, док. 52. Этот том содержит официально опубликованные в Советском Союзе материалы Тегеранской конференции. Впрочем, при

сравнении этого издания с протоколами конференции, хранящимися в архиве русского Министерства иностранных дел, обнаруживается ряд несоответствий между опубликованной и неопубликованной версией. Помимо прочего, в опубликованной версии отсутствует процитированное здесь высказывание Сталина о де Голле и второе предложение комментария Сталина по поводу Индии (АВПРФ Ф. 0555, Оп. 1, П. 12, Д. 24, Лл. 5–7). Американская версия записи этой беседы опубликована в издании *Foreign Relations of the United States: The Conferences of Cairo and Tehran 1943,* Washington DC 1961, pp. 483–6. См. также в записях Болена, американского переводчика, высказывание Сталина о Франции во время трехстороннего ужина 28 ноября: «В течение всего вечера Маршал Сталин неоднократно возвращался к тезису о том, что французская нация, и в частности ее руководители и правящие классы, нравственно разложилась и заслуживает наказания за преступное сотрудничество с фашистской Германией». Там же, p. 512.

69 Замечательное исследование мнения Черчилля об операции «Оверлорд» и сущности предложенной им альтернативной «средиземноморской стратегии» см. в D. Reynolds, *In Command of History: Churchill Fighting and Writing the Second World War,* Penguin Books: London 2005.

70 *Тегеранская конференция,* док. 53. Текст советских записей пленарных заседаний Тегеранской конференции на английском языке частично опубликован в издании *The Tehran, Yalta & Potsdam Conferences,* Progress Publishers: Moscow 1969, однако часть стенограммы, в которой содержится высказывание Сталина об участии советских войск в войне на Дальнем Востоке, в этом издании опущена.

71 *The White House Papers of Harry L. Hopkins,* Eyre & Spottiswoode: London 1949 p. 777. См. также *Тегеранская конференция,* док. 54.

72 PRO Prem 3/136/11/75892.

73 O.A. Rzheshevsky (ed.), *War and Diplomacy: The Making of the Grand Alliance (Documents from Stalin's Archive),* Harwood Academic Publishers: Amsterdam 1996, doc. 82.

74 *Тегеранская конференция,* док. 56.

75 *СССР и германский вопрос,* док. 58, 59, 63, 64, 65.

76 *Тегеранская конференция,* док. 57.

77 Там же, док. 58; PRO Prem 3/136/11/75892.

78 *Тегеранская конференция,* док. 59. Ср . *Foreign Relations of the United States: The Conferences of Cairo and Tehran 1943,* pp. 565–681.

79 *Тегеранская конференция,* док. 62; PRO Prem 3/136/11/75892; *Foreign Relations of the United States: The Conferences*

of Cairo and Tehran 1943, pp. 596–604; и АВПРФ Ф. 0555, Оп. 1, П. 12, Д. 24, Лл. 50–101. Части стенограммы, в которых Сталин явно выступал за расчленение Германии, упоминал условия пакта Молотова – Риббентропа и говорил о том, что России нужен кусок немецкой территории, были опущены в официально опубликованной советской версии материалов конференции.

80 *The Tehran, Yalta & Potsdam Conferences,* pp. 51–2.

81 «Знаменательная встреча руководителей трех союзных держав» *Известия,* 7/12/43; «Историческое решение», *Правда,* 7/12/43.

82 В журнале *Международная жизнь,* № 2, 2004, стр. 121 опубликована копия текста с исправлением, сделанным рукой Сталина.

83 Это изменение было внесено после третьей встречи Сталина с Рузвельтом 1 декабря, во время которой Сталин заявил, что теперь поддерживает предложение президента о создании единой международной организации. Кроме этого, главы государств обсуждали вопрос оккупации советскими войсками Прибалтики в 1940 г. Рузвельт объяснил, что этот вопрос стал причиной затруднения во внутренней политике США в связи с влиянием группировок граждан прибалтийского происхождения. *Тегеранская конференция,* док. 63.

84 «Изложение отдельных вопросов, обсуждавшихся на конференции в Тегеране», РГАСПИ, Ф. 558, Оп. 11, Д. 234, Лл. 99–104.

85 Цит. по R. Edmonds, *The Big Three,* Penguin Books: London 1991, p. 341.

86 Цит. по R. Nisbet, *Roosevelt and Stalin: The Failed Courtship,* Regnery Gatway: Washington DC 1988, p. 50.

87 Там же.

88 D.J. Dunn, *Caught between Roosevelt and Stalin: America's Ambassadors to Moscow,* University Press of Kentucky: Lexington 1998, p. 221.

89 Цит. по D. Carlton, *Churchill and the Soviet Union,* Manchester University Press: Manchester 2000, p. 109. Об отношениях Черчилля и Сталина во время войны см. Lord Moran, *Winston Churchill: The Struggle for Survival, 1940–1965,* Sphere Books: London 1968.

90 «Talk with the German Author Emil Ludwig, December 13, 1931», in J. Stalin, *Works,* vol. 13, Foreign Languages Publishing House: Moscow 1955, pp. 106–25.

91 Цит. по Mastny, *Russia's Road,* p. 132.

Глава 6. Триумф и трагедия

1 *Soviet Foreign Policy during the Patriotic War: Documents and Materials* , vol. 2, Hutchinson: London 1945, pp. 25–33.

2 Архив внешней политики Российской Федерации (АВПРФ) Ф. 06, Оп. 6, П. 3, Д. 133–4. Подробнее см. G. Roberts, «Litvinov's Lost Peace, 1941–1946», *Journal of Cold War Studies,* vol. 4, № 2, Spring 2002.

3 «Советский Союз и ООН: Директивы Политбюро ЦК ВКП (б) советской делегации на конференции в Думбартон-Оксе 1944 г.», *Исторический архив,* № 4, 1995, стр. 52–8.

4 АВПРФ Ф. 06, Оп. 6, П. 3, Д. 134, Лл. 44–50.

5 Там же, Д. 135.

6 Там же, Л. 33. О внутреннем обсуждении в советском правительстве роли Франции в послевоенном мире см.: S. Pons, «In the Aftermath of the Age of Wars: The Impact of World War II on Soviet Security Policy» in S. Pons and A. Romano (eds), *Russia in the Age of War, 1914–1945,* Feltrinelli: Milan 2000.

7 Обзор дебатов на конференции в Думбартон-Окс см. W.H. McNeill, *America, Britain and Russia: Their Co-operation and Conflict, 1941–1946,* Oxford University Press: London 1953, pp. 501–11. Советская версия материалов конференции: *Конференция представителей СССР, США и Великобритании в Думбартон-Оксе,* Москва 1984. Позиция СССР по вопросу создания новой международной организации была заявлена в меморандуме американскому и британскому правительствам 12 августа 1944 г. См. док. 26 в вышеуказанном издании.

8 Название «Организация Объединенных Наций» впервые было употреблено в Декларации Объединенных Наций, выпущенной союзниками в январе 1942 г. Это было официальное заявление, стороны которого обещали всеми силами бороться против войны и подтверждали свое согласие с принципами Атлантической хартии, подписанной Черчиллем и Рузвельтом в августе 1941 г. На конференции в Думбартон-Окс Громыко заявил, что организацию лучше назвать «Всемирный совет» или еще как-то в этом роде, поскольку словосочетание «Объединенные Нации» ассоциируется с объединением союзников. Впрочем, предложение Громыко не вызвало одобрения, и за организацией закрепилось название ООН.

9 АВПРФ Ф. 6, Оп. 6, П. 12, Д. 125, Лл. 27, 69.

10 *Stalin's Correspondence with Churchill, Attlee, Roosevelt and Truman, 1941–1945,* Lawrence & Wishart: London 1958, doc. 227, p. 160. Послание от Сталина Рузвельту датировано 14/9/44.

11 *Soviet Foreign Policy,* p. 30.

12 A. Polonsky and B. Drukier, *The Beginnings of Communist Rule in Poland,* Routledge & Kegan Paul: London 1980, p. 297.

13 A. Werth, *Russia at War, 1941–1945,* Pan Books: London 1964, p. 688.

14 Помимо изданий, указанных ниже, я во многом опирался в своем исследовании операции «Багратион» на следующие источники: J. Erickson, *The Road to Berlin,* Weidenfeld & Nicolson: London 1983, pp. 191–247; D.M. Glantz and J. House, *When Titans Clashed: How the Red Army Stopped Hitler,* University Press of Kansas: Lawrence, Kansas 1995, chap. 13; R. Overy, *Russia's War,* Allen Lane: London 1997, pp. 237–46; S.M. Shtemenko, *The Soviet General Staff at War, 1941–1945,* Progress Publishers: Moscow 1970, chap. 11; A.M. Vasilevsky, *A Lifelong Cause,* Progress Publishers: Moscow 1981, pp. 356–88; И.В. Тимохович, «Операция «Багратион» в сборнике *Великая Отечественная война, 1941–1945,* т. 3, Москва 1999. С ежедневными оперативными сводками советского Генштаба в период сражения можно ознакомиться в сборнике документов « *Операция «Багратион»,* Москва 2004.

15 *Soviet Foreign Policy,* p. 24.

16 Тимохович, «Багратион», стр. 58.

17 *Stalin's Correspondence,* doc. 260, p. 215.

18 B.F. Smith, *Sharing Secrets with Stalin: How the Allies Traded Intelligence, 1941–1945,* University Press of Kansas: Lawrence, Kansas 1996.

19 *Stalin's Correspondence,* doc. 274, p. 224.

20 *Soviet Foreign Policy, p. 25.*

21 Glantz and House, *Titans,* p. 209.

22 Тимохович, «Багратион», стр. 77.

23 Erickson, *Road to Berlin,* p. 228.

24 *Soviet War News, 12/6/44.*

25 Там же 27/6/44.

26 *Soviet Foreign Policy during the Patriotic War,* vol. 2, pp. 23, 28.

27 Vasilevsky, *A Lifelong Cause,* p. 360.

28 Shtemenko, *Soviet General Staff,* p. 253.

29 *СССР и Польша, 1941–1945. К истории военного союза,* Терра: Москва 1994 (серия «Русский архив»), док. 9, стр. 202.

30 Повествование о действиях советских вооруженных сил в этой главе основано на книге Erickson, *Road to Berlin,* pp. 247–90; Werth, *Russia at War,* part 7, chap. 8; Overy, *Russia's War,* pp. 246–9; Тимохович, «Багратион»; S.M. Shtemenko, *The Soviet General Staff at War, 1941–1945,* book 2, Progress Publishers: Moscow 1986, chaps. 2 & 3; K. Rokossovsky, *A Soldier's Duty,* Progress Publishers: Moscow 1970, pp. 254–63; М.И. Мельтюхов, «Операция «Багратион» и Варшавское восстание 1944 года», *Вопросы истории,* № 11, 2004.

31 Shtemenko *, Soviet General Staff,* book 2, pp. 71–81; *Ставка ВГК, 1944–1945,* Москва 1999, док. 160.

32 Там же, стр. 92.

33 *СССР и Польша, 1941–1945,* док. 29, стр. 218–19. Перевод

документа см. там же, стр. 93–4.

34 См. оперативные сводки в книге *Операция «Багратион».*

35 Обзор событий восстания и связанных с ним дискуссий см. в N. Davies, *Rising' 44: The Battle for Warsaw,* Pan Books: London 2004.

36 О мотивах восстаниях: J.M. Ciechanowski, *The Warsaw Rising of 1944,* Cambridge University Press: Cambridge 1974.

37 О политике и действиях советского правительства в отношении польской Армии Крайовой в 1944–1945 гг. см. документы в *НКВД и польское подполье, 1944–1945,* Москва 1994.

38 Werth, *Russia at War,* p. 786.

39 Ciechanowski, *Warsaw Rising,* pp. 244–5.

40 E. Duraczynski, «The Warsaw Rising: Research and Disputes Continue», *Acta Poloniae Historica,* № 75, 1997.

41 A. Polonsky (ed.), *The Great Powers and the Polish Question, 1941–1945,* Orbis Books: London 1976, doc. 82.

42 *Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны* , т. 2, Москва 1946, стр. 59–61. Перевод этого заявления см. в *Soviet War News* 12/1/44.

43 Ответ Сталина на вопросы журналистов о Польше 4 мая 1943 г. см. в: J. Stalin, *On the Great Patriotic War of the Soviet Union,* Hutchinson: London 1943, pp. 60–1. Что касается дискуссий по польскому вопросу внутри советского правительства, курс на сильную и независимую, но дружественную по отношению к СССР Польшу был наиболее явно сформулирован во время московского совещания министров иностранных дел в октябре 1943 г. Например: АВПРФ, Ф. 6, Оп. 5б, П. 41, Д. 20, Лл. 31–3.

44 В декабре 1941 г. Сталин сказал Идену, что, по его мнению, «Польше должны быть отданы все земли до Одера». В одной из версий секретного протокола, который Москва хотела приложить к англо-советскому соглашению о союзничестве, предлагалось «увеличить территорию Польши за счет западной части Восточной Пруссии». В другой версии предложенного текста протокола вопрос о границах был оставлен открытым для обсуждения. См. O.A. Rzheshevskii (ed.), *War and Diplomacy,* Harwood Academic Publishers: Amsterdam 1996, docs 4–6. Анализ общественного мнения по вопросу о западной границе Польши в военные годы см. W. Wanger, *The Genesis of the Oder-Neisse Line,* Brentano-Verlag: Stuttgart 1957.

45 Harriman Papers, Library of Congress Manuscript Division, Container 171, Chronological File 1 – 15/1/44.

46 *Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны* т. 2, стр. 339–40.

47 Harriman Papers, c. 171, cf. 16–21/1/44.

48 Там же.

49 Там же, cf. 1–8/3/44.

50 *Stalin's Correspondence,* doc. 257, pp. 212–13.

51 Harriman Papers, c. 175, cf. 22–29/2/44.

52 См. A. Polonsky and B. Drukier, *The Beginnings of Communist Rule in Poland,* pp. 14–23.

53 *Stalin's Correspondence,* doc. 310, pp. 241–2.

54 О Ланге: A.M. Cienciala, «New Light on Oskar Lange as an Intermediary between Roosevelt and Stalin in Attempts to Create a New Polish Government», *Acta Poloniae Historica,* № 73, 1996.

55 *Правда,* 11/8/41 и 12/8/41 (передовая статья «Все славяне на борьбу против общего врага»); H. Kohn, «Pan-Slavism and World War II», *American Political Science Review,* vol. 46, № 3, September 1952.

56 *Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны,* т. 1, Москва 1944, стр. 372–6.

57 «Переговоры Э. Бенеша в Москве (декабрь 1943 г.)», *Вопросы истории,* № 1 и 3, 2001. Эта статья из двух частей содержит перевод на русский язык чехословацких записей переговоров Бенеша со Сталиным и Молотовым. В переводе на английский язык большая часть указанных материалов включена в издание V. Mastny, «The Benes – Stalin – Molotov Conversations in December 1943», *Jahrbucher fur Geschichte Osteuropas,* vol. 20 1972.

58 Возможно, Сталин, проводя аналогию с Грюнвальдом, основывался на заявлении группы польских эмигрантов в Лондоне, процитированном в передовой статье газеты «Правда» в июне 1943 г. См. «Unity of Slavs» in *Soviet War News,* 19/6/43. Грюнвальд также вскользь упоминался в беседе Сталина с Сикорским и Андерсом в декабре 1941 г.

59 *Stalin and the Cold War, 1945–1953: A Cold War International History Project Documentary Reader, 1999, p. 3.*

60 Там же, pp. 9, 15–16.

61 V. Deijer, *Tito Speaks,* Weidenfeld & Nicolson: London 1953, p. 234.

62 M. Djilas, *Wartime,* London; Seeker & Warburg 1977, p. 438. Джилас цитирует также еще одно высказывание, сделанное Сталиным во время этой встречи: «Эта война не такая, как в прошлом. Тот, кто занимает территорию, устанавливает на ней свою социальную систему. Каждый устанавливает свою систему в той степени, в какой это удается сделать его армии» (там же, p. 437). Это высказывание часто интерпретируют как намек на то, что Сталин намеревался советизировать страны Восточной Европы, оккупированные Красной Армией, однако его следует понимать иначе: Сталин хотел ограничить действия югославских

коммунистов, указав им на то, что им нужно смириться с реальностью, устанавливаемой военной властью, в их случае – с оккупацией Триеста союзническими войсками и с той ролью, которую сыграли британские войска в подавлении коммунистического восстания в Греции.

63 *Советский фактор в Восточной Европе, 1944–1953,* т. 1, Москва 1999, док. 9.

64 *The Great Powers and the Polish Question, 1941–1945,* doc. 102.

65 Там же; *Советский фактор в Восточной Европе,* док. 10; *Polonsky and Drukier, The Beginnings of Communist Rule in Poland,* doc. 27.

66 *Stalin's Correspondence,* docs 311, 313, стр. 248–9.

67 Там же, док. 315, стр. 250–1.

68 *Советский фактор в Восточной Европе,* док. 11.

69 *The Great Powers and the Polish Question, 1941–1945,* doc. 102, p. 211. Воспоминания Миколайчика о поездке в Москву, в которых представлен взгляд, радикально отличающийся от представленной в документах того времени официальной версии, см. в S. Mikolajczyk, *The Pattern of Soviet Domination,* Sampson, Low & Marston: London 1948, chap. 6.

70 Там же, док. 106.

71 Harriman Papers, c. 173, cf. 13–15/8/44. Отчет Вышинского об этой беседе: *Советско-американские отношения, 1939–1945,* Москва 2004, док. 251.

72 Harriman Papers, cf. 16–18/8/44; *Советско-американские отношения, 1939–1945,* док. 252.

73 Там же, док. 103.

74 *Stalin's Correspondence,* doc. 321, p. 254.

75 Harriman Papers, c. 173, cf 16–18/8/44; *Советско-американские отношения, 1939–1945,* док. 253.

76 *The Great Powers and the Polish Question, 1941–1945,* doc. 107.

77 Meiklejohn diary p. 543 in Harriman Papers, c. 165.

78 *Stalin's Correspondence,* docs 322–3, pp. 254–5.

79 Harriman Papers, c. 174, cf. 1–5/9/44.

80 *The Soviet General Staff at War, 1941–1945,* book 2, pp. 102–4. См. также Тимохович, «Багратион», стр. 75.

81 A. Chmielarz, «Warsaw Fought Alone: Reflections on Aid to and the Fall of the 1944 Uprising», *Polish Review,* vol. 39, № 4, 1994, p. 421. См. также: R.C. Lukas, «The Big Three and the Warsaw Uprising», *Military Affairs,* vol. 39, № 3, 1975.

82 Цит. по S. Berthon and J. Potts, *Warlords,* Politico's Publishing: London 2005, p. 265.

83 Об освобождении/завоевании советскими войсками Болгарии, Румынии, Венгрии и Чехословакии: Erickson, *Road to*

Berlin, chap. 6 и Mawdsley, *Thunder in the East,* chap. 12.

84 Поскольку встреча Сталина и Черчилля 9 октября 1944 г. проходила в форме обеда в Кремле, о ней нет записи в журнале посещений кремлевского кабинета Сталина. Тем не менее, в журнале есть записи о встречах Сталина с Черчиллем 14, 16 и 17 октября. См.: «Посетители кремлевского кабинета И.В. Сталина», *Исторический архив,* № 4, 1996, стр. 87.

85 W.S. Churchill, *The Second World War,* vol. 6, Cassell: London 1954, pp. 194–5.

86 Подробный и очень увлекательный анализ роли Черчилля во Второй мировой войне: D. Reynolds, *In Command of History: Churchill Fighting and Writing the Second World War,* Penguin Books: London 2005. Детальное исследование так называемого «процентного соглашения» см. в: K.G.M. Ross, «The Moscow Conference of October 1944 (Tolstoy)» in W. Deakin, E. Barker and J. Chadwick (eds), *British Political and Military Strategy in Central, Eastern and Southern Europe in 1944,* London: Macmillan 1988; A. Resis, «The Churchill – Stalin Secret "Percentages" Agreement on the Balkans, Moscow, October 1944», *American Historical Review,* April 1978; P. Tsakaloyannis, «The Moscow Puzzle», *Journal of Contemporary History,* vol. 21, 1986; P.G.H. Holdich, «A Policy of Percentages? British Policy and the Balkans after the Moscow Conference of October 1944», *International History Review,* February 1987; G. Roberts, «Beware Greek Gifts: The Churchill – Stalin "Percentages Agreement" of October 1944», *Мир истории,* www/historia.ru/2003/01/roberts.htm.

87 G. Ross (ed.), *The Foreign Office and the Kremlin: British Documents on Anglo-Soviet Relations 1941–1945,* Cambridge University Press: Cambridge 1984, doc. 30. Цитата взята из той части чернового текста отчета, которую Кларк Керр вычеркнул из окончательной, официальной версии записи встречи.

88 «Запись беседы тов. И.В. Сталина с Черчиллем 9 октября 1944 г. в 22 часа», Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), Ф. 558, Оп. 11, Д. 283, Лл. 6–9, 13. Этот документ, как и большинство советских записей других встреч Сталина и Черчилля в октябре 1944 г., был опубликован в книге О.А. Ржешевского *Сталин и Черчилль,* Москва 2004. Почти вся запись встречи 9 октября приводится в переводе в издании O.A. Rzheshevsky, «Soviet Policy in Eastern Europe 1944–1945: Liberation or Occupation» in G. Bennett (ed.), *The End of the War in Europe, 1945,* HMSO: London 1996, pp. 162–8. Это была первая публикация советской записи разговора о «процентном соглашении».

89 Английская версия записи этих двух встреч опубликована в издании J.M. Siracusa, «The Meaning of Tolstoy: Churchill, Stalin

and the Balkans, Moscow, October 1944» *Diplomatic History,* Fall 1979. Советская версия встречи 10 октября опубликована в книге Ржешевского *Сталин и Черчилль,* док. 162.

90 Исключением стала встреча во время Потсдамской конференции в июле 1945 г., на которой Черчилль пожаловался, что он не получил свои 50 % влияния в Югославии. Сталин ответил, что Советский Союз не имеет там влияния, и что Тито – сам себе хозяин.

91 РГАСПИ Ф. 558, Оп. 11, Д. 283, Л. 6.

92 АВПРФ Ф. 6, Оп. 5б, П. 39, Д. 1.

93 Г.П. Кинин и Ж. Лауфер (ред.), *СССР и германский вопрос,* т. 1, Москва 1996, док. 79.

94 P.J. Stavrakis, *Moscow and Greek Communism, 1944–1949,* Cornell University Press: New York 1989, pp. 28–9.

95 *The Diary of Georgi Dimitrov 1933–1949,* Yale University Press: New Haven 2003, p. 345 (записи в дневники от 8 и 9 декабря 1944 г.).

96 Там же, стр. 352–3.

97 Подготовленная Литвиновым записка подробно цитируется в издании V.O. Pechatnov *, The Big Three after World War II: New Documents on Soviet Thinking about Postwar Relations with the United States and Great Britain,* Cold War International History Project, 1995, Working Paper № 13.

98 АВПРФ Ф. 06, Оп. 7а, Д. 5, Лл. 11–12.

99 Этот обмен репликами о Греции полностью отсутствует в советской версии материалов Ялтинской конференции, опубликованной в 1960-е гг. Он был включен в пересмотренное издание, опубликованное в 1980-е гг., но по-прежнему без цитируемых предложений, которые взяты здесь из машинописной стенограммы конференции, хранящейся в архиве министерства иностранных дел России. Ср. *Крымская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании,* Москва 1984, стр. 145 и АВПРФ Ф. 06, Оп. 7а, Д. 7, Л. 105.

100 D. Carlton, *Churchill and the Soviet Union,* Manchester University Press: Manchester 1999, p. 120.

101 РГАСПИ Ф. 558, Оп. 11, Д. 283, Л. 21.

102 Ржешевский, *Сталин и Черчилль,* док. 164.

103 Polonsky and Drukier, *The Beginnings of Communist Rule in Poland, doc. 56* .

104 Ржешевский, *Сталин и Черчилль,* док. 165; РГАСПИ Ф. 558, Оп. 11, Д. 283, Л. 20.

105 РГАСПИ Ф. 558, Оп. 11, Д. 283, Л. 64.

106 Там же, Лл. 10–11.

107 Siracusa, «The Meaning of Tolstoy», p. 449.

108 РГАСПИ Ф. 558, Оп. 11, Д. 283, Л. 84.

109 См., например, разговор Молотова с Иденом 21 мая 1942 г. в издании O.A. Rzheshevsky (ed.), *War and Diplomacy,* Harwood Academic Publishers: Amsterdam 1996, doc. 16.

110 Трансильвания была передана Румынии побежденной Венгрией в 1920 г. В 1940 г., однако, Трансильвания была разделена в рамках так называемого Второго Венского арбитража, при этом большая часть ее отошла Венгрии. После Второй мировой войны она была возвращена Румынии. См. Y. Lahav, *Soviet Policy and the Transylvanian Question (1940–1946),* Research Paper № 27, The Hebrew University of Jerusalem, July 1977. Ряд советских документов был опубликован в издании *Трансильванский вопрос: венгеро-румынский территориальный спор и СССР 1940–1946,* Москва 2000.

111 Цит. по E. van Ree, *The Political Thought of Joseph Stalin,* Routledge: London 2002, p. 232. Подробное описание процесса передачи территорий с выдержками из документов см.: В. Марьина, *Закарпатская Украина (Подкарпатская Русь) в политике Бенеша и Сталина,* Москва 2003.

112 Ржешевский, *Сталин и Черчилль,* док. 173.

113 A.H. Birse, *Memoirs of an Interpreter,* Michael Joseph: London 1967, p. 173.

114 Harriman Papers, c. 174, cf. 15–16/10/44.

115 *Stalin's Correspondence,* docs 230–1, pp. 162–3.

116 РГАСПИ Ф. 558, Оп. 11, Д. 283, Лл. 7–8.

117 АВПРФ Ф. 06, Оп. 7а, Д. 7, Л. 18.

118 Там же, Л. 30. Эта и предыдущая цитаты отсутствуют в официально опубликованной советской версии материалов Ялтинской конференции (именно в этой версии они приводятся в издании *Крымская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании,* Москва 1979). В 1961 г., когда эти записи были впервые опубликованы, Советский Союз стремился к достижению разрядки в отношениях с французским правительством во главе с де Голлем, поэтому подобные критические замечания опускались.

119 *Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945,* Москва 1959, док. 197. Это один из самых первых сборников советских дипломатических документов, в который были включены конфиденциальные записи из советских архивов.

120 Об отношениях советского правительства с де Голлем во время войны: G.-H. Soutou, «Le General de Gaulle et L'URSS, 1943–1945», *Revue d'histoire diplomatique,* № 4, 1994; N. Narinskii, «Moscou

et le Gouvernement provisoire du général de Gaulle», *Relations internationales,* № 108, 2001; М.Ц. Арзаканян «Почему Шарль де Голль стал «большим другом СССР», *Военно-исторический журнал,* № 2, 1995; и И. Челышев, «Маршал Сталин всегда может рассчитывать на де Голля», *Источник,* № 2, 2002.

121 *Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945,* т. 2, Москва 1983, док. 69, 75, 76. Эта книга в двух томах представляет собой пересмотренное издание сборника, процитированного выше, в примечании 119, и включает в себя целый ряд новых документов.

122 *Stalin's Correspondence,* docs 360, 364, 365, 366, 370, pp. 227–84; docs 243, 244, 245, 246, pp. 170–2.

123 *Советско-французские отношения* (издание 1959 г.), док. 202.

124 Там же, док. 209.

125 *Советско-французские отношения* (издание 1983 г.), док. 101.

126 Harriman Papers, c. 175, cf. 8 – 14/12/44.

127 *Советско-французские отношения* (издание 1983 г.), док. *102.*

128 Harriman Papers, c. 175, cf. 8 – 14/12/44.

129 *Stalin and the Cold War, 1945–1953: A Cold War International History Project Documentary Reader,* p. 103.

130 «Resurgent France», *Soviet War News,* 20/12/44.

131 *Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны,* т. 3, Москва 1947, стр. 61–2.

Глава 7. Освобождение, завоевание, революция

1 D.S. Clemens, *Yalta,* Oxford University Press: Oxford 1970, pp. 63–73. Несмотря на то, что с момента написания книги прошло много лет, и на то, что у автора не было доступа к конфиденциальным советским источникам, она по-прежнему остается очень ценным исследованием Ялтинской конференции.

2 Советские документы, касающиеся Комиссии по разоружению: Архив внешней политики Российской Федерации (АВПРФ) Ф. 0511, Оп. 1, Д. 1–4 и ЕКК: АВПРФ Ф. 0425, Оп. 1, Д. 1–5, 11–12. Ряд документов из этих и других источников опубликован в сборнике под ред. Г. Кинина и Ж. Лауфера *СССР и германский вопрос,* т. 1, Москва 1996. Исследования, посвященные работе ЕКК по германскому вопросу, основанные на западных источниках: T. Sharp, *The Wartime Alliance and the Zonal Division of Germany,* Clarendon Press: Oxford 1975 и D.J. Nelson, *Wartime Origins of the Berlin Dilemma,* University of Alabama Press: Tuscaloosa 1978. Воспоминания одного из участников событий: P.E. Mosley, *The Kremlin in World Politics,* Vintage Books: New York 1960, chaps 5–6.

3 О работе комиссии Майского см. *СССР и германский вопрос,* док. 114, 129, 136, 137, 142.

4 Там же, док. 64, 65, 91, 92, 141.

5 Я опираюсь на краткое изложение и цитаты из этого документа в S. Pons, «In the Aftermath of the Age of Wars: The Impact of World War II on Soviet Foreign Policy» in S. Pons and A. Romano (eds), *Russia in the Age of Wars, 1914–1945,* Feltrinelli: Milan 2000; A.M. Filitov, «Problems of Post-War Construction in Soviet Foreign Policy Conceptions during World War II» in F. Gori and S. Pons (eds), *The Soviet Union and Europe in the Cold War, 1943–1953* Macmillan: London 1996; V.O. Pechatnov, *The Big Three after World War II: New Documents on Soviet Thinking about Post-War Relations with the United States and Great Britain,* Cold War International History Project, Working Paper № 13, 1995; и А.М. Филитов «В комиссиях наркоминдела» в сборнике под ред. О.А. Ржешевского *Вторая мировая война,* Москва 1995.

6 *СССР и германский вопрос,* док. 150.

7 K. Hamilton, «The Quest for a Modus Vivendi: The Daubian Satellites in Anglo-Soviet Relations 1945–6», *FCO Historical Branch Occasional Papers,* № 4, April 1992, p. 6.

8 *СССР и германский вопрос,* док. 79.

9 *Советско-американские отношения, 1939–1945,* Москва 2004, док. 244. См. также Pechatnov, *Big Three,* pp. 6–9.

10 См. также там же, док. 81 и *Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945,* т. 1, Москва 1984, док. 131. Архивная копия документа хранится в АВПРФ, Ф. 06, Оп. 4, П. 22, Д. 232, Лл. 1–11. Также: АВПРФ, Ф. 06, П. 22, Д. 235, Лл. 118–20.

11 *Советско-американские отношения* (2004), док. 246.

12 АВПРФ, Ф. 06, Оп. 7а, Д. 5, Лл. 7–22. Информацию в Москву передавал также Гусев (Лл. 23–28), но он обычно не принимал на себя никаких обязательств и редко выражал собственное мнение. Рассуждения о роли Гусева как посла Советского Союза в Лондоне см. в работе В.В. Соколов, «Посол СССР Ф.Т. Гусев в Лондоне в 1943–1946 гг.», *Новая и новейшая история,* № 4, 2005.

13 *Восточная Европа в документах российских архивов, 1944–1953,* т. 1, Москва 1966, док. 37. Перевод соответствующей части этого документа см. в G.P. Murashko and A.F. Noskova, «Stalin and the National-Territorial Controversies in Eastern Europe, 1945–1947 (Part 1)», *Cold War History,* vol. 1, № 3, 2001.

14 I. Banac (ed.), *The Diary of Georgi Dimitrov, 1933–1949,* Yale University Press: New Haven 2003, pp. 352–3.

15 *Отношения России (СССР) с Югославией, 1941–1945 гг.,*

Москва 1998, док. 517.

16 *Stalin and the Cold War, 1945–1953: A Cold War International History Project Documentary Reader,* 1999, p. 130.

17 Dimitrov diary, pp. 357–8.

18 Clemens, *Yalta, p.* 114.

19 Письмо от Кэтлин Гарриман Памеле Черчилль, датированное 7/2/45, хранится в личном архиве Памелы Гарриман (Pamela Harriman Papers, Library of Congress Manuscript Division). Я благодарен У.С. Черчиллю за предоставленный мне доступ к личным бумагам его матери.

20 *Крымская конференция,* док. 3.

21 Там же, док. 4. Критические замечания Сталина о де Голле были вырезаны из опубликованной версии этого документа, но по-прежнему сохранились в архивной записи: АВПРФ Ф. 06, Оп. 7а, Д. 7, Л. 30.

22 Там же, док. 5. В конце встречи Черчилль поднял вопрос о будущем Германии, «если у нее есть будущее». Сталин ответил, что у Германии будет «какое-либо будущее». Однако местоимение «какое-либо», зафиксированное в архивной записи, было опущено в опубликованной версии документа (АВПРФ Ф. 06, Оп. 7а, Д. 7, Л. 12). Перевод советской версии записи пленарных заседаний Ялтинской конференции на английский язык см. в *The Tehran, Yalta and Potsdam Conferences,* Progress Publishers: Moscow 1969.

23 АВПРФ Ф. 06, Оп. 7а, Д. 7, Лл. 21–26. Все цитируемые высказывания Сталина были вырезаны из официально опубликованной советской версии, см. там же, док. 6. Английскую и американскую версию записи обсуждения вопроса расчленения Германии см.: PRO CAB 99/31, pp. 119–20 и FRUS: Yalta, pp. 611–15, 624–7.

24 Этот случай описан Майским в дневнике в записи от 5 февраля 1945 г., которую приводит в своей книге Ржешевский (О.А. Ржешевский (ред.), *Сталин и Черчилль* Москва 2004, док. 175). В своих воспоминаниях о Ялтинской конференции Майский не упоминает об этом инциденте и даже несколько преуменьшает свою роль в ходе конференции. См. И.М. Майский, *Воспоминания советского дипломата,* Москва 1987, стр. 747–64.

25 *Крымская конференция,* док. 6.

26 О нейтралитете Ирландии во время Второй мировой войны см. B. Girvin, *The Emergency: Neutral Ireland, 1939–1945,* Macmillan: London 2005.

27 АВПРФ Ф. 06, Оп. 7а, Д. 7, Л. 33. Цитируемое высказывание Сталина было опущено в опубликованной советской версии материалов конференции.

28 *Крымская конференция,* док. 8.

29 *Stalin's Correspondence with Churchill, Attlee, Roosevelt and Truman, 1941–1945,* Lawrence & Wishart: London 1958, doc. 266, pp. 187–9.

30 *Крымская конференция,* док. 10.

31 Там же, док. 12.

32 Там же, док. 25, 28.

33 «Исторические решения Крымской конференции», *Правда,* 13/2/45; «Крымская конференция руководителей трех союзных держав», *Известия,* 13/2/45.

34 *СССР и германский вопрос,* док. 144.

35 *Иван Михайлович Майский: Избранная переписка с российскими корреспондентами,* т. 2, Москва 2005, док. 550.

36 Дневник В.А. Малышева, опубликованный в журнале *Источник,* № 5, 1997, стр. 128.

37 *СССР и германский вопрос,* док. 146–54.

38 Американский вариант записи обсуждения Польской комиссии хранится в личном архиве Гарримана (контейнеры 177–8, хронологические файлы за февраль – март 1945). Советский вариант записи первого совещания 23 февраля опубликован в книге *Советско-американские отношения* (2004), док. 274.

39 *Stalin's Correspondence,* docs 284, 289, pp. 201–13.

40 О румынском кризисе февраля 1945 г., см. A.J. Rieber, «The Crack in the Plaster: Crisis in Romania and the Origins of the Cold War», *Journal of Modern History,* № 76, March 2004. Ряд советских документов о кризисе можно найти в книге *Три визита А.Я. Вышинского в Бухарест, 1944–1946,* Москва 1998.

41 *Советско-американские отношения, 1939–1945* (2004), док. 275, 276, 278, 279, 280, 283, 284.

42 Государственный архив Российской Федерации, Ф. 9401 Оп. 2, Д. 93–7.

43 Цит. по V. Volkov, «The Soviet Leadership and Southeastern Europe» in N. Naimark and L. Gibianskii (eds), *The Establishment of the Communist Regimes in Eastern Europe, 1944–1949,* Westview Press: Boulder Col. 1997, p. 56.

44 Ф. Олещук, «Развитие демократии в освобожденных странах Европы», *Большевик,* № 19–20, октябрь 1945.

45 См. G. Roberts, «Soviet Foreign Policy and the Spanish Civil War, 1936–1939» in C. Leitz (ed.), *Spain in an International Context,* Berghahn Books: Oxford 1999.

46 Например, в журнале *Вопросы внешней политики:* «О положении в Болгарии», № 10, 15/5/45; «О внутриполитическом положении Венгрии», № 19, 1/10/45; «О внутриполитическом положении Финляндии», № 20, 15/10/45; и «К современному внутриполитическому положению Румынии», № 22, 15/11/45. Все

статьи хранятся в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ), Ф. 17, Оп. 128, Д. 12.

47 M. Djilas, *Wartime,* Seeker & Warburg: London 1980, p. 437.

48 *Восточная Европа в документах российских архивов, 1944–1953,* док. 151.

49 Там же, стр. 579, прим. 3.

50 Там же, док. 169.

51 Цит. по V. Dimitrov, «Revolution Released: Stalin, the Bulgarian Communist Party and the Establishment of Cominform» in Gori and Pons (eds), *Soviet Union and Europe,* p. 284.

52 О стратегии народного фронта в 1930-е гг.: K. McDermott and J. Agnew, *The Comintern,* Macmillan: London 1996, chap. 4.

53 W.O. McCagg, *Stalin Embattled, 1943–1948,* Wayne State University Press: Detroit 1978, p. 26. Книга представляет собой одно из первых значимых исследований сталинской политики новой демократии.

54 E. Mark, *Revolution by Degrees: Stalin's National-Front Strategy for Europe, 1941–1947,* Cold War International History Project Working Paper № 31, 2001. См. также: N.M. Naimark, «Post-Soviet Russian Historiography on the Emergence of the Soviet Bloc», *Kritika,* vol. 5, № 3, Summer 2004. Моя собственная точка зрения на послевоенную политику Сталина в Восточной Европе (которая главным образом заключается в том, что его стремление создать в этих странах народную демократию было искренним, хотя и недолговечным) во многом совпадает с точкой зрения Т.В. Волокитиной и ее коллег из Института славяноведения Российской академии наук. Группа исследователей под руководством Волокитиной занималась редактированием и публикацией сборников документов *Восточная Европа в документах российских архивов* и *Советский фактор в Восточной Европе.* Очередной работой группы стал сборник документов *Москва и Восточная Европа, 1949–1953* , Москва 2002.

55 W. Lafeber, *The Origins of the Cold War, 1941–1947,* John Wiley: New York 1971, doc. 37.

56 РГАСПИ Ф. 17, Оп. 128, Д. 94, *Вопросы внешней политики,* № 10(34), 15 мая 1946. Я несколько упростил таблицу. Например, количество «довоенных» членов партии по Германии приводится по данным на 1933 г., а по Венгрии – на март 1945 г. (т. е., накануне окончательного освобождения страны Красной Армией). В таблице также указано, что количество членов партии после войны в Японии составляло 20 000, в Корее – 60 000, в США – 80 000, а в Китае – 1 210 000.

57 Цифры приводятся по книге J. Tomaszewski, *The Socialist Regimes of Eastern Europe: Their Establishment and Consolidation, 1944–*

1967, Routledge: London 1989.

58 См. A.J. Rieber, *Zhdanov in Finland,* The Carl Beck Papers in Russian and East European Studies, № 1107, University of Pittsburgh, February 1995.

Глава 8. Последние битвы

1 S. Bialer (ed.), *Stalin and his Generals: Soviet Military Memoirs of World War II,* Souvenir Press: London 1970, p. 617, n. 22. Кроме источников, цитируемых ниже, при описании операции Висла – Одер я также использовал следующие: A. Werth, *Russia at War, 1941–1945,* Pan Books: London 1964, part 8, chap. 1; J. Erickson, *The Road to Berlin,* Weidenfeld & Nicolson: London 1983, chap. 7; D.M. Glantz and J. House, *When Titans Clashed: How the Red Army Stopped Hitler,* University Press of Kansas: Lawrence, Kansas 1995, pp. 241–50; и E. Mawdsley, *Thunder in the East: The Nazi-Soviet War, 1941–1945,* Hodder Arnold: London 2005, chap. 13.

2 S.M. Shtemenko, «In the General Staff» in Bialer, *Stalin,* pp. 472–80 и Shtemenko, *The Soviet General Staff at War, 1941–1945,* Progress Publishers: Moscow 1970, chap. 13.

3 K Rokossovsky, A *Soldier's Duty,* Progress Publishers: Moscow 1970, p. 267.

4 I. Konev, *Year of Victory,* Progress Publishers: Moscow 1969, pp. 5, 67–8.

5 Werth, *Russia at War* pp., 849–850.

6 Основной сторонник этой версии является русский военный историк Н.Н. Киселев. См., например, его статью «Падение Берлина» (стр. 256) в сборнике под ред. Г.Н. Севостьянова *Война и общества, 1941–1945,* т. 1, Москва 2004.

7 Konev, *Year of Victory,* p. 14.

8 Rokossovsky, *Soldier's Duty,* pp. 281–2.

9 V. Mastny, *Russia's Road to the Cold War,* Columbia University Press: New York 1979, pp. 242–3.

10 О разногласиях между Чуйковым и Жуковым см. Bialer, *Stalin,* pp. 500–15.

11 Например: В.И. Чуйков, *Конец Третьего рейха* , Москва 1973, В.И. Чуйков, *От Сталинграда до Берлина,* Москва 1980.

12 Harriman Papers, Library of Congress Manuscripts Division, Container 175, Chronological File 15–20/12/44. Советскую версию записи разговора см. в книге *Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945,* т. 2, Москва 1984, док. 164.

13 Там же, с. 176, cf. 11–16 – 1/45.

14 *Shtemenko,* Soviet General Staff, p. *307.*

15 The Tehran, Yalta and Potsdam Conferences, Progress Publishers: Moscow 1969, pp. 54–65.

16 Foreign Relations of the United States: The Conferences at Malta and Yalta 1945, *Government Printing Office: Washington 1955, pp. 580, 597, 645–6.*

17 *И. Сталин, О Великой Отечественной войне Советского Союза, Москва 1946, стр. 158.*

18 Цит. по C. Ryan, *The Last Battle,* New English Library: London 1968, p. 142.

19 «Посетители кремлевского кабинета И.В. Сталина: 1944–1946», *Исторический архив,* № 4 1996, стр. 96.

20 Текст письма Сталина приводится в книге О.А. Ржешевского «Последний штурм: Жуков или Конев», *Мир истории* http://gpw.tellur.ru.

21 «Посетители кремлевского кабинета И.В. Сталина», 1996, стр. 96. В литературе 1 апреля называется как дата начала конференции. Однако, если верить журналу посещений, Сталин в этот день, как и во многие другие, встречался только с Антоновым и Штеменко (по два часа вечером).

22 Konev, *Year of Victory,* pp. 87–8.

23 Rokossovsky, *Soldier's Duty,* p. 316.

24 Советско-американские отношения, 1945–1948, *Москва 2004, док. 287.*

25 Konev, *Year of Victory,* pp. 104–108. В своих мемуарах Штеменко (*Soviet General Staff,* p. 320) говорит, что Сталин, установив разграничительную линию между фронтами, как бы устроил соревнование между Коневым и Жуковым в том, кто из них первым дойдет до Берлина. По словам Штеменко, Сталин сказал: «Кто первый ворвется, тот пусть и берет Берлин». Это высказывание впоследствии цитировалось во многих авторитетных исследованиях, посвященных Берлинской операции. Тем не менее, ни Конев, ни Жуков его не помнят.

26 О битве за Берлин см. цитируемые выше исследования Модсли, Эриксона и Райана. Также см.: A. Read and D. Fisher, *The Fall of Berlin,* Pimlico: London 1993, 2002, A. Beevor, *Berlin: The Downfall 1945,* Viking: London 2002 and J. Erickson, « *Poslednii Shturm:* The Soviet Drive to Berlin, 1945» in G. Bennett (ed.), *The End of the War in Europe 1945,* HMSO: London 1996.

27 Наиболее объективный и авторитетный анализ проблемы совершенных красноармейцами в Германии изнасилований см. в N.M. Naimark, *The Russians in Germany: A History of the Soviet Zone of Occupation, 1945–1949,* Harvard University Press: Cambridge, Mass. 1995.

28 Ryan, *Last Battle,* p. 23.

29 G. Bischof, *Austria in the First Cold War, 1945–1955,* Macmillan: London 1995, pp. 30–4.

30 *M. Mevius,* Agents of Moscow: The Hungarian Communist Party and the Origins of Socialist Patriotism, 1941–1953, *Oxford University Press: Oxford 2005, pp. 60–3.*

31 Запись из дневника В.А. Малышева, 28/3/45 *Источник,* № 5, 1995, стр. 127–8.

32 Цит. по R. Overy, *Russia's War,* Penguin Books: London 1998, pp. 261–2.

33 Г. Александров, «Товарищ Эренбург упрощает», *Правда,* 14/4/1945. Статья была написана как ответ на статью Эренбурга, опубликованную в газете «Красная звезда» 11 апреля под заголовком «Хватит!». Статья Александрова также была опубликована в « Красной звезде».

34 I. Ehrenburg, *The War, 1941–1945,* MacGibbon & Kee: London 1964, p. 177.

35 W. Averell Harriman, *America and Russia in a Changing World,* Doubleday: New York 1971, p. 44.

36 Werth, *Russia at War,* pp. 867–8.

37 И. Сталин *, О Великой Отечественной войне Советского Союза, Москва 1946, pp. 170–1.*

38 Цитата взята из стенограммы застольной речи Сталина, опубликованной в книге В.А. Невежин, *Застольные речи Сталина,* Москва – Санкт-Петербург 2003, док. 107. Текст данной стенограммы перед публикацией в советской прессе был отредактирован и откорректирован Сталиным (см. док. 108). В текст был внесен ряд изменений, однако основной смысл того, о чем говорил Сталин, остался неизменным.

39 Там же, док. 111.

40 Harriman Papers, c. 178, cf. 10–13/4/45.

41 Там же.

42 Советско-американские отношения *(1984), т. 2, док. 219.*

43 Stalin's Correspondence with Churchill, Attlee, Roosevelt and Truman, 1941–1945, Lawrence & Wishart: London 1958, doc. 291, p. 214.

44 Цит. по В.О. Печатнов, «Сталин и Рузвельт» в сборнике под ред. Г.Н. Севостьянова *Война и общество, 1941–1945,* т. 1, Москва 2004, стр. 418. Печатнов не указывает, что этот текст взят из радиовыступления, но я полагаю, что он взят именно оттуда.

45 Harriman Papers, c. 178, cf. 14–16/4/45.

46 Советско-американские отношения *(1984), т. 2, док. 224.*

47 Архив внешней политики Российской Федерации (АВПРФ) Ф. 6, Оп. 7б, П. 60, Д. 1, Лл. 6–8, 11–13; *Foreign Relations of the United States 1945,* vol. 5, Government Printing Office: Washington DC 1967, pp. 237–41. Я детально исследую этот эпизод в статье G. Roberts, «Sexing up the Cold War: New Evidence on the Molotov –

Truman Talks of April 1945», *Cold War History,* vol. 4, № 3, April 2004. В статье содержится перевод советских отчетов о переговорах Молотова с Трумэном.

48 C. Marzani, *We Can Be Friends: Origins of the Cold War,* Topical Book Publishers: New York 1952, p. 187.

49 A.H. Birse, *Memoirs of an Interpreter,* Michael Joseph: London 1967, p. 200.

50 D.S. Clemens, «Averell Harriman, John Deane, the Joint Chiefs of Staff, and the "Reversal of Cooperation" with the Soviet Union in April 1945», *International History Review,* vol. 14, № 2, 1992; W.D. Miscamble, «Anthony Eden and the Truman – Molotov Conversations, April 1945», *Diplomatic History,* Spring 1978.

51 Stalin's Correspondence with Churchill, Attlee, Roosevelt and Truman, 1941–1945, Lawrence & Wishart: London 1958, doc. 293, pp. 215–17.

52 Там же, doc. 298, p. 220.

53 Эта часть описания поездки Гопкинса основана на отчетах о его общении со Сталиным, опубликованных в издании *Foreign Relations of the United States: The Conference of Berlin 1945,* vol. 1, US Government Printing Office: Washington 1960, pp. 21–63. Кроме того, запись беседы Гопкинса со Сталиным 6 июня опубликована в R.E. Sherwood, *The White House Papers of Harry L. Hopkins,* vol. 2, Eyre & Spottiswoode: London 1949, pp. 900–2. Была также опубликована советская версия записей встреч 26 и 28 мая, но они ничем принципиально не отличаются от американской версии. См. *Советско-американские отношения* (1984), т. 2, док. 258, 260.

54 См. L. Bezymenski, *The Death of Adolf Hitler: Unknown Documents from the Soviet Archives,* Michael Joseph: London 1968. Также см. S.M. Shtemenko, *The Soviet General Staff at War,* vol. 2, Progress Publishers: Moscow 1986, pp. 424–6. Высказывание Сталина о том, что Гитлер все еще жив, было опущено в опубликованной версии встречи с Гопкинсом (см. *Советско-американские отношения* (1984) док. 258), но о том, что оно действительно было, свидетельствуют многоточия.

55 *The Memoirs of Marshal Zhukov,* Jonathan Cape: London 1971, p. 668.

56 C.L. Mee, *Meeting at Potsdam,* André Deutsch: London 1975, pp. 40, 283. В туристическом путеводителе по Потсдаму, изданном в 1991 г., говорится, что клумба в форме красной звезды была устроена перед конференцией с согласия всех союзников.

57 *Цит. по Mastny,* Russia's Road to the Cold War, *p. 293.*

58 Цит. по M. Trachtenberg, *A Constructed Peace: The Making of*

the European Settlement, 1945–1963, Princeton University Press: Princeton NJ 1999, p. 37.

59 Цит. по V. Berezhkov, *History in the Making: Memoirs of World War II Diplomacy,* Progress Publishers: Moscow 1983, p. 458.

60 *Birse,* Memoirs of an Interpreter, *p. 208.*

61 *The Tehran, Yalta and Potsdam Conferences,* Progress Publishers: Moscow 1969, p. 265.

62 Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании, Москва 1984, док. 2. Перевод советских записей пленарных заседаний Потсдамской конференции на английский язык можно найти в издании *The Tehran, Yalta and Potsdam Conferences* , хотя опубликованные в этом издании стенограммы не являются полными, а советские записи других встреч, имевших место во время конференции, доступны только на русском языке. Американская версия записи этого разговора между Сталиным и Трумэном не публиковалась – вероятно, потому, что из-за высказывания Сталина об участии Советского Союза в войне против Японии запись была засекречена, и доступ к ней так и не был открыт. См. *Foreign Relations of the United States: The Conference of Berlin 1945,* vol. 1, p. 43.

63 Documents on British Policy Overseas, series 1, vol. 1, HMSO: London 1984, pp. 386–90. Мне не удалось обнаружить советской версии записи этой беседы.

64 Берлинская (Потсдамская) конференция, док. 3.

65 См. мемуары наркома флота Н.Г. Кузнецова «От Ялты до Потсдама» в сборнике под ред. А.М. Самсонова 9 *мая 1945 года,* Москва 1970.

66 The Tehran, Yalta and Potsdam Conferences, *p. 173.*

67 АВПРФ Ф. 07, Оп. 10–12, П. 49, Д. 2, Л. 20. Это высказывание Сталина было опущено в официально опубликованной советской версии материалов конференции. Ср. *Берлинская (Потсдамская) конференция,* стр. 152.

68 Н.В. Кочкин, «СССР, Англия, США и «Турецкий кризис» 1945–1947 гг.», *Новая и новейшая история,* № 3, 2002.

69 Берлинская (Потсдамская) конференция, док. 63.

70 Там же, стр. 149.

71 Обстоятельства этой переписки были таковы. 9 июня 1945 г. Громыко встретился не только со Стеттиниусом, но и с Гарольдом Стассеном, еще одним членом американской делегации на конференции в Сан-Франциско. Это свидетельствовало о том, что американцы готовы поддержать желание Советского Союза получить право управления подопечной территорией. 20 июня Громыко написал Стеттиниусу,

чтобы подтвердить сказанное во время этих встреч и предложить продолжить обсуждение поднятых вопросов в рамках конференции. 23 июня Стеттиниус ответил на письмо Громыко, что США «в принципе поддерживают советское предложение о том, чтобы [СССР] получил право участвовать в системе опеки». Вместе с тем, Стеттиниус отмечал, что соглашения Ялтинской конференции не дают основы для конкретного обсуждения этого вопроса на конференции в Сан-Франциско. Громыко вновь поднял этот вопрос на встрече с новым госсекретарем США, Джеймсом Бирнсом, на Потсдамской конференции 20 июля 1945 г. Однако Бирнс заявил, что ему ничего не известно о переписке Громыко и Стеттиниуса, и подчеркнул, что правительство США пока не определилось с политикой по этому вопросу. См. *Советско-американские отношения* (2004), док. 324, 326 и 342.

72 Берлинская (Потсдамская) конференция стр. 131–4, 442, 461; док. 50, 107, 155.

73 АВПРФ, Ф. 0431/1, Оп. 1, П. 5, Д. 33, Лл. 1–30; АВПРФ Ф. 0431/1, Оп. 1, Д. 1, Лл. 1–16. См. также S. Mazov, «The USSR and the Former Italian Colonies, 1945–1950», *Cold War History,* vol. 3, № 3, April 2003.

74 АВПРФ Ф. 07, Оп. 10–2, П. 49, Д. 2, Лл. 16–17. Данное высказывание Сталина было опущено в официально опубликованной советской версии материалов конференции. Ср. *Берлинская (Потсдамская) конференция,* p.152.

75 См. E. Moradiellos, «The Potsdam Conference and the Spanish Problem», *Contemporary European History,* vol. 10, № 1, 2001 и G. Swain, «Stalin and Spain, 1944–1948» in C. Leitz and D.J. Dunthorn (eds), *Spain in an International Context, 1936–1959,* Berghahn Books: Oxford 1999.

76 The Tehran, Yalta and Potsdam Conferences, *pp. 317–41*.

77 Например, в передовых статьях, опубликованных 3 августа 1945 г. в газетах «Правда» и «Известия». Обе статьи носили название «Берлинская конференция трех держав».

78 Цит. по Л.Я. Гибианский, «Донесения югославского посла в Москве об оценках руководством СССР Потсдамской конференции и положения в Восточной Европе», *Славяноведение,* № 1, 1994.

79 I. Banac (ed.), *The Diary of Georgi Dimitrov, 1933–1949,* Yale University Press: New Haven 2003, p. 377.

80 Цит. по R.B. Levering, V.O. Pechatnov et al., *Debating the Origins of the Cold War: American and Russian Perspectives,* Rowman & Littlefield: Lanham, Maryland 2002, p. 105.

81 Помимо изданий, указанных в ссылках ниже, значительная часть информации в этом разделе основана на следующих источниках: T. Hasegawa, *Racing the Enemy: Stalin, Truman, and the*

Surrender of Japan, Harvard University Press: Cambridge, Mass. 2005 and D. Holloway, «Jockeying for Position in the Postwar World: Soviet Entry into the War with Japan in August 1945» in T. Hasegawa (ed.), *Reinterpreting the End of the Pacific War: Atomic Bombs and the Soviet Entry into the War,* Stanford University Press: Stanford (в печати). Я выражаю благодарность профессору Холловею за то, что он предоставил мне копию статьи до ее публикации.

82 Сталин, *О Великой Отечественной войне Советского Союза,* стр. 147. О реакции японцев на это выступление писал советский посол в Москве 25 ноября 1944 г. См. стр. 56 книги Славинского, цитируемой ниже в примечании 94.

83 О советско-японских отношениях перед Второй мировой войной см.: J. Haslam, *The Soviet Union and the Threat from the East, 1933–1941,* Macmillan: London 1992.

84 O.E. Clubb, «Armed Conflicts in the Chinese Borderlands, 1917–1950» in R.L. Garthoff (ed.), *Sino-Soviet Military Relations,* Praeger: New York 1966.

85 См. J.W. Garver, «Chiang Kai-shek's Quest for Soviet Entry into the Sino-Japanese War», *Political Science Quarterly,* vol. 102, № 2, 1987.

86 Foreign Relations of the United States 1944 vol. 4, Government Printing Office: Washington DC 1966, pp. 942–4. Эта часть беседы Сталина и Гарримана отсутствует в официально опубликованной советской версии записи встречи. В то же время, в ней зафиксировано предыдущее высказывание Сталина о том, что состоялись переговоры с Токио по вопросу японских горнодобывающих концессий на Северном Сахалине, и что вскоре будет подписано соглашение, которое урегулирует разногласия по этому вопросу. Он также сказал Гарриману о том, что в Токио с ним беседовал начальник Генерального штаба Японии, который сказал, что хотел бы приехать в Москву и встретиться со Сталиным. По словам Сталина, этот разговор показал, как сильно японцы напуганы. *Советско-американские отношения* (1984), док. 9.

87 FRUS там же, pp. 965–6.

88 Советско-американские отношения *(1984), док. 119.*

89 О.А. Ржешевский, *Сталин и Черчилль,* Москва 2004, док. 167.

90 Там же, док. 168.

91 Там же, док. 170.

92 Hasegawa, *Racing the Enemy,* p. 31.

93 Советско-американские отношения *(1984), док. 164.*

94 Русско-китайские отношения в XX веке, т. 4, ч. 2, Москва 2000, док. 657, стр. 77. Самое раннее упоминание об идее

приобретения Курильских островов в советской внутренней документации встречается в представленной Майским Молотову в январе 1944 г. длинной служебной записке о перспективах послевоенного мира. Майский упоминал идею о приобретении Курил в контексте рассуждений об укреплении стратегических границ СССР в обозримом будущем. Возможно, именно из этой записки Сталин и почерпнул данную идею – будь то напрямую или через Молотова. Курильские острова остаются предметом территориального спора между Россией и Японией. Различные взгляды русских историков на историко-политический контекст этой проблемы см. в: Б.Н. Славинский, *Ялтинская конференция и проблема «северных территорий»,* Москва 1996 и А. Кошкин, *Японский фронт маршала Сталина,* Москва 2004.

95 См. Holloway, «Jockeying for Position».

96 The Tehran, Yalta and Potsdam Conferences, pp. 145–6.

97 О приготовлениях Японии к войне: Shtemenko, Soviet General Staff *, chap. 14; Vasilevsky,* A Lifelong Cause, pp. 453–82; *М. Захаров,* Финал: историко-мемуарный очерк о разгроме империалистической Японии в 1945 году *, Москва 1969.*

98 Советско-японская война 1945 года, Москва 1997 (серия «Русский архив»), Москва 1997, док. 312–13.

99 Shtemenko, Soviet General Staff, p. 328.

100 Советско-японская война 1945 года *, док. 314–16.*

101 Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны, *т. 3, Москва 1946,* pp. 166–7.

102 Holloway, «Jockeying for Position».

103 Советские записи разговоров Сталина с Сун Цзывенем летом 1945 г. опубликованы в сборнике *Русско-китайские отношения в XX веке.* Перевод китайской версии записи большей части переговоров на английский язык опубликован в издании *Stalin and the Cold War, 1945–1953, A Cold War International History Project Documentary Reader,* Washington DC 1999.

104 Анализ этих переговоров см. в А.М. Ледовский, *СССР и Сталин в судьбах Китая,* Москва 1999, стр. 295–320. Указанный раздел книги написан на английском языке.

105 *Stalin and the Cold War, 1945–1953,* p. 217.

106 Русско-китайские отношения в XX веке *, док. 657.*

107 Там же, док. 660.

108 Там же, док. 674.

109 Holloway, «Jockeying for Position».

110 Об отношениях Сталина и Мао в этот период см. Nui Jun, «The Origins of the Sino-Soviet Alliance» in O.A. Westad, *Brothers in Arms: The Rise and Fall of the Sino-Soviet Alliance, 1945–1963,* Stanford University Press: Stanford 1998.

111 Цит. по *M. Leffler,* For the Soul of Mankind: The United States, the Soviet Union and the Cold War *(впечати)*.

112 Documents on British Policy Overseas, *HMSO: London 1985, doc. 185*.

113 Foreign Relations of the United States: The Conference of Berlin 1945 *,vol. 2, Government Printing Office: Washington DC 1960, p. 345*.

114 Documents on British Policy Overseas, *doc. 231*.

115 Берлинская (Потсдамская) конференция, док. 97.

116 Цит. по Holloway, «Jockeying for Position».

117 Русско-китайские отношения в XX веке, док. 685.

118 Documents on British Policy Overseas, *p. 959*.

119 Stalin's Correspondence, doc. 358, pp. 258–9.

120 Внешняя политика Советского Союза, *т. 3, стр. 362–3*.

121 Holloway, «Jockeying for Position».

122 Советско-японская война 1945 года, док. 324. В тот же день Василевский сообщил фронтовым командирам (док. 325–327), что начало наступления перенесено с 10 августа, 18.00 по московскому времени, на 8 августа, 18.00 по московскому времени (т. е. 24.00 по дальневосточному времени, что означало, что военные действия будут начаты 9-го). В директиве Сталина не упоминается о переносе начала наступления на два дня, поэтому не исключено, что распоряжение начать наступление 10-го было предварительным или даже было предложено в качестве резервного плана самим Василевским, который ожидал инструкций из Москвы в ответ на свое донесение от 3 августа.

123 См. D. Holloway, *Stalin & the Bomb* , Yale University Press: New Haven 1994.

124 См. «Truman Tells Stalin, July 24, 1945», www.dannen.com/decision/potsdam.html.

125 Англоязычный текст советско-китайского договора 1945 г. см. в Garthoff, *Sino-Soviet* Appendix A.

126 Stalin and the Cold War, 1945–1953, *pp. 221–2*.

127 Перевод этой директивы и комментарии по ее содержанию и значимости см. в M. Kramer, «Documenting the Early Soviet Nuclear Program» *Cold War International History Project Bulletin,* №№ 6–7, Winter 1995/1996.

128 Русско-китайские отношения в XX веке *, док. 699*.

129 Там же, p. 272.

130 См. рассуждения Хасегавы, *Racing the Enemy,* pp. 290–330.

131 См. там же, pp. 267–74.

132 Stalin's Correspondence, *pp. 266–9*.

133 *Сталин,* О Великой Отечественной войне Советского Союза, стр. 180–3.

134 Werth, *Russia at War,* p. 928.

Глава 9. Утраченный мир

1 Архив внешней политики Российской Федерации (АВПРФ) Ф. 0431/1, Оп. 1, Дд. 1–4. В архиве хранятся материалы подготовки советской стороны к совещанию СМИД, в том числе – директива Политбюро делегации. Исследование позиции советской стороны на совещании СМИД на основании этих и других материалов см. в Г.А. Агафонова, «Дипломатический кризис на лондонской сессии СМИД» в сборнике под ред. И.В. Гайдук и Н.И. Егоровой, *Сталин и «холодная война»,* Москва 1997. См. также: J. Knight, «Russia's Search for Peace: The London Council of Foreign Ministers, 1945», *Journal of Contemporary History,* vol. 13, 1978.

2 *Stalin's Correspondence with Churchill, Attlee, Roosevelt and Truman, 1941–1945,* Lawrence & Wishart: London 1958, doc. 476, p. 361.

3 См. L.E. Davis, *The Cold War Begins: Soviet-American Conflict over Eastern Europe,* Princeton University Press: Princeton NJ 1974, chap. 9.

4 Часть документов, проливающих свет на то, как советское правительство пришло к решению отложить выборы, можно найти в сборнике *Восточная Европа в документах российских архивов, 1944–1953,* т. 1, Москва 1997, док. 85, 87, 90, 91, 92. Решение отложить выборы было в компетенции Союзнической контрольной комиссии, созданной в рамках соглашения о перемирии с Болгарией. СКК контролировало советское правительство, и решение принимал генерал Бирюзов в соответствии с инструкциями, полученными из Москвы. Малкольм Макинтош, представлявший в СКК Великобританию, вспоминал, что Сталин сам позвонил из Москвы, и отмечал, что «Бирюзов и его коллеги потрясены до глубины души: один из офицеров – тот, который, собственно, ответил на звонок, даже упал в обморок. Однако приказания Сталина были выполнены, и торжествующие болгары вышли на улицы, убежденные, что западные державы заставили советское правительство уступить». M. Mackintosh, « *Eastern Europe 1945–1946: The Allied Control Commission in Bulgaria* » FCO Historical Branch Occasional Papers, № 4, 1992. Сам представитель СССР в болгарской СКК в своих мемуарах этот эпизод замалчивает: С.С. Бирюзов, *Советский солдат на Балканах,* Москва 1963.

5 I. Banac (ed.), *The Diary of Georgi Dimitrov, 1933–1949,* Yale University Press: London 1993, pp. 379–80.

6 Там же, p. 381. См. также *Stalin and the Cold War, 1945–1953: A Cold War International History Project Documentary Reader* 1999, pp.

247–9.

7 О триестском конфликте см. R.S. Dinardo, «Glimpse of an Old War Order: Reconsidering the Trieste Crisis of 1945», *Diplomatic History,* vol. 21, № 3, 1997; Л.Я. Гибианский, «Сталин и триестское противостояние 1945 г». в сборнике под ред. Гайдук и Егоровой *Сталин* ; G. Valdevit, «The Search for Symmetry: A Tentative View of Trieste, the Soviet Union and the Cold War» in F. Gori and Silvio Pons (eds), *The Soviet Union and Europe in the Cold War, 1953,* Macmillan: London 1996.

8 *Documents on British Policy Overseas* (далее – DBPO), series 1, vol. 2, HMSO: London 1985, p. 177. О советской политике по вопросу опеки: S. Mazov, «The USSR and the Former Italian Colonies, 1945–1950», *Cold War History,* vol. 3, № 3, April 2003. Обзор см. в S. Kelly, *Cold War in the Desert: Britain, the United States and the Italian Colonies, 1945–1950,* Macmillan: London 2000.

9 Цит. по V.O. Pechatnov, «The Allies are Pressing on You to Break Your Will…»: Foreign Policy Correspondence between Stalin and Molotov and Other Politburo Members, September 1945 – December 1946, Cold War International History Project, Working Paper № 26, 1999, p. 2. Русский текст этой значительной статьи опубликован в журнале *Источник* , №№ 2 и 3 1999.

10 *Сессия Совета министров иностранных дел в Лондоне 11 сентября – 2 октября 1945 года: стенографические записи заседаний* , АВПРФ Ф. 0431/1, Оп. 1, Д. 5, Л. 3.

11 Pechatnov, « *Allies* »,p. 4. Следует отметить, что еще на заседании 20 сентября (т. е. до получения от Сталина распоряжения вернуться к условиям Потсдамского соглашения о том, что в заседаниях СМИД должны принимать участие только непосредственно заинтересованные стороны) Молотов сам поднял этот вопрос из практических соображений: он указывал на то, что у пяти министров иностранных дел обсуждение всей повестки дня займет слишком много времени. *Стенографические записи заседаний* Л. 41.

12 АВПРФ Ф. 0431/1, Оп. 11, Д. 18, Лл. 32–39. Указанные документы были опубликованы в книге *Советско-американские отношения, 1945–1948,* Москва 2004, док. 13–14.

13 *Stalin's Correspondence,* doc. 512, p. 378.

14 *Стенографические записи заседаний* Л. 8.

15 АВПРФ Ф. 0431/1, Оп. 11, Д. 18, Л. 24. Данный документ был опубликован в книге *Советско-американские отношения, 1945–1948,* док. 9.

16 См. K. Hamilton, «The Quest for a *Modus Vivendi:* The Danubian Satellites in Anglo-Soviet Relations 1945–1946», *FCO Historical Branch Occasional Papers,* № 4, 1992; E. Mark, «American

Policy towards Eastern Europe and the Origins of the Cold War, 1941–1946», *Journal of American History,* vol. 68, № 2, September 1981; and E. Mark, «Charles E. Bohlen and the Acceptable Limits of Soviet Hegemony in Eastern Europe», *Diplomatic History,* vol. 3, № 3, Summer 1979.

17 *Стенографические записи заседаний* Л. 57.

18 АВПРФ Ф. 0431/1, Оп. 1, Д. 1, Лл. 6–7, 15.

19 Там же, Оп. 11. Д. 18, Лл. 25–27; *Советско-американские отношения, 1945–1948,* док. 10.

20 Pechatnov, « *Allies* »,p. 5. Курсив мой.

21 DBPO, doc. 108, p. 317.

22 *Stalin and the Cold War, 1945–1953,* pp. 264–5.

23 «V.M. Molotov's Press Conference», *Soviet News,* 5/10/45.

24 *Внешняя политика Советского Союза, 1945 год,* Москва 1949, стр. 81.

25 АВПРФ Ф. 0431/1, Оп. 1, Д. 26, Лл. 22–4.

26 *Stalin and the Cold War, 1945–1953,* p. 272.

27 «Report by V.M. Molotov», *Soviet News,* 8/11/45.

28 *Политбюро ЦК ВКП (б) и Совет министров СССР, 1945–1953,* Москва 2002, док. 177. Перевод этого документа см. в R.B. Levering et al., *Debating the Origins of the Cold War,* Rowman & Littlefield: Lanham, Maryland 2002, pp. 155–6.

29 *Stalin and the Cold War, 1945–1953,* pp. 254–69.

30 Текст решений московской сессии см. на сайте www.yale.edu/lawweb/avalon/decade/decadel9.htm.

31 J.F. Byrnes, *Speaking Frankly,* Harper & Brothers: New York 1947, p. 118.

32 Г.П. Кинин и Ж. Лауфер (ред.), *СССР и германский вопрос,* т. 2, Москва 2000, док. 71.

33 DBPO, doc. 340, p. 868.

34 *Stalin's Correspondence,* doc. 384, pp. 280–1.

35 *Восточная Европа в документах российских архивов,* док. 127. В переводе на английский язык этот документ был опубликован в *Stalin and the Cold War, 1945–1953,* pp. 281–6.

36 См., например, документы по осуществлению московского соглашения в Румынии: *Три визита А.Я. Вышинского в Бухарест, 1944–1946,* Москва 1998.

37 Цит. по Levering et al., *Debating,* p. 114.

38 Советскую версию записей парижской сессии СМИД см. в АВПРФ Ф. 431/II Оп. 2, Дд. 1–2. Советская версия записей Парижской мирной конференции, состоящих из 1200 страниц стенограммы, хранится в АВПРФ Ф. 432, Оп. 1, Дд. 1–4, хотя по большей части материалы конференции публиковались в прессе. Русскоязычную версию текстов мирных договоров см. в сборнике

Внешняя политика Советского Союза, 1947 год, Москва 1952, стр. 64–360.

39 Переписку Сталина с Молотовым во время этого совещания см. в Pechatnov, « *Allies* ». Более подробно о роли Молотова в переговорах СМИД см. D. Watson, *Molotov: A Biography,* Palgrave Macmillan: London 2005, chap. 13.

40 *СССР и германский вопрос,* док. 114. О кампании Советского Союза против иностранных военных баз в 1945–1946 см. C. Kennedy-Pipe, *Stalin's Cold War: Soviet Strategies in Europe, 1943–1956,* Manchester University Press: Manchester 1995, pp. 101–9.

41 Pechatnov, « *Allies* », p. 20.

42 «Мирные договоры с бывшими союзниками Германии», *Правда,* 16/2/47; «Важный шаг на пути укрепления мира и безопасности», *Известия,* 16/2/47; «К подписанию мирных договоров с бывшими союзниками Германии», *Новое время,* № 7, 14/2/47.

43 *Советско-американские отношения, 1945–1948,* док. 138. Перевод документа и комментарии к нему см. в «The Soviet Side of the Cold War» in *Diplomatic History,* vol. 15, № 4, Fall 1991. См. также: K.M. Jensen (ed.), *Origins of the Cold War: The Novikov, Kennan and Roberts «Long Telegrams» of 1946,* Washington DC 1991.

44 Статья Кеннана неоднократно перепечатывалась вместе с рядом комментариев к ней. См. C. Gati (ed.), *Caging the Bear: Containment and the Cold War,* Bobbs-Merrill: Indianapolis 1974. В сборник входит также интервью с Кеннаном, посвященное 25-летию со дня публикации статьи. В интервью он говорит, что статью не поняли и неправильно интерпретировали.

45 Там же, docs 144, 145, 148, 151, 152.

46 Pechatnov, *«Allies»,* p. 21.

47 W. Lippmann, *The Cold War: A Study in US Foreign Policy,* Hamish Hamilton: London 1947.

48 Полный текст речи У. Черчилля: www.historyguide.org/europe/churchill.html.

49 *Pravda* 11/3/46 (на последней странице газеты в деталях обсуждается речь Черчилля); Е. Тарле, «По поводу речи Черчилля», *Известия* 12/3/41 (статья о речи на стр. 4).

50 И. Сталин, Сочинения, т. 16, Москва 1997, стр. 26–30. На английском языке: W. LaFeber (ed.), *The Origins of the Cold War, 1941–1947,* John Wiley & Sons: New York 1971, doc. 37.

51 A. Werth, *Russia: The Postwar Years,* Robert Hale: London 1971, p. 112.

52 Об иранском кризисе см. B.R. Kuniholm, *The Origins of the Cold War in the Near East,* Princeton University Press: Princeton NJ

1980; F.S. Raine, «Stalin and the Creation of the Azerbaijan Democratic Party in Iran, 1945», *Cold War History,* vol. 2, № 2, October 2001; N.I. Yegorova, *The «Iran Crisis» of 1945–1946: A View from the Russian Archives,* Cold War International History Project Working Paper № 15, May 1996; S. Savrankaya and V. Zubok, «Cold War in the Caucasus: Notes and Documents from a Conference», *Cold War International History Project Bulletin,* №№ 14–15; S. Savrankaya and V. Zubok, «From the Baku Archives», №№ 12–13; R.K. Ramazani, «The Autonomous Republic of Azerbaijan and the Kurdish People's Republic: Their Rise and Fall» in T.T. Hammond (ed.), *The Anatomy of Communist Takeovers,* Yale University Press: New Haven 1975; S.L. McFarland, «A Peripheral View of the Origins of the Cold War: The Crises in Iran, 1941–1947», *Diplomatic History* , vol. 4, № 4, Fall 1980.

53 Текст письма Сталина см. в Yegorova, « *Iran Crisis* ».

54 DBPO, pp. 317–18.

55 Там же, p. 781.

56 W. Bedell Smith, *Moscow Mission, 1946–1949,* Heinemann: London 1950, pp. 41–2.

57 *Внешняя политика Советского Союза, 1946 год,* Москва 1952, стр. 167–70.

58 «The Problem of the Black Sea Straits», статья из газеты «Известия», опубликованная в переводе в *Soviet News,* 22/8/46.

59 Kuniholm, *Origins,* p. 266.

60 A.R. De Luca, «Soviet-American Politics and the Turkish Straits», *Political Science Quarterly,* vol. 92, № 3, Autumn 1977, p. 519.

61 *Внешняя политика Советского Союза, 1946,* стр. 193–202.

62 Kuniholm, *Origins,* pp. 372–3.

63 Н.В. Кочкин, «СССР, Англия, США и «Турецкий кризис» 1945–1947 гг.», *Новая и новейшая история,* № 3, 2002.

64 См. E. Mark, «The War Scare of 1946 and Its Consequences», *Diplomatic History,* vol. 21, № 3, Summer 1997.

65 И. Сталин, *Сочинения,* стр. 32–3, 37–43, 45–8. Интервью с Бейли, Вертом и Рузвельтом опубликованы в переводе в книге *Stalin and the Cold War, 1945–1953.*

66 Там же, стр. 57–67. Интервью со Стассеном в переводе см. в *Stalin and the Cold War, 1945–1953.* Во время своего пребывания в Москве Стассен также беседовал с Молотовым и Ждановым, которые ответили на его вопросы практически то же, что и Сталин.

67 LaFeber, *Origins,* doc. 40. Курсив мой.

68 «Выступление Трумэна…», *Правда,* 14/3/47; «Послание Трумэна Конгрессу», *Правда,* 13/3/47; «О внешней политике Соединенных Штатов», *Новое время,* № 12, 21/3/47.

69 См. статьи из газет «Правда» и «Известия»,

опубликованные в *Soviet News* 29/4/47, 1/5/47 и 7/5/47.

70 Н.В. Кочкин, «Англо-советский союзный договор 1942 года и начало “холодной войны”», *Вопросы истории,* № 1, 2006.

71 *Советско-американские отношения, 1945–1948,* док. 185.

72 О реакции советского правительства на План Маршалла см. S.D. Parrish and M.M. Narinsky, *New Evidence on the Soviet Rejection of the Marshall Plan, 1947,* Cold War International History Project Working Paper № 9, March 1994; G. Roberts, «Moscow and the Marshall Plan: Politics, Ideology and the Onset of Cold War, 1947», *Europe-Asia Studies,* vol. 46, № 8, 1994; M. Cox and C. Kennedy-Pipe, «The Tragedy of American Diplomacy: Rethinking the Marshall Plan», *Journal of Cold War Studies,* Spring 2005.

73 LaFeber, *Origins,* doc. 41.

74 «Новое издание «доктрины Трумэна», *Правда* 16/6/47; K. Gofman, «Mr. Marshall’s “New Plan” for Relief to European Countries», *New Times,* 17/6/47.

75 *Советско-американские отношения, 1945–1948,* док. 198.

76 Текст записки Новикова перепечатан в G. Takhnenko, «Anatomy of the Political Decision: Notes on the Marshall Plan», *International Affairs,* July 1992.

77 *Советско-американские отношения, 1945–1948,* док. 200.

78 См. T.G. Paterson, *Soviet-American Confrontation: Postwar Reconstruction and the Origins of the Cold War,* Johns Hopkins University Press: Baltimore 1973. Исследование Патерсона основано главным образом на американских источниках, однако его положение о том, что советское правительство всерьез задумывалось о принятии кредита от США при наличии подходящих условий, подтверждается также новыми документами из русских архивов.

79 Директива советской делегации на Парижской конференции перепечатана в Takhnenko, «Anatomy».

80 Официальная версия материалов конференции, в том числе текст выступления Молотова, опубликована в *French Yellow Book: Documents of the Conference of Foreign Ministers of France, the United Kingdom and the USSR held in Paris from 27 June to 3rd July 1947.*

81 *Советско-американские отношения, 1945–1948,* док. 203.

82 См. в Takhnenko, «Anatomy». Документ также был опубликован в Levering et al., *Debating,* pp. 167–69.

83 Цитата взята из чехословацкой версии стенограммы встречи, перепечатанной в «Stalin, Czechoslovakia, and the Marshall Plan: New Documentation from Czechoslovak Archives», *Bohemia Band* № 32 1991. Советскую версию записи см. в издании *Восточная Европа в документах российских архивов,* док. 227

(перевод см. в Levering et al., *Debating* pp. 169–72).

84 M. McCauley, *The Origins of the Cold War,* Longman: London 2003, doc. 27.

85 Основной источник информации о Коминформе – G. Procacci (ed.), *The Cominform: Minutes of the Three Conferences, 1947/1948/1949,* Feltrinelli: Milan 2004. Сборник включает в себя целый ряд ценных исследований истории Коминформа, а также подробности конференции. В русскоязычное издание книги вошел также ряд отчетов о конференции, направленных Сталину: *Совещания Коминформа, 1947, 1948, 1949: документы и материалы,* Москва 1998.

86 См. A.D. Biagio, «The Cominform as the Soviet Response to the Marshall Plan» in A. Varsori and E. Calandri (eds), *The Failure of Peace in Europe, 1943–48,* Palgrave: London 2002.

87 Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ) Ф. 77, Оп. 3, Д. 89, Лл. 7–13.

88 См. G. Swain, «The Cominform: Tito's International?», *Historical Journal,* vol. 35, № 3 1992.

89 РГАСПИ Ф. 77, Оп. 3, Д. 91, Лл. 13, 84–5.

90 Речь Жданова была опубликована в газете «Известия», 7/11/46. Перевод на английский язык: *Soviet News,* 8/11/46.

91 Procacci, *Cominform,* pp. 225–7.

92 D. Sassoon, «The Rise and Fall of West European Communism, 1939–1948», *Contemporary European History,* vol. 1, № 2 1992.

93 О приходе коммунистов к власти в Восточной Европе после войны см. N. Naimark and L. Gibianskii (eds), *The Establishment of Communist Regimes in Eastern Europe, 1944–1949,* Westview Press: Boulder, Col. 1997. Подробно о более позднем этапе этого процесса см. Т.В. Волокитина и др. (ред.), *Москва и Восточная Европа: становление политических режимов советского типа, 1949–1953,* Москва 2002. О событиях в Праге в феврале 1948: Г.П. Мурашко, «Февральский кризис 1948 г. в Чехословакии и советское руководство», *Новая и новейшая история,* № 3, 1998.

94 Текст двух бесед Сталина с Торезом см. в *Stalin and the Cold War, 1945–1953,* pp. 81–6, 403–7.

95 Procacci, *Cominform,* p. 91.

Глава 10. Генералиссимус и его страна

1 *Москва послевоенная, 1945–1947, Москва 2000,* док. 18.

2 Цит. по A. Werth, *Russia: The Postwar Years,* Robert Hale: London 1971, p. 81.

3 Цит. по S. Sebag Montefiore, *Stalin: The Court of the Red Tsar,* Weidenfeld & Nicolson: London 2003, p. 4.

4 Письмо Разина и ответ Сталина см. в P.M. Kober, «Clausewitz and the Communist Party Line: A Pronouncement by Stalin», *Military*

Affairs, vol. 13, № 2, Summer 1949. За положительный отзыв о Клаузевице Разина арестовали и посадили в тюрьму. Позже, однако, он был реабилитирован Сталиным и вернулся к исследованиям в области истории военной стратегии. См.: R. Medvedev, «Generalissimo Stalin, General Clausewitz and Colonel Razin in R. and Z. Medvedev, *The Unknown Stalin,* The Overlook Press: Woodstock NY 2004.

5 M.P. Gallagher, *The Soviet History of World War II,* Frederick A. Praeger: New York 1963, особ. гл. 3.

6 К.Е. Ворошилов, *Сталин и вооруженные силы СССР,* Москва 1951, стр. 129. Книга была выпущена после войны на основе статей, написанных Ворошиловым до войны на ту же тему.

7 *Георгий Жуков,* Москва 2001, док. 3.

8 См. Б.В. Соколов, *Георгий Жуков,* Москва 2004, стр. 478 и далее, а также O.P. Chaney, *Zhukov,* University of Oklahoma Press: London 1996, chap. 13.

9 Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ) Ф. 2, Оп. 1, Д. 11, Лл. 2–3.

10 *Георгий Жуков,* док. 6, 8.

11 Там же, док. 11–12.

12 E. Radzinsky, *Stalin,* Hodder & Stoughton: London 1997, pp. 502–3. Для Сталина было нормой прослушивать разговоры членов советского военного и политического руководства.

13 И.В. Сталин, Сочинения, т. 16, Москва 1997, стр. 17–20.

14 *Политбюро ЦК ВКП (б) и Совет министров СССР, 1945–1953, Москва 2002,* док. 58.

15 См. J. Eric Duskin, Stalinist Reconstruction and the Confirmation of a New Elite, 1945–1953, Palgrave: London 2001; Y. Gorlizki and O. Khlevniuk, *Cold Peace: Stalin and the Soviet Ruling Circle, 1945–1953,* Oxford University Press: Oxford 2004.

16 Даты отпусков Сталина в послевоенные годы см. в *Политбюро ЦК ВКП (б) и Совет министров СССР,* док. 299.

17 Werth, *Russia* p. 283. Там же см. ряд писем от Сталина к членам Политбюро, написанные в 1940-е гг. Об отношениях Сталина с членами Политбюро см. N.M. Naimark, «Cold War Studies and New Archival Materials on Stalin», *Russian Review* № 61, January 2002.

18 Обзор событий в социально-экономической жизни после войны см. в J.N. Hazard, «The Soviet Government Organizes for Reconstruction», *Journal of Politics,* vol. 8, № 3, August 1946; S. Fitzpatrick, «Postwar Soviet Society: The “Return to Normalcy”, 1945–1953» in S.J. Linz (ed.), *The Impact of World War II on the Soviet Union,* Rowman & Allanheld 1985; E. Zubkova, «The Soviet Regime and Soviet Society in the Postwar Years», *Journal of Modern European*

History, vol. 2, № 1, 2004.

19 Перевод текста выступления Молотова в ноябре 1945 г. см. в *Soviet News,* 8/11/45.

20 *M. Harrison, Accounting for War: Soviet Production, Employment and the Defence Burden, 1940–1945,* Cambridge University Press: Cambridge 1996, pp. 141, 159–61.

21 J. Burds, *The Early Cold War in Soviet West Ukraine,* The Carl Beck Papers in Russian and East European Studies, № 1505, January 2001 p. 8; A.J. Rieber, «Civil Wars in the Soviet Union», *Kritika,* vol. 4, № 1, Winter 2003, p. 160. Ряд документов о действиях НКВД по подавлению восстания см. в *Лубянка: Сталин и НКВД – НКГБ – ГУКР «Смерш», 1939–1946,* Москва 2006.

22 *Сталинские депортации, 1928–1953: документы,* Москва 2005, стр. 789–98 (таблица депортаций).

23 См. T. Snyder, «"To Resolve the Ukrainian Problem Once and for All": The Ethnic Cleansing of Ukrainians in Poland, 1943–1947», *Journal of Cold War Studies,* vol. 1, № 2. Spring 1999.

24 Анализ того, как это происходило на Западной Украине в послевоенные годы, см. в A. Weiner, *Making Sense of War: The Second World War and the Fate of the Bolshevik Revolution,* Princeton University Press: Princeton NJ 2001. Также см. M. Edele «Soviet Veterans as an Entitlement Group, 1945–1955», *Slavic Review,* vol. 65, № 1, 2006.

25 О партии в годы войны и сразу после ее окончания см. C.S. Kaplan, «The Impact of World War II on the Party» in Linz, *Impact* ; S. Pons, «Stalinism and Party Organization (1933–1948)» in J. Channon (ed.), *Politics, Society and Stalinism in the USSR,* Macmillan: London 1998.

26 Gorlizki and Khlevniuk, *Cold Peace,* pp. 52–7.

27 РГАНИ Ф. 2, Оп. 1, Д. 28, Лл. 23–4. Предыдущий пленум ЦК прошел в январе 1944 г., и его основной темой было преобразование комиссариатов обороны и иностранных дел из всесоюзных в союзно-республиканские. Необходимость этого мудреного изменения аргументировалась тем, что за время войны республики достигли значительного уровня развития и нужно предоставить им больше независимости. В итоге только Украина и Белоруссия создали собственные министерства иностранных дел, но и они в определении своей политики полностью подчинялись Центральному комиссариату иностранных дел. РГАНИ Ф. 2, Оп. 1, Дд. 3–4.

28 D. Filtzer, *Soviet Workers and Late Stalinism,* Cambridge University Press: Cambridge 2002, p. 13.

29 E. Zubkova, *Russia after the War,* M.E. Sharpe: New York 1998, p. 74.

30 Там же, Ряд документов, касающихся общественного мнения в СССР после войны, см. в *Советская жизнь 1945–1953,* Москва 2003. В сборник *Москва послевоенная, 1945–1947* вошел ряд документов об общественном мнении в Москве в послевоенные годы, в том числе – в период выборов.

31 Сталин, *Сочинения* стр. 5–16. Перевод текста речи на английский язык см. в J.P. Morray, *From Yalta to Disarmament,* Monthly Review Press: New York 1961 Appendix B.

32 Более подробное исследование выступлений в период предвыборной кампании: A. Resis, *Stalin, the Politburo and the Onset of the Cold War, 1945–1946,* The Carl Beck Papers in Russian and East European Studies, № 701, April 1988; D. Allen, «The International Situation, 1941–1946: The View from Moscow», SIPS Paper, University of Birmingham 1986.

33 Werth, *Russia,* pp. 84, 88.

34 Речь Жданова в *Soviet News,* 9/11/46.

35 РГАСПИ Ф. 17, Оп. 125, Дд. 296, 315, 386, 387, 388. Подробный анализ на основе материалов Совинформа см. в V. Pechatnov, «Exercise in Frustration: Soviet Foreign Propaganda in the Early Cold War, 1945–1947», *Cold War History,* vol. 1, № 2, January 2001.

36 Сталин, *Сочинения,* стр. 25–30. Перевод на английский язык ответного письма Сталина Черчиллю см. в LaFeber (ed.), *The Origins of the Cold War, 1941–1947,* doc. 37.

37 Цит. по Zubkova, *Russia,* p. 84. Млинар был одним из инициаторов «пражской весны» 1968 г.

38 Цитата взята из документа, приведенного в переводе в издании A.O. Chubar'yan and V.O. Pechatnov, «Molotov "the Liberal": Stalin's 1945 Criticism of his Deputy», *Cold War History,* vol. 1 № 1, August 2000.

39 Werth, *Russia,* p. 99.

40 В.Н. Земсков, «Репатриация перемещенных советских граждан» в сборнике под ред. Г.Н. Севостьянова, *Война и общество, 1941–1945,* т. 2, Москва 2004, стр. 341–2. См. также M. Dyczok, *The Grand Alliance and the Ukrainian Refugees,* Macmillan: London 2000, pp. 166–7. Во второй книге приводятся более высокие цифры, но они включают в себя более миллиона мирных жителей и военнопленных, которые подверглись перемещению в пределах Советского Союза и потому не могут считаться репатриантами.

41 См. A.A. Maslov, «Forgiven by Stalin – Soviet Generals Who Returned from German Prisons in 1941–45 and Who Were Rehabilitated», *Journal of Slavic Military Studies,* vol. 12, № 2, June 1999.

42 Werth, *Russia* chaps 11 and 16; T. Dunmore, *Soviet Politics, 1945–53,* Macmillan: London 1984, chap. 6.

43 Цит. по Gorlizki and Khlevniuk, *Cold Peace,* pp. 34–5.

44 *Москва послевоенная, 1945–1947,* док. 124. This episode was brought to my attention by R. Service, *Stalin: A Biography,* Macmillan: London 2004, pp. 561–2.

45 Подробнее об исследовании Варги: G.D. Ra'anan, *International Policy Formation in the USSR: Factional «Debates» during the Zhdanovshchina,* Archon Books: Hamden, Conn. 1983, chap. 6; J. Hough, «Debates about the Postwar World» in Linz (ed.), *Impact* ; R.B. Day, *Cold War Capitalism: The View from Moscow, 1945–1975,* M.E. Sharpe: London 1995.

46 *Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет министров СССР* № 1, стр. 229–30 и док. 201; Gorlizki and Khlevniuk, *Cold Peace,* pp. 36–8.

47 Там же.

48 Gorlizki and Khlevniuk, *Cold Peace,* pp. 38–42; Z. Medvedev, «Stalin and Lysenko» in R. and Z. Medvedev, *The Unknown Stalin.*

49 Дневник Малышева, *Источник,* № 5, 1997, стр. 135.

50 Эта и предыдущие цитаты из газеты «Правда» цит. по J. Brooks, *Thank You, Comrade Stalin! Soviet Public Culture from Revolution to Cold War,* Princeton University Press: Princeton NJ 2000, pp. 213–14.

51 Z. Medvedev, «Stalin as a Russian Nationalist» in R. and Z. Medvedev, *The Unknown Stalin.*

52 Сталин, *Сочинения,* стр. 68.

53 J.V. Stalin, *Concerning Marxism in Linguistics,* Soviet News Booklet, London 1950.

54 Я опираюсь на исследование Gorlizki and Khlevniuk, *Cold Peace* pp. 79–89. Документы, имеющие отношение к смещению Вознесенского, см. в *Политбюро ЦК ВКП (б) и Совет министров СССР,* док. 238–53; документы, касающиеся чисток в ленинградском партийном комитете, см. в *ЦК ВКП (б) и региональные партийные комитеты 1949–1953,* Москва 2004, док. 84–104.

55 См. D. Brandenberger, «Stalin, the Leningrad Affair and the Limit of Postwar Russocentrism», *Russian Review,* № 63, April 2004. См. также ответ на статью Бранденбергера, опубликованный Ричардом Бидлаком в журнале «Рашен ревью» в январе 2005. Там же напечатан краткий ответ Бранденбергера.

56 Gorlizki and Khlevniuk, *Cold Peace,* p. 83.

57 См. J. Burds, *Early Cold War.*

58 Историю ЕАК в документах и комментариях исследователей см. в S. Redlich (ed.), *War, Holocaust and Stalinism: A Documentary History of the Jewish Anti-Fascist Committee in the USSR,*

Harwood Academic Publishers: Luxembourg 1995. Исследование деятельности комитета в военное время на русском языке см. в Н.К. Петровка, *Антифашистские комитеты в СССР: 1941–1945 гг.* , Москва 1999. Автор подчеркивает, что ЕАК был в первую очередь советской патриотической организацией.

59 Доказательства того, что Михоэлс был убит по приказу Сталина, см. в Г.В. Костырченко, *Тайная политика Сталина,* Москва 2001. Следует, однако, отметить, что после смерти Михоэлса в «Правде» был напечатан хвалебный некролог; на пышных похоронах, прошедших в Москве, присутствовали многие известные члены правительства и партии.

60 Redlich, *War,* doc. 180.

61 См. G. Gorodetsky, «The Soviet Union and the Creation of the State of Israel», *The Journal of Israeli History,* vol. 22, № 1, 2003; L. Rucker, *Moscow's Surprise: The Soviet-Israeli Alliance of 1947–1949,* Cold War International History Project Working Paper № 46. Ряд документов о советско-израильских отношениях в этот период был опубликован на русском и английском языках в изданиях *Советско-израильские отношения,* т. 1 (1941–1953), Moscow 2000 и *Documents on Israeli-Soviet Relations, 1941–1953,* Frank Cass: London 2000.

62 Цит. по Rucker, *Moscow's Surprise,* p. 17.

63 *Documents on Israeli-Soviet Relations,* docs 160, 173, 180, 195.

64 Redlich, War, doc. 181.

65 J. Rubenstein and V.P. Naumov (eds), *Stalin's Secret Pogrom: The Postwar Inquisition of the Jewish Anti-Fascist Committee,* Yale University Press: New Haven 2001. В сборник вошел отредактированный протокол заседания суда. Этот очень познавательный документ подвергался критике за то, что в нем обвиняемые представлены в первую очередь не как евреи, а как советские граждане.

66 *Политбюро ЦК ВКП (б) и Совет министров СССР,* док. 254–255.

67 РГАСПИ, Ф. 82, Оп. 2, Дд. 1091–112. См. G. Roberts, «Stalin, the Pact with Nazi Germany, and the Origins of Postwar Soviet Diplomatic Historiography», *Journal of Cold War Studies,* vol. 4, № 3, 2002.

68 J. Pelikan (ed.), *The Czechoslovak Political Trials, 1950–1954* , Macdonald: London 1970.

69 Ж. Медведев, *Сталин и еврейская проблема,* Москва 2003. Ср. G. Kostyrchenko, *Out of the Shadows: Anti-Semitism in Stalins Russia,* Prometheus Books: New York 1995.

70 Дневник Малышева, стр. 140–1.

71 Я в своем исследовании опираюсь на документы (а не их

трактовку), представленные в J. Brent and V.P. Naumov, *Stalin's Last Crime: The Plot against the Jewish Doctors,* 1948–1953, HarperCollins: New York 2003. Ряд документов, цитируемых авторами, перепечатан в издании *Политбюро ЦК ВКП (б) и Совет министров СССР.*

72 *Политбюро ЦК ВКП (б) и Совет министров СССР,* док. 297.

73 Brent and Naumov, *Stalin's Last Crime,* p. 10.

74 Там же, p. 58.

75 G. Alexopoulos, «Amnesty 1945: The Revolving Door of Stalin's Gulag», *Slavic Review,* vol. 64, № 2, Summer 2005.

76 См. таблицу в J. Keep, *Last of the Empires: A History of the Soviet Union, 1945–1991,* Oxford University Press: Oxford 1995, p. 15.

77 *Dunmore, Soviet Politics.*

78 Gorlizki and Khlevniuk, *Cold Peace,* pp. 124–32.

79 Эта часть текста основана на материалах XIX съезда партии, хранящихся в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ) Ф. 592, Оп. 1. См. также: A. Tikhonov and P.R. Gregory, «Stalin's Last Plan» in P.R. Gregory (ed.), *Behind the Facade of Stalin's Command Economy,* Hoover Institution Press: Stanford 2001.

80 Сталин, *Сочинения,* стр. 227–9.

81 См. Y. Gorlizki's, «Party Revivalism and the Death of Stalin», *Slavic Review* , vol. 54, № 1, 1995; «Stalin's Cabinet: The Politburo and Decision Making in the Post-War Years», *Europe-Asia Studies,* vol. 53, № 2, 2001.

82 Речь Сталина была опубликована в газете «Гласность» в 1999 г., текст ее можно найти на многих сайтах в Интернете. Более подробно о том, что Сталин говорил на пленуме, см. К. Симонов, *Глазами человека моего поколения: размышления о И.В. Сталине,* Москва 1989, стр. 240–4; А. Микоян, *Так было* , Москва 1999, стр. 574–5; A. Resis (ed.), *Molotov Remembers* , Ivan R. Dee: Chicago 1993, pp. 313–16.

83 Цит. по Gorlizki and Khlevniuk, *Cold Peace,* p. 150.

84 Работы, в которых подчеркивается роль межфракционной борьбы во внутренней и внешней политике СССР после войны: R. Conquest, *Power and Policy in the USSR: The Struggle for Stalin's Succession, 1945–1960,* Harper & Row: New York 1967; W.G. Hahn, *Postwar Soviet Politics: The Fall of Zhdanov and the Defeat of Moderation, 1946–1953,* Cornell University Press: Ithaca, NY 1982; A. Knight, *Berta; Stalin's First Lieutenant,* Princeton University Press: Princeton, NJ 1993; W.O. McCagg, *Stalin Embattled, 1943–1948,* Wayne State University Press: Detroit 1978; G.D. Ra'anan, *International Policy Formation in the USSR: Factional «Debates» during the Zhdanovshchina,* Archon Books: Hamden, Conn. 1983.

1 L. Gibianskii, «The Soviet-Yugoslav Split and the Cominform» in N. Naimark and L. Gibianskii (eds), *The Establishment of Communist Regimes in Eastern Europe, 1944–1949,* Westview Press: Boulder, Col. 1997. Гибианский опубликовал ряд статей на английском, русском и других языках на тему конфликта между Сталиным и Тито. Кроме того, при его содействии был обнародован ряд ценных документов из советских архивов.

2 «На пороге первого раскола в «социалистическом лагере», *Исторический архив* , № 4, 1997; *Stalin and the Cold War, 1945–1953: A Cold War International History Project Documentary Reader,* September 1999 pp. 408–19; I. Banac (ed.), *The Diary of Georgi Dimitrov, 1933–1949,* Yale University Press: New Haven 2003, pp. 436–41.

3 «Секретная советско-югославская переписка 1948 года», *Вопросы истории,* №№ 4–5, 1992.

4 G. Procacci (ed.), *The Cominform: Minutes of the Three Conferences, 1947/1948/1949,* Feltrinelli: Milan 2004, pp. 611–21.

5 A.B. Ulam, *Titoism and the Cominform,* Harvard University Press: Cambridge, Mass. 1952, chap. 5.

6 *Восточная Европа в документах российских архивов, 1944–1953, т. 1,* Москва 1999, док. 267, 269, 272, 274, 289; *Советский фактор в Восточной Европе, 1944–1953,* т. 1, Москва 1999, док. 209–12.

7 W. Loth, *Stalin's Unwanted Children: The Soviet Union, the German Question and the Founding of the GDR,* Palgrave: London 1998, chap. 1.

8 B. Ruhm von Oppen (ed.), *Documents on Germany under Occupation, 1945–1954,* Oxford University Press: New York 1955, pp. 128–31.

9 Г.П. Кинин и Ж. Лауфер (ред.), *СССР и германский вопрос,* т. 2, Москва 2000, док. 121–3, 126–8, 137. См. также R.B. Levering et al. (eds), *Debating the Origins of the Cold War* , Rowman & Littlefield: Lanham, Maryland 2002, doc. 2, pp. 157–9.

10 «V.M. Molotov's Statement on the American Draft Treaty for the Disarmament and Demilitarisation of Germany», *Soviet News,* 11/7/46. Запись о разговоре Молотова с Бирнсом во время сессии СМИД есть в Архиве внешней политики Российской Федерации. Ф. 431/II Оп. 2, Д. 3, Лл. 149–58.

11 Г.П. Кинин и Ж. Лауфер (ред.), *СССР и германский вопрос,* т. 3, Москва 2003, док. 35.

12 *Советско-американские отношения, 1945–1948,* Москва 2004, док. 185. Об этом же Сталин говорил на встрече с членами восточногерманских коммунистических партий в январе 1947 г.

13 E.S. Mason, «Reflections on the Moscow Conference», *International Organisation,* vol. 1, № 3, September 1947, p. 475. В то же время, Мейсон полагал, что, несмотря на все сложности, было вполне возможно достичь соглашения с СССР по вопросу создания в объединенной Германии какого-либо либерально-демократического режима. Более подробный анализ результатов совещания с точки зрения Запада см. в A. Deighton, *The Impossible Peace: Britain, the Division of Germany and the Origins of the Cold War,* Clarendon Press: Oxford 1990, chap. 6.

14 *Внешняя политика Советского Союза 1947 год,* часть 1, Москва 1952, стр. 377–83, 534; «К итогам совещания министров иностранных дел», *Правда* 27/4/47. Многие советские архивные документы, касающиеся московского совещания, были включены в сборник под ред. Кинина и Лауфера *СССР и германский вопрос,* т. 3. В советской прессе совещание освещалось достаточно подробно; как я понимаю, то, что советское правительство говорило в официальных заявлениях, не отличалось значительно от того, что говорилось за закрытыми дверями.

15 V.M. Molotov, *Problems of Foreign Policy,* Foreign Languages Publishing House: Moscow 1949, p. 488.

16 Там же, pp. 503–9.

17 Deighton, *Impossible Peace,* chap. 8.

18 Беседу Сталина с руководителями СЕПГ 26 марта 1948 см. в журнале *Исторический архив,* № 2, 2002, стр. 9–25.

19 Von Oppen, *Documents,* pp. 286–90. Об обстоятельствах подписания лондонского коммюнике: M. Trachtenberg, *A Constructed Peace: The Making of the European Settlement, 1945–1963,* Princeton University Press: Princeton NJ 1999, pp. 78–91.

20 W. Stivers, «The Incomplete Blockade: Soviet Zone Supply of West Berlin, 1948–1949», *Diplomatic History,* vol. 21, № 4, Fall 1997. О политике СССР в общем: M.M. Narinskii, «The Soviet Union and the Berlin Crisis» in F. Gori and S. Pons (eds), *The Soviet Union and Europe in the Cold War, 1943–1953,* Macmillan: London 1996.

21 *Советско-американские отношения, 1945–1948,* док. 281, 287.

22 Цит. по C. Kennedy-Pipe, *Stalin's Cold War* , Manchester University Press: Manchester 1995, pp. 127–8.

23 M.D. Shulman, *Stalin's Foreign Policy Reappraised,* Harvard University Press; Cambridge, Mass. 1963, pp. 73–5. Эта книга остается одним из главных источников информации о внешней политике СССР в последние годы правления Сталина. Также ценным источником является W. Taubman, *Stalin's American Policy: From Entente to Detente to Cold War,* W.W. Norton: New York 1982.

24 *Внешняя политика Советского Союза 1949 год,* Москва

1953, стр. 46–71, 88–94, 120–2.

25 Цит. по D. Holloway, *Stalin & The Bomb: The Soviet Union and Atomic Energy, 1939–1956,* Yale University Press: New Haven 1994, p. 264.

26 См. V. Mastny, *NATO in the Beholder's Eye: Soviet Perceptions and Policies, 1949–1956,* Cold War International History Project Working Paper № 35, March 2002; Н.И. Егорова, «Европейская безопасность и «угроза» НАТО в оценках сталинского руководства» в сборнике под ред. В. Гайдук, Н.И. Егоровой и А.О. Чубарьяна *Сталинское десятилетие «холодной войны»,* Москва 1999.

27 *Отношения СССР с ГДР, 1919–1955 гг.,* Москва 1974, док. 114.

28 Обзор дискуссий вокруг «сталинской ноты» см. в A. Phillips, *Soviet Policy Reconsidered: The Postwar Decade,* Greenwood Press: New York 1986; R. Steininger, *The German Question and the Stalin Note of 1952* , Columbia University Press: New York 1990; V. Mastny, *The Cold War and Soviet Insecurity,* Oxford University Press: Oxford 1996; J. Zarusky (ed.), *Die Stalin-Note vom 10 Marz 1952,* Munich 2002; R. van Dijk, *The Stalin Note Debate: Myth or Missed Opportunity for German Unification,* Cold War International History Project Working Paper № 14, May 1996; Wettig's, «The Soviet Union and Germany in the Late Stalin Period, 1950–1953» in Gori and Pons, *Soviet Union* and «Stalin and German Reunification: Archival Evidence on Soviet Foreign Policy in Spring 1952», *Historical Journal,* vol. 37, № 2, 1994; W. Loth, «The Origins of Stalin's Note of 10 March 1952», *Cold War History,* vol. 4, № 2, January 2004; А.М. Филитов, «Сталинская дипломатия и германский вопрос: последний год» в книге *Сталинское десятилетие «холодной войны»* и «Нота 10 марта 1952 года: продолжающаяся дискуссия» в книге В.М. Туполев, *Россия и Германия,* Москва 2004; J. Laufer, «Die Stalin-Note vom 10 Marz 1952 im Lichteneuer Quellen», *Vierteljahrshefte fur Zeitgeschichte,* January 2004.

29 Сталин, *Сочинения,* стр. 224.

30 Информация о встречах Сталина с руководством ГДР 1 апреля и 7 апреля 1952 г. взята из журнала «Источник», № 3, 2003, цитаты со стр. 122, 125. Перевод указанных документов см. на сайте Cold War International History Project.

31 *Отношения СССР с ГДР, 1949–1955 гг.,* док. 118. Проект документа был подготовлен Молотовым и Вышинским и отредактирован Сталиным. См. *Политбюро ЦК ВКП (б) и Совет министров СССР, 1945–1953,* Москва 2002, док. 119.

32 *Stalin and the Cold War, 1945–1953,* pp. 523–4.

33 Сталин, *Сочинения,* т. 16, Москва 1997, стр. 98–9.

34 *Внешняя политика Советского Союза 1949 год,* стр. 441 и далее.

35 B. Ponomaryov et al. (eds), *History of Soviet Foreign Policy, 1945–1970,* Progress Publishers: Moscow 1973.

36 В первоначальную версию текста своего выступления Маленков включил предложение о заключении 50-летнего пакта о ненападении между Великобританией, Францией, СССР и США, а также о проведении международной конференции с целью подготовить декларацию о мире и связанных с ним вопросах. Эта часть была вычеркнута Сталиным, а цитируемые слова заменены на более развернутую формулировку в форме списка. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ) Ф. 592, Оп. 1, Д. 6, Л. 25.

37 Shulman *, Stalin's Foreign Policy*.

38 Сталин, *Сочинения,* стр. 94–5.

39 См. F.S. Burin, «The Communist Doctrine of the Inevitability of War», *American Political Science Review* , vol. 57, № 2, June 1963.

40 J. Stalin, *Economic Problems of Socialism in the USSR,* Foreign Languages Publishing House: Moscow 1952, pp. 37–41. О предпосылках публикации этого текста см. E. Pollack, *Conversations with Stalin on Questions of Political Economy,* Cold War International History Project Working Paper № 33, July 2001.

41 О перевооружении советской армии при Сталине: Holloway, *Stalin & the Bomb,* chaps 11–12; Mastny, *NATO,* Y. Gorlizki and O. Khlevniuk, *Cold Peace: Stalin and the Soviet Ruling Circle, 1945–1953,* Oxford University Press: Oxford 2004, pp. 97–101; M.A. Evangelista, «Stalin's Postwar Army Reappraised» in S.M. Lynn-Jones et al. (eds), *Soviet Military Policy,* MIT Press: Cambridge, Mass. 1989; Н. Симонов, *Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы,* Москва 1996, гл. 5; *Stalin and the Cold War, 1945–1953,* pp. 492–7.

42 *Внешняя политика Советского Союза 1949 год,* стр. 162–3. Перевод см. в Holloway, *Stalin & the Bomb,* pp. 265–6.

43 B.G. Bechhoefer, *Postwar Negotiations for Arms Control,* The Brookings Institution: Washington DC 1961, p. 134. Более положительное описание советской политики по вопросам разоружения, контроля вооружения и ядерного оружия см. в J.P. Morray, *From Yalta to Disarmament,* Monthly Review Press: New York 1961.

44 Holloway, *Stalin & the Bomb,* p. 253.

45 Там же, p. 242.

46 Там же, p. 247.

47 Holloway, *Stalin & the Bomb,* p. 250. Еще одна работа, посвященная отношению Сталина к атомному оружию: V.M.

Zubok, «Stalin and the Nuclear Age» in J.L. Gaddis et al. (eds), *Cold War Statesmen Confront the Bomb: Nuclear Diplomacy since 1945,* Oxford University Press: Oxford 1999.

48 О политике советского правительства по отношению к Корее в первые годы после войны: E. van Ree, *Socialism in One Zone: Stalin's Policy in Korea 1945–1947,* Berg: Oxford 1989.

49 *Советско-американские отношения,* 1945–1948, док. 68.

50 Тексты советско-китайских соглашений 1945 и 1950 гг. см. в R.L. Garthoff (ed.), *Sino-Soviet Military Relations,* Frederick A. Praeger: New York 1966 Appendices A & B.

51 Ponomaryov et al., *Flistory,* chap. 19.

52 Советскую версию записи бесед Микояна и переписки Сталина с Мао см. в сборнике *Советско-китайские отношения, 1946–1950,* 2 т., Москва 2005.

53 *Stalin and the Cold War, 1945–1953,* p. 482. Русскую версию записи этой беседы см. там же, док. 544.

54 Подробнее см. в Chen, Jian, *The Sino-Soviet Alliance and China's Entry into the Korean War,* Cold War International History Project Working Paper № 1, June 1992, pp. 10–12.

55 K. Weathersby, *«Should We Fear This?» Stalin and the Danger of War with America,* Cold War International History Project Working Paper № 39, July 2002. Цитируемые ниже высказывания Сталина взяты из этого источника.

56 См. K. Weathersby, «Stalin, Mao, and the End of the Korean War» in O.A. Westad (ed.), *Brothers in Arms: The Rise and Fall of the Sino-Soviet Alliance, 1945–1963,* Stanford University Press: Stanford 1998.

57 *Stalin and the Cold War, 1945–1953,* p. 512.

58 См. S.N. Goncharov et al., *Uncertain Partners: Stalin, Mao and the Korean War,* Stanford University Press: Stanford 1993.

59 См. J. Brent and V.P. Naumov, *Stalin's Last Crime,* Harper Collins: New York 2003, chap. 10. Наиболее достоверной кажется версия смерти Сталина, представленная его дочерью Светланой: S. Alliluyeva, *20 Letters to a Friend,* Penguin: London 1968, pp. 13–20.

60 Сталин, *Сочинения,* p. 230.

61 *Stalin and the Cold War, 1945–1953,* pp. 529–30.

Заключение

1 В. Соколовский, «Великий подвиг советского народа», *Правда* 9/5/54.

2 «75th Anniversary of the Birth of J.V. Stalin», *New Times* , № 51, 1954; «Joseph Stalin, 1979–1953», *New Times* , № 52, 1955.

3 См. D. Reynolds, *In Command of History: Churchill Fighting and Writing the Second World War* , Penguin Books: London 2005. Подробнее см.: D. Reynolds, «How the Cold War Froze the History of

World War Two», Annual Liddell Hart Centre for Military Archives Lecture 2005, www.kcl.ac.uk/lhcma/info/lec05.htm.

4 D.M. Glantz, «The Failures of Historiography: Forgotten Battles of the German-Soviet War», *Journal of Slavic Military Studies* 8, 1995.

5 Цит. по: S. Berthon and J. Potts, *Warlords* , Politico's Publishing: London 2005, pp. 166–7.

6 *Churchill and Stalin: Documents from British Archives,* FCO: London 2002, docs 77–78. Русскоязычный текст письма Черчилля хранится в Российском государственном архиве социально-политической истории, Ф. 82, Оп. 2, Д. 110, Л. 820.

Избранная библиография

Архивы

Русские архивы

Архив внешней политики Российской Федерации (АВПРФ)

Фонд 6 Секретариат Молотова

Фонд 7 Секретариат Вышинского

Фонд 12 Секретариат Деканозова

Фонд 0200 Личный архив Гусева

Фонд 0511 Комиссия Ворошилова

Фонд 0425 Европейская консультативная комиссия

Фонд 0431 Совет министров иностранных дел

Фонд 0432 Парижская мирная конференция

Фонд 0555 Тегеранская конференция

Фонд 0556 Ялтинская конференция

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ) Фонд 9401 Сводки НКВД

Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ) Фонд 2 Пленумы Центрального Комитета

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ)

Фонд 17 Документы международного отдела, протоколы Политбюро, документы Совинформа

Фонд 71 Секретариат Сталина

Фонд 77 Личный архив Жданова

Фонд 82 Личный архив Молотова

Фонд 83 Личный архив Маленкова

Фонд 359 Личный архив Литвинова

Фонд 496 Личный архив Коминтерна

Фонд 558 Личный архив Сталина

Фонд 592 XIX съезд КПСС

Американские архивы

Averell Harriman Papers, Library of Congress Manuscript Division

Pamela Harriman Papers, Library of Congress Manuscript Division

Volkogonov Papers, Library of Congress Manuscript Division

Британские архивы

Public Records Office, London

Foreign Office, Cabinet and Prime Minister files on Anglo-Soviet relations

Вторичные источники

Газеты и журналы

Правда

Известия

Красная звезда

Война и рабочий класс

Новое время/New Times

Большевик

Мировое хозяйство и мировая политика

World News and Views

The Communist International

Soviet War News/Soviet News

Вопросы внешней политики (внутренний бюллетень Центрального Комитета: РГАСПИ Ф. 17, Оп. 128)

Справочная литература

D. Glantz et al., *Slaughterhouse: The Handbook of the Eastern Front,* Aberjona Press 2004

Кто был кто в Великой Отечественной войне, 1941–1945, Moscow 2000

«Посетители кремлевского кабинета И.В. Сталина», *Исторический архив,* № 6, 1994; №№ 2, 3, 4, 5–6, 1995; №№ 2, 3, 4, 5–6, 1996; и №№ 1, 1997

«Посетители кремлевского кабинета И.В. Сталина: алфавитный указатель», *Исторический архив,* № 4, 1998

B. Taylor, *Barbarossa to Berlin: A Chronology of the Campaigns on the Eastern Front, 1941 to 1945,* 2 vols, Spellmount: Staplehurst, Kent 2004

Вторая мировая война, 1939–1945: альбом схем, Москва 1958

Выступления и сочинения

B. Franklin, *The Essential Stalin: Major Theoretical Writings, 1905–1952,* Croom Helm: London 1973

V.M. Molotov, *Problems of Foreign Policy,* Foreign Languages Publishing House: Moscow 1949

В.А. Невежин, *Застольные речи Сталина,* Москва – Санкт-Петербург 2003

И. Сталин *О Великой Отечественной войне Советского Союза,* Москва 1946

И. Сталин *Сочинения,* т. 16 (1946–1952), Москва 1997

I. Stalin, *On the Great Patriotic War of the Soviet Union,* Hutchinson: London 1943

N. Voznesenky, *War Economy of the USSR in the Period of the Great Patriotic War,* Foreign Languages Publishing House: Moscow 1948

К.Е. Ворошилов, *Сталин и вооруженные силы СССР,* Москва 1951

Документы, опубликованные на русском языке (в порядке публикации)

Внешняя политика Советского Союза за 1941–1950 гг., Москва 1944–1953

Переписка председателя совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг., Москва 1957

Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., Москва 1959

Советско-китайские отношения, 1917–1957, Москва 1959

Документы и материалы по истории советско-польских отношений, тт. 6–7, Москва, 1969, 1973

Отношения СССР с ГДР, 1919–1955 гг., Москва 1974

Советско-болгарские отношения и связи, 1917–1944, Москва 1976

Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений, тт. 4–5, Москва 1983, 1984

Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945, в 2 т., Москва 1983

Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945, в 2 т., Moscow 1983

Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945, в 2 т., Moscow 1984

Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг., в 6 т., Москва 1984

Полпреды сообщают: сборник документов об отношениях СССР с Латвией, Литвой и Эстонией, август 1939 г. – август 1940 г. , Москва 1990

Документы внешней политики, тт. 22–24, Москва 1992, 1995, 1998, 2000

Советско-югославские отношения, 1917–1941 гг., Москва 1992

Накануне войны: материалы совещания высшего руководящего состава РККА 23–31 декабря, Москва 1993 (серия «Русский архив»)

Г.К. Жуков в битве под Москвой: сборник документов, Москва 1994

Коминтерн и Вторая мировая война, в 2 т., Москва 1994, 1998

НКВД и польское подполье, 1944–1945, Москва 1994

СССР и Польша, 1941–1945, Москва 1994

СВАГ, 1944–1949, Москва 1994

Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне, тт. 1–3, Москва 1995, 2000, 2003

Москва военная, 1941–1945, Москва 1995

СССР – Польша: механизмы подчинения, 1944–1949 гг., Москва 1995

Сталинград, 1942–1943, Москва 1995

Еврейский антифашистский комитет в СССР, 1941–1948, Москва 1996

Главные политические органы вооруженных сил СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., Москва 1996 (серия «Русский архив»)

СССР и германский вопрос, 1941–1949, в 3 т., Москва 1996, 2000, 2003

Ставка ВГК: документы и материалы 1941–1945, Москва 1996–1999

Катынь: пленники необъявленной войны, Москва 1997

Советско-японская война 1945 года: история военно-политического противоборства двух держав в 30–40-е годы (серия «Русский архив»), Москва 1997

Война и дипломатия, 1941–1942, Москва 1997

Восточная Европа в документах российских архивов, в 2 т., Москва 1997, 1998

1941 год, в 2 т., Москва 1998

Атомный проект СССР: документы и материалы, в 3 т., Москва 1998–2002

Отношения России (СССР) с Югославией, 1941–1945 гг. , Москва 1998

Совещания Коминформа, 1947–1949 , Москва 1998

Три визита А.Я. Вышинского в Бухарест, 1944–1946, Москва 1998

Советский фактор в Восточной Европе, 1944–1948, Москва 1999

Зимняя война, 1939–1940, Москва 1999

Москва послевоенная, 1945–1947, Москва 2000

Советско-израильские отношения, 1941–1949, Москва 2000

Советско-румынские отношения, в 2 т., Москва 2000

Советско-китайские отношения, тт. 4–5, Москва 2000, 2005

Сталинградская эпопея, Москва 2000

Трансильванский вопрос: венгеро-румынский территориальный спор и СССР, 1940–1946, Москва 2000

Георгий Жуков, Москва 2001

Из Варшавы… Документы НКВД СССР о польском подполье, 1944–1945 гг., Москва 2001

Катынь, 1940–2000, Москва 2001

Москва и Восточная Европа, 1949–1953, Москва 2002

Неизвестная блокада, в 2 т., Москва 2002

Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет министров СССР, 1945–1953, Москва 2002

Сталинградская битва, в 2 т., Москва 2002

Курская битва, в 2 т., Москва 2003

Советская повседневность и массовое сознание, 1939–1945, Москва 2003

Советская жизнь, 1945–1953, Москва 2003

Операция «Багратион», Москва 2004

Советско-американские отношения, 1939–1945, Москва 2004

Советско-американские отношения, 1945–1948, Москва 2004

Сталин и Черчилль, Москва 2004

«Зимняя война»: работа над ошибками апрель – май 1940 г. (материалы комиссии главного военного совета Красной Армии по обобщению опыта финской кампании, Москва 2004

Сталинские депортации, 1928–1953, Москва 2005

Иван Михайлович Майский: избранная переписка с российскими корреспондентами, в 2 т., Москва 2005

Лубянка: Сталин и НКВД – НКГБ – ГУКР «Смерш», 1939–1946, Москва 2006

Документы, опубликованные на английском языке

A.O. Chubaryan and H. Shukman (eds), *Stalin and the Soviet-Finnish War, 1939–1940,* Frank Cass: London 2002

Churchill and Stalin: Documents from British Archives, FCO: London 2002

A. Dallin and F.I. Firsov (eds), *Dimitrov & Stalin, 1934–1943,* Yale University Press: New Haven 2000

J. Degras (ed.), *The Communist International 1919–1943,* vol. 3, Frank Cass: London 1971

J. Degras (ed.), *Soviet Documents on Foreign Policy,* vol. 3 (1933–1941), Oxford University Press: London 1953

The Development of Soviet-Finnish Relations, London 1940

Documents on British Policy Overseas, series 1, vol. 2, HMSO: London 1985 *Documents on Israeli-Soviet Relations, 1941–1953,* Frank Cass: London 2000 Do *cuments on Polish-Soviet Relations 1939–1945, 2* vols, Heinemann: London 1961

Foreign Relations of the United States: annual volumes, 1941–1946, Government Printing Office: Washington DC 1958–1970

Foreign Relations of the United States: The Conference of Berlin 1945, 2 vols, Government Printing Office: Washington DC 1960

Foreign Relations of the United States: The Conferences of Cairo and Tehran 1943, Government Printing Office: Washington DC 1961

Foreign Relations of the United States: The Conferences of Malta and Yalta, Government Printing Office: Washington DC 1955

K.M. Jensen (ed.), *Origins of the Cold War: The Novikov, Kennan*

and Roberts «Long Telegrams» of 1946, Washington 1991

W. LaFeber (ed.), *The Origins of the Cold War, 1941–1947,* John Wiley: New York 1971

Nazi-Soviet Relations, 1939–1941, Didier: New York 1948

«New Documents about Winston Churchill from Russian Archives», *International Affairs,* vol. 47, № 5, 2001

A. Polonsky (ed.), *The Great Powers and the Polish Question, 1941–1945,* Orbis Books: London 1976

A. Polonsky and B. Drukier, *The Beginnings of Communist Rule in Poland,* Routledge & Kegan Paul: London 1980

G. Procacci (ed.), *The Cominform: Minutes of the Three Conferences 1947/1948/1949,* Feltrinelli: Milan 1994 (на русском языке: *Совещания Коминформа, 1947, 1948, 1949: документы и материалы,* Москва 1998)

S. Redlich (ed.), *War, Holocaust and Stalinism: A Documentary History of the Jewish Anti-Fascist Committee in the USSR,* Harwood Academic Publishers: Luxembourg 1995

G. Ross (ed.), *The Foreign Office and the Kremlin: British Documents on Anglo-Soviet Relations 1941–1945,* Cambridge University Press: Cambridge 1984

J. Rubenstein and V.P. Naumov (eds), *Stalin's Secret Pogrom: The Postwar Inquisition of the Jewish Anti-Fascist Committee,* Yale University Press: New Haven 2001

B. Ruhm von Oppen (ed.) *Documents on Germany under Occupation, 1945–1954,* Oxford University Press: New York 1955

O.A. Rzheshevsky (ed.), *War and Diplomacy: The Making of the Grand Alliance (Documents from Stalin's Archive),* Harwood Academic Publishers: Amsterdam 1996

Soviet Foreign Policy during the Patriotic War: Documents and Materials, 2 vols, Hutchinson: London 1944–1945

Stalin and the Cold War, 1945–1953: A Cold War International History Project Documentary Reader, Washington, DC 1999

Stalin's Correspondence with Churchill, Attlee, Roosevelt and Truman, 1941–1945, Lawrence & Wishart: London 1958

«Stalin, Czechoslovakia, and the Marshall Plan: New Documentation from Czechoslovak Archives», *Bohemia Band* № 32, 1991

G. Takhnenko, «Anatomy of a Political Decision: Notes on the Marshall Plan», *International Affairs,* July 1992

The Tehran, Yalta and Potsdam Conferences: Documents, Progress Publishers: Moscow 1969

The White House Papers of Harry L. Hopkins, Eyre & Spottiswoode: London 1949 «The Winter War (Documents on Soviet-Finnish Relations in 1939–1940)», *International Affairs,* №№ 8 & 9, 1989.

Мемуары и дневники

S. Alliluyeva, *20 Letters to a Friend,* Penguin: London 1968

И.Х. Баграмян, *Так шли мы к победе,* Moscow 1998

I. Banac (ed.), *The Diary of Georgi Dimitrov, 1933–1949,* Yale University Press: New Haven 2003

W. Bedell Smith, *Moscow Mission, 1946–1949,* Heinemann: London 1950

V. Berezhkov, *History in the Making: Memoirs of World War II Diplomacy,* Progress Publishers: Moscow 1983

S. Bialer (ed.), *Stalin and his Generals: Soviet Military Memoirs of World War II,* Souvenir Press: New York 1969

A.H. Birse, *Memoirs of an Interpreter,* Michael Joseph: London 1967

С.С. Бирюзов, *Советский солдат на Балканах,* Москва 1963

E. Bohlen, *Witness to History, 1929–1969,* Weidenfeld & Nicolson: London 1973

Е.Е. Боков, *Весна Победы,* Москва 1980

V. Chuikov, *The Beginning of the Road,* MacGibbon 8c Kee: London 1963

В.Л. Чуйков, *Конец Третьего рейха,* Москва 1973

J.R. Deane, *The Strange Alliance,* Viking Press: New York 1947

M. Djilas, *Wartime,* Seeker 8c Warburg: London 1977

I. Ehrenburg, *Post-War Years, 1945–1954,* MacGibbon 8c Kee: London 1966

I. Ehrenburg, *The War, 1941–1945,* MacGibbon 8c Kee: London 1964

F.I. Golikov, *On a Military Mission to Great Britain and the USA,* Progress Publishers: Moscow 1987

W.A. Harriman and E. Abel, *Special Envoy to Churchill and Stalin, 1941–1946,* Random House: New York 1975

Л. Каганович, *Памятные записки,* Москва 1996

G. Kennan, *Memoirs,* Hutchinson: London 1968

N. Kharlamov, *Difficult Mission,* Progress Publishers: Moscow 1983

Khrushchev Remembers, Sphere Books: London 1971

I.S. Konev, *Year of Victory,* Progress Publishers: Moscow 1969

И.С. Конев, *Записки командующего фронтом, 1943–1945,* Москва 1981

Г.А. Куманев, *Рядом со Сталиным,* Москва 1999

И.М. Майский, *Воспоминания советского дипломата,* Москва 1987

I.M. Maisky, *Memoirs of a Soviet Ambassador,* Hutchinson: London 1967

Дневник В.А. Малышева, *Источник* № 5, 1997

The Memoirs of Marshal Zhukov, Jonathan Cape: London 1971

А. Микоян, *Так было,* Москва 1999

Lord Moran, *Winston Churchill: The Struggle for Survival, 1940–1965,* Sphere Books: London 1968

Н.Н. Новиков, *Воспоминания дипломата,* Москва 1989

A. Resis (ed.), *Molotov Remembers,* Ivan R. Dee: Chicago 1993 (на русском языке: Ф. Чуев *, Сто сорок бесед с Молотовым,* Москва 1991)

К.К. Рокоссовский, *Солдатский долг,* Москва 2002 (на английском языке: *A Soldier's Duty,* Progress Publishers: Moscow 1970)

H.E. Salisbury (ed.), *Marshal Zhukov's Greatest Battles,* Sphere Books: London 1969 A.M. Samsonov (ed.), *9 Maya 1945 goda,* Moscow 1970

S.M. Shtemenko, *The Soviet General Staff at War, 1941–1945,* 2 vols, Progress Publishers: Moscow 1970, 1973

К. Симонов, *Глазами человека моего поколения: размышления о И.В. Сталине,* Москва ecial Tasks, *Warner Books: London 1995*

P. Sudoplatov, *Special Tasks,* Warner Books: London 1995

A.M. Vasilevskii *, A Lifelong Cause* ,Progress Publishers: Moscow 1981 (на русском языке: *Дело всей жизни* , Москва 1974 *)*

А.И. Еременко, *Сталинград,* Москва 1961

М.В. Захаров, *Сталинградская эпопея,* Москва 1968

Г.К. Жуков, *Воспоминания и размышления,* 10-е изд., в 3 т., Москва 1990

Книги и статьи

Г.М. Адибеков, Е.Н. Шахназарова и К.К. Шириня, *Организационная структура Коминтерна, 1919–1943,* Москва 1997

G. Alexopoulos, «Amnesty 1945: The Revolving Door of Stalin's Gulag», *Slavic Review,* vol. 64, № 2, Summer 2005

В.А. Анфилов, *Дорога к трагедии сорок первого года,* Москва 1997

A. Axell, *Marshal Zhukov,* Pearson: London 2003

A. Axell, *Stalin's War through the Eyes of his Commanders* , Arms and Armour Press: London 1997

S.J. Axelrod, «The Soviet Union and Bretton Woods», *Slovo,* April 1995

J. Barber and M. Harrison, «Patriotic War, 1941–1945» in R.G. Suny (ed.), *The Cambridge History of Russia,* vol. 3, Cambridge University Press: Cambridge 2006

Н.И. Барышников, «Советско-финляндская война 1939–1940 гг.», *Новая и новейшая история,* № 4, 1991

A. Beevor, *Berlin: The Downfall 1945,* Viking: London 2002

A. Beevor, *Stalingrad,* Penguin Books: London 1991

M. Beloff, *Soviet Policy in the Far East, 1944–1951,* Oxford

University Press: London 1953

Bennett (ed.), *The End of the War in Europe, 1945,* HMSO: London 1996

S. Berthon and J. Potts, *Warlords,* Politico's Publishing: London 2005

L. Bezymenski, *The Death of Adolf Hitler: Unknown Documents from the Soviet Archives,* Michael Joseph: London 1968

N. Bjelakovic, «Comrades and Adversaries: Yugoslav-Soviet Conflict in 1948», *East European Quarterly,* vol. 33, № 1, 1999

T.K. Blauvelt, «Military Mobilisation and National Identity in the Soviet Union», *War & Society,* vol. 21, № 1, May 2003

H. Boog et al., *Germany and the Second World War,* vols 4 & 6, Clarendon Press: Oxford 1998, 2001

D. Brandenberger, *National Bolshevism: Stalinist Mass Culture and the Formation of Modern Russian National Identity, 1931–1956,* Harvard University Press: Cambridge, Mass. 2002

D. Brandenberger, «Stalin, the Leningrad Affair and the Limits of Postwar Russocentrism», *Russian Review,* № 63, April 2004

J. Brent and V.P. Naumov, *Stalin's Last Crime: The Plot against the Jewish Doctors, 1948–1953,* Harper Collins: New York 2003

R.J. Brody, *Ideology and Political Mobilisation: The Soviet Home Front during World War II,* The Carl Beck Papers in Russian and East European Studies № 1104, University of Pittsburgh, Pittsburgh, Penn. 1994

J. Brooks, *Thank You, Comrade Stalin! Soviet Public Culture from Revolution to Cold War,* Princeton University Press: Princeton NJ 2000
A. Bullock, *Stalin and Hitler,* Harper Collins: London 1991

J. Burds, *The Early Cold War in Soviet West Ukraine,* Carl Beck Papers in Russian and East European Studies, № 1505, January 2001

F.S. Burin, «The Communist Doctrine of the Inevitability of War», *American Political Science Review,* vol. 57, № 2, June 1963.

M.J. Carley, *1939: The Alliance That Never Was and the Coming of World War II,* Ivan R. Dee: Chicago 1999

M.J. Carley, «"A Situation of Delicacy and Danger": Anglo-Soviet Relations, August 1939 – March 1940», *Contemporary European History,* vol. 8, № 2, 1999

D. Carlton, *Churchill and the Soviet Union,* Manchester University Press: Manchester 2000

O.P. Chaney, *Zhukov,* University of Oklahoma Press: London 1996

J. Channon (ed.), *Politics, Society and Stalinism in the USSR,* Macmillan: London 1998

A. Chmielarz, «Warsaw Fought Alone: Reflections on Aid to and the Fall of the 1944 Uprising», *Polish Review,* vol. 39, № 4, 1994

A.O. Chubar'yan (ed.), *Voina i Politika, 1939–1941,* Moscow 1999

A.O. Chubar'yan and V.O. Pechatnov (eds), «Molotov "the Liberal": Stalin's 1945 Criticism of his Deputy», *Cold War History,* vol. 1, № 1, August 2000

J.M. Ciechanowski, *The Warsaw Rising of 1944,* Cambridge University Press: Cambridge 1974

A.M. Cienciala, «General Sikorski and the Conclusion of the Polish-Soviet Agreement, July 30, 1941», *Polish Review,* vol. 41, № 4, 1996

A.M. Cienciala, «New Light on Oskar Lange as an Intermediary between Roosevelt and Stalin in Attempts to Create a New Polish Government», *Acta Poloniae Historica,* № 73, 1996

D.S. Clemens, *Yalta* , Oxford University Press: Oxford 1970

M. Cox and C. Kennedy-Pipe, «The Tragedy of American Diplomacy: Rethinking the Marshall Plan», *Journal of Cold War Studies* , Spring 2005

И.А. Дамаскин, *Сталин и разведка* , Москва 2004

N. Davies, *Rising' 44: The Battle for Warsaw* , Pan Books: London 2004

S. Davies and J. Harris (eds), *Stalin,* Cambridge University Press: Cambridge 2003

L.E. Davis, *The Cold War Begins: Soviet-American Conflict over Eastern Europe,* Princeton University Press: Princeton NJ 1974

R.B. Day, *Cold War Capitalism: The View from Moscow, 1945–1975,* M.E. Sharpe: London 1995

D. De Santis, *The Diplomacy of Silence: The American Foreign Service, the Soviet Union and the Cold War, 1933–1947,* University of Chicago Press: Chicago 1979

I. Deutscher, *Stalin: A Political Biography,* Pelican: London 1966

L. Dobroszycki and J.S. Gurock (eds), *The Holocaust in the Soviet Union,* M.E. Sharpe: New York 1993

T. Dunmore, *Soviet Politics, 1945–53,* Macmillan: London 1984

D.J. Dunn, *Caught between Roosevelt and Stalin: America's Ambassadors to Moscow,* University Press of Kentucky: Lexington 1998

E. Duraczynski, «The Warsaw Rising: Research and Disputes Continue», *Acta Poloniae Historica,* № 75, 1997

Eric Duskin, *Stalinist Reconstruction and the Confirmation of a New Elite, 1945–1953,* Palgrave: London 2001

M. Dyczok, *The Grand Alliance and the Ukrainian Refugees,* Macmillan: London 2000

M. Edele, «Soviet Veterans as an Entitlement Group, 1945–1955», *Slavic Review,* vol. 65, № 1 2006

R. Edmonds, *The Big Three,* Penguin Books: London 1991

Н.И. Егорова и А.О. Чубарьян, *«Холодная война», 1945–1965,* Москва 2003

Н.И. Егорова и А.О. Чубарьян, *«Холодная война» и политика разрядки,* Москва 2003

J. Erickson, «Barbarossa: June 1941: Who Attacked Whom», *History Today,* July 2001

J. Erickson, *The Road to Berlin,* Weidenfeld & Nicolson: London 1983

J. Erickson, *The Road to Stalingrad,* Harper & Row: New York 1975

J. Erickson, «Threat Identification and Strategic Appraisal by the Soviet Union, 1930–1941» in E.R. May (ed.), *Knowing One's Enemies,* Princeton University Press: Princeton NJ 1984

J. Erickson and D. Dilks (eds), *Barbarossa: The Axis and the Allies,* Edinburgh University Press: Edinburgh 1994

Ф. Фалин, *Второй фронт,* Москва 2000

H. Feis, *Churchill – Roosevelt – Stalin,* Princeton University Press: Princeton NJ 1957

А.М. Филитов, «Нота 10 марта 1952 года: продолжающаяся дискуссия» в сборнике под ред. В.М. Туполева *Россия и Германия,* Москва 2004

D. Filitzer, *Soviet Workers and Late Stalinism,* Cambridge University Press: Cambridge 2002

I. Fleischhauer, «The Molotov – Ribbentrop Pact: The German Version», *International Affairs,* August 1991

M.H. Folly, *C* hurchill, Whitehall and the Soviet Union, 1940–1945, Macmillan 2000

J.L. Gaddis, *We Know Now: Rethinking Cold War History,Clarendon Press:* Oxford 1997

В. Гайдук и Н.И. Егорова (ред.), *Сталин и «холодная война»,* Москва 1997

В. Гайдук, Н.И. Егорова и А.О. Чубарьян (ред.), *Сталинское десятилетие «холодной войны»,* Москва 1999

M.P. Gallagher, *The Soviet History of World War II,* Frederick A. Praeger: New York 1963

М.А. Гареев, *Полководцы победы и их военное наследие,* Москва 2004

J. and C. Garrard (eds), *World War 2 and the Soviet People,* St. Martin's Press: New York 1993

R.L. Garthoff (ed.), *Sino-Soviet Military Relations,* Praeger: New York 1966

В. Гаврилов и Е. Горбунов, *Операция «Рамзай»,* Москва 2004

Л.Я. Гибианский, «Донесения югославского посла в Москве о оценках руководством СССР Потсдамской конференции и положения в Восточной Европе», *Славяноведение,* № 1, 1994

Л.Я. Гибианский, *Советский Союз и новая Югославия, 1941–*

1947, Москва 1987

Ю.С. Гиренко, *Сталин – Тито,* Москва 1991

D.M. Glantz, *Barbarossa: Hitler's Invasion of Russia 1941,* Tempus Publishing: Stroud 2001

D.M. Glantz, *The Battle for Leningrad, 1941–1944,* University Press of Kansas: Lawrence, Kansas 2002

D.M. Glantz, *Colossus Reborn: The Red Army at War, 1941–1943,* University Press of Kansas: Lawrence, Kansas 2005

D.M. Glantz, *Kharkov 1942: Anatomy of a Military Disaster through Soviet Eyes,* Ian Allan Publishing: Shepperton, Surrey 1998

D.M. Glantz, *Zhukov's Greatest Defeat: The Red Army's Epic Disaster in Operation Mars, 1942,* University Press of Kansas: Lawrence, Kansas 1999

D.M. Glantz and J. House, *When Titans Clashed: How the Red Army Stopped Hitler,* University Press of Kansas: Lawrence, Kansas 1995

M.E. Glantz, *FDR and the Soviet Union: The President's Battles over Foreign Policy,* University Press of Kansas: Lawrence, Kansas 2005

S.N. Goncharov et al., *Uncertain Partners: Stalin, Mao and the Korean War,* Stanford University Press: Stanford 1993

F. Gori and S. Pons (eds), *The Soviet Union and Europe in the Cold War, 1943–1953* Macmillan: London 1996

Ю. Горьков, *Государственный комитет обороны постановляет (1941–1945),* Москва 2002

Y. Gorlizki, «Ordinary Stalinism: The Council of Ministers and the Soviet Neopatrimonial State, 1945–1953», *Journal of Modern History,* vol. 74, № 4, 2002

Y. Gorlizki, «Party Revivalism and the Death of Stalin», *Slavic Review,* vol. 54, № 1, 1995

Y. Gorlizki, «Stalin's Cabinet: The Politburo and Decision Making in the Post-war Years, *Europe-Asia Studies,* vol. 53, № 2, 2001

Y. Gorlizki and O. Khlevniuk, *Cold Peace: Stalin and the Soviet Ruling Circle, 1945–1953,* Oxford University Press: Oxford 2004

G. Gorodetsky *, Grand Delusion: Stalin and the German Invasion of Russia* ,Yale University Press: New Haven 1999

G. Gorodetsky (ed.), *Soviet Foreign Policy, 1917–1991,* Frank Cass: London 1994

G. Gorodetsky, «The Soviet Union and the Creation of the State of Israel», *The Journal of Israeli History,* vol. 22, № 1, 2003

P.R. Gregory (ed.), *Behind the Facade of Stalin's Command Economy,* Hoover Institution Press: Stanford 2001

А.А. Громыко и др., *Борьба СССР в ООН за мир, безопасность и сотрудничество,* Москва 1986

J.T. Gross, *Revolution from Abroad: The Soviet Conquest of Poland's Western Ukraine and Western Belorussia,* Princeton University Press:

Princeton NJ 1988

W.G. Hahn, *Postwar Soviet Politics: The Fall of Zhdanov and the Defeat of Moderation, 1946–1953,* Cornell University Press: Ithaca, NY 1982

T.T. Hammond (ed.), *The Anatomy of Communist Takeovers* ,Yale University Press: New Haven 1975

M. Harrison, *Accounting for War: Soviet Production, Employment, and the Defence Burden, 1940–1945,* Cambridge University Press: Cambridge 1996

M. Harrison *, The Economics of World War II: Six Great Powers in International Comparison* , Cambridge University Press: Cambridge 1998

M. Harrison *, Soviet Planning in Peace and War 1938–1945* ,Cambridge University Press – Cambridge 1985

M. Harrison, «The USSR and the Total War: Why Didn't the Soviet Economy Collapse in 1942?» in R. Chickering et al. (eds), *A World at Total War: Global Conflict and the Politics of Destruction, 1939–1945,* Cambridge University Press: Cambridge 2005

T. Hasegawa, *Racing the Enemy: Stalin, Truman, and the Surrender of Japan,* Harvard University Press: Cambridge, Mass. 2005

J. Haslam, «Stalin's Fears of a Separate Peace, 1942», *Intelligence and National Security,* vol. 8, № 4, October 1993

J.S.A. Hayward, *Stopped at Stalingrad: The Luftwaffe and Hitler's Defeat in the East, 1942–1943* ,University Press of Kansas: Lawrence, Kansas 1998

P.G.H. Holdich, «A Policy of Percentages? British Policy and the Balkans after the Moscow Conference of October 1944» *, International History Review* ,February 1987

D. Holloway, «Jockeying for Position in the Postwar World: Soviet Entry into the War with Japan in August 1945» in T. Hasegawa (ed.), *Reinterpreting the End of the Pacific War: Atomic Bombs and the Soviet Entry into the War,* Stanford University Press: Stanford forthcoming

D. Holloway, *Stalin & the Bomb,* Yale University Press: New Haven 1994

G. Hosking, «The Second World War and Russian National Consciousness», *Past & Present,* № 175, 2002

J.M. House and D.M. Glantz, *The Battle of Kursk,* University Press of Kansas: Lawrence, Kansas 1999

История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945, в 6 т., Москва 1960–1964

История Второй мировой войны, 1939–1945, в 12 т., Москва 1973–1982

Р. Иванов *, Сталин и союзники, 1941–1945 гг.,* Смоленск 2000

Р.И. Иванов и Н.К. Петрова, *Общественно-политические силы*

СССР в годы войны, 1941–1945, Воронеж 1995

H. and M. James, «The Origins of the Cold War: Some New Documents», *Historical Journal,* vol. 37, № 3, 1994

G. Jukes, *Hitler's Stalingrad Decisions,* University of California Press: Berkeley 1985

G. Jukes, *Stalingrad: The Turning Point,* Ballantine Books: New York 1968

В. Карпов, *Генералиссимус, 2* тт., Москва 2003

C. Kennedy-Pipe, *Stalin's Cold War: Soviet Strategies in Europe, 1943–1956,* Manchester University Press: Manchester 1995

I. Kershaw and M. Lewin, *Stalinism and Nazism,* Cambridge University Press: Cambridge 1997

L. Kettenacker, «The Anglo-Soviet Alliance and the Problem of Germany, 1941–1945», *Journal of Contemporary History,* vol. 17, 1982

A. Knight, *Beria: Stalin's First Lieutenant,* Princeton University Press: Princeton NJ 1993

J. Knight, «Russia's Search for Peace: The London Council of Foreign Ministers, 1945», *Journal of Contemporary History,* vol. 13, 1978

A.J. Kochavi, «Anglo-Soviet Differences over a Policy towards War Criminals», *SEER,* vol. 69, № 3, July 1991

Т.Ю. Кочеткова, «Вопросы создания ООН и советская дипломатия», *Отечественная история,* № 1, 1995

Н.В. Кочкин, «Англо-советский союзный договор 1942 года и начало "холодной войны"», *Вопросы истории,* № 1, 2006

Н.В. Кочкин, «СССР, Англия, США и «турецкий кризис» 1945–1947 гг.», *Новая и новейшая история,* №. 3 2002

H. Kohn, «Pan-Slavism and World War II», *American Political Science Review,* vol. 46, № 3 1952

Н.Я. Комаров и Г.А. Куманев, *Блокада Ленинграда: 900 героических дней, 1941–1944* , Москва 2004

M. Korobochin, «Soviet Policy toward Finland and Norway, 1947–1949», *Scandinavian Journal of History,* vol. 20, № 3, 1995

В.В. Коровин, *Советская разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны,* Москва 2003

А. Кошкин, *Японский фронт маршала Сталина,* Москва 2004

G.V. Kostyrchenko, *Out of the Shadows: Anti-Semitism in Stalin's Russia,* Prometheus Books: New York 1995

Г.В. Костырченко, *Тайная политика Сталина,* Москва 2001

Е. Кульков и др., *Война, 1941–1945,* Москва 2004

Y. Lahav, *Soviet Policy and the Transylvanian Question (1940–1946),* Research Paper № 27, Soviet and East European Research Centre, Hebrew University of Jerusalem, July 1977

J. Laloy, «Le General de Gaulle et L'URSS, 1943–1945», *Revue*

d'istoire diplomatique, № 4, 1994

A. Lane and H. Temperley (eds), *The Rise and Fall of the Grand Alliance, 1941–1945,* Macmillan: London 1995

J. Laufer, «Die Stalin-Note vom 10. Marz 1952 im Lichte neuer Quellen», *Vierteljahrshefte fur Zeitgeschichte,* January 2004

Н. Лебедева, *Катынь,* Москва 1994

А.М. Ледовский , *СССР и Сталин в судьбах Китая,* Москва 1999

M.P. Leffler and D.S. Painter (eds), *Origins of the Cold War,* Routledge: London 2005

C. Leitz (ed.), *Spain in an International Context,* Berghahn Books: Oxford 1999

R.B. Levering, V.O. Pechatnov et al., *Debating the Origins of the Cold War: American and Russian Perspectives,* Rowman & Littlefield: Lanham, Maryland 2002

S.J. Linz (ed.), *The Impact of World War II on the Soviet Union,* Rowman & Allanheld 1985

W. Loth, «The Origins of Stalin's Note of 10 March 1952», *Cold War History,* vol. 4, № 2, January 2004

W. Loth, *Stalin's Unwanted Children: The Soviet Union, the German Question and the Founding of the GDR,* Palgrave: London 1998

R.C. Lukas, «The Big Three and the Warsaw Uprising», *Military Affairs,* vol. 39, № 3, 1975

D.J. Macdonald, «Communist Bloc Expansion in the Early Cold War», *International Security,* vol. 20, № 3, 1995/6

R.H. McNeal, «Roosevelt Through Stalin's Spectacles», *The International Journal,* vol. 2, № 18, 1963

R.H. McNeal, *Stalin: Man and Ruler,* Macmillan Press: London 1998

W.H. McNeill, *America, Britain and Russia: Their Co-operation and Conflict, 1941–1946,* Oxford University Press: London 1953

V.L. Mal'kov, «Domestic Factors in Stalin's Atomic Diplomacy» in P.M. Morgan and K.L. Nelson (eds), *Re-Viewing the Cold War, Domestic Factors and Foreign Policy in the East-West Confrontation,* Praeger: Westport, Conn. 2000

В.В. Марьина, «Советский Союз и Чехословакия, 1945 год», *Новая и новейшая история* № 3, 2001

В. Марьина, *Закарпатская Украина (Подкарпатская Русь) в политике Бенеша и Сталина,* Москва 2003

E. Mark, *Revolution by Degrees: Stalin's National-Front Strategy for Europe, 1941–1947,* Cold War International History Project Working Paper № 31, 2001

T. Martin, *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1929–1939,* Cornell University Press: Ithaca NY

2001

A.A. Maslov, «Forgiven by Stalin – Soviet Generals Who Returned from German Prisons in 1941–45 and Who Were Rehabilitated», *Journal of Slavic Military Studies,* vol. 12, № 2,June 1999

V. Mastny, *The Cold War and Soviet Insecurity: The Stalin Years,* Oxford University Press: Oxford 1996

V. Mastny, *NATO in the Beholder's Eye: Soviet Perceptions and Policies, 1949–1956,* Cold War International History Project Working Paper № 35, March 2002

V. Mastny, *Russia's Road to the Cold War,* Columbia University Press: New York 1979

J. Matthaus, «Operation Barbarossa and the Onset of the Holocaust» in C. Browning, *The Origins of the Final Solution,* University of Nebraska Press: Lincoln NB 2004

E. Mawdsley, «Crossing the Rubicon: Soviet Plans for Offensive War in 1940–1941», *International History Review,* December 2003

E. Mawdsley, *Thunder in the East: The Nazi-Soviet War, 1941–1945,* Hodder Arnold: London 2005

S. Mazov, «The USSR and the Former Italian Colonies, 1945–1950», *Cold War History,* vol. 3, № 3, April 2003

R. and Z. Medvedev, *The Unknown Stalin,* Overlook Press: Woodstock and New York 2004

Р. Медведев, *Сталин и еврейская проблема,* Москва 2003

М.И. Мельтюхов, «Народный фронт» для Финляндии? (К вопросу о целях советского руководства в войне с Финляндией 1939–1940 гг.), *Отечественная история,* № 3, 1993

М.И. Мельтюхов, «Операция «Багратион» и Варшавское восстание 1944 года», *Вопросы истории,* № 11, 2004

М.И. Мельтюхов, *Упущенный шанс Сталина,* Москва 2000

C. Merridale, *Ivan's War: The Red Army 1939–45,* Faber: London 2005

S. Merritt Miner, *Between Churchill and Stalin: The Soviet Union, Great Britain, and the Origins of the Grand Alliance,* University of North Carolina Press: Chapel Hill NC 1988

S. Merritt Miner, *Stalin's Holy War: Religion, Nationalism and Alliance Politics, 1941–1945,* University of North Carolina Press: Chapel Hill NC 2003

J.P. Morray, *From Yalta to Disarmament,* Monthly Review Press: New York 1961

G.P. Murashko, «Февральский кризис 1948 г. в Чехословакии и советское руководство», *Новая и новейшая история,* № 3, 1998

G.P. Murashko and A.F. Noskova, «Stalin and the National-Territorial Controversies in Eastern Europe, 1945–1947 (Parts 1 & 2)», *Cold War History,* vol. 1, № 3, 2001, vol. 2, № 1 2001

D. Murphy, *What Stalin Knew: The Enigma of Barbarossa,* Yale University Press: New Haven 2005

B. Murray, *Stalin, the Cold War and the Division of China,* Cold War International History Project Working Paper, 12 June 1995

М.Ю. Мягков (ред.), *Мировые войны XX века: Вторая мировая война (документы и материалы),* тт. 3–4, Москва 2002

М.Ю. Мягков, «СССР, США и проблема Прибалтики в 1941–1945 годах», *Новая и новейшая история,* № 1, 2005

N.M. Naimark, «Cold War Studies and New Archival Materials on Stalin», *Russian Review,* № 61 (January 2002)

N.M. Naimark, «Post-Soviet Russian History on the Emergence of the Soviet Bloc», *Kritika,* vol. 5, № 3, Summer 2004

N.M. Naimark, *The Russians in Germany: A History of the Soviet Zone of Occupation, 1945–1949,* Harvard University Press: Cambridge, Mass. 1995 N.M. Naimark, «Stalin and Europe in the Postwar Period, 1945–53», *Journal of Modern European History,* vol. 2, № 1, 2004

N. Naimark and L. Gibianskii (eds), *The Establishment of Communist Regimes in Eastern Europe, 1944–1949,* Westview Press: Boulder, Col. 1997

M.M. Narinskii, «Moscou et le Gouvernement provisoire du general de Gaulle», *Relations Internationales,* № 108, 2001

M.M. Narinskii et al. (eds), *Kholodnaya Voina,* Moscow 1995

J. Nevakivi, «A Decisive Armistice 1944–1947: Why Was Finland Not Sovietized?» *Scandinavian Journal of History,* vol. 19, № 2, 1994

V.A. Nevezhin, «The Pact with Germany and the Idea of an "Offensive War (1939–1941)"» *Journal of Slavic Military Studies,* vol. 8, № 4, 1995

Л.Н. Нежинский (ред.), *Советская внешняя политика в годы «холодной войны»,* Москва 1995

R. Nisbet, *Roosevelt and Stalin,* Regnery Gateway: Washington DC 1988

R. Overy, *The Dictators: Hitler's Germany and Stalin's Russia,* Allen Lane: London 2004

R. Overy, *Russia's War,* Penguin Books: London 1998

R. Overy, *Why the Allies Won,* Jonathan Cape: London 1995

S.D. Parrish and M.M. Narinsky, *New Evidence on the Soviet Rejection of the Marshall Plan, 1947,* Cold War International History Project Working Paper № 9, March 1994

T.G. Paterson, *Soviet-American Confrontation: Postwar Reconstruction and the Origins of the Cold War,* Johns Hopkins University Press: Baltimore 1973

V.O. Pechatnov, *«The Allies are Pressing on You to Break Your Will»: Foreign Policy Correspondence between Stalin and Molotov and other Politburo Members, September 1945 – December 1946,* Cold War

International History Project, Working Paper No. 26, September 1999

V.O. Pechatnov, *The Big Three after World War II: New Documents on Soviet Thinking about Postwar Relations with the United States and Great Britain,* Cold War International History Project Working Paper № 13, 1995

V. Pechatnov, «Exercise in Frustration: Soviet Foreign Propaganda in the Early Cold War, 1945–47», *Cold War History,* vol. 1, № 2, January 2001

В.О. Печатнов, «Московское посольство Аверелла Гарримана», *Новая и новейшая история,* № 3–4, 2002

V.O. Pechatnov, «The Rise and Fall of *Britansky Soyuznik* », *Historical Journal,* vol. 41, № 1, 1998

A. Perlmutter, *FDR & Stalin,* University of Missouri Press: Columbia 1993

П.В. Петров и В.Н. Степаков, *Советско-финляндская война, 1939–1940,* в 2 т., Санкт-Петербург 2003

Н.К. Петровка, *Антифашистские комитеты в СССР: 1941–1945 гг.,* Москва 1999

A. Phillips, *Soviet Policy Reconsidered: The Postwar Decade,* Greenwood Press: New York 1986

H. Piortrowski, «The Soviet Union and the Renner Government of Austria, April-November 1945», *Central European History,* vol. 20 № № 3/4, 1987

C. Pleshakov, *Stalin's Folly,* Houghton Mifflin: Boston 2005

E. Pollack, *Conversations with Stalin on Questions of Political Economy,* Cold War International History Project Working Paper № 33, July 2001

B. Ponomaryov et al. (eds), *History of Soviet Foreign Policy, 1945–1970,* Progress Publishers: Moscow 1973

S. Pons, *Stalin and the Inevitable War, 1936–1941,* Frank Cass: London 2002 S. Pons, «Stalin, Togliatti, and the Origins of the Cold War in Europe», *Journal of Cold War Studies,* vol. 3, № 2, Spring 2001

S. Pons and A. Romano, *Russia in the Age of Wars, 1914–1945,* Feltrinelli: Milan 2000

Л.В. Поздеева, *Лондон – Москва: британское общественное мнение и СССР,* Москва 2000

Л.В. Поздеева, «Советская пропаганда на Англию в 1941–1945 годах», *Вопросы истории,* № 7, 1998

R.C. Raack, *Stalin's Drive to the West, 1938–1945,* Stanford University Press: Stanford, CA 1995

G.D. Ra'anan, *International Policy Formation in the USSR: Factional «Debates» during the Zhdanovshchina,* Archon Books: Hamden, Conn. 1983

E. Radzinsky, *Stalin,* Hodder & Stoughton: London 1997

F.S. Raine, «Stalin and the Creation of the Azerbaijan Democratic Party in Iran, 1945», *Cold War History,* vol. 2, № 2, October 2001

D. Rayfield, *Stalin and his Hangmen,* Viking: London 2004

C. Read (ed.), *The Stalin Years,* Palgrave: London 2003

E. van Ree, *The Political Thought of Joseph Stalin: A Study in Twentieth Century Revolutionary Patriotism,* Routledge: London 2002

E. van Ree, *Socialism in One Zone: Stalin's Policy in Korea, 1945–1947,* Berg: Oxford 1989

R. Reese, *Stalin's Reluctant Soldiers,* University Press of Kansas: Lawrence, Kansas 1996

A. Resis, «The Churchill – Stalin Secret "Percentages" Agreement on the Balkans, Moscow, October 1944», *American Historical Review,* April 1978

A. Resis, «The Fall of Litvinov: Harbinger of the German-Soviet Non-Aggression Pact», *Europe-Asia Studies,* vol. 52, № 1, 2000

A. Resis, *Stalin, the Politburo, and the Onset of the Cold War, 1945–1946,* The Carl Beck Papers in Russian and East European Studies № 701, April 1988

D. Reynolds et al., *Allies at War: The Soviet, American and British Experience, 1939–1945,* Macmillan: London 1994

D. Reynolds, «The "Big Three" and the Division of Europe, 1945–1948», *Diplomacy & Statecraft,* vol. 1, № 2, 1990

D. Reynolds, *In Command of History: Churchill Fighting and Writing the Second World War,* Penguin Books: London 2005

D. Reynolds (ed.), *The Origins of the Cold War in Europe,* Yale University Press: New Haven 1994

A.J. Rieber, «Civil Wars in the Soviet Union», *Kritika,* vol. 4, № 1, Winter 2003

A.J. Rieber, «The Crack in the Plaster: Crisis in Romania and the Origins of the Cold War», *Journal of Modern History,* № 76, March 2004

A.J. Rieber, «Stalin: Man of the Borderlands», *American Historical Review,* № 5, 2001

A.J. Rieber, *Zhdanov in Finland,* Carl Beck Papers in Russian and East European Studies, № 1107, University of Pittsburgh, February 1995

C.A. Roberts, «Planning for War: The Red Army and the Catastrophe of 1941», *Europe-Asia Studies,* vol. 47, № 8, 1995

Дж. Робертс, «Черчилль и Сталин: эпизоды англо-советских отношений (сентябрь 1939 – июнь 1941 года)» в книге: А.О. Чубарьян (ред.), *Война и политика, 1939–1941,* Москва 1999

G. Roberts, «The Alliance that Failed: Moscow and the Triple Alliance Negotiations, 1939», *European History Quarterly,* vol. 26, № 3, 1996

G. Roberts, «Beware Greek Gifts: The Churchill – Stalin "Percentages Agreement" of October 1944», *Mir Istorii,* www/historia.ru/2003/01/roberts.htm

G. Roberts, «Ideology, Calculation and Improvisation: Spheres of Influence in Soviet Foreign Policy, 1939–1945», *Review of International Studies,* vol. 25, October 1999

G. Roberts, «From Non-Aggression Treaty to War: Documenting Nazi-Soviet Relations, 1939–1941», *History Review,* December 2001

G. Roberts, «Litvinov's Lost Peace, 1941–1946», *Journal of Cold War Studies,* vol. 4, № 2, 2002

G. Roberts, «Moscow and the Marshall Plan: Politics, Ideology and the Onset of Cold War, 1947», *Europe-Asia Studies,* vol. 46, № 8, 1994

G. Roberts, «Sexing up the Cold War: New Evidence on the Molotov – Truman Talks of April 1945», *Cold War History,* vol. 4, № 3, April 2004

G. Roberts, «Soviet Policy and the Baltic States, 1939–1940: A Reappraisal», *Diplomacy & Statecraft,* vol. 6, № 3, 1995

G. Roberts, *The Soviet Union and the Origins of the Second World War,* Macmillan: London 1995

G. Roberts, *The Soviet Union in World Politics: Revolution, Coexistence and the Cold War, 1945–1991,* Routledge: London 1998

G. Roberts (ed.), *Stalin – His Times and Ours,* Irish Association for Russian and East

European Studies: Dublin 2005

G. Roberts, «Stalin and Foreign Intelligence during the Second World War» in E. O'Halpin et al., *Intelligence, Statecraft and International Power,* Irish Academic Press: Dublin 2006

G. Roberts, «Stalin, the Pact with Nazi Germany and the Origins of Postwar Soviet Diplomatic Historiography», *Journal of Cold War Studies,* vol. 4, № 3, Summer 2002

G. Roberts, *The Unholy Alliance: Stalin's Pact with Hitler,* I.B. Tauris: London 1989

G. Roberts, *Victory at Stalingrad: The Battle That Changed History,* Pearson/Longman: London 2002

W.R. Roberts, *Tito, Mihailovic and the Allies, 1941–1945,* Rutgers University Press: New Brunswick NJ 1973

N.E. Rosenfeldt et al. (eds), *Mechanisms of Power in the Soviet Union,* Macmillan: London 2000

L. Rotundo, «Stalin and the Outbreak of War in 1941», *Journal of Contemporary History,* vol. 24, 1989

L. Rotundo (ed.), *Battle for Stalingrad: The 1943 Soviet General Staff Study,* Pergamon-Brassey's: London 1989

И.В. Рубцов, *Маршалы Сталина,* Москва 2006

L. Rucker, *Moscow's Surprise: The Soviet-Israeli Alliance of 1947–*

1949, Cold War International History Project Working Paper № 46

Е.В. Русакова, *Полководцы,* Москва 1995

О.А. Ржешевский, «Последний штурм: Жуков или Конев», *Мир истории* http://gpw.tellur.ru

О.А. Ржешевский (ред.), *Вторая мировая война,* Москва 1995

О.А. Ржешевский и О. Вехвиляйнен (ред.), *Зимняя война 1939–1940,* т. 1, Москва 1999

В.П. Сафронов, *СССР – США – Япония в годы «холодной войны» 1945–1960 гг.,* Москва 2003

K. Sainsbury, *The Turning Point,* Oxford University Press: Oxford 1986

H.E. Salisbury, *The 900 Days: The Siege of Leningrad,* Avon Books: New York 1970

А.М. Самсонов, *Сталинградская битва,* 4-е изд., Москва 1989

G. Sanford, «The Katyn Massacre and Polish-Soviet Relations, 1941–1943», *Journal of Contemporary History,* vol. 21, № 1, 2006

D. Sassoon, «The Rise and Fall of West European Communism, 1939–1948», *Contemporary European History,* vol. 1, № 2, 1992

A. Seaton, *Stalin as a Military Commander,* Combined Publishing: Conshohocken, PA 1998

S. Sebag Montefiore, *Stalin: The Court of the Red Tsar,* Weidenfeld 8c Nicolson: London 2003

A. Sella, «"Barbarossa": Surprise Attack and Communication», *Journal of Contemporary History,* vol. 13, 1978

Е.С. Сенявская, *1941–1945: фронтовое поколение,* Москва 1995

О.В. Серова, *Италия и антигитлеровская коалиция, 1943–1945,* Москва 1973

R. Service, *Stalin: A Biography,* Macmillan: London 2004

Г.Н. Севостьянов (ред.), *Война и общество, 1941–1945,* в 2 т., Москва 2004

S.L. Sharp, «People's Democracy: Evolution of a Concept», *Foreign Policy Reports,* vol. 26, January 1951

H. Shukman (ed.), *Redefining Stalinism,* Frank Cass: London 2003

H. Shukman (ed.), *Stalin's Generals,* Phoenix Press: London 1997

M.D. Shulman, *Stalin's Foreign Policy Reappraised,* Harvard University Press: Cambridge, Mass. 1963

Н. Симонов, *Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы,* Москва 1996

V. Sipols, *The Road to Great Victory,* Progress Publishers: Moscow 1984

В.Н. Славинский, *Ялтинская конференция и проблемы «северных территорий»,* Москва 1996

С.З. Случ, «Речь» Сталина, которой не было», *Отечественная история,* № 1, 2004

Н.Д. Смирнова, «Греция в политике США и СССР, 1945–1947», *Новая и новейшая история,* № 5, 1997

B.F. Smith, *Sharing Secrets with Stalin: How the Allies Traded Intelligence, 1941–1945,* University Press of Kansas: Lawrence, Kansas 1996

T. Snyder, «"To Resolve the Ukrainian Problem Once and for All": The Ethnic Cleansing of Ukrainians in Poland, 1943–1947», *Journal of Cold War Studies,* vol. 1, № 2, Spring 1999

Б.В. Соколов, *Георгий Жуков,* Москва 2004

Б.В. Соколов, *Молотов,* Москва 2005

B.V. Sokolov, «The Role of Lend-Lease in Soviet Military Efforts, 1941–1945», *Journal of Slavic Military Studies,* vol. 7, № 3 1994

В.В. Соколов, «И.М. Майский между И.В. Сталиным и У. Черчиллем в первые месяцы войны», *Новая и новейшая история,* № 6, 2001

W.J. Spahr, *Stalin's Lieutenants: A Study of Command under Stress,* Presidio Press: Novato, Calif. 1997

Л.М. Спирин, «Сталин и война», *Вопросы истории КПСС,* май 1990

P. Spriano, *Stalin and the European Communists,* Verso: London 1985

P.J. Stavrakis, *Moscow and Greek Communism, 1944–1949,* Cornell University Press: New York 1989

R. Steininger, *The German Question and the Stalin Note of 1952,* Columbia University Press: New York 1990

R.W. Stephan, *Stalin's Secret War: Soviet Counterintelligence against the Nazis, 1941–1945,* University Press of Kansas: Lawrence, Kansas 2004

W. Stivers, «The Incomplete Blockade: Soviet Zone Supply of West Berlin, 1948–1949», *Diplomatic History,* vol. 21, № 4, Fall 1997

О.Ф. Сувениров, *Трагедия РККА, 1937–1939,* Москва 1998

Victor Suvorov, *Icebreaker: Who Started the Second World War,* Hamish Hamilton: London 1990

G. Swain, «The Cominform: Tito's International?», *Historical Journal,* vol. 35, № 3, 1992

G. Swain, «Stalin's Wartime Vision of the Postwar World», *Diplomacy & Statecraft,* vol. 7, № 1, 1996

W. Taubman, *Stalin's American Policy: From Entente to Ditente to Cold War,* W.W. Norton: New York 1982

R.W. Thurston and B. Bonwetsch (eds), *The People's War: Responses to World War II in the Soviet Union,* University of Illinois Press: Urbana and Chicago 2000

J. Tomaszewski, *The Socialist Regimes of Eastern Europe: Their Establishment and Consolidation, 1944–1967,* Routledge: London 1989

P. Tsakaloyannis, «The Moscow Puzzle», *Journal of Contemporary History,* vol. 21 (1986)

A.B. Ulam, *Titoism and the Cominform,* Harvard University Press: Cambridge, Mass. 1952

T.J. Uldricks, «The Icebreaker Controversy: Did Stalin Plan to Attack Hitier?» *Slavic Review,* vol. 58, № 3, Fall 1999

A.A. Ulunian, «Soviet Cold War Perceptions of Turkey and Greece, 1945–58», *Cold War History,* vol. 3, № 2, January 2003

R. van Dijk, *The Stalin Note Debate: Myth or Missed Opportunity for German Unification,* Cold War International History Project Working Paper № 14, May 1996

C. van Dyke, *The Soviet Invasion of Finland, 1939–1940,* Frank Cass: London 1997

A. Varsori and E. Calandri (eds), *The Failure of Peace in Europe, 1943–48,* Palgrave: London 2002

А.И. Вдовин, «Национальный вопрос и национальная политика в СССР в годы Великой Отечественной войны», *Вестник Московского университета: Серия 8: История,* № 5, 2003

В.В. Вешанов, *Год 1942 – «Учебный»,* Минск 2002

D. Volkogonov, *Stalin: Triumph and Tragedy,* Phoenix Press: London 2000

Т.В. Волокитина и др. (ред.), *Москва и Восточная Европа: Становление политических режимов советского типа, 1949–1953,* Москва 2002

S. Walsh, *Stalingrad 1942–1943,* St. Martin's Press: New York 2000

W. Wanger, *The Genesis of the Oder-Neisse Line,* Brentano-Verlag: Stuttgart 1957

D. Watson, *Molotov: A Biography,* Palgrave Macmillan: London 2005

D. Watson, «Molotov's Apprenticeship in Foreign Policy: The Triple Alliance Negotiations in 1939», *Europe-Asia Studies,* vol. 52, № 4, 2000

K. Weathersby, *Should We Fear This?» Stalin and the Danger of War with America* , Cold War International History Project Working Paper № 39, July 2002

A.L. Weeks, *Stalin's Other War: Soviet Grand Strategy, 1939–1941,* Rowman & Littlefield: Oxford 2002

A. Weiner, *Making Sense of War: The Second World War and the Fate of the Bolshevik Revolution,* Princeton University Press: Princeton NJ 2001

A. Werth, *Russia at War, 1941–1945,* Pan Books: London 1964

A. Werth, *Russia: The Postwar Years,* Robert Hale: London 1971

A. Werth, *The Year of Stalingrad,* Hamish Hamilton: London 1946

O.A. Westad, *Brothers in Arms: The Rise and Fall of the Sino-Soviet Alliance, 1945–1963,* Stanford University Press: Stanford 1998

G. Wettig, «Stalin and German Reunification» *, Historical Journal,* vol. 37, № 2, 1994

B. Whaley, *Codeword Barbarossa,* MIT Press: Cambridge, Mass. 1973

J.L. Wieczynski (ed.), *Operation Barbarossa,* Charles, Schlacks: Salt Lake City 1993

W.C. Wohlforth, *The Elusive Balance: Power and Perceptions during the Cold War,* Cornell University Press: Ithaca NY 1993

N.I. Yegorova, *The Iran Crisis» of 1945–1946: A View from the Russian Archives,* Cold War International History Project Working Paper № 15, May 1996

М. Захаров, *Финал: историко-мемуарный очерк о разгроме империалистической Японии в 1945 году,* Москва 1969

М.В. Захаров, *Генеральный штаб в предвоенные годы,* Москва 1989 (новое издание 2005)

J. Zarusky (ed.), *Die Stalin-Note vom 10 Marz 1952,* Munich 2002

И.Н. Земсков, *Дипломатическая история второго фронта в Европе,* Москва 1982

E.F. Ziemke and M.E. Bauer, *Moscow to Stalingrad: Decision in the East,* Center of Military History, US Army: Washington DC 1987

В.А. Золотарев, *Великая Отечественная: история великой победы,* Москва 2005

В.А. Золотарев и др. (ред.), *Великая Отечественная война 1941–1945,* в 4 т., Москва 1998–1999

Е. Зубкова, *Послевоенное советское общество,* Москва 2000

E. Zubkova, *Russia after the War,* M.E. Sharpe: New York 1998

E. Zubkova, «The Soviet Regime and Soviet Society in the Postwar Years: Innovations and Conservatism, 1945–1953», *Journal of Modern European History,* vol. 2, № 1, 2004

V.M. Zubok, «Stalin and the Nuclear Age» in J.L. Gaddis et al. (eds), *Cold War Statesmen Confront the Bomb: Nuclear Diplomacy since 1945,* Oxford University Press: Oxford 1999

V. Zubok and C. Pleshakov, *Inside the Kremlin's Cold War,* Harvard University Press: Cambridge, Mass. 1996

Иллюстрации

...

На улицах осажденного Ленинграда

...

Попытки отбить первые удары врага

...

Дети Ленинграда

...

Дорога жизни – с сентября 1941 г. по март 1943 г. связывала блокадный Ленинград со страной

...

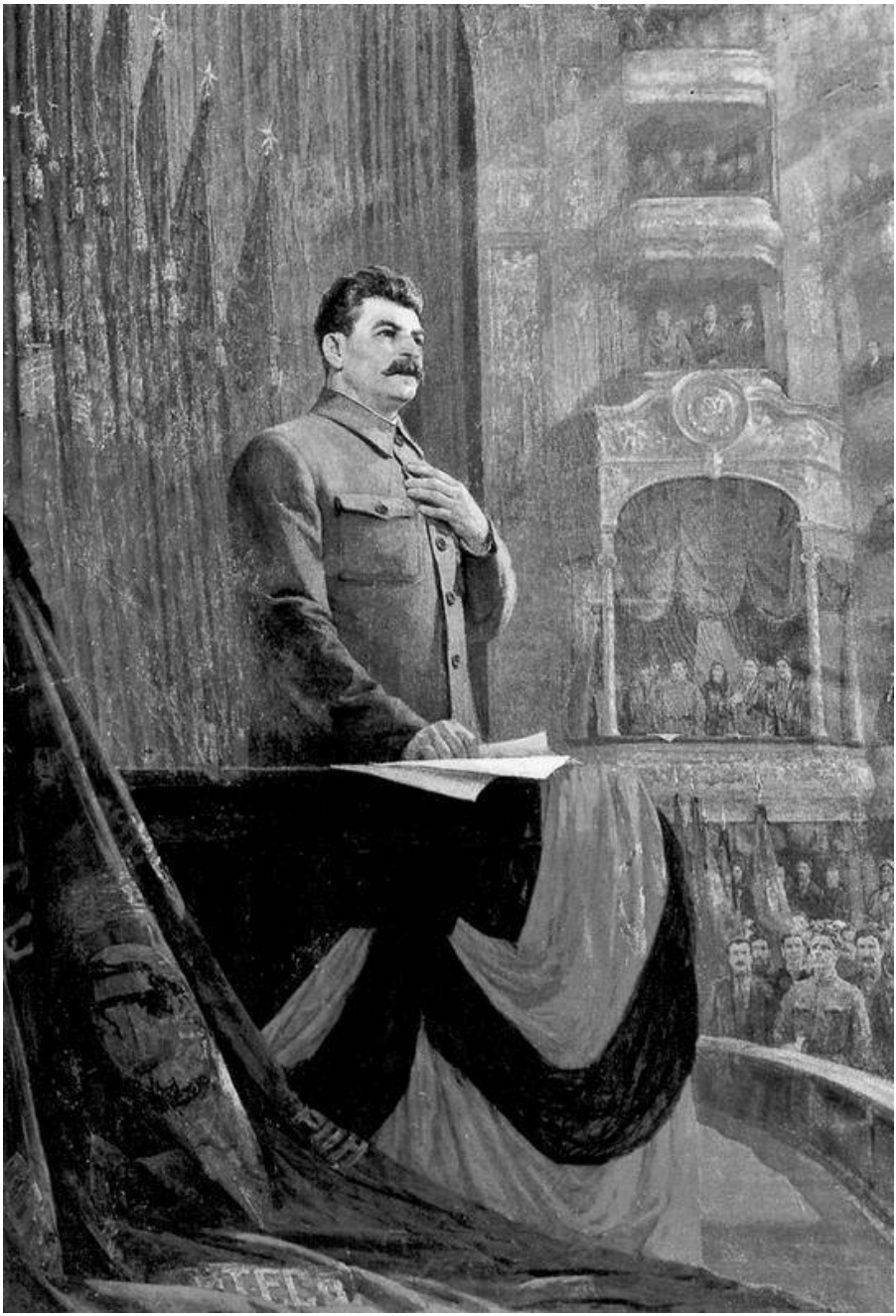
И.В. Сталин и С.М. Киров в Смольном 1927 г.

...

Строительство Беломорско-Балтийского канала

...

Г. Щегал. Вождь, учитель и друг (И.В. Сталин в Президиуме II съезда колхозников-ударников) (фрагмент)



...

Ф. Решетников. Клятва (Речь И.В. Сталина на II Всесоюзном съезде Советов 26 января 1924 г.)

(фрагмент)

...

Выборы в Верховный Совет СССР. И. Сталин, К. Ворошилов и Н. Ежов на 58-м избирательном участке

...

В. Вихтинский, Б. Жуков, Е. Левин, Л. Шматько. Во имя мира (подписание договора о дружбе, союзе и взаимопомощи между Советским Союзом и Китайской Народной Республикой (фрагмент)

...

И.В. Сталин. (одна из последних фотографий)

...

Подписание Пакта Молотова – Риббентропа, 1939 г.

...

Участники Крымской конференции среди военных специалистов. Слева направо: У. Черчилль, Ф. Рузвельт, И.В. Сталин

...

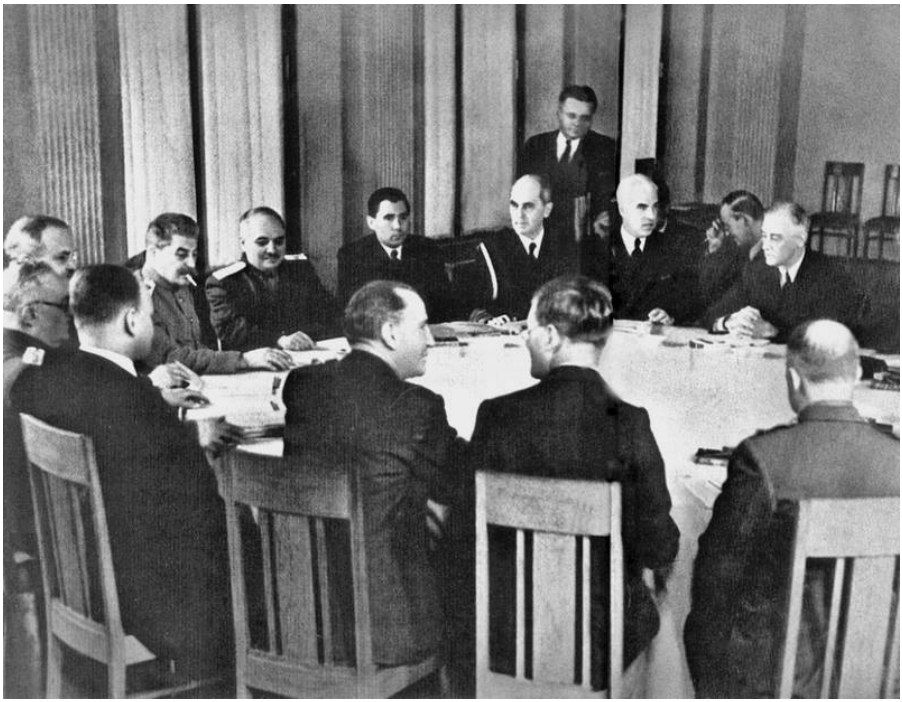
Черчилль, Рузвельт и Сталин (слева направо) на Ялтинской конференции в феврале 1945 г.

...

И.В. Сталин, Ф. Рузвельт, У. Черчилль на Тегеранской конференции

...

Председатель Совета министров СССР И.В. Сталин и президент США Г. Трумэн на Потсдамской (Берлинской) конференции. Июль 1945 г.



...

Потсдамская конференция

...

Британский премьер-министр сэр Уинстон Черчилль

Adolf Hitler

...

Поверженные знамена гитлеровской Германии на Параде Победы

...

Дуайт Д. Эйзенхауэр, верховный главнокомандующий экспедиционными силами Союзников

...

Шапошников Борис Михайлович,
Маршал Советского Союза

HARRIS & EWING

...

Корделл Хэлл, государственный секретарь США

...

Иосип Броз Тито, Верховный главнокомандующий народно-освободительной армии Югославии

...

Чан Кайши, главнокомандующий вооруженными силами и председатель Центрального исполнительного комитета Гоминьдана

...

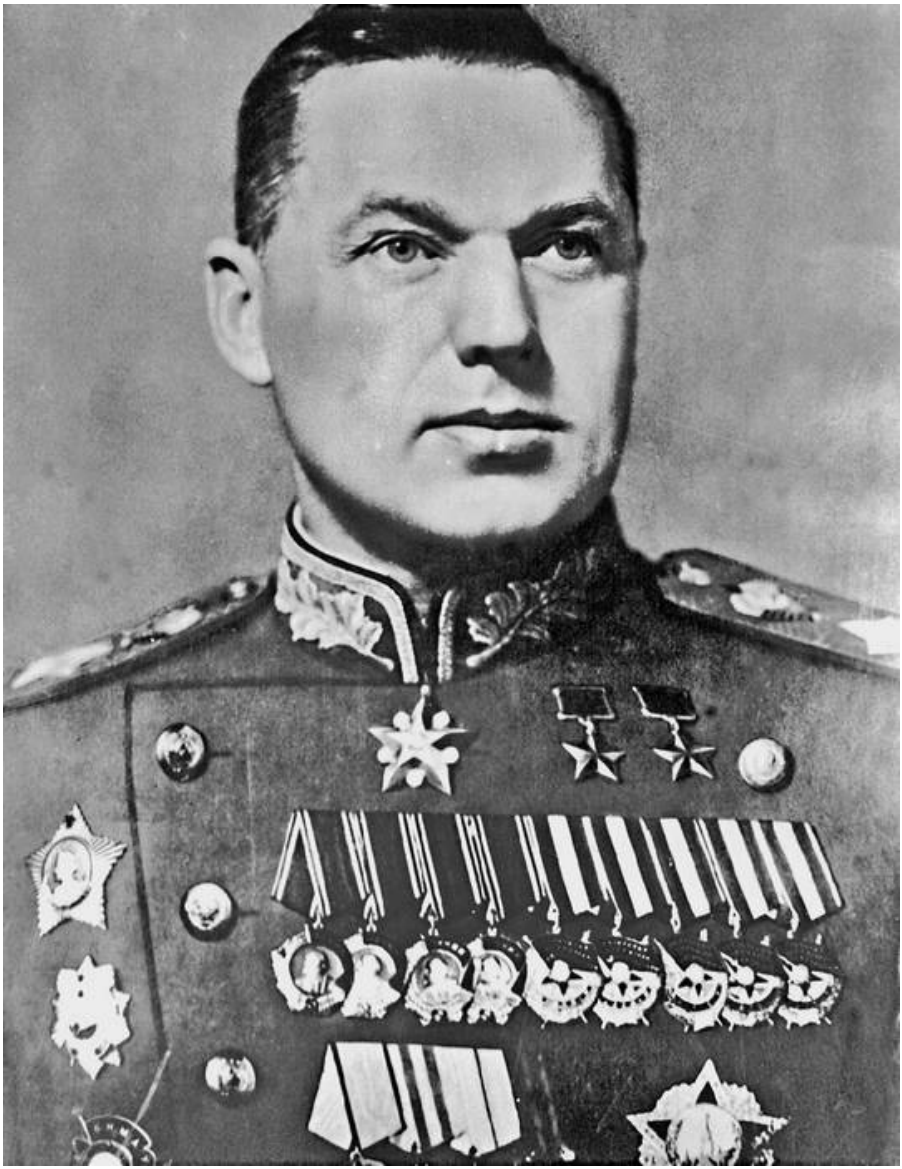
Конев Иван Степанович, командующий 1-м Украинским фронтом

...

Дуглас МакАртур, главнокомандующий вооруженными силами США на Тихом океане

...

Президент США Франклин Рузвельт



...

Рокоссовский Константин Константинович, командующий 2-м Белорусским фронтом

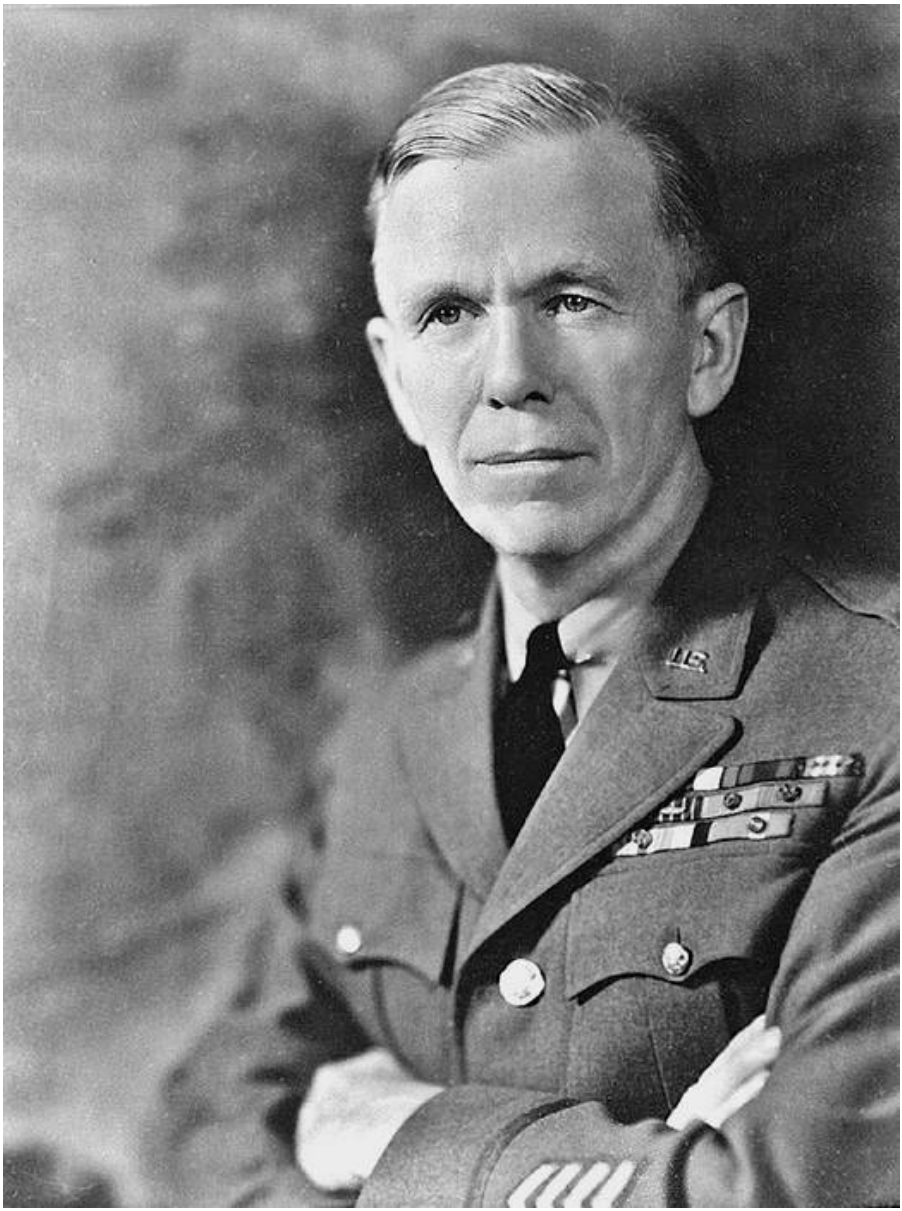
...

Тимошенко Семен Константинович, главнокомандующий войсками Западного направления, заместитель

наркома обороны

...

Маленков Георгий Максимилианович, секретарь ЦК ВКП(б)



...

Маршалл Джордж, начальник

штаба армии США, автор плана экономической помощи странам Европы

...

Андрес Владислав, командующий польскими войсками на Западе

...

Баграмян Иван Христоворович, командующий 3-м Белорусским фронтом

...

Председатель Центрального революционного военного комитета и ЦК Коммунистической партии Китая

...

Молотов Вячеслав Михайлович,
нарком иностранных дел СССР

...

Берия Лаврентий Павлович, нарком внутренних дел и заместитель председателя СНК

...

Фюрер и рейхсканцлер нацистской Германии

...

Василевский Александр Михайлович, начальник Генштаба РККА

...

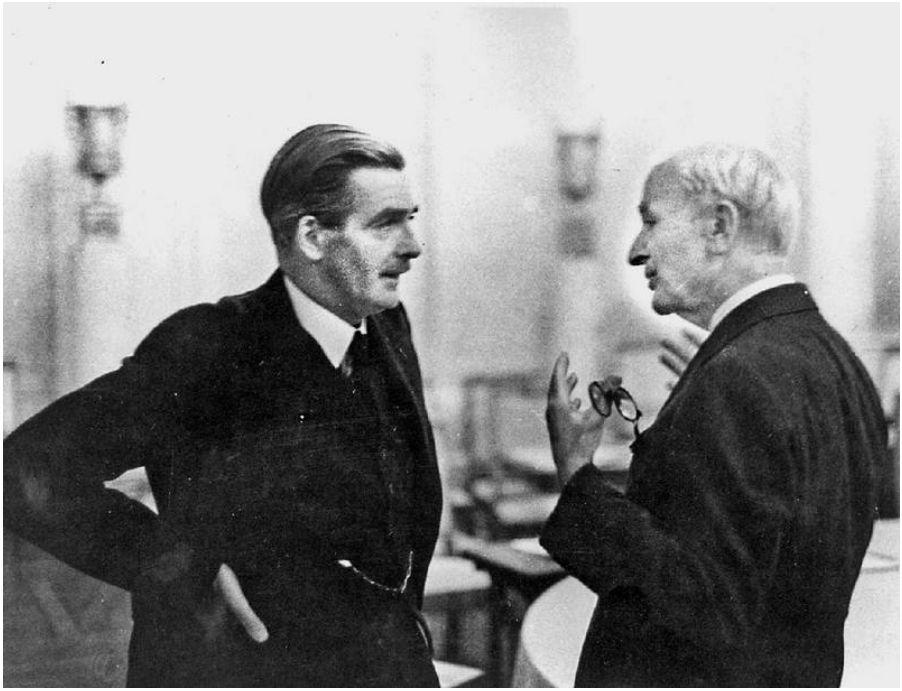
Жуков Георгий Константинович, заместитель Верховного главнокомандующего

...

Жуков Георгий Константинович

...

Бур-Комаровский Тадеуш,
главнокомандующий Армией
Крайовой



...

Энтони Иден, британский государственный секретарь по иностранным делам

...

Монтгомери Бернард,
командующий 21-й группой армий